

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 0130-3864

В НОМЕРЕ:

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ДЕВИЗА
ИТАЛЬЯНСКИМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ В НАЧАЛЕ XVII века**

**САКСОНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВТОРОЙ
СИЛЕЗСКОЙ ВОЙНЫ (август–октябрь 1744 года)**

**«ОТВЕРЖЕННЫЕ» ДЕТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КАНАДЕ:
МИГРАЦИОННАЯ ПРОГРАММА МЭРИ РАЙ**

**ВОЕННЫЕ ЦЕЛИ И ПЛАНЫ ПАНГЕРМАНСКОГО СОЮЗА В
ВОСПОМИНАНИЯХ ГЕНРИХА КЛАССА**

**КРИЗИС ЛОЯЛЬНОСТИ И ОБОРОНА ИМПЕРИИ В ОЦЕНКАХ
БРИТАНСКОГО ВОЕННОГО КЛАССА: КОЛОНИАЛЬНАЯ АРМИЯ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

**АКАДЕМИЯ НАУК И НОВЫЕ ПОДХОДЫ
К ПЛАНИРОВАНИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В СССР
(конец 1950-х – начало 1960-х годов)**

**НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ
И СТУДЕНТОВ В АЛЖИРЕ в 1965 году**

**РЕЖИМ ОМАРА ТОРРИХОСА В ПАНАМЕ В 1968–1981 годах
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ**

**БЕЖЕНЦЫ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ КОНФЛИКТАХ: НА ПРИМЕРЕ
СЬЕРРА-ЛЕОНЕ (1991–2002)**

**1
2024**

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 1
ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ**

2024

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор **В.С. Мирзеханов**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Одд Арне Вестад (США), **А.Б. Давидсон** (Россия), **Штефан Карнер** (Австрия),
Николаус Катцер (Германия), **Доминик Ливен** (Великобритания), **Г.Ф. Матвеев** (Россия),
В.С. Мясников (Россия), **В.В. Наумкин** (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), **А.О. Чубарьян** (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), **Л.С. Белоусов** (Россия), **Д.М. Бондаренко** (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), **Владислав Зубок** (Великобритания), **Суви Кансикас** (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), **М.А. Липкин** (Россия), **Леонид Люкс** (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), **Мари-Пьер Рей** (Франция),
Дональд Рейли (США), **Л.П. Репина** (Россия), **И.М. Савельева** (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), **В.В. Согрин** (Россия), **Грегори Фриз** (США), **Б.Л. Хавкин** (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), **Франтишек Штеллнер** (Чехия)

Ответственный секретарь **И.А. Фадеев**

*Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru*

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 1

JANUARY – FEBRUARY

2024

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL OF EDITORS

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Nikolaus Katzer (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A

Web-site: <http://nni.jes.su>

e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ**ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ**

- Малкин С.Г.** Кризис лояльности и оборона империи в оценках британского военного класса: колониальная армия в межвоенный период 7

НОВОЕ ВРЕМЯ

- Букин Д.С.** Окрашивая страну в нативные цвета: антикварные проекты Джона Лиланда в контексте имперского и национального строительства Англии 30–40-х годов XVI века .. 21
- Елохин К.А., Цыганова Л.А.** Интерпретация изобразительного девиза итальянскими интеллектуалами в начале XVII века 36
- Зябриков В.В.** Саксонская дипломатия в первые месяцы Второй Силезской войны (август–октябрь 1744 года) 50
- Яблонская О.В.** «Отверженные» дети Великобритании в Канаде: миграционная программа Мэри Рай 67
- Турьгин А.А.** Военные цели и планы Пангерманского союза в воспоминаниях Генриха Класса (1868–1953) 78

XX ВЕК

- Ходнев А.С.** «Насколько неэффективным является существующий Международный офис здравоохранения»: проблемы создания Организации здравоохранения Лиги Наций 93
- Сафронов А.В.** Академия наук и новые подходы к планированию народного хозяйства в СССР (конец 1950-х – начало 1960-х годов) 103
- Талгангов Л.** Несостоявшийся Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Алжире в 1965 году 118
- Окунев А.Ю.** Режим Омара Торрихоса в Панаме в 1968–1981 годах и экономическая интеграция Латинской Америки 126
- Шалимов С.В.** Советско-французские научные связи в области молекулярной биологии и биохимии в первой половине 1970-х годов 135
- Абдалла М.М.Э.** Советско-египетские отношения (1970–1973) 148

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Шпилов А.Ю.** Беженцы в трансграничных конфликтах: на примере Сьерра-Леоне (1991–2002) 161

ПУБЛИКАЦИИ

- Ковалев М.В., Мирзаханов В.С.** «Наше внимание к Ирану как стране-соседу, безусловно, должно быть резко повышено». Документы о пребывании делегации Верховного Совета СССР в Иране (январь 1968 года) 173

СООБЩЕНИЯ

- Филимонова М.А.** Фридрих-Вильгельм фон Штойбен: адъютант Фридриха Великого в армии Вашингтона 196
- Ананьев В.Г., Вахромеева О.Б.** Два первых директора Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе: траектории судеб до, во время и после культурной революции 208

РЕЦЕНЗИИ

- Улуния А.А.** Французский прорыв на Балканы (Г. Пеев. Военни аспекти на българо-френските отношения от 1878 до 1918 година. София, 2023) 228
- Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю.** Польские дипломаты о положении католической церкви в СССР (Bolszewicy w walce z religią. Kościół rzymskokatolicki w Związku Sowieckim w polskich dokumentach dyplomatycznych 1922–1938 / Redakcja naukowa R. Dzwonkowski, A. Szabaciuk. Warszawa, 2021) 233

Фельдман М.А. Уникальное исследование экономики СССР в годы второй пятилетки
(R.W. Davies. Industrialization of Soviet Russia. Vol. 6. Years of Progress: Soviet Economy,
1934–1936. Basingstoke, 2014) 236

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кузьмина М.В. Международная конференция «Россия между Западом и Востоком: диалог и
противостояние цивилизаций» 244

Памяти ушедших

Памяти Элен Каррер д'Анкосе 247
Иванов Н.С. Памяти Евгения Александровича Ларина 248

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

- Malkin S.G.** Crisis of Loyalty and the Defense of Empire in the Estimates of the British Military Class: Colonial Army During the Inter-War Period 7

MODERN HISTORY

- Bukin D.S.** Painting the Nation in its Native Colours: John Leland's Antiquarian Projects in the Context of Imperial and National Building of England, 1530–1540 21
- Elokhin K.A., Tsyganova L.A.** Interpretation of the Badges by Italian Intellectuals at the Beginning of the Seventeenth Century 36
- Zyabrikov V.V.** Saxon Diplomacy in the First Months of the Second Silesian War (August/October 1744) 50
- Yablonskaya O.V.** "Les Miserables" Children of Great Britain in Canada: Maria Rye's Migration Programme 67
- Turygin A.A.** Military Goals and Plans of the "Pan-German League" in the Memories of Heinrich Claß (1868–1953) 78

TWENTIETH CENTURY

- Khodnev A.S.** "How Ineffective is the Existing International Health Office": Problems in the Creation of the Health Organization of the League of Nations 93
- Safronov A.V.** Academy of Sciences and New Approaches to Economic Planning in the USSR (late 1950s – early 1960s) 103
- Taltangov L.** The Failed World Festival of Youth and Students in Algiers in 1965 118
- Okunev A.Y.** Omar Torrijos Regime in Panama 1968–1981 and the Economic Integration of Latin America 126
- Shalimov S.V.** Soviet-French Scientific Relationships in the Field of Molecular Biology and Biochemistry in the First Half of the 1970s 135
- Abdalla M.M.E.** Soviet-Egyptian Relations (1970–1973) 148

CONTEMPORARY HISTORY

- Shipilov A.Yu.** Refugees in Trans-Border Conflict: The Case of Sierra Leone, 1991–2002 161

ANALYSING ORIGINAL DOCUMENTS

- Kovalev M.V., Mirzekhanov V.S.** "Our Attention to Iran, as a Neighboring Country, Should Certainly be Sharply Increased": the Documents on the Visit of the Delegation of the Supreme Soviet of the USSR to Iran, January 1968 173

MESSAGES

- Filimonova M.A.** Friedrich Wilhelm von Steuben: Aide-de-camp to Frederick the Great in Washington's Army 196
- Ananiev V.G., Vakhromeeva O.B.** The First Two Directors of the Anti-Religious Museum in the St. Isaac's Cathedral: Trajectory of Lives Before, During and After Cultural Revolution 208

REVIEWS

- Ulunyan A.A.** French Breakthrough in the Balkans (G. Peev. Military Aspects of Bulgarian-French Relations Since 1878 Till 1918. Sofiya, 2023) 228
- Matveev G.F., Matveeva E.Yu.** Polish Diplomats on the Situation of the Catholic Church in the USSR (Bolszewicy w walce z religią. Kościół rzymskokatolicki w Związku Sowieckim w polskich dokumentach dyplomatycznych 1922–1938 / Redakcja naukowa R. Dzwonkowski, A. Szabaciuk. Warszawa, 2021) 233

Feldman M.A. Unique Study of the USSR Economy in the Years the Second Five-Year Plan (R.W. Davies. Industrialization of Soviet Russia. Vol. 6. Years of Progress: Soviet Economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014)	236
--	-----

ACADEMIC LIFE

Kuzmina M.V. International Conference “Russia Between West and East: Dialogue and Confrontation of the Civilizations”	244
--	-----

In Memoriam

In Memory of Hélène Carrère d’Encausse	247
Ivanov N.S. In Memory of Evgeny Alexandrovich Larin	248

DOI: 10.31857/S0130386424010018

© 2024 г. С.Г. МАЛКИН

КРИЗИС ЛОЯЛЬНОСТИ И ОБОРОНА ИМПЕРИИ В ОЦЕНКАХ БРИТАНСКОГО ВОЕННОГО КЛАССА: КОЛОНИАЛЬНАЯ АРМИЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Малкин Станислав Геннадьевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения исторического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия).

E-mail: s.g.malkin@mail.ru

Scopus Author ID: 57193670318; ORCID: 0000-0001-9522-7926; Researcher ID: F-1650-2016

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011.

Аннотация. В межвоенный период одновременно три мощных идеологических фактора — национализм, панисламизм и коммунизм — подтачивали власть метрополий на зависимых территориях. За этим фасадом, как полагали в Дели, Симле, Иерусалиме, Каире и Лондоне, скрывались враждебные интересы других государств. Заморские владения рассматривались одновременно как источники силы (экономика, международный авторитет) и слабости (отвлечение ресурсов в связи с убежденностью руководства в наличии эвентуальной внешней угрозы). В историографии Британской империи исследуется, как колониальные администрации и метрополия реагировали на вызовы, обусловленные перспективами соединения кризисов лояльности и обострения международной конкуренции в единую проблему обеспечения колониального порядка после Первой мировой войны. Открытым остается вопрос, как на эту угрозу смотрели сами представители военного класса. В статье показано, что в этой связи вопрос институционализации колониальной армии являлся одним из ключевых для армейской корпорации в рамках профессиональной дискуссии. В какой мере *esprit de corps* британской армии имел имперский характер с точки зрения ее администрирования и публичной презентации? Воспринималась ли колониальная служба как приоритетная по отношению к участию в конвенциональном конфликте при подготовке офицерского корпуса? Как предполагалось решать проблему роста обязательств армии по подавлению антиколониальных протестов (в том числе в форме полномасштабной партизанской войны) на фоне обострения международных отношений, финансового дефицита и кадрового голода? В какой мере логика развития военного мышления и корпоративные интересы отражали эволюцию моделей колониального управления после Первой мировой войны? Как показывают результаты представленного исследования, эти вопросы не только конституировали внутри- и межведомственные дискуссии по указанной теме. Их участники оказывали влияние на трансформацию более широкого дискурсивного поля, в рамках которого обсуждались перспективы развития Британской империи как таковой.

Ключевые слова: Великобритания, Британская империя, Первая мировая война, армия, вооруженные силы, колонии, подмандатные территории, историография, империи, межвоенный период.

S.G. Malkin

Crisis of Loyalty and the Defense of Empire in the Estimates of the British Military Class: Colonial Army During the Inter-War Period

Stanislav Malkin, Samara State University of Social Studies and Education (Samara, Russia).

E-mail: s.g.malkin@mail.ru

Scopus Author ID: 57193670318; ORCID: 0000-0001-9522-7926; Researcher ID: F-1650-2016

The research was supported by the Russian Science Foundation, grant № 22-18-00011.

Abstract. In the interwar period, three powerful ideological factors – nationalism, pan-Islamism, and communism – simultaneously undermined the power of the metropolis in the dependent territories. Behind this façade, as was reasonably assumed in Delhi, Simla, Jerusalem, Cairo, and London, the interests of rival states were concealed. Overseas territories were seen both as a source of strength (economy, international prestige) and weakness (diversion of resources because of the leadership's belief in the existence of an external threat). The historiography of the British Empire pays attention to how the colonial administrations and the metropolis responded to the challenges posed by the prospects of combining crises of loyalty and worsening international competition into a single problem of ensuring colonial order after the First World War. The question remains open about how the representatives of the military class themselves looked at such a cross-border threat. The article shows that, in this light, one of the key topics for the army corporation in the framework of the professional discussion was the institutionalization of the colonial army. To what extent did the esprit de corps of the British Army have an imperil character in terms of institutional peculiarities and public self-presentation? Was colonial service has been perceived as a priority over participation in conventional conflict in the training of the officer corps? How was it supposed to solve the problem of the growing obligations of the army to suppress anti-colonial protests (including guerrilla warfare in full-scale) against the background of worsening international relations, financial shortages and personnel restrictions? To what extent did the logics of the military thought development and corporate interests had mirrored the evolution of the colonial rule' models after the Great War? As the results of the presented study demonstrates, these issues did not only constellate internal and interdepartmental discussions on the declared topic. Their participants had a hand in the further development of a wider discursive field – about the prospects for the future of the British Empire as such.

Keywords: Great Britain, British Empire, World War I, army, armed forces, colonies, mandated territories, historiography, empires, inter-war period.

Одна из основных дискуссий межвоенного периода внутри армейской корпорации развернулась – во многом на страницах журнала Королевского института объединенных служб¹ – вокруг необходимости институционального оформления колониальной армии Великобритании (структура, состав, подготовка, вооружение, финансирование и размещение). В основе практической реализации имперских проектов часто лежала военная сила или угроза ее применения. Британская армия, благодаря реформам Э. Кардуэлла (госсекретарь по военным делам в 1868–1874 гг.), к началу Первой мировой войны представляла собой военно-бюрократический механизм, основанный на континентальной, прусской в основе, модели, обусловленной потребностями ведения большой современной конвенциональной войны. Более того, хотя «система Кардуэлла» предполагала организацию колониальной службы в рамках двухбатальонного принципа комплектования полков (один нес службу за морями, другой являлся фактически полковым депо, обеспечивая подготовку кадров, резерв и базу для развертывания по полному штату), с началом Великой войны эта модель быстро утратила изначальный смысл. Возвращение к штатам мирного времени и принятие «правила десяти лет»², казалось, вернуло ситуацию с ротацией кадровых полков на круги своя. Однако сокращение возможностей и рост обязательств армии в межвоенный период привели к тому, что к концу первого послевоенного десятилетия (и окончания срока действия «правила десяти лет», за которым последовала его прерванная в 1932 г. пролонгация) вопрос об эффективности «системы Кардуэлла» для обеспечения внутренней и внешней безопасности империи был поставлен ребром.

¹ Старейшая «фабрика мысли» при Военном министерстве (1831); профильное издание института (1857) – важнейшая дискуссионная площадка армейской корпорации в эпоху Интербеллума (индийский аналог – журнал учрежденного по аналогии Института объединенных служб Индии): *Altham E.A. The Royal United Service Institution 1831–1931 // Royal United Services Institution (далее – RUSI). Journal. 1931. Vol. 76 (502). P. 235–245; Idem. The Royal United Service Institution. Fifty Years Ago // RUSI. Journal. 1945. Vol. 90 (558). P. 147–149.*

² Консенсусное представление руководства Великобритании, что королевству в ближайшие 10 лет, начиная с 1919 г., не придется участвовать в «масштабной войне» (продолжено в 1929 и 1930 гг.).

Сторонники сохранения «системы Кардуэлла» считали, что речь идет о возвращении к ситуации кануна Великой войны, когда военные обязательства включали «обеспечение внутренней безопасности, участие в малых войнах и оборону северо-западной границы Индии», как и в условиях действия «десятилетнего правила»³. Критики полагали, что в сложившихся условиях временная шкала показывает даже не 1914-й, а 1870-й год: «Военное вторжение в Европу представляет собой весьма отдаленную перспективу, таким образом, колониальная ориентация военной организации становится заметнее». Урок истории, с их точки зрения, заключался в том, что «в мирное время эта система вела к подчинению мощи и даже самой организации британских экспедиционных сил колониальным интересам, а во время Первой мировой войны утратила какое-либо значение»⁴. Выход виделся в разделении вооруженных сил на три категории: континентальная армия (силы быстрого реагирования, ударные части), колониальная армия (заморская служба) и территориальная армия (резерв для операций в Европе). Предлагаемые структуры должны были различаться не только по сроку действительной службы, порядку финансирования, размещения и рекрутирования. Прежде всего речь шла о различиях в их боевой подготовке и техническом оснащении. С учетом масштаба потенциальных угроз в Европе и за ее пределами преимущественное положение должна была занимать континентальная армия⁵.

При этом большая часть представителей армейской корпорации, принявших участие в этой дискуссии, исходила из того, что залогом успешного решения всего спектра задач, стоящих перед «современным солдатом», — «от полей Фландрии до кампании на индийском пограничье» — являются стандартизация и унификация: «эра британских малых войн, вероятно, пока еще не ушла в прошлое, хотя империя перестала расширяться; однако Индии однажды может представиться возможность вести свои малые войны самостоятельно», так что необходимо быть готовыми к «экспедиции любого рода»⁶. Как заметил по этому поводу генерал-лейтенант и будущий фельдмаршал британской армии (1935) сэр А. Монтгомери-Мэссингберд в лекции, прочитанной им в Королевском колледже Лондона в декабре 1927 г.: «Мы должны быть готовы сражаться в любой части света и в самых различных условиях»⁷. И хотя, как утверждалось, «за границей специализация возможна»⁸, однако даже в Индии «Восток и Запад встречаются: единая армия, единый метод обучения, единая школа военной мысли»⁹. Участники дискуссии о колониальной роли британской армии отмечали, что соответствующим образом — с учетом имперских обязательств — должна быть организована вся система подготовки офицерского корпуса как младшего, так и старшего звена, как в метрополии, так и в заморских владениях¹⁰.

Такая точка зрения, разумеется, нашла отражение и на доктринальном уровне. Полевой устав британской армии, подготовленный в 1920 г., как и его переиздания межвоенной поры, включал лишь один небольшой (всего 28 страниц) раздел о войнах с «нецивилизованным противником», хотя на местах публиковались весьма объемные и содержательные наставления по «борьбе с дикарями» в соответствии с региональной спецификой

³ *Altham E.A.* The Cardwell System // *RUSI Journal*. 1928. Vol. 73 (479) P. 112.

⁴ *Appleton G.L.* The Cardwell System: A Criticism // *RUSI Journal*. 1927. Vol. 72 (487). P. 593–594.

⁵ *Edwards J.K.* Second (Military) Prize Essay for 1927 // *RUSI Journal*. 1928. Vol. 73 (491). P. 469.

⁶ *Smith A.B.* The Tasks of the Army // *RUSI Journal*. 1934. Vol. 79 (513). P. 49, 53.

⁷ Цит. по: *Moreman T.* “Small Wars” and “Imperial Policing”: The British army and the theory and practice of colonial warfare in the British empire, 1919–1939 // *Journal of Strategic Studies*. 1996. Vol. 19. № 4. P. 107.

⁸ *Wavell A.P.* The Training of the Army for War // *RUSI Journal*. 1933. Vol. 78 (510). P. 255.

⁹ *Robertson D.E.* The Organisation and Training of the Army in India // *RUSI Journal*. 1924. Vol. 69 (474). P. 326.

¹⁰ *Brighten E.W.* The Senior Officers’ School // *RUSI Journal*. 1928. Vol. 73 (489). P. 24–29; *Burrows H.M.* Junior Officers’ Schools // *RUSI Journal*. 1928. Vol. 73 (490). P. 239–242; *Sandilands H.R.* The Case for the Senior Officers’ School // *Ibid.* P. 235–238; *Ironside W.E.* The Modern Staff Officer // *RUSI Journal*. 1928. Vol. 73 (491). P. 435–447; *Milling J.M.* The Training of the Army Officer // *Ibid.* P. 518–524; *McNair J.R.* The Study of War by Junior Officers // *RUSI Journal*. 1932. Vol. 77 (506). P. 244–259; *Witts F.H.* General Education at the Royal Military College // *RUSI Journal*. 1932. Vol. 77 (507). P. 538–541; *Cunningham A.G.* The Training of the Army, 1934 // *RUSI Journal*. 1934. Vol. 79 (516). P. 723–732.

(в горах на северо-западе Индии и джунглях Бирмы, прежде всего)¹¹. Схожая картина наблюдалась и на теоретическом уровне. Авторы самых известных военных трактатов эпохи Интербеллума в области колониального антиповстанчества делали основной акцент на универсальных принципах контрпартизанской борьбы, а не на уникальном опыте колониальных частей, обозначая эволюцию британской военной мысли в сторону возрастающего значения экспертного знания в обеспечении внутренней безопасности империи¹². Эта же мысль зафиксирована в некоторых официальных историях военных кампаний, в которых речь идет об антиколониальных протестах в форме «современного мятежа» (по терминологии генерал-майора сэра Ч.У. Гвинна) или «подпольной войны» (по определению подполковника Х.Дж. Симсона)¹³. Даже официальные истории, подготовленные вполне традиционно, в нарративном ключе — о восстановлении колониального порядка на северо-западной границе Индии в 1930-е годы — содержат изложение проблем, обусловленных, по твердому мнению авторов-составителей, сочетанием или даже переплетением привычных для пограничья форм борьбы с администрацией Раджа (набеги племенных ополчений, все чаще межплеменных дружин) и новых приемов и методов сопротивления (взаимодействие восставших племен и активистов Индийского национального конгресса)¹⁴.

Таким образом, несмотря на то что обеспечение колониального порядка являлось основным содержанием военной службы в пределах Британской империи в межвоенный период (адресованные потенциальным рекрутам агитационные плакаты наглядно иллюстрировали такое положение дел¹⁵), общая позиция армейской корпорации относительно стоявших перед нею задач заключалась в необходимости первоочередной, планомерной и регулярной подготовки вооруженных сил — как в метрополии, так и в заморских владениях — к эвентуальному конфликту с «первоклассными» державами (по классификации, принятой в профессиональной среде). На первый взгляд, это противоречие между реальным функционалом и формальным статусом заморских гарнизонов британской армии может показаться поразительным, учитывая, что речь идет о современной европейской империи, находившейся в этот исторический момент на пике территориального роста. Однако выявление и контекстный анализ характерных для военного класса мотивов и соображений по вопросу учреждения колониальной армии в качестве самостоятельной институции позволяют рационализировать представления британского офицерского корпуса о военном строительстве на заморских территориях в межвоенный период в их собственной логике.

В этой связи для решения поставленной задачи предполагается взгляд на проблему (пере)определения функционала британской армии сквозь призму ее институциональной истории, апробированных в межвоенный период моделей деколонизации в части делегирования полномочий в вопросах безопасности местным элитам и колониальным властям, а также эволюции международных отношений после Первой мировой войны в связи с целенаправленными попытками революционной трансформации Востока под (интер)национальными лозунгами, с одной стороны, и стремлением Лондона обеспечить

¹¹ Field Service Regulations. Vol. II. Operations. The War Office (Provisional), 1920. См. подробнее: *Moreman T.* "Small Wars"... P. 107–110; *Idem.* The Army in India and the Development of Frontier Warfare, 1849–1947. London, 1998.

¹² *Gwynn C.W.* Imperial Policing. London, 1934; *Simson H.J.* British Rule and Rebellion. Edinburgh; London, 1937.

¹³ Record of the Rebellion in Ireland in 1920–1921, and of the Part played by the Army in dealing with it. 1922 // The National Archives. War Office (далее — TNA. WO) 141/93, 141/94; Military Lessons of the Arab Rebellion in Palestine, 1936. General Staff, Headquarters, The British Forces, Palestine & Trans-Jordan, February 1938 // TNA. WO 191/70.

¹⁴ Official History of Operations on the North-West Frontier of India. 1936–1937. Delhi, 1943; Official History of Operations on the North-West Frontier of India. 1920–1935. Pt. II. The Afridi and Red Shirt Rebellion, 1930–1931. The Mahmand and Bajaur Operations, 1933. Delhi, 1945.

¹⁵ See the World and Get Paid for Doing It // Imperial War Museum (далее — IWM). Art. IWM. Poster 7687; Join the Army and See the World // IWM. Art. IWM. Poster 13502.

колониальный контроль над зависимыми территориями — с другой. Соответственно, внимание к военно-техническим, корпоративно-бюрократическим и структурно-функциональным аспектам этих ракурсов исследования многое проясняет как в вопросах применения вооруженных сил, так и в самой логике функционирования Британской империи в межвоенный период.

Во-первых, как замечает вслед за современниками Т. Мореман, на организационном и доктринальном уровне было очень трудно учесть весьма разнообразный колониальный опыт британских вооруженных сил и перевести его без смысловых потерь и разрастания объема на язык единой военной доктрины¹⁶. В наставлении по боевой подготовке 1934 г., например, указывалось, что спектр военных операций, к которым должна быть готова армия, включает «патрулирование империи, малые экспедиции, крупные экспедиции и национальную войну», причем как в «развитых», так и «неразвитых» странах¹⁷. Соответственно, акцент на колониальных кампаниях не только вступал бы в прямое противоречие с *esprit de corps*, сформированным логикой индустриальной войны, о чем упомянул и самый именитый британский эксперт Интербеллума в вопросах колониального антиповстанчества генерал Гвинн: «Для умов, привыкших думать в терминах Великой войны, полицейские функции армии, даже если они приобретают форму малой войны, могут показаться не имеющими особенного значения»¹⁸. Пристальное внимание к местной специфике военного дела повлекло бы иррациональное расширение общевойскового устава и учебных планов военных учебных заведений, что делало бы их попросту непригодными для подготовки офицерского корпуса в приемлемых временных, дидактических и финансовых рамках.

Во-вторых, добровольный принцип комплектования армии, к которому британские вооруженные силы вернулись после окончания Великой войны в рамках «правила десяти лет», заметно ограничивал возможности военного министерства по сравнению с ситуацией в другой крупной колониальной империи — Франции, где сохранялась система всеобщего воинского призыва и действовало активное «колониальное лобби»¹⁹. Звучали предложения об использовании корпуса морской пехоты для выполнения полицейских функций в империи и зонах влияния, однако речь шла, скорее, об обращении к американскому примеру, чем ко французскому (собственно в Третьей Республике именно морская пехота была преобразована в колониальную армию в 1900 г.)²⁰. Однако наличие отдельной колониальной армии в межвоенный период являлось для Лондона вопросом не только выбора в пользу подготовки к колониальным кампаниям или к войне на континенте, но и наличия (скорее отсутствия) достаточного количества финансовых средств.

В этой связи достаточно посмотреть на стремительное сокращение британского военного присутствия на Ближнем Востоке в первые послевоенные годы — наиболее показательный в этом смысле пример — за счет перераспределения ответственности по обеспечению колониального порядка от армии в пользу ВВС («воздушный контроль»)²¹. Более

¹⁶ *Moreman T.* “Small Wars”... P. 106–112.

¹⁷ *Training Regulations.* London, 1934. P. 1.

¹⁸ *Gwynn C.W.* Op. cit. P. 7.

¹⁹ *Lyautey H.* *Du Role Colonial de L’Armee.* Paris, 1900; *Porch D.* Bugeaud, Gallieni, Lyautey: The Development of French Colonial Warfare // *Makers of Modern Strategy: From Machiavelli to the Nuclear Age* / ed. P. Paret. Oxford, 1986. P. 376–407; *Griffin C.* *A Revolution in Colonial Military Affairs: Gallieni, Lyautey, and the “Tache d’huile”.* Paper prepared for the 2009 British International Studies Association Conference. Leicester, December 14–16, 2009.

²⁰ *Woodington E.J.* Functions and Future of the Royal Marines // *RUSI Journal.* 1927. Vol. 72 (488). P. 755–766; *Blumberg H.E.* The Cardwell System and the Royal Marines // *Ibid.* P. 767–773.

²¹ Return showing the Actual Strength of the Army and Royal Air Force in India including Persian Gulf Ports, the E.P. Force, S. Persia and S.E. Persia and Aden on the 1st December 1921. Simla. Superintendent, Government Central Press, 1922 // British Library (далее — BL). India Office Records (далее — IOR)/L/MIL/17/5/1265; Mesopotamia: demobilisation of British troops // BL. IOR/L/MIL/5/796; Maps Showing the Disposition of Troops in the Eastern Ottoman Empire and Surrounding Areas between 1919 and 1922 // BL. IOR. Mss Eur F112/571.

того, в 1930-е годы, в связи с ростом военных угроз на европейском континенте, выделение средств на колониальную службу вообще рассматривалось военным командованием как непопустительная роскошь. Алармизм Имперского Генерального штаба, обусловленный не только активностью Германии, Италии и Японии в 1930-е годы, но и преувеличенными представлениями об их возможностях, побуждал военное командование рекомендовать властям сдержанный внешнеполитический курс и аккумулировать имеющиеся средства на подготовке к конвенциональной войне²².

При этом значительную роль в борьбе за бюджет, а также административный ресурс и назначения (как дома, так и за морями) играли корпоративные интересы. Бюрократическое соперничество по вопросу о приоритетах в подготовке и применении армии разворачивалось на нескольких уровнях одновременно. Противоречия существовали между Военным министерством и командованием Индийской армии по поводу характера и источников военных угроз, порядка и географии применения расквартированных на субконтиненте частей (в качестве имперского резерва), допустимых пределах «индианизации» силовых ведомств Раджа, хотя в межведомственной конкуренции с ВВС армейская корпорация выступала вполне согласованно. Имелись порой весьма серьезные трения между военными и гражданскими чинами о роли и значении политических офицеров на окраинах империи и правовых аспектах колониального антиповстанчества²³. Наконец, через всю эпоху Интербеллума красной нитью прошел затухавший и вновь разгоравшийся конфликт между сухопутными войсками и авиацией, облеченный в форму острой полемики об оптимальных методах и формах обеспечения колониального контроля, при том что на тактическом уровне эти службы безопасности взаимодействовали вполне конструктивно²⁴. Публикационную активность представителей британского военного класса необходимо рассматривать именно в этом сложно устроенном контексте переплетавшихся и расходившихся интересов (на уровне отдельных ведомств и служб и по линии отношений между центром и периферией), учитывая отнюдь не случайное совпадение изложенных в их работах позиций со взглядами различных групп влияния в военной среде и эшелонах власти разного уровня, прямое участие некоторых авторов в бюрократических баталиях.

В-третьих, заметное влияние в этом вопросе, разумеется, оказывал кризис лояльности в Британской империи как таковой. Применительно к ситуации в Индии, все еще самом крупном и важном в экономическом и стратегическом отношении заморском владении короны, комментаторы в погонах указывали, что, поскольку «британский гарнизон может однажды оказаться между пожаром на границе (восстанием пуштунских племен. — С.М.) и мятежом в Индии и будет зависеть целиком от собственных сил и ресурсов, элементарная предосторожность требует, чтобы он размещался таким образом, как будто оккупирует чужую страну»²⁵. По мысли военных, только универсальная подготовка и полноценное техническое оснащение, а не специализация на колониальных кампаниях с заведомо более слабым в этом смысле противником, могли обеспечить военное преимущество перед вышедшими из подчинения туземными частями и стать

²² Бувери Т. Умиротворение Гитлера. Чемберлен, Черчилль и путь к войне. М., 2022. С. 114–125.

²³ Thomas M. Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914. Berkeley; Los Angeles, 2008. P. 107–144, 173–200; Tripodi C. Peacemaking through bribes or cultural empathy? The political officer and Britain's strategy towards the North-West Frontier, 1901–1945 // Journal of Strategic Studies. 2008. Vol. 31 (1). P. 123–151; Idem. Edge of Empire: The Political Officer and British Tribal Control on the Western Frontiers of India, 1877–1947. Farnham, 2011; Idem. Politicals', Tribes and Musahibans: The Indian Political Service and Anglo-Afghan Relations, 1929–1939 // International History Review. 2012. Vol. 34 (4). P. 865–886.

²⁴ Waldie D.J.P. Relations between the Army and the Royal Air Force, 1918–1939: PhD Thesis. London University, 1980; Wahlers A.J.C. Inter-War, Inter-Service Friction on the North-West Frontier of India and its Impact on the Development and Application of Royal Air Force Doctrine: PhD Thesis. University of Birmingham, 2017.

²⁵ Smith A.B. The Future of India's Defence // RUSI. Journal. 1934. Vol. 79 (516). P. 810.

достаточно надежной страховкой при таком развитии событий. Принятое в Индийской армии к тому времени разделение на войска прикрытия (Северо-западная пограничная провинция), полевую армию (резерв Имперского Генерального штаба) и силы внутренней безопасности (поддержка гражданских властей), приверженность которому неоднократно озвучивалась на страницах профессиональных изданий в рамках дискуссий о реорганизации Индийской армии после Первой мировой войны²⁶, – с учетом регулярной ротации частей между ними – являлось зримым выражением единого в своей основе подхода к институциональным и организационным параметрам оформления колониального функционала британских вооруженных сил на разных уровнях армейской корпорации Британской империи (при этом в Индии подготовка к пограничной войне традиционно имела более прагматичный характер, чем в метрополии).

Во время Второй мировой войны в связи с созданием Индийской национальной армии под руководством сотрудничавшего со странами оси Субхаса Чандры Боса и ростом популярности идеи достижения независимости Индии революционным путем²⁷ эта мысль будет звучать среди британского военного руководства еще отчетливее: «Сейчас мы полностью согласны, что на протяжении войны и, вероятно, некоторое время после ее окончания Индия должна рассматриваться по соображениям безопасности как оккупированная и враждебная страна»²⁸. Развитие событий на Ближнем Востоке в это же время (готовность Египта, Ирака и Ирана к достаточно широкому военно-политическому взаимодействию с Германией и Италией) только подтверждало, по мнению военных, верность решения об отказе от организационного оформления колониальных частей²⁹.

В-четвертых, в условиях финансовых ограничений и сокращения штата британской армии на зависимых территориях в межвоенный период ставка делалась на частичное замещение недостающей численности вооруженных сил за счет формирования туземных войск в качестве местных союзников и основных проводников колониальной политики Лондона в ее силовом исполнении. Применительно к середине – второй половине 1930-х годов можно говорить о существовании вполне рабочей модели постепенного делегирования ответственности от британских сил безопасности к местным армейским и полицейским структурам, включая их техническое оснащение и обучение офицерского корпуса и рядового состава, и в области военного мышления, и на уровне реальной политики. Так, «индианизация» Британской индийской армии – наряду с давней традицией набора туземных (сипайских) полков – рассматривалась некоторыми представителями военных кругов в одном ряду с созданием (реформированием) армий, провозгласивших

²⁶ Walker G.K. A Note on the Future Organization of the Auxiliary Force // The Journal of the United Service Institution of India (далее – JUSII). 1921. Vol. LI. № 224. P. 77–79; Martin H.G. India and the Next War // JUSII. 1922. Vol. LII. № 229. P. 323–341; Durnford C.N.P. Imperial Organization in relation to Imperial Defence // JUSII. 1926. Vol. LVI. № 244. P. 94–102; Haining R.H. Problems of Imperial Defence // JUSII. 1926. Vol. LVI. № 245. P. 9–31; Mackay D.S. An Aspect of the Training of the Auxiliary Force (India) // JUSII. 1927. Vol. LVII. № 248. P. 75–82; Duncan H.C. An Imperial Army // JUSII. 1927. Vol. LVII. № 249. P. 90–98; Arthur L.F. Organization of the Indian Army // JUSII. 1928. Vol. LVIII. № 251. P. 325–337; Dening B.C. The Future of the Fighting Services in India // RUSI. Journal. 1932. Vol. 77 (505). P. 1–11; Indi-ization of the Army – A Retrospect // JUSII. 1937. Vol. LXVII. № 287. P. 183–192; Armstrong A.G. Internal Security in India // RUSI. Journal. 1939. Vol. 84 (535). P. 521–527.

²⁷ Подробнее: Фурсов К.А. Нетаджи: жизнь и исчезновение Субхаса Чандры Боса. М., 2021; Курприянов А.В. Индия // Память о Второй мировой войне за пределами Европы / под ред. А.И. Миллера, А.В. Соловьева. СПб., 2022. С. 114–129.

²⁸ Note on the Internal Security problem in India. Most Secret. G.H.Q. 15.01.1943 // TNA. WO 106/3757. P. 1.

²⁹ Co-ordination of sabotage and subversive activities in the Middle East // BL. IOR/L/PS/12/570. Наиболее драматично события развивались в Ираке: Iraq Rebellion, 1941 // BL. IOR/L/PS/12/503; Iraq. Operations in 1941. Political control and use of services // BL. IOR/L/PS/12/2899. Подробнее: Фомин А.М. Британская политика и стратегия на Ближнем Востоке в 1941 г.: три войны «к востоку от Суэца» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2020. № 3. С. 191–221.

независимость Египта и Ирака, а также подмандатной Трансиордании под контролем британских военных специалистов, как еще один способ компенсировать отсутствие у Великобритании собственно колониальных частей и сократить численность британского элемента в заморских гарнизонах империи³⁰. Сроки, масштабы и последствия этого процесса являлись предметом дискуссий³¹. Однако обеспечение внутренней безопасности за счет привлечения местного населения на военную службу представляло собой давнюю практику британского военного присутствия за рубежом и в межвоенный период по-прежнему рассматривалось как эффективный механизм колониального контроля³².

С наибольшим размахом такая модель внутренней безопасности на заморских территориях была реализована в зоне ответственности Королевских ВВС. «Воздушный контроль» опирался на тесное взаимодействие с набранными на местах вспомогательными отрядами (ассирийские, арабские и курдские части в Ираке, не говоря уже о самой иракской армии, Пограничные силы Трансиордании)³³. При этом в армии считали, что процесс делегирования полномочий в этом вопросе должен носить постепенный характер, особенно в Индии, учитывая ее пестрый этнический и религиозный состав, а также мозаику ее политической карты. Перспективы «индианизации» Британской индийской армии в профессиональной среде обсуждались в контексте как давних споров между индийским командованием и Индийской политической службой о роли политических офицеров в осуществлении колониального контроля на субконтиненте (и особенно в зоне племен), так и в рамках более широкой дискуссии о политической реформе в Индии в целом. Имевшие место противоречия находили отражение на содержательном уровне.

Комментаторы указывали, что набеговая активность пуштунских племен Северо-Западной пограничной провинции Индии обусловлена крепнувшим в их среде представлением о возрастающей слабости британского правления: с каждой новой уступкой сторонникам самоуправления Индии и ростом их политического влияния в племенной среде в противовес традиционной власти вождей и старейшин, между тем как «на Востоке уважают силу, а не слабость»³⁴. Такая вполне ориенталистская трактовка идеального *modus vivendi* в отношениях с туземным населением в условиях внешнего управления экстраполировалась и на другие организованные по племенному принципу народы на Ближнем Востоке и в Африке, находившиеся под влиянием и в пределах Британской империи (прежде всего, арабы и курды), как, например, в довольно известной в свое время работе подполковника Ч.Э. Брюса, состоявшего при Политическом департаменте Раджа и занимавшего пост Верховного комиссара Белуджистана (1930–1931)³⁵.

³⁰ Walker G.K. Op. cit. P. 77–79; Robertson D.E. Op. cit. P. 325–326; *Indianization of the Army...* P. 183–192. Британский контроль над египетской армией сохранялся до 1936 г., однако с 1937 г. в стране действовала британская военная миссия (помимо контингента в зоне Суэцкого канала), местные офицеры обучались в открытой британцами Военной академии Египта (1936) и военных учебных заведениях Великобритании: Бурова А.Н. Развитие армии Египта в период 1920–1940-х гг.: от незначительной силы до конкурентоспособного игрока // Вестник РГГУ. Серия «Политология, История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2016. № 2 (4). С. 103.

³¹ Bird W.D. A Note on the Military Organization of Imperial Defence // RUSI. Journal. 1920. Vol. 65 (458). P. 338–343; Smith A.B. The Future... P. 810; Note on the Internal Security problem...

³² См.: Rossiter A. Britain and the Development of Professional Security Forces in the Gulf Arab States, 1921–71: Local Forces and Informal Empire: PhD Thesis. University of Exeter, 2014.

³³ Omissi D. Britain, the Assyrians and the Iraq Levies, 1919–1932 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 1989. Vol. 17 (3). P. 301–322; *Idem*. Technology and repression: Air control in Palestine 1922–36 // Journal of Strategic Studies. 1990. Vol. 13 (4). P. 41–63; *Idem*. Air Power and Colonial Control: The Royal Air Force, 1919–1939. Manchester, 1990.

³⁴ Official History of Operations on the North-West Frontier of India. 1920–1935; Official History of Operations on the North-West Frontier of India. 1936–1937.

³⁵ Bruce C.E. Waziristan, 1936–1937. The Problems of the North-West Frontiers of India and their Solutions. Aldershot, 1938. P. 59–61.

В этом во многом обусловленном корпоративными интересами споре о перспективах косвенного управления в Индии между Политическим департаментом и военным командованием победа осталась за армией Раджа. Необходимые объемы финансирования и численный состав Индийской армии можно было обеспечить, только убедив власти в необходимости крупных гарнизонов в пограничье³⁶. В других британских владениях возобладала наиболее распространенная в эпоху Интербеллума модель непрямого правления — «воздушный контроль». Однако ключевым для армейской корпорации был вопрос, кому будет лояльна полностью «индианизированная» Индийская армия: британскому Раджу или выборным органам власти? В широком смысле ответ на этот вопрос имел значение и в отношении других в той или иной степени зависимых стран, обладавших собственными вооруженными силами: Египта, Ирака и Трансиордании. Восстановление британского влияния в Египте сразу после Первой мировой войны и в Ираке на начальном этапе Второй мировой войны наглядно иллюстрировало в оценках военных экспертов межвоенной поры значение возможности оперативного использования британских частей (подготовленных к конвенциональной войне) для обеспечения колониального порядка.

Некоторым в этом смысле залогом сохранения влияния метрополии считались хорошие отношения британского командования и военных советников с «туземными» офицерами. Но и они часто интерпретировались в ориенталистском ключе — комментаторы уделяли внимание фактору национальной идентичности, однако преувеличивали значение профессиональной или полковой солидарности³⁷. Игнорирование роста национального самосознания на зависимых территориях как ключевой опоры движений в поддержку национального самоопределения отличало многие работы военно-теоретического характера. В армии преодоление кризиса лояльности рассматривалось как тактическая задача в рамках колониального антиповстанчества. Его актуальная — на теоретическом и доктринальном уровне — модель была описана генералом Гвинном в 1934 г.³⁸ Решение этой проблемы на стратегическом уровне (устранение глубинных причин недовольства деятельностью колониальных администраций на местах) военные оставляли за политическим руководством, как и ее обсуждение. И такое видение роли вооруженных сил в преодолении многочисленных кризисов лояльности в Британской империи было артикулировано еще в начале 1920-х годов по итогам «Ирландской войны»³⁹.

В-пятых, весомую лепту в решение об отказе от формирования колониальных войск в качестве отдельной институции (со всей спецификой их подготовки и обеспечения) и сохранении с оперативной точки зрения более удобной (если не сказать — единственно возможной в складывавшихся обстоятельствах) традиционной армейской структуры на Ближнем Востоке и Индостане внесла междержавная конкуренция. Соперничество крупных игроков способствовало тому, что приграничные (окраинные и заморские) территории рассматривались одновременно как источники силы (экономика и международный авторитет) и слабости (отвлечение ресурсов в связи с убежденностью руководства в существовании эвентуальной внешней угрозы). Иностранная пропаганда, финансовая, военно-техническая и агентурная помощь антибританским силам в колониях и на других зависимых территориях, ставка на религиозные чувства мусульманских подданных европейских держав и крепнувшее стремление местных элит к национальной независимости дали о себе знать уже во время Первой мировой войны и получили продолжение

³⁶ Ferris J. Counter-Insurgency and Empire. The British Experience with Afghanistan and the North-West Frontier, 1838–1947 // War and State-Building in Afghanistan: Historical and Modern Perspectives / eds S. Gates, K. Roy. London; New Delhi, 2015. P. 83–95.

³⁷ См.: Tyrrell F.H. The Arab Soldier // RUSI. Journal. 1923. Vol. 68 (469). P. 82–88.

³⁸ Помимо упоминаний в работах современников, см.: Notes on Imperial Policing. WO. 30th January, 1934 // WO 279/796 (вероятный автор — генерал Гвинн); Military Lessons of the Arab Rebellion in Palestine, 1936. General Staff, Headquarters, the British Forces, Palestine & Trans-Jordan. February, 1938 // TNA, WO 191/70. P. 169.

³⁹ Record of the Rebellion in Ireland...

в межвоенный период. На первый план в качестве основной трансграничной угрозы безопасности британских владений в 1920-е годы вышли Турция и Советская Россия/СССР⁴⁰. Персидский залив и Афганистан всеми сторонами не без оснований воспринимались как «ворота в Индию». В 1930-е годы место Анкары и Москвы в умах военных экспертов заняли Италия и Германия (при этом советская угроза с повестки также не ушла).

В этой связи комментаторы обращали внимание, что «военное министерство в Лондоне и военные департаменты в Симле являлись единственными военными организациями, достаточно подготовленными к планированию и проведению военных операций за морями вне пределов зоны их прямой ответственности»⁴¹. И речь шла не только о проекции британской военной мощи на просторах бывшей Османской империи, но также о необходимости учитывать новые внешние факторы. Неудивительно, что бригадир сэр У.Дж.Ш. Добби, наводивший порядок в Палестине во время вышедших из-под контроля полиции столкновений между арабской и еврейской общинами в 1929 г., охарактеризовал возникшую перед ним проблему как одновременно внутреннюю и внешнюю⁴². Временный командующий британскими вооруженными силами в Палестине (руководство ими накануне и после вспышки насилия в стране осуществляли ВВС) подразумевал амбивалентный характер задач, стоявших перед заморскими гарнизонами Великобритании в межвоенный период. Этот аргумент был одним из основных, к которым Добби и его коллеги по армейской корпорации прибегали, убеждая своих оппонентов, что на Ближнем Востоке воздушный контроль не пригоден для обороны империи.

* * *

Опасения британского военного и политического руководства, вызванные системными попытками Советской России/СССР расширить «туркестанский плацдарм» и персидский фронт мировой революции, а также проложить «афганский коридор» в Британскую Индию для стимулирования на этом субконтиненте протестных движений, оказывали заметное влияние на политику Лондона в сфере внутренней безопасности империи в 1920-е годы⁴³. Расширение масштабов и форм антиколониального протеста на фоне прихода НСДАП к власти в Германии с программой последовательного отказа от военных ограничений по Версальскому договору и активизации политики Италии в Африке и на Ближнем Востоке и Японии на Дальнем Востоке вызывали беспокойство профильных ведомств британского государственного аппарата⁴⁴ и стимулировали рост публикаций в

⁴⁰ Так, генерал-лейтенант сэр Э. Холдэйн, выступая в Королевском институте объединенных служб с лекцией о подавлении восстания в Месопотамии в 1920 г., упоминал о «турецкой интриге» и «ужасах большевизма» как внешних факторах, осложнявших его задачи в этой стране: *Haldane A.* The Arab Rising in Mesopotamia, 1920 // *RUSI Journal*. 1923. Vol. 68 (469). P. 63–81. См. также: *The Bolshevik Menace* [by “Mongolian”] // *JUSII*. 1926. Vol. LVI. № 242. P. 9–22; *Dennys L.E.* The Gold Medal Prize Essay, 1929 // *JUSII*. 1930. Vol. LX. № 258. P. 5–6; *Muspratt S.F.* The North-West Frontier of India // *RUSI Journal*. 1932. Vol. 77 (507). P. 467–480.

⁴¹ *Bird W.D.* Op. cit. P. 338.

⁴² *Waldie D.J.P.* Op. cit. P. 160.

⁴³ Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921) / сост. М.А. Персиц. М., 2017; *Улуян Ар.А.* Туркестанский плацдарм. 1917–1922: британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019; Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925). Сб. док. / сост. Ю.Н. Тихонов. М., 2017; *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. М., 2019.

⁴⁴ Одно из первых упоминаний об интересе Италии к панарабским движениям: *Enclosure to Rome Chancery's letter to Eastern Department № 291/6/35 of the 30th March 1935.* Pan Arab Congress 1933. Attitude of H.M.G. to a Pan Arab Movement // *BL. OR/L/PS/12/2110.* О политике Германии на этом направлении: *Шерстюков С.А.* Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке (1914–1945). Барнаул, 2020; *Мотадель Д.* Ислам в политике нацистской Германии (1939–1945). М., 2020.

прессе и профессиональных журналах о задачах армии в условиях Версальско-Вашингтонского миропорядка в 1930-е годы⁴⁵.

При этом к оценке фактора внешней угрозы в определении курса политики внутренней безопасности Британской империи следует относиться с известной долей осторожности, принимая во внимание специфику каждого из этапов межвоенной поры. Необходимо учитывать заинтересованность отдельных ведомств и служб в нагнетании (Имперский генеральный штаб и командование Британской индийской армии) или, напротив, минимизации (командование Королевских военно-воздушных сил, Министерство по делам колоний) военной тревоги, а также роль устоявшихся дискурсивных практик и понятий (прежде всего таких взаимосвязанных, как «русская/советская угроза» и «оборона Индии») ⁴⁶. В каком-то смысле повторялась ситуация начала XX в., когда процесс переориентации британских вооруженных сил с противостояния Российской империи в Большой игре на противодействие Германской империи также сопровождался спорами и трениями между Имперским Генеральным штабом и Индийским командованием из-за расхождений в оценке эвентуальных внешних угроз. Штабисты-планировщики в Индии преувеличивали вероятность и масштабы «русской угрозы», опираясь на интеллектуальный авторитет колониального знания армейской разведки⁴⁷.

Этот сюжет наглядно иллюстрирует значение институциональных фильтров в процессе принятия решений из области внутренней безопасности в рамках имперской политики Великобритании как до, так и после Первой мировой войны. Столкновение имперского (глобального и основанного на универсальном экспертном знании) и колониального (локального и опиравшегося на сведения об уникальной, местной специфике) подходов к обеспечению обороноспособности империи свидетельствует не только о конфликте ведомственных интересов вокруг распределения военного бюджета. Речь идет о кризисе идей в части представлений военного класса об угрозах внутренней безопасности империи. В межвоенный период к традиционным спорам внутри армейской корпорации между Военным министерством и региональными командованиями, обострившимся на фоне многочисленных кризисов лояльности от Ирландии до Индии, добавились новые проблемы, связанные с затруднительным процессом перевода информации о проблемах внутренней безопасности в аналитику, которая убедительно звучала бы в дебатах на Уайтхолле.

Во-первых, появилась насущная необходимость отстаивать свой взгляд на колониальный контроль в бюрократических баталиях с ВВС за финансирование и порядок соподчинения этих служб — на фоне роста обязательств и сокращения армии в соответствии с «правилом десяти лет» (1932) и медленного роста военных расходов и численности вооруженных сил в 1930-е годы. Во-вторых, серьезные опасения за безопасность заморских гарнизонов и ближайшее будущее британского присутствия в Азии, Африке, на Ближнем и Дальнем Востоке были связаны с новыми формами антиколониального протеста («герилья особого рода»), для которых современники изобрели свои понятия в 1930-е годы — «современный мятеж» (генерал Гвинн) или «подпольная война» (подполковник Симсон)⁴⁸.

Таким образом, для армейской корпорации одним из необходимых условий решения проблемы безопасности империи в условиях невиданной ранее взаимосвязи внутренней

⁴⁵ Участники дискуссии перекрестным образом ссылались на публикации по этой проблематике в профильных изданиях и в прессе: *Hudson C.E. The Tasks of the Army // RUSI. Journal. 1933. Vol. 78 (512). P. 773; Smith A.B. The Tasks... P. 47.*

⁴⁶ Упоминания об эвентуальной угрозе Британской Индии со стороны СССР встречаются и в публикациях офицеров британской армии первой половины 1930-х годов, когда все более актуальными становились другие угрозы: *Muspratt S.F. Op. cit. P. 470, 478–479; Smith A.B. The Future... P. 810.*

⁴⁷ *Hevia J. The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge, 2012. P. 152–164.*

⁴⁸ Более привычные термины «повстанец» и, соответственно, «антиповстанчество» в британской военной доктрине стали применять только с 1963 г.: *Alderson A. The Validity of British Army Counterinsurgency Doctrine after the War in Iraq, 2003–2009: PhD Thesis. Cranfield University, 2009. P. 111.*

и внешней угроз являлся, на первый взгляд, парадоксальный (с учетом масштабов и разнообразия владений) отказ от учреждения колониальной армии как самостоятельного института. При этом ставка на сохранение как можно большего числа заморских гарнизонов в качестве «пожарных команд» на случай внутренних волнений (от коммунальных беспорядков до полномасштабных восстаний против метрополии) отражала не только привычную логику британского военного мышления, ориентированного прежде всего на подготовку к конвенциональной войне⁴⁹. Комментаторы выражали сомнения в верности политики на зависимых территориях, проявлявшейся в делегировании все больших полномочий избираемым местным властям, с одной стороны, и провальных, с точки зрения военных, попытках контролировать эскалацию антиколониальных протестов — с другой. При декларируемом абстрагировании армии от публичного обсуждения этого вопроса профессиональная дискуссия об институционализации колониальной армии (на разных площадках и уровнях, включая самые высокие кабинеты правительства) являлась на деле еще и способом политического высказывания — представители армейской корпорации таким образом получали возможность артикулировать свои соображения о степени стабильности принятой модели сохранения колониального порядка в форме, приемлемой для властных отношений в Великобритании в межвоенный период.

Библиография / References

Бувери Т. Умиротворение Гитлера. Чемберлен, Черчилль и путь к войне. М., 2022.

Бурова А.Н. Развитие армии Египта в период 1920–1940-х гг.: от незначительной силы до конкурентоспособного игрока // Вестник РГГУ. Серия «Политология, История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2016. № 2 (4). С. 102–109.

Куприянов А.В. Индия // Память о Второй мировой войне за пределами Европы / под ред. А.И. Миллера, А.В. Соловьева. СПб., 2022. С. 114–129.

Мотадель Д. Ислам в политике нацистской Германии (1939–1945). М., 2020.

Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. М., 2019.

Улуянн Ар.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922: британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

Фомин А.М. Британская политика и стратегия на Ближнем Востоке в 1941 г.: три войны «к востоку от Суэца» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2020. № 3. С. 191–221.

Фурсов К.А. Нетаджи: жизнь и исчезновение Субхаса Чандры Боса. М., 2021.

Шерстюков С.А. Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке (1914–1945). Барнаул, 2020.

Burova A.N. Razvitie armii Egipta v period 1920–1940-kh gg.: ot neznachitel'noj sily do konkurentosposobnogo igroka [The development of the Egyptian army in the 1920s-1940s: from an insignificant force to a competitive player] // Vestnik RGGU. Seriya "Politologiya, Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie" [Bulletin of the Russian State University. Series "Political Science, History. International relations. Foreign regional studies. Oriental Studies"]. 2016. № 2 (4). S. 102–109. (In Russ.)

Buveri T. Umirovorenje Gitlera. Chamberlen, Cherrhill' i put' k vojne [Appeasement of Hitler. Chamberlain, Churchill and the Way to War]. Moskva, 2022. (In Russ.)

Fomin A.M. Britanskaya politika i strategiya na Blizhnem Vostoke v 1941 g.: tri vojny "k vostoku ot Suehtsa" [British policy and strategy in the Middle East in 1941: three wars "east of Suez"] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Bulletin of the Moscow University. Episode 25. International relations and World Politics]. 2020. № 3. S. 191–221. (In Russ.)

Fursov K.A. Netadzi: zhizn' i ischeznoenie Subkhasa Chandry Bosa [Netaji: the Life and Disappearance of Subhas Chandra Bose]. Moskva, 2021. (In Russ.)

⁴⁹ По мнению Комитета имперской обороны, в идеале все регулярные вооруженные силы империи в 1930-е годы — в метрополии, доминионах и Индии — должны были быть готовы именно к конвенциональной войне: *Delaney D.E.* The Imperial Army Project: Britain and the Land Forces of the Dominions and India, 1902–1945. Oxford, 2018. P. 201–229.

Kupriyanov A.V. Indiya [India] // Pamyat' o Vtoroj mirovoj vojne za predelami Evropy [Memory of the Second World War outside Europe] / pod red. A.I. Millera, A.V. Solov'eva. Sankt-Peterburg, 2022. S. 114–129. (In Russ.)

Motadel' D. Islam v politike natsistskoj Germanii [Islam in the Politics of Nazi Germany] (1939–1945). Moskva, 2020. (In Russ.)

Sergeev E.Yu. Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnosheniya, 1918 – 1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu [Bolsheviks and the British. Soviet-British relations, 1918 – 1924: from Intervention to Recognition]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Sherstyukov S.A. Nemetskaya propaganda na Blizhnem Vostoke [German propaganda in the Middle East] (1914–1945). Barnaul, 2020. (In Russ.)

Ulunyan Ar.A. Turkestanskij platsdarm. 1917–1922: britanskoe razvedyvatel'noe soobschestvo i britanskoe pravitel'stvo [Turkestan bridgehead. 1917–1922: the British Intelligence community and the British government]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Alderson A. The Validity of British Army Counterinsurgency Doctrine after the War in Iraq, 2003–2009: PhD Thesis. Cranfield University, 2009.

Altham E.A. The Cardwell System // Royal United Services Institution. Journal. 1928. Vol. 73 (479). P. 108–114.

Altham E.A. The Royal United Service Institution 1831–1931 // Royal United Services Institution. Journal. 1931. Vol. 76 (502). P. 235–245.

Altham E.A. The Royal United Service Institution. Fifty Years Ago // Royal United Services Institution. Journal. 1945. Vol. 90 (558). P. 147–149.

Appleton G.L. The Cardwell System: A Criticism // Royal United Services Institution. Journal. 1927. Vol. 72 (487). P. 591–599.

Armstrong A.G. Internal Security in India // Royal United Services Institution. Journal. 1939. Vol. 84 (535). P. 521–527.

Arthur L.F. Organization of the Indian Army (A Lecture delivered at the Army Headquarters Staff College Course 1927) // The Journal of the United Service Institution of India. 1928. Vol. LVIII. № 251. P. 325–337.

Bird W.D. A Note on the Military Organization of Imperial Defence // Royal United Services Institution. Journal. 1920. Vol. 65 (458). P. 338–343.

Blumberg H.E. The Cardwell System and the Royal Marines // Royal United Services Institution. Journal. 1927. Vol. 72 (488). P. 767–773.

Brighten E.W. The Senior Officers' School // Royal United Services Institution. Journal. 1928. Vol. 73 (489). P. 24–29.

Bruce C.E. Waziristan, 1936–1937. The Problems of the North-West Frontiers of India and their Solutions. Aldershot, 1938.

Burrows H.M. Junior Officers' Schools // Royal United Services Institution. Journal. 1928. Vol. 73 (490). P. 239–242.

Cunningham A.G. The Training of the Army, 1934 // Royal United Services Institution. Journal. 1934. Vol. 79 (516). P. 723–732.

Delaney D.E. The Imperial Army Project: Britain and the Land Forces of the Dominions and India, 1902–1945. Oxford, 2018.

Denig B.C. The Future of the Fighting Services in India // Royal United Services Institution. Journal. 1932. Vol. 77 (505). P. 1–11.

Dennys L.E. The Gold Medal Prize Essay, 1929 // The Journal of the United Service Institution of India. 1930. Vol. LX. № 258. P. 5–16.

Duncan H.C. An Imperial Army // The Journal of the United Service Institution of India. 1927. Vol. LVII. № 249. P. 90–98.

Durnford C.N.P. Imperial Organization in relation to Imperial Defence // The Journal of the United Service Institution of India. 1926. Vol. LVI. № 244. P. 94–102.

Edwards J.K. Second (Military) Prize Essay for 1927 // Royal United Services Institution. Journal. 1928. Vol. 73 (491). P. 458–474.

Ferris J. Counter-Insurgency and Empire. The British Experience with Afghanistan and the North-West Frontier, 1838–1947 // War and State-Building in Afghanistan: Historical and Modern Perspectives / eds S. Gates, K. Roy. London; New Delhi, 2015. P. 83–95.

Griffin C. A Revolution in Colonial Military Affairs: Gallieni, Lyautey, and the “Tache d’huile”. Paper prepared for the 2009 British International Studies Association Conference. Leicester, December 14–16, 2009.

Griffith R. The Frontier Policy of the Government of India // Royal United Services Institution. Journal. 1938. Vol. 83 (531). P. 578–579.

Gwynn C.W. Imperial Policing. London, 1934.

Haining R.H. Problems of Imperial Defence // The Journal of the United Service Institution of India. 1926. Vol. LVI. № 245. P. 9–31.

- Haldane A.* The Arab Rising in Mesopotamia, 1920 // Royal United Services Institution. Journal. 1923. Vol. 68 (469). P. 63–81.
- Hevia J.* The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge, 2012.
- Hudson C.E.* The Tasks of the Army // Royal United Services Institution. Journal. 1933. Vol. 78 (512). P. 773–778.
- Ironside W.E.* The Modern Staff Officer // Royal United Services Institution. Journal. 1928. Vol. 73 (491). P. 435–447.
- Lyautey H.* Du Role Colonial de L'Armee. Paris, 1900.
- Mackay D.S.* An Aspect of the Training of the Auxiliary Force (India) // The Journal of the United Service Institution of India. 1927. Vol. LVII. № 248. P. 75–82.
- Martin H.G.* India and the Next War // The Journal of the United Service Institution of India. 1922. Vol. LII. № 229. P. 323–341.
- McNair J.R.* The Study of War by Junior Officers // Royal United Services Institution. Journal. 1932. Vol. 77 (506). P. 244–259.
- Milling J.M.* The Training of the Army Officer // Royal United Services Institution. Journal. 1928. Vol. 73 (491). P. 518–524.
- Moreman T.* “Small Wars” and “Imperial Policing”: The British army and the theory and practice of colonial warfare in the British empire, 1919–1939 // Journal of Strategic Studies. 1996. Vol. 19. № 4. P. 105–131.
- Moreman T.* The Army in India and the Development of Frontier Warfare, 1849–1947. London, 1998.
- Muspratt S.F.* The North-West Frontier of India // Royal United Services Institution. Journal. 1932. Vol. 77 (507). P. 467–480.
- Omissi D.* Air Power and Colonial Control: The Royal Air Force, 1919–1939. Manchester, 1990.
- Omissi D.* Britain, the Assyrians and the Iraq Levies, 1919–1932 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 1989. Vol. 17. № 3. P. 301–322.
- Omissi D.* Technology and repression: Air control in Palestine 1922–36 // Journal of Strategic Studies. 1990. Vol. 13. № 4. P. 41–63.
- Porch D.* Bugeaud, Gallieni, Lyautey: The Development of French Colonial Warfare // Makers of Modern Strategy: From Machiavelli to the Nuclear Age / ed. P. Paret. Oxford, 1986. P. 376–407.
- Robertson D.E.* The Organisation and Training of the Army in India // Royal United Services Institution. Journal. 1924. Vol. 69 (474). P. 316–333.
- Rossiter A.* Britain and the Development of Professional Security Forces in the Gulf Arab States, 1921–71: Local Forces and Informal Empire: PhD Thesis. University of Exeter, 2014.
- Sandilands H.R.* The Case for the Senior Officers' School // Royal United Services Institution. Journal. 1928. Vol. 73 (490). P. 235–238.
- Simson H.J.* British Rule and Rebellion. Edinburgh; London, 1937.
- Smith A.B.* The Future of India's Defence // Royal United Services Institution. Journal. 1934. Vol. 79 (516). P. 808–813.
- Smith A.B.* The Tasks of the Army // Royal United Services Institution. Journal. 1934. Vol. 79 (513). P. 47–54.
- Thomas M.* Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914. Berkeley; Los Angeles, 2008.
- Tripodi C.* Edge of Empire: The Political Officer and British Tribal Control on the Western Frontiers of India, 1877–1947. Farnham, 2011.
- Tripodi C.* Peacemaking through bribes or cultural empathy? The political officer and Britain's strategy towards the North-West Frontier, 1901–1945 // Journal of Strategic Studies. 2008. Vol. 31. № 1. P. 123–151.
- Tripodi C.* Politicals', Tribes and Musahibans: The Indian Political Service and Anglo-Afghan Relations, 1929–1939 // International History Review. 2012. Vol. 34. № 4. P. 865–886.
- Tyrrell F.H.* The Arab Soldier // Royal United Services Institution. Journal. 1923. Vol. 68 (469). P. 82–88.
- Waldie D.J.P.* Relations between the Army and the Royal Air Force, 1918–1939: PhD Thesis. London University, 1980.
- Walker G.K.* A Note on the Future Organization of the Auxiliary Force // The Journal of the United Service Institution of India. 1921. Vol. LI. № 224. P. 77–79.
- Walters A.J.C.* Inter-War, Inter-Service Friction on the North-West Frontier of India and its Impact on the Development and Application of Royal Air Force Doctrine: PhD Thesis. University of Birmingham, 2017.
- Wavell A.P.* The Training of the Army for War // Royal United Services Institution. Journal. 1933. Vol. 78 (510). P. 254–273.
- Witts F.H.* General Education at the Royal Military College // Royal United Services Institution. Journal. 1932. Vol. 77 (507). P. 538–541.
- Woodington E.J.* Functions and Future of the Royal Marines // Royal United Services Institution. Journal. 1927. Vol. 72 (488). P. 755–766.

DOI: 10.31857/S0130386424010028

© 2024 г. Д.С. БУКИН

ОКРАШИВАЯ СТРАНУ В НАТИВНЫЕ ЦВЕТА: АНТИКВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ ДЖОНА ЛИЛАНДА В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА АНГЛИИ 30–40-х годов XVI века

Букин Данила Сергеевич — аспирант 1 курса Санкт-Петербургского государственного университета, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: st086378@student.spbu.ru

ORCID: 0000-0001-5372-8845; Researcher ID: ABA-3161-2021

Аннотация. Антикварное историописание, оставаясь дискуссионной проблемой в современных исследованиях, рассматривается учеными-гуманитариями либо как своеобразный пролог к профессиональной науке XIX–XX вв., либо как уникальная форма исторической мысли периода раннего Нового времени. При этом большинство из них отдают предпочтение прежде всего «зрелому» антикварианизму, в то время как ранний этап формирования этой традиции, относящийся к первой половине XVI в., представлен в западных и отечественных работах в значительно меньшей степени. В этой связи творческое наследие Джона Лиланда, с именем которого связаны истоки антикварного историописания в Англии, приобретает особую актуальность. Предлагаемая вниманию читателя статья написана в русле современной исследовательской тенденции, направленной на раскрытие эвристического потенциала изучения политических и социокультурных оснований зарождения антикварного дискурса. Автор стремится определить роль интеллектуальной деятельности Лиланда в двух взаимосвязанных и наиболее актуальных для эпохи ранних Тюдоров процессах: имперском и национальном строительстве. Для реализации исследовательского замысла, во-первых, выявляются особенности генезиса имперской идеи в Средние века и ее трансформации в период правления Генриха VIII; во-вторых, анализируются творческие проекты Лиланда, целью которых являлась легитимация династических прав Тюдоров на «воссоздание» древней композитарной державы Британских островов; в-третьих, при опоре на теорию домодерного национализма швейцарского историка Каспара Хирши идентифицируются характеристики протонационального дискурса и признаки участия в нем английского антиквара. Основным источником исследования является «Новогоднее приношение» — письмо Лиланда Генриху VIII, в котором представлен план создания ряда сочинений, посвященных истории и географии Британии. Детальное изучение источника показывает, что рассматриваемые в нем литературные проекты были направлены, с одной стороны, на создание удовлетворяющего политические запросы Тюдоров образа их «империи», а с другой — на укрепление международного престижа конструируемого Лиландом «британского» коллективного субъекта.

Ключевые слова: Джон Лиланд, антиквариант, антикварианизм, империя, имперская идея, Англия, Британия, Тюдоры, Генрих VIII, раннее Новое время.

D.S. Bukin

Painting the Nation in its Native Colours: John Leland's Antiquarian Projects in the Context of Imperial and National Building of England, 1530–1540

Danila Bukin, Saint-Petersburg State University, Institute of History (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: st086378@student.spbu.ru

ORCID: 0000-0001-5372-8845; Researcher ID: ABA-3161-2021

Abstract. In this article, the author concentrates on the intellectual projects of John Leland (1503–1552), the first antiquarian of early modern England. The origins of a certain tradition of English antiquarian historiography are connected with the name of this poet and polemicist. Today, researchers see heuristic potential in studying the political and socio-cultural foundations that led to the emergence of antiquarian discourse in the first half of the sixteenth century. The aim of the article is to define the role of John Leland's intellectual thought within two interrelated and most relevant processes for his time, namely the imperial and nation-building of England during Henry VIII's reign. In order to achieve his research goal, the author, firstly, identifies the peculiarities of the genesis of the imperial idea in the Middle Ages and its transformation during the reign of Henry VIII; secondly, analyses Leland's creative projects aimed at legitimising the Tudor dynastic rights to "recreate" the ancient composite monarchy of the British Isles; thirdly, drawing on the Swiss historian Caspar Hirschi's theory of pre-modern nationalism, identifies the characteristics of the proto-national discourse and the signs of the participation of the English antiquarian in it. The article is based on an analysis of John Leland's "New Year's Gift", a letter in which the sender informs the monarch of his plans to produce a series of works on the history and geography of Britain. The study shows that the envisaged projects were aimed not only at creating an image of the Tudor empire fulfilling dynastic political ambitions, but also at consistently glorifying the "British" collective subject.

Keywords: John Leland, antiquarians, antiquarianism, empire, imperial idea, nation, England, Britain, Tudors, Henry VIII, Early Modern period.

С середины прошлого столетия в гуманитарных науках наблюдается заметный интерес к феномену антикварного историописания¹ Англии раннего Нового времени. Начиная с работ итальянского специалиста по античной литературе Арнальдо Момильяно, отметившего роль антикварных штудий в процессе формирования исторического знания эпохи модерна², данное явление рассматривалось учеными как своеобразный пролог к профессиональной науке XIX–XX вв. В конце прошлого столетия обозначилась тенденция к отказу от подобного телеологичного взгляда в пользу восприятия антикварной традиции в качестве самостоятельного и нередуцируемого феномена исторической мысли периода раннего Нового времени. Как зарубежные (Дэниэл Вульф³, Ангус Вайн⁴), так и отечественные (С.Е. Фёдоров, А.А. Паламарчук, Е.А. Терентьева⁵) исследователи, придерживающиеся данного подхода, склонны помещать деятельность антиквариев в широкий социокультурный контекст эпохи, анализируя как роль свойственных ей общественно-политических и культурных процессов в формировании обсуждаемого дискурса, так и собственно антикварианизм как фактор трансформации этих процессов.

Следует отметить, что при изучении антикварного движения историки, независимо от их исследовательской позиции, чаще всего концентрировались на периоде конца XVI – первой половины XVII в., когда оно переживало свой расцвет и проходило процесс постепенной институционализации. Подобным перевесом в пользу изучения «зрелого» антикварианизма обусловлен тот факт, что в современной науке ранняя традиция антикварного историописания во многом остается terra incognita. Это особенно характерно для отечественной

¹ В рассматриваемый период антикварное историописание представляло собой особую форму исследований, опиравшихся не только на письменные свидетельства о прошлом, но и невербальные источники (обычаи, предания, топонимика и т.д.), а также материальные артефакты (данные нумизматики, сфрагистики, археологии и т.д.). От традиционных историков и хронистов антиквариев отличал не только более широкий круг используемых ими данных, но и «проблемный», а не хронологический подход к изложению материала, позволявший создавать нарративы, которые сегодня можно условно назвать примерами культурной, правовой, институциональной истории.

² Momigliano A. D. *Essays in Ancient and Modern Historiography*. Middletown, 1977.

³ Woolf D. *The Social Circulation of the Past: English Historical Culture, 1500–1730*. Oxford, 2003.

⁴ Vine A. *In Defiance of Time: Antiquarian Writing in Early Modern England*. Oxford, 2010.

⁵ Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Фёдоров С.Е. *Рождение национального историописания в Англии и Франции*. СПб., 2021.

историографии, лишь относительно недавно обратившейся к данной проблематике⁶. Новейшие научные работы, анализирующие различные аспекты творчества антиквариев первой половины XVI в., демонстрируют его высокий эвристический потенциал⁷.

Стремясь предложить актуальный взгляд на истоки обсуждаемого феномена, в настоящей статье автор впервые в российской и зарубежной исторической литературе рассматривает совокупность интеллектуальных проектов первого английского антиквариата раннего Нового времени Джона Лиланда (ок. 1503–1552) в контексте имперского и национального дискурсов, определявших характер строительства «британской» державы Генриха VIII (1509–1547). Предлагаемое вниманию читателя исследование дополняет корпус отечественных публикаций, посвященных поэтическим и полемическим сочинениям Лиланда (Е.В. Калмыкова, Д.В. Кирюхин⁸), а также его роли в зарождении антикварного историописания в Англии (С.Е. Фёдоров, А.А. Паламарчук, Е.А. Терентьева, В.В. Зверева⁹).

* * *

Ключевым для имперского проекта ранних Тюдоров считается 1533 г. – время принятия Акта об ограничении апелляций к Риму (The Act in Restraint of Appeals), или так называемого «Ограничительного акта», ставшего не только кульминацией конфликта короля Генриха VIII с Папским престолом, но и результатом многовекового стремления светских правителей Европы консолидировать политическую власть в своих руках. Документ свидетельствовал о переходе церковных юрисдикций, ранее принадлежавших Риму, в сферу компетенций английской монархии. Реализовать подобные абсолютистские претензии Тюдоров стало возможным благодаря рецепции имперской идеи, последовательно разрабатываемой в правовой мысли Античности и Средневековья. Неслучайно в преамбуле к Акту утверждалось, что «Англия является империей... управляемой одним высшим ... королем», обладающим «полной и всеохватной властью»¹⁰.

Концептуальные основания трансформации королевской короны в имперскую были разработаны уже в период классического Средневековья. Одним из ключевых достижений юридической мысли этого времени стало изобретение правовой максимы *rex in regno suo est imperator* («король является императором в своем королевстве»), согласно которой король обладал тем же объемом власти в границах своих владений, что и император в формально не имеющей границ и потому «мировой» империи. Ее возникновение стало возможным благодаря реактуализации позднеантичной традиции, ставившей знак равенства между монархической властью и властью римского принцепса, который, согласно «Дигестам» – «открытому» европейскими юристами на рубеже XI–XII вв. византийскому правовому кодексу

⁶ Зверева В.В. Антикварианизм XVI–XVII веков: представление прошлого в контексте научной революции // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад* / под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 756–771; Паламарчук А.А., Фёдоров С.Е. Антикварный дискурс в раннеэпохальной Англии. СПб., 2015.

⁷ См., например: Mottram S. *Empire and Nation in Early English Renaissance Literature*. Cambridge, 2008; Schwyzer P. *Literature, Nationalism, and Memory in Early Modern England and Wales*. Cambridge, 2009.

⁸ Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010. С. 453–455; Кирюхин Д.В. Полемика придворных авторов Тюдоров Полидора Вергилия и Джона Лиланда о трактовке образа короля Артура // *Вестник Мининского университета*. 2013. № 2. С. 23; *Его же*. Католическая церковь и Реформация в Англии глазами лебедя в речной поэме Дж. Лиланда «Κυκλιων ὄψια» («Cygnea cantio») // *Вестник Северо-Восточного государственного университета*. История. 2020. Т. 1. Вып. 1. С. 31–38.

⁹ Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Фёдоров С.Е. Указ. соч. С. 26–33; Зверева В.В. Указ. соч. С. 758–762.

¹⁰ Act in Restraint of Appeals (24 Hen. VIII, c. 12) // *The Reformation in England: to the accession of Elizabeth I* / eds A.G. Dickens, D. Carr. London, 1967. P. 55–57.

Юстиниана VI столетия, — был наделен высшей законодательной властью¹¹ и иммунитетом¹², освобождающим его от любых, в том числе внешних, юрисдикций.

Однако непосредственно в средневековой политической практике декларации имперского статуса чаще всего имели исключительно инклюзивный характер. Они ограничивались расширением институциональных возможностей власти монарха лишь внутри одного государства¹³. Кроме того, эти декларации признавали его верховенство лишь в светских вопросах¹⁴.

Новое понимание характера имперской власти, продемонстрированное в Ограничительном акте, сформировалось в период царствования Генриха VIII. Уже в начале своего правления он периодически высказывал соображения, согласно которым монарх является первым после Бога властителем в своем королевстве, поэтому должен главенствовать и над Церковью¹⁵. Как замечает британский специалист в области средневекового права Вальтер Ульман, Генрих VIII, вероятнее всего, вдохновлялся религиозной политикой первых христианских правителей Рима, в частности Константина Великого (306–337), при котором впервые обозначилась тенденция подчинения церковных структур светской власти¹⁶. Однако актуализации памяти о всемогущих императорах прошлого, очевидно, было недостаточно для столь радикальных шагов, как разрыв со Святым престолом и передача его юрисдикций короне. Непосредственным импульсом для подобных действий стал династический кризис, вызванный неспособностью супруги Генриха VIII Екатерины Арагонской произвести на свет наследника мужского пола и отказом папы Климента VII (1523–1534) аннулировать этот «бесплодный», с точки зрения короля, брачный союз.

Первоначально Генрих VIII рассчитывал разрешить конфликт с Римом в судебном порядке, доказав правомерность расторжения брака. Для реализации этого замысла он запросил юридическую поддержку у французских и итальянских правоведов, а также организовал поисковую группу, которая в 1529–1530 гг. работала в английских и зарубежных архивах, пытаясь найти любые возможные свидетельства правоты короля¹⁷. В конечном итоге поискам сопутствовал даже больший успех, чем предполагалось изначально. Их результатом стал сборник *Collectanea satis copiosa*¹⁸ («Достаточно полное собрание»), который впоследствии лег в основу Ограничительного акта.

Документальная база этого собрания исторических документов, включавшая цитаты из сочинений богословов и юристов, англосаксонские законодательные своды, средневековые парламентские статуты, выписки из трудов историков и хронистов, косвенно указывала на исходную историческую связь церковных прерогатив с королевским престолом¹⁹. Несмотря на количественную ограниченность и сомнительную достоверность некоторых представленных свидетельств, Генрих VIII посчитал имеющийся арсенал доводов достаточным для того, чтобы в 1533 г. провозгласить свою власть имперской. Это

¹¹ Дигесты Юстиниана-Digesta Ivstiniani. Т. I. Кн. I–IV / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. С. 115, 117.

¹² Там же. С. 113.

¹³ Фёдоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу Средних веков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2013. № 1. С. 85–86.

¹⁴ Canning J. Law, sovereignty and corporation theory, 1300–1450 // *The Cambridge History of Medieval Political Thought c.350–c.1450* / ed. J.H. Burns. Cambridge, 1991. P. 476.

¹⁵ Koebner H. *The Imperial Crown of This Realm: Henry VIII, Constantine the Great and Polidore Vergil* // *Historical Research*. 1953. Vol. 26. № 73. P. 30–31.

¹⁶ Ullmann W. “This Realm of England is an Empire” // *The Journal of Ecclesiastical History*. 1979. Vol. 30. № 2. P. 195–196.

¹⁷ Fox A., Guy J. *Reassessing the Henrician Age: humanism, politics, and reform, 1500–1550*. Oxford, 1986. P. 153.

¹⁸ British Library. MS. Cotton Cleo. E. VI. F. 1–178.

¹⁹ Nicholson G. *The Act of Appeals and the English Reformation* // *Law and Government under the Tudors: Essays Presented to Sir Geoffrey Elton* / eds C. Cross, D. Loades, J.J. Scarisbrick. Cambridge, 1988. P. 20–23.

позволило ему «вернуть» контроль над церковными институтами и впоследствии расторгнуть брак с Екатериной Арагонской, а также признать легитимность наследников от последующих супружеских союзов.

Хотя Ограничительный акт действительно содержал новые для своего времени подходы в толковании имперской идеи, речь о которых шла выше, в документе содержались и элементы классических для Античности и Средневековья представлений о ее сущности. Одним из таковых являлось «пространственное» понимание империи как территориально протяженного образования, включающего различные этнокультурные и этнополитические сообщества, подчиняющиеся власти единого правителя²⁰. Однако Англия признавалась таковой вовсе не по той причине, что она на тот момент демонстрировала этническое, правовое и культурное разнообразие, характерное для составной монархии, в которую входили территории, обладающие различной степенью автономности²¹. Об «имперском» устройстве державы Тюдоров свидетельствовали прежде всего неназванные в Акте «многочисленные древние [и] правдивые истории и хроники»²². За этими словами угадывается апелляция к сугубо феодальному статусу английского короля, которому, как демонстрировали вновь обнаруженные исторические тексты, в прошлом принесли оммаж правители Шотландии, Ирландии и Уэльса²³. Совокупность «забытых» феодальных прав английской монархии позволяла представить Генриха VIII верховным сюзереном нескольких входивших в состав государства этнополитических и этнокультурных сообществ и, следовательно, властителем «древней» британской композитарной державы, власть над отдельными субъектами которой только предстояло восстановить.

Претензии на «возрождение» подобного политического образования усиливались благодаря своеобразному переосмыслению мифологизированного прошлого Британских островов. Легитимность имперского статуса английского монарха и его притязаний на весь архипелаг основывалась на тексте легендарной *Historia Brittonum* («Истории бриттов»), созданном средневековым писателем Гальфридом Монмутским в 30-х годах XII в.²⁴ Со времени написания данного сочинения английских правителей всегда интересовали прежде всего политические события начального этапа британской истории, о которых повествует Гальфрид. По словам хрониста, после смерти Брута — легендарного потомка Энея и первого завоевателя острова — основанное им королевство было разделено между тремя его сыновьями, но при этом сохранило политическое единство²⁵. В изложенной Гальфридом легенде утверждалось, что из всех сыновей Брута старшим был тот, кто унаследовал земли, которые после англосаксонского завоевания Британии в V–VI вв. стали именоваться Англией. Именно это обстоятельство традиционно позволяло ее монархам свидетельствовать о своих исторических правах на доминирующее положение в политическом пространстве всего острова²⁶. Во времена тюдоровского правления «История бриттов» имела даже большее значение для короны, поскольку, согласно описанной в этом сочинении легенде, наличие у представителей правившей династии британских корней указывало на генетическое родство последних с древними властителями

²⁰ Pagden A. *Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c.1500–c.1800*. London, 1998. P. 17.

²¹ О концепциях составных и композитарных монархий Средневековья и раннего Нового времени см.: Фёдоров С. Е., Паламарчук А. А. Британская композитарная монархия: верховная власть и этнокультурные процессы // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 34–45. DOI: 10.31857/S013038640018557-0

²² Act in Restraint of Appeals... P. 55.

²³ Nicholson G. Op. cit. P. 24.

²⁴ Монмутский Г. История бриттов. Жизнь Мерлина / пер. с лат. А. С. Бобович. М., 2023.

²⁵ Там же. С. 27.

²⁶ Фёдоров С. Е. «Restored to the Whole Empire & Name of Great Briteigne»: композитарная монархия и ее границы при первых Стюартах // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2011. С. 202–203.

архипелага, что подчеркивало их претензии как на английский, так и на «британский» престол по праву рождения²⁷.

Одним из первых проектов в рамках раннетюдоровского имперского строительства после принятия Ограничительного акта стала инвентаризация английских, ирландских и валлийских библиотек. Несмотря на обнаруженные в них до 1533 г. свидетельства имперского наследия, ресурсы короны, которые могли быть использованы для легитимации государственной и церковной политики Генриха VIII, оставались весьма ограниченными. Испытывая потребность в их пополнении, он вновь обратился к хранилищам британского прошлого. Для того чтобы оценить весь эвристический потенциал содержащихся в них книг и рукописей, очевидно, требовались способные и хорошо образованные люди. По мнению Генриха VIII, более всего для данного предприятия подходил Джон Лиланд – поэт, королевский библиотекарь и ревностный приверженец *studia antiquitatis* («учения древности»), заслуги и наследие которого впоследствии закрепили за ним славу «отца локальной истории и библиографии» Англии²⁸.

Официальные документы, свидетельствующие о королевском поручении Лиланду, до сих пор не обнаружены. О нем известно прежде всего со слов самого антиквария, который в письме 1546 г., адресованном монарху и представлявшем собой промежуточный отчет о результатах проделанной им работы, – так называемом «Новогоднем приношении»²⁹ – сообщал о содержании королевского приказа, времени его получения и основной задаче, стоявшей перед ним: «Ваше Величество, руководствуясь справедливыми соображениями, решило сподвигнуть меня, облеченного властью Вашего милостивого разрешения (имеется в виду некий документ. – Д.Б.), в XXV году Вашего достойного правления (1533 г. – Д.Б.) учинить поиск во всех библиотеках монастырей и колледжей Вашего благородного владения, с тем чтобы вырвать из мертвящей тьмы и вынести на живой свет памятники древних писателей других стран и Вашей собственной земли...»³⁰.

Предпринятые Лиландом антикварные изыскания, по его собственным словам, были обусловлены не столько желанием получить «благодарность потомков»³¹ за сохранение древних памятников литературы, сколько стремлением использовать эти памятники для того, чтобы «изгнать из... благочестивой страны всякого рода предрассудки и искусное учение своры римских епископов»³². Вероятно, именно этим обстоятельством определялась первоначальная мотивация королевского поручения. Как следует из письма, деятельность Лиланда по его выполнению оказалось весьма результативной. Антикварий утверждал, что в ходе поисков в многочисленных библиотеках королевства ему удалось найти большое количество печатных и рукописных изданий, которые «проливали свет на множество вещей, касающихся узурпированной власти Римского епископа и его сообщников, посмеявшихся насильственно умалять королевское достоинство»³³. Чтобы продемонстрировать результаты своих трудов, Лиланд планировал представить Генриху VIII созданный им в 1541 г. на основе обнаруженных материалов, но так и не опубликованный

²⁷ *Anglo S.* The British History in Early Tudor Propaganda // *Bulletin of the John Rylands Library*. 1961. Vol. 44. № 1. P. 17–18.

²⁸ *Clarke A.L.* John Leland and King Henry VIII // *The Library*. 1911. Vol. 2. № 6. P. 145. К настоящему времени наиболее полная биография Лиланда написана ведущим исследователем его интеллектуального наследия, канадским историком Джеймсом Карли. См. его вступление к изданию: *Leland J. De uiris illustribus: On Famous Men* / ed. J.P. Carley. Oxford, 2010. P. XXI–CLX.

²⁹ В данной статье использован текст, изданный под редакцией Л. Тулмин-Смит, опиравшейся на рукописи Лиланда, в которых сохранились его заметки на полях. См.: *Leland J. The Laborious Journey and Serche of John Leylande for Englandes Antiquities, Given of Hym as a Newe Yeares Gyfte to Kinge Henry the VIII* // *The Itinerary of John Leland in or about the Years 1535–1543: Parts I to [XI]: in 5 vols.* Vol. 1. Parts I to III / ed. L. Toulmin Smith. London, 1907. P. XXXVII–XLIII.

³⁰ *Ibid.* P. XXXVIII.

³¹ *Leland J.* The Laborious Journey... P. XXXVIII.

³² *Ibidem.*

³³ *Ibidem.*

трактат «Антифилархия»³⁴, целями которого являлись обличение Папского престола, апология Реформации в Англии, и потому имплицитная легитимация расширительного толкования королевских прерогатив в церковной политике.

В то же время Лиланд усматривал в многочисленных древних и средневековых текстах, сокрытых в разных уголках страны, не только средства государственной пропаганды. Представляется, что изначально он должен был лишь описать содержание различных книгохранилищ Англии, отобрав при этом наиболее ценные печатные издания и рукописи для королевской библиотеки, но обстоятельства, связанные с религиозной политикой Генриха VIII, подтолкнули его к расширению первоначальных задач проекта. Переписка Лиланда с государственным секретарем Англии Томасом Кромвелем свидетельствует о том, что в 1536 г., т.е. вскоре после начала секуляризации церковных земель, королевский библиотекарь обратился к последнему с просьбой о расширении возможностей по приобретению монастырских книжных коллекций³⁵. Как следует из уже процитированного письма монарху, Лиланд собирался не только описать, систематизировать и по мере возможности сохранить литературные произведения прошлого, но и создать на их основе подобие библиографического справочника древних британских авторов, а также ряд других трудов по истории и географии Англии и Уэльса³⁶. Представляется, что подобное расширение задач, изначально поставленных перед Лиландом, позволило ему определять себя в качестве антиквара³⁷, т.е. знатока «национальной» древности во всем ее многообразии.

Что касается запланированной библиографической работы, то Лиланд предполагал включить в нее имена тех авторов, которые ранее проживали «на Вашей (Генриха VIII. — Д.Б.) земле не только во времена римских императоров, но и когда бриттов покорили саксы, а затем норманны саксов»³⁸. При этом антикварий не ограничивался стремлением прославить Британский архипелаг, продемонстрировав его историко-культурную специфику. Современные исследователи рассматривают деятельность Лиланда в том числе как первую попытку создания «национальной» литературной традиции³⁹. Писателей, принадлежавших к разным направлениям и историческим эпохам, которых объединяло лишь то, что они когда-то жили в пределах границ владений Тюдоров, Лиланд намеревался представить символами не столько английской, сколько «британской» культуры. Эта культура должна была, по замыслу антиквара, ассоциироваться в глазах короля, его подданных и даже иностранцев в большей степени с «империей» Генриха VIII, чем с соответствующим географическим понятием.

Уже в этом можно обнаружить общий замысел Лиланда, пронизывающий, как станет очевидно впоследствии, все его творчество. Создание своего рода «культурной истории» тюдоровской «империи», конституировавшей собственную литературную традицию, являлось лишь первым шагом на пути формирования «британского» коллективного субъекта и последующего укрепления его международного престижа. Именно поэтому Лиланд завершает «Новогоднее приношение» характерным обещанием монарху: «Когда Ваша страна будет окрашена в нативные (*native*) цвета (курсив мой. — Д.Б.), весь мир узнает,

³⁴ *Leland J. Antiphilarchia* / ed. D.F. Sutton. Birmingham, 2020. URL: <https://philological.cal.bham.ac.uk/antiphil> (дата обращения: 25.06.23).

³⁵ *Scattergood J. John Leland's Itinerary and the Identity of England // Sixteenth-century Identities* / ed. A.J. Piesse. Manchester, 2001. P. 61.

³⁶ *Leland J. The Laboryouse Journey... P. XXXIX–XLIII.*

³⁷ Подпись автора в конце письма монарху гласит: «Это написал антикварий Джон Лиланд» (*Joannes Lelandius Antiquarius scripsit*). См.: *Leland J. The Laboryouse Journey... P. XLIII.*

³⁸ *Ibid.* P. XXXIX.

³⁹ См., например: *Ross T. The Making of the English Literary Canon: From the Middle Ages to the Late Eighteenth Century*. Montreal, 2000. P. 51–64; *Simpson J. The Oxford English Literary History: in 13 vols. Vol. 2. 1350–1547: Reform and Cultural Revolution*. Oxford, 2004. P. 7–33.

что ее славе нет равных»⁴⁰. Представив державу Генриха VIII в «исходном» облике, Лиланд намеревался указать на преемственность между тюдоровской монархией и древней Британией. Однако антикварием двигало не только желание создать такой образ своей страны, который бы соответствовал политическим запросам правящей династии, но и стремление наполнить этот образ «автохтонным» историко-культурным содержанием. Последнее свидетельствует о том, что его тексты являлись частью актуального для раннего Нового времени протонационального дискурса⁴¹. Лиланд, как и многие европейские интеллектуалы XVI столетия, пытался осмыслить понятие «национальной общности» и очертить его границы.

Как демонстрирует швейцарский историк Каспар Хирши в единственной на сегодняшний день работе, представляющей целостную конструктивистскую теорию доводного национализма⁴², националистический импульс XV–XVI вв. стал результатом соперничества между наиболее могущественными монархиями Средневековья, каждая из которых стремилась воплотить в себе идеал универсальной империи. Неспособность примерно равных по силе соперников достичь этой цели традиционными средствами способствовала содержательной трансформации их конкуренции: к началу раннего Нового времени борьба за имперское достоинство стала подразумевать не только военно-политическую конфронтацию, но и противостояние на уровне символов. Стремясь утвердить свое право на соответствующий статус и в то же время повысить собственный международный авторитет, западноевропейские монархии стали приписывать себе исключительные моральные достоинства, а также духовные и материальные достижения, выделяющие их на фоне других политических образований⁴³. Важнейшими источниками столь необходимого при этом символического капитала часто представлялись именно автохтонность и древность страны. Закономерным следствием описанных процессов стало появление нарративов, в рамках которых этнотерриториальные сообщества мыслились как «национальные» коллективные субъекты⁴⁴. Создателями этих нарративов оказывались гуманистически образованные интеллектуалы, использовавшие классическую ученость для, с одной стороны, приумножения, а с другой — защиты «национальной чести» конструируемых общностей⁴⁵.

В этом контексте начатый Лиландом проект создания собрания сочинений британских авторов приобретал особое значение. Усматривая в древних текстах потенциальный источник символического капитала, умножавшего «национальную честь» нового коллективного субъекта, уже в переписке с Т. Кромвелем Лиланд отмечал, что они также «могли бы оказаться весьма полезными для (наших) учеников и сделали бы честь (honour) нашей стране...», в то же время напоминая адресату о вполне реальной возможности утраты этого ценного ресурса в ситуации острой «межнациональной» конкуренции: «Немцы, видя нашу поспешность и пренебрежительность, каждый день присылают к нам своих школьников, которые портят (сочинения древних авторов) и забирают из наших библиотек, возвращаясь домой и представляя их как достояние собственной страны»⁴⁶.

⁴⁰ *Leland J. The Laboryouse Journey...* P. XLII–XLIII. Под «нативным» (nativus) в данном контексте подразумевался естественный, исходный, автохтонный, неискаженный.

⁴¹ *Woolf D. Of Nations, Nationalism, and National Identity: Reflections on the Historiographic Organization of the Past // The Many Faces of Clio: Cross-cultural Approaches to Historiography / eds Q.E. Wang, F. Fillafer. New York, 2006. P. 77.*

⁴² *Hirschi C. The Origins of Nationalism: An Alternative History from Ancient Rome to Early Modern Germany. Cambridge, 2012.*

⁴³ *Ibid.* P. 44.

⁴⁴ В рассматриваемый период многие авторы начинают употреблять древнее латинское понятие *natio* именно в этом смысле. См.: *Ibid.* P. 32.

⁴⁵ *Ibid.* P. 97, 119–179. О проекте «прославления» Германии немецкими гуманистами см., например: *Strauss G. Topographical-Historical Method in Sixteenth-Century German Scholarship // Studies in the Renaissance. 1958. Vol. 5. P. 87–101.*

⁴⁶ Цит. по: *Scattergood J. Op. cit.* P. 61.

Упомянутое в письме монарху намерение Лиланда опубликовать отдельные сочинения древних британских авторов⁴⁷ представляется в данном контексте совершенно закономерным. Антикварий считал, что эти произведения могли послужить делу «приумножения национальной чести» лишь после всеобъемлющей стилистической переработки, поскольку, по его словам, в своем оригинальном изложении они не обладали «изысканным стилем» (*florishing style*)⁴⁸. В данном случае Лиланд, очевидно, намеревался привести сочинения древних и средневековых авторов в соответствие с актуальными для его эпохи требованиями *bonae litterae* (изысканной словесности). Стремление к стилистической правке аутентичных литературных источников указывает на одну из особенностей протонационального дискурса эпохи Возрождения. Как отмечает К. Хирши, соответствие стандартам именно классической культуры рассматривалось в этот период как необходимое условие участия в международной конкуренции за «национальную честь», поскольку только таким образом соперники демонстрировали свою «цивилизованность» и связь с античным наследием (одновременно культурным и политическим, которые в Средневековье и раннее Новое время были концептуально взаимосвязаны)⁴⁹.

Планируя назвать первое из запланированных сочинений *De viris illustribus* («О выдающихся мужах»), Лиланд тем самым обозначил его связь с древним жанром биографической литературы. Собрание жизнеописаний великих британцев должно было, по мнению автора, сформировать в глазах просвещенной европейской общественности привлекательный образ державы Тюдоров как центра культуры и просвещения. Многочисленные примеры британской образованности, подтверждающие этот тезис, а также стилистическая красота текста Лиланда имели своей целью переубедить «немцев, как и самих итальянцев, которые полагают, как когда-то высокомерно считали греки, что любые нации (*nations*), кроме их собственной, невежественны и полуграмотны»⁵⁰.

Примечательно, что в список древних авторов Лиланд планировал включить нескольких британских монархов, обозначенных им как *principes eruditi* («ученые правители»). Судя по всему, эти персоналии должны были упоминаться и в запланированном им генеалогическом справочнике, посвященном «королям, королевам, их детям, графам, эрлам, лордам, капитанам и правителям этой земли»⁵¹, который Лиланд намеревался озаглавить *De Nobilitate Britannica* («О британском нобилитете»). Наименование справочника, отсылающее читателя к античной традиции дидактических жизнеописаний, указывало на то, что, подобно упомянутым выше сочинениям, он также предназначался для умножения «национальной чести» тюдоровской монархии. Демонстрируя примеры высокой образованности и благородного происхождения британцев, Лиланд стремился возвысить свою страну в глазах представителей других наций, которые должны были признать, что она «была прародительницей, кормилицей и... хранительницей великих и талантливых людей»⁵².

Помимо обозначенного в письме Генриху VIII намерения включить в сочинения «О выдающихся мужах» и «О британском нобилитете» таких англосаксонских и нормандских королей, как Альфред Великий (871–901), Этельстан (924–939) и Генрих I (1100–1135), Лиланд изъявлял желание, чтобы в обоих произведениях фигурировали и мифические британские правители, в частности Бладуд и Дунваллон Молмуций, а также римский император Константин Великий, которому средневековая традиция приписывала

⁴⁷ *Leland J.* The Laboryouse Journey... P. XXXVIII.

⁴⁸ *Ibidem.*

⁴⁹ *Hirshi C.* Op. cit. P. 41–44, 143.

⁵⁰ *Leland J.* The Laboryouse Journey... P. XXXIX.

⁵¹ *Ibid.* P. XLII.

⁵² *Ibidem.*

бриттское происхождение⁵³. Правление каждого из этих монархов переосмыслилось автором в контексте династического строительства державы Тюдоров. По словам самого Лиланда, жизнеописания предназначались в первую очередь для того, «чтобы все благородные мужи четко знали свое происхождение»⁵⁴. Этому замыслу должно было отвечать предполагаемое деление *De Nobilitate Britannica* на три книги, посвященные бриттским, англосаксонским и нормандским королям, соответственно. От всех этих монархов, по утверждению антиквария, вел происхождение сам Генрих VIII⁵⁵. Данное обстоятельство указывает не только на идеологическую значимость создаваемого Лиландом нарратива, но и на предполагаемую аудиторию, которая должна была состоять из представителей как «британской», так и континентальной знати.

Предложенная Лиландом генеалогическая конструкция должна была укрепить авторитет династии Тюдоров, продемонстрировав преемственность их власти, а также показать непрерывность «британской» монархической традиции и обосновать право короля Англии на империю и имперскую власть. В контексте реализации последней задачи особую актуальность могло приобрести указание на его родство с древними бриттскими правителями. Происхождение Тюдоров от потомков Брута должно было, по замыслу Лиланда, оправдать претензии Генриха VIII на восстановление утраченных прав и привилегий династии, что явилось бы важным шагом на пути создания «империи» (в форме «возрожденной» «британской» композитарной державы). В то же время ассоциации с первым христианским правителем Рима убеждали в правомерности реализации английским монархом независимой от внешних сил государственной политики в светских и духовных вопросах.

Следует отметить, что упоминание в письме королю англосаксонских и древних бриттских правителей, а также римского императора было во многом обусловлено и особенностями исторической концепции Лиланда. Указанием на преемственность от германских и кельтских королевств он намеревался «обеспечить» «британскую» монархию Генриха VIII (и соответствующий коллективный субъект) славным прошлым, включавшим как Средневековье, так и «национальную» древность. При этом модель ранней истории Британии, очевидно, была заимствована антикварием у Гальфрида Монмутского.

В глазах Лиланда нарратив Гальфрида как нельзя лучше подходил для проектов династического и национального строительства монархии Тюдоров. Для средневекового историка, как и для антиквария эпохи раннего Нового времени, древность выступала символом былой мощи, величия и славы Британии. В эпоху Реформации к этим смыслам добавилась полнота верховной власти светского правителя и духовная чистота независимой от Папского престола Бриттской церкви, возникшей, согласно древнему преданию, при содействии ближайших учеников Иисуса Христа⁵⁶. В данном контексте Лиланд стремился представить воцарение Тюдоров и религиозные преобразования Генриха VIII как начало восстановления древней композитарной державы Брута и его потомков. Себя же он позиционировал в качестве ее первого историографа. Именно Лиланд, по его собственному убеждению, должен был продемонстрировать миру истинное величие британцев и их родины, открыв «окно, которое выпустит свет, отсутствовавший более тысячи лет, благодаря чему старая слава... знаменитой Британии снова засияет на весь мир»⁵⁷.

Концепция «британской» истории Лиланда должна была найти наиболее полное выражение в сочинении, которому он планировал дать название *De Antiquitate Britannica*

⁵³ Подробнее о происхождении этой традиции см.: *Фёдоров С.Е.* Рождение легенды о британском Константине // *История Британии: современные исследования* / отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2013. С. 47–58.

⁵⁴ *Leland J.* The Laboryouse Journey... P. XLII.

⁵⁵ *Ibidem.*

⁵⁶ *Фёдоров С.Е.* Британская идентичность/идентичности в раннее Новое время // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История.* 2013. № 3. С. 80–81.

⁵⁷ *Leland J.* The Laboryouse Journey... P. XLII–XLIII.

(«О британской древности») или *Civilis Historia* («Гражданская история») ⁵⁸. В достаточно кратком описании этого предполагаемого труда, которое приводится в «Новогоднем приношении», автор определил свой замысел: он намеревался создать исторический текст, описывающий «истоки, развитие и памятные события главных городов и замков» каждого региона монархии Тюдоров ⁵⁹. Принцип организации материала должен был отражать территориально-административное деление королевства: сочинение следовало разделить на столько глав, «сколько графств в Англии и королевских владений в Уэльсе... их будет примерно пятьдесят» ⁶⁰. Еще шесть глав планировалось посвятить островам, принадлежавшим английской короне. Лиланд, таким образом, замышлял написать множество историй отдельных территориальных единиц «империи» Генриха VIII, совокупность которых должна была составлять ее общую историю.

Мотивация к написанию истории Британии в форме рассказа о прошлом ее регионов появилась, по словам Лиланда, в ходе инспекции монастырей Англии и Уэльса. Путешествуя по стране и изучая обнаруженные в библиотеках манускрипты, он «воспламенился страстью увидеть все части этого... королевства» и, сделав это, «приметил целый мир вещей, достойных памяти» ⁶¹. В ходе длительных поездок Лиланд посетил все владения Генриха VIII, что позволило антикварию осознать единство страны, представлявшейся ему современным воплощением той самой державы, о существовании которой свидетельствует Гальфрид Монмутский. Созданием произведения, посвященного истории этой державы, Лиланд намеревался вновь воплотить в реальность идею «Британской империи».

В своих размышлениях о будущем сочинении «О британской древности» Лиланд опирался на традицию, которая также была связана с классической культурой. Он, как и многие другие антиквари, вдохновлялся трудами вновь открытых в эпоху Возрождения греческих и римских авторов. В этих сочинениях нередко сочеталось одновременно историческое, топографическое и этнографическое знание о пространстве, что позволяло читателям «конструировать» образы различных территорий, регионов, стран и народов. Известные Лиланду произведения Страбона, Диодора Сицилийского, Помпония Мелы и многих других античных авторов содержали древние названия «гаваней, рек, мысов, холмов, лесов, крупных и малых городов, замков и различных племен» Британии ⁶², которые должны были стать «нативными цветами» на его «полотне». Кроме того, эти труды демонстрировали возможности нарративной модели, основанной на принципах хорографии. Она позволяла читателям как бы ментально переместиться в описываемые места, а писателям — наполнить создаваемый ландшафт определенным культурно-историческим содержанием ⁶³.

Нарративная структура текста «О британской древности» должна была найти свое воплощение и в другой запланированной Лиландом и упомянутой им в «Новогоднем приношении» работе — полном топографическом описании Англии и Уэльса. При этом, в отличие от других проектов автора, данное произведение, вероятно, не предназначалось для публикации. Весьма скудная характеристика этого предполагаемого труда, название которого — *Liber de topographia Britanniae* («Книга о топографии Британии») — Лиланд обозначает лишь в заметках на полях письма, позволяет предположить, что для антиквари он не представлял самостоятельной ценности и, по всей видимости, должен был служить основой для иных проектов. «Книга о топографии Британии» задумывалась прежде

⁵⁸ Ibid. P. XLIII.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibid. P. XLII.

⁶² Ibid. P. XLI. Помимо указанных античных писателей, Лиланд также упоминает Гая Юлия Цезаря, Тита Ливия, Плиния Старшего, Тацита, Фабия Пиктора, Птолемея, Секста Руфа, Аммиана Марцеллина, Гая Юлия Солина и Антонина, подразумеваемая под последним неизвестного автора указателя «Итинерарий Антонина Августа», созданного в период правления императора Каракаллы (198–217).

⁶³ *Mendyk S. Early British Chorography // The Sixteenth Century Journal. 1986. Vol. 17. № 4. P. 459–460.*

всего как словесное воплощение визуальной проекции королевства, которое позволило бы «гравюру или художнику создать копию на основе этого примера»⁶⁴. Иными словами, топографическое описание тюдоровской державы Лиланд воспринимал как исходную модель, на основании которой могла быть создана полная карта Британии. Подобная работа, по мысли автора, должна была соответствовать его собственной рукописной карте «мира и империи Англии»⁶⁵.

Стремление создать подобный труд Лиланд обосновывал желанием представить английскому монарху подарок, который бы всегда напоминал ему о сущности и масштабе его верховной власти. Антикварий проводил аналогии между Генрихом VIII и Карлом Великим, утверждая, что подобно тому, как франкский император имел в своей сокровищнице три стола, на которых располагалась обшитая серебром карта Константинополя, Рима и всего мира, так и английский король «станет обладателем Вашего (Генриха VIII. – Д.Б.) мира и империи Англии, вышитых серебром на квадратном столе»⁶⁶. Не лишне предположить, что в данном случае Лиланд вдохновлялся обнаруженной немецким гуманистом Конрадом Цельгисом (1459–1508) так называемой «Певтингеровой картой»⁶⁷, которая, согласно распространенной средневековой традиции, досталась германским императорам «в наследство» от римских принцев⁶⁸.

О том, как могла бы выглядеть так и не созданная карта Лиланда, можно составить примерное представление, определив жанровую специфику задуманной им работы. Ключ к пониманию этого содержится в описании антикварием предполагаемого труда, в рамках которого Лиланд, в частности, апеллировал к особому типу картографических материалов, известных в Античности и Средневековье под латинским названием *mapae mundi* («карты мира»). Целью подобных карт и сопровождающих их комментариев являлось не максимально точное воспроизводство географических координат, а скорее создание представления о целостности окружающего пространства. Им были свойственны наглядность и детальное описание местности. Этим во многом была обусловлена широкая популярность *mapae mundi* как в эпоху Античности, так и в Средние века. Как правило, они изображали всю ойкумену, наполненную актуальными для своей эпохи обозначениями и смыслами. *Mapae mundi* использовались как в практических, так и в пропагандистских целях. Римляне эпохи принципата рассматривали их не только в качестве дорожных путеводителей, но и как символы всемирного господства империи, тогда как христианские авторы с помощью таких карт утверждали библейскую картину мироздания⁶⁹.

По своим функциям карта Лиланда должна была соответствовать античным образцам. Антикварий пытался создать символ власти, аналогичный римским, который в то же время отражал бы современные ему политические реалии. Так, говоря о «мире и империи Англии», он использовал понятие «мир» для обозначения не всей ойкумены, а той территории, на которую распространялась (как фактически, так и номинально) власть английского монарха. Обозначая в заметках на полях «Новогоднего приношения» свой проект как *Descriptio totius Britanniae* («Описание всей Британии»), антикварий сознательно ограничивал пространственно-временные границы этого труда, стремясь утвердить идею

⁶⁴ *Leland J.* The Laboryouse Journey... P. XLI.

⁶⁵ *Ibidem.*

⁶⁶ *Ibidem.*

⁶⁷ Хотя весьма маловероятно, что Лиланд видел на тот момент еще не опубликованную карту, он мог ознакомиться с ее описанием, например в «Истории Германии в трех книгах» известного немецкого историка и филолога Беатуса Ренануса. См.: *Mundt F.* Beatus Rhenanus: *Reum Germanicarum libri tres* (1531): Ausgabe, Übersetzung, Studien. Tübingen, 2008. S. 2, 100, 132, 400.

⁶⁸ *Albu E.* The Medieval Peutingr Map. Cambridge, 2014. P. 13–14.

⁶⁹ *Dilke O.A.W.* Itineraries and Geographical Maps in the Early and Late Roman Empires // The History of Cartography: in 6 vols. Vol. 1. Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean / eds J.B. Harley, D. Woodward. Chicago, 1987. P. 252–256; *Woodward D.* Medieval *Mappaemundi* // *Ibid.* P. 334–342.

о том, что время, когда власть Рима охватывала фактически всю ойкумену, давно прошло, и теперь король Англии — истинный наследник властителей древности, обладающий имперским достоинством, — правит и своей державой, и принадлежащим ему по древнему праву «миром». Исходя из этих соображений, можно предположить, что задуманная Лиландом карта должна была представить в качестве единого целого фактические владения Тюдоров (Англия и Уэльс) и территории, входившие в сферу их «имперских» притязаний (Шотландия, Ирландия и, возможно, север Франции).

Идея создания текстовой версии карты в форме упомянутой ранее «Книги о топографии Британии» соответствовала не только желанию Лиланда превратить конструируемый им пространственный образ державы Генриха VIII в «более долговечный... чем вышитый в серебре»⁷⁰, но и задачам популяризации этого образа. Антикварий осознавал, что книгопечатание и постепенно расширяющаяся читательская аудитория предоставляют возможности для более массового распространения новых знаний⁷¹. Понимал он и то, что регулярное переиздание его собственной карты Британии, как и антикварных сочинений, имело бы в этом контексте особый пропагандистский эффект. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что картографический проект Лиланда имел целью создание наглядного символа масштабов имперской власти Тюдоров, о величии которой должны были знать не только король и его подданные, но и любой взглянувший на такую карту Британию иностранец, увидевший ее в одной из множества печатных книг.

Наряду с другими запланированными трудами антиквария, которые, однако, так и не увидели свет при жизни Лиланда (вскоре после отправки «Новогоднего приношения» он лишился рассудка и не смог завершить свои проекты), его карта должна была стать одним из многочисленных инструментов имперского и национального строительства Тюдоров. Если биобиблиографический справочник «О знаменитых мужах» предназначался для конституирования «британской» культурной традиции, а исторический трактат «О британской древности» — прошлого «империи» Генриха VIII, то карта «Описание всей Британии» могла бы дать представление о ее масштабах и границах. В совокупности с произведением «О британском нобилитете», замышлявшимся как генеалогия «британской» знати, все эти труды имели целью создание совершенно нового образа страны, призванного не только реализовать династические и имперские притязания Тюдоров, но и обеспечить легитимацию «британского» коллективного субъекта, который должен был предстать в глазах современников достойным наследником классического Рима и при этом самодостаточной, образованной и благородной «нацией».

Библиография / References

- Дигесты Юстиниана-Digesta Iustiniani. Т. I. Кн. I–IV / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002.
- Зверева В.В. Антикварианизм XVI–XVII веков: представление прошлого в контексте научной революции // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / под. ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 756–771.
- Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010.
- Кирюхин Д.В. Католическая церковь и Реформация в Англии глазами лебедя в речной поэме Дж. Лиланда «Кухвеюв боца» («Cugnea cantio») // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2020. Т. 1. Вып. 1. С. 31–38.
- Кирюхин Д.В. Полемика придворных авторов Тюдоров Полидора Вергилия и Джона Лиланда о трактовке образа короля Артура // Вестник Мининского университета. 2013. № 2. С. 23.
- Монмутский Г. История бриттов. Жизнь Мерлина / пер. с лат. А.С. Бобович. М., 2023.
- Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Фёдоров С.Е. Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб., 2021.
- Паламарчук А.А., Фёдоров С.Е. Антикварный дискурс в раннеюэртской Англии. СПб., 2015.

⁷⁰ Leland J. The Laboryouse Journey... P. XLI.

⁷¹ Eisenstein E.L. The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early Modern Europe. Cambridge, 1982. P. 3.

Фёдоров С.Е. «Restored to the Whole Empire & Name of Great Briteigne»: композитарная монархия и ее границы при первых Стюартах // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2011. С. 202–224.

Фёдоров С.Е. Британская идентичность/идентичности в раннее Новое время // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2013. № 3. С. 75–81.

Фёдоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу Средних веков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2013. № 1. С. 77–89.

Фёдоров С.Е. Рождение легенды о британском Константине // История Британии: современные исследования / отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2013. С. 47–58.

Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. Британская композитарная монархия: верховная власть и этнокультурные процессы // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 34–45. DOI: 10.31857/S013038640018557-0

Digesty Iustiniana-Digesta Ivstiniani [The Digest of Justinian-Digesta Ivstiniani]. T. I. Kn. I–IV / per. s lat.; отв. red. L.L. Kofanov. Moskva, 2002. (In Russ.)

Fedorov S.E. “Restored to the Whole Empire & Name of Great Briteigne”: kompozitarnaia monarkhiia i ee granitsy pri pervykh Stiuartakh [“Restored to the Whole Empire & Name of Great Briteigne”: Composite monarchy and its borders under the first Stuarts] // Imperii i etnonacional’nye gosudarstva v Zapadnoi Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremia [Empires and ethnonational states of Western Europe in the Middle Ages and Early Modern Period] / pod red. N.A. Khachaturian. Moskva, 2011. S. 202–224. (In Russ.)

Fedorov S.E. Britanskaia identichnost’/identichnosti v rannee Novoe vremia [The British identity/identities in the Early Modern Period] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 2. Istoriia [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History]. 2013. № 3. S. 75–81. (In Russ.)

Fedorov S.E. Imperskaia ideia i monarkhii k iskhodu Srednikh vekov [The imperial idea and the monarchies at the end of the Middle Ages] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 2. Istoriia [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History]. 2013. № 1. S. 77–89. (In Russ.)

Fedorov S.E. Rozhdenie legendy o britanskom Konstantine [The birth of the British Constantine legend] // Istoriia Britanii: sovremennye issledovaniia / отв. red. M.P. Aizenshtat [The history of Britain: contemporary studies / ed. M.P. Eisenstatt]. Moskva, 2013. S. 47–58. (In Russ.)

Fedorov S.E., Palamarchuk A.A. Britanskaia kompozitarnaia monarkhiia: verkhovnaia vlast’ i etnokul’turnye protsessy [The British Composite Monarchy: Supreme Power and Ethnocultural Processes] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 5. S. 34–45. DOI: 10.31857/S013038640018557-0 (In Russ.)

Kalmykova E.V. Obrazy vojny v istoricheskikh predstavleniyakh aiglichen pozdnego Srednevekov’ia [Images of War and Perceptions of History in Late Medieval England]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Kiryuhin D.V. Katolicheskaia tserkov’ i Reformatsiia v Anglii glazami lebedia v rechnoi poeme Dzh. Lilanda “Κυγνειον ἄσμα” (“Cygnea cantio”) [The Catholic Church and the Reformation in England through the eyes of a swan in a River Poem “Κυγνειον ἄσμα” (“Cygnea cantio”) by J. Leland] // Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia [Vestnik of North East State University. History]. 2020. T. I. Vyp. 1. S. 31–38. (In Russ.)

Kiryuhin D.V. Polemika pridvornykh avtorov Tiudorov Polidora Vergiliia i Dzhona Lilanda o traktovke obraza korolia Artura [Court Tudor Authors’ Polemics on King Arthur: Polydor Vergil and John Leland] // Vestnik Mininskogo universiteta [Vestnik of Minin University]. 2013. № 2. S. 23. (In Russ.)

Monmuskii G. Istoriia brittov. Zhizn’ Merlina [The History of the Britons. The Life of Merlin] / per. s lat. A.S. Bobovich. Moskva, 2023. (In Russ.)

Palamarchuk A.A., Fedorov S.E. Antikvarnyi diskurs v rannestiuartovskoi Anglii [The antiquarian discourse in the early Stuarts’ England]. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)

Palamarchuk A.A., Terent’eva E.A., Fedorov S.E. Rozhdenie natsional’nogo istoriopisaniia v Anglii i Frantsii [The Birth of the National Historical Writing in England and France]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

Zvereva V.V. Antikvarianizm XVI–XVII vekov: predstavlenie proshlogo v kontekste nauchnoi revoliutsii [Antiquarianism in the 16th–17th cc.: views of the past in the context of Scientific Revolution] // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniia: Rossiia – Vostok – Zapad [Images of time and historical representations: Russia – the East – the West] / pod red. L.P. Repinoi. Moskva, 2010. S. 756–771. (In Russ.)

Act in Restraint of Appeals (24 Hen. VIII, c. 12) // The Reformation in England: to the accession of Elizabeth I / eds A.G. Dickens, D. Carr. London, 1967. P. 55–57.

Abu E. The Medieval Peutinger Map. Cambridge, 2014.

Anglo S. The British History in Early Tudor Propaganda // Bulletin of the John Rylands Library. 1961. Vol. 44. № 1. P. 17–48.

Canning J. Law, sovereignty and corporation theory, 1300–1450 // The Cambridge History of Medieval Political Thought c.350–c.1450 / ed. J.H. Burns. Cambridge, 1991. P. 454–476.

Clarke A.L. John Leland and King Henry VIII // The Library. 1911. Vol. 2. № 6. P. 132–149.

Dilke O.A.W. Itineraries and Geographical Maps in the Early and Late Roman Empires // The History of Cartography: in 6 vols. Vol. 1. Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean / eds J.B. Harley, D. Woodward. Chicago, 1987. P. 234–257.

Eisenstein E.L. The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early Modern Europe. Cambridge, 1982.

Fox A., Guy J. Reassessing the Henrician Age: humanism, politics, and reform, 1500–1550. Oxford, 1986.

Hirschi C. The Origins of Nationalism: An Alternative History from Ancient Rome to Early Modern Germany. Cambridge, 2012.

Koebner H. The Imperial Crown of This Realm: Henry VIII, Constantine the Great and Polidore Vergil // Historical Research. 1953. Vol. 26. № 73. P. 29–52.

Leland J. Antiphilarchia / ed. D.F. Sutton. Birmingham, 2020 // URL: <https://philological.cal.bham.ac.uk/antiphil> (access date: 25.06.2023).

Leland J. De uiris illustribus: On Famous Men / ed. J.P. Carley. Oxford, 2010.

Leland J. The Laborious Journey and Serche of John Leylande for Englandes Antiquities, Given of Hym as a Newe Yeares Gyfte to Kinge Henry the VIII // The Itinerary of John Leland in or about the Years 1535–1543: Parts I to [XI]: in 5 vols. Vol. 1. Parts I to III / ed. L. Toulmin Smith. London, 1907. P. XXXVII–XLIII.

Mendyk S. Early British Chorography // The Sixteenth Century Journal. 1986. Vol. 17. № 4. P. 459–481.

Momigliano A.D. Essays in Ancient and Modern Historiography. Middletown, 1977.

Mottram S. Empire and Nation in Early English Renaissance Literature. Cambridge, 2008.

Mundt F. Beatus Rhenanus: Rerum Germanicarum libri tres (1531): Ausgabe, Übersetzung, Studien. Tübingen, 2008.

Nicholson G. The Act of Appeals and the English Reformation // Law and Government under the Tudors: Essays Presented to Sir Geoffrey Elton / eds C. Cross, D. Loades, J.J. Scarisbrick. Cambridge, 1988. P. 19–30.

Pagden A. Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c.1500–c.1800. London, 1998.

Ross T. The Making of the English Literary Canon: From the Middle Ages to the Late Eighteenth Century. Montreal, 2000.

Scattergood J. John Leland's Itinerary and the Identity of England // Sixteenth-century Identities / ed. A.J. Piesse. Manchester, 2001. P. 58–74.

Schwytzer P. Literature, Nationalism, and Memory in Early Modern England and Wales. Cambridge, 2009.

Simpson J. The Oxford English Literary History: in 13 vols. Vol. 2. 1350–1547: Reform and Cultural Revolution. Oxford, 2004.

Strauss G. Topographical-Historical Method in Sixteenth-Century German Scholarship // Studies in the Renaissance. 1958. Vol. 5. P. 87–101.

Ullmann W. “This Realm of England is an Empire” // The Journal of Ecclesiastical History. 1979. Vol. 30. № 2. P. 175–203.

Vine A. In Defiance of Time: Antiquarian Writing in Early Modern England. Oxford, 2010.

Woodward D. Medieval Mappaemundi // The History of Cartography: in 6 vols. Vol. 1. Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean / eds J.B. Harley, D. Woodward. Chicago, 1987. P. 286–370.

Woolf D. Of Nations, Nationalism, and National Identity: Reflections on the Historiographic Organization of the Past // The Many Faces of Clío: Cross-cultural Approaches to Historiography / eds Q.E. Wang, F. Fillafer. New York, 2006. P. 71–103.

Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture, 1500–1730. Oxford, 2003.

DOI: 10.31857/S0130386424010036

© 2023 г. К.А. ЕЛОХИН, Л.А. ЦЫГАНОВА

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ДЕВИЗА ИТАЛЬЯНСКИМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ В НАЧАЛЕ XVII века

Елохин Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: kelokhin@gmail.com

Researcher ID: AAM-4858-2020

Цыганова Любовь Александровна – кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

E-mail: ltsyganova@hse.ru

Researcher ID: K-3331-2015

Аннотация. Статья посвящена дискуссии итальянских интеллектуалов XVII в. об изобразительных девизах (*impresa*) и их интерпретации. Акцент делается на личных изобразительных девизах, которые не были жестко регламентированы, в отличие от родовых. Источниковой базой исследования послужили работы о геральдических знаках и эмблематике Дж. Ферро, Л. Доменичи, П. Джовио, Дж. Капаччо и др. Целью исследования является освещение отношения итальянских интеллектуалов раннего Нового времени к частному изобразительному девизу императора Карла V. Авторы статьи анализируют не только изменение отношения, но и в каких условиях оно происходило, а именно в условиях формировавшегося на тот момент испано-итальянского эмблематического пространства. Исследование направлено на расширение знаний об изобразительном девизе Карла V, которое существует в современных исследованиях. Источники имеют ярко выраженный сословный характер, ограничены предрассудками и кругом знаний, доступных в ту эпоху, что с точки зрения геральдики вызывает определенный интерес. Итальянские авторы стремились отнести происхождение гербов ко временам Древней Греции и Рима и высказывали различные предположения о возникновении термина *impresa*. Большой интерес у интеллектуалов вызывал изобразительный девиз императора Карла V – Геркулесовы колонны, который был одним из самых значимых в императорской эмблематике знаком. Его описание встречается во всех серьезных трудах и собраниях символов, эмблем и знаков. Интеллектуалы слагали вокруг изобразительного девиза Карла V легенды, и мифотворчество о нем продолжается до сих пор. Итальянские интеллектуалы, изучая и описывая изобразительные девизы, способствовали распространению геральдики в книжной культуре Италии.

Ключевые слова: геральдика, геральдические знаки, изобразительные девизы, Италия, интеллектуальная дискуссия, Карл V, император Священной Римской империи.

К.А. Elokhin, L.A. Tsyganova

Interpretation of the Badges by Italian Intellectuals at the Beginning of the Seventeenth Century

Kirill Elokhin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: kelokhin@gmail.com

Researcher ID: AAM-4858-2020

Lubov Tsyganova, HSE University (Moscow, Russia).

E-mail: ltsyganova@hse.ru

Researcher ID: K-3331-2015

Abstract. In this article, the authors examine the discussion among seventeenth-century Italian intellectuals about the *impresa* and their interpretation. The emphasis is on personal badges, which were not strictly regulated, in contrast to generic ones. The source bases of the study were the works on heraldic signs and emblems by Giovanni Ferro, Lodovico Domenichi, Paolo Giovio, Giulio Capaccio and others. The aim of the study is to highlight the attitude of Early Modern Italian intellectuals to the personal badge of Emperor Charles V. The authors analyse not only the changes in attitude, but also the conditions under which this took place, namely the Spanish-Italian emblematic production that was taking shape at the time. The study aims to add to the knowledge about the Charles V's badge that exists in the contemporary scholarly discourse. The sources are limited by quantity, class prejudices and the range of knowledge available in the era under study, which from the point of view of heraldry is of some interest. Italian authors sought to attribute the origin of coats of arms to the times of Ancient Greece and Rome and put forward various assumptions about the origin of the term *impresa*. The badge of Emperor Charles V, the Pillars of Hercules, which was one of the most significant emblems in the imperial coat of arms, aroused great interest among intellectuals. They created legends around the emperor's badges, and myth-making among them continues to this day. Italian intellectuals, by studying and describing the badges, contributed to the spread of heraldry in Italian literary culture.

Keywords: heraldry, heraldic signs, pictorial mottos, Italy, intellectual discussion, Charles V, Holy Roman Emperor.

Изобразительными девизами — почетными дополнениями к гербам (*impresa*) — среди специалистов по геральдике занимаются очень немногие. Большая часть из них — искусствоведы, и к письменным источникам в своих работах они практически не обращаются. Как правило, большинство исследователей-гербоведов, являясь специалистами по истории той или иной европейской страны, занимаются изучением изобразительных девизов именно в этих странах.

Исследования, посвященные изобразительным девизам в трудах интеллектуалов, живших в раннее Новое время, немногочисленны¹, тем более если речь идет об эрудитах, живших в иных странах. Об этой проблеме хорошо известно². И в целом специальных работ по

¹ Елохин К.А. К вопросу об изобразительных девизах в Испании XVI века по письменным источникам // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. № 21. С. 147–172; *Его же.* Испанские изобразительные девизы во второй половине XVIII века по письменным источникам // Новая и новейшая история. 2019. № 4. С. 27–38. DOI: 10/31857/S013038640005848-0

² Елохин К.А. Изобразительные девизы и другие визуальные признаки в испанском плутовском романе Золотого века // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840012747-0-1/> (дата обращения: 15.04.2021). DOI: 10.18254/S207987840012747-0

геральдике³, посвященных изобразительным девизам Нового времени в Италии, как родовым, так и персональным, не так уж много. Интерес к изобразительным девизам в письменных источниках у историков присутствует, но понимания того, как они функционировали, не достаёт. Таким образом, отсутствуют исследования, которые бы изучали понимание изобразительных девизов различными слоями общества XVI–XVII вв., идентификацию изобразительных девизов в соответствии с социальным статусом их пользователей, если подобная идентификация существовала в принципе.

Исследователи не уделяли специального внимания изобразительному девизу Карла V в виде Геркулесовых колонн как одному из известнейших и важнейших, и данная статья призвана устранить этот недостаток.

Изобразительные девизы в раннее Новое время были частой темой для дискуссий интеллектуалов: говоря о личных (частных) изобразительных девизах, даже ставших родовыми, интеллектуалы рассматривали их как девизы первых принявших их людей.

Возникает логичный вопрос: почему обсуждались личные изобразительные девизы, а не родовые?

Можем предположить, что это происходило под влиянием авторитета автора первого итальянского геральдического трактата «О знаках и гербах» Бартоло ди Сассофerratо, который писал, что «1. Знаки (*insignia*), пожалованные по достоинству либо по должности, носит тот, кто обладает этим достоинством или должностью; прочие же нет. 2. Единственные в своем роде знаки достоинства, скажем, короля, никто не может ни носить, ни заставлять изображать их фигуры как главные, но только как дополнительные... 4. Каждый может взять себе гербы и знаки, носить их и изображать на собственных вещах... Некоторые же присваивают себе гербы либо знаки своей властью. Надо рассмотреть, позволительно ли им это. Я полагаю, что позволительно»⁴.

В Италии в Средние века и раннее Новое время изобразительными девизами обладала каждая семья, каждый город или корпорация⁵, ими пользовались и люди, не имевшие герба, поэтому, затрагивая все образованное общество (кроме иудейской его части, за редким исключением), они были так важны. В этой связи французский историк-гербовед М. Пастуро метко заметил, что «с XIII по XVIII в. все, абсолютно все было геральдизировано»⁶.

Отметим, что научная геральдическая терминология начала складываться в конце XVI в., и лишь в 1680 г. «отец геральдики» К.-Ф. Менестрь попытался дать научное определение герба⁷, да и сам термин «геральдика» тоже появился в XVII в.⁸

На наш взгляд, интеллектуалы обсуждали личные изобразительные девизы, которые не были жестко регламентированы, и их использование в большинстве случаев, кроме, пожалуй, узурпации, было безопасно. Личные изобразительные девизы, даже принадлежавшие папе

³ Работы, посвященные итальянской эмблематике с иных точек зрения, геральдические проблемы практически не затрагивают, также различна терминология, см., например: *Махов А.Е.* Эмблематика: макрокосм. М., 2014; *Его же.* Жанр эмблемы в европейской книжной культуре XVI – начала XVII вв.: проблемы герменевтики и поэтики. М., 2020; *Зеленин Д.А.* Протоэмблематика и проблема генезиса книжной эмблемы // *Вестник Удмуртского университета. История и филология.* 2015. Т. 25. Вып. 5. С. 89–94; Эмблематика и эмблематичность в западноевропейской и русской культуре / под ред. А.Е. Махова. М., 2016.

⁴ Трактат Бартоло ди Сассофerratо «О знаках и гербах» / вступ. статья, перевод А.П. Черных // *Средние века.* Вып. 52. М., 1989. С. 310–313.

⁵ *Tribolati F.* Grammatica araldica ad uso degli italiani. Milano, 1904. P. 28.

⁶ *Pastoureau M.* L'état et son image emblématique // *Culture et idéologie dans la genèse de l'État moderne. Actes de la table ronde de Rome (15–17 octobre 1984).* Rome, 1985. P. 147.

⁷ *Menestrier Cl.-Fr.* Origine des armories. Paris, 1680. P. 33.

⁸ *Черных А.П.* Идея геральдики в геральдических трактатах Средневековья и Нового времени // *Люди и тексты. Исторический альманах.* 2015. Идея истории. К 100-летию со дня рождения М.А. Барга. М., 2016. С. 203–204.

римскому, посторонними могли восхваляться или осуждаться, быть осмеянными, стать темой расхожих шуток⁹.

Высмеивая родовые изобразительные девизы, относившиеся к легитимности и социальному статусу, а значит и к чести всего рода, следовало опасаться кровной мести¹⁰. И хотя с конца XV в. самые кровавые проявления вендетты канули в прошлое¹¹, но к ней прибегали вплоть до XIX в.¹² Кстати, вот еще аргумент в пользу того, чтобы обходить вниманием, пусть даже и случайным, родовые девизы: в Ломбардии в конце XV — начале XVI в. законы кровной мести соблюдали преимущественно представители благородного сословия (т.е. те, кто использовал изобразительные девизы в семейной эмблематике), и право на вендетту служило неформальным признаком границы этого сословия¹³. Высмеивание легитимности рода и его социального статуса, выраженных в изобразительных девизах, могло привести к совершенно очевидным последствиям для любого смельчака, решившегося на это.

В стремлении отодвинуть дату происхождения гербов поближе к Древней Греции и Риму итальянские авторы искренне заблуждались, высказывая ошибочные предположения возникновения термина *impresa*. Дж. Ферро приводит совершенно фантастические мнения целого ряда интеллектуалов, таких как Ж. Рушелли¹⁴, Т. Тассо¹⁵, Дж. Палацци¹⁶, П. Арези¹⁷, Э. Тассо¹⁸ и многих других, выводящих его от английского слова *impresa* или от слова *imprimere*. И в наше время общепринято считать, что он происходит от глагола «предпринимать» (*imprendere*)¹⁹. Книжки по эмблематике писали Э. Тезауро, Т. Тассо, Э. Тассо²⁰, в библиотеках интеллектуалов, например Г. Лети²¹, знавших по нескольку языков, их было немало. Сове-

⁹ Perry M. "Candor Illaesvs": The "Impresa" of Clement VII and Other Medici Devices in the Vatican Stanze // *The Burlington Magazine*. 1977. Vol. 119. № 895. P. 680.

¹⁰ Об обычае кровной мести в позднее Средневековье и раннее Новое время см.: *Muir E.* Mad Blood Stirring. Vendetta and Factions in Friuli during the Renaissance. Baltimore; London, 1993; *Dean T.* Marriage and Mutilation: Vendetta in Late Medieval Italy // *Past & Present*. 1997. № 157. P. 3–36; *Rose C.* "To be remedied of any vendetta": Petitions and the avoidance of violence in early modern Parma // *Crime, Histoire & Sociétés*. 2012. Vol. 16. № 2. P. 5–27; *Povolo C.* Feud and vendetta: Customs and trial rites in medieval and modern Europe. A legal-Anthropological approach // *Acta Histriae*. 2015. № 23. P. 195–244; *Rose C.S.* Homicide in North Italy: Bologna, 1600–1700. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Toronto, 2016.

¹¹ *Dean T.* Violence, Vendetta and Peacemaking in Late Medieval Bologna // *Crime, Gender and Sexuality in Criminal Prosecutions* / ed. L.A. Knafla. London, 2002. P. 14.

¹² *Pigliari A.* "Inizio e fine del sangue". Onore e vendetta nella scienza cavalleresca di Scipione Maffei // *Giornale Critico di Storia delle Idee*. 2012. № 7. P. 39.

¹³ *Andreozzi D.* Nascita di un disordine. Una famiglia signorile e una valle piacentina tra XV e XVI secolo. Milano, 1993. P. 231–239.

¹⁴ *Рушелли, Жиrolамо* (Girolamo Ruscelli, 1518–1566) — итальянский математик и картограф, автор трактатов об изобразительных девизах *Ragionamento di mons. Paolo Gioivo sopra i motti, & disegni d'arme, & d'amore, che communemente chiamano imprese: con vn discorso di Girolamo Ruscelli, intorno allo stesso soggetto* (1556) и *Le Imprese illustri, con espositioni e discorsi* (1566).

¹⁵ *Тассо, Торкуато* (Torquato Tasso, 1544–1595) — итальянский поэт, автор трактата о героической поэме *Dialogo di M. Torquato Tasso. Nuovamente Posto In Luce, & Con Diligenza Corretto* (1581).

¹⁶ *Палацци, Джованни Андреа* (Giovanni Andrea Palazzi, XVI в.) — итальянский мыслитель, автор трактата *I Discorsi di M. Gio. Andrea Palazzi sopra l'imprese* (1575).

¹⁷ *Арези, Паоло* (Paolo Cesare Aresi, 1574–1644) — итальянский философ, теолог, епископ города Тортона, автор трактата о священных изобразительных девизах *Imprese Sacre con triplicati discorsi illustrate & arricchite* (1621).

¹⁸ *Тассо, Эрколе* (Hercole Tasso, 1540–1613) — итальянский поэт, философ и политик, автор трактатов *Della realtà & perfettione delle imprese. Con l'essamine di tutte le openioni infino a qui scritte sopra tal'arte* (1612) и *Della realtà & perfettione delle imprese di Hercole Tasso con l'essamine di tutte le openioni infino a qui scritte sopra tal' arte* (1612).

¹⁹ *Ferro G.* Teatro d'imprese di Giouanni Ferro all'ill[ustrisi]mo e r[everendissi]mo cardinal Barberino. Parte prima [-Seconda]. Venetia, 1623. P. 1–3.

²⁰ *Gregorio M.D.* A Scholar's Library from the Seventeenth Century: The Books of Gregorio Leti (1630–1701). Leiden, 2019.

²¹ *Лети, Грегоріо* (Gregorio Leti, 1630–1701) — итальянский писатель, сатирик, историк.

менники спорили, что можно выразить с помощью изобразительного девиза, какие мысли, чувства, настроения, пожелания или намерения, а чего нельзя, и приходили к убеждению, что для этого требуются другие приемы, видов которых было великое множество.

В рассматриваемый период в Италии существовала культурная оппозиция между Феррарой и Венецией, с одной стороны, и Флоренцией — с другой²². Однако культурная оппозиция никак не влияла на обсуждаемую в данном контексте тему — споры были личностными.

Рушелли критиковал Альчати²³ за то, что тот не делал различия между изобразительными девизами и другими знаками: ливрея, эмблема и прочее²⁴; четкое различие есть у Палацци²⁵.

До сих пор некоторые исследователи эмблем смешивают эти понятия, например итальянский историк С. Маффеи полагает, что, «хотя изображения ассоциируются с изобразительным девизом из-за наличия изображений и словесных девизов, их также можно считать эмблемами, учитывая их универсальные характеристики»²⁶.

В XVI в. большая часть Италии попала под власть испанских Габсбургов, одним из ярчайших представителей которых был император Карл V. Его изобразительный девиз — Геркулесовы колонны, увенчанные императорской и королевской коронами и соединенные девизной лентой с надписью на латинском языке *Plus Ultra* (еще дальше), — вызывал огромный интерес у интеллектуалов, так как был одним из самых значимых в императорской эмблематике. Его описание встречается во всех серьезных трудах и собраниях символов, эмблем и знаков на протяжении довольно длительного времени.

До того как Карл V принял словесный девиз *Plus Ultra*, у него был другой: на латинском языке *Nondum* (еще не [оправдал]), с которым он сражался на турнирах в Испании²⁷. Изначально колонны девизной ленты не имели, эти элементы были добавлены позже²⁸. Мог измениться язык, на котором был написан словесный девиз, например на немецкий²⁹ или французский³⁰, также могло измениться изображение. На основе изобразительного девиза с Геркулесовыми колоннами (появившегося около 1519 г.) итальянец Л. Марлиано, личный врач Карла V и епископ Туй, позже разработал другой изобразительный девиз с орлом между колоннами³¹.

²² *Arbizioni G.* Gioivo, Domenichi e le Imprese // *Bollettino Storico Piacentino. Rassegna semestrale di storia, lettere e arte fondata da Stefano Fermi.* Anno CX. Piacenza, 2015. P. 184; *Barral i Altet X.* Firenze e Venezia. Qualche nota a margine sulla percezione della città Medievale e Rinascimentale // *Ciutats mediterrànies: l'espai i el territori / coord. por F.Sabaté i Curull.* Barcelona, 2020. P. 170.

²³ *Альчати, Андреа* (Andrea Alciati, 1492–1550) — итальянский юрист и писатель.

²⁴ *Ruscelli I.* Le Imprese Illvstri con Espositioni, et discorsi del St Ieronimo Rvscelli. Al serenissimo et sempre felicissimo re catolico, Filippo d'Avstria. Lib. II. Pt. III. Venetia, 1572. P. 136v.

²⁵ *Palazzi G.A.* I Discorsi hela fileole. Di M. Gio. Andrea Palazzi Sopra L'Imprese: Recitati Nell' Accademia d'Urbino: Con la Tauola delle cose più notabili, che in toro fe contengono. Bologna, 1575. P. 57.

²⁶ *Maffei S.* Gioivo's dialogo delle imprese militari e amorose and the Museum // *The Italian Emblem: A Collection of Essays / eds D. Mansueto, E.L. Calogero.* Vol. 12. Glasgow, 2007. P. 36.

²⁷ *Kahl C.* Lehrjahre eines Kaisers — Stationen der Persönlichkeitsentwicklung Karls V. (1500–1558). Eine Betrachtung habsburgischer Fürstenerziehung / bildung zum Ende des Mittelalters. Trier, 2008. S. 288. Notiz 1235.

²⁸ *Rosenthal E.* Plus Ultra, Non plus Ultra, and the Columnar Device of Emperor Charles V // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* 1971. Vol. 3. P. 204–228; *Idem.* The Invention of the Columnar Device of Emperor Charles V at the Court of Burgundy in Flanders in 1516 // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* 1973. Vol. 36. P. 198–230.

²⁹ Гравюра А. Дюрера, изображающая Карла I; также гравюра Мастера Петрарка «Молодой Карл» в Британском музее.

³⁰ *Minguez V.* Los reyes solares: iconografía astral de la monarquía hispánica. Castelló de Plana, 2001. P. 92.

³¹ *Gioivo P.* Dialogo delle imprese militari e amorosi di Monsignor Paolo Gioivo Vescovo di Nucera. Rome, 1555. P. 47.

Интеллектуалы слагали вокруг изобразительного девиза Карла V в виде Геркулесовых колонн мифы и легенды, и сами же верили в них. Так, П. Джовио писал, что он обозначает «счастливое приобретение западной Индии, которое превышает всю славу древних римлян»³².

Э. Тезауро³³ приводил легенду о создании изобразительного девиза Карла V: «Рушелли указывает (чтобы дать несколько примеров) на две колонны, увенчанные надписью PLVS VLTRA³⁴, можно предположить, что император Карл Пятый хотел намекнуть на счастливое плавание по Новому Свету; прохождение через горы Абила и Кальпе, предписанное победоносным Геркулесом смелым рулевым. Но он не замечает, что этот славный переход, предшествующий империи Карла, был не его собственной похвалой, а короля Фердинанда Католика, под счастливым покровительством которого лигуриец³⁵ Колумб проплыл между колоннами Алкида, как голубь Ясона³⁶ между Симплегадами. Поэтому император воздвиг этот изобразительный девиз из Геркулесовых колонн с бургундским девизом PLVS OVTRRE (который какой-то идиот на варварской латыни написал PLVS VLTRA) в честь своей двойной победы над Голеттой³⁷ и Тунисом³⁸ за Средиземным морем, имея честь утвердить пару укрепленных крепостей на африканском берегу, чтобы нести католическую веру и обратить варварство обратно в Варварию³⁹. Отсюда Д[он] Ферранте Гонзага⁴⁰, участник его совета и генерал его оружия, умоляя его добиваться полной победы в двух Мавританиях Тингитанской⁴¹ и Цезарийской⁴², использовал этот стимул в одном из своих мудрых посланий: чтобы Его Величество таким образом полностью выполнил славный девиз PLVS OVTRRE, ставший принципиальным с момента победы над Голеттой и Тунисом»⁴³.

Мифотворчество среди интеллектуалов вокруг изобразительного девиза Карла V продолжается до сих пор. Так, сотрудник научной библиотеки Государственного Эрмитажа Ю.Б. Балаханова без указания источника приводит очередную легенду о его начальной истории, которая была «связана с Фердинандом Арагонским и историей формирования испанского герба: в 1492 г., после завоевания Гранады, завершившего Реконкисту, объединенное королевство Кастилии, Леона и Арагона присоединило к себе стратегически важный пункт, являвшийся воротами из Атлантики в Средиземное море, и тогда на гербе Испании появилось изображение Геркулесовых колонн — Columnae Hercule. Согласно

³² *Giovio P. Ragionamento di Mons. Paolo Giovio sopra i motti, & disegni d'arme, & d'amore, che communemente chiamano imprese. con un discorso di Girolamo Ruscelli, intorno allo stesso soggetto. Venetia, 1556. P. 16.*

³³ *Тезауро, Эмануэле* (Emanuele Tesaurò, 1592–1675) — итальянский историк, философ, писатель и драматург.

³⁴ Согласно распространенному в Европе обычаю написания буквы «u», «v» и «b» были взаимозаменяемыми.

³⁵ Лигурия — область на севере Италии, где расположена Генуя, откуда родом Колумб.

³⁶ Возможно, это упоминание является намеком на орден Золотого руна, учрежденный Филиппом III Добрым, герцогом Бургундским, в 1430 г. В 1531 г. Ферранте Гонзага стал кавалером этого ордена.

³⁷ Имеется в виду Хальк-эль-Уэт, ныне муниципалитет и порт тунисской столицы. Голетта была заложена в 1535 г. императором Карлом V, дабы укрепиться на северном побережье Африки. Голетта и прилегающая к ней территория управлялись Испанией в 1535–1574 гг. Поэтому очевидно, что Э. Тезауро ошибается.

³⁸ Победа над турецкими войсками.

³⁹ Арабы и турки сделали берберов «подданными второго сорта», что было закреплено в иерархии кланов.

⁴⁰ *Гонзага, Ферранте* (Ferrante Gonzaga, 1507–1557) — паж Карла V, испанский военный деятель, главнокомандующий (1527), кондотьер.

⁴¹ Тингитанская Мавритания (Mauretania Tingitana) — провинция Римской империи, занимавшая север современного Марокко. Простиралась к югу от Геркулесовых колонн (высоты, обрамляющей вход в Гибралтарский пролив) до Салы и Волюбилиса. Административным центром был город Тингис (ныне Танжер), давший название всей провинции.

⁴² Мавритания Цезарейская (Mauretania Caesariensis) — провинция Римской империи, занимавшая запад современного Алжира.

⁴³ *Tezavro E. Il cannocchiale aristotelico o sia idea delle argutezze heroiche vulgarmente chiamate Imprese. Torino, 1654. P. 139.*

преданиям о Геракле, скалы на берегах Гибралтара – это те самые колонны, которые величайший герой древности возвел на краю мира в память о его походе за быками великана Гериона. По свидетельству Платона, на Гибралтарской скале и на скале Абила были установлены две статуи на высоких колоннах, представлявшие собой своеобразные ворота из Средиземного моря в Атлантику. Тогда же Геракл, желая обозначить край света, пределы мира и предостеречь мореходов, написал здесь: *Nec plus ultra* (и не далее). Именно этот девиз был добавлен Фердинандом к гербу Испании, но Карл V, став императором Священной Римской империи, “бросил вызов” величайшему герою античности, кардинально изменив смысл старой импрезы⁴⁴.

Ф. Гонзага и Карла V восхваляли и другие итальянские интеллектуалы, например Л. Доменичи⁴⁵. Но случалось, что в сборниках изобразительных девизов итальянских эрудитов Геркулесовы колонны отсутствовали⁴⁶. Такое происходило, если автор был приверженцем Франции – извечного врага Испании и Священной Римской империи.

Один из идеологов, разрабатывавших концепцию изобразительного девиза Нового времени, П. Джовио⁴⁷ ошибочно предполагал, что изобразительные девизы появились в Италии с французскими войсками королей Карла VIII и Людовика XII⁴⁸. В другом труде, опубликованном в 1559 г. уже после его смерти, он предложил пять необязательных к исполнению, но желательных правил составления изобразительного девиза: «Первое – правильное соотношение души и тела; второе – [изобразительный девиз] не должен быть слишком темным и непонятным, чтобы для его понимания требовалась Сивилла, но и не настолько ясным, чтобы его понимал каждый плебей; третье – иметь прекрасный вид, что делает его очень праздничным, включая звезды, солнце, луну, огонь, воду, зеленые деревья, механические инструменты, причудливых животных и фантастических птиц; четвертое – не иметь формы человека; пятое – требует словесного девиза, который есть душа тела и должен быть отличным от того языка, на котором говорит обладатель изобразительного девиза так, чтобы чувство было несколько более скрыто: он также должен быть кратким, но не настолько, чтобы начинать сомневаться; случайно два-три слова очень хорошо сочетаются друг с другом; исключение составят другие формы, будь он целый или сломанный»⁴⁹. Нас интересует второе правило.

Эту мысль Джовио поддерживали интеллектуалы Испании, Италии, Франции и иных регионов.

Однако не только плебеи и другие не всесторонне образованные люди не должны были понимать сущность изобразительного девиза, а иногда и интеллектуалы затруднялись в

⁴⁴ Балаханова Ю.Б. Книги импрез в собрании научной библиотеки Государственного Эрмитажа // Государственный Эрмитаж. Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина». Заседание 30 марта 2016 г. СПб., 2016. С. 29.

⁴⁵ Доменичи, Лодовико (Lodovico Domenichi, 1515–1564) – итальянский интеллектуал, автор нескольких трактатов о роли знати и эмблематике, например: *La nobiltà delle donne di m. Lodouico Domenichi. Veneti, 1549.*

⁴⁶ Simeoni G. *Les devises ou emblemes heroiques et morales, inventees par les Gabriel Symeon, a Monseigneur le Constable de France.* Lyon, 1559; *Idem. Imprese heroiche et morali ritrovate da M. Gabriello Simeoni Fiorentino, Al Gran Conestabile di Francia.* Lyone, 1559.

⁴⁷ Джовио, Паоло (Paolo Giovio, 1483–1552) – епископ Ночерский, итальянский ученый-гуманист, придворный врач римских пап, историк, биограф, географ, коллекционер.

⁴⁸ Giovio P. *Ragionamento di Mons...* P. 5. По мнению М. Пастуро, изобразительные девизы появились в Италии в середине XIV в., см.: *Pastureau M. Aux origines de l’emblème: la crise de l’héraldique européenne aux XVe et XVIe siècles // Pastureau M. L’Hermine et le Sinople. Etudes d’héraldique médjévale.* Paris, 1982. P. 327.

⁴⁹ Giovio P. *Dialogo dell’imprese militari et amoroze di monsignor Giovio Vescouo di Nocera; Con vn Ragionamento di Messer Lodouico Domenichi, nel medesimo soggetto. Con la tavola.* Lione, 1559. P. 9; *Idem. Ragionamento di Mons...* P. 6–7.

этом, так, например, Дж.Ч. Капаччо⁵⁰ писал, что сами изобразительные девизы не настолько наглядны и не настолько естественны, чтобы можно было их понять⁵¹.

Интерпретацией некоторых изобразительных девизов специалисты занимаются до сих пор, насколько успешно — трудно сказать, новые версии интерпретаций появляются довольно регулярно⁵².

Отметим, что и эмблемы (особый вид знаков, введенный в обиход А. Альчати⁵³, сочетающий изображение, словесный девиз, как правило на латыни, и расшифровку всей композиции в текстовом виде — т.е. буквально это был изобразительный девиз с эпиграммой⁵⁴), в том числе размещаемые на монетах (без расшифровки), по мысли теоретиков, также должны были быть непонятны невеждам. Чтобы не быть таковыми, людям, жившим в Новое время, приходилось покупать многочисленные книги эмблем, которых до начала XVIII в. было издано около 1 тыс.

Геральдика с XVI в. стала считаться элитарной. А.П. Черных отмечал, что «суть метаморфоз, которые претерпела геральдика в XVI—XVII вв., была в том, что к началу XVIII в. гербы действительно стали атрибутом знати»⁵⁵. Соответственно, и изобразительный девиз как почетное дополнение к гербу также не должен был быть доступным простолюдинам.

Эту мысль в XVI в. в общеевропейской дискуссии о месте знати активно развивали по всей Европе испанцы⁵⁶, французы⁵⁷, бельгийцы⁵⁸, немцы⁵⁹ и др. Навязывание элитарности привело к кризису геральдики, лишило ее простоты, всеобщей доступности и массового употребления, поскольку она стала для большинства населения не только недоступной, но и ненужной. Французский историк Л. Шарбонно-Лассе утверждал, что в эпоху Ренессанса фигуры в геральдике во многом утратили христианскую семантическую компоненту⁶⁰. Вопрос, насколько это касается изобразительных девизов, требует отдельного исследования.

Появились иные каналы коммуникации, явленные в различного рода знаках, например героглифико⁶¹ (знаки преимущественно личного характера, но иногда и корпоратив-

⁵⁰ Капаччо, Джулио Чезаре (Giulio Cesare Capaccio, 1552–1631) — неаполитанский богослов, историк и поэт.

⁵¹ Capaccio G.C. Delle imprese trattate di Giulio Cesare Capaccio in tre libri diuiso. Napoli, 1592. P. 71.

⁵² Ames-Lewis F. Early Medicean Devices // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1979. Vol. 42. № 1. P. 122–143; Liebenwein W. Die “Privatisierung” des Wunders: Piero de’ Medici in SS. Annunziata und San Miniato // Piero de’ Medici “il Gottoso” (1416–1469): Kunst im Dienste der Mediceer/Art in the Service of the Medici / eds A. Beyer, B. Boucher. Berlin, 1993. P. 251–290; Koch L.A. Power, Prophecy, and Dynastic Succession in Early Medici Florence: The Falcon Impresa of Piero di Cosimo de’ Medici // Zeitschrift für Kunstgeschichte. 2010. Bd. 73. H. 4. S. 510.

⁵³ Альчати, Андреа (Andrea Alciati, 1492–1550) — итальянский юрист и писатель, автор книги *Viri clarissimi D. Andree Alciati Iuriconsultis. Mediol. ad D. Chonradum Peutingeru Augustanum, Iuriconsultum Emblematum liber*. Augsburg, 1531.

⁵⁴ Miedema H. The Term Emblema in Alciati // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1968. Vol. 31. P. 249.

⁵⁵ Черных А.П. Появление гербов как проблема гербоведения и истории XII века // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 74 (3–4). М., 2013. С. 132.

⁵⁶ Guardiola J.B. Tratado de nobleza, y de los titulos y ditados que oy dia tienen los varones claros y grandes de Espana [...]. Madrid, 1591. Fol. 31v.–33r.

⁵⁷ Bara H. de. Le blason des armoiries. Lyon, 1579. P. 5, 95.

⁵⁸ Gailliard C. Le Blason des Armes suivi de l’Armorial des villes, châtelainies, cours féodales, seigneuries et familles de l’ancien Comté de Flandre... Bruxelles, 1866. Ch. V.

⁵⁹ Spangenberg C. Under Teil des Adelspiegels. Schmalkalden, 1591/1594.

⁶⁰ Шарбонно-Лассе Л. Бестиарий Христа. Энциклопедия мистических существ и животных в христианстве. Т. 1. Ч. I–VIII. Ч. I. Введение. М., 2017. С. 55–56.

⁶¹ Термин впервые был предложен в работе: Елохин К.А. К вопросу об эмблематической репрезентации испанской знати в Новом Свете в XVIII веке // Signum. Вып. 12. Не только геральдика. Сб. статей к 70-летию Александра Петровича Черных / вып. ред. Д.С. Староскольская. М., 2022. С. 212; Егоя же. К вопросу об итальянских родовых изобразительных девизах в монетах раннего Нового времени // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 6. URL: <https://history.jes.su/s207987840027250-4-1/> (дата обращения: 15.07.2023). DOI: 10.18254/S207987840027250-4

ного; в испанской и частично итальянской геральдике с начала XVII в. имевшие ярко выраженную геральдическую составляющую)⁶², шифры⁶³ и эмблемы. Частично они исполняли функции изобразительного девиза, поэтому интеллектуалы вели активную дискуссию в европейском обществе в целом и в Италии в частности о роли и месте изобразительного девиза. Эти знаки в трудах итальянских эрудитов стояли в одном ряду, буквально через запятую⁶⁴, и использовались ими в случае нужды в различных ситуациях, дополняя, а зачастую перекрывая друг друга, в каждом случае предоставляя зрителю что-то свое, особенное, как специальный канал коммуникации. Геральдическая культура эклектична по сути, и сложно в огромном геральдическом пространстве найти и установить какие-нибудь признаки, присущие тем или иным знакам в большей степени, чем остальным, сложить их в систему или ее подобие с учетом развития региональных особенностей геральдических традиций, отличных от иных традиций, что еще больше затрудняет работу исследователя.

Отметим, что средневековые изобразительные девизы принципиально отличались от изобразительных девизов Нового времени. Изучению данного вопроса посвящено специальное исследование⁶⁵, поэтому мы не будем на этом останавливаться. Изобразительные девизы Нового времени представляют собой малоизученное явление, и данная работа, отчасти, способствует раскрытию некоторых особенностей его восприятия интеллектуалами, жившими в ту эпоху.

Учитывая, что множество монет с изобразительными девизами были отчеканены в меди и рассчитаны на обращение среди простонародья, возникает вопрос — для чего на этих монетах помещали изобразительные девизы, если простолюдины и не должны были понимать их значение? Практика чеканки монет с изобразительными девизами для простонародья, существовавшая с позднего Средневековья, говорит, что действительность отличалась от того, что предлагали и обсуждали интеллектуалы на протяжении большей части Нового времени.

В этом контексте следует задаться вопросами: что понимали представители третьего сословия, в том числе аноблированные, под изобразительными девизами, помещенными на монетах? И как вообще понимали чужие изобразительные девизы? Дж.Ф. Ферро писал, что изобразительные девизы со словесными девизами, но не содержащими глаголов, могли быть интерпретированы по-разному, как, например, *Plus Ultra* Геркулесовых колонн⁶⁶. Ферро разработал концепцию новых знаков⁶⁷, споривших с изобразительными девизами; они должны были восхвалять славные события прошлого⁶⁸, и быть размещенными на монетах, медалях, и даже в книгах⁶⁹, тогда как изобразительные девизы свидетельствовали о намерениях, направленных в будущее.

⁶² В польской книжной культуре знаки геролифико заняли промежуточное положение между эмблемами и гербами, см.: *Górska M. Hieroglifik w teorii Rzeczypospolitej (XVII–XVIII wieku). Zarys problematyki // Terminus. 2012. Vol. 14. Iss. 25. P. 15–46.*

⁶³ *Palatino G.B. Libro nuovo d'imparare a scrivere tutte sorte lettere antiche, et moderne di tutte nationi, con nuove regole, misure, et essempli. Rome, 1540.*

⁶⁴ *Ferro G. Teatro d'imprese... P. 5.*

⁶⁵ *Lippincott K. The Genesis and Significance of the Fifteenth-century Italian Impresa // Chivalry in the Renaissance / ed. A. Sydney Anglo. Woodbridge (NG), 1990. P. 49–76.*

⁶⁶ *Ferro G.F. Ombre apparenti nel teatro d'imprese di Giovanni Ferro: illustrate dal medesimo Autore col lume di nuove considerationi. Venetia, 1629. P. 85.*

⁶⁷ Дж.Ф. Ферро именовал их привычным термином «реверс» (ит. *rovesci*), однако это концептуально иные знаки, и мы предлагаем назвать их «ровеччио», дабы не возникало путаницы и было приемлемо для русского языка с сохранением итальянского колорита. Термин впервые введен в работе: *Дыганова Л.А., Елохин К.А. Идея Джованни Ферро (1582–1630) о внедрении нового вида знаков ровеччио // VII Международная научная конференция, посвященная 85-летию Донецкого национального университета. Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности, г. Донецк 27–28 октября 2022 г. Донецк, 2022. С. 54–56.*

⁶⁸ *Ferro G. Teatro d'imprese... P. 136, 198.*

⁶⁹ *Ferro G.F. Ombre apparenti... P. 258–259.*

Об узости сферы использования речвеччио говорит то, что Ферро предлагал применять их только тогда, когда речь шла о восхвалении (lode) изображенного на медали персонажа: «Но если мы будем рассматривать [знаки] речвеччио не с точки зрения их происхождения, т.е. места, где они помещены, а с точки зрения их природы, данной им людьми и подтвержденной таким непрерывным или долгим использованием... мы увидим, что это было не чем иным, как вещами, относящимися к славе и величию»⁷⁰. Таким образом, Ферро мог подразумевать под речвеччио некий набор знаков, обозначающих абстрактное понятие, например славу. При этом изъяснять эту славу он предлагал с помощью малопонятных ему самому инструментов в виде знаков геролифико, эмблем и аллегорий, однако не скрывал, что в этих случаях они с трудом поддаются объяснению⁷¹.

Он утверждал, что изобразительный девиз Карла V с Геркулесовыми колоннами и словесным девизом Plus Ultra обращен в прошлое⁷², и, хотя сам Ферро называл его изобразительным девизом⁷³, теоретически он должен был бы считаться новым видом знаков — речвеччио, но эта эмблематическая композиция настолько внушала ему уважение, что он считал ее выше и изобразительных девизов, и речвеччио вместе взятых⁷⁴. Эти колонны, по его мнению, «способствуют тому, чтобы оставить по себе благородную память и доброе имя добродетелями»⁷⁵.

Дж.Ч. Капаччо, подобно Дж.Ф. Ферро, одновременно противопоставлял и смешивал термины «речвеччио» и «изобразительный девиз»: «Чтобы оставить другие [знаки], которые не нуждаются в демонстрации, необходимо будет согласиться с одним из двух: или что речвеччио суть изобразительного девиза, или что эти изобразительные девизы не настоящие, а есть речвеччио, что верно. И вовсе первые люди мира не использовали эти [знаки] в качестве изобразительного девиза, подтверждающего вооруженную доблесть»⁷⁶.

На вопрос: «что демонстрировалось при помощи изобразительных девизов — личные качества государя или его определенные цели?», у нас тоже есть ответ. Используя изобразительные девизы в Неаполитанском королевстве лишь на маленьких медных монетах, Карл V, вероятно, стремился сообщить самым широким слоям населения, в первую очередь неграмотным и бедным, что он — правитель-победитель (монета с изображением груди трофейного оружия) и одновременно объединитель (изобразительный девиз Plus Ultra), при этом верный католик (иерусалимский крест) и борец за веру с турками (под властью которых находился Иерусалим). Бургундским девизом на серебряной монете небольшого веса (1,47 г) достоинством в половину карлино Карл V, предположительно, мог сообщать свою принадлежность и поддержку дому Габсбургов, возглавлявшему Священную Римскую империю, также воевавшему с турками.

Можно осторожно предположить, что если даже образованнейшие люди своей эпохи, представители знати понимали гербы и изобразительные девизы, размещенные на монетах, как единое целое (например, барон Ж.Б. Тавернье (1605–1689), путешествуя по территории Османской империи, Персии и Индии, заметил, что на серебряных персидских монетах, в отличие от европейских, «нет изображений гербов и образа короля»⁷⁷), то и представители третьего сословия также могли иметь подобные воззрения.

⁷⁰ *Ferro G.* Teatro d'impresse... P. 285–286.

⁷¹ *Ibid.* P. 292.

⁷² *Ferro G.F.* Ombre apparenti... P. 200.

⁷³ *Ferro G.* Teatro d'impresse... P. 133.

⁷⁴ *Ferro G.F.* Ombre apparenti... P. 219.

⁷⁵ *Ibid.* P. 233–234.

⁷⁶ *Capaccio G.C.* Op. cit. P. 96.

⁷⁷ *Tavernier J.B.* Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier, Ecuier Baron d'Aubonne, en Turquie, en Perse, et aux Indes, Pendant l'espace de quarante ans, & par toutes les routes que l'on peut tenir: accompagnez d'observations particuliers sur la qualité, la religion, le gouvernement, les coûtumes & le commerce de chaque país, avec les figures, le poids, & la valeur des monnoyes qui y ont cours. Livre I. Chap. XII. Paris, 1681. P. 135.

Карл V использовал изобразительные девизы как средство пропаганды в уже известном и привычном качестве, согласно сложившейся и устоявшейся, несмотря на смену правящих в Милане династий, традиции.

«Миф о Геракле, или — что для ренессансного Рима было гораздо ближе — миф о Геркулесе, чрезвычайно популярен в Италии в эпоху Возрождения. В нем привлекали главным образом героическая целеустремленность и величие его подвигов, совершенных в тяжелейших обстоятельствах, моральная доблесть, *virtu*, позволившие ему достигнуть бессмертия и быть причисленным к олимпийскому пантеону»⁷⁸.

«В раннее Новое время, как и всегда, миф становится действенной частью, инструментом внешней политики, а рост национального самосознания сопровождается складыванием национальных стереотипов. Уже в период позднего Средневековья, но главным образом в эпоху Возрождения, формирующиеся европейские нации ищут собственные символы»⁷⁹.

Герцог Эрколе I⁸⁰ чеканил монеты с изображением подвигов Геркулеса (как раз с немейским львом и гидрой), и эти изображения вполне могут быть признаны не просто аллегориями, а именно изобразительными девизами по аналогии с колоннами Геркулеса в изобразительном девизе Карла V, а также с тем, как Чезаре Борджиа использовал словесный девиз *Aut Cesar Aut Nihil*, подражая Юлию Цезарю, просто в визуальной форме. Историк искусства Р. Шеперд предполагает, что Альфонсо I использовал свой нумизматический образ, чтобы подчеркнуть преемственность своего правления с правлением отца⁸¹, тем более что сходство аверсов монет отца и сына было практически полным⁸². Скорее всего, данная ошибка неслучайна, поскольку Альфонсо I и далее продолжал чеканить монеты, воспроизводящие на реверсе победу над львом и другие подвиги Геркулеса. Монеты со сценами подвигов Геркулеса в Италии известны с античных времен, но колонны на них не изображались⁸³.

Можно констатировать, что в исследуемый период представители третьего сословия, по крайней мере проживавшие в городах, где геральдика была частью культурного пространства, понимали, что хотели сказать им их правители с помощью изобразительных девизов на монетах, несмотря на то, что некоторые интеллектуалы ратовали, чтобы геральдика и неотъемлемая часть оной, изобразительные девизы, стали недоступны представителям престоноародья.

Подводя итог, можно отметить, что итальянские интеллектуалы обсуждали личные изобразительные девизы, а не родовые, поскольку это было более безопасно и вряд ли могло вызвать какое-то недовольство целого рода, представитель которого мог затаить обиду на насмешника. В раннее Новое время изобразительные девизы представляли собой знаки, близкие к гербам, и почти столь же важные для успешной коммуникации в эмблематическом городском пространстве. Среди целого ряда других знаков их выделяли, подобно гербам, придавая тем самым определенную элитарность. Изобразительные девизы мифологизировали, как и гербы, еще более сближая с последними. Среди важнейших изобразительных девизов был девиз Карла V с Геркулесовыми колоннами. Интерес итальянских интеллектуалов к нему был неслучаен. Он отражает вовлеченность итальянских эрудитов в образующееся в тот период испано-итальянское геральдическое

⁷⁸ Тучков И.И. «Подвиги Геракла» на вилле Фарнезе в Капракола // Миф в культуре Возрождения / отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2003. С. 166.

⁷⁹ Дорнин А.В. Миф и национальная история в культуре Возрождения в Германии // Там же. С. 206.

⁸⁰ Д'Эсте, Эрколе (Ercole d'Este, 1431–1505) — герцог Модены, Феррары и Реджо-нель-Эмилия.

⁸¹ Shepherd R. A Note About an Article About a Letter About Looking at Coins // Shepherd R. Museum documentation manager and art historian. URL: <https://rupertshepherd.info/renaissance/a-note-about-an-article-about-a-letter-about-looking-at-coins> (дата обращения: 23.01.2023).

⁸² Syson L. Circulating a Likeness? Coin Portraits in Late Fifteenth-Century Italy // Mann N. The Image of the Individual: Portraits in the Renaissance. London, 1998. P. 113–125; 216–221.

⁸³ Stannard C. The labors of Hercules on central Italian coins and Tesseræ of the first century BC // FIDES Contributions to Numismatics in Honor of Richard B. Witschonke / eds P.G. van Alfen, G. Bransbourg, M. Amandry. New York, 2015. P. 357–378.

пространство, в него входили и представители третьего сословия, против чего выступали некоторые итальянские эрудиты.

Итальянские интеллектуалы были одними из первых, кто способствовал распространению испанской геральдики в книжной культуре Италии и, шире, латиноязычного мира. Вовлеченность была основана не только на желании угодить власти имущим, но и разобратсья, чем же в Новое время стал изобразительный девиз, как он изменялся на их глазах, что он представлял собой в более ранний период, который они еще средневековым не называли. И все это происходило в контексте появления в складывавшемся эмблематическом пространстве новых каналов коммуникации, выраженных с помощью новых знаков, не сильно отличающихся от изобразительного девиза, а зачастую исполняющих его роль.

Библиография / References

Балаханова Ю.Б. Книги импрез в собрании научной библиотеки Государственного Эрмитажа // Государственный Эрмитаж. Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина». Заседание 30 марта 2016 года. СПб., 2016. С. 7–40.

Доронин А.В. Миф и национальная история в культуре Возрождения в Германии // Миф в культуре Возрождения / отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2003. С. 198–209.

Елохин К.А. Испанские изобразительные девизы во второй половине XVIII века по письменным источникам // Новая и новейшая история. 2019. № 4. С. 27–38. DOI: 10/31857/S013038640005848-0

Елохин К.А. К вопросу об изобразительных девизах в Испании XVI века по письменным источникам // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. № 21. С. 147–172.

Елохин К.А. К вопросу об итальянских родовых изобразительных девизах в монетах раннего Нового времени // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 6. URL: <https://history.jes.su/s207987840027250-4-1/> (дата обращения: 15.07.2023). DOI: 10.18254/S207987840027250-4

Зеленин Д.А. Протоэмблематика и проблема генезиса книжной эмблемы // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25. Вып. 5. С. 89–94.

Махов А.Е. Жанр эмблемы в европейской книжной культуре XVI – начала XVII вв.: проблемы герменевтики и поэтики. М., 2020.

Трактат Бартоло ди Сассоферрато «О знаках и гербах» / вступ. статья, перевод А.П. Черных // Средние века. Вып. 52. М., 1989. С. 307–322.

Тучков И.И. «Подвиги Геракла» на вилле Фарнезе в Капракола // Миф в культуре Возрождения / отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2003. С. 164–178.

Цыганова Л.А., Елохин К.А. Идея Джованни Ферро (1582–1630) о внедрении нового вида знаков речевичю // VII Международная научная конференция, посвященная 85-летию Донецкого национального университета. Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности, г. Донецк 27–28 октября 2022 г. Донецк, 2022. С. 54–56.

Черных А.П. Появление гербов как проблема гербоведения и истории XII века // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 74. М., 2013. С. 124–149.

Шарбонно-Лассе Л. Бестиарий Христа. Энциклопедия мистических существ и животных в христианстве. Т. 1. Ч. I–VIII. М., 2017.

Эмблематика и эмблематичность в западноевропейской и русской культуре / под ред. А.Е. Махова. М., 2016.

Balakhanova Yu. B. Knigi imprez v sobranii nauchnoy biblioteki Gosudarstvennogo Ermitazha [Imprezha books in the collection of the scientific library of the State Hermitage] // Gosudarstvennyy Ermitazh. Seminar “Gerald’ dika – vspomogatel’ naya istoricheskaya distsiplina”. Zasedaniye 30 marta 2016 goda [The State Hermitage. Seminar “Heraldry is an auxiliary historical discipline”. Meeting March 30, 2016]. Sankt-Peterburg, 2016. S. 7–40. (In Russ.)

Doronin A. V. Mif i natsional’ naya istoriya v kul’ ture Vozrozhdeniya v Germanii [Myth and national history in the culture of the Renaissance in Germany] // Mif v kul’ ture Vozrozhdeniya [Myth in the culture of the Renaissance] / отв. ред. Л.М. Брагина. Москва, 2003. S. 198–209. (In Russ.)

Elokhin K. A. Ispanskiye izobrazitel’ nyye devizy vo vtoroy polovine XVIII veka po pis’ mennym istochnikam [Spanish pictorial mottos in the second half of the 18th century according to written sources] // Novaya i novejschaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. № 4. S. 27–38. DOI: 10/31857/S013038640005848-0 (In Russ.)

Elokhin K. A. K voprosu ob ital’ yanskikh rodovykh izobrazitel’ nykh devizakh v monetakh ranнего Novogo vremeni [On the issue of Italian generic pictorial mottos in coins of early Modern Times] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel’ nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2023. T. 14. Vyp. 6. URL: <https://history.jes.su/s207987840027250-4-1/> (access date: 15.07.2023). DOI: 10.18254/S207987840027250-4 (In Russ.)

Elokhin K.A. K voprosu ob izobrazitel'nykh devizakh v Ispanii XVI veka po pis'mennym istochnikam [On the question of pictorial mottos in Spain of the 16th century according to written sources] // *Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh* [Latin American Historical Almanac]. 2019. № 21. S. 147–172. (In Russ.)

Emblematika i emblematichnost' v zapadnoevropeyskoy i russkoy kul'ture [Emblematics and emblematicity in Western European and Russian culture] / pod red. A.Ye. Makhova. Moskva, 2016. (In Russ.)

Makhov A.Ye. Zhanr emblemy v yevropeyskoy knizhnoy kul'ture XVI – nachala XVII vv.: problemy germeventiki i poetiki [The genre of the emblem in the European book culture of the 16th – early 17th centuries: problems of hermeneutics and poetics]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Sharbonno-Lasse L. Bestiaryi Khrista. Entsiklopediya misticheskikh sushchestv i zhivotnykh v khristianstve [Bestiary of Christ. Encyclopedia of mystical creatures and animals in Christianity]. T. 1. Ch. I–VIII. Moskva, 2017. (In Russ.)

Tchernik A.P. Poyavleniye gerbov kak problema gerbovedeniya i istorii XII veka [The appearance of coats of arms as a problem of heraldism and the history of the 12th century] // *Sredniye veka: issledovaniya po istorii Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni* [Middle Ages: research on the history of the Middle Ages and early modern times]. Vyp. 74. Moskva, 2013. S. 124–149. (In Russ.)

Traktat Bartolo di Sassoferrato “O znakakh i gerbakh” [Treatise by Bartolo di Sassoferrato “On Signs and Coats of Arms”] / vstup. stat'ya, perevod A.P. Tchernik // *Sredniye veka* [Middle Ages]. Vyp. 52. Moskva, 1989. S. 307–322. (In Russ.)

Tsyganova L.A., Elokhin K.A. Ideya Dzhovanni Ferro (1582–1630) o vnedrenii novogo vida znakov rovechchio [The idea of Giovanni Ferro (1582–1630) on the introduction of a new type of rovechchio signs] // VII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchonnaya 85-letiyu Donetskogo natsional'nogo universiteta. Donetskkiye chteniya 2022: obrazovaniye, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti, g. Donetsk 27–28 oktyabrya 2022 g. [VII International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of Donetsk National University. Donetsk Readings 2022: education, science, innovation, culture and modern challenges. Donetsk, October 27–28, 2022]. Donetsk, 2022. S. 54–56. (In Russ.)

Tuchkov I.I. “Podvig Gerakla” na ville Farnese v Kaprakola [“The Labors of Hercules” at the Villa Farnese in Capracola] // *Mif v kul'ture Vozrozhdeniya* [Myth in the culture of the Renaissance] / otv. red. L.M. Bragina. Moskva, 2003. S. 164–178. (In Russ.)

Zelenin D.A. Protoemblematika i problema genezisa knizhnoy emblemy [Protoemblematika I problema genezisa knizhnoy emblem] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i Filologiya* [Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoria i Philology]. 2015. T. 25. Vyp. 5. S. 89–94. (In Russ.)

Alciati A. Viri clarissimi D. Andree Alciati Iurusconsultis. Mediol. ad D. Chonradum Peutingeru Augustanum, Iurisconsultum Emblematum liber. Augsburg, 1531.

Ames-Lewis F. Early Medicean Devices // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1979. Vol. 42. № 1. P. 122–143.

Andreozzi D. Nascita di un disordine. Una famiglia signorile e una valle piacentina tra XV e XVI secolo. Milano, 1993.

Arbizzoni G. Gioivo, Domenichi e le Imprese // *Bollettino Storico Piacentino. Rassegna semestrale di storia, lettere e arte fondata da Stefano Fermi. Anno CX. Piacenza*, 2015.

Bara H. de. Le blason des armoiries. Lyon, 1579.

Barral i Altet X. Firenze e Venezia. Qualche nota a margine sulla percezione della città Medievale e Rinascimentale // *Ciutats mediterrànies: l'espai i el territori / coord. por F. Sabaté i Curull. Barcelona*, 2020. P. 157–170.

Capaccio G.C. Delle imprese trattato di Giulio Cesare Capaccio in tre libri diuiso. Napoli, 1592.

Dean T. Marriage and Mutilation: Vendetta in Late Medieval Italy // *Past & Present*. 1997. № 157. P. 3–36.

Dean T. Violence, Vendetta and Peacemaking in Late Medieval Bologna // *Crime, Gender and Sexuality in Criminal Prosecutions* / ed. L.A. Knafle. London, 2002. P. 1–17.

Domenichi L. La nobilita delle donne di m. Lodouico Domenichi. Venetia, 1549.

Ferro G. Teatro d'imprese di Giouanni Ferro all'ill[ustrisi]mo e r[everendissi]mo cardinal Barberino. Parte prima [-Seconda]. Venetia, 1623.

Ferro G.F. Ombre apparenti nel teatro d'imprese di Giovanni Ferro: illustrate dal medesimo Autore col lume di nuove consideration. Venetia, 1629.

Gailliard C. Le Blason des Armes suivi de l'Armorial des villes, châteltenies, cours féodales, seigneuries et familles de l'ancien Comté de Flandre... Bruxelles, 1866.

Gioivo P. Dialogo delle imprese militari e amorosi di Monsignor Paolo Gioivo Vescovo di Nucera. Rome, 1555.

Gioivo P. Dialogo dell'imprese militari et amorose di monsignor Gioivo Vescouo di Nocera; Con vn Ragionamento di Messer Lodouico Domenichi, nel medesimo soggetto. Con la tavola. Lione, 1559.

Gioivo P. Ragionamento di Mons. Paolo Gioivo sopra i motti, & disegni d'arme, & d'amore, che communemente chiamano imprese. con un discorso di Girolamo Ruscelli, intorno allo stesso soggetto. Venetia, 1556.

Górska M. Hieroglifik w teorii Rzeczypospolitej (XVII–XVIII wieku). Zarys problematyki // *Terminus*. 2012. Vol. 14. Iss. 25. P. 15–46.

- Gregorio M.D.* A Scholar's Library from the Seventeenth Century: The Books of Gregorio Leti (1630–1701). Leiden, 2019.
- Guardiola J.B.* Tratado de nobleza, y de los titulos y ditados que oy dia tienen los varones claros y grandes de Espana [...]. Madrid, 1591.
- Kahl C.* Lehrjahre eines Kaisers – Stationen der Persönlichkeitsentwicklung Karls V. (1500–1558). Eine Betrachtung habsburgischer Fürstenerziehung / bildung zum Ende des Mittelalters. Trier, 2008.
- Koch L.A.* Power, Prophecy, and Dynastic Succession in Early Medici Florence: The Falcon Impresa of Piero di Cosimo de' Medici // Zeitschrift für Kunstgeschichte. 2010. Bd. 73. H. 4. S. 507–538.
- Liebenwein W.* Die “Privatisierung” des Wunders: Piero de' Medici in SS. Annunziata und San Miniato // Piero de' Medici “il Gottoso” (1416–1469): Kunst im Dienste der Mediceer/Art in the Service of the Medici / eds A. Beyer, B. Boucher. Berlin, 1993. P. 251–290.
- Lippincott K.* The Genesis and Significance of the Fifteenth-century Italian Impresa // Chivalry in the Renaissance / ed. A. Sydney. Woodbridge (NG), 1990. P. 49–76.
- Maffei S.* Gioivo's dialogo delle imprese militari e amorose and the Museum // The Italian Emblem: A Collection of Essays / eds D. Mansueti, E.L. Calogero. Vol. 12. Glasgow, 2007. P. 33–63.
- Menestrier Cl.-Fr.* Origine des armoiries. Paris, 1680.
- Miedema H.* The Term Emblema in Alciati // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1968. Vol. 31. P. 234–250.
- Minguez V.* Los reyes solares: iconografía astral de la monarquía hispánica. Castelló de Plana, 2001.
- Muir E.* Mad Blood Stirring. Vendetta and Factions in Friuli during the Renaissance. Baltimore; London, 1993.
- Palatino G.B.* Libro nuovo d'imparare a scrivere tutte sorte lettere antiche, et moderne di tutte nationi, con nuove regole, misure, et essempli. Rome, 1540.
- Palazzi G.A.* I Discorsi hela filole. Di M. Gio. Andrea Palazzi Sopra L'Imprese: Recitati Nell' Academia d'Urbino: Con la Tauola delle cose più notabili, che in toro fe contengono. Bologna, 1575.
- Pastoureau M.* Aux origines de l'emblème: la crise de l'héraldique européenne aux XVe et XVIe siècles // Pastoureau M. L'Hermine et le Sinople. Etudes d'héraldique médiévale. Paris, 1982.
- Pastoureau M.* L'état et son image emblématique // Culture et idéologie dans la genèse de l'État moderne. Actes de la table ronde de Rome (15–17 octobre 1984). Rome, 1985. P. 145–153.
- Perry M.* “Candor Illaesus”: The “Impresa” of Clement VII and Other Medici Devices in the Vatican Stanze // The Burlington Magazine. 1977. Vol. 119. № 895. P. 676–686.
- Pigliari A.* “Inizio e fine del sangue”. Onore e vendetta nella scienza cavalleresca di Scipione Maffei // Giornale Critico di Storia delle Idee. 2012. № 7. P. 39–50.
- Povolo C.* Feud and vendetta: Customs and trial rites in medieval and modern Europe. A legal-Anthropological approach // Acta Histriae. 2015. № 23. P. 195–244.
- Rose C.* “To be remedied of any vendetta”: Petitions and the avoidance of violence in early modern Parma // Crime, Histoire & Sociétés. 2012. Vol. 16. № 2. P. 5–27.
- Rose C.S.* Homicide in North Italy: Bologna, 1600–1700. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Toronto, 2016.
- Rosenthal E.* Plus Ultra, Non plus Ultra, and the Columnar Device of Emperor Charles V // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1971. Vol. 34. P. 204–228.
- Rosenthal E.* The Invention of the Columnar Device of Emperor Charles V at the Court of Burgundy in Flanders in 1516 // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1973. Vol. 36. P. 198–230.
- Ruscelli I.* Le Imprese Illvstri con Espositioni, et discorsi del Sr Ieronimo Rvscelli. Al serenissimo et sempre felicissimo re catolico, Filippo d'Avstria. Lib. II. Pt. III. Venetia, 1572.
- Shepherd R.* A Note About an Article About a Letter About Looking at Coins // Shepherd R. Museum documentation manager and art historian. URL: <https://rupertshepherd.info/renaissance/a-note-about-an-article-about-a-letter-about-looking-at-coins> (access date: 23.01.2023).
- Simeoni G.* Imprese heroiche et morali ritrovate da M. Gabriello Symeoni Fiorentino, Al Gran Conestabile di Francia. Lyone, 1559.
- Simeoni G.* Les devises ou emblemes heroiques et morales, inventees par les Gabriel Symeon, a Monseigneur le Constable de France. Lyon, 1559.
- Spangenberg C.* Under Teil des Adelspieges. Schmalkalden, 1591/1594.
- Stannard C.* The labors of Hercules on central Italian coins and Tesseræ of the first century BC // FIDES Contributions to Numismatics in Honor of Richard B. Witschonke / eds P.G. van Alfen, G. Bransbourg, M. Amandry. New York, 2015. P. 357–378.
- Tavernier J.B.* Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier, Ecuyer Baron d'Aubonne, en Turquie, en Perse, et aux Indes, Pendant l'espace de quarante ans, & par toutes les routes que l'on peut tenir: accompagnez d'observations particuliers sur la qualité, la religion, le gouvernement, les coutumes & le commerce de chaque país, avec les figures, le poids, & la valeur des monnoyes qui y ont cours. Paris, 1681.
- Tezavro E.* Il cannocchiale aristotelico o sia idea delle argutezze heroiche vulgarmente chiamate Imprese. Torino, 1654.
- Tribolati F.* Grammatica araldica ad uso degli italiani. Milano, 1904.

© 2024 г. В.В. ЗЯБРИКОВ

САКСОНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВТОРОЙ СИЛЕЗСКОЙ ВОЙНЫ (август-октябрь 1744 года)

Зябриков Виталий Валерьевич — независимый исследователь (Москва, Россия).

E-mail: vzyabrikov@mail.ru

ORCID: 0009–0009–0013–5953; Researcher ID: IRY-9968–2023

Аннотация. В середине XVIII в. курфюршество Саксония — одно из крупнейших германских государств, объединенное личной унией с Речью Посполитой, — играло значительную роль в европейской политике. Отношениям с Дрезденом отводилось важное место в дипломатических расчетах ведущих держав континента — Великобритании, Франции, Австрии. Это справедливо также и для периода первых двух Силезских войн (1740–1742; 1744–1745), когда резкое усиление политического влияния Пруссии привело к возникновению в Германии двух центров силы, положив начало австро-прусскому противостоянию. И Австрия, и Пруссия были крайне заинтересованы в привлечении на свою сторону Саксонии, ценность которой в качестве потенциального союзника была обусловлена не только наличием крупной армии, но и выгодным стратегическим положением. Роль дрезденского двора в военно-политическом противостоянии Вены и Берлина особенно возросла в годы Второй Силезской войны. Тем не менее вопросы, связанные с участием Саксонии в этом конфликте, слабо изучены в отечественной и зарубежной историографии. В задачи автора входит проанализировать роль саксонской дипломатии в событиях начального этапа Второй Силезской войны, а также прояснить цели и результаты внешней политики курфюршества в рассматриваемый период. Исследование базируется на широком круге источников — документах из Главного государственного архива в Дрездене, Австрийского государственного архива в Вене и Архива внешней политики Российской империи в Москве. Большинство из них либо впервые вводятся в научный оборот, либо не использовались прежде применительно к настоящей теме. Детальное изучение этих документов позволяет прийти к выводу, что в 1744 г. саксонская дипломатия сумела обеспечить себе выгодные позиции на последующих переговорах с Великобританией, Австрией и Республикой Соединенных провинций в Варшаве и Вене, в ходе которых она добилась гарантий будущих денежных субсидий и территориальных приобретений за счет Пруссии.

Ключевые слова: Саксония, внешняя политика, дипломатия, Пруссия, Фридрих Великий, граф Брюль, Фридрих Август II, Война за австрийское наследство, Священная Римская империя, международные отношения.

V.V. Zyabrikov

Saxon Diplomacy in the First Months of the Second Silesian War (August/October 1744)*Vitaly Zyabrikov, independent researcher (Moscow, Russia).**E-mail: vzyabrikov@mail.ru**ORCID: 0009-0009-0013-5953; Researcher ID: IRY-9968-2023*

Abstract. In the mid-eighteenth century, the Electorate of Saxony, one of the largest German states joined in a personal union with the Polish-Lithuanian Commonwealth, played a significant role in European politics. Relations with Saxony were critical in the diplomatic calculations of Europe's major powers, including Great Britain, France, and Austria. This holds true during the time of the Silesian Wars (1740–1742; 1744–1745) as Prussia's strengthening political influence gave rise to two major power centres in Germany. Austria and Prussia were both keen on winning Saxony's favour as a potential ally. Its significant army and advantageous strategic location were the key factors. The importance of Saxony in the military and political conflict between Vienna and Berlin rose during the Second Silesian War. However, not much is known about Saxony's involvement in this conflict as both Russian and foreign historians have not extensively researched it. The article aims to address this gap as comprehensively as possible, in other words, to ascertain the extent of Saxon diplomacy's impact on the initial stage of the Second Silesian War and to establish the objectives and outcomes of Saxon policy during the relevant period. The research is based on a wide range of sources, including the documents from the Main State Archives (Hauptstaatsarchiv) in Dresden, the Austrian State Archives (Österreichisches Staatsarchiv) in Vienna, and the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire in Moscow. Most of the documents had never been used before or were being introduced for the first time for the current subject. The author concludes that during the period in question, Saxon diplomacy managed to gain advantageous positions in negotiations with Great Britain, Austria, and the Republic of the Seven United Netherlands in Warsaw and Vienna in the autumn of 1744 and spring of 1745, securing assurances of forthcoming subsidies and acquisition of some Prussia's territories.

Keywords: Saxony, foreign policy, diplomacy, Prussia, Frederick the Great, Count Brühl, Augustus III, War of the Austrian Succession, Holy Roman Empire, international relations.

При изучении международных отношений середины XVIII в. исследователи традиционно уделяют основное внимание внешней политике пяти великих держав (Австрия, Великобритания, Пруссия, Россия, Франция). Это также справедливо и для работ, посвященных истории европейской дипломатии в период первых двух Силезских войн (1740–1742; 1744–1745), ставших частью общекионтинентального конфликта — Войны за австрийское наследство (1740–1748). В большинстве из них основным предметом исследования являются различные аспекты внешней политики главных участников противостояния — Пруссии и Австрии. Данный подход представлялся вполне обоснованным для таких германских историков XIX — начала XX в., как Леопольд фон Ранке¹, Иоганн Густав Дройзен², Райнхольд Козер³. По их мнению, расширение политического влияния Пруссии при короле Фридрихе II Великом было одним из важных этапов на пути к объединению германских государств под властью династии Гогенцоллернов и образованию империи. Австро-венгерские исследователи, занимавшиеся рассматриваемой проблематикой, в числе которых особого упоминания заслуживают Альфред фон Арнет⁴, Евгений Гуглия⁵, Аладар фон Боровицzeni⁶, фокусировали внимание прежде всего на анализе внешней политики Габсбургской монархии в период правления Марии Терезии.

¹ Ranke L. Zwölf Bücher preussischer Geschichte: 4 Bde. Berlin, 1929.

² Droysen J.G. Geschichte der preußischen Politik: 14 Bde. Bd. 5. Leipzig, 1876.

³ Koser R. König Friedrich der Grosse. Berlin, 1925.

⁴ Arnet A. Geschichte Maria Theresias: 10 Bde. Wien, 1863–1879.

⁵ Guglia E. Maria Theresia, ihr Leben und ihre Regierung: 2 Bde. Oldenbourg; München; Berlin, 1917.

⁶ Boroviczény A. Graf von Brühl Der Medici, Richelieu und Rothschild seiner Zeit. Zürich; Leipzig; Wien, 1930.

В контексте изучения конфликта Австрии и Пруссии темы, связанные с внешней политикой других германских государств (например, Саксонии, Баварии или Ганновера), оставались в тени, занимая лишь вспомогательное место при рассмотрении того или иного аспекта противоборства Вены и Берлина. Однако на фоне наблюдающегося в последние десятилетия возрождения интереса к истории раннего Нового времени дипломатия этих государств в указанный период все чаще становится предметом специальных исследований⁷. Отдельные работы посвящены внешней политике Саксонии в середине XVIII в. Среди них необходимо особо выделить монографию Рене Ханке «Брюль и ниспровержение союзов»⁸, в которой раскрывается роль дрезденского двора в сближении Австрии и Франции, вошедшем в историю как «дипломатическая революция», в период, предшествовавший Семилетней войне (1756–1763). Структурам внешнеполитического ведомства Саксонии посвящено исследование Юдит Матцке «Посольское дело и дипломатическая служба Саксонии 1694–1763»⁹. Кроме того, в ряде научных публикаций, среди которых следует отметить статьи Вальтера Фельмана, Франка-Лотара Кролла, Франка Гезе и Карлхайнца Блашке, рассматриваются вопросы, связанные с польско-саксонской унией 1697–1763 гг.¹⁰ Проблемы взаимоотношений Дрездена и Варшавы в этот период анализируются также в трудах некоторых польских исследователей¹¹. Особого упоминания заслуживают публикации по истории внешней политики Российской империи и российской дипломатии середины XVIII в. Это прежде всего исследования М.Ю. Анисимова¹² и Ф.-Д. Лиштенан¹³. Учитывая тесные связи России с Саксонией и Речью Посполитой в рассматриваемый период, данные работы также представляют интерес в контексте изучаемой темы.

Предлагаемое вниманию читателя исследование посвящено относительно короткому, но важному этапу в истории саксонской дипломатии — первым трем месяцам Второй Силезской войны. В этот период неожиданное вторжение Пруссии в габсбургские владения кардинальным образом изменило положение на театре военных действий и поставило перед европейскими державами новые политические задачи. В рамках настоящей статьи предпринимается попытка проанализировать роль саксонской дипломатии в событиях данного этапа конфликта. Помимо реляций представителей Саксонии и Австрии в европейских столицах, а также направленных им рескриптов из внешнеполитических ведомств этих государств, при работе над темой исследования были использованы и протоколы конференций (заседаний) саксонского Тайного совета, военные рапорты, донесения, а также документы,

⁷ См., например: *Hartmann P.C.* Karl Albrecht — Karl VII. Glücklicher Kurfürst, unglücklicher Kaiser. Regensburg, 1985; *Birke A.M.* England und Hannover — England and Hanover // *Prince Albert Studies* / Hrsg. K. Kluxen. München, 1986.

⁸ *Hanke R.* Brühl und das Renversement des alliances // *Historia profana et ecclesiastica. Geschichte und Kirchengeschichte zwischen Mittelalter und Moderne.* Berlin, 2006. См. также: *Hanke R.* Diplomatie gegen Preussen // *Das Reich und seine Territorialstaaten im 17. und 18. Jahrhundert. Aspekte des Mit-, Neben und Gegeneinander* / Hrsg. von H. Klueping, W. Schmale. Münster, 2004. S. 163–181.

⁹ *Matzke J.* Gesandtschaftswesen und diplomatischer Dienst Sachsens 1694–1763. Leipzig, 2011.

¹⁰ *Fellmann W.* Sachsens Außenpolitik unter Heinrich Graf von Brühl von 1733 bis 1745 // *Dresdener Hefte.* 2001. Bd. 68. S. 11–19; *Blaschke K.* Sachsens Interessen und Ziele in der Sächsisch-Polnischen Personalunion // *Neues Archiv für sächsische Geschichte.* 93 Bde. Bd. 73. Dresden, 2002. S. 43–61; *Kroll F.-L.* Kursachsen im Zeitalter der polnisch-sächsischen Staatenunion, 1697–1763 // *Zwei Staaten, eine Krone: Die polnisch-sächsische Union 1697–1763* / Hrsg. F.-L. Kroll, H. Thoss. 2016. S. 25–44; *Göse F.* Preussen und Sachsen // 1815: Europäische Friedensordnung — Mitteldeutsche Neuordnung / Hrsg. U. Höroldt, S. Pabstmann. Halle, 2017. S. 43–63.

¹¹ См., например: *Зелиньска З.* Позиция Петербурга в отношении планов реформ государственного устройства Речи Посполитой в 1738–1744 гг. // *Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре* / отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2009. С. 148–159.

¹² *Анисимов М.Ю.* Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). М., 2020.

¹³ *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750 // *Материалы и исследования по истории русской культуры* / под ред. Е.В. Пермякова. Вып. 5. М., 2000.

относящиеся к частной и деловой переписке. Большинство указанных источников либо впервые вводятся в научный оборот, либо не рассматривались прежде в таком контексте¹⁴.

Подобно ряду других германских государств, получив, согласно Вестфальскому миру 1648 г., возможность проводить независимую внешнюю политику, Саксония стремилась к расширению зоны своего влияния и обретению королевской короны. Это стремление нашло поддержку у Габсбургов, которые после ослабления власти над крупными чинами монархии по итогам Тридцатилетней войны (1618–1648) использовали помощь при повышении статуса того или иного имперского правителя как инструмент продвижения собственных интересов. Так, при поддержке Австрии курфюршеский титул получил в 1692 г. герцог Брауншвейг-Люнебургский (Ганновер), а в 1701 г. титул короля Пруссии — маркграф Бранденбургский. Для достижения своих целей саксонские курфюрсты из династии Веттинов разработали особую стратегию, краеугольным камнем которой являлась тесная связь с Речью Посполитой. Они также опирались на поддержку Австрии, заинтересованной в укреплении своего влияния и ослаблении профранцузской партии в этой стране. Польско-саксонская уния на некоторое время предоставила Дрездену преимущество перед конкурентами в борьбе за доминирующее положение в германских государствах. Важнейшим из этих конкурентов являлось Королевство Пруссия.

Положение резко изменилось после смерти прусского короля Фридриха Вильгельма I. Его наследник Фридрих II в гораздо большей степени, чем его предшественники, предпочитал руководствоваться не общеимперскими интересами, а интересами своего королевства. После того, как со смертью в 1740 г. императора Карла VI габсбургские земли перешли под скипетр молодой Марии Терезии, прусский король неожиданно вторгся в австрийскую Силезию и оккупировал это герцогство, что положило начало Войне за австрийское наследство, на начальном этапе которой Саксония (вместе с Пруссией) участвовала в составе антиавстрийской коалиции. При будущем разделе владений Габсбургов саксонскому курфюрсту Фридриху Августу II (1733–1763), являвшемуся также в указанный период королем Польши и великим князем Литвы (под именем Августа III), были обещаны Верхняя Силезия и Моравия. Однако военные действия складывались для войск коалиции неудачно, а летом 1742 г. Фридрих II заключил с Австрией сепаратный мир, что позволило ему присоединить к Пруссии Силезию и графство Глац. Это еще более ухудшило положение союзников. После возникновения в сентябре 1742 г. опасности вторжения австрийских войск на территорию Саксонии дрезденский двор вынужден был примириться с Марией Терезией на условиях довоенного статус-кво.

С вхождением Силезии в состав Пруссии Фридрих II добился значительного преимущества перед саксонским соперником. Теперь земли герцогства, которые географически связывали Саксонию и Речь Посполитую, принадлежали не дружественному по отношению к Дрездену венскому двору, а его прямому конкуренту и потенциальному противнику. Территориальное единство наследственных земель и польских владений Августа III, являвшееся необходимой предпосылкой для укрепления польско-саксонской унии и расширения политического влияния курфюршества¹⁵, отныне становилось возможным лишь в случае открытого вооруженного противостояния с Берлином. Из-за разницы в военных потенциалах Саксонии и Пруссии, армия которой считалась в рассматриваемый период лучшей в Европе, одержать победу в этом конфликте можно было лишь в составе сильной коалиции.

Общее стремление Саксонии и Австрии ограничить амбиции Фридриха II привело к заключению 20 декабря 1743 г. военного соглашения между двумя странами¹⁶. Опасения Дрездена относительно потенциальной угрозы со стороны Пруссии нашли пони-

¹⁴ Автор настоящей статьи уже обращался к проблематике Второй Силезской войны в своей монографии, однако с тех пор источниковая база исследования была существенно расширена за счет материалов зарубежных архивов. См.: *Зябриков В.В.* За Родину и Славу. Вторая война за Силезию (1744–1745). М., 2020.

¹⁵ *Hanke R.* Brühl und das Renversement des alliances... S. 4.

¹⁶ *Wenckii F.A.G.* Codex Iuris Gentium: in 3 vol. Vol. 1. Lipsiae, 1781. P. 722–733.

мание и в Санкт-Петербурге, где 4 февраля 1744 г. был подписан российско-саксонский оборонительный договор¹⁷. Наконец, 13 мая 1744 г. австро-саксонское соглашение было дополнено тайной конвенцией, в которой стороны обязывались увеличить взаимную военную помощь в случае внешней агрессии.

Однако к наступательному союзу против Фридриха II не были готовы ни в Вене, ни в Санкт-Петербурге. Австрия, пребывая в состоянии войны уже четвертый год, испытывала сильный финансовый голод и находилась в зависимости от английских субсидий. Великобритания была заинтересована в сосредоточении всех сил против своего главного врага — Франции и требовала от венского двора активных действий против этой державы, прельщая Марию Терезию перспективой получения компенсации за потерянную Силезию¹⁸. Вследствие этого основные австрийские силы под командованием принца Карла Лотарингского летом 1744 г. находились на Рейне. Российская империя также была не готова к наступательной войне. В рассматриваемый период императрица Елизавета Петровна стремилась избегать вмешательства в общеевропейский конфликт¹⁹. Кроме того, состояние российской казны и армии, вероятно, не позволяло рассчитывать на длительное ведение боевых действий.

Таково было положение дел в августе 1744 г., когда европейские столицы облетело неожиданное известие, что колонны войск Фридриха II вошли на территорию Саксонии и направляются в австрийскую Богемию. Следует отметить, что неожиданностью являлось только направление атаки, так как широкие мобилизационные меры, предпринятые Берлином весной и летом 1744 г., скрыть было невозможно. В этот период дрезденский двор склонялся к мнению, что прусские войска должны двинуться на запад, на помощь Франции и ее союзнику — императору Священной Римской империи Карлу VII²⁰. 31 июля саксонский посланник в Берлине граф Фридрих фон Бюлов сообщил о военных приготовлениях в Магдебурге и Хафельберге²¹. И только 1 августа в рескрипте к Бюлову в Вене графу Генриху фон Бюнау первый министр короля Августа III граф Генрих фон Брюль, руководивший внешней политикой дрезденского двора, писал, что прусские войска, по всей видимости, направляются в Богемию²².

Фридрих II действительно старался держать соседей в полном неведении относительно своих намерений. После окончания Первой Силезской войны и заключения Пруссией Берлинского мирного договора с Австрией летом 1742 г. боевые действия развивались для его бывших союзников — короля Франции Людовика XV и императора Карла VII — крайне неблагоприятно. Австрийские войска заняли наследственные владения императора — курфюршество Бавария — и подошли к Рейну, угрожая вторжением на территорию Франции. Армия союзников Австрии готовилась к наступлению в Нидерландах. Франция находилась на грани поражения. Его возможным следствием мог стать пересмотр условий Берлинского мирного договора, что угрожало уже непосредственно прусским интересам. 5 июня 1744 г. тайный посланник короля граф Фридрих фон Ротенбург заключил с представителями французского двора соглашение, согласно которому Пруссия обязывалась произвести диверсию в Богемии, а за несколько дней до этого во Франкфурте дипломаты

¹⁷ Текст договора см.: Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. 12. 1744–1748 гг. М., 1830. С. 17–21. № 8866.

¹⁸ Lodge R. *Studies in Eighteenth-Century Diplomacy, 1740–1748*. London, 1930. P. 6–7.

¹⁹ Анисимов М. Ю. Указ. соч. С. 164–168.

²⁰ Император Карл VII являлся представителем баварской династии Виттельсбахов.

²¹ Ziekursch J. *Sachsen und Preussen um die Mitte des 18. Jahrhunderts*. Breslau, 1904. S. 202; Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden (далее — HStA). 10026. Geheimes Kabinett (GeKa). Loc. 00423/08. 1744. Korrespondenz des Herzogs [Johann Adolph II] von Sachsen-Weißenfels mit des Herrn Konferenzminister Graf von Hennicke, Exzellenz, Juli — August 1744. Fol. 120.

²² HStA. 10026. GeKa. Loc. 02909/03. Des Geheimen Rats von Büнау Abschickung an den Wiener Hof und dessen daselbst geführte Negotiation, vom Juli bis September. 1744. № 59 (без пагинации). Здесь и далее в архивных делах без пагинации приводится ссылка на номер документа.

Карла VII и трех германских государств (Пруссии, Гессен-Касселя и Пфальца) подписали договор об образовании унии, целями которой объявлялись восстановление мира в Священной Римской империи и возвращение императору его баварских земель²³.

Удар прусской армии в августе 1744 г. был направлен в самое сердце владений Габсбургов, откуда Фридрих II мог угрожать Вене. Одновременное наступление французских и имперских войск в Баварии позволяло королю рассчитывать на быстрое заключение выгодного мира. Численность располагавшихся на территории Богемии австрийских сил была незначительной, однако венский двор считал, что находится в относительной безопасности, так как граница с Пруссией в Силезии была надежно защищена горами. Логистические сложности возможной военной операции внушали Марии Терезии и ее союзникам сомнения, что Фридрих II решится на масштабное наступление в поздний сезон. В Вене считали, что он ограничится лишь демонстрацией силы с целью помешать отправке австрийских подкреплений на Рейн²⁴.

Эти расчеты отчасти оказались верны. Фридрих II действительно не собирался вести широкомасштабное наступление на владения Габсбургов из Силезии. Однако продвижение к Рейну также не входило в его намерения. План короля предусматривал быстрый проход прусских войск через территорию нейтральной Саксонии и далее — по большой дороге на Прагу, захват богемской столицы и последующее развитие наступления на юг. После соединения основных сил с корпусом фельдмаршала Курта Кристофа фон Шверина, наступавшим из Силезии, король мог бы рассчитывать на 70 тыс. человек, в то время как численность австрийских регулярных войск в Богемии не превышала 30 тыс.²⁵

Обосновывая решение возобновить боевые действия, Фридрих II объявил, что не является воюющей стороной, а лишь выступает от имени Карла VII, которому передал свои войска. Подобный дипломатический маневр должен был помочь королю опровергнуть возможные обвинения в нарушении Берлинского мирного договора, что могло повлечь за собой серьезные осложнения в отношениях со странами — гарантами данного соглашения — Великобританией и Россией. Во избежание этого было составлено реквизиционное письмо Августу III от Карла VII, содержащее требование пропустить прусские полки, которым был предоставлен статус имперских вспомогательных войск, через территорию Саксонии²⁶.

Внезапность являлась важнейшим условием успеха данного плана. Прусские войска должны были пересечь саксонские земли до того, как дрезденский двор сумел бы мобилизовать армию. Фридрих II рассчитывал на то, что после неминуемого успеха прусского оружия в Богемии саксонское правительство не осмелится на враждебные действия. Поэтому официальное объявление о военных действиях против Австрии и предъявление реквизиционного письма саксонскому министерству и двору последовали лишь за несколько дней до начала операции.

8 августа 1744 г. прусский посланник в Вене граф Фридрих фон Дона представил австрийским министрам декларацию, в которой значилось, что так как все усилия его государя по достижению мира и поддержанию императорского достоинства были напрасны, долгом Фридриха II является передача части войск в распоряжение Карла VII. При этом особенно подчеркивалось, что Пруссия не является стороной конфликта, не желает вмешательства в споры Австрии с другими государствами и стремится лишь восстановить спокойствие на территории Священной Римской империи²⁷.

Одновременно с этим политическим демаршем Фридрих II известил о своем решении саксонское руководство. В Варшаву, где в то время находился Август III, был направлен прусский министр граф Иоганн фон Валленрод. Цель его миссии держалась в секрете, и Бюлов сообщил дрезденскому двору лишь известие о том, что король хочет «новым союзом ввести

²³ Подробнее см.: *Droysen J.G.* Op. cit. S. 272–273.

²⁴ HStA. 10026. GeKa. Loc. 02909/03. 1744. № 67.

²⁵ *Зябриков В.В.* Указ соч. С. 126–127.

²⁶ Österreichisches Staatsarchiv (далее — ÖstA). Kriegsarchiv. Ms/Kg; 36 (без пагинации).

²⁷ *Droysen J.G.* Op. cit. S. 300.

нас в виды и интересы императора»²⁸. 5 августа Валленрод предстал перед Августом III и объявил, что его государь, будучи не в силах более спокойно взирать на унижение императорского достоинства, решил предоставить свои войска в помощь Карлу VII. После этого он представил курфюрсту реквизиционное письмо и потребовал согласия на проход через владения последнего прусских войск, не скрывая, что целью являлась австрийская Богемия²⁹. Почти одновременно с миссией Валленрода 7 августа 1744 г. другой посланник Фридриха II, полковник Ханс Карл фон Винтерфельд, прибыл в Дрезден и вручил Тайному совету, который управлял страной в отсутствие курфюрста, такое же реквизиционное письмо с требованием предоставления территории Саксонии для прохода прусских войск. Глава Тайного совета барон Иоганн фон Хеннике ответил королевскому эмиссару, что министры не могут принять решение по данному вопросу без приказа Августа III, и что подобные действия скорее попирают законы Священной Римской империи, чем восстаивают их, так как Карл VII вел войну против Габсбургов как курфюрст Баварии, но не как глава империи. Эти доводы, впрочем, не могли убедить Винтерфельда, который заявил, что ему очень жаль, но если согласия на проход войск не последует, придется обойтись без него³⁰. Действительно, не дожидаясь ответа министров, Пруссия вторглась на территорию Саксонии. 11 августа первая колонна армии Фридриха II пересекла границу страны. При этом прусские войска получили приказ соблюдать строгую дисциплину и расплачиваться за продовольствие наличными деньгами.

Необходимо подчеркнуть, что на данном этапе Фридрих II не желал конфликта с Саксонией. Для реализации его плана короткой и победоносной войны с Австрией королю был необходим лишь *innoxius transitus* (безопасный проход) через территорию курфюршества. Кроме того, на встрече с Брюлем Валленрод намекнул, что если дрезденский двор пожелает присоединиться к новому союзу Пруссии с императором, его «ожидает хороший прием»³¹. Получив сообщение об аудиенции Валленрода у Августа III и его беседе с первым министром Саксонии, Фридрих II дал новые инструкции своему посланнику. Валленрод должен был постараться внушить Августу III, что происходящее лишь послужит ему на пользу, а также намекнуть на возможное вознаграждение в случае присоединения Дрездена к Франкфуртской унии. Валленроду предписывалось «до крайней степени обхаживать графа Брюля, чтобы привлечь его на нашу сторону»³². Король Пруссии писал фельдмаршалу Самуэлю Шметтау: «Граф Брюль ворчит, но я убежден, что стоит только императору ему кое-что предложить, как он окажется у него в кармане»³³. 20 августа Фридрих II направил письмо курфюрсту, в котором выражал сожаление, что во имя поддержания законов Священной Римской империи ему пришлось побеспокоить земли его польского величества, и обещал, что 25 августа в пределах Саксонии не останется ни одного прусского солдата³⁴.

²⁸ HStA. 10026. GeKa. Loc. 03389/07. Reskripte und Relationes, Mission des Herrn von Bülow zu Berlin. 1744. № 367. Бюлов предполагал, что миссия Валленрода состояла в возобновлении договора Баварии, Пруссии и Саксонии, заключенного при поддержке Франции осенью 1741 г. Целью договора провозглашался раздел австрийских земель.

²⁹ HStA. 10026. GeKa. Loc. 03019/07. Des Generalfeldzeugmeisters von Litauen, Grafen von Flemming, Abschickung an die russische Kaiserin während ihres Aufenthaltes zu Kiew und die selbigem getanen Aufträge zur Abwendung einer besorgten preussischen Invasion in Sachsen. 1744. Fol. 26; Loc. 02909/03. № 60; Loc. 00424/04. 1744. An Ihre Königliche Majestät [August III] in Polen und Kurfürstliche Durchlaucht zu Sachsen etc. von Ihrer, des Herrn Generalfeldmarschalls [Johann Adolph II] Herzog zu Sachsen-Weißenfels, hochfürstlicher Durchlaucht erstattete Rapporte und darauf ergangene königliche Order, den Durchmarsch der preußischen Armee durch Sachsen, ingleichen den Marsch des sächsischen Auxiliarkorps nach Böhmen betreffend. Fol. 12.

³⁰ ÖStA. Haus, Hof- und Staatsarchiv (далее — HHStA). Staatskanzlei (далее — St.K.) Sachsen. K. 5. Korrespondenz 1744–45. III. Fasz. 6. № 62; Die Kriege Friedrichs des Grossen: 19 Bde. Bd. 1. Berlin, 1895. S. 65; Österreichischer Erbfolge-Krieg 1740–1748: 8 Bde. Bd. 7. Wien, 1903. S. 79; *Draysen J.G.* Op. cit. S. 303.

³¹ HStA. 10026. GeKa. Loc. 1744. 02909/03. № 60.

³² Politische Korrespondenz Friedrichs des Grossen: 46 Bde. Bd. 3. Berlin, 1879. S. 245–246.

³³ Ibid. S. 257.

³⁴ Ibid. S. 252–253.

Однако прусские предложения саксонскому монарху носили лишь общий характер. У Фридриха II не было возможности предложить дрезденскому двору какую-то конкретную выгоду из возможного союза с Берлином. Поэтому король Пруссии с нетерпением ждал прибытия в Варшаву французского посла графа Альфонса де Сен-Северина, который должен был располагать «самыми сильными средствами», позволившими бы добиться согласия курфюрста на присоединение к Франкфуртской унии³⁵. К этому моменту Фридрих II не знал о подписании упомянутой выше австро-саксонской конвенции. Согласно ее условиям, в случае агрессии со стороны Пруссии оба государства должны были увеличить численность вспомогательных войск: Саксония — с 6 до 20 тыс. и Австрия — с 12 до 30 тыс.³⁶ Уже эта договоренность свидетельствовала о решимости дрезденского двора принять сторону Марии Терезии в будущем конфликте. Лишь в конце сентября 1744 г., когда исчезнут последние надежды на привлечение Саксонии к антиавстрийской коалиции, король Пруссии отдаст приказ о формировании корпуса на границе с курфюршеством, чтобы при помощи этой угрозы влиять на решения дрезденского двора.

Заявления Валленрода в Варшаве и Винтерфельда в Дрездене оказались для саксонской стороны полной неожиданностью. Момент был выбран как нельзя более удачно. Август III и граф Брюль находились в Варшаве, где готовились к открытию сейма Речи Посполитой, а саксонская армия была совершенно не готова к сопротивлению. Опасения, связанные с возможной оккупацией территории курфюршества, вынуждали дрезденский двор избегать осложнений в отношениях с Пруссией, хотя принципиальное решение отвергнуть предложения Фридриха II и оказать помощь Австрии было принято с самого начала.

Еще 1 августа, т.е. за несколько дней до заявления Валленрода, Брюль призвал Марию Терезию отказаться от усиления армии принца Карла Лотарингского на Рейне и увеличить численность австрийских войск в Богемии³⁷. 6 августа первый министр Августа III писал Бюнау, что силы неравны, и самое главное теперь — выиграть время. 12 августа Брюль сообщал ему же, что австрийцы могут не опасаться, что «мы дадим себя запутать или купить красивыми словами»³⁸. Август III дал уклончивый ответ на запрос Валленрода, заявив, что не желает причинить ущерб императору и с болью наблюдает потерю Карлом VII его родовых земель, однако не может принять окончательного решения по вопросу прохода прусских войск через территорию Саксонии, так как должен прежде посоветоваться с членами Тайного совета в Дрездене³⁹.

Наконец, 11 августа саксонское руководство приняло решение отказать прусским войскам в проходе и объявить мобилизацию, стремясь «ответить силой на силу»⁴⁰. Дальнейшее промедление способствовало бы ухудшению отношений с Австрией и Россией, так как отсутствие реакции Дрездена на продвижение прусских войск по территории курфюршества могло быть воспринято в Вене и Санкт-Петербурге как согласие с предложениями короля, что прямо противоречило обязательствам Саксонии перед венским двором⁴¹.

Для саксонского правительства это были очень напряженные дни. Рескрипты Брюля к членам Тайного совета от начала августа свидетельствуют о почти паническом состоянии. 6 августа первый министр писал Бюнау о своих опасениях относительно возможной попытки Фридриха II восстановить на троне Речи Посполитой Станислава Лещинского. Брюль не исключал возможного вторжения прусских войск на территорию Польши с целью его поддержки. 11 августа граф распорядился, чтобы Бюнау выяснил перспективы оказания

³⁵ Recueil des instructions donnés aux ambassadeurs et ministres de France: en 5 t. T. 2. Pologne. Paris, 1888. S. 47–48.

³⁶ Öst A. Kriegsarchiv. Ms/Kg: 36 (без пагинации).

³⁷ HStA. 10026. GeKa. Loc. 02909/03. 1744. № 59.

³⁸ Ibid. № 59, 60, 63.

³⁹ Ibid. Loc. 03019/07. 1744. Fol. 29–29 v.

⁴⁰ Ibid. Fol. 26 v.

⁴¹ Ibid. Fol. 32.

Австрией быстрой помощи Саксонии в случае ее военного столкновения с Пруссией⁴². При этом саксонское руководство было прекрасно осведомлено о том, что австрийских войск в Богемии недостаточно даже для обороны.

Призыв о помощи был направлен и к главному союзнику и гаранту безопасности Саксонии — России. Еще до прусского вторжения Август III отправил в Санкт-Петербург своего чрезвычайного посланника графа Карла фон Флемминга с целью заручиться поддержкой Елизаветы Петровны в вопросе увеличения численности польской армии в преддверии открытия сейма Речи Посполитой. Уже в пути дипломат получил известия о демарше короля Пруссии, а также письмо от Августа III и новые инструкции от Брюля. Эти инструкции предписывали Флеммингу требовать от российской стороны не только официальных заявлений в поддержку Саксонии, но и необходимых приказов на случай дипломатического разрыва с Берлином. Там же содержалась просьба о помощи Марии Терезии: «Заклинайте ее (Елизавету Петровну. — В.З.) от моего имени забыть про обиду на королеву Венгрии (Марию Терезию. — В.З.) из-за несчастного дела Ботты⁴³ и умоляйте эту государыню не бросать на произвол судьбы королеву, в спасении которой мы равно заинтересованы по причине естественных связей двух дворов, которые всегда должны держаться вместе, так как иначе будут опрокинуты один за другим»⁴⁴.

Однако по приезде в Россию Флемминг столкнулся с рядом сложностей. В августе 1744 г. Елизавета Петровна направлялась на богомолье в Киево-Печерскую лавру, а канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, фактически руководивший российской внешней политикой, оставался в Москве. Кроме того, из-за огромных расстояний Санкт-Петербуржскому и Дрезденскому дворам было сложно своевременно реагировать на быстро развивавшиеся события в Саксонии и Богемии. Речь могла идти лишь о демонстрации угрозы со стороны России, тогда как само вооруженное вмешательство в возможный прусско-саксонский конфликт последовало бы не ранее весны 1745 г.

11 сентября Флемминг встретился с вице-канцлером Михаилом Илларионовичем Воронцовым. В ходе долгой беседы посланник рассказал о проходе прусской армии через территорию Саксонии, о произошедших эксцессах и об ущербе в два миллиона талеров⁴⁵, который был при этом нанесен курфюршеству. Он заявил, что марш является открытым проявлением враждебности и противоречит законам Священной Римской империи. Флемминг выразил надежду, что «Россия предпримет энергичные меры в соответствии с последними договорами, чтобы помочь землям его величества». Хотя Воронцов признал важность возмещения понесенного Саксонией ущерба и выразил надежду, что «о возвращении одного приятельским образом согласится (в значении «уладится». — В.З.)»⁴⁶, он отказался считать прусское вторжение враждебным действием, заключив, что *casus foederis* («случай союза»⁴⁷) по договору с Саксонией не наступил. Вице-канцлер добавил, что простого неуважения, проявленного королем Пруссии к дрезденскому двору, недостаточно,

⁴² Ibid. Loc. 02909/03. 1744. № 60, 62.

⁴³ «Дело Ботты» — заговор представителей российской аристократии против императрицы Елизаветы Петровны, раскрытый в июле 1743 г., в организации которого был обвинен австрийский посланник в Санкт-Петербурге маркиз Антонио Отто Ботта д'Адорно, что привело к временному охлаждению отношений между двумя государствами.

⁴⁴ HStA. 10026. GeKa. Loc. 03019/07. 1744. Fol. 27.

⁴⁵ В данном случае имелась в виду приблизительная оценка косвенного ущерба, понесенного Саксонией от прохода прусских войск по ее территории (например, падение доходов от торговли). См.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1744. Д. 18. Л. 18–18 об. Вместе с тем глава Тайного совета барон Хеннике приводил австрийскому поверенному в делах в Дрездене Лаунэ сведения об убытках в 900 тыс. талеров. См.: HStA. St.K. Sachsen. K. 5. Korrespondenz 1744–1745. III. Fasz. 6. № 72.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1744. Д. 18. Л. 110 об.

⁴⁷ Обстоятельства, при которых условия договора вступают в силу.

чтобы Россия отправила на помощь войска. По словам Воронцова, это означало бы войну с Фридрихом II, у которого, как и у Августа III, есть союзники⁴⁸.

Из Москвы Флемминг также не получал обнадеживающих вестей. Через саксонского посланника барона Николауса фон Герсдорфа он передал российскому канцлеру запрос о помощи из Варшавы. Бестужев-Рюмин адресовал Флемминга к Воронцову, сообщив, что, согласно последним известиям из Дрездена, прусские войска должны были заплатить за все поставленные им припасы. Впрочем, канцлер признавал, что плохо информирован и «отсюда ныне наименьше тому пособить могу»⁴⁹. 17 сентября кабинет-секретарь Клаудер сообщал Брюлю, что, если русские «нам пообещают еще некоторую помощь, в чем нельзя отчаиваться полностью, в любом случае это будет только в следующую кампанию»⁵⁰.

Не рассчитывая на быструю помощь России, Брюль еще 15 августа написал командующему саксонской армией Иоганну Адольфу II, герцогу Саксен-Вейсенфельскому, что опасается удара со стороны Пруссии, который возможен в том случае, если Фридрих II «предпримет большую игру», однако надеется, что императрица Елизавета, «узнав, что с нами произошло, не откажется исполнить свои обязательства». Министр опасался оккупации Саксонии прусскими войсками⁵¹.

В Дрездене в это время не прекращались заседания министров Тайного совета. С 10 августа по 11 сентября состоялось тринадцать таких конференций. 12 августа герцог Саксен-Вейсенфельский получил приказ о мобилизации и ответил королю Августу III, что армия будет собрана к 19 августа⁵². В те дни страна представляла собой необычную картину. В то время как через ее территорию к богемской границе маршировали колонны прусских войск, рядом с ними собирались в лагерях полки саксонской армии. Но до столкновений не дошло. Еще 10 августа на очередном заседании Тайного совета герцог Саксен-Вейсенфельский объявил министрам, что армия Саксонии не в состоянии противостоять войскам Фридриха II и ответить «силой на силу». Он заявил, что при подавляющем численном превосходстве пруссаков она будет быстро разгромлена, а страна разграблена и опустошена. Вследствие этого на конференции было принято решение уклоняться от любых военных столкновений⁵³. В те дни министры даже опасались, что прусские войска захватят плохо защищенный Дрезден и разрабатывали планы эвакуации королевской семьи⁵⁴.

В частной переписке с Брюлем герцог Саксен-Вейсенфельский высказался еще откровеннее. В письме от 17 августа командующий конфиденциально сообщал министру, что армия не в состоянии выступить в поход из-за отсутствия лошадей, магазинов и денег, что в стране нет хороших крепостей, что «армия, которой надлежит действовать, также имеет потребности и без удовлетворения этих потребностей абсолютно невозможно как следует выполнять свой долг перед его величеством». Кроме того, герцог напомнил, что с момента вступления в должность он неоднократно указывал Брюлю на имевшиеся проблемы в военной сфере. Он также высказал надежду, что на сей раз министр сможет убедить Августа III исправить эти недостатки быстрыми и точными приказами⁵⁵.

Однако к концу августа военно-политическая ситуация в Саксонии изменилась к лучшему. Опасения дрезденского двора, что прусские войска оккупируют практически беззащитную страну, не подтвердились. 25 августа на саксонской земле не осталось ни одного прусского солдата. Таким образом, король Пруссии выполнил свое обещание курфюрсту.

⁴⁸ HStA. 10026. GeKa. Loc. 03019/07. 1744. Fol. 106.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1744. Д. 18. Л. 124.

⁵⁰ Там же. Л. 120.

⁵¹ HStA. 10026. GeKa. Loc. 00678/14. 1744. Correspondance de Son Altesse Seigneur le Duc de Saxe-Weissenfels avec Sa Excellence Monsieur le Ministre du Cabinet Comte de Brühl. Fol. 71 v.

⁵² Ibid. Loc. 00424/04. 1744. Fol. 25.

⁵³ Ibid. Loc. 00423/09. 1744. Protokolle des mit dem Herrn Konferenzminister Exzellenz in anno 1744 bei dem preußischen Durchmarsch durch Sachsen gehaltenen Konferenzen, a'Nr. 1 bis 32. Fol. 35–39 v.

⁵⁴ Ibid. Fol. 42–46.

⁵⁵ HStA. 10026. GeKa. Loc. 00423/08. 1744. Fol. 61–62 v.

Напротив, теперь положение Саксонии становилось выгодным. Прусская армия двигалась к Праге, и Австрия крайне нуждалась в военной помощи. Английское министерство, для которого выступление Фридриха II стало неприятной неожиданностью, так как отвлекало австрийские войска от борьбы с Францией, также было заинтересовано, чтобы саксонская армия пришла на помощь Марии Терезии. Таким образом, сложившаяся к концу августа военная и политическая ситуация открывала для дрезденского двора благоприятные перспективы для реализации планов по сдерживанию Пруссии.

Еще 14 августа из Варшавы в Дрезден выехал курьер с королевским рескриптом Тайному совету, в котором министрам сообщалось, что Август III намерен придерживаться своих обязательств по отношению к Австрии⁵⁶. Этот документ, составленный в общих выражениях, не был зашифрован, и поэтому министры решили, что он был прислан для отвода глаз, а окончательное решение по вопросу об оказании помощи венскому двору придет позже⁵⁷. На тот момент прусские войска еще находились в границах курфюршества, что заставляло Августа III высказываться осторожно. Важно отметить, что для реализации открывшихся перед Дрезденом к концу августа благоприятных военных и политических возможностей была необходима сильная армия, а для приведения саксонских войск в боеспособное состояние, в свою очередь, требовались значительные финансовые средства, которые у правительства на тот момент отсутствовали.

В этой ситуации Брюль принял решение обратиться к Великобритании с предложением по оказанию помощи венскому двору в борьбе с королем Пруссии в обмен на субсидии, которые позволили бы завершить мобилизацию. 15 августа первый министр написал саксонскому посланнику в Лондоне графу Флеммингу, брату чрезвычайного представителя Августа III в России, что теперь стало очевидным заблуждение британского правительства, утверждавшего, что дрезденскому двору не следует опасаться прусского короля. Брюль сообщал, что приказы саксонской армии помешать маршу войск Фридриха II уже отданы, и он надеется на вербовку в Польше еще 20 тыс. солдат для совершения неожиданной диверсии в прусские земли, однако на все это требовались финансовые средства. Саксонский министр завершал письмо требованием: «Добейтесь, милостивый государь, чтобы нам помогли, и тогда увидят, что мы сделаем». Это был явный намек на оказание помощи Австрии. В данный период прусские войска еще находились на территории Саксонии, и Брюль не мог высказываться открыто⁵⁸.

5 сентября, когда армия Фридриха II уже покинула пределы курфюршества, саксонский министр писал: «Мы намерены раз и навсегда связать наши сердце и душу с морскими державами (Великобританией и Республикой Соединенных провинций. — В.З.) и королевой; мы придем к ней на помощь, как только уладим наши дела». Под последними имелись в виду финансовые вопросы, а также переговоры с Веней о военном взаимодействии. Далее Брюль отмечал, что страх перед войной настолько повлиял на состояние торговли и банковского дела, что доходы курфюршества резко сократились и приходится изыскивать средства всюду, где только возможно, при этом текущие расходы казны оставались весьма значительными. Саксонский министр отмечал: «Все наши прекрасные проекты будут загублены, а труды напрасны, если нам быстро и действенно не помогут деньгами, то это время и выгодное положение, в котором сейчас находятся здесь дела, раз упущенные, уже нельзя будет вернуть. ... Она [Англия] извлечет из этого самую ощутимую пользу, так как сохранение Австрийского дома и приращение дома Саксонского вернет Германии равновесие и стабильность, против чего Бурбонский дом не осмелится ничего предпринять»⁵⁹. Запрашиваемую в Лондоне помощь Саксонии, необходимую для «возвращения

⁵⁶ HHStA. St.K. Sachsen. K. 5. Korrespondenz 1744—1745. III. Fasz. 6. № 69.

⁵⁷ HStA. 10026. GeKa. Loc. 00423/09. 1744. Fol. 122.

⁵⁸ Ibid. Loc. 02679/04. Des Kammerherrn und Generalmajors Graf von Flemming Abschickung an den königlich grossbritannischen Hof und dessen daselbst geführte Negotiation. 1744. Fol. 138—139 v.

⁵⁹ Ibid. Fol. 185—187.

равновесия Германии», Брюль оценивал в 120 тыс. фунтов стерлингов⁶⁰ (около 650 тыс. талеров). По меркам середины XVIII в. подобная сумма могла показаться огромной, что свидетельствовало о намерении первого министра максимально использовать те исключительные возможности, которые неожиданно появились у саксонского правительства.

21 августа саксонский посланник в Лондоне сообщил в Варшаву, что британское правительство возмущено действиями Фридриха II, что его вступление в войну погубило все надежды на скорейшее заключение мира с Францией, а один из наиболее влиятельных английских министров Томас Пелэм-Холлс, первый герцог Ньюкаслский, заявил, что, по общему мнению его коллег, мир должен быть заключен за счет Пруссии⁶¹. Государственный секретарь Великобритании лорд Джон Картерет, фактически руководивший английской внешней политикой, не отрицал, что страна заинтересована в оказании помощи Саксонии. Флемминг решил начать переговоры о субсидиях, запросив 100 тыс. фунтов стерлингов. Как писал саксонский дипломат Брюлю, «если бы это зависело от него (Картерета. — В.З.), я думаю, он бы мне их уже дал»⁶².

Однако Картерет был зависим от мнения других министров, а также от решения парламента, который к тому моменту уже завершил свою работу. Тогда был найден необычный выход. Принимая во внимание неотложные обстоятельства, министры согласились предоставить Августу III, «если он решит выступить за доброе дело», предварительную помощь в размере 50 тыс. фунтов стерлингов. Эти средства было решено изъять из субсидий, предназначенных для Австрии, которые на тот момент уже были одобрены парламентом. Впоследствии планировалось компенсировать их за счет финансовой помощи для Саксонии, предоставление которой со стороны Великобритании лишь ожидалось⁶³. Картерет проинформировал Флемминга, что средства могут быть доставлены в Лейпциг самое позднее через четыре недели, т.е. в 20-х числах сентября. Позже срок выплат был существенно сокращен, и Флемминг сообщал, что 1 сентября уже можно ожидать получения обещанной помощи⁶⁴. Однако из-за непредвиденных сложностей с переводом крупной денежной суммы последняя часть выделенных средств прибыла в Лейпциг лишь в конце октября⁶⁵. Поэтому необходимые издержки, связанные с мобилизацией, саксонское правительство сумело покрыть лишь с большим трудом, прибегая для этого и к займам⁶⁶.

Наряду с изысканием средств для мобилизации армии, саксонская дипломатия стремилась создать внешнеполитические условия, которые могли бы способствовать военной победе над Пруссией в Богемии. Как уже отмечалось, численность австрийских войск там составляла около 30 тыс. человек. При этом наступавшая на Прагу армия под командованием Фридриха II насчитывала 70 тыс. Даже при поддержке 20 тыс. саксонских солдат, которых предполагалось мобилизовать на средства, полученные от Великобритании, антипрусская коалиция не могла бы добиться паритета сил. Кроме того, оказывая помощь Австрии, Саксония должна была считаться с угрозой нового вторжения войск Фридриха II. 5 сентября легационный советник Фердинанд фон Зауль, доверенное лицо Брюля, писал Флеммингу: «Мы многим рискуем, неприятель силен, война разразилась прямо у наших ворот и в любой день может перенестись в наши земли»⁶⁷.

Единственной возможностью изменить баланс сил в Богемии в пользу Вены и Дрездена являлось возвращение с Рейна армии принца Карла Лотарингского. Для достижения этой цели саксонские представители в Париже рассматривали возможность примирения Франции и Австрии. Однако к концу августа бесперспективность подобных намерений стала

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibid. Fol. 179 v.

⁶² Ibid. Fol. 181.

⁶³ Ibid. Fol. 181—181 v.

⁶⁴ Ibid. Fol. 230.

⁶⁵ HHStA. St.K. Sachsen. K. 5. Korrespondenz 1744—1745. III. Fasz. 6. № 104.

⁶⁶ Ibid. № 67, 90, 96.

⁶⁷ HStA. 10026. GeKa. Loc. 02679/04. 1744. Fol. 208.

очевидной. Посланник в Париже граф Иоганн фон Лосс в депеше от 31 августа заверял Брюля, что «нельзя надеяться, что Францию угнетает влияние, которое приобрела на нее Пруссия, Франция целиком предана Фридриху II и надеется довести до конца свой план по низвержению королевы Венгрии»⁶⁸. Эти известия побуждали саксонскую дипломатию отказаться от попыток примирения Парижа и Вены. Зависимость Австрии от субсидий Великобритании, главной внешнеполитической целью которой являлось «низвержение» Франции, с одной стороны, а также необходимость сохранения союза Людовика XV с Испанией, с другой стороны, не позволяли рассчитывать в обозримом будущем на подобное развитие событий. 18 сентября Брюль рекомендовал Лоссу продолжать зондировать почву для заключения мира между Францией и Австрией⁶⁹. Однако к этому времени военно-политическая ситуация в Европе изменилась, и примирение двух государств уже не представляло насущной необходимости для саксонского руководства.

В уже упомянутой депеше от 31 августа Лосс высказал соображения, имеющие большое значение при оценке решений Августа III и его министров по оказанию вооруженной помощи Австрии. Он писал, что для Великобритании, как и возможно для России, нарушение мира со стороны прусского короля являлось полной неожиданностью, что военная кампания проиграна, и, если саксонское правительство будет по-прежнему занимать выжидательную позицию, оно рискует подвергнуть страну разорению прежде, чем получит ожидаемую помощь. Лосс не советовал сохранять нейтралитет в этом конфликте, так как, по его словам, ни Карл VII, ни Фридрих II не оставят в тылу Саксонию с армией в 40 тыс. человек⁷⁰.

Еще большее значение имело письмо от 24 августа из эльзасского города Байнхайм, в котором сообщалось, что принц Карл Лотарингский со своей армией вернулся за Рейн, и его солдаты быстрым маршем движутся на помощь австрийским силам в Богемии. Несмотря на усилия британского кабинета по удержанию войск принца Карла на Рейне, в Вене приняли решение направить их против Фридриха II. Активного преследования со стороны противника не последовало, на что и рассчитывал Брюль, когда писал в Вену, что Франция еще не раз подумает, прежде чем вновь ввести войска на территорию Священной Римской империи⁷¹. 4 сентября Лосс подтвердил, что все планы по преследованию принца Карла «канули в воду»⁷². Фридрих II был в ярости, не без основания обвиняя французских генералов в том, что они намеренно «отпустили» главную австрийскую армию⁷³. Теперь, когда на богемском театре был достигнут паритет сил, саксонские войска могли обеспечить необходимый для победы численный перевес.

Именно после получения этого известия в Варшаве было принято решение отправить на помощь Австрии вспомогательный корпус саксонских войск. 1 сентября 1744 г. король приказал герцогу Саксен-Вейсенфельскому принять меры для исполнения обязательств перед Марией Терезией⁷⁴. В рескрипте на имя командующего саксонской армией подчеркивалось, что речь идет именно о вспомогательных войсках, тогда как сама страна должна сохранять нейтралитет во избежание возможной агрессии со стороны Пруссии. Утром 28 августа граф Бюлов получил распоряжение, в котором ему предписывалось объявить прусским министрам, что Август III не давал согласия на проход войск через его владения, а сам *transitus* (проход) вовсе не был *innoxius* (безобидным)⁷⁵. Стоит отметить, что к тому моменту войска Фридриха II уже несколько дней как покинули территорию Саксонии.

⁶⁸ Ibid. Loc. 02737/02. Die Abschickung des Etatsministers Johann Adolph Graf Loss an den königlich französischen Hof und dessen Negotiation. Juni — September 1744. Fol. 256 v-257.

⁶⁹ Ibid. Fol. 262—262 v.

⁷⁰ Ibid. Fol. 255—256 v.

⁷¹ Ibid. Loc. 02909/03. 1744. № 67.

⁷² Ibid. Loc. 02737/02. 1744. Fol. 268.

⁷³ Politische Korrespondenz Friedrichs des Grossen. S. 261.

⁷⁴ HStA. 10026. GeKa. Loc. 00678/14. 1744. Fol. 102.

⁷⁵ Ibid. Loc. 03389/07. № 371.

Очевидно, Брюль постарался извлечь из сложившегося положения наибольшие выгоды. Когда австрийский канцлер граф Антон фон Ульфельдт через Бюнау передал первому министру Саксонии, что венский двор в случае нападения Фридриха II рассчитывает на помощь курфюршества, Брюль ответил, что приложит к этому все силы, «лишь бы с другой стороны также захотели прийти к согласию с нами»⁷⁶. Первоначально в Вене рассчитывали на то, что войск, оставленных в Богемии, а также сил саксонского вспомогательного корпуса будет достаточно, чтобы сдерживать прусское наступление. Австрийское правительство было заинтересовано в том, чтобы армия принца Карла оставалась на своих прежних позициях на Рейне как можно дольше по причине давления на венский двор со стороны Великобритании, стремившейся к скорейшему разгрому французских сил. Кроме того, Мария Терезия была убеждена в том, что продолжение наступления во Франции вынудит Париж к заключению мира. В ожидании этого Саксония должна была воспрепятствовать продвижению прусских войск, вынудив Фридриха II пробиваться через ее территорию силой. Военное столкновение на территории курфюршества также могло повлиять на позицию России⁷⁷.

Однако данный план грозил саксонским владениям Августа III разорением. Поэтому 22 августа Брюль заявил австрийскому правительству, что сопротивляться прусским войскам не представляется возможным, но как только они покинут территорию Саксонии, король отправит часть своей армии в Богемию, чтобы помочь Вене «обуздать» Фридриха II⁷⁸. При этом предполагалось, что помощь, оказанная Марии Терезии, будет небескорыстной. Прочитав рескрипт из Вены, Брюль с неудовольствием обнаружил, что австрийское правительство в случае победы над Пруссией рассчитывает вернуть под свой контроль всю территорию Силезии. В то же время дрезденский двор ожидал получить там компенсацию за оказанную помощь. В депеше Бюнау первый министр указал, что Дрезден претендует на включение в состав курфюршества силезских территорий, находившихся между Польшей и Саксонией (герцогства Глогау, Саган и Яуэр), после окончания войны⁷⁹. Чтобы придать вес этим требованиям, Брюль 26 августа сообщил в Вену, что «пруссский министр (Валленрод. — В.З.) здесь использует все мыслимые доводы, чтобы привлечь нас на свою сторону, обещая нам золотые горы, если мы согласимся вступить в союз с его государем»⁸⁰. Еще за два дня до этого Бюнау писал в Дрезден, что может приступить к переговорам о плане предстоящей военной операции и возможных компенсациях для Саксонии, так как, по всей видимости, приказ о возвращении армии принца Карла уже был отдан⁸¹.

Австрийское правительство перестало требовать оказания сопротивления в Саксонии, игнорируя при этом все попытки Бюнау начать переговоры о послевоенных компенсациях. Венский двор настаивал на выполнении Дрезденом условий конвенции, заключенной 13 мая 1744 г., и отправке вспомогательных войск в Богемию. 30 августа в беседе с Бюнау канцлер Ульфельдт заявил, что спасти Прагу может только скорейшее объединение саксонского корпуса с австрийскими силами. Объясняя промедление с отправкой помощи, Бюнау оправдывался большим расстоянием между Дрезденом и Варшавой, что сильно затрудняло своевременное получение Тайным советом приказов от короля⁸². Это промедление вызвало у австрийских министров подозрения в том, что Август III ведет тайные переговоры с Фридрихом II. В этом их также убеждали тревожные депешы, которые отправлял из Варшавы австрийский посланник князь Николаус Эстерхази. Бюнау постарался рассеять возникшие подозрения, объяснив, что переговоры с Валленродом велись лишь с целью лучше узнать планы его государя. 3 сентября саксонский посланник в Вене

⁷⁶ Ibid. Loc. 02909/03. № 63.

⁷⁷ Ibid. № 71, 72, 73.

⁷⁸ Ibid. № 65.

⁷⁹ Ibid. № 64, 68.

⁸⁰ Ibid. № 66.

⁸¹ Ibid. № 75.

⁸² Ibid. № 78.

писал Брюлю о необходимости незамедлительно дать точный ответ на запрос австрийской стороны о выполнении условий майской конвенции, иначе следовало навсегда отказаться от союза с Марией Терезией⁸³. Отношения двух государств в рассматриваемый период осложнялись также заявлением герцога Саксен-Вейсенфельского о том, что вступление войск курфюрста на территорию Богемии станет возможным не ранее второй половине сентября. Австрийский поверенный в делах Лаунэ указывал на начало октября как на вероятную дату проведения военной операции⁸⁴. После этого Ульфельдт заявил Бюнау, что в случае дальнейшего промедления Прага окажется обречена, а помощь Саксонии в начале октября уже не будет столь необходима, так как к этому времени принц Карл прибудет в Богемию. По словам канцлера, после падения города Фридриха II будет сложно изгнать за пределы владений Габсбургов. Ульфельдт также заявил, что если курфюрсту потребуются дополнительные средства для ускорения мобилизации вспомогательного корпуса, то Мария Терезия будет готова уступить дрезденскому двору еще 50 тыс. фунтов стерлингов из британских субсидий при условии получения в течение трех дней точной информации о дате выступления саксонских войск⁸⁵.

Брюль пытался успокоить австрийских министров и 13 сентября написал Бюнау, что марш вспомогательного корпуса будет ускорен, численность войск, которые планировалось отправить на помощь Австрии, увеличена, а Фридрих II не сможет захватить Прагу до их подхода⁸⁶. Как показали дальнейшие события, последнее предположение оказалось несостоятельным. Из письма следовало, что дрезденский двор не собирался отступать от своего первоначального требования: после окончания войны три силезских герцогства должны были войти в состав Саксонии. При этом Австрии предлагалось компенсировать их потерю за счет будущего захвата прусских земель⁸⁷.

Прага была захвачена войсками Фридриха II 16 сентября. На следующий день Ульфельдт обратился к Бюнау с вопросом: сколько еще солдат, кроме 20 тыс. вспомогательного корпуса, сможет выставить Август III против прусского короля? Посланник ответил, что если Саксония получит гарантии безопасности, то речь может идти о 10–12 тыс. человек, а также около 20 тыс., которых намеревался на вербовать граф Брюль на территории Польши. В обмен на оказание Саксонией дополнительной военной помощи венский двор (через Ульфельдта) предложил Августу III прусские города Магдебург и Кроссен, а также лены в Лаузице⁸⁸, что, конечно, не могло устроить курфюрста, так как территории, о которых шла речь, еще только предстояло захватить и удержать. С учетом того, что австрийские войска предполагалось направить на освобождение Силезии, данное предложение было расценено Бюнау как далекое от реальности. Саксонский посланник ответил министру, что «сначала нужно убить льва, а только потом делить его шкуру»⁸⁹.

Однако австрийские министры, которые не без основания считали попытку саксонского правительства торговаться нарушением принятых на себя, согласно майской конвенции, обязательств, заняли твердую позицию. 23 сентября Бюнау написал Брюлю, что «здесь точно не будут вдаваться в этот предмет (переговоры о компенсации за помощь Саксонии. — В. З.) перед соединением наших войск»⁹⁰.

К концу сентября саксонский вспомогательный корпус уже был мобилизован, и дальнейшее промедление грозило поражением австрийских войск, что означало крушение внешнеполитических замыслов дрезденского двора. 4–5 октября герцог Саксен-Вейсенфельский с 20 тыс. человек перешел богемскую границу и двинулся на соединение с армией

⁸³ Ibid. № 81, 82.

⁸⁴ Ibid. № 74, 83.

⁸⁵ Ibid. № 81, 83.

⁸⁶ Ibid. № 71.

⁸⁷ Ibid. № 73.

⁸⁸ Ibid. № 86.

⁸⁹ Ibidem.

⁹⁰ Ibid. № 89.

принца Карла Лотарингского. Расчет союзников полностью оправдался. Получив поддержку из Саксонии, принц Карл вынудил Фридриха II к спешному отступлению из Богемии, которое сопровождалось большими потерями прусских войск.

Поражение прусской армии во многом стало следствием саксонской внешней политики. В сложившихся условиях союз с курфюршеством приобрел особую ценность как для Австрии, так и для морских держав. И даже если в августе—октябре 1744 г. дрезденскому двору не удалось добиться конкретных территориальных приобретений, его действия в этот период можно охарактеризовать как успешные. Саксонская дипломатия подготовила сильные позиции перед последующими переговорами с союзниками, результатом чего стало заключение Варшавского договора с Великобританией, Австрией и Республикой Соединенных провинций 8 января 1745 г. и новой тайной конвенции с Австрией в мае того же года. По этим соглашениям Саксонии были обещаны значительные субсидии от морских держав и ряд прусских земель (кроме Магдебурга, Кроссен, Цюлихау, лены в Лаузице), включение которых в состав курфюршества, помимо прочего, позволяло установить территориальную связь между саксонскими наследственными владениями и Речью Посполитой.

Библиография / References

- Анисимов М.Ю.* Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741—1761 гг.). М., 2020.
- Зелиньска Э.* Позиция Петербурга в отношении планов реформ государственного устройства Речи Посполитой в 1738—1744 гг. // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре / отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2009. С. 148—159.
- Зябриков В.В.* За Родину и Славу. Вторая война за Силезию (1744—1745). М., 2020.
- Лештенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740—1750 // Материалы и исследования по истории русской культуры / под ред. Е.В. Пермякова. Вып. 5. М., 2000.
- Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. 12. 1744—1748 гг. М., 1830.
- Anisimov M.Y.* Rossiia v sisteme velikikh derzhav v tsarstvovanie Elizavety Petrovny (1741—1761 gg.) [Russia in the system of great powers during Elizabeth Petrovna's reign (1741—1761)]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Lishtenan F.-D.* Rossiia vkhodit v Evropu: Imperatritsa Elizaveta Petrovna i voina za Avstriiskoe nasledstvo, 1740—1750 [Russia Enters Europe: Empress Elizaveta Petrovna and the War of the Austrian Succession, 1740—1750] // Materialy i issledovaniia po istorii russkoi kul'tury [Materials and research on the history of Russian culture] / pod red. E.V. Permiakova. Vip. 5. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [The Digest of Laws of the Russian Empire]: v 45 t. T. 12. 1744—1748. Moskva, 1830. (In Russ.)
- Zelinska Z.* Pozitsiia Peterburga v otnoshenii planov reform gosudarstvennogo ustroistva Rechi Pospolitoi v 1738—1744 gg. [The position of St. Petersburg regarding plans for reforms of the state structure of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1738—1744] // Rossiia, Pol'sha, Germaniia: istoriia i sovremennost' evropeiskogo edinstva v ideologii, politike i kulture [Russia, Poland, Germany: History and modernity of the European unity in ideology, politics and culture] / otv. red. B.N. Floria. Moskva, 2009. S. 148—159. (In Russ.)
- Zyabrikov V.V.* Za Rodinu i Slavu. Vtoraya voyna za Sileziyu (1744—1745) [For the Motherland and Glory. Second war of Silesia (1744—1745)]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Arnet A.* Geschichte Maria Theresias: 10 Bde. Wien, 1863—1879.
- Birke A.M.* England und Hannover — England and Hanover // Prince Albert Studies / Hrsg. K. Kluxen. München, 1986.
- Blaschke K.* Sachsens Interessen und Ziele in der Sächsisch-Polnischen Personalunion // Neues Archiv für sächsische Geschichte: 93 Bde. Bd. 73. Dresden, 2002. S. 43—61.
- Boroviczényi A.* Graf von Brühl Der Medici, Richelieu und Rothschild seiner Zeit. Zürich; Leipzig; Wien, 1930.
- Die Kriege Friedrichs des Grossen: 19 Bde. Bd. 1. Berlin, 1895.
- Droysen J.G.* Geschichte der preussischen Politik: 14 Bde. Bd. 5. Leipzig, 1876.
- Fellmann W.* Sachsens Außenpolitik unter Heinrich Graf von Brühl von 1733 bis 1745 // Dresdener Hefte. 2001. Bd. 68. S. 11—19.
- Göse F.* Preussen und Sachsen // 1815: Europäische Friedensordnung — Mitteldeutsche Neuordnung / Hrsg. U. Höroldt, S. Pabstmann. Halle, 2017. S. 43—63.
- Guglia E.* Maria Theresia, ihr Leben und ihre Regierung: 2 Bde. Oldenbourg; München; Berlin, 1917.
- Hanke R.* Brühl und das Renversement des alliances // Historia profana et ecclesiastica. Geschichte und Kirchengeschichte zwischen Mittelalter und Moderne. Berlin, 2006.

- Hanke R.* Diplomatie gegen Preussen // Das Reich und seine Territorialstaaten im 17. und 18. Jahrhundert. Aspekte des Mit-, Neben und Gegeneinander / Hrsg. von H. Klueting, W. Schmale. Münster, 2004. S. 163–181.
- Hartmann P.C.* Karl Albrecht — Karl VII. Glücklicher Kurfürst, unglücklicher Kaiser. Regensburg, 1985.
- Koser R.* König Friedrich der Grosse. Berlin, 1925.
- Kroll F.-L.* Kursachsen im Zeitalter der polnisch-sächsischen Staatenunion, 1697–1763 // Zwei Staaten, eine Krone: Die polnisch-sächsischen Union 1697–1763 / Hrsg. F.-L. Kroll, H. Thoss. Berlin, 2016. S. 25–44.
- Lodge R.* Studies in Eighteenth-Century Diplomacy, 1740–1748. London, 1930.
- Matzke J.* Gesandtschaftswesen und diplomatischer Dienst Sachsens 1694–1763. Leipzig, 2011.
- Österreichischer Erbfolge-Krieg 1740–1748: 8 Bde. Bd. 7. Wien, 1903.
- Politische Korrespondenz Friedrichs des Grossen: 46 Bde. Bd. 3. Berlin, 1879.
- Ranke L.* Zwölf Bücher preussischer Geschichte: 4 Bde. Berlin, 1929.
- Recueil des instructions donnés aux ambassadeurs et ministres de France: en 5 t. T. 2. Pologne. Paris, 1888.
- Wenckii F.A.G.* Codex Iuris Gentium: in 3 vols. Vol. 1. Lipsiae, 1781.
- Ziekursch J.* Sachsen und Preussen um die Mitte des 18. Jahrhunderts. Breslau, 1904.

DOI: 10.31857/S0130386424010057

© 2024 г. **О.В. ЯБЛОНСКАЯ**

«ОТВЕРЖЕННЫЕ» ДЕТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КАНАДЕ: МИГРАЦИОННАЯ ПРОГРАММА МЭРИ РАЙ

Яблонская Ольга Васильевна – кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал (Арзамас, Россия).

E-mail: oyablonskii@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5479-556; Researcher ID: ABS-9083-2022

Аннотация. Статья посвящена миграционной организации Мэри Сьюзан Рай, английского социального реформатора XIX в., защитницы прав женщин и детей. В 1869 г. она начала переселение несовершеннолетних британцев из работных домов и сирот в Канаду. Документальные и нарративные источники редко использовались специалистами для изучения этой «неудобной» темы британской истории. Немногочисленные работы западных исследователей детской миграции появились только в конце XX в. В предлагаемой статье анализируются дискуссионные события истории Великобритании и Канады XIX в. Цель исследования состоит в рассмотрении причин переселения, миграционного плана Рай, отношения к нему британской общественности, его практической реализации в доминионе, условий жизни несовершеннолетних в Канаде. Отмечается, что главным фактором эмиграции несовершеннолетних была пауперизация населения Великобритании в условиях индустриализации и демографического роста в городах. План М. Рай состоял в том, чтобы вывезти детей из трущоб и поселить их в канадских семьях, преимущественно фермерских. Особое внимание уделяется миссии Э. Дойла. Он был отправлен британским правительством инспектировать деятельность М. Рай, ее коллег и условия жизни мигрантов. Использованные нами документы, однако, свидетельствуют, что, хотя факты жестокого обращения с детьми и отсутствие за ними надзора имели место, Дойл преувеличил их распространенность. Освещается также оживленная общественная полемика вокруг деятельности Рай по переселению британских детей в Канаду. Автор приходит к выводу, что неформальный контроль за мигрантами, в целом не без успеха практиковавшийся Рай, следовало дополнить законодательной защитой прав и интересов несовершеннолетних британцев в Канаде.

Ключевые слова: Великобритания, Канада, Британская империя, доминионы, миграция, миграционное законодательство, общественные организации, дети, сироты, благотворительность.

O.V. Yablonskaya

“Les Miserables” Children of Great Britain in Canada: Maria Rye’s Migration Programme

Olga Yablonskaya, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas Branch (Arzamas, Russia).

E-mail: oyablonskii@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5479-556; Researcher ID: ABS-9083-2022

Abstract. In this paper, the author explores Maria Susan Rye's emigration society. She initiated the relocation of British children from workhouses and orphanages to Canada in 1869. Documentary and narrative sources have rarely been used to explore this "inconvenient" topic of British history. Few works by Western researchers of child migration appeared only at the end of the twentieth century. In the article, the author analyses controversial events in the history of Great Britain and Canada in the nineteenth century. The purpose of the work is to consider the reasons for resettlement, Rye's migration plan, the attitude of the British public towards it, its practical implementation in the Dominion, and the living conditions of minors in Canada. The author notes that the pauperisation of the British population was a major factor in the juvenile emigration in the context of industrialisation and demographic growth of the cities. Rye's plan was to take children from slums and place them in Canadian families. The author pays special attention to Andrew Doyle's mission. He was commissioned by the British government to investigate the activities of Rye, her colleagues, and the living conditions of the migrants. The author demonstrates that Doyle exaggerated the abuse and lack of supervision of children in order to discredit Rye's project and impose the workhouse system on Canada. She concludes that the informal control of migrants practised by Rye should have been supplemented by legislative protection of the rights and interests of British minors in Canada.

Keywords: Great Britain, Canada, British Empire, Dominions, migration, migration legislation, public organizations, minors, orphans, charity.

Детская эмиграция – «темное пятно» и «забытая страница» британской истории, как было признано в парламентском отчете в 1998 г.¹ Около 150 тыс. несовершеннолетних вывезли из страны в период с 1618 г. до конца 1960-х годов в Новую Зеландию, Австралию, Южную Африку, Америку. Детям обещали счастливую жизнь на новой родине, но вместо этого «создания нежного возраста» стали изгоями, «британскими отбросами», «белыми рабами». Основная миграционная волна в Канаду приходится на период 1869–1939 гг., когда выехало более 100 тыс. юных британцев. Начало массового переселения детей в «Доминион от моря до моря» было положено Мэри Сьюзан Рай.

Мэри Рай родилась в 1829 г. в семье известного лондонского адвоката Эдварда Рая. Благодаря отцу она получила хорошее семейное и юридическое образование. Уже в молодые годы включилась в активную общественную деятельность, писала статьи для журналов, участвовала в комитетах по подготовке важных законопроектов. М. Рай никогда не была замужем и не имела собственных детей, но полагала, что самым главным для человека является семья, поэтому свою жизнь решила посвятить тем, кто был ее лишен – беспризорным детям и бедным одиноким женщинам. В 1855–1858 гг. она работала секретарем ассоциации, продвигавшей законопроект о собственности замужних женщин, в 1859 г. стала одним из основателей Общества содействия занятости женщин, в 1861 г. создает Женское общество эмиграции². До 1869 г. М. Рай помогала бедным англичанкам с переездом сначала в Новую Зеландию и Австралию, а затем в Канаду. С 1869 г. и до последних лет своей жизни она занималась детской эмиграцией.

Причины эмиграции связаны с социально-экономическими изменениями в Великобритании в XIX в. Увеличение населения, особенно городского, рост безработицы вследствие индустриализации опережали развитие системы социального обеспечения. Разработчики Закона о бедных 1834 г. признавали, что эмиграция является одним из самых безболезненных средств сокращения избыточных трудовых ресурсов и облегчения страданий рабочих³. Э.П. Брентон, основатель «Общества друзей детей», в 1834 г., обосновывая необходимость

¹ The Welfare of Former British Child Migrants // Select Committee on Health. Third Report. 1998. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm199798/cmselect/cmhealth/755/75503.htm> (дата обращения: 11.12.2021).

² *Diamond M.* Emigration and Empire: the Life of Maria S. Rye. New York, 1999 // URL: https://books.google.ru/books?id-qLRZr9JDFHwC&pg-PT12&hl-ru&authuser-1&source-gbs_toc_r&cad-3#v-onepage&q&f-false (дата обращения: 20.03.2022).

³ Report from His Majesty's Commissioners for Inquiring into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws. London, 1834. P. 351–354.

переселения несовершеннолетних в колонии, пугал, что ситуация может дойти до каннибализма⁴. Во второй половине XIX в. демографическая проблема усугубилась. Американский репортер Д. Кирван сравнил Лондон в 1860-е годы с тюрьмой, в которой «жители набиты в убогие кварталы, как кролики»⁵. Британцы также признавали, что их городские трущобы представляют собой «кучи грязи и моральной мерзости»⁶. «Здесь не встретишь среди долговязых, желтоватых детей светлое личико или чистый передник, нет ни одного настоящего детского лица», — писала евангелистка Э.Г. Рэньярд о бедных столичных районах⁷. В подобной же ситуации были другие английские промышленные центры.

Расходы государства на оказание помощи бедным росли, но проблема не решалась. Нищета, в условиях которой «инстинкт порядочности и приличия подавлен»⁸, вела к нравственной деградации, криминализации бедных районов, увеличению числа малолетних преступников. Школы бедняков своим контингентом стали больше напоминать приюты⁹. Работные дома, об ужасах которых писал Диккенс, с проблемой не справлялись. Многочисленные «банды феджинов» терроризировали добропорядочное британское общество. Э.П. Brenton при поддержке кабинета, королевской семьи и лондонской элиты в 1834 г. начинает вывозить малолетних преступников и детей пауперов в Южную Африку¹⁰, к 1837 г. таких насчитывалось 1300 человек¹¹. Во второй половине XIX в. из-за протестов в колониях, которые не хотели быть «помойной корзиной» Англии, метрополия уже не навязывала нищих и преступников, а посылала туда «рабочих и их семьи, должным образом обеспеченных»¹². Кроме Африки, значительная часть мигрантов в первой половине XIX в. выезжала в Австралию и Новую Зеландию. Привлекательной стороной был хороший климат, а недостатком — дальность пути и высокая стоимость проезда. Во второй половине XIX в. основным направлением стала Канада. Американская часть империи имела преимущества не только перед Африкой и Австралией, но и перед самой метрополией. «Население Канады находится в гораздо лучшем положении в отношении домашнего уюта, чем большая часть населения нашей страны», — говорил Дж. Брайт в парламенте в 1867 г.¹³

Канада многим казалась идеальным местом — «американской Аркадией» — для британского ребенка-изгоя. Индустриальной эпохе характерно противопоставление перенаселенных городов с миазмами, пропитавшими воздух, с растлевающей духовной атмосферой и сельской глубинки, где дни текут, заполненные нелегким, но благословенным трудом, люди питаются дарами земли и живут в ладу с миром. Такими добродетельными фермерами многие надеялись сделать британских беспризорников, переселив их на канадскую землю. М. Рай в интервью говорила, что она не отправляет своих девочек в город, где они снова окажутся среди пороков, она хочет, чтобы они жили в семьях фермеров, трудились бок о бок с женами фермеров, стали достойными «супругами бережливых фермеров»¹⁴.

⁴ Brenton E.P. *The Bible and Spade; Or, Captain Brenton's Account of the Rise and Progress of Children's Friend Society: Shewing Its Tendency to Prevent Crime and Poverty, and Eventually to Dispense with Capital Punishment and Imprisonment.* London, 1837. P. 21.

⁵ Kirwan D.J. *Palace and Hovel.* London; New York, 1964. P. 25–27.

⁶ London, Thursday, April // *The Times.* 9.IV.1857.

⁷ *The Missing Link; Or, Bible-women in the Homes of the London Poor,* by L. N. R., 1810–1879. New York, 1861. P. 9.

⁸ London, Thursday, April // *The Times.* 9.IV.1857.

⁹ *Speeches of the Earl of Shaftesbury, K.G. Upon Subjects Having Relation Chiefly to the Claims and Interests of the Labouring Class.* London, 1868. P. 228, 237–238.

¹⁰ Brenton E.P. *Op. cit.* P. 9–18, 67–72.

¹¹ Hadley E. *Natives in a Strange Land: the Philanthropic Discourse of Juvenile Emigration in Mid-Nineteenth-Century England // Victorian Studies.* 1990. Vol. 33. № 3. P. 411.

¹² Froude A. *Short Studies on Great Subjects // The Concept of Empire. Burke to Attlee. 1774–1947 / ed. G. Bennett.* London, 1967. P. 246.

¹³ Bright J. *Speeches on Questions of Public Policy // The Concept of Empire.* P. 230.

¹⁴ Kohli M. *The Golden Bridge: Young Immigrants to Canada, 1833–1939.* Toronto, 2003. P. 61.

Во многих отношениях этот взгляд был обоснованным. Сельские жители в Канаде действительно отличались пуританскими нравами. Здесь по-прежнему было распространено семейное богослужение. В 1874 г. в Онтарио появился «Женский христианский союз трезвости», насчитывавший десятки тысяч членов¹⁵. В этой провинции в первую очередь и размещались «дети Рай».

Филантропы рассматривали Канаду как страну, чье общество не обременено классовыми предрассудками. Здесь слуги и наемные работники делили стол и гостиную с хозяевами, поэтому они надеялись, что и к их молодым подопечным будет относиться как к членам семьи. Английские беспризорники в Канаде должны были обязательно посещать школу¹⁶. Образование позволяло подняться по социальной лестнице детям из среды рабочего класса и даже маргинальных слоев. М. Рай с гордостью говорила о своем мальчике, который стал студентом Гарварда¹⁷. Первый закон об обязательном основном образовании был принят в Онтарио в 1871 г.¹⁸

Жители доминиона, в свою очередь, заявляли, что они готовы приютить нуждающихся детей, чтобы воспитывать их в соответствии с моральными и христианскими ценностями¹⁹. Здесь были желающие их усыновить или удочерить. Как объясняла Рай, в Канаде раньше вступали в брак, поэтому в 45 или 50 лет многие пары оказывались одинокими, имея материальные средства и не израсходованный родительский потенциал²⁰. Особенно часто страдали от одиночества фермерские семьи, так как их собственные дети стремились уехать в город²¹.

Но не только гуманистическими, но и прагматическими целями руководствовались в Канаде, приглашая британских детей. Колония как «переселенческое владение»²² нуждалась в увеличении числа «белых» жителей, особенно в выходящих с британских островов. Рост англосаксонского населения соответствовал имперской концепции, разделяемой по обе стороны океана²³. Число британских мигрантов на американских землях с обретением независимости не уменьшилось, а увеличилось: в 1867 г. их было 12, а в 1871 г. — 25 тыс.²⁴ Здесь, как и в других заморских владениях, имела место нехватка женщин, поэтому поселяющиеся девочки, преимущественно перевозимые Рай, могли выправить демографический дисбаланс. Но главной потребностью, которая удовлетворялась эмигрантами, была рабочая сила. Бурное промышленное развитие Канады²⁵ привело к дефициту трудовых ресурсов, особенно на фермах. В условиях механизации годился и детский труд. Отправлять девочек работать на поля запрещалось, но они могли помогать по хозяйству и присматривать за детьми. Девочки Рай сидели с малышами с шести лет. Что касается содержания, то простые потребности удовлетворялись за счет производимого в хозяйстве, поэтому уход за детьми обходился недорого²⁶.

¹⁵ Parr J. *Labouring Children: British Immigrant Apprentices to Canada, 1869–1924*. Toronto, 1994. P. 46.

¹⁶ Appendix // *Emigration of Pauper Children to Canada*. Report to the Right Honourable the President of the Local Government Board, by Andrew Doyle, Esquire, Local Government Inspector, as to the Emigration of Pauper Children to Canada Ordered, by the House of Commons, to be Printed. London, 1875 (далее — Report). P. 36–41.

¹⁷ Kohli M. *Op. cit.* P. 62.

¹⁸ Parr J. *Op. cit.* P. 109.

¹⁹ Rye M.S. *Our Gutter Children* // *The Times*. 29.III.1869; *Eadem*. *Gutter Children* // *The Times*. 25.VIII.1869.

²⁰ Charges Made Against Miss M. Rye: before the Poor Law Board at Islington and Her Reply Thereto. [S.l.], 1874. P. 9 // URL: https://archive.org/details/cihm_07098/page/n9/mode/2up (дата обращения: 20.03.2021).

²¹ Bagnell K. *The Little Immigrants: the Orphans Who Came to Canada*. Toronto, 1987. P. 32.

²² Аizensитам М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 — середина 1870-х гг.). М., 1999. С. 16.

²³ Smith G. *The Empire, 1863* // *The Concept of Empire*. P. 217–225; Сороко-Цюпа О.С. История Канады. М., 1985. С. 67.

²⁴ *English Historical Documents* / ed. D.C. Douglas. Vol. 12. New York, 1953. P. 204.

²⁵ Тишков В.А. Освободительное движение в колониальной Канаде. М., 1978. С. 343–346.

²⁶ London, Wednesday, March // *The Times*. 10.III.1875.

Власти Оттавы, учитывая выгоды детской миграции, поощряли переезд, предоставляя гранты, земли, политическую поддержку проектов. Рай была женщиной с сильным и волевым характером, не любила, когда кто-то вмешивался в ее работу, но при этом никогда не стеснялась обращаться за помощью к властям²⁷. У нее были обширные связи с правительственными чиновниками и влиятельными людьми Великобритании и Канады. Газета «Таймс» помогала ей в сборе средств и пропаганде проектов. Рай выхлопотала сниженные тарифы на плавание через Атлантику и бесплатный проезд на поезде из Квебека в Онтарио²⁸. Канадское правительство и Онтарио выплачивало ей за каждого привезенного ребенка 8 ф.ст. 8 шилл.²⁹ К этому следует прибавить щедрую помощь частных благотворителей.

Вторая половина 1860-х годов была особенно трудной для Великобритании: холера 1866 г., холодная зима 1867 г., неурожай. Чрезвычайно тяжелая ситуация сложилась в городах. Дети нищих, безработных родителей, вдов, инвалидов заполнили улицы. В условиях острого социально-экономического кризиса Рай предложила свою помощь в решении проблемы с несовершеннолетними. В марте 1869 г. в «Таймс» была опубликована ее статья «Наши дети из сточной канавы», в которой она призывала спасти детей из трущоб, спонсируя их эмиграцию в американские колонии. Рай указала на непосильные для страны расходы на поддержание бедных и, наоборот, потребности Канады в несовершеннолетних трудовых мигрантах. По поводу гарантий справедливого отношения к британским беднякам в чужом краю она задала риторический вопрос: «Какое лечение они получат от холода, голода, искушения в наших сточных канавах... Может ли что-нибудь в Канаде или Америке быть хуже того, на что они обречены здесь?» В Америке, утверждалось в статье, дети окажутся под контролем приходских священников, которые будут предоставлять ежеквартальные отчеты о состоянии малышей. В качестве аргумента она привела пример американца Ван Метера, который собрал беспризорников Нью-Йорка, расселил их в семьях фермеров западной Америки и спас таким образом тысячи молодых людей от голода, холода и порока. Уточнялось, что будут набираться в первую очередь девочки, так как у мальчиков больше возможностей устроить свою жизнь в Великобритании — они могут пойти в армию или освоить ремесло и трудиться. Рай хотела дать своим подопечным не казарменные приюты, а семью, пусть и суррогатную. В Канаде девочки или удочерялись, или нанимались на посильную работу, поселяясь в доме работодателя³⁰. Для временного пребывания мигрантов был организован приют в районе Ниагары, названный «Наш Западный дом».

На протяжении нескольких месяцев «Таймс» регулярно публиковала статьи, посвященные проекту Рай. Представители клира горячо поддержали план вывоза маленьких беспризорников, которые еще «не полюбили бродяжническую жизнь» и не совершили преступлений³¹. Писали и те, кто выражал опасения за судьбу детей в далекой стране³². Помимо благотворительных взносов³³, Рай получила на организацию выезда средства попечительских советов³⁴. Эмиграция обходилась в сумму, эквивалентную годовому содержанию в приходском работном доме, так что ребенок, уехавший за границу в семь лет, сэкономил приходу шесть лет содержания³⁵.

Первая группа отправилась из Ливерпуля в Канаду в октябре 1869 г., в ней было 68 девочек и 8 мальчиков, большинству из которых не исполнилось 11 лет. Провожающие, как

²⁷ *Wagner G.* Children of the Empire. London, 1982. P. 40–41.

²⁸ *Kohli M.* Op. cit. P. 43.

²⁹ Report. P. 6.

³⁰ *Rye M.S.* Our Gutter Children // The Times. 29.III.1869; *Eadem.* Gutter Children // The Times. 25.VIII.1869.

³¹ *Maconechy J.* City Arabe // The Times. 31.III.1869.

³² *C.J.R.* Emigration of Pauper Children // The Times. 31.III.1869.

³³ *Rye M.S.* Gutter Children // The Times. 20.IV.1869.

³⁴ Report. P. 6.

³⁵ *Bean Ph.* Lost Children of the Empire. London, 1989. P. 36.

и отправляющиеся, надеялись, что маленькие «городские оборванцы» теперь навсегда забудут свое тяжелое прошлое и обретут счастливую жизнь: одни получают родительскую любовь и заботу в новой семье, другие — посильную работу за вознаграждение, но, главное, у всех будет дом в чистой сельской местности вместо «сточных канав»³⁶.

В «Иллюстрированных лондонских новостях» утверждалось, что дети будут размещены в приюте Ниагара-он-те-Лейк, где им предстоит до 15 лет осваивать профессию домашней прислуги, а затем их наймут в уважаемые дома³⁷. Это было не так. Дети находились в распределительном доме от нескольких дней до нескольких месяцев. Рай старалась не задерживать мигрантов в своем доме, а быстро передавать их в местные семьи.

Требовались некоторые навыки в работе и образование, если ребенка брали для услуг, чего не могло быть у ребят «из сточных канав». Но Мэри Рай в действительности не собирала несовершеннолетних на улицах лондонского Ист-Энда и других трущоб, она получала обученных детей из переполненных рабочих домов, что позволяло сэкономить средства на образовании. Первая группа состояла в основном из девочек Киркдейлской промышленной школы Ливерпуля. К 1874 г. услугами Рай пользовались 46 попечительских советов Великобритании³⁸. Обычно Рай привозила 2–3 группы за год. За 1869 г. было отправлено около 146 детей, а в следующем году — 461³⁹. Примеру Рай последовала Макферсон и другие филантропы.

Большинство канадцев брали ребят для услуг. Желающий получить ребенка должен был написать заявление, предоставить сведения о себе и рекомендацию приходского священника. В дополнение к этому проводился личный опрос каждого потенциального опекуна. Рай, юрист и дочь адвоката, проявляла большую щепетильность в оформлении документов на размещение детей. Но степень реализации предписаний договоров основывалась не на законах, а на ее усмотрении. Некоторые девочки оказались в канадских семьях без каких-либо письменных формальностей, а по устному соглашению⁴⁰. Рай ставила потенциальных мигрантов в очередь и позволяла фермерам оценивать их. Эта практика давала основания сравнивать ее работу с торговлей скотом⁴¹. В договорах не было ничего, что могло бы помешать приемным родителям отдать ребенка в ученики или отправить его на службу к другому домохозяину, даже в США, но с разрешения Рай. И подобные случаи имели место не раз.

Рабочая нагрузка детей менялась по мере взросления. «Библия и лопата для мальчика! Библия, метла и игла для девочки!» — этот лозунг Брентона по спасению беспризорников использовался и во второй половине XIX в.⁴² Мальчики помогали мужчинам на ферме, девочки — по хозяйству в доме, иногда работали на молочных и птицеводческих фермах. Рай говорила, что понимает девочек лучше, поэтому, привезя мальчиков, часто передавала их для размещения в другие агентства⁴³. Согласно договорам Рай, ребенок в возрасте от 3 до 13 лет должен был быть одет, накормлен и отправлен в воскресную школу; в возрасте от 15 до 17 лет — накормлен, одет и получает заработную плату в размере 3–4 долл. в месяц. Контракты детей-иммигрантов предусматривали образование и религиозное воспитание⁴⁴.

³⁶ Miss Rye in Canada // The Times. 28.XII.1869.

³⁷ The Illustrated London News. 1869. Vol. LV. № 1565. P. 466.

³⁸ The Emigration of Pauper Children. From our Canadian Correspondent (Toronto, May 24) // The Times. 11.VI.1875.

³⁹ Report. P. 6.

⁴⁰ Appendix // Report. P. 11–12, 36–41.

⁴¹ Rye M.S. Letters // Historical Manuscripts Commission. Summary Report on Personal and Family Papers 1854–1969 of Maria Susan Rye (1829–1903). 1994 // URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/nra/lists/GB-800819-Rye.htm#Historical%20Manuscripts%20Commission> (дата обращения: 02.12.2021).

⁴² Brenton J. Memoir of Captain Edward Pelham Brenton, R.N., C.B. London, 1842. P. 112.

⁴³ Bean Ph. Op. cit. P. 51.

⁴⁴ Appendix // Report. P. 36–41.

Опекуны зачастую нарушали условия соглашений. Одна из подопечных Рай, недовольная своим переездом в Канаду, призналась проверяющему инспектору: «Удочерение — это когда люди заставляют девочку работать без зарплаты». Дети переходили из одного домохозяйства в другое без предварительного уведомления Рай, некоторые из них так и затерялись на американских просторах. Работодатели имели полное право отказаться от ребят, которые им не подошли⁴⁵. Желая иметь совсем дармовую силу, они возвращали повзрослевших, а набирали малышей, которые трудились за содержание. Но нанятые мигранты не могли по собственной воле покинуть хозяина до 18 лет. Сбежавшим подросткам грозило тюремное заключение или штраф⁴⁶. Многие дети не справлялись с делами. Малолетние британские горожане были физически слабыми, не знали сельского труда, а «канадский фермер, в целом добрый и справедливый», но он трудился, как отмечал британский инспектор, «от дневного света до темноты и хотел, чтобы каждая рука, способная работать, делала то же самое»⁴⁷. Нормы права позволяли домохозяевам «умеренное наказание» подопечных. Мэру дозволенного они определяли сами. В 1895 г. в Онтарио разбиралось дело Х. Финдли, в доме которой от голода и побоев скончался 15-летний Джордж Грин⁴⁸. Это далеко не единственный трагический случай с маленьким мигрантом. В организации Т. Барнардо терпеливым мальчикам вручали медаль «За долгую службу и хорошее поведение»⁴⁹.

В течение 1869—1874 гг. Рай привезла 1377 детей, в основном девочек из работных домов⁵⁰. Главным районом расселения был Онтарио — 902 ребенка. Ее коллега Макферсон за этот период вывезла 2000 детей: 300 девочек и 1700 мальчиков; 350 из работных домов и 1650 беспризорников, собранных на улицах городов⁵¹.

Противники программы М. Рай появились сразу после публикации статьи в «Таймс». Дж. Круикшэнк, иллюстратор Ч. Диккенса, написал карикатуру «Наши дети из Сточных канав», изобразив, как невинных малышей выметают с улиц, сгребают в телеги, чтобы погрузить на борт корабля и вывезти как скот на иностранный рынок. Рай, стоящая у телеги с кнутом, руководит этим процессом⁵².

В 1874 г. в Совет местного самоуправления поступила жалоба А. Грейнджера на М. Рай и ее проект, в которой указывалось на жестокое обращение с детьми, отсутствие контроля за мигрантами, корыстные мотивы организатора, поэтому рекомендовалось провести инспекцию ее деятельности в Канаде⁵³. Рай отвергла все обвинения, но поддержала идею проверки работы компетентной комиссией⁵⁴.

Совет направил в Канаду одного из самых опытных инспекторов, Эндрю Дойла. Ему было 65 лет, он любил дисциплину и порядок, 26 лет работал над укреплением системы работных домов в подведомственных ему округах. Полгода провел Дойл в Америке, много общался с Рай и Макферсон, их помощниками, местными жителями, посетил 400 детей, фермы, где размещались мигранты, изучил условия содержания в приютах. В феврале 1875 г. Совету местного самоуправления был представлен отчет. Э. Дойл отметил высокие мотивы и самоотверженный труд Рай и ее коллеги Макферсон, преданность и добросовестность их помощников⁵⁵. Но одобрительные отзывы были сделаны не столько для того, чтобы воздать должное женщинам, сколько для создания эффекта объективности всего отчета, который представляет собой настоящую филиппику в адрес Макферсон и

⁴⁵ Report. P. 12, 16–17, 31.

⁴⁶ Parr J. Op. cit. P. 92.

⁴⁷ Report. P. 13.

⁴⁸ Parr J. Op. cit. P. 107; Bagnell K. Op. cit. P. 63–69.

⁴⁹ Harrison P. The Home Children: Their Personal Stories. Winnipeg, 1979. P. 22.

⁵⁰ Kohli M. Op. cit. P. 28.

⁵¹ The Emigration of Pauper Children...

⁵² Cruikshank G. Our "Gutter Children". London, 1869. P. 1.

⁵³ Charges Made Against Miss M. Rye. P. 5–7

⁵⁴ Ibid. P. 8–16.

⁵⁵ Report. P. 4, 8, 28–29.

Рай. На других страницах «самоотверженные спасительницы детей» предстают олицетворением безответственности и жестокости. Дети неряшливы, «кишат паразитами», Рай сурово наказывает даже за «вспыльчивый характер», мигранты ненавидят приют, боятся туда возвращаться. Подготовка эмиграции была слабой. Переезд через океан — мучительным. Указал Дойл вслед за Грейнджером и на корыстный интерес Рай и Макферсон.

Как представитель Совета местного самоуправления, Дойл должен был проследить за судьбой ребят, отправленных работными домами и школами, поэтому основное внимание он сосредоточил на инспекции Рай, и критика звучала главным образом в ее адрес, а не Макферсон, которая собирала «уличных арабов» — беспризорников, не охваченных системой государственной опеки. Но инспектор не ограничился проверкой только подотчетного класса, а посетил всех. Он пришел к выводу, что смешивать «уличных арабов» и детей пауперов из работных домов нельзя. Представители первой группы, выросшие в криминальной среде, плохо влияют на других несовершеннолетних, чаще совершают правонарушения, дискредитируя британскую систему работных домов.

В отчете сказано, что меры предосторожности, принятые Рай, на бумаге кажутся тщательными, но в действительности оказываются бесполезными и не защищают детей. Многие мигранты нерегулярно посещают школу, не имеют возможности получить медицинскую помощь. Из-за небрежности Рай и ограниченности ресурсов Макферсон тысячи маленьких британцев были брошены на произвол судьбы, выполняли непосильные работы, подвергались жестокому обращению со стороны канадцев, некоторые оказались в США. Особенно опасно было оставлять без надзора девочек⁵⁶.

В Канаде за мигрантами отсутствовал не только официальный, но и общественный надзор. А. Грейнджер указывал, что соседи во избежание ссор, если и замечали неподобающее обращение с детьми, предпочитали молчать⁵⁷. Было много случаев не просто жестокого обращения с девочками, но и насилия. Находясь в полной власти своих домохозяев, они не смели пожаловаться, поэтому большая часть преступлений не получила огласки. В тех же ситуациях, которые расследовались, не всегда преступники несли заслуженное наказание. Общественность могла их оправдать. Когда известный либерал из Нью-Брунсвика, арестованный за изнасилование 12-летней девочки, сбежал, судья заметил, что жертва была всего лишь «дешевой англичанкой». Серьезным препятствием для следствия являлось отсутствие доказательств. О факте надругательства над подростком зачастую узнавали лишь после наступления беременности. Одно из дел, касающееся 10-летней девочки Рай, длительное время подвергавшейся насилию, рассыпалось из-за отсутствия документов, подтверждающих ее возраст⁵⁸.

В целом Дойл выразил поддержку эмиграции, особенно для маленьких детей (до 7–8 лет), которых усыновляют (удочеряют). Он не рекомендовал отправлять подростков без предварительного обучения или же раздельно осуществлять эмиграцию детей бедняков и «арабских детей», а для обеспечения защиты прав и интересов несовершеннолетних британцев советовал создать систему официального надзора⁵⁹.

В марте 1875 г. Макферсон и Рай были вызваны в парламентский комитет Канады, чтобы ответить на замечания. Макферсон охотнее давала объяснения, предъявила копии расходных документов, которые опровергли обвинения в корысти, с необходимостью совершенствования системы надзора согласилась⁶⁰. Рай не стала оправдываться, а обвинила Дойла в недобросовестности, лицемерии и искажении фактов. Особый контроль за мигрантами после размещения их в семьях не нужен, с уверенностью заявляла она, так как дети попадают к достойным людям, а проверки могут их оскорбить. Обвинения в жестокости, нежелании детей возвращаться к ней опровергла рассказом об организованной

⁵⁶ Report. P. 11–34.

⁵⁷ Charges Made Against Miss M. Rye. P. 6.

⁵⁸ Ibid. P. 114–115.

⁵⁹ Report. P. 34–35.

⁶⁰ The Emigration of Pauper Children...

в сентябре 1874 г. встрече в «Западном доме», на которую прибыло 300 иммигрантов и их опекунов, а приглашенный Дойл не явился. Пренебрежение отчетностью она оправдала своей чрезмерной занятостью⁶¹. В 1878 г. Рай составила список перевезенных ею мигрантов, но сведения о детях, их судьбах оказались крайне скудными и весьма запутанными⁶².

Многие влиятельные деятели Канады выступили в защиту Рай и Макферсон. Те, кто не смогли присутствовать на слушаниях, прислали письма по просьбе Рай, где хвалили организаторов миграции, благодарили за хороших детей, а Дойла обвиняли в предвзятости. Дж. Лоу, министр сельского хозяйства и иммиграции Канады, выразив мнение правительства, заявил, что неудачи были исключением из хорошей практики размещения британских детей в семьях. Отчет Дойла отклонили, назвав его пристрастным, но усилить контроль за иммигрантами все же посчитали целесообразным⁶³. Местная пресса вслед за чиновниками стала обвинять инспектора в стремлении навязать их стране дискредитировавшую себя систему рабочих домов, называя его «странствующим бездельником» и «профессиональной пиявкой»⁶⁴.

В Великобритании доклад Дойла вызвал бурные обсуждения. 10 марта в «Таймс» потребовали приостановить «нерегулируемую торговлю детским трудом», пока не будет усовершенствована миграционная система⁶⁵. Но уже через неделю в защиту переселения выступил С. Уильямсон, председатель Ливерпульского приюта, назвав обвинения Дойла недостойной инсинуацией⁶⁶. Рай и Дойл вступили в длительную публичную полемику⁶⁷. Вывоз детей в том числе и из рабочих домов продолжился, хотя в первые годы после отчета заметно сократился: в 1874 г. — 603 несовершеннолетних вывезено в Канаду; в 1875 г. — 312; в 1876 г. — 250⁶⁸. Рай в течение трех лет не занималась вывозом несовершеннолетних, но в 1877 г. возобновила эту практику, ничего в ней не меняя.

В 1893 г. в плохом контроле за подопечными Рай обвинил известный в Канаде защитник бедняков и детей Дж.Дж. Келсо, занимавший пост министра по делам безнадзорных. Рай, указав на молодость Келсо и на свой большой опыт в работе с детьми, назвала свои методы контроля, основанные на доверительной переписке, исчерпывающими. Упрекать ее за нескольких девушек, «потерявших характер» из-за канадских мужчин», учитывая, что у нее к тому времени было уже 4 тыс. устроенных детей, посчитала несправедливым. Келсо пришлось извиниться перед Рай, причем, по ее требованию, он сделал это публично. Однако сама она впоследствии признавала, что была «наивной», полагая, будто все дети хорошие, и все люди, которые их забирали — идеальные⁶⁹. В 1895 г. Рай отказалась от службы из-за тяжелой болезни. В 1903 г. умерла.

Указанные Дойлом недостатки в практике переселения несовершеннолетних британцев действительно имели место, и порой они оборачивались трагическими последствиями. В определенной степени это было связано с неразработанностью миграционных законов, способных защитить права и интересы детей. Рай вывезла свою первую группу в октябре 1869 г., но Совет санкционировал эмиграцию только в 1870 г.⁷⁰ Еще хуже обстояли дела с иммиграционным законодательством. Руководствуясь благими намерениями, филантропы

⁶¹ *Rye M.* Emigration of Pauper Children // *The Times*. 22.IV.1875.

⁶² *Young Immigrants to Canada. Alphabetic List of Miss Rye's Children*, February 1, 1878 // URL: <https://web.archive.org/web/20130725150127/jubilation.uwaterloo.ca/~marj/genealogy/children/lists/rye1878.html> (дата обращения: 10.03.2022).

⁶³ *The Emigration of Pauper Children...*

⁶⁴ *Bagnell K.* Op. cit. P. 52–62.

⁶⁵ *London, Wednesday, March* // *The Times*. 10.III.1875.

⁶⁶ *Williamson S.* Emigration of Pauper Children // *The Times*. 17.III.1875.

⁶⁷ *Rye M.* Emigration of Pauper Children // *The Times*. 22.IV.1875; *Eadem.* Emigration of Pauper Children // *The Times*. 23.IV.1875; *Doyle A.* Emigration of Pauper Children // *The Times*. 27.IV.1875.

⁶⁸ *Kohli M.* Op. cit. P. 23.

⁶⁹ *Rye M.* Letters // URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/nra/lists/GB-800819-Rye.htm#Historical%20Manuscripts%20Commission> (дата обращения: 29.08.2023).

⁷⁰ Report. P. 6.

XIX в. несколько раз в год переплывали океан, перевозя беспризорников и бедняков. При такой загруженности у них не оставалось возможности проследить за работой системы, обеспечить надлежащий надзор за детьми. Им приходилось полагаться на добросердечие фермеров, усердие заокеанских друзей и откровенность переписки с мигрантами. Беспечность и самоуверенность филантропов обернулись несчастьем для многих мигрантов⁷¹. Но в работе Рай, как бы ее ни пытались опорочить, случаи неудачного размещения девочек были не столь уж многочисленны. Ее связи в Канаде позволили обеспечить эффективный контроль на неформальном уровне. Однако правовые уступки позволяли заниматься эмиграцией менее ответственным деятелям и аферистам, готовым заработать на несчастных детях. Доил в отчете отметил, что любой человек, будь то «филантроп или мошенник», может собрать деньги и с простого согласия беспризорников вывезти их из страны⁷².

Следует сказать, что в метрополии различали степень ответственности за разные категории детей. «Арабские дети» инспектора Дойла интересовали лишь потому, что они плохо влияли на «подведомственных» детей бедняков и репутацию работных домов. Сам термин «арабские дети», вошедший в широкий обиход чиновников, является вербализированной формой дистанцирования государства от этой многочисленной группы обездоленных жителей страны. После отчета Дойла власти Оттавы постарались усилить контроль за детьми из работных домов метрополии⁷³.

Британские мигранты, по мнению канадцев, могли представлять опасность. В 1875 г. Дойл, указывавший на пороки «арабских детей», не нашел поддержки среди канадцев, но в 1890-е годы в стране наблюдалась ксенофобия в отношении мигрантов. Ребят необоснованно обвиняли в преступлениях, наследственной порочности, распространении инфекций, в том числе сифилиса. Упомянутая убийца Х. Финдли не понесла наказания, так как суд посчитал, что причиной смерти стали наследственные болезни и сифилис. Против Грина и вместе с ним других маленьких мигрантов пресса развернула целую кампанию. Он из жертвы превратился в преступника, который заражал своей «больной кровью» здоровых канадцев. Газеты обрушили гнев на Рай, Макферсон и других филантропов, которые ввозили «орды британских воров»⁷⁴. «Страна вполне способна произвести на свет всех необходимых ей детей», — писал либерал Ч. Дилк⁷⁵.

Медосмотр перед отплытием был введен еще в 1888 г. В 1897 г. в Онтарио был принят закон, запрещающий ввоз в провинцию не только больных детей, но и тех, чьи родители были преступниками, инвалидами, сумасшедшими, слабоумными. Закон также требовал от размещающих организаций строгого надзора за несовершеннолетними. Затем подобные законы приняли в Манитобе, Квебеке, Новой Шотландии, Нью-Брунсвике⁷⁶.

Массовое переселение несовершеннолетних британцев в Канаду было обусловлено тяжелыми социально-экономическими условиями Англии конца 1860-х годов. Филантропы видели в миграции возможность спасти детей от голода, бродяжничества, преступлений, которые ожидали их в грязных кварталах переполненных английских городов. Переезд позволял снизить бремя социальных расходов, поэтому поддерживался британским правительством и местными попечительскими советами. Организатором массовой детской миграции стала М. Рай, отправившая в 1869 г. в Онтарио первую группу несовершеннолетних для усыновления или в качестве сельскохозяйственных рабочих и домашней прислуги. Примеру М. Рай последовали другие филантропы. Миграционные агенты, имея небольшой штат помощников, ограниченные ресурсы, стали вывозить из Великобритании и размещать в Канаде тысячи британских бедняков, решая серьезные

⁷¹ Jordan T.E. "Stay and Starve, Or Go and Prosper!" Juvenile Emigration from Great Britain in the Nineteenth Century // *Social Science History*. 1985. Vol. 9. № 2. P. 161.

⁷² Report. P. 10.

⁷³ Kohli M. Op. cit. P. 28.

⁷⁴ Bagnell K. Op. cit. P. 69, 74–75.

⁷⁵ Dilke C.W. *Problems of Greater Britain*. Vol. 1. London, 1890. P. 120.

⁷⁶ Bean Ph. Op. cit. P. 75–76; Parr J. Op. cit. P. 53, 57.

проблемы империи, копившиеся десятилетиями. Продиктованная благими намерениями программа Рай была недостаточно продумана, отсутствовало миграционное законодательство, защищавшее права и интересы несовершеннолетних переселенцев, контроль осуществлялся на неформальном уровне. К 1874 г. начали появляться тревожные сообщения о жестоком обращении с детьми, чрезмерной эксплуатации, а также о правонарушениях мигрантов. Инспектор Дойл, отправленный в Канаду для проверки, не только подтвердил, но акцентировал внимание на негативных фактах в реализации проекта Рай. Комиссия по делам миграции доминиона отчет Дойла отклонила, назвав его пристрастным, но признала необходимость совершенствования системы контроля за детьми. Совет местного самоуправления и Рай на три года приостановили сотрудничество. В конце XIX в. в Канаде и Великобритании приняли законы, направленные на усиление ответственности миграционных агентов и официального надзора за несовершеннолетними.

Библиография / References

- Айзенштат М.П., Гелла Т.Н.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – середина 1870-х гг.). М., 1999.
- Сороко-Цюпа О.С.* История Канады. М., 1985.
- Тишков В.А.* Освободительное движение в колониальной Канаде. М., 1978.
- Ajzenshtat M.P., Gella T.N.* Anglijskie partii i kolonial'naja imperija Velikobritanii v XIX v. (1815 – sredina 1870-kh gg.) [English Parties and the Colonial Empire of Great Britain in the 19th century (1815 – mid-1870)]. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Soroko-Cjupa O.S.* Istorija Kanady [History of Canada]. Moskva, 1985. (In Russ.)
- Tishkov V.A.* Osvoboditel'noe dvizhenie v kolonial'noj Kanade [The Liberation Movement in Colonial Canada]. Moskva, 1978. (In Russ.)
- Bagnell K.* The Little Immigrants: the Orphans Who Came to Canada. Toronto, 1987.
- Bean Ph.* Lost Children of the Empire. London, 1989.
- Brenton E.P.* The Bible and Spade; Or, Captain Brenton's Account of the Rise and Progress of Children's Friend Society: Shewing Its Tendency to Prevent Crime and Poverty, and Eventually to Dispense with Capital Punishment and Impressment. London, 1837.
- Brenton J.* Memoir of Captain Edward Pelham Brenton, R.N., C.B. London, 1842.
- Charges Made Against Miss M. Rye: before the Poor Law Board at Islington and Her Reply Thereto. [S.l.], 1874 // URL: https://archive.org/details/cihm_07098/page/n9/mode/2up (access date: 20.03.2021).
- Cruikshank G.* Our "Gutter Children". London, 1869.
- Diamond M.* Emigration and Empire: the Life of Maria S. Rye. New York, 1999 // URL: https://books.google.ru/books?id=qLRZr9JDFHwC&pg-PT12&hl-ru&authuser-1&source-gbs_toc_r&cad-3#v-onepage&q&f=false (access date: 20.03.2022).
- Dilke C.W.* Problems of Greater Britain. Vol. 1. London, 1890.
- Emigration of Pauper Children to Canada. Report to the Right Honourable the President of the Local Government Board, by Andrew Doyle, Esquire, Local Government Inspector, as to the Emigration of Pauper Children to Canada Ordered, by the House of Commons, to be Printed. London, 1875.
- English Historical Documents / ed. D.C. Douglas. Vol. 12. New York, 1953.
- Hadley E.* Natives in a Strange Land: the Philanthropic Discourse of Juvenile Emigration in Mid-Nineteenth-Century England // Victorian Studies. 1990. Vol. 33. № 3. P. 411–439.
- Harrison P.* The Home Children: Their Personal Stories. Winnipeg, 1979.
- Jordan T.E.* "Stay and Starve, Or Go and Prosper!" Juvenile Emigration from Great Britain in the Nineteenth Century // Social Science History. 1985. Vol. 9. № 2. P. 145–166.
- Kirwan D.J.* Palace and Hovel. London; New York, 1964.
- Kohli M.* The Golden Bridge: Young Immigrants to Canada, 1833–1939. Toronto, 2003.
- Parr J.* Labouring Children: British Immigrant Apprentices to Canada, 1869–1924. Toronto, 1994.
- Report from His Majesty's Commissioners for Inquiring into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws. London, 1834.
- Speeches of the Earl of Shaftesbury, K.G. Upon Subjects Having Relation Chiefly to the Claims and Interests of the Labouring Class. London, 1868.
- The Concept of Empire. Burke to Attlee. 1774–1947 / ed. G. Bennett. London, 1967.
- The Missing Link; Or, Bible-women in the Homes of the London Poor, by L. N. R., 1810–1879. New York, 1861.
- The Welfare of Former British Child Migrants // Select Committee on Health. Third Report. 1998. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm199798/cmselect/cmhealth/755/75503.htm> (access date: 11.12.2021).
- Wagner G.* Children of the Empire. London, 1982.

DOI: 10.31857/S0130386424010063

© 2024 г. А.А. ТУРЫГИН

ВОЕННЫЕ ЦЕЛИ И ПЛАНЫ ПАНГЕРМАНСКОГО СОЮЗА В ВОСПОМИНАНИЯХ ГЕНРИХА КЛАССА (1868–1953)

Турьгин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромского государственного университета (Кострома, Россия).

E-mail: aturigin@mail.ru

Scopus Author ID: 57219485475; ORCID: 0000-0003-0758-6422; Researcher ID: Y-3378-2018

Аннотация. Недавно опубликованная вторая часть воспоминаний председателя Пангерманского союза Г. Класса, внесшего личный вклад в распространение и общественное признание антисемитских, расистских и экспансионистских взглядов, а также сыгравшего важную роль в установлении и развитии коммуникации правых сил, стремившихся оказывать фоновое влияние на государственную политику, представляют большой научный интерес и расширяют источниковую базу исследований радикального национализма накануне и в годы Первой мировой войны. Помимо собственно военных целей пангерманцев, связанных с аннексией европейских территорий и уже изученных в историографии, воспоминания иллюстрируют внутреннюю напряженную борьбу за их одобрение внутри Пангерманского союза и различные попытки Г. Класса наладить сотрудничество с высокопоставленными государственными служащими и руководством рейхсвера. Целью Г. Класса становится отставка рейхсканцлера Т. Бетман-Гольвега, ради которой он устанавливает контакты на самом высшем уровне. В условиях военного времени прежде осторожные попытки лидера пангерманцев намекать на необходимость изменения государственного строя приобрели конкретные очертания, став предметом общественной и политической борьбы. Мысли Г. Класса были связаны с учреждением в стране диктатуры в форме неограниченной власти назначенного императором должностного лица, которому в условиях войны было бы позволено действовать в обход конституционных норм и сложившихся механизмов власти. Война, по его мнению, должна была привести к власти диктатора, способного позаботиться о национальных интересах. Воспоминания Г. Класса показывают, как на фоне борьбы за отставку рейхсканцлера и серии военных неудач имперская гражданская и военная элита оценивала идею диктатуры и государственного переворота, что позволяет по-новому оценить эффективность действий пангерманцев и, соответственно, возможности Пангерманского союза.

Ключевые слова: Германия, Пангерманский союз, Первая мировая война, панидеология, националисты, военные цели, «меморандум Класса», воспоминания, диктатура.

A.A. Turygin

Military Goals and Plans of the “Pan-German League” in the Memories of Heinrich Claß (1868–1953)

Alexander Turygin, Kostroma State University (Kostroma, Russia).

E-mail: aturigin@mail.ru

Scopus Author ID: 57219485475; ORCID: 0000-0003-0758-6422; Researcher ID: Y-3378-2018

Abstract. The recently published second part of the memoirs of Heinrich Claß, chairman of the Pan-German League, who made a personal contribution to the dissemination and public acceptance of anti-Semitic, racist and expansionist views, and who also played an essential role in establishing and developing the communication of right-wing forces that sought to exert background influence on public policy, are of great scholarly interest and broaden the source base for studies of radical nationalism on the eve and during the Great War. In addition to the Pan-Germans' own military aims related to the annexation of European territories that have already been studied in historiography, the memoirs illustrate the internal tense struggle for their approval within the Pan-German League as well as Claß's various attempts to forge co-operation with high-ranking civil servants and the Reichswehr leadership. Claß made the resignation of Reich Chancellor Theobald von Bethmann Hollweg his goal, for the sake of which he established contacts at the highest level. Under wartime conditions, the Pan-German leader's previously cautious attempts to hint at the need to change the national system of government took concrete shape and became the subject of public and political struggle. Claß's ideas were associated with the establishment of a dictatorship in the form of the unlimited power of an emperor-appointed official who would, under war conditions, be allowed to act bypassing constitutional norms and established mechanisms of power. The war, in his opinion, was to bring to power a dictator capable of looking after the national interests. The memoirs of Claß show how, against the background of the struggle for the resignation of the Reich Chancellor and a series of military failures, the imperial civilian and military elite evaluated the idea of dictatorship and coup d'état, which allows one to assess in a new way the effectiveness of the Pan-German actions and, consequently, the potential of the Pan-German League.

Keywords: Germany, Pan-German League, Great War, panideology, nationalists, war aims, the "Claß Memorandum", memoirs, dictatorship.

Видение Пангерманским союзом военных целей Германии, изложенное его лидером Генрихом Классом (1868–1953) в так называемом «меморандуме Класса»¹, содержало широкую аннексионистскую программу от Соммы и Тулона до Прибалтики и Польши включительно. Эта программа стала итогом размышлений и теоретических изысканий, накопленных основателями немецкой школы геополитики, многие из которой были активными членами Пангерманского союза: Карл Риттер (1779–1859), Фридрих Ратцель (1844–1904), Отто Рихард Танненберг (1867–1916), Карл Хаусхофер (1869–1946) и др. Весьма популярный среди сторонников германского экспансионизма проект «Срединной Европы» занимал умы немецких интеллектуалов на протяжении всего XIX в., приобретая конкретные очертания после создания империи Бисмарком. После 1871 г. идея «Великой Германии» нашла поддержку у представителей различных политических сил. Апологет европейского могущества Германии под эгидой Пруссии национал-либерал Г. фон Трейчке (1834–1896), «открывший либералам империализм»² с христианско-социальных позиций Ф. Науманн (1860–1919), сторонник распространения и будущего господства в мире немецкой национальной идеи П. Рорбах (1869–1956) или защитник идеи обретения Германией «достойного места» в мире консерватор Т. Шиман (1847–1921) сходились, по мнению К.Н. Цимбаева, в одном, «любому подлинно историческому и политическому народу необходимы идеалы расширения, в противном случае его ожидает стагнация, откат назад и полный общественный пессимизм»³.

Пангерманский союз (1891–1939), развивавший идеи надгосударственного объединения немцев на основе этнической, культурной и языковой общности, идеи защиты

¹ Цит. по: Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Л.В. Ланника. М., 2017. С. 122.

² Hering R. Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890–1939. Hamburg, 2003. S. 457.

³ Цимбаев К.Н. «Великая Германия»: Формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. М., 2017. С. 178.

немецких интересов и достижения мирового могущества Германии, подобно другим панидеологиям (панамериканизм, панславизм, пантюркизм и т.д.), был авангардом правых радикалов, критиковавших умеренную политику правительства и стремившихся при помощи общественного мнения влиять на нее в качестве блока «национальной оппозиции». При этом некоторого уточнения требует понимание самой «нации» в пангерманизме. Американский историк и исследователь панидеологий Л. Снайдер рассматривает пангерманизм как синоним макронационализма, т.е. «большого национализма» или «национализма в наднациональной форме». Он определяет пангерманизм как идеологию и движение, которое поощряло солидарность наций на основе общности языка, культуры, этнической принадлежности и географии (немцы, австрийцы, швейцарцы, бельгийцы, голландцы). При этом с самого начала пангерманизм требовал не просто солидарности наций, а расширения пространства за их счет⁴.

Проведение активной колониальной политики было едва ли не самым главным требованием пангерманцев, зафиксированным во всех принципиальных программных заявлениях. В самом его названии, заимствованном из «Немецкой военной песни» 1841 г., фиксировалась конечная цель деятельности союза – достижение всеобщего единства немцев, живущих как в пределах имперских границ, так и немцев за пределами рейха. Эта цель, по мнению А. Крука, придавала особый патриотический окрас любым направлениям деятельности пангерманцев⁵.

Исследователи Пангерманского союза обращают внимание на организационную деталь, которая придавала любым официальным заявлениям его лидеров специфический окрас. Даже в качестве «национальной оппозиции» Пангерманский союз оставался ассоциативным непарламентским объединением. Воздерживаясь от партийности и классовых различий, Пангерманский союз занял ту социальную нишу, в которой существовали разрозненные ассоциации, клубы и ферейны, членами которых были представители образованной и обеспеченной прослойки немецкого общества (*Besitz und Bildung*). Деятельность Пангерманского союза была напрямую связана с тем, чтобы при помощи создаваемого и направляемого им общественного мнения оказывать влияние на политическую повестку правительства и парламента, выведя ее за рамки монархических или партийных интересов и придав общенациональную окраску. Как отмечают исследователи, амбиции Пангерманского союза соответствовали потребностям лишенного прямого доступа к принятию политических решений класса чиновников, предпринимателей и патриотически настроенной интеллигенции нового поколения, становление которого пришлось на время после образования рейха⁶.

Напечатанный на пишущей машинке и хранящейся в Федеральном архиве Германии текст меморандума Г. Класса с эскизами двух карт⁷, предназначался и был разослан руководящему составу накануне первого с начала войны съезда Пангерманского союза в

⁴ Snyder L. *Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements*. London, 1984. P. 5–8.

⁵ Kruck A. *Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890–1939*. Wiesbaden, 1954. S. 223.

⁶ Wertheimer M. *The Pan-German League*. New York, 1923; Chickering R. *We Men Who Feel Most German: A Cultural Study of the Pan-German League, 1886–1914*. Boston, 1984; Blackbourn D., Eley G. *Peculiarities of German History. Bourgeois Society and Politics in Nineteenth-Century Germany*. Oxford; New York, 1984; Hofmeister B. *Between Monarchy and Dictatorship: Radical Nationalism and Social Mobilization of the Pan-German League, 1914–1939*. Ph. D. (History) Thesis. Washington (DC), 2012; Вырупаева А.П. Скованные одной цепью: патриотическое движение в Германии до и после Первой мировой войны // *Рух Britannica: история британской империи и созданного ею мира: сборник научных работ к 60-летию профессора В.В. Грудзинского*. Челябинск, 2016. С. 183–198; Киктева Е.В. Политическая повседневность общественной организации в Германии начала XX в.: на примере Германского флотского союза // *Будущее нашего прошлого: история повседневности и повседневность историка: материалы Международной научной конференции*, Москва, 27 ноября 2020 года. М., 2021. С. 54–62.

⁷ Bundesarchiv. R 8048: *Alldeutscher Verband, 1891–1939*. Bd. 633: *Denkschrift von Heinrich Claß (Dezember 1914)*. Bl. 111–183.

Берлине 28 августа 1914 г.⁸ После одобрения съездом было принято решение о его публикации, организовать которую взялся мюнхенский издатель и член Пангерманского союза Юлиус Фридрих Леман (1864–1935). В начале сентября 1914 г. в его типографии был отпечатан текст меморандума, который не сразу и не официально, но все же был разослан государственным служащим, высшему военному командованию и членам императорской семьи от имени самого Г. Класса⁹. Позже меморандум был переиздан в 1917 г. под общим названием «О германской военной цели»¹⁰. Примечательно, что сентябрьское издание 1914 г. предполагалось распространить быстро по предложенному Ю.Ф. Леманом плану с использованием хотя и дорогостоящей, но «лучшей немецкой тонкой бумаги для рассылки двойным закрытым письмом»¹¹. Историк А. Крук обращает внимание, что его рассылка в сентябре была отложена до октября по причине отступления 2-й армии генерала Карла фон Бюлова (1846–1921) и вызванного этим «общего упадка настроения»¹². После распространения письмами первых 2000 экземпляров меморандума¹³ его дальнейшая публикация оказалась невозможной из-за запрета и конфискации. Она возобновилась только лишь в 1917 г., когда запрет был снят, отчего текст меморандума стал расходиться «как горячие пирожки»¹⁴.

«Меморандум Класса», по сути, отражал главные мысли опубликованной им под псевдонимом Даниэль Фриман брошюры «Если бы я был императором»¹⁵. В ней Г. Класс описал проект создания под руководством Германии и Австро-Венгрии «Срединной Европы» с германизированными, «зачищенными» для «заселения немцами» территориями¹⁶, что отразилось в тексте меморандума¹⁷. Опубликованная в 1917 г. версия меморандума оказалась во многом идентична версии 1914 г., за исключением требований, касающихся Польши. Г. Класс пересмотрел их в 1916 г., опубликовав свое видение «польского вопроса» на страницах «Пангерманских листков» (*Alldeutsche Blätter*)¹⁸. В первой редакции меморандума 1914 г. говорилось о том, чтобы посредством аннексии пограничных с Германией территорий других государств на западе и востоке создать резервный земельный фонд из территорий свободных от людей (*Land frei von Menschen*), находящийся в распоряжении императора и предназначенный для будущего заселения немцами¹⁹. В статьях, опубликованных в пангерманской прессе в 1916 г., Г. Класс настаивает уже на «присоединении всей Польши»²⁰, однако с сохранением ее формальной государственности внутри Германской империи как «подзащитного государства» (*Schutzstaat*), «упорядоченного» с точки зрения управления и «без какого бы то ни было голоса в немецком рейхстаге»²¹. Речь шла о том, чтобы прочно привязать Польшу к Германии посредством

⁸ *Kruck A.* Op. cit. P. 72.

⁹ *Claß H.* Denkschrift betreffend die national-, wirtschafts-, und sozialpolitischen Ziele des deutschen Volkes im gegenwärtigen Kriege. München, 1914.

¹⁰ *Claß H.* Zum deutschen Kriegsziel. Eine Flugschrift von Heinrich Claß. München, 1917.

¹¹ *Claß H.* Politische Erinnerungen des Vorsitzenden des Alldeutschen Verbandes 1915–1933/36. Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts (DGQ). Bd. 79. Berlin, 2022. S. 118–119.

¹² *Kruck A.* Op. cit. P. 72.

¹³ *Claß H.* Wider den Strom. Vom Werden und Wachsen der nationalen Opposition im alten Reich. Leipzig, 1932. S. 309.

¹⁴ *Spät R.* Die „polnische Frage“ in der öffentlichen Diskussion im Deutschen Reich, 1894–1918. Marburg, 2014. S. 214.

¹⁵ *Frymann D.* [Claß H.] Wenn ich der Kaiser wäre. Politische Wahrheiten und Notwendigkeiten. Leipzig, 1912.

¹⁶ *Ibid.* P. 8, 95–97.

¹⁷ *Claß H.* Denkschrift... S. 249.

¹⁸ *Claß H.* Grundsätzliches zur polnischen Frage // Mitteilungen des Alldeutschen Verbandes. 1916. № 21. S. 185–188; *Idem.* An der Schwelle eines neuen Polen // Mitteilungen des Alldeutschen Verbandes. 1916. № 46. S. 433–436.

¹⁹ *Claß H.* Denkschrift... S. 31, 43–48.

²⁰ *Claß H.* Grundsätzliches... S. 185–188.

²¹ *Claß H.* Wider den Strom... S. 320–327.

контроля над ее военной, транспортной и экономической системой, хотя отмечалась необходимость предоставления ей самостоятельности для внутренней организации и решения социальных проблем.

Вероятнее всего, изменение позиции Г. Класса по польскому вопросу было связано с пропагандой антинемецких настроений со стороны российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова (1860–1927), обещавшего полякам добиваться широкой автономии для Царства Польского. Разговоры о широкой автономии Польши под покровительством российского императора, встреченные большой симпатией со стороны польских национал-демократов, велись совершенно открыто после соответствующего воззвания Великого князя Николая Николаевича (1856–1929) в самом начале войны. Сам министр, правильно уловивший настроения поляков, надеялся инициировать широкое выступление за линией фронта: «Разочарование и тревога поляков после очищения нами Царства Польского и занятия немцами Варшавы достигли крайней степени. Многие из них извелись в нашей способности защитить их от натиска германцев и даже в нашем желании сделать что-либо, чтобы вознаградить их за подъем духа, с которым они стали под наши знамена для общей борьбы против немцев, и за те тяжелые нравственные и материальные жертвы, которые выпали на долю Польши с первых же дней войны. Я не сомневался, что германское и австро-венгерское правительства используют это положение в ущерб России путем лживых обещаний, на самом же деле для более или менее скрытого присоединения польских земель, лежавших по ту сторону их границ»²².

Пересмотр Г. Классом «польского вопроса» в 1916 г. был связан еще и с изменившимися политическими обстоятельствами, а точнее с планами Центральных держав по созданию Польского королевства (1916–1918). Решительная позиция Г. Класса о присоединении Польши была направлена на то, чтобы предложить обществу официальную и быструю реакцию Пангерманского союза, отвергая иные, более умеренные и компромиссные версии, о которых позднее вспоминал министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин (1872–1932). Речь, по мнению министра, велась как минимум о трех разных вариантах: во-первых, о присоединении Польши к Австро-Венгрии на правах австрийской провинции или самостоятельного государства при условии учреждения «триалистической монархии», во-вторых, совместно с Германией управление Польским королевством с правом Германии на «львиную долю» его территорий и, в-третьих, о создании независимой Польши при условии отторжения большей части ее территорий в пользу Германии и Австро-Венгрии²³. Уже тогда, еще до подписания Акта 5 ноября 1916 г. о создании Польского королевства, Г. Класс выступил с решительным заявлением о необходимости присоединения всей Польши к Германии.

Необходимость присоединения польских земель к Германии и расширения ее европейских территорий стали основой меморандума Г. Класса, обычно упоминаемого в связи с военными целями Пангерманского союза. Однако специфическим и мало изученным в историографии остается вопрос о подготовке этих целей. Чаще всего о них говорится относительно экспансионистских теорий Ф. Ратцеля, О.Р. Танненберга, К. Хаусхофера²⁴

²² Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 381.

²³ Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С. 222–234.

²⁴ Hartwig E. Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn des ersten Weltkrieges (1891–1914): Diss. zur Erlangung des Doktorgrades, masch. Jena, 1966; Peters M. Der Alldeutsche Verband am Vorabend des Ersten Weltkrieges (1908–1914). Ein Beitrag zur Geschichte des Völkischen Nationalismus im spätwilhelminischen Deutschland. Frankfurt a.M., 1992; Hering R. Op. cit.; Müller T. Imaginierter Westen. Das Konzept des “deutschen Westraums“ im völkischen Diskurs zwischen Politischer Romantik und Nationalsozialismus. Bielefeld, 2009.

или пангерманских публикаций в прессе о целях войны²⁵, которые изучены достаточно подробно, в то время как индивидуальные и групповые восприятия еще остаются в фокусе внимания историков.

Описанные выше события, связанные с подготовкой и созданием «Меморандума Класса», так или иначе, уже стали предметом изучения историков. О военных целях Пангерманского союза и формировании соответствующего общественного мнения писал сам Г. Класс в первой части своих воспоминаний, опубликованных еще при его жизни.

В целом, мемуары Г. Класса, осуществлявшего общее руководство Пангерманским союзом с 1908 по 1939 г., доведены до 1936 г. Они состоят из двух опубликованных частей. Первая, названная автором «Против течения. О развитии и росте национальной оппозиции в старой империи», была опубликована в 1932 г. в Лейпциге²⁶. Она включает пять глав и охватывает события с 1868 до начала 1915 г.: 1) «Юношеские годы с 1868 по 1894 г.»; 2) «Политическая деятельность вплоть до съезда в Плауэне с 1894 по 1903 г.»; 3) «Заместитель председателя Пангерманского союза с 1903 по 1908 г.»; 4) «Последние довоенные годы с 1908 по 1914 г.»; 5) «Первые месяцы войны: с августа 1914 г. до начала 1915 г.».

Вторая часть воспоминаний не была опубликована при жизни Г. Класса, доставшись в наследство его дочери Анне Элизабет Класс (1898–1973). После оцифровки текста и микрофильмирования в Берлине воспоминания, названные «Мемуары советника юстиции Класса», в 1967 г. были переданы в Федеральный архив Германии. Публикация второго тома, дополненного другими документами из семейной коллекции, стала возможна в 2022 г. Он был назван «Политическими воспоминаниями председателя Пангерманского союза, 1915–1933/36 гг.»²⁷. Редакционный комитет под руководством Б. Хофмайстера, опубликовавший воспоминания в серии «Источники по истории Германии XIX и XX вв.», снабдил более чем 1000-страничное издание подробными комментариями. Эта часть воспоминаний Г. Класса состоит из девяти глав: 1) «Война и политика военных целей в 1915–1916 гг.»; 2) «Военные и политические планы в 1916–1917 гг.»; 3) «Конец войны и Ноябрьская революция в 1917–1918 гг.»; 4) «В Веймарской республике в 1918–1919 гг.»; 5) «В Веймарской республике в 1919–1923 гг.»; 6) «В Веймарской республике в 1923–1924 гг.»; 7) «Пангерманская политика и Австрия в 1918–1931 гг.»; 8) «Между Веймарской республикой и смена власти в 1925–1933 гг.»; 9) «Заметки об отношении к Адольфу Гитлеру и НСДАП в 1920–1933 гг.».

Событиям военного времени в воспоминаниях Г. Класса уделено особое внимание, так как в мировоззрении председателя Пангерманского союза война стала не только главной движущей силой социальных процессов, но и средством преодоления глубокого разрыва между идеалом и реальностью²⁸. Его представление о ней отражало общее видение Пангерманского союза. Война рассматривалась пангерманцами как средство достижения политических целей, так как сама по себе идея «Великой Германии» в конечном итоге могла быть реализована не за столом переговоров, а на поле боя²⁹. Г. Класс с самого начала знал об этом, как и о том, что ни одно из соседних государств не захочет добровольно отказаться от своих суверенных прав. Только война должна была доказать право сильнейшего на выживание, что в целом соответствовало социал-дарвинистскому учению, развиваемому пангерманцами и их единомышленниками³⁰. Война казалась «биологической необходимостью, регулятором жизни человечества, без которого нельзя было обойтись.

²⁵ Hofmeister B. Radikaler Nationalismus und politische Öffentlichkeit. Der Alldeutsche Verband und die Alldeutschen Blätter // Krisenwahrnehmungen in Deutschland um 1900. Zeitschriften als Foren der Umbruchszeit im Wilhelminischen Deutschland / Hrsg. M. Grunewald, U. Puschner. Bern, 2010. S. 263–279; Турыгин А.А. Газета «Пангерманские листки» – печатный орган Пангерманского союза // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 165–169.

²⁶ Claß H. Wider den Strom... S. 309.

²⁷ Claß H. Politische Erinnerungen...

²⁸ Leicht J. Heinrich Claß 1868–1953. Die politische Biographie eines Alldeutschen. Paderborn, 2012. S. 179.

²⁹ Hartwig E. Op. cit. P. 29.

³⁰ Bernhardt F. von. Deutschland und der nächste Krieg. Stuttgart; Berlin, 1913. S. 9–37.

Война была основой всего сущего и знанием, открытым мудрецам древности задолго до Дарвина. Это сущее возникло из борьбы, ведущейся по законам природы»³¹.

В опубликованной еще при жизни Г. Класса первой части мемуаров он описал предвоенную эйфорию, а также свое разочарование в связи с тем, что лично не смог принять участие в реальных боевых действиях. Поскольку до 1912 г. Г. Класс состоял в резерве как военный советник, то записавшись добровольцем в первые дни войны, из-за 46-летнего возраста и отсутствия боевого опыта был сразу рекомендован не на фронт, а в военное ведомство. Это обстоятельство заставило Г. Класса на время почувствовать себя ненужным³².

Переосмыслив свое предназначение, Г. Класс решил служить отечеству «с помощью пера»³³. Под впечатлением успеха при Танненберге в конце августа 1914 г. и с ощущением скорейшей победы Г. Класс собрал съезд Пангерманского союза в Берлине 28 августа 1914 г., открыв его докладом о военных целях Германии³⁴. После почти семичасовой дискуссии, последовавшей за его докладом, Г. Класс получил широкие полномочия единолично принимать решения и на свое усмотрение распоряжаться всеми ресурсами Пангерманского союза³⁵. Одним из первых принятых съездом в Берлине решений стала резолюция о публикации меморандума и его скорейшей рассылке высокопоставленным немецким чиновникам.

Вторая часть мемуаров Г. Класса, опубликованная в 2022 г., содержит подробное описание подготовки и последующей редакции меморандума с учетом текущих военных действий. Г. Класс упомянул, что с предложением его составить к нему обратился редактор *Alldeutsche Blätter*, член правления Пангерманского союза и основатель филиала в Эрфурте Леопольд фон Фитингоф Шеель (1868–1946). Барон предложил расширить его текст за счет формулировок конкретных задач и вновь издать с уже опубликованным в 1903 г. докладом «Баланс нового курса», в котором тогда еще член исполнительного комитета Пангерманского союза Г. Класс призвал к ограничению парламентского представительства «враждебных» правительству партий, к запрету политического католицизма и социал-демократии³⁶. Г. Класс согласился, тем более что новый текст можно было дополнить замечаниями к действовавшему тогда правительству Германии, поскольку со времен марокканских кризисов, продемонстрировавших всему миру бессилие немецких дипломатов, пангерманцы перешли к открытой правительственной критике, связав свою стратегию с формированием блока «национальной оппозиции»³⁷. Однако, занимаясь подготовкой берлинского съезда Пангерманского союза в условиях войны, Г. Класс перепоручил составление текста члену правления и руководителю пангерманского филиала в Гисене Хансу фон Либигу (1874–1931)³⁸. Вероятнее всего, Г. Класс просто не хотел привлекать к себе лишнего внимания после на шумевшей публикации брошюры «Если бы я был императором»³⁹, содержащей довольно язвительную критику монархии и правительства. Написанная под влиянием сильного эмоционального потрясения от победы социал-демократов в 1912 г., брошюра (под псевдонимом Даниэль Фриман) содержала не только критику правительства, но и требования решительных реформ, территориальной

³¹ Ibid. P. 11–12.

³² *Clafß H. Wider den Strom...* S. 306–307.

³³ *Leicht J. Op. cit.* P. 181.

³⁴ *Clafß H. Wider den Strom...* S. 318.

³⁵ Ibid. P. 343.

³⁶ *Clafß H. Die Bilanz des neuen Kurses: Vortrag; gehalten auf dem Alldeutschen Verbandstag in Plauen am 12. Sept. 1903.* Berlin, 1903.

³⁷ *Hering R. Op. cit.* P. 124–138.

³⁸ *Clafß H. Politische Erinnerungen...* S. 117–118.

³⁹ *Frymann D. Op. cit.*

экспансии в Европе и сплочения немцев вокруг диктатора с чрезвычайными надконституционными полномочиями⁴⁰.

Понимание, что новый текст будет все так же обличать политику рейхсканцлера Т. Бетман-Гольвега (1856–1921)⁴¹, Г. Класс постарался отвести от себя какие бы то ни было подозрения. Результат оказался не совсем таким, как он того бы хотел. Рукопись университетского доцента Х. фон Либига на 200 страницах больше напоминала научное исследование, чем изложение целей Пангерманского союза. Под названием «Политика Бетман-Гольвега — исследование»⁴² она была издана несколько лет спустя. Из-за приближавшейся войны и августовского съезда в Берлине Г. Классу пришлось самостоятельно составить текст меморандума.

Описывая подготовку меморандума в своих воспоминаниях, Г. Класс ничего не упоминает о спорах с коллегами по руководству Пангерманским союзом в связи с формулировкой целей Германии в предстоящей войне. В Федеральном архиве Германии, где содержится неопубликованная документация Пангерманского союза, разные взгляды на цели демонстрирует переписка между Г. Классом, Ю.Ф. Леманом, П. Самассой и Т. Райсман-Гроне⁴³. Предметом споров была война Германии на два фронта и определение статуса Австро-Венгрии.

Среди всех народов, проживавших за пределами Германской империи, пожалуй, положение австрийских немцев интересовало пангерманцев в первую очередь. Причины тому следует искать не только в том, что австрийские немцы проживали на границах славянского мира, постоянно нуждаясь в поддержке своего привилегированного статуса со стороны австрийской монархии, но и из уважения к тому, что пангерманизм как движение с целью великогерманского объединения возник именно в Австро-Венгрии. После Кёниггреца и объединения Германии по прусскому малогерманскому проекту возникший там вариант пангерманизма Г. фон Шёнерера (1842–1921) оказался в тупике. Военное поражение австрийцев, неудачи языковой политики⁴⁴ и раскол австрийского пангерманского движения из-за арийского параграфа (Arierparagraph) Г. фон Шёнерера (1842–1921) привели к тому, что идея будущего европейского единства немцев переместилась в Германию. Признав «идейную разобщенность и кризис»⁴⁵ пангерманизма в Австрии, немецкие пангерманцы единогласно признали Австрию самым важным «форпостом империи от наплыва славян», а ее спасение от славян, венгров и чехов — «делом первостепенной важности», включавшим «реорганизацию страны и изменения ее конституции» для подготовки к будущей аннексии Германией⁴⁶.

Накануне войны Г. Класс не поддержал мнение Т. Райсман-Гроне, предостерегавшего от конфликта с Россией, но выступившего за присоединение к Германии Австро-Венгрии. Если в предстоящей войне Г. Класс видел в Австро-Венгрии единственного союзника, то Т. Райсман-Гроне предпочитал действовать одним германским государством. Он исходил из того, что, когда Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину в 1908 г., России был брошен вызов, который способствовал подъему антинемецких настроений. Сама аннексия спровоцировала раскол в внутри империи Габсбургов между австрийцами и чехами, а также между австрийцами и венграми. Поскольку внутренний кризис угрожал австрийским немцам, выход Т. Райсман-Гроне видел в том, что Германия

⁴⁰ Ibid. P. 74–78.

⁴¹ Jarausch K. *Jacobmeyer W., Steininger R. Die Alldeutsche und die Regierung Bethmann Hollweg // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte.* 1973. № 21. S. 435–468.

⁴² Liebig H von. *Die Politik von Bethmann-Hollweg. Eine Studie in 3 Teilen.* München, 1917.

⁴³ Bundesarchiv. R 8048: Alldeutscher Verband, 1891–1939. Bd. 448: Bündnispflicht gegenüber Österreich und zu Rußland; Auseinandersetzung über Veröffentlichung der alldeutschen Kriegsziele. Bl. 16–24.

⁴⁴ Патнер Н.Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М., 1970. С. 102–120.

⁴⁵ Alldeutscher Verbandstag in Leipzig // *Zwanzig Jahre alldeutscher Arbeit und Kämpfe.* Leipzig, 1910. S. 92–96.

⁴⁶ Ibid. P. 94.

введет войска в Австрию и присоединит ее, в чем он был един с венской группой пангерманцев Г. фон Шёнереера. Об этом плане должен был быть предупрежден рейхсканцлер, на имя которого предполагалось подать петицию. Такая петиция была составлена, но из-за споров внутри союза так и не была вручена адресату⁴⁷.

Существенная часть воспоминаний Г. Класса посвящена рейхсканцлеру Т. Бетман-Гольвегу, отставки которого решили добиваться пангерманцы. Причина состояла в том, что осторожный и непоследовательный в своих действиях рейхсканцлер вовсе не подходил на роль военного диктатора, описанного председателем пангерманцев в уже упоминавшийся и растиражированной накануне войны брошюре «Если бы я был императором». Причину критики рейхсканцлера правыми З.К. Эггерт увязывает с противоречивостью его «политики диагонали», содержанием которой были постоянные компромиссы между правыми и левыми; как политик он был безоговорочно предан монархии, считая ее символом национального единства, но одновременно с этим Бетман-Гольвег верил и в возможности создания демократических структур власти⁴⁸. Некоторые историки связывают критику пангерманцами рейхсканцлера и быстро начавшуюся эрозию доверия к его политике у разочарованной элиты с неспособностью Бетман-Гольвега внятно донести до нее свою программу военных целей, а также с нежеланием рейхсканцлера информировать общественность о реальном положении дел на фронте, чтобы не подорвать уверенность в победе⁴⁹.

Хотя Г. Класс не называет истинную причину критики рейхсканцлера, ограничиваясь упоминанием его неспособности быть диктатором⁵⁰ и заявлением о поиске пангерманцами военного генерала, способного таковым стать⁵¹, по тексту воспоминаний прослеживаются отдельные замечания: отсутствие политической воли, неудачная марокканская политика, попытка сближения с Великобританией, отказ рейхсканцлера от политических дискуссий в рейхстаге по вопросам подготовки к войне, введение превентивной военной цензуры, политика экономии военных ресурсов и ошибки с организацией продовольственного снабжения армии, намеренное затягивание войны, отказ от использования эффективных средств ведения войны и т.д. Одним из таких средств для пангерманцев, выступавших за скорейшее триумфальное завершение войны, являлись новейшие германские подводные лодки. Общее видение пангерманцев, на котором строилась их критика рейхсканцлера, фактически сформулировал вице-адмирал Андреас Михельсен (1869–1932) в рассуждениях о двойственном характере политики Т. Бетман-Гольвега: «Канцлер опасался энергичным вступлением наших лодок вызвать Англию на еще более суровые методы против немецкой торговли, не сознавая, очевидно, того, что это было неизбежным развитием плана войны; он боялся восстановить против Германии нейтральные державы – опасение, мало на чем основанное. Бетман даже не соглашался на предложение установить блокаду лодками побережья Франции, потому что таким актом, по его мнению, нарушалось снабжение Бельгии Америкой»⁵². Мнение вице-адмирала удивительно точно совпало с мнением самого Г. Класса: «Мы должны считать своими противниками тех, кто внутри или вне кабинетов препятствовал полному использованию наших самых эффективных средств ведения войны, поступая так либо из неуважения к общему мнению, либо из какого-то премудрого решения, что не следует провоцировать врага на крайности. Сколько раз мне приходилось слышать, что гордость Англии не должна уязвляться тем, что немцы стремятся к великой победе на море, – да, от чересчур

⁴⁷ Frech S. Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann-Grone. Biographie eines völkischen Nationalisten (1863–1949). Paderborn, 2009. S. 210.

⁴⁸ Эггерт З.К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. (Август 1914 – октябрь 1917). М., 1957. С. 399.

⁴⁹ Jarausch K., Jacobmeyer W., Steininger R. Op. cit. P. 445.

⁵⁰ Clafß H. Politische Erinnerungen... S. 114–116.

⁵¹ Ibid. P. 115.

⁵² Михельсен А. Подводная война 1914–1918 гг. М.; Л., 1940. С. 35.

умных людей также приходилось слышать, что и против Франции лучше не выступать так, чтобы это затрагивало их естественные национальные и этнические чувства»⁵³.

Г. Класс отметил, что все пангерманцы были одинаково раздражены нежеланием рейхсканцлера с самого начала разыграть «военный козырь» и содействовать началу широкомасштабной подводной войны. В подтверждение этому Г. Класс описал встречу с историком и членом правления союза Дитрихом Шефером, с которым у него состоялся разговор о немецких подлодках у венского отеля «Империал»: «Я никогда прежде не видел этого спокойного фриза в таком возбуждении, как в тот раз. Провожая меня по ступенькам лестницы до комнаты, он возбужденно продолжал говорить о том, что ...этим Бетман-Гольвег уничтожит Германию»⁵⁴.

Заключая, что «Бетман-Гольвег должен уйти прочь!», Г. Класс сформулировал перед Пангерманским союзом задачу, которая состояла в том, чтобы любыми средствами довести до императора идею отставки рейхсканцлера и его замены военным диктатором П. Гинденбургом или Э. Людендорфом. При этом Г. Класс делал важную оговорку о том, что «император как благородный человек» никогда не допустит «публичного унижения государственного деятеля». В этой связи пангерманская пресса должна была донести до императора идею отставки прогнозами о том, что при Т. Бетман-Гольвеге война неизбежно окажется проигранной»⁵⁵.

В своих воспоминаниях о кануне и первых месяцах войны Г. Класс упоминает, что еще одной важной задачей для пангерманцев становится расширение контактов с ведущими чиновниками и генералитетом Германии и Австро-Венгрии»⁵⁶.

Одной из таких влиятельных персон стал князь Отто цу Зальм-Хорстмар (1867–1941), отставной офицер, член прусской палаты депутатов, второй президент Германского флотского союза (1901–1908), ставший после знакомства с Г. Классом членом Пангерманского союза. В воспоминаниях Г. Класс отметил, что знакомство, переросшее в дружбу, произошло по инициативе князя и после того, как тот одним из первых получил письмо с меморандумом председателя Пангерманского союза. Князь предложил Г. Классу встретиться лично и помочь с достижением отставки рейхсканцлера. План состоял в том, чтобы добиться аудиенции императора: «Князь осознал бесполезность Бетмана и министерства иностранных дел, опасаясь, что Германии и императору, которым он восхищался, будет нанесен вред (политикой рейхсканцлера. — А.Т.)»⁵⁷.

На встрече в Берлине князь Зальм-Хорстмар заверил Г. Класса, что добьется аудиенции через императрицу. Ответ императрицы Августы Виктории (1858–1921), последовавший через несколько недель, «был полон трагического отказа»; «статная женщина» ответила тем, что «хорошо знает, как лояльны пангерманцы императору, как хорошо и без каких-либо скрытых мотивов они ведут свою борьбу исключительно ради отечества и дома Гогенцоллернов, что все в ее окружении настроены исключительно по-пангермански, однако даже с осознанием того, что поставлено на карту, она ничего не могла сделать, чтобы добиться аудиенции императора»⁵⁸.

Несмотря на отказ императрицы, князь продолжил действовать с прежним энтузиазмом. Буквально за несколько дней он договорился о встрече с графом Филиппом цу Эйленбургом (1847–1921), удалившимся от двора после серии довоенных скандалов, но сохранившим дружбу императора и связи с высшей политической элитой. Согласившись принять и выслушать Зальм-Хорстмара, граф также отказал пангерманцам в помощи с аудиенцией»⁵⁹.

⁵³ *Clafß H. Politische Erinnerungen...* S. 113.

⁵⁴ *Ibid.* P. 126–127.

⁵⁵ *Ibid.* P. 113–116.

⁵⁶ *Ibid.* P. 126.

⁵⁷ *Ibid.* P. 138–139.

⁵⁸ *Ibid.* P. 146–147.

⁵⁹ *Ibid.* P. 148–149.

Энтузиазм князя Зальм-Хорстмара вдохновлял Г. Класса. На этот раз была высказана идея составления петиции от представителей крупной промышленности и высших армейских чинов. С ее помощью также следовало добиваться аудиенции императора. В отличие от устных договоренностей, в петиции требовалось было указать предмет будущего разговора, что могло повлиять на решение императора. Очень скоро она была составлена самим Г. Классом, начинаясь с того, что по убеждению высокопоставленных и влиятельных господ, обеспокоенных будущим отечества, настоящему положению германской монархии может быть нанесен значительный ущерб политикой рейхсканцлера. В числе тех, кто поставил свои подписи на петиции, были князь цу Зальм-Хорстмар, гросс-адмирал Э. фон Кнорр, тайный советник Д. Шефер, адмирал К.Ф. Грумме-Дуглас, промышленник Э. Кирдорф и др.⁶⁰

После неудавшейся попытки высочайшей аудиенции с целью убедить монарха в необходимости отставки рейхсканцлера, весной 1915 г. Г. Класс сосредоточился на создании массового правого фронта – «Народного совета»⁶¹. Он должен был объединить влиятельные общественные организации, чтобы неполитическими методами добиться решения правительства о широкомасштабном применении подводных лодок, об использовании флота открытого моря, дирижаблей и бомбардировочных эскадрилий⁶². С этой целью Пангерманскому союзу предстояло выстроить отношения с руководством общественных объединений: председателем «Германского колониального общества» герцогом Иоганном Альбрехтом Мекленбургским (1887–1936), председателем «Флотского союза» адмиралом Гансом фон Кёстером (1844–1928), «отцом немецкого флота» гросс-адмиралом Альфредом фон Тирпицем (1849–1930), который с марта 1916 г. находился в отставке, проживая в своем имении Санкт-Блазиен в Баден-Вюртемберге.

На этом поприще пангерманцы также не добились успеха. Практически все руководители объединений отнеслись с сочувствием и пониманием к необходимости более активных действий на суше, море и в воздухе, но ответили отказом. Поездки Г. Класса по стране и личные встречи закончились тем, что идея открытого выступления против воли императора не нашла поддержки, так как расходилась с традиционными представлениями об офицерской чести (для Кёстера и Тирпица) или не соответствовала задачам объединений, которые исключали любое политическое участие⁶³.

Гросс-адмирал со свойственной ему прямоотой, хоть и сослался на расхождение взглядов с рейхсканцлером на методы ведения войны, все же высказал Г. Классу конкретные возражения личного характера по поводу плана создания «Народного совета». Г. Класс написал об этом так: «Сначала он объяснил, что политическая активность после отставки противоречила старой традиции прусских офицеров. Он вырос в этой традиции и придерживался ее. Что касается «Народного совета», о котором я говорил ему, то его участие могло быть воспринято как слишком очевидная попытка отмщения канцлеру»⁶⁴.

Достижение военных целей Г. Класс связывал с навязчивой идеей отстранения рейхсканцлера и его заменой на военного диктатора, о чем он писал еще до войны и вновь повторил в своих воспоминаниях. Однако теперь речь шла не о личных качествах диктатора и его миссии, чему была посвящена целая глава *Kaiserbuch*⁶⁵ – так сам Г. Класс называл свой довоенный труд «Если бы я был императором», – а о содержании его полномочий⁶⁶ и поиске конкретного человека. Придя к пониманию, что такого человека

⁶⁰ Ibid. P. 151–153.

⁶¹ Ibid. P. 179.

⁶² Ibid. P. 185.

⁶³ Ibid. P. 181.

⁶⁴ Ibid. P. 188.

⁶⁵ *Frymann D.* Op. cit. P. 230–235.

⁶⁶ Под диктатурой Г. Класс понимал исключительную должность, учрежденную императором для формирования правительства с прямым доступом ко всем государственным учреждениям; «символ репутации государства»: *Claf H.* Politische Erinnerungen... S. 196.

следовало искать среди военных генералов, Г. Класс начал действовать с военного министра Германа фон Штейна (1854—1927), имевшего боевой опыт командования. Во время встречи с министром, к удивлению Г. Класса, тот не только сослался на «отсутствие интереса к политике», но и дал председателю Пангерманского союза отвод за всех генералов сразу: «Я не знаю ни одного прусского генерала, который мог бы стать диктатором. Я думаю, что могу ответить почти за всех генералов, что мы просто выполняем свой солдатский долг и никогда не занимаемся политикой»⁶⁷. Г. Класс был крайне удручен отказом: «Самое ужасное, что военный министр, должность которого требовала политики, политики и еще раз политики в дополнение к его очевидной работе, заявил о своей явной неприязни к ней»⁶⁸.

Отказ генерала и военного министра поддержать не только план диктатуры, но и цели пангерманцев объяснялся расхождением в их понимании. Пангерманцы настаивали на приоритетности расширению территорий для немецкой колонизации по всему периметру границ и удовлетворения потребностей немецкой промышленности во французской руде, в то время как военным чинам важно было сохранить и по возможности обеспечить концентрацию армии в местах активного военного противостояния⁶⁹.

Дальше последовала встреча с Фридрихом фон Бернгарди (1849—1930), с которым Г. Класс познакомился за несколько месяцев до начала войны. Обсудив опубликованную до войны и «вызвавшую всеобщий ажиотаж» книгу Ф. Бернгарди о современной войне⁷⁰, оба сошлись на необходимости отстранения рейхсканцлера. Ф. Бернгарди, ставший личным другом Г. Класса и вступивший в Пангерманский союз⁷¹, дал подробную характеристику на многих военных, которые, по его мнению, могли бы подойти на роль диктатора. В качестве кандидата, на котором позже сошлись пангерманцы, был выбран кавалерийский генерал барон Герман фон Фитингхоф (1851—1933), служивший заместителем командующего вторым армейским корпусом в Штеттине. Г. Класс дал генералу такую характеристику: «Человек, обладавший всеми качествами диктатора; этому выдающемуся офицеру пришлось внезапно остаться дома, потому что тяжелое ревматическое заболевание сделало его непригодным для военной службы, но в остальном он был физически здоров, обладал замечательной умственной силой, превосходным чутьем, верными суждениями и упорной энергией в великих традициях, в которых он вырос. Если бы нам удалось провести идею диктатуры с императором, тогда он был бы тем человеком, который смог бы это сделать»⁷².

Главным препятствием на пути диктатуры вновь стал рейхсканцлер. К 1916 г. Т. Бетман-Гольвег, несомненно, знал о планах пангерманцев по дискредитации политики правительства с его последующим смещением. Подтверждением этому является публикация в сентябре 1916 г. меморандума советника рейхсканцлера Курта Рицлера (1882—1955) с запоздалым разъяснением целей правительства в ответ на критику Пангерманского союза⁷³. Помимо оправдания действий рейхсканцлера, советник упомянул, что «27 июля в одной из башен Изарских ворот в Мюнхене состоялось конфиденциальное совещание пангерманцев, на котором председатель сообщил, что различные попытки добраться до Его Величества через посредников с целью защитить его от пагубной политики рейхсканцлера потерпели неудачу. Поэтому для достижения цели было решено разжечь земельный партикуляризм. Этот путь был назван опасным и не прямым, хотя и соответствующим настоящим интересам отечества. Затем председатель вынес на чтение петицию, в которой

⁶⁷ Ibid. P. 193.

⁶⁸ Ibid. P. 195.

⁶⁹ Ланник Л.В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012. С. 137.

⁷⁰ Бернгарди Ф. фон. Современная война: в 2-х т. СПб., 1912.

⁷¹ Claß H. Politische Erinnerungen... S. 201.

⁷² Ibid. S. 197.

⁷³ Riezler K. Aufzeichnung über die Umtriebe der Alldeutschen vom 15. September 1916 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1973. № 21. S. 452—468.

земли империи информировались о финансовой опасности, грозившей им в том случае, если война не будет окончена в интересах пангерманцев крупными завоеваниями»⁷⁴.

Вероятнее всего, придание огласки ближайшим планам пангерманцев затруднило их общение с представителями монархии и осложнило попытки действовать через депутатов Баварии. После неудачи связаться с императором, министрами и промышленной элитой Г. Класс пришел к пониманию легитимных путей достижения желаемой отставки рейхсканцлера с участием депутатов представительных органов государственной власти. По инициативе графа Каспара Прайзинга (1880–1918), члена рейхсрата от Баварии, был составлен план коллективной обструкции и подачи петиции на имя императора от имперских сенаторов. В течение всего 1916 г. К. Прайзинг активно действовал в рейхсрате, пока обстоятельства объективно не сложились в пользу пангерманцев к лету 1917 г. Парламентская критика слева и справа, а также ультиматум авторитетного военного чиновника из Генштаба 1-го генерал-квартирмейстера Э. Людендорфа привели к желаемой отставке рейхсканцлера 13 июля 1917 г.

Несмотря на то что преемники Т. Бетман-Гольвега — юрист Г. Михаэлис (1857–1936) и «изношенный старик»⁷⁵ Г. фон Гертлинг (1843–1919) — также не соответствовали представлениям Г. Класса о сильной личности, способной реализовать военные цели Пангерманского союза, от активных действий после востребованной пангерманцами отставки рейхсканцлера в 1917 г. им пришлось отказаться. Это было вызвано отсутствием финансовых средств, продовольственной экономией и участием членов филиалов Пангерманского союза в боевых действиях на военных фронтах. Уже в 1918 г. Г. Класс был вынужден перебраться с семьей из Майнца в Вюрцбург; в его распоряжении не было ни еды, ни лекарств. Даже рурский магнат и член правления союза Э. Кирдорф не мог найти угля для отопления штаб-квартиры в Майнце, куда незадолго до этого она была перенесена из Берлина. Нехватка угля для отопления повсеместно приводила к ограничению собраний, что сделало для пангерманцев актуальными вопросы физического выживания⁷⁶.

История радикального национализма в имперской Германии, основанного на территориальной экспансии и этнической однородности немцев в пределах расширенных европейских границ страны, в историографии традиционно рассматривается вместе с деятельностью Пангерманского союза. Более того, с точки зрения мобилизационных ресурсов и возможностей пангерманская идеология часто преподносится в связи с тем определяющим влиянием, которое она оказала на национал-социалистическое движение. Этот тезис вряд ли можно оспорить, учитывая, что националистическая мобилизация в конце XIX — начале XX в. была реакцией на быстрые социально-экономические изменения, политический подъем левых и желание восходящей элиты из среднего класса (*Bildungsbürgertum*) получить доступ к власти. Пангерманский союз действительно сыграл важную роль в радикализации националистических народнических ассоциаций накануне Первой мировой войны, поскольку его требования политической и культурной однородности, а также территориальной экспансии пользовались большой популярностью в немецком обществе.

Однако Пангерманский союз, вопреки сложившемуся в историографии мнению, не был ни всемогущим, ни автономным. Ему не удалось организовать общий националистический фронт правых сил и повлиять на процесс принятия политических решений, хотя начавшаяся европейская война вселяла в пангерманцев надежду на реализацию собственных утопических планов. Культурное и политическое единство, территориальная экспансия, создание Серединой Европы из номинально независимых государств под контролем Германии — все это казалось вполне достижимым.

⁷⁴ Ibid. P. 454.

⁷⁵ Патрушев А. И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М., 2009. С. 116.

⁷⁶ Clafß H. Politische Erinnerungen... S. 453–499.

Воспоминания председателя Пангерманского союза Г. Класса показывают, что непарламентский статус общества, разногласия в числе его руководства, отсутствие прочных организационных основ взаимодействия между правыми националистическими силами, а также неудачи военного времени травмировали пангерманцев, усугубив их чувство политической и социальной неустroенности. Война нанесла большой урон финансовым ресурсам Пангерманского союза и отняла жизни многих его членов. Исчерпание финансовых возможностей пангерманцев подорвало их стремление говорить от имени всего немецкого народа, а также заставило отказаться от части территориальных претензий. Методы убеждения монархии в необходимости учреждения временной диктатуры военных, как и попытки оказать влияние на саму военную элиту Германии, которая практически с самого начала войны создала параллельную систему управления, оттеснив гражданскую администрацию с канцлером, так же ни к чему не привели. Однако, несмотря на неудачи и объективные условия отставки рейхсканцлера, агитация пангерманцев достигла цели, спровоцировав кризис общественного доверия лично Т. Бетман-Гольвегу, а их попытки распространить в обществе мысли о диктатуре, вдохновляемые Г. Классом, позволили «кристаллизироваться будущему мифу о фюрере»⁷⁷.

Библиография / References

- Бернгарди Ф. фон.* Современная война: в 2-х т. СПб., 1912.
- Вырупаева А. П.* Скoванные одной цепью: патриотическое движение в Германии до и после Первой мировой войны // *Rax Britannica: история британской империи и созданного ею мира: сборник научных работ к 60-летию профессора В. В. Грудзинского.* Челябинск, 2016. С. 183–198.
- Киктева Е. В.* Политическая повседневность общественной организации в Германии начала XX в.: на примере Германского флотского союза // *Будущее нашего прошлого: история повседневности и повседневность истории: материалы Международной научной конференции, Москва, 27 ноября 2020 года.* М., 2021. С. 54–62.
- Ланник Л. В.* Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012.
- Михельсен А.* Подводная война 1914–1918 гг. М.; Л., 1940.
- Патрушев А. И.* Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М., 2009.
- Ратнер Н. Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М., 1970.
- Сазонов С. Д.* Воспоминания. Париж, 1927.
- Турьгин А. А.* Газета «Пангерманские листки» – печатный орган Пангерманского союза // *Новая и новейшая история.* 2013. № 5. С. 165–169.
- Фишер Ф.* Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Л. В. Ланника. М., 2017.
- Цимбаев К. Н.* «Великая Германия»: Формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. М., 2017.
- Чернин О.* В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005.
- Эггерт З. К.* Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. (Август 1914 – октябрь 1917). М., 1957.
- Berngardt F. von.* *Sovremennaja vojna* [Modern War]: v 2-kh t. Sankt-Peterburg, 1912. (In Russ.)
- Chernin O.* *V dni mirovoi voyny. Memuary ministra inostrannykh del Avstro-Vengrii* [In the days of the World War. Memoirs of the Minister of Foreign Affairs of Austria-Hungary]. Sankt-Peterburg, 2005. (In Russ.)
- Eggert Z. K.* *Bor'ba klassov i partii v Germanii v gody pervoi mirovoi voyny.* (Avgust 1914 – oktiabr' 1917) [The struggle of classes and parties in Germany during the First World War. (August 1914 – October 1917)]. Moskva, 1957. (In Russ.)
- Fisher F.* *Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennykh tselei kaizerovskoi Germanii v 1914–1918 gg.* [A leap to world domination. The policy of military goals of Kaiser's Germany in 1914–1918] / per. s nem. L. V. Lannika. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Kikteva E. V.* *Politicheskaia povsednevnost' obshchestvennoi organizatsii v Germanii nachala XX v.: na primere Germanskogo flotskogo soiuza* [The political everyday life of a public organization in Germany at the beginning of the 20th century: on the example of the German Naval Union] // *Budushchee nashego proshlogo: istoriia povsednevnosti i povsednevnost' istorika: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 27 noiabria 2020 goda* [The Future of our past: the history of everyday life and the everyday life of a historian: materials of an International scientific conference, Moscow, November 27, 2020]. Moskva, 2021. S. 54–62. (In Russ.)

⁷⁷ *Bracher K. D.* *Die Deutsche Diktatur: Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus.* Köln, 1969. S. 20.

- Lannik L.V.* Germanskaia voennaia elita perioda Velikoi voiny i revoliutsii i "russkii sled" v ee razvitiu [The German military elite of the Great War and Revolution period and the "Russian trace" in its development]. Saratov, 2012. (In Russ.)
- Mikhel'sen A.* Podvodnaia voina 1914–1918 gg. [The Submarine War of 1914–1918]. Moskva; Leningrad, 1940. (In Russ.)
- Patrushev A.I.* Germanskii kantslery ot Bismarka do Merkel' [German Chancellors from Bismarck to Merkel]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Ratner N.D.* Ocherki po istorii pangermanizma v Avstrii v kontse XIX v. [Essays on the history of Pan-Germanism in Austria at the end of the 19th century]. Moskva, 1970. (In Russ.)
- Sazonov S.D.* Vospominaniia [Memoirs]. Paris, 1927. (In Russ.)
- Tsimbaev K.N.* "Velikaia Germaniia": Formirovanie nemetskoi natsional'noi idei nakanune Pervoi mirovoi voiny ["Great Germany": Formation of the German national idea on the eve of the First World War]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Turygin A.A.* Gazeta "Pangermanskii listki" – pechatnyi organ Pangermanskogo soiuzia [The newspaper "Pan-German leaflets" – the printing organ of the Pan-German Union] // *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2013. № 5. S. 165–169. (In Russ.)
- Vyrupaeva A.P.* Skovannnye odnoi tsep'iu: patrioticheskoe dvizhenie v Germanii do i posle Pervoi mirovoi voiny [Chained together: the patriotic movement in Germany before and after the First World War] // *Pax Britannica: istoriia britanskoi imperii i sozdannogo eiu mira: sbornik nauchnykh rabot k 60-letiiu prof. V.V. Grudzinskogo* [Pax Britannica: the History of the British Empire and the world created by it: a collection of scientific papers for the 60th anniversary of Professor V.V. Grudzinsky]. Cheliabinsk, 2016. S. 183–198. (In Russ.)
- Bernhardi F. von.* Deutschland und der nächste Krieg. Stuttgart; Berlin, 1913. S. 9–37.
- Blackbourn D., Eley G.* Peculiarities of German History. Bourgeois Society and Politics in Nineteenth-Century Germany. Oxford; New York, 1984.
- Bracher K.D.* Die Deutsche Diktatur: Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Köln, 1969.
- Chickering R.* We Men Who Feel Most German: A Cultural Study of the Pan-German League, 1886–1914. Boston, 1984.
- Claß H.* An der Schwelle eines neuen Polen // *Mitteilungen des Alldeutschen Verbandes*. 1916. № 46. S. 433–436.
- Claß H.* Denkschrift betreffend die national-, wirtschafts-, und sozialpolitischen Ziele des deutschen Volkes im gegenwärtigen Kriege. München, 1914.
- Claß H.* Die Bilanz des neuen Kurses: Vortrag; gehalten auf dem Alldeutschen Verbandstag in Plauen am 12. Sept. 1903. Berlin, 1903.
- Claß H.* Grundsätzliches zur polnischen Frage // *Mitteilungen des Alldeutschen Verbandes*. 1916. № 21. S. 185–188.
- Claß H.* Politische Erinnerungen des Vorsitzenden des Alldeutschen Verbandes 1915–1933/36. Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts (DGQ). Bd. 79. Berlin, 2022.
- Claß H.* Wider den Strom. Vom Werden und Wachsen der nationalen Opposition im alten Reich. Leipzig, 1932.
- Claß H.* Zum deutschen Kriegsziel. Eine Flugschrift von Heinrich Claß. München, 1917.
- Frech S.* Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann-Grone. Biographie eines völkischen Nationalisten (1863–1949). Paderborn, 2009.
- Frymann D.* [Claß H.] Wenn ich der Kaiser wäre. Politische Wahrheiten und Notwendigkeiten. Leipzig, 1912.
- Hartwig E.* Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn des ersten Weltkrieges (1891–1914): Diss. zur Erlangung des Doktorgrades, masch. Jena, 1966.
- Hering R.* Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890–1939. Hamburg, 2003.
- Hofmeister B.* Between Monarchy and Dictatorship: Radical Nationalism and Social Mobilization of the Pan-German League, 1914–1939: Ph. D. (History) Thesis. Washington (DC), 2012.
- Hofmeister B.* Radikaler Nationalismus und politische Öffentlichkeit. Der Alldeutsche Verband und die Alldeutschen Blätter // *Krisenwahrnehmungen in Deutschland um 1900. Zeitschriften als Foren der Umbruchzeit im Wilhelminischen Deutschland* / Hrsg. M. Grunewald, U. Puschner. Bern, 2010. S. 263–279.
- Jarausch K., Jacobmeyer W., Steininger R.* Die Alldeutsche und die Regierung Bethmann Hollweg // *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*. 1973. № 21. S. 435–468.
- Kruck A.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes. Wiesbaden, 1954.
- Leicht J.* Heinrich Claß 1868–1953. Die politische Biographie eines Alldeutschen. Paderborn, 2012.
- Liebig H. von.* Die Politik von Bethmann-Hollweg. Eine Studie: in 3 Teilen. München, 1917.
- Müller T.* Imaginierter Westen. Das Konzept des "deutschen Westraums" im völkischen Diskurs zwischen Politischer Romantik und Nationalsozialismus. Bielefeld, 2009.
- Peters M.* Der Alldeutsche Verband am Vorabend des Ersten Weltkrieges (1908–1914). Ein Beitrag zur Geschichte des völkischen Nationalismus im spätwilhelminischen Deutschland. Frankfurt a.M., 1992.
- Riezler K.* Aufzeichnung über die Umtriebe der Alldeutschen vom 15. September 1916 // *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*. 1973. № 21. S. 452–468.
- Snyder L.* Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements. London, 1984.
- Spät R.* Die "polnische Frage" in der öffentlichen Diskussion im Deutschen Reich, 1894–1918. Marburg, 2014.
- Wertheimer M.* The Pan-German League. New York, 1923.
- Zwanzig Jahre alldeutscher Arbeit und Kämpfe. Leipzig, 1910.

DOI: 10.31857/S0130386424010077

© 2024 г. А.С. ХОДНЕВ

«НАСКОЛЬКО НЕЭФФЕКТИВНЫМ ЯВЛЯЕТСЯ СУЩЕСТВУЮЩИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОФИС ЗДРАВООХРАНЕНИЯ»: ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ЛИГИ НАЦИЙ

Ходнев Александр Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

E-mail: khodnev@yandex.ru

Researcher ID: AAG-6880-2019

Аннотация. В связи с увеличением международных перевозок и трансграничной транспортной революцией в XIX — начале XX в. потребовалось международное регулирование общественного здравоохранения в ответ на угрозы эпидемий холеры, чумы, желтой лихорадки, оспы. В статье на основе материалов из архива Лиги Наций и других документов исследуется история появления Организации здравоохранения Лиги Наций после Первой мировой войны как ответ на угрозу эпидемий. По существу, создатели Лиги не сумели полностью выполнить условия Версальского договора и учредить единую глобальную организацию по контролю за эпидемиями и сохранению общественного здоровья. При создании Версальского мирового порядка существовало несколько центров, вокруг которых могла сформироваться постоянная международная организация здравоохранения. Пакт Лиги Наций требовал более строгой координации всех международных институтов здравоохранения и подчинения их единому центру. Инициативу в решении этой проблемы взяла на себя британская делегация на Парижской мирной конференции. Однако все попытки быстро создать организацию здравоохранения закончились провалом из-за возникших между союзными державами разногласий. США, руководствуясь интересами коммерции и сохранения собственного влияния, заняли позицию защиты суверенитета Международного бюро общественной гигиены в Париже. Франция также хотела сохранить престижное международное бюро в Париже. В 1923 г. Смешанный комитет Организации здравоохранения Лиги Наций и Международного бюро общественной гигиены вынес решение о сотрудничестве между этими службами. В итоге Организация здравоохранения Лиги Наций испытывала постоянное недофинансирование, а бюрократическая волокита мешала принимать быстрые решения в области медицинских исследований и борьбы с болезнями. Международное бюро общественной гигиены просуществовало вплоть до 1946 г.

Ключевые слова: Лига Наций, международные организации, Версальский договор 1919 г., Международное бюро общественной гигиены, эпидемии, Организация здравоохранения Лиги Наций.

A.S. Khodnev

“How Ineffective is the Existing International Health Office”: Problems in the Creation of the Health Organization of the League of Nations

Alexander Khodnev, Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: khodnev@yandex.ru

Researcher ID: AAG-6880-2019

Abstract. In this article, based on documents from the League of Nations archives, the author examines the history of the creation of the League of Nations Health Organisation after the First World War. The founders of the League failed to implement the Treaty of Versailles and create a single global organisation to fight epidemics and preserve public health. At the time of the creation of the Versailles world order, there were several centers around which a permanent international health organization could be formed. The Covenant of the League of Nations, which was part of the Treaty of Versailles, required stricter coordination of all international health institutions and their subordination to a single center in the League of Nations. The British delegation at the Paris Peace Conference took initiative in solving this problem. However, all attempts to create a health organization quickly ended in failure due to disagreements between the Allied Powers. The United States, guided by the interests of commerce and the preservation of influence, took the position of protecting the independence of the International Office of Public Hygiene in Paris. France also wanted to keep the prestigious international office in Paris. As a result, the Health Organization of the League of Nations experienced constant underfunding, as well as bureaucratic red tape in an environment where quick decisions had to be made in the field of medical research and disease control.

Keywords: League of Nations, international organization, Treaty of Versailles, L'Office international d'hygiène publique, International Office of Public Hygiene, epidemics, Health Organization of the League of Nations.

В заголовке статьи приведена цитата из документа из архива Лиги Наций (ЛН) времени создания Версальской системы миропорядка в 1919 г. В записке британского дипломата Ф. Ноэль-Бейкера, помощника лорда Р. Сесила, одного из главных участников Парижской мирной конференции от Великобритании, обсуждались проблемы международного управления организацией общественного здравоохранения после Первой мировой войны¹. Он же был назначен летом 1919 г. помощником генерального секретаря ЛН Э. Драммонда. Ноэль-Бейкера, Сесила и Драммонда заботил вопрос строительства эффективной структуры ЛН по разным направлениям деятельности.

Архив Лиги Наций был недавно оцифрован и открыт для свободного доступа исследователей². Это позволяет рассмотреть проблему создания международной организации здравоохранения в новой перспективе в деталях и подробностях.

История появления Организации здравоохранения ЛН оказалась драматической. По существу, создатели Лиги не сумели полностью выполнить Версальский договор и Устав ЛН, поскольку после окончания Первой мировой войны между бывшими союзниками возникли серьезные разногласия.

Внимание к здоровью как одной из главных функций активности человека имеет давнюю историю. По мере индустриализации в XIX – начале XX в., значительного

¹ Office International d'Hygiène Publique – Communicated by British Delegation (Paris). 1919. The League of Nations Archives // URL: <https://archives.ungeneva.org/office-international-dhygiene-publique-communicated-by-british-delegation-paris-minutes-relative-to-office-international-dhygiene-publique-and-its-relation-to-the-league-also-the-establishment-of-a-health-office-under-the-league-of-nat> (дата обращения: 10.07.2023).

² Total Digital Access to the League of Nations Archives (LONTAD) Project // URL: [https://web.archive.org/web/20200508143454/https://www.unog.ch/80256EE60057D930/\(httpPages\)/EFBEE574FFB575BEC1257DF6003B333A?OpenDocument](https://web.archive.org/web/20200508143454/https://www.unog.ch/80256EE60057D930/(httpPages)/EFBEE574FFB575BEC1257DF6003B333A?OpenDocument) (дата обращения: 10.07.2023).

улучшения транспортных средств, роста торговли и миграции мир стал менее управляемым в области охраны здоровья³. Люди во все больших масштабах начали быстрее перемещаться по миру. Все это позволяло холере, желтой лихорадке, малярии и другим инфекционным болезням покидать свои традиционные эндемические места в колониях и бедных странах и доходить до экономически развитых государств Запада. Борьба с эпидемиями, установление международных правил гигиены и санитарии становились глобальной проблемой. Термин «международное здравоохранение» широко использовался в конце XIX — начале XX в.⁴ В 1851 г. французское правительство организовало в Париже Первую международную санитарную конференцию после очередной вспышки холеры в Европе⁵. На международных конференциях, состоявшихся между 1851 и 1912 г., делегаты искали способы согласования мер санитарной защиты с политикой расширения коммерции. Рост морских перевозок осложнял выполнение карантинных правил, что могло угрожать здравоохранению. Эти международные санитарные конференции стали первым этапом создания постоянных международных организаций в области охраны здоровья. В ходе их работы росло осознание того, что совещания с их слишком медленным процессом принятия решений были плохой институциональной формой реагирования на повторяющиеся эпидемии⁶.

В 1903 г. на очередной санитарной конференции было принято решение создать постоянное международное бюро здравоохранения по аналогии с существовавшим Международным бюро мер и весов⁷. Четыре года спустя в 1907 г. в Риме было подписано соглашение о создании в Париже Международного бюро общественной гигиены (МБОГ)⁸. У этой организации в литературе имеются и другие наименования: Управление общественного здравоохранения, Международное бюро общественной гигиены, Международное управление общественного здравоохранения⁹. Однако следует отметить, что новый орган не обладал ни достаточными финансовыми ресурсами, ни значительным кадровым составом для действительного международного управления общественным здоровьем.

Первая мировая война и ее последствия создали новые вызовы для охраны общественного здоровья. Потребовалась новая политическая концепция, вводившая в международное право социальный подход к здоровью и направленная на поддержание жизнеспособности общества в целом. В связи с этим и понадобились поиски договоренности на международном уровне. Несколько важных обстоятельств способствовали появлению нового тренда многосторонней дипломатии и международного опыта управления охраной здоровья людей.

К 1919 г. существовало несколько центров, вокруг которых могла сформироваться единая постоянная международная организация здравоохранения. Во-первых, в Париже действовало МБОГ как межправительственная организация. Во-вторых, в мае 1919 г. при поддержке союзных держав в Женеве была образована Лига обществ Красного Креста (ЛОКК). Последняя организация считалась волонтерской, но получала финансирование от правительств США, Великобритании, Франции и др. В-третьих, по Пакту ЛН

³ Borowy I. Coming to Terms with World Health: The League of Nations Health Organisation 1921–1946. Frankfurt a.M., 2009. P. 17.

⁴ Cueto M., Brown T.M., Fee E. The World Health Organization and the Transition from “International” to “Global” Health // American Journal of Public Health. 2006. Vol. 96. № 1. P. 62.

⁵ Karns M.P., Mingsi K.A. International Organizations: The Politics and Processes of Global Governance. Boulder (CO), 2004. P. 78–79.

⁶ Borowy I. Op. cit. P. 26–27.

⁷ The International Sanitary Convention of Paris, 1903. London, 1904. P. 37.

⁸ Международное Соглашение относительно учреждения Международного Бюро Общественной Гигиены. Рим, 9 декабря 1907 года // URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/138886-mezhdunarodnoe-soglashenie-otnositelno-uchrezhdeniya-mezhdunarodnogo-byuro-obschestvennoy-gigieny-rim-9-dekabrya-1907-goda#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 10.07.2023).

⁹ Public Health Office, Office International d’Hygiène Publique, International Public Health Office. Public Health Office. LONSEA // URL: <http://www.lonsea.de/pub/org/286> (дата обращения: 10.07.2023).

началось создание еще одного международного органа — организации здравоохранения при ЛН.

О серьезных трудностях в борьбе с эпидемиями после войны и отсутствии должной международной координации и финансовой поддержки свидетельствуют документы из архива ЛН. Во время подготовки первой Ассамблеи ЛН в мае-сентябре 1920 г. Совет ЛН обсуждал эпидемию сыпного тифа в Польше, которая, по оценкам врачей, приняла угрожающие размеры и «существовала серьезная опасность значительного роста эпидемии осенью»¹⁰. Совет ЛН создал в мае 1920 г. Исполнительную комиссию для сотрудничества с польскими властями во главе с британским офицером К. Воган-Морганом и медицинским комиссаром ЛН доктором Н. Уайтом. Комиссия получила все полномочия для сбора, организации и отправки в Польшу необходимых больничных отделений, техники, лекарств и персонала.

Она получила все полномочия на бумаге, кроме достаточного финансирования этого предприятия. Кампания помощи ЛН Польше в борьбе с эпидемией оценивалась в 3,25 млн ф. ст. После обращения к 28 правительствам стран — членов Лиги Драммонду удалось собрать к сентябрю 1921 г. 126 398 ф. ст. от 17 стран¹¹. Узнав об этом, Воган-Морган подал в отставку¹². Американский специалист по международным отношениям М.Д. Дубин считает этот случай переломным моментом в создании международной организации здравоохранения ЛН, поскольку стало ясно, что и ЛОКК плохо справлялась с европейскими эпидемиями, а за ней и Исполнительная комиссия ЛН показала полную неэффективность¹³.

10 декабря 1920 г. Ассамблея ЛН одобрила резолюцию о создании постоянной организации здравоохранения в рамках Лиги Наций¹⁴. При создании новой международной организации здравоохранения ЛН должна была выполнить пункты Пакта ЛН, подготовленного на Парижской мирной конференции в 1919 г. и включенного в Версальский договор с Германией. Например, частью Пакта ЛН стала 23-я статья, в которой содержались два важных требования к государствам — членам ЛН: обеспечивать безопасность и поддерживать свободу транзита и равноправного режима торговли для всех членов Лиги, а также принимать меры по вопросам, имеющим международное значение, по профилактике заболеваний и борьбе с ними. Еще более серьезные требования предлагала статья 24 Пакта ЛН, в которой говорилось, что все существующие международные бюро и все комиссии по регулированию вопросов, представлявших международный интерес, будут подчиняться ЛН, если страны — участники таких договоров согласны с этим. Это прямо касалось судьбы МБОГ, действовавшего в Париже с 1907 г., помогавшего развитию международной торговли путем установления общих санитарных правил. 25-я статья Пакта ЛН призывала членов ЛН «поощрять и содействовать созданию и сотрудничеству должным образом уполномоченных добровольных национальных организаций Красного Креста, преследующих цели улучшения здоровья, предотвращения болезней и облегчения страданий во всем мире»¹⁵. Иными словами, в Пакте ЛН содержалась идея более

¹⁰ Organisation and Work of the League of Nations. Report for Presentation at the First Meeting of the Assembly. The League of Nations Archives. File R1582/40/7398/7255 // URL: <https://archives.ungeneva.org/organisation-and-work-of-the-league-of-nations-council-of-the-league-of-nations-report-for-presentation-at-the-first-meeting-of-the-assembly> (дата обращения: 10.07.2023).

¹¹ Borowy J. Op. cit. P. 51.

¹² Organisation and Work of the League of Nations.

¹³ Dubin M.D. The League of Nations Health Organization // International health organizations and movements, 1918–1939 / ed. P. Weindling. Cambridge, 1995. P. 58.

¹⁴ Assembly Resolutions. The League of Nations Archives. File R1361/26/10517/8537 // URL: <https://archives.ungeneva.org/assembly-resolutions-secretariat-special-number-of-the-league-of-nations-journal-which-gives-texts-of-the-resolutions-adopted-by-the-assembly-of-the-league-of-nations-during-its-first-session-15-november-18-december-1920> (дата обращения 12.11.2023).

¹⁵ The Paris Covenant for the League of Nations. Text of the Plan adopted by the Paris Peace Conference April 28, 1919. New York, 1919. P. 14–15.

строгой координации всех международных институтов здравоохранения и подчинения их единому центру в ЛН для преодоления послевоенных трудностей.

Однако в Пакте ЛН не было никаких указаний на конкретные пути воплощения в жизнь идеи переподчинения Лиге всех занимавшихся общественным здоровьем международных организаций. Инициативу в решении этой проблемы взяла на себя в мае-июне 1919 г. британская делегация на Парижской конференции. 6 мая 1919 г. Ф. Ноэль-Бейкер в письме известному врачу и ответственному чиновнику министерства здравоохранения Великобритании Дж. Ньюману написал, что будущее МБОГ в Париже неясное. Римская конвенция 1907 г. требует замены новым договором, по мнению британского дипломата, согласованным со всеми государствами – членами Лиги. Это позволит дать новому центральному органу здравоохранения при ЛН большие полномочия, чем имело МБОГ в Париже. Ноэль-Бейкер выразил уверенность, что новый договор о роли МБОГ должен появиться летом 1919 г. и стать частью повестки дня первого собрания Ассамблеи ЛН. Он просил Ньюмана подготовить письмо поддержки идеи переподчинения МБОГ главному органу здравоохранения ЛН с самыми широкими полномочиями¹⁶. Помимо Дж. Ньюмана, по просьбе Ф. Ноэль-Бейкера, план создания нового органа международной координации общественного здравоохранения поддержал известный английский врач и чиновник министерства здравоохранения Э. Стигманн. Он подчеркивал, говоря о возможностях МБОГ в Париже в экспертной записке, что «в любом таком маленьком органе невозможно иметь представителей, квалифицированных для решения всех вопросов». Исполнительный комитет здравоохранения, по мнению Стигманна, будет чем-то вроде постоянно доступного консультативного органа, который будет расследовать срочные вопросы, касающиеся международного общественного здравоохранения, и быстро отчитываться перед руководящим органом ЛН. Он должен взять на себя официальную международную деятельность, работу существующих обществ или конгрессов, которые каким-либо образом занимаются продвижением общего понимания, касающегося медицины или общественного здравоохранения, таких, например, как международная статистика, классификация болезней и лекарств и др.¹⁷

Получив поддержку авторитетных британских врачей и администраторов здравоохранения, Ноэль-Бейкер пишет 30 мая 1919 г. Сесилу о неэффективности существовавшего в Париже МБОГ, если «его единственная функция, по-видимому, заключается в выпуске бюллетеней». Ноэль-Бейкер обосновывает необходимость создания уже в 1919 г. новой организации здравоохранения при ЛН. «Это кажется мне мудрым и желательным»¹⁸, – написал Ноэль-Бейкер в заключении записки Сесилу.

В июле 1919 г. на международной конференции в Лондоне британские дипломаты, казалось, добились неофициального одобрения лидеров МБОГ передать бюро под руководство Лиги Наций в соответствии со статьями 23(f) и 24 Пакта ЛН. Однако это решение не имело юридической силы, поскольку в совещании 29–30 июля 1919 г. приняли участие только руководители МБОГ, а также представители Великобритании, Франции и США. Для принятия окончательного решения требовалось провести консультации с остальными участниками Римского договора 1907 г. Формулировка решения, принятого в июле 1919 г., требовала от МБОГ «продолжить работу, возможно, с изменением названия и

¹⁶ Future of the Office International d'Hygiène under the League – Mr. P.J. Baker, 1919. The League of Nations Archives. File R811-1/12B/917/126 // URL: <https://archives.ungeneva.org/future-of-the-office-international-dhygiene-under-the-league-mr-p-j-baker-letter-to-sir-george-newman-asking-advice-as-to-steps-to-be-taken-for-the-transfer-of-the-office-dhygiene-to-the-league-and-what-will-be-expected-in-the-war-of-i> (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Office International d'Hygiène Publique – Communicated by British Delegation (Paris). 1919.

внесением некоторых необходимых дополнений или изменений в его устав»¹⁹ и не означала немедленного переподчинения ЛН.

С 27 октября по 6 ноября 1919 г. в Париже проходили заседания Постоянного комитета МБОГ. Фактически никакого решения о взаимодействии между МБОГ и ЛН принято не было, и делегаты единогласно одобрили постановления июля 1919 г. в Лондоне. Судя по отчету участника консультаций в Париже от Великобритании Дж. Бьюкенена, на встрече господствовали два типа настроений: либо откликнуться на предложения ЛН и получить должности в новой организации, либо сохранить независимость МБОГ, поскольку ее судьбу должны были решать консенсусом государства, подписавшие конвенцию 1907 г. По мнению Н. Говарда-Джонса, МБОГ, «прочно укоренившееся в идеях прошлого... по сути было клубом старших администраторов системы здравоохранения, в основном европейцев, главной задачей которых было защитить свои страны от завоза экзотических болезней, не вводя при этом слишком резких ограничений на международную торговлю»²⁰.

Поскольку позиция, занятая МБОГ, была амбивалентной, дискуссия вокруг создания организации здравоохранения ЛН была продолжена. Между тем ЛН приступила к активной работе с 10 января 1920 г. Э. Драммонд создал новую структуру – международный секретариат, пригласив на работу энергичных международных чиновников²¹. По мере развития проектов ЛН международные добровольные организации перемещали свои офисы в Женеву, поскольку близость к Лиге повышала престиж и новый международный имидж как самих неправительственных бюро и союзов, так и ЛН.

Врача-эпидемиолога Л. Райхмана заметила и рекомендовала в 1921 г. на должность медицинского директора ЛН Р. Крауди, руководившая в 1919–1922 гг. эпидемической комиссией ЛН в Польше. 26 августа 1921 г. в письме Ноэлю-Бейкеру Крауди выражала благодарность за быстрое номинирование Райхмана на должность в секретариате ЛН: «Я думаю, что назначение доктора Райхмана великолепно. Я не могу выразить, как благодарна Вам за то, что Вы так быстро продвинули дело»²². С октября 1921 г. по февраль 1939 г. Райхман занимал фактически две должности в структуре организации здравоохранения ЛН: он был медицинским директором, а также выполнял функции секретаря Комитета здравоохранения. Его больше характеризуют как энергичного международного чиновника и меньше – как ученого-бактериолога²³.

Существовали подозрения в лояльности Райхмана целям и политической линии ЛН. В архиве Государственного департамента США сохранилась переписка в ноябре-декабре 1922 г. по поводу участия США в работе некоторых комиссий ЛН, несмотря на то что в марте 1920 г. сенат проголосовал против ратификации Устава ЛН и Версальского договора. Директор Секции здравоохранения ЛН Л. Райхман приглашал главного хирурга Соединенных Штатов Х.С. Камминга участвовать в создании международной организации здравоохранения и проведении инспекций эпидемий в Восточной Европе. Будучи государственным служащим, назначенным президентом США, Камминг обратился в Госдепартамент за разрешением. Он объяснил его работникам, что было бы очень полезно направить американского представителя в ЛН. Этим вопросом занимались два ответственных сотрудника Госдепартамента: помощник госсекретаря Р.В. Блисс и третий заместитель госсекретаря Д.К. Пул-младший, последний работал в 1917 г. в американском

¹⁹ Buchanan Report of International Health Organisation. 1919–1920. The League of Nations Archives. File R811-1-12B-126-2564 // URL: <https://isc1944.omeka.net/exhibits/show/international-sanitary-convent/league-of-nations> (дата обращения: 12.07.2023).

²⁰ Howard-Jones N. International Public Health between the Two World Wars – The Organizational Problems. Geneva, 1978. P. 16.

²¹ Pedersen S. The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. Oxford, 2015. P. 7.

²² Traffic in Women and Children – Correspondence following the 1921 conference. The League of Nations Archives. File S154/9/2 // URL: <https://archives.ungeneva.org/traffic-in-women-and-children-correspondence-following-the-1921-conference> (дата обращения: 12.11.2023).

²³ Dubin M.D. Op. cit. P. 59.

консульстве в Москве и считался знатоком России, а в 1922 г. возглавлял отдел по делам России в Госдепартаменте США. Пул сообщил в этой переписке, что Райхман, хотя и занимает сейчас антибольшевистскую позицию, но до Первой мировой войны был хорошо знаком с В.И. Лениным и «был активным радикалом»²⁴. Дипломаты инструктировали Камминга, чтобы он и рекомендованные им специалисты сотрудничали с ЛН только по научным вопросам, но при этом собирали полезную США информацию²⁵. История сохранения независимости МБОГ и сотрудничества США с организацией здравоохранения ЛН в связи с этими документами проливает свет на особые мотивы политики США. Очевидно, что в 1921–1922 гг. государственные служащие и дипломаты в Вашингтоне не очень доверяли политической линии ЛН, подозревали Женеву в возможном распространении радикализма в мире и нанесении угрозы безопасности США.

Кампания британской дипломатии по поглощению МБОГ Лигой продолжалась в 1920 г. По плану, предложенному Крауди Совету ЛН в феврале 1920 г., важную роль МБОГ после переподчинения ЛН следовало сохранить. Новая структура здравоохранения ЛН должна была включать Международный генеральный комитет здравоохранения, Исполнительный комитет и Международное бюро здравоохранения, а также временные специальные комиссии. Генеральный комитет должен состоять из делегатов, назначаемых всеми правительствами, представленными в МБОГ. Генеральный комитет будет собираться время от времени по мере необходимости, но не реже одного раза в год, в штаб-квартире МБОГ в Париже. При условии одобрения правительствами, подписавшими Римскую конвенцию 1907 г., МБОГ предлагалось объединить с новой организацией здравоохранения под руководством ЛН. Все расходы новых органов здравоохранения и специальных комиссий будут оплачиваться из консолидированных фондов ЛН после утверждения генеральным секретарем и Советом ЛН²⁶. Консолидированный бюджет организации здоровья был, по всей видимости, самым важным пунктом всего плана объединения МБОГ с ЛН, поскольку обещал действительную координацию усилий по поддержке международного здравоохранения при достаточном финансировании.

Однако при реализации реформы международных организаций здравоохранения при переподчинении их ЛН возникла серьезная проблема. Дело в том, что США выступили против переподчинения Лиге парижского офиса МБОГ. Американские исследовательницы М. Карнс и К. Мингст объясняли политическими причинами тот факт, что в результате противодействия США МБОГ оставалось до 1946 г. отдельной организацией и не вошло в состав Организации здравоохранения ЛН. Карнс и Мингст утверждали, что США были довольны как соглашением о создании МБОГ (1907), так и санитарной конвенцией 1912 г. Кроме того, США не стали членом ЛН²⁷. Е.П. Клименко также связал мотивы вето США на переход МБОГ под контроль Организации здравоохранения ЛН с отсутствием у США статуса члена ЛН²⁸.

Эта проблема требует комплексного анализа и интерпретации. Исследователь отношения американских политиков к международным организациям Э. Лак обратил внимание на многие противоречия в политической линии в отношении ЛН. Например,

²⁴ Robert Woods Bliss to De Witt Clinton Poole Jr. November 29, 1922. Division of Russian Affairs. Department of State. The National Archives. Washington (D.C.). RG 59. File 500. C1191 / Note 861.01a.

²⁵ Ibidem.

²⁶ International Health Organisation – Dame R. Crowdy – Submits revised seventh draft of the scheme for the formation of an International Health Section of the League of Nations. The League of Nations Archives. File R811-1/12B/2673/126 // URL: <https://archives.ungeveva.org/international-health-organisation-dame-r-crowdy-submits-revised-seventh-draft-of-the-scheme-for-the-formation-of-an-international-health-section-of-the-league-of-nations-final-text-within> (дата обращения: 12.11.2023).

²⁷ Karns M. P., Mings K.A. Op. cit. P. 79.

²⁸ Клименко Е.П. Образование и деятельность Бюро общественной гигиены (1907–1946) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1. № 3. С. 172.

правительство США, непосредственно не участвуя в работе ЛН после отказа в 1920 г. ратифицировать Версальский договор, заявило в 1934 г. о вступлении в Международную организацию труда, связанную с ЛН, и регулярно направляло отдельных лиц и целые группы для наблюдения за деятельностью ЛН, многие граждане США работали в комитетах и в качестве экспертов ЛН²⁹.

История противодействия США передачи МБОГ под управление единого органа общественного здравоохранения в ЛН связана с несколькими устойчивыми трендами американской дипломатии и политики в отношении международных организаций. На первое место следует поставить идею американской исключительности. США в течение нескольких десятилетий до и после Первой мировой войны поддерживали многие межправительственные организации и многосторонние институты. Политическая элита Америки считала, что это было частью внешнеполитической исключительности страны. Например, так было во время проведения конференций в Гааге в 1899 и 1907 гг. и создания органа международного арбитража. Защита национального суверенитета США в мире, становившемся взаимозависимым, также волновала в 1920-х годах политическую элиту США. ЛН начала активно работать с 1920 г. в Европе и мире, и США не могли оставаться сторонними наблюдателями этого значительного международного эксперимента. И наконец, для американцев крайне важной была проблема соответствия международных обязательств интересам национальной безопасности и международного бизнеса. Вопрос о передаче МБОГ в Париже под контроль Женевы затронул все эти болевые точки и вызвал противодействие со стороны дипломатии США.

На наш взгляд, отказ Сената США в марте 1920 г. ратифицировать Версальский договор и вступить в ЛН, с которыми многие исследователи связывают решение США лоббировать сохранение независимости МБОГ, не объясняет мотивы американской политической элиты. Хорошо известно, что, несмотря на крен в сторону изоляционизма в 1920-х годах, США развернули активную дипломатическую деятельность по заключению двусторонних соглашений с главными членами ЛН, чтобы получить преференции в торговле на подмандатных территориях, а также активно участвовали в деятельности международной организации здравоохранения ЛН на всех ее конференциях. Дело в том, что главной целью МБОГ было регулирование международных санитарных правил в портовых городах и на бортах судов с целью содействия глобальной морской торговле. Бюро в Париже наладило к 1920 г. работу по выдаче торговых лицензий судовым компаниям и успешно справлялось с этой работой. Создаваемая при ЛН новая организация социального здоровья предлагала более широкую программу, а следовательно, больше международных консультаций, переговоров и бюрократической волокиты при выдаче лицензий. Американские политики увидели в этом угрозу торможения мировой торговли и новые риски для судоходных и торговых компаний США.

Эти мотивы объясняют развернувшуюся весной 1921 г. интенсивную дипломатическую переписку между посольством Франции в Вашингтоне и Госдепартаментом США. 20 апреля 1921 г. посол Франции Ж.-Ж. Жюссеран обратился к госсекретарю США Ч.Э. Хьюзу с информацией о решении первой Ассамблеи ЛН создать единую международной организации здравоохранения при ЛН и о передаче МБОГ в Париже под контроль ЛН. Жюссеран ссылаясь на просьбу генерального секретаря ЛН Драммонда собрать согласие на эту передачу всех стран — участниц МБОГ³⁰. Отрицательный ответ Хьюза датирован 12 мая 1921 г., следовательно, несколько недель в Вашингтоне обсуждали сложившуюся ситуацию. Тон ноты был довольно резким: США были против выхода

²⁹ Luck E.C. *Mixed messages: American Politics and International Organization, 1919–1999*. Washington (D.C.), 1999. P. 198.

³⁰ The French Ambassador (Jusserand) to the Secretary of State. Washington, April 20, 1921. 512.4 A 1a/180 // *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1923: in 2 vols. Vol. I*. Washington, 1938. P. 110–111.

из конвенции 1907 г. об открытии МБОГ в Париже или ее изменения³¹. Одной из главных причин для американской стороны было нежелание, как уже говорилось, что-то менять в условиях организации международной торговли, столь важной для США, а не соображения политики изоляции от ЛН и коллективных обязательств. Зачем передавать эту организацию под контроль Женевы и создавать новую организацию, в которую США не входили?

О существовании в 1919–1921 гг. недопонимания, недооценки сотрудничества и даже открытого нарушения прежних договоренностей между создателями ЛН, а затем Комитетом по здравоохранению ЛН и МБОГ в Париже свидетельствуют документы из архива ЛН. МБОГ, получив неожиданную поддержку от правительства США, перешло в контрнаступление. Райхман сообщил в мае 1921 г. в специальной записке Драммонду о бюрократической волоките и отказах от сотрудничества с ЛН руководства МБОГ в Париже. Несмотря на то что, по словам Л. Райхмана, Комитет по здравоохранению ЛН «полностью вступил в отношения между собой и Международным бюро общественной гигиены», МБОГ в лице директора Ж. де Казотта отказалось помогать двум профессорам проводить исследования по заданию ЛН в Институте Пастера в Париже. Райхман сообщил, что во время его недавнего визита в Париж он позвонил Казотту, «который, однако, не захотел сотрудничать и категорически отказался от испрошенного разрешения проводить исследования. Его отношение было настолько враждебным, что я считал долгом сообщить об инциденте председателю Комитета по здравоохранению в письме, копию которого прилагаю»³². Генеральному секретарю ЛН пришлось вмешаться в этот конфликт и обратиться к председателю Сената Франции Л. Буржуа, он участвовал в комиссии по составлению Устава ЛН и получил в 1920 г. Нобелевскую премию мира, дабы он оказал давление на директора МБОГ Казотта, чтобы тот разрешил профессорам А. Кальметту и Л. Бернару проводить исследования в Институте Пастера по программе Комитета по здравоохранению ЛН³³.

Решение проблем по совместной работе ЛН и МБОГ было найдено летом 1923 г. Смешанный комитет Организации здравоохранения ЛН и МБОГ подготовил новый план коллективной работы. Этот проект предусматривал создание нового Комитета здравоохранения ЛН в составе 16 членов: председателя от МБОГ, девяти членов от МБОГ и шести членов, выбранных советом ЛН по согласованию с главой временного комитета здравоохранения ЛН. Президент МБОГ О. Велге сообщил 16 ноября 1923 г. в официальном письме генеральному секретарю ЛН Э. Драммонду, что в соответствии с полномочиями, предоставленными им правительствами, вниманию которых французское правительство рекомендовало проект коллективной работы, делегаты МБОГ «одобрили условия указанного проекта и приняли мандаты в новой организации»³⁴.

Поскольку сохранение в Париже МБОГ соответствовало интересам и международному престижу Франции, 7 августа 1923 г. поверенный в делах Франции А. де Лабуле направил новую ноту в Госдепартамент США, в ней сообщалось о состоявшемся заседании смешанной комиссии в Париже, которое решало вопросы не о слиянии двух органов и передачи МБОГ в ЛН, а о сотрудничестве между санитарными службами Лиги Наций и

³¹ The Secretary of State to the French Ambassador (Jusserand). Washington, May 12, 1921. 512.4 A 1a/180 // Ibid. P. III.

³² Relationship between the Health Committee and the Office International d'Hygiène Publique. The League of Nations Archives. File R834/12B/17941/17941 // URL: <https://archives.ungeneva.org/relationship-between-the-health-committee-and-the-office-international-dhygiene-publique-dr-raichman-records-interview-with-monsieur-de-cazotte-director-of-the-office-international-on-this-subject> (дата обращения: 14.07.2023).

³³ Ibidem.

³⁴ The Permanent Organisation Office International d'Hygiène Publique (Paris). The League of Nations Archives. File R811-2/12B/32196/126 // URL: <https://archives.ungeneva.org/lorganisation-permanent-of-office-international-dhygiene-publique-paris-informe-que-par-une-resolution-du-27-octobre-1923-loffice-international-a-accepte-le-projet-de-lorganisation-dhygiene-de-la-societe-des-nations-et-a-procede-a-la-desi> (дата обращения: 15.07.2023).

МБОГ. В проекте решения, утверждал французский дипломат, сохранена независимость и автономия МБОГ в Париже, которое в соответствии со своим названием будет выполнять функции «генерального консульгативного совета Лиги Наций»³⁵. В ответной ноте Госдепартамента США выражено удовлетворение тем, что сохранена автономия МБОГ и «этим никоим образом не затрагивается Устав или функции Международного бюро»³⁶. США заявили, что нет возражений против решения смешанного комитета организации здравоохранения. В конце 1923 г. постоянная Организация здравоохранения ЛН начинает свою деятельность в новом формате.

Создатели Версальской системы придавали ключевое значение ЛН как объединяющему органу во всех видах международного сотрудничества. Известно, что ЛН не смогла стать гарантом стабильности нового миропорядка, ей также не удалось собрать все организации в одно целое, как этого требовала статья 24 Пакта ЛН. Противодействие со стороны США переподчинению МБОГ Женеве было достаточно сильным дипломатическим шагом, имевшим серьезные последствия. Вся схема координации деятельности и финансирования главных международных организаций здравоохранения оказалась запутанной. Финансирование и Организации здравоохранения ЛН, и МБОГ было сложным и поступало из нескольких источников. США, как и другие участники договора 1907 г., напрямую финансировали МБОГ, но корпоративные фонды из США (например, Фонд Рокфеллера) давали деньги и Организации здравоохранения ЛН, и МБОГ. Некоторые члены Лиги Наций финансировали МБОГ. А Организация здравоохранения ЛН оплачивала некоторые исследования МБОГ. Комитеты и комиссии Организации здравоохранения ЛН испытывали постоянное распыление финансовых средств и недофинансирование, а бюрократическая волокита в обеих международных организациях мешала принимать быстрые решения в области медицинских исследований и борьбы с болезнями.

Библиография / References

Клименко Е.П. Образование и деятельность Бюро общественной гигиены (1907–1946) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1. № 3. С. 167–177.

Klimenko E.P. Obrazovanie i deyatel'nost' Byuro obshchestvennoj gigieny (1907–1946) [Education and activity of the Bureau of Public Hygiene (1907–1946)] // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences]. 2015. T. 1. № 3. S. 167–177. (In Russ.)

Borowy I. Coming to Terms with World Health: The League of Nations Health Organisation 1921–1946. Frankfurt a.M., 2009.

Cecil R. A Great Experiment: An Autobiography. London, 1941.

Cueto M., Brown T.M., Fee E. The World Health Organization and the Transition from “International” to “Global” Health // American Journal of Public Health. 2006. Vol. 96. № 1. P. 62–72.

Dubin M.D. The League of Nations Health Organization // International health organizations and movements, 1918–1939 / ed. P. Weindling. Cambridge, 1995. P. 56–80.

Karns M.P., Mingst K.A. International Organizations: The Politics and Processes of Global Governance. Boulder (CO), 2004.

Luck E.C. Mixed messages: American Politics and International Organization, 1919–1999. Washington (D.C.), 1999.

Pedersen S. The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. Oxford, 2015.

³⁵ The French Chargé (De Laboulaye) to the Secretary of State. Washigton, August 7, 1923. 512.4 A 1a/2221/2 // Papers Relating... P. 112.

³⁶ The Acting Secretary of State to the French Chargé (De Laboulaye) Washington, August 31, 1923. 512.4 A 10/2221/2 // Ibid. P. 115.

DOI: 10.31857/S0130386424010085

© 2024 г. А.В. САФРОНОВ

АКАДЕМИЯ НАУК И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПЛАНИРОВАНИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В СССР (конец 1950-х – начало 1960-х годов)

Сафронов Алексей Васильевич – кандидат экономических наук, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия); Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Москва, Россия).

E-mail: aleksei.safronov@mail.ru

Scopus Author ID: 57225900531; ORCID: 0000-0003-3301-9974; Researcher ID: N-5883-2017

Публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030».

Аннотация. В статье появление новых подходов к планированию народного хозяйства СССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов рассматривается как результат ведомственной борьбы между Госпланом СССР и академическими экономическими институтами за влияние на экономическую политику страны. При обилии исторических работ, освещающих борьбу взглядов на планирование народного хозяйства в 1920-е годы, применительно к послевоенному периоду этот сюжет практически не нашел отражения в историографии. Реконструируется инициированный Н.С. Хрущёвым процесс ослабления роли Госплана СССР и возникновения альтернативных центров компетенций по вопросам экономической политики, а также риторические ходы и политические приемы, которые использовали крупнейшие экономисты для утверждения новых научных направлений. Методической основой статьи выступает «социология перевода» М. Каллона, согласно которой эксперты переводят проблемы ключевых заказчиков на свой язык так, чтобы научная программа этих экспертов и они сами стали выглядеть незаменимым компонентом решения этих проблем. В работе на примере становления таких новых для 1950-х годов направлений экономической мысли, как расчеты эффективности капитальных вложений и экономико-математические методы, выделены тактики ведомственной борьбы, которые обеспечили успех новых научных направлений. Этими тактиками были: включение нужных формулировок в программные партийные документы и/или речи вождей; формирование широких коалиций; использование административного ресурса Академии наук; издательская и образовательная деятельность; защита от попыток Госплана «встроиться» в обсуждение новых тем, критика плановиков как неспособных реализовать предложенные идеи. В рамках выбранной оптики исследование возникновения новых научных направлений представлено как результат объективных (потребности экономики) и субъективных (стремление академических экономистов играть более активную роль в экономической политике) факторов.

Ключевые слова: СССР, органы управления, Госплан СССР, Академия наук СССР, экономическое планирование, экономико-математические методы, плановое хозяйство.

A.V. Safronov

Academy of Sciences and New Approaches to Economic Planning in the USSR (late 1950s – early 1960s)

Alexey Safronov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Moscow State Institute of International Relations / University (Moscow, Russia).

E-mail: aleksei.safronov@mail.ru

Scopus Author ID: 57225900531; ORCID: 0000-0003-3301-9974; Researcher ID: N-5883-2017

The publication was supported by MGIMO University "Priority-2030" programme.

Abstract. In the article the author considers the emergence of new approaches to the planning of the national economy of the USSR in the second half of 1950-s – early 1960-s as a result of departmental struggle between the USSR Gosplan and academic economic institutes for influence on the economic policy of the country. Despite the abundance of historical works covering the planning debates of the 1920s, this subject is poorly covered in historiography in relation to the post-war period. The methodological basis of the article is Michel Kallon's "sociology of translation", according to which experts translate the problems of key clients into their language in such a way that their scientific programme and themselves are at the centre of the proposed solution to these problems. The author examines the process of weakening the role of the USSR Gosplan and the emergence of alternative centres of competence on economic policy issues. In accordance with the chosen approach, the rhetorical moves and political techniques that were used by major economists to promote new research directions (economic and mathematical methods, evaluation of capital investment efficiency, etc.) are highlighted. These political techniques were: inserting key words into party programme documents and/or speeches of the party leader; formation of broad coalitions; use of administrative resources of the Academy of Sciences; publishing and educational activities; repelling attempts of the Gosplan to fit into the new agenda, criticism of its staff as incapable of implementing the proposed ideas.

Keywords: Gosplan, State Planning Committee of the USSR, planning, economic and mathematical methods, departmental struggle, sociology of translation.

К настоящему времени среди исследователей сложился определенный консенсус в понимании того, что экономические решения в СССР принимались под воздействием бюрократического лоббизма, который во взаимоотношениях министерств и ведомств с Госпланом принимал форму торга за ресурсы и плановые задания.

Среди наиболее известных концепций такого рода – «административный рынок» С.Г. Кордонского¹ и «бюрократический рынок» В.А. Найшуля², а также работы М. Олсона по теории малых групп³. Ведомственность как причину экономических проблем также упоминали П.Р. Грегори, Ю.Я. Ольсевич, Ю.В. Яременко и многие другие исследователи. П.Р. Грегори определял ее как преследование частных интересов (narrow interests) вместо государственных интересов (encompassing interests)⁴.

Стремление отстаивать «выгодные» плановые задания и получать больше ресурсов для их выполнения было свойственно наркоматам еще до Великой Отечественной войны⁵, но в послевоенные годы подобные процессы усилились – отчасти из-за децентрализации управления после смерти И.В. Сталина (в частности, создания совнархозов в 1957 г.) и особенно в

¹ Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. М., 2006. С. 6.

² Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма // URL: http://www.libertarium.ru/1_libnaul_brezhnev (дата обращения: 25.10.2018).

³ Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995.

⁴ Грегори П.Р. Политическая экономика сталинизма. М., 2008. С. 175.

⁵ Маркевич А.М. Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 123.

результате косыгинской реформы 1965 г., превратившей предприятия в обособленных экономических агентов⁶, отчасти из-за ослабления централизующей роли партии⁷.

В вышеупомянутых работах по умолчанию предполагалось, что Госплан готовил научно обоснованные проекторки, а затем в процессе согласования и утверждения ведомства стремились изменить их в собственных интересах. При этом до настоящего времени в исторической литературе не находил должного отражения вопрос о ведомственности внутри самих плановых органов. Между тем сама функция составления планов, обязательных для исполнения хозяйственными органами, была важным властным ресурсом, и логично предположить, что было много желающих им завладеть.

В 1950-е годы в ходе хрущёвских реформ возникло несколько центров экономической мысли, которые занимались вопросами планирования.

Основной гипотезой настоящей работы является предположение, что с середины 1950-х годов процесс начального составления планов, формирования методологии планирования стал подвергаться такому же лоббистскому воздействию, как процесс их согласования и утверждения. Для ее проверки были изучены конфликты, споры и различные точки зрения по вопросам методологии планирования, тактики действий сторон и их отношения друг с другом. Взаимодействия эти рассматриваются с учетом экономического и идейного контекста эпохи.

Методология настоящей работы отчасти заимствована из социологии, в частности из работ М. Каллона по «социологии перевода»⁸. Его основной идеей служит мысль, что ученые навязывают вовлеченным в проблему группам себя и собственную интерпретацию проблемной ситуации так, чтобы стать незаменимыми и представить свою программу исследований как единственное решение проблемы. Для этого они определяют роли каждой группы и предлагают ее членам что-то, ради чего последние согласились бы эти роли играть.

В рамках выбранного подхода изменения в методологии планирования рассматриваются как результат того, что группа ученых, ратовавшая за новый подход к планированию, успешно решила изложенную выше задачу (представить свою научную программу как решение проблемы и убедить достаточное число заинтересованных лиц поддержать их в этом).

В пользу такой трактовки свидетельствует примерно 20-летний разрыв между публикацией первых работ по линейному программированию и математическим подходам к оценке эффективности капитальных вложений и началом применения этих идей в практике планирования. Авторы новаторских работ (Л. В. Канторович и В. В. Новожилов), очевидно, были не в состоянии создать такую коалицию, эту задачу решили за них В. С. Немчинов и Т. С. Хачатуров, ставшие организаторами новых научных школ.

Источниковую базу составили публикации в экономической периодике тех лет, мемуары крупных советских академических экономистов (Н. П. Федоренко, Ю. В. Яременко и др.) и плановиков-практиков (Я. М. Уринсон, В. В. Коссов и др.), а также материалы коллегий Госплана СССР, хранящиеся в фонде Госплана СССР в Российском государственном архиве экономики.

ФОРМИРОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЦЕНТРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х годов

Методология планирования складывалась в 1920-е годы в ходе творческого поиска, дискуссий и взаимной критики экономистами, работавшими в различных советских учреждениях.

⁶ *Ольевич Ю. Я., Грегори П. Р.* Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000. С. 42.

⁷ *Яременко Ю. В.* Экономические беседы. М., 1998. С. 28.

⁸ *Каллон М.* Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Брие // *Философско-литературный журнал «Логос».* 2017. Т. 27. № 2 (117). С. 49–94.

В наркомате земледелия СССР (наркомземе) пытались на принципах индикативного планирования составлять планы развития еще не коллективизированного сельского хозяйства, в Высшем совете народного хозяйства СССР (ВСНХ) составляли планы развития отдельных отраслей промышленности, в наркомате финансов СССР (наркомфине) – финансовые планы, имевшие особое значение в условиях нэпа. Госплан СССР развивал балансовый метод и год за годом подступался к задаче планирования народного хозяйства в целом.

Все эти ведомства постоянно спорили друг с другом о методах планирования. ВСНХ, к примеру, регулярно упрекал Госплан в чрезмерной осторожности, предлагая повышенные, против госплановских, плановые задания⁹. Первая пятилетка была сверстана в двух вариантах, которые отражали неизжитые разногласия между Госпланом и ВСНХ касательно темпов развития¹⁰.

В конце 1920-х годов дискуссии о приемлемых темпах развития перешли в политическую плоскость, многие плановики были осуждены, Госплан подвергся «чистке», его прежний руководитель Г.М. Кржижановский был «сослан» в Академию наук, а новым руководителем стал В.В. Куйбышев, который ранее на посту председателя ВСНХ защищал сверхвысокие темпы. С 1931 г., когда завершилась «чистка» Госплана, дискуссии о методологии планирования почти прекращаются. П.Р. Грегори писал: «Практически нет документов, которые указывали бы на отклонение Госплана от соблюдения государственных интересов в 1930-е годы»¹¹. Госплан не оспаривал государственные задания, а ведомства не оспаривали подходы Госплана к планированию. Альтернативные мнения были представлены докладными записками отдельных энтузиастов, к примеру Л.В. Канторович в 1943 г. направил в Госплан свою статью «Показатели работы предприятий нуждаются в пересмотре», которая обсуждалась на совещании в ЦСУ Госплана СССР с участием автора¹². Предложения были отклонены, а Леонид Витальевич в одиночку, конечно, не мог лоббировать их продвижение.

Первый же конфликт между Госпланом СССР и правительством по вопросам планирования, возникший в 1949 г., привел к отставке и расстрелу главы Госплана Н.А. Вознесенского. Формальной стороной дела был вопрос, на какой базе формировать плановое задание – ожидаемого или фактического исполнения предыдущего года. Однако в качестве альтернативной методологии планирования этот конфликт вряд ли подходит.

Ситуация изменилась после смерти Сталина, когда новый председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков, а затем Н.С. Хрущёв начали процесс децентрализации управления, из-за чего радикально снизилась детализация планов. За 1953–1955 гг. количество показателей сократилось до уровня 1940 г.¹³ Поскольку с того времени возникли новые отрасли и виды производств, действительная степень детализации планирования сократилась еще больше.

Вместе с сокращением отчетности сокращались штаты и целые подразделения Госплана. В период между 1950 и 1954 гг. в Госплане исчез Сводный отдел перспективных планов, к началу 1954 г. вопросами перспективного планирования занимался сектор в составе четырех человек¹⁴. В 1951 г. была ликвидирована Гостехника, а в 1953-м – Госс-

⁹ *Гладков И.А.* К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // *Плановое хозяйство*. 1935. № 4. С. 114.

¹⁰ *Фельдман М.А.* «Прения должны быть гильотинированы»: съезды советов госпланов СССР и проблема выбора пути развития // *Российская история*. 2020. № 5. С. 108–123.

¹¹ *Грегори П.Р.* Указ. соч. С. 177.

¹² *Канторович Л.В.* Показатели работы предприятий нуждаются в пересмотре: К 80-летию академика Л.В. Канторовича. Часть I // *Оптимизация: сб. трудов Института математики СО АН СССР*. 1991. № 50 (67). С. 16–44.

¹³ *Российский государственный архив экономики* (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 55. Д. 69. Л. 3.

¹⁴ *Некрасов В.Л.* Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущёва: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // *Новый исторический вестник*. 2017. № 4 (54). С. 75.

наб и Госпродснаб с передачей их функций Госплану. В результате последний столкнулся одновременно с перегрузкой задачами снабжения и нехваткой информации о происходящем на местах.

ЦК КПСС 20 декабря 1954 г. поручил председателю Госплана СССР М.З. Сабурову подготовить записку «О перестройке работы Госплана и мерах по улучшению государственного планирования». Сабуров направил ее в Президиум ЦК 5 февраля 1955 г. Он писал, что объединение Госплана и Госснаба не оправдало себя, Госплан задыхается в массе текущих вопросов и не способен осуществлять свою главную задачу — перспективное планирование. Решение Сабуров видел в создании двух плановых органов¹⁵.

4 июня 1955 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в соответствии с которым Госплан делился на Госэкономкомиссию (Государственную экономическую комиссию по текущему планированию народного хозяйства) и собственно Госплан СССР (Государственную комиссию Совета Министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства СССР). Хрущёв объяснял, что Госэкономкомиссия понадобилась, чтобы придать текущему планированию больше гибкости, оперативнее корректировать планы в процессе их исполнения с учетом творческой инициативы трудящихся¹⁶.

Эти новации в конечном счете дезорганизовали работу Госплана и привели к тому, что план шестой пятилетки (1956–1960) оказался не сбалансирован и чрезмерно амбициозен. Директивы шестой пятилетки были подготовлены к XX съезду КПСС (февраль 1956 г.), но уже через несколько месяцев стало ясно, что они не выполняются.

В декабре 1956 г. на пленуме, посвященном пересмотру шестой пятилетки, председатель Госэкономкомиссии Сабуров прямо указывал на причины сложившегося положения: Госэкономкомиссия не выдержала натиска министерств, чему содействовали и местные руководители. «Плохо то, что мы не даем отпора... и в этом наша беда», — сетовал он¹⁷. По итогам декабрьского пленума Сабурова на этой должности сменил А.Н. Косыгин. На февральском пленуме 1957 г., принципиально одоббившем идею Хрущёва о совнархозной реформе, он доложил, что Госэкономкомиссия только в январе 1957 г. получила 13,5 тыс. вопросов как с мест, так и от министерств и ведомств. Качественно проработать такой объем было практически невозможно.

Хрущёв сравнил сложившееся положение с «трубой, через которую пытаются пропустить мощный поток, превышающий ее сечение»¹⁸. Решение он видел в дальнейшей децентрализации. Складывался порочный круг: реорганизации Госплана приводили к сбоям в его работе и давали поводы для новой критики и новых реорганизаций.

С перестройкой управления промышленностью и строительством по территориальному принципу Госэкономкомиссия была ликвидирована, ее функции вернули Госплану СССР, а республиканские госпланы, считавшиеся его филиалами, получили дополнительные обязанности по гармонизации планов совнархозов, которые теперь разрабатывались на местах, в экономических районах, на которые была поделена страна. Ход планирования оказался инвертирован: теперь не хозяйственные органы пытались корректировать спускаемые им установки Госплана, а Госплан должен был увязывать воедино планы совнархозов. Шестая пятилетка под предлогом перестройки управления промышленностью была отменена, вместо нее началась разработка семилетки на 1959–1965 гг.

Для разработки семилетнего плана при Госплане СССР были созданы межведомственные комиссии по основной экономической задаче СССР, по повышению уровня жизни, по вопросам труда и заработной платы, по финансовым проблемам, по развитию

¹⁵ *Благих И.А.* Хозяйственные реформы Н.С. Хрущёва: волонтаризм или необходимость? // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Ч. 1. М., 1993. С. 193.

¹⁶ Правда. 19.V.1955. С. 1–2.

¹⁷ *Мерцалов В.И.* Происхождение и эволюция реформы управления промышленностью и строительством, 1957–1965 гг. Чита, 2015. С. 89.

¹⁸ Там же. С. 88.

важнейших отраслей народного хозяйства, по проблемам развития науки и ряд других. В состав комиссий вошли работники Академии наук, ЦСУ, отраслевых НИИ, вузов и др. Материалы комиссий должны были создать основу для разработки семилетнего плана¹⁹. Таким образом, семилетка стала первым перспективным планом, для разработки которого привлекалась широкая научная общественность.

В.Л. Некрасов предложил для их описания модель авторитарного реформатора, который занимается институциональным дизайном, конструирует «новые органы и учреждения, способные разработать предложения по реформированию управления советской экономикой и в итоге “изобрести” новую модель экономического развития»²⁰. По его мнению, в СССР в середине 1950-х годов не было научных центров, которые бы могли разработать программу экономических реформ. Создание альтернативных центров экономической экспертизы, которые бы институционально конкурировали друг с другом, становилось вполне сознательной стратегией решения этой проблемы.

Среди глав межведомственных комиссий было двое академиков, которые в скором времени возглавили новые направления в советской экономической науке: В.С. Немчинов и Т.С. Хачатуров²¹.

Комиссии образовывались по прикладным вопросам семилетки. Но академики вскоре воспользовались возможностью участия в работе плановых органов, чтобы заявить, что сам подход к планированию нуждается в пересмотре. Хачатуров встал во главе разработки вопросов эффективности капитальных вложений. А Немчинов стал «крестным отцом» всего экономико-математического направления в советской экономической науке²². Таким образом, в 1957–1959 гг. на фоне совнархозной реформы и постоянных реорганизаций Госплана появляются центры экономической экспертизы, продвигающие альтернативные подходы к планированию.

ТАКТИКИ УТВЕРЖДЕНИЯ НОВЫХ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ (конец 1950-х – начало 1960-х годов)

Хотя первые публикации по применению метода линейного программирования в экономике появились на рубеже 1930–1940-х годов²³, в практике планирования эти идеи игнорировались до появления коллективных экономических субъектов, которые взяли их на вооружение и стали продвигать, одновременно утверждая себя.

М. Каллон выделяет следующие составляющие утверждения учеными себя и своей исследовательской программы²⁴:

1) презентация своей программы исследований как способа решения некоей проблемы (для чего зачастую происходит реинтерпретация самой проблемы, «перевод» ее на язык «своей» научной дисциплины);

2) предложение лицам, которых беспокоит эта проблема, определенных ролей, ответственных им в программе ученых;

3) вербовка заинтересованных в решении проблемы групп на эти роли;

4) мобилизация представителей от каждой группы для реализации программы исследований в соответствии с их ролями.

Попробуем наложить эту аналитическую сетку на два следующих сюжета:

1) развитие подходов к определению эффективности капитальных вложений;

2) развитие экономико-математических исследований в целом.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 344. Л. 002.

²⁰ Некрасов В.Л. Указ. соч. С. 72.

²¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 344. Л. 002.

²² Ставчиков А.И. 110 лет со дня рождения В.С. Немчинова – основоположника экономико-математических исследований в России // Экономическая наука современной России. 2004. № 2. С. 145–148

²³ Белых А.В. История российских экономико-математических исследований: первые сто лет. М., 2007. С. 139.

²⁴ Каллон М. Указ. соч. С. 49.

1. Расчеты эффективности капитальных вложений

Н.С. Хрущёв известен яркими, но не всегда успешными инициативами, среди которых «догнать и перегнать Америку по производству основных продуктов питания» и «построить основы коммунистического общества к 1980 году». И то и другое требовало как можно более быстрого результата.

В то же время совнархозная реформа усугубила проблему распыления капитальных вложений по множеству одновременно начинаемых строек, из-за чего росли объемы незавершенного строительства (недостроя), сроки строительства удлинялись, а отдача на рубль вложений падала. В 1963 г. в сравнении с 1958 г. объем незавершенного строительства вырос на 53%, а к 1950 г. — в 3,25 раза! Не было введено 40% запланированных мощностей, а значит недостроенные заводы не давали предусмотренной планом продукции, которую ждали смежники. Если в начале семилетки на 1 руб. производственного накопления приходилось 44 коп. прироста национального дохода, то в 1963 г. эта величина составила 25 коп., т.е. снизилась более чем на 40%²⁵.

При этом признать провал совнархозной реформы Хрущёв и его сторонники не могли. Тут-то ученые и сделали свой ход. 10 августа 1958 г. Хрущёв выступил с речью на митинге строителей Волжской ГЭС. В ней он отметил, что хотя киловатт-час электроэнергии, выработанной на гидростанциях, дешевле, чем на тепловых, но строительство ГЭС гораздо дороже и дольше, чем ТЭС сопоставимой мощности. И если учитывать и текущие, и капитальные затраты, то, вероятно, ТЭС строить выгоднее, так как тот же объем установленной мощности можно построить дешевле и быстрее, а чем раньше народное хозяйство получит дополнительные киловатты, тем быстрее будет расти производительность труда, которая перекроет дороговизну тепловой электроэнергии²⁶. Поскольку ни до, ни после Хрущёв по вопросам сопоставления текущих и капитальных затрат не высказывался, можно предположить, что этот тезис попал в его речь усилиями заинтересованных лиц, которые получили мощный аргумент за развитие изучения вопросов эффективности капитальных вложений.

Практически одновременно, в июне 1958 г., состоялась Всесоюзная научно-техническая конференция по проблемам определения экономической эффективности капитальных вложений и новой техники в народном хозяйстве СССР, проведенная Институтом экономики АН СССР и ВЦСПС. В работе конференции приняло участие свыше 800 человек²⁷. Основным ее результатом стали рекомендации. Хотя их редакцию провела комиссия Института экономики и ВЦСПС под председательством Т.С. Хачатурова, формально это были рекомендации всех участников, представлявших почти все центры экономической экспертизы.

На основе рекомендаций Институт экономики при участии ряда ведомств разработал проект типовой методики определения экономической эффективности. Этот проект был одобрен в январе 1959 г. Научным советом по проблеме экономической эффективности капитальных вложений и новой техники, обсужден Президиумом Академии наук СССР, по его поручению согласован с Госпланом СССР, Госстроем СССР, ГНТК СССР, ЦСУ СССР и Стройбанком СССР и 22 декабря 1959 г. утвержден Президентом Академии наук СССР академиком А.Н. Несмеяновым как «Типовая методика определения экономической эффективности капитальных вложений и новой техники в народном хозяйстве СССР»²⁸. После этого уже имеющий достаточно статусную поддержку проект согласовывался с экономистами-практиками в Госплане, Госстрое и других ведомствах.

²⁵ Архив РАН. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

²⁶ Правда. 11.VIII.1958. С. 2–3.

²⁷ Экономическая эффективность капитальных вложений и новой техники / ред. Т.С. Хачатуров. М., 1959. С. 8.

²⁸ Типовая методика определения экономической эффективности капитальных вложений и новой техники в народном хозяйстве СССР. М., 1960.

Сама типовая методика открывается перечислением организаций и особо крупных ученых, принявших участие в ее обсуждении, что вообще-то для методических документов не характерно. Смысл этих абзацев достаточно ясен: показать статусных сторонников нового подхода.

В типовой методике было утверждено, что на ее основе должны были быть разработаны отраслевые методики. Это означало, что министерства и ведомства с высокой вероятностью будут заказывать такие документы авторам типовой методики или как минимум привлекать последних к разработке. За два года активных действий группа ученых во главе с Т.С. Хачатуровым обеспечили себя долгосрочным потоком заказов.

Таким образом, ученые во главе с Т.С. Хачатуровым действовали несколькими путями, формируя поддержку:

- 1) «сверху» (добившись оглашения нужных идей политическим лидером);
- 2) «снизу» (рекомендации от имени широкой научной общественности);
- 3) по каналам Академии наук (одобрение специально созданным Научным советом, затем Президиумом).

2. Экономико-математические методы (ЭММ)

Процесс организационного оформления экономико-математического направления шел схожим образом. Проблемой, которую новое направление вызывалось решить, были все те же последствия совнархозной реформы: местничество, снижение директивности планов, ухудшение использования основных фондов, направление капитальных вложений на объекты, не предусмотренные планом.

В новой системе республиканские госпланы должны были гармонизировать планы совнархозов, но они оказались не готовы к этой роли. В мае 1958 г. председатель Госплана РСФСР В.Н. Новиков жаловался в Совмин РСФСР, что 10 из 67 российских совнархозов до сих пор не предоставили в Госплан планы капитального строительства на 1958 г., т.е. Госплан РСФСР просто не знает, что строится в республике²⁹. Попытки регулирования работы совнархозов приводили к перегрузке госпланов текущими вопросами. Только за два месяца 1959 г. в Госплан РСФСР из совнархозов приехало 5 тыс. человек командированных, и каждый «пробивал» какие-то решения³⁰. В июле 1959 г. председатель Совмина РСФСР Д.С. Полянский направил Хрущёву записку, в которой заявил, что ни республиканский Совмин, ни республиканский Госплан не справляются с валом мелких запросов с мест, посвященных текущей деятельности совнархозов. Он просил создать специальный комитет по координации и оперативному управлению совнархозами, который взял бы на себя рассмотрение управленческих проблем, которые совнархозы не могли или не хотели решать самостоятельно³¹. Начиная с 1960 г. все более явно обозначились тенденции к обратной централизации управления, но полностью возврата к предыдущей системе хрущёвское руководство не желало.

Ученые предложили соблзнительный компромисс: с помощью математики так подобрать цены на продукцию, чтобы предприятия, стремясь получить максимальную прибыль, производили бы именно то, что требуется народному хозяйству³².

В конце 1958 г. В.С. Немчинов создал лабораторию экономико-математических методов, для подготовки кадров в 1959–1960 гг. началось преподавание математики экономистам в ведущих вузах.

²⁹ Мерцалов В.И. Указ. соч. С. 149.

³⁰ Там же. С. 158.

³¹ Региональная политика Н.С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. Документы советской эпохи / ред. О.В. Хлевнюк. М., 2009. С. 371.

³² Сафронов А.В. Мираж оптимальности: внедрение математических методов в экономику как ответ на проблемы реформы управления промышленностью 1957 года // Экономическая история. 2016. № 1 (32). С. 76–86.

В 1958 г. вышел русский перевод книги В. В. Леонтьева «Исследование структуры американской экономики», знакомящий читателей с методом межотраслевого баланса, а в 1959 г. под редакцией В. С. Немчинова вышел первый том будущего трехтомника «Применение математики в экономических исследованиях», где были перепечатаны ранние работы Л. В. Канторовича и В. В. Новожилова, а также доказывалось, что математика не противоречит марксистской политэкономии.

В 1959 г. глава Академии наук СССР А. Н. Несмеянов на XXI съезде КПСС заявил, что экономическая наука должна стать «точной наукой в полном смысле этого слова, широко использовать новейшие средства вычислительной техники, стать прожектором в планировании народного хозяйства».

А в 1961 г. была принята третья программа КПСС, поставившая цель создания к 1980 г. основ коммунизма. В ней говорилось: «Главное внимание ... должно быть сосредоточено на наиболее рациональном и эффективном использовании материальных, трудовых и финансовых ресурсов, природных богатств и устранении излишних издержек и потерь. Достижение в интересах общества наибольших результатов при наименьших затратах — таков непреложный закон хозяйственного строительства». В этой формулировке нетрудно увидеть постановку в общем виде оптимизационной задачи линейного программирования. Энтузиасты нового направления и тут постарались, чтобы нужные слова попали в важные политические документы.

В апреле 1960 г. состоялось научное совещание о применении математических методов в экономических исследованиях и планировании, подготовку которого возглавлял В. С. Немчинов. Совещание приняло координационный план работы по применению математических методов и ЭВМ в экономике и рекомендовало организовать в АН СССР институт экономико-математических методов³³. В соответствии с рекомендацией совещания 20 мая 1960 г. в АН СССР был создан Научный совет по применению математики и вычислительной техники в экономических исследованиях и планировании, который возглавил все тот же Немчинов³⁴.

Упоминание вычислительной техники в названии Научного совета не случайно — на совещании один из пионеров советской кибернетики И. С. Брук отметил необходимость создания сети вычислительных центров по сбору, хранению и обработке информации и указал, что только использование ЭВМ могло обеспечить широкое применение математических методов. Экономисты-математики, таким образом, вошли в альянс с кибернетиками и производителями вычислительной техники. Альянс закрепило появление нового понятия — «экономической кибернетики»³⁵.

В 1961 г. было проведено первое координационное совещание по вопросам применения математики и вычислительной техники в экономических исследованиях и планировании с участием 56 организаций. Во втором таком совещании, прошедшем в 1962 г., участвовало уже более 70 организаций. В 1962 г. в Новосибирске состоялась первая конференция по оптимальному планированию, а в 1963 г. на базе ряда научных учреждений был создан Центральный экономико-математический институт АН СССР (ЦЭМИ) во главе с Н. П. Федоренко³⁶.

То же постановление правительства, которым был учрежден ЦЭМИ, предписывало разработать Единую государственную сеть вычислительных центров (ЕГСВЦ), т.е. закрепляло связку «развитие матметодов — развитие компьютеров для их применения». Координацией действий экономистов, математиков, кибернетиков и производственников должно было заниматься специально созданное Главное управление по внедрению

³³ Белых А. В. Указ. соч. С. 150. 151.

³⁴ Ставчиков А. И. Указ. соч. С. 149.

³⁵ Белых А. В. Указ. соч. С. 155.

³⁶ Там же. С. 152.

вычислительной техники при Государственном комитете по координации научно-исследовательских работ СССР (ГУВВТ)³⁷.

Этап организационного оформления нового направления завершился³⁸ большим совещанием 1964 г. «Экономисты и математики за круглым столом». На нем о перспективности применения новых методов говорили экономисты, математики, кибернетики, а немногочисленных скептиков редакторы сборника в примечаниях выставляли ретроградными. Было заявлено о возможности расчета таких цен, применение которых управляло бы стремлением каждого предприятия получать максимальный доход так, чтобы автоматически заставить его работать в режиме максимального удовлетворения общественных потребностей³⁹.

На мой взгляд, это обещание – создать систему, которая бы автоматически, без административного принуждения решила бы проблему ведомственности/местничества, – и позволило добиться поддержки нового экономического направления политическими лидерами. В то же время утверждалось, что пока такая общесоюзная система не создана, следует применять принципы оптимизации для решения локальных задач, для чего хозяйственникам (директорам предприятий и главам совнархозов) нужно дать максимальную свободу действий⁴⁰. Следует помнить, что этот экономический либерализм разворачивался на фоне уже начатой в ГДР рыночной реформы⁴¹ и подготовки косыгинской реформы в СССР.

Материалы совещания демонстрируют высокую интерпретативную гибкость⁴². Разные участники презентовали перспективы развития экономико-математических методов и моделей (ЭММ) немного по-разному, стараясь привлечь одновременно и сторонников централизации, и сторонников децентрализации, представляя программу одновременно как средство обеспечить научность централизованного планирования и оперативную самостоятельность низовых звеньев.

На совещании была сформулирована амбициозная программа работ на будущее: построение Единой государственной системы оптимального планирования и управления народным хозяйством (ЕГСПУ) на базе автоматизированной системы сбора, передачи и переработки экономической информации (которая позднее станет известна как Общегосударственная автоматизированная система, ОГАС)⁴³. Выполнение этой программы означало заказы для всех групп действующих лиц на годы вперед и «замах» на изменение сущности плановой системы как таковой.

Инициативой прочно завладели академические экономисты, которые стремились стать практиками. «Старые» плановики в то время, с одной стороны, не были готовы эффективно возражать им, а с другой – явно проигрывали, если сами пытались играть на новом поле. Показательна тут история начальника вычислительного центра (ГВЦ) Госплана СССР Н.И. Ковалева. В 1964 г. он выпустил книгу «Вычислительная техника в планировании (вопросы теории и практики)», на которую работавший в ЦЭМИ И.Я. Бирман подготовил разгромную рецензию, вышедшую в «Известиях» за подписью ни

³⁷ Кутейников А.В. Академик В.М. Глушков и проект создания принципиально новой (автоматизированной) системы управления советской экономикой в 1963–1965 гг. // Экономическая история. Обозрение. 2011. № 15. С. 139–156.

³⁸ Белых А.В. Указ. соч. С. 152; Козырев А.Н. Три утопии и призрак коммунизма за круглым столом // URL: <https://medium.com/semi-ras/три-утопии-и-призрак-коммунизма-за-круглым-столом-1-eaf2adb3bbac> (дата обращения: 08.06.2019).

³⁹ Экономисты и математики за круглым столом / ред. Ю. Давыдов, Л. Лопатников. М., 1965. С. 64.

⁴⁰ Там же. С. 158.

⁴¹ Джалилов Т.А., Пивоваров Н.Ю. Москва и экономические реформы в ГДР и ЧССР в 1960-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 12 (98). Ч. 1 (дата обращения: 26.07.2022).

⁴² Богатырь Н.В. Современная технокультура сквозь призму отношений пользователей и технологий // Этнографическое обозрение. 2011. № 5. С. 31.

⁴³ Экономисты и математики... С. 199.

много ни мало трех академиков⁴⁴. Тогда же Ковалев опубликовал статью «Экономико-математическая модель планирования рациональной структуры производства экономического района»⁴⁵. В январском номере «Вопросов экономики» за 1965 г. вышла совместная статья девяти крупных экономистов с жесткой критикой модели Н.И. Ковалева⁴⁶. Последнему пришлось отвечать на критику в апрельском номере журнала.

Таким образом, тактики утверждения экономико-математических методов были аналогичны тактикам утверждения нового подхода к оценке эффективности капитальных вложений, изложенного выше. Группа ученых во главе с В.С. Немчиновым добилась:

1) включения нужных идей в наиболее «статусные» документы (новую программу КПСС);
2) представления своей научной программы как решения объективной проблемы, беспокоившей власти (снижение эффективности централизованного планирования в условиях совнархозной реформы);

3) формирования широкой коалиции сторонников новых методов, куда, наряду с экономистами, вошли кибернетики, а также руководители предприятий и совнархозов. Обои группам посулили выгоды от поддержки нового научного направления (развитие компьютерной техники и увеличение самостоятельности);

4) использования административных ресурсов Академии наук для создания ряда новых структур (научные советы и институты), смысл функционирования которых заключался в развитии новых методов планирования;

5) защиты «своей» повестки от перехвата со стороны плановиков.

НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ

К середине 1960-х годов новое направление уже не довольствовалось «частными» задачами по экономии ресурсов. В.С. Немчинов и его сторонники предложили новую модель планирования, в которой от государственных заданий следовало перейти к государственным заказам, распределяемым между предприятиями на конкурсной основе.

Предприятия сообщали бы плановому органу свои производственные возможности с учетом собственных планов повышения производительности труда и снижения себестоимости. Эти данные закладывались бы в огромную оптимизационную задачу, охватывающую всю экономику, в результате чего заказы на производство продукции распределялись бы между ними оптимальным образом⁴⁷. При изменении технических условий на предприятиях весь план должен был пересчитываться.

Управление экономикой сохранило бы централизованный характер, но лишилось бы волюнтаристского начала (управленческое решение заменяется обезличенным результатом оптимизационного расчета). Управляющее воздействие производилось бы через цены и госзаказ, а не прямыми распоряжениями, сохраняя за директорами предприятий полную оперативную свободу в рамках взятых на себя производственных обязательств.

Переход к планам-заказам и косвенному экономическому регулированию предприятий через цены, назначаемые на основе так называемых объективно обусловленных оценок, получаемых при решении глобальной задачи линейного программирования, уместно называть программой-максимум сторонников ЭММ (в отличие от программы-минимум, заключавшейся в применении ЭММ для решения локальных задач).

Эти идеи были изложены в брошюре В.С. Немчинова «О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством», которая в 1963 г. открыла

⁴⁴ Бирман И.А. Я – экономист (о себе любимом). 2-е изд. М., 2001. С. 231.

⁴⁵ Mathematics and computers in soviet economic planning: Yale Russian and East European Studies. Vol. 5 / ed. J.P. Hardt et al. New Haven; London, 1967. P. 187.

⁴⁶ Волконский В.А., Гольштейн Е., Дадаян В., Коссов В., Мас В., Фридман А., Хрытский Е., Юсупов М., Яковлев Е. По поводу статьи Н. Ковалева // Вопросы экономики. 1965. № 1. С. 153–155. Большинство авторов были сотрудниками ЦЭМИ.

⁴⁷ Немчинов В.С. О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. 2-е изд. М., 1965. С. 7.

новую серию книг с красноречивым названием «Обсуждаем проблемы совершенствования планирования». Ни один из авторов первых 10 книг этой серии не работал в Госплане (!). Если бы этот подход был реализован, сама функция планирования от Госплана СССР перешла бы к Академии наук СССР.

В середине 1960-х годов могло показаться, что так и будет. Во всяком случае при разработке очередной, восьмой пятилетки сторонники новых методов планирования уже должны были, что называется, играть первую скрипку. На заседании коллегии Госплана СССР 10 мая 1963 г. был одобрен проект приказа о порядке и сроках разработки новой пятилетки на 1966–1970 гг.⁴⁸ Этим приказом поручалось: «Научно-исследовательскому экономическому институту (НИЭИ) Госплана СССР подготовить совместно с отделами Госплана СССР и с участием СОПС, ИКТП, Вычислительного центра Госплана СССР и научно-исследовательскими экономическими институтами госпланов союзных республик проект основных методических положений к составлению плана, *учтя в них результаты научных исследований и итоги дискуссии по совершенствованию методов планирования* (курсив мой. — А.С.), а также необходимость широкого внедрения в практику плановых расчетов, математических методов современной вычислительной техники и представить на рассмотрение коллегии Госплана СССР к 1 ноября 1963 г.»⁴⁹.

В перечень проблем, связанных с составлением проекта нового пятилетнего плана, в числе прочих входили задания по всем «новым» направлениям экономической мысли:

1) обоснование темпов, оптимальных пропорций и отраслевой структуры народного хозяйства до 1970 г.;

2) разработка планового межотраслевого баланса. Разработка коэффициентов прямых затрат;

...

5) экономические расчеты темпов роста производительности труда в отраслях народного хозяйства на 1966–1970 гг. по важнейшим факторам [производства]⁵⁰;

...

7) определение экономической эффективности капитальных вложений на период до 1970 г.;

8) предложения по более эффективному использованию капитальных вложений в 1966–1970 гг.;

9) воспроизводство основных фондов СССР в 1966–1970 гг. и повышение эффективности их использования;

...

15) основные методические положения и предложения по системе показателей пятилетнего плана⁵¹.

Исполнителем по всем перечисленным пунктам стоял НИЭИ Госплана «совместно с экономическими институтами». Это означало государственное финансирование исследований в области ЭММ и практическое применение их результатов. Новая пятилетка должна была готовиться на методической базе, сформированной приверженцами новых направлений экономической мысли в дискуссиях начала 1960-х годов, а сами они получали и влияние на Госплан, и заказ на продолжение деятельности.

Это была убедительная победа. Но после отставки Хрущёва ее результаты стали подвергаться пересмотру.

В конце 1950-х годов при прямом участии Н.С. Хрущёва сформировался новый механизм участия экономистов АН СССР в работе плановых органов, который был использован энтузиастами экономико-математических методов для попытки утверждения альтернативных подходов к планированию. Рассмотрение процесса организационного

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 35. Л. 48.

⁴⁹ Там же. Л. 49–50.

⁵⁰ То есть начало применения аппарата производственных функций.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 35. Л. 71–92.

оформления новых направлений экономической мысли на двух примерах (расчеты эффективности капитальных вложений и использование ЭММ в целом) позволяет выделить схожие тактики сторонников этих программ, которые за несколько лет позволили им сформировать новые мощные течения в экономической науке:

1) демонстрация поддержки сверху путем включения нужных формулировок в программные партийные документы и/или речи вождей;

2) демонстрация поддержки снизу путем формирования коалиций. Для этого использовалась «интерпретативная гибкость», акценты при объяснении своей научной программы менялись, чтобы привлечь как можно более широкие слои (от сторонников централизации до сторонников децентрализации, от ученых-кибернетиков до руководителей предприятий);

3) использование административного ресурса Академии наук (создание многочисленных комиссий и советов, принимающих нужные резолюции, официальная поддержка со стороны Президиума академии);

4) широкая издательская и образовательная деятельность для привлечения молодежи в ряды сторонников новых подходов;

5) защита от попыток Госплана «встроиться» в новую повестку, критика плановиков как неспособных реализовать предложенные идеи.

Все эти тактики в полном соответствии с трактовкой М. Каллона работали на главную задачу: представление своей научной программы как способа решения проблем и политических лидеров (им обещалось повышение темпов роста, корректировка побочных эффектов совнархозной реформы без ее отмены), и пользователей компьютеров (объединение усилий для наращивания выпуска ЭВМ), и хозяйственников (повышение эффективности управления без увеличения прямого административного контроля, обеспечение большей операционной самостоятельности руководителям предприятий, ориентация на максимизацию прибыли). Активность академических экономистов принесла плоды: восьмая пятилетка должна была разрабатываться при их участии целиком на новой методической базе. Однако отставка Хрущёва и восстановление единого Госплана СССР привели к слову едва сложившегося институционального механизма участия академических экономистов в практической плановой работе.

Забегая вперед, можно отметить, что Госплан СССР во второй половине 1960-х годов стал использовать для борьбы за теоретическое лидерство в сфере планирования те же тактики, что и академические экономисты в первой половине 1960-х годов. Но этот «рванш» заслуживает отдельной статьи.

Библиография

- Бельх А.А.* История российских экономико-математических исследований: первые сто лет. М., 2007.
- Бирман И.А.* Я – экономист (о себе любимом). 2-е изд. М., 2001.
- Благих И.А.* Хозяйственные реформы Н.С. Хрущёва: волонтаризм или необходимость? // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Ч. 1. М., 1993. С. 190–214.
- Богатырь Н.В.* Современная технокультура сквозь призму отношений пользователей и технологий // Этнографическое обозрение. 2011. № 5. С. 30–39.
- Гладков И.А.* К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 106–142.
- Грегори П.Р.* Политическая экономия сталинизма. М., 2008.
- Джалилов Т.А., Пивоваров Н.Ю.* Москва и экономические реформы в ГДР и ЧССР в 1960-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 12 (98). Ч. 1. (дата обращения: 26.07.2022).
- Каллон М.* Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Брие // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. Т. 27. № 2 (117). С. 49–94.
- Канторович Л.В.* Показатели работы предприятий нуждаются в пересмотре: К 80-летию академика Л.В. Канторовича. Ч. I // Оптимизация: сб. трудов Института математики СО АН СССР. 1991. № 50 (67). С. 16–44.

Козырев А.Н. Три утопии и призрак коммунизма за круглым столом // URL: <https://medium.com/semi-ras/три-утопии-и-призрак-коммунизма-за-круглым-столом-1-eaf2adb3b6ac> (дата обращения: 08.06.2019).

Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. М., 2006.

Кутейников А.В. Академик В.М. Глушков и проект создания принципиально новой (автоматизированной) системы управления советской экономикой в 1963–1965 гг. // Экономическая история. Обзорение. 2011. № 15. С. 139–156.

Маркевич А.М. Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 118–140.

Мерцалов В.И. Происхождение и эволюция реформы управления промышленностью и строительством, 1957–1965 гг. Чита, 2015.

Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма // URL: http://www.libertarium.ru/1_libnaul_brezhnev (дата обращения: 25.10.2018).

Некрасов В.Л. Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущёва: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 71–91.

Немчинов В.С. О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. 2-е изд. М., 1965.

Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995.

Ольсевич Ю.Я., Грегори П.П. Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000.

Региональная политика Н.С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. Документы советской эпохи / ред. О.В. Хлевнюк. М., 2009.

Сафронов А.В. Мираж оптимальности: внедрение математических методов в экономику как ответ на проблемы реформы управления промышленностью 1957 года // Экономическая история. 2016. № 1 (32). С. 76–86.

Ставчиков А.И. 110 лет со дня рождения В.С. Немчинова — основоположника экономико-математических исследований в России // Экономическая наука современной России. 2004. № 2. С. 145–148

Фельдман М.А. «Прения должны быть гильотинированы»: съезды советов госпланов СССР и проблема выбора пути развития // Российская история. 2020. № 5. С. 108–123.

Экономисты и математики за круглым столом / ред. Ю. Давыдов, Л. Лопатников. М., 1965.

Экономическая эффективность капитальных вложений и новой техники / ред. Т.С. Хачатуров. М., 1959.

Яременко Ю.В. Экономические беседы. М., 1998.

Mathematics and computers in soviet economic planning: Yale Russian and East European Studies / ed. J.P. Hardt et al. New Haven; London, 1967.

References

Belykh A.A. Istoriia rossiiskikh ekonomiko-matematicheskikh issledovani: pervye sto let [History of Russian economics and mathematics research: the first hundred years]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Birman I.A. Ia — ekonomist (o sebe liubimom) [I am an economist (about my beloved self)]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Blagikh I.A. Khoziaistvennye reformy N.S. Khrushcheva: voliuntarizm ili neobkhodimost'? [Economic reforms of N.S. Khrushchev: voluntarism or necessity?] // Iz istorii ekonomicheskoi mysli i narodnogo khoziaistva Rossii [From the history of economic thought and the national economy of Russia]. Part 1. Moskva, 1993. S. 190–214. (In Russ.)

Bogatyr' N.V. Sovremennaia tekhnokul'tura skvoz' prizmu otnoshenii pol'zovatelei i tekhnologii [Contemporary technoculture through the prism of the relationship between users and technologies] // Etnograficheskoe Obozrenie [Ethnographic Review]. 2011. № 5. S. 30–39. (In Russ.)

Dzhalilov T.A., Pivovarov N.Iu. Moskva i ekonomicheskie reformy v GDR i ChSSR v 1960-e gg. [Moscow and Economic Reforms in East Germany and Czechoslovakia in the 1960s] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2020. T. 11. Iss. 12 (98). Part 1. URL: <https://history.jes.su/s207987840012980-7-1/> (access date: 14.12.2020). (In Russ.)

Экономическая эффективность капитальных вложений и новой техники [Economic efficiency of capital investments and new equipment] / ред. Т.С. Хачатуров. Moskva, 1959. (In Russ.)

Экономисты и математики за круглым столом [Economists and mathematicians at the round table] / ред. Iu. Davydov, L. Lopatnikov. Moskva, 1965. (In Russ.)

Fel'dman M.A. “Preniia dolzhny byt' gil'otinirovany”: s'ezdy sovetov gosplanov SSSR i problema vybora puti razvitiia [“The debate must be guillotined”: Soviet state planning congresses and the problem of choosing the path of development] // Rossiiskaia Istoriiia [Russian history]. 2020. № 5. S. 108–123 (In Russ.)

Gladkov I.A. K istorii pervogo piatiletnego narodnokhoziaistvennogo plana [On the history of the first five-year national economic plan] // Planovoe khoziaistvo [Planning Economy]. 1935. № 4. S. 106–142. (In Russ.)

Gregori P.R. Politicheskaia ekonomiiia stalinizma [The political economy of Stalinism]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Iaremenko Iu.V. Ekonomicheskie besedy [Economic talks]. Moskva, 1998. (In Russ.)

Kallon M. Nekotorye elementy sotsiologii perevoda: priruchenie morskiikh grebeshkov i rybolovov bukhty Sen-Brie [Some Elements of a Sociology of Translation; Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay] // Filosofsko-literaturnyi zhurnal “Logos” [Philosophical and Literary Journal “Logos”]. 2017. T. 27. № 2 (117). S. 49–94. (In Russ.)

Kantorovich L.V. Pokazateli raboty predpriatii nuzhdaiutsia v peresmotre: K 80-letiiu akademika L.V. Kantorovicha [The performance indicators of enterprises need to be revised: On the occasion of the 80th anniversary of Academician L.V. Kantorovich]. Part I // Optimizatsiia: sb. trudov Instituta matematiki SO AN SSSR [Optimization: collection of works of the Institute of Mathematics of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences]. 1991. № 50 (67). S. 16–44. (In Russ.)

Kordonskii S.G. Rynki vlasti: administrativnye rynki SSSR i Rossii [Markets of power: administrative markets of the USSR and Russia]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Kozyrev A.N. Tri utopii i prizrak kommunizma za kruglym stolom [Three utopias and the specter of communism at the round table] // URL: <https://medium.com/cemi-ras/tri-utopii-i-prizrak-kommunizma-za-kruglym-stolom-1-eaf2adb3b6ac> (access date: 08.06.2019). (In Russ.)

Kuteinikov A.V. Akademik V.M. Glushkov i proekt sozdaniia printsipial'no novoi (avtomatizirovannoi) sistemy upravleniia sovetskoii ekonomikoi v 1963–1965 gg. [Academician V.M. Glushkov and the project to create a fundamentally new (automated) system for managing the Soviet economy in 1963–1965] // Ekonomicheskaia istoriia. Obozrenie [Economic history. Review]. 2011. № 15. S. 139–156. (In Russ.)

Markevich A.M. Otrasleyve narkomaty i glavki v sisteme upravleniia sovetskoii ekonomikoi v 1930-e gg. [Industry people's commissariats and central boards in the management system of the Soviet economy in the 1930s.] // Ekonomicheskaia istoriia: Ezhegodnik [Economic History: Yearbook]. 2004. Moskva, 2004. S. 118–140. (In Russ.)

Mertsalov V.I. Proiskhozhdenie i evoliutsiia reformy upravleniia promyshlennost'iu i stroitel'stvom, 1957–1965 gg. [Origin and evolution of industrial and construction management reform, 1957–1965]. Chita, 2015. (In Russ.)

Naishul' V.A. Vysshiaia i posledniaia stadiia sotsializma [The highest and final stage of socialism] // URL: http://www.libertarium.ru/_libnau1_brezhnev (access date: 25.10.2018). (In Russ.)

Nekrasov V.L. Sovetskii ekonomicheskii reformizm epokhi N.S. Khrushcheva: avtoritarnyi reformator, partiino-gosudarstvennaia sistema i akademicheskoe soobshchestvo [Soviet Economic Reformism of the Khrushchev Era: The Authoritarian Reformer, the Party-State System, and the Academic Community] // Novyi istoricheskii vestnik [New Historical Bulletin]. 2017. № 4 (54). S. 71–91. (In Russ.)

Nemchinov V.S. O dal'neishem sovershenstvovanii planirovaniia i upravleniia narodnym khoziaistvom [On further improvement of planning and management of the national economy]. Moskva, 1965. (In Russ.)

Ol'sevich Iu.Ia., Gregori P.R. Planovaia sistema v retrospektive. Analiz i interv'iu s rukovoditeliiami planirovaniia SSSR [The planned system in retrospect. Analysis and interviews with USSR planning leaders]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Olson M. Logika kolektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriia grupp [The logic of collective action. Public Goods and the Theory of Groups]. Moskva, 1995. (In Russ.)

Regional'naia politika N.S. Khrushcheva. TsK KPSS i mestnye partiinye komitety. 1953–1964 gg. [Regional policy N.S. Khrushchev. CPSU Central Committee and local party committees. 1953–1964] / red. O.V. Khlevniuk. Moskva, 2009. (In Russ.)

Safronov A.V. Mirazh optimal'nosti: vnedrenie matematicheskikh metodov v ekonomiku kak otvet na problemy reformy upravleniia promyshlennost'iu 1957 goda [The optimality mirage. Implementation of mathematical methods in economics as a response to problems Caused by the Reform of the Management of Industry in 1957] // Ekonomicheskaia Istoriiia [Economic history]. 2016. № 1 (32). S. 76–86. (In Russ.)

Stavchikov A.I. 110 let so dnia rozhdeniia V.S. Nemchinova – osnovopolozhnika ekonomiko-matematicheskikh issledovanii v Rossii [110th anniversary of the birth of V.S. Nemchinov – the founder of economic and mathematical research in Russia] // Ekonomicheskaia nauka sovremennoi Rossii [Economic Science of Contemporary Russia]. 2004. № 2. (In Russ.) S. 145–148.

Mathematics and computers in soviet economic planning: Yale Russian and East European Studies / ed. J.P. Hardt at al. New Haven; London, 1967.

© 2024 г. Л. ТАЛТАНГОВ

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В АЛЖИРЕ В 1965 году

Талтангов Левент – аспирант Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия).

E-mail: lenta47@list.ru

ORCID: 0000-0002-8653-8295; Researcher ID: JOZ-3207-2023; Author ID: 1220167

Аннотация. На волне антивоенного студенческого движения в 1965 г. было решено провести очередной IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Алжире. После продолжительной гражданской войны против французского колониального правительства государство в 1962 г. получило независимость, избрав «некапиталистический путь развития». Из-за произошедшего военного переворота фестиваль пришлось отменить. История несостоявшегося фестиваля не нашла отражения в исторических исследованиях. Однако события, происходившие вокруг этого фестиваля, заслуживают внимания, поскольку они оказали влияние на молодежное движение как в Советском Союзе, так и во всем мире. В статье анализируются события, сопровождавшие подготовку фестиваля. Идеологические разногласий между КПСС и Компартией Китая, служившие фоном этих событий, оказали решающее влияние на интернациональные связи ВЛКСМ с молодежными организациями других стран. Излишняя опека со стороны Советского Союза не позволила международным и студенческим организациям согласовать условия проведения фестиваля в Алжире в 1965 г. На основе архивных документов и рассекреченных материалов ЦРУ автор приходит к выводу, что к середине 1960-х годов влияние СССР в мире ослабло. Советская внешняя политика больше не соответствовала ферментирующей «мировой революции... маленьких, бедных людей во всем мире», по словам госсекретаря Дж. Маршалла. Теперь появлялись новые левые центры, часто противоречащие друг другу, и авторитета СССР больше не хватало.

Ключевые слова: Алжир, Коммунистическая партия Советского Союза, Коммунистическая партия Китая, молодежное движение, молодежь, СССР, внешняя политика, А. Бен Белла, Всемирные фестивали молодежи и студентов, Н.С. Хрущев, студенческое движение.

L. Taltangov

The Failed World Festival of Youth and Students in Algiers in 1965

Levent Taltangov, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia).

E-mail: lenta47@list.ru

ORCID: 0000-0002-8653-8295; Researcher ID: JOZ-3207-2023; Author ID: 1220167

Abstract. In the wake of the anti-war student movement, it was decided to hold the next IX World Festival of Youth and Students in 1965 in Algeria. After a long civil war against French colonial rule, the state gained independence in 1962, choosing a “non-capitalist path of development”. Due to the military coup that took place, the festival had to be canceled. The history of the failed festival has not been reflected in historical research. However, the events that took place around this festival deserve attention, since they influenced the youth movement both in the Soviet Union and around the world. The article analyzes the events that accompanied the preparation of the

festival. Ideological differences between the CPSU and the Communist Party of China, which served as the background of these events, had a decisive impact on the international relations of the Komsomol with youth organizations of other countries. Excessive guardianship on the part of the Soviet Union did not allow international and student organizations to agree on the terms of the festival in Algeria in 1965. Based on archival documents and declassified CIA materials, the author comes to the conclusion that by the mid-1960s the influence of the USSR in the world had weakened. Soviet foreign policy was no longer in line with the fermenting “world revolution... of small, poor people all over the world,” as Secretary of State John Marshall put it. New leftist centers were now emerging, often at odds with each other, and the USSR’s authority was no longer sufficient.

Keywords: Algeria, Communist Party of the Soviet Union, Communist Party of China, youth movement, youth, USSR, foreign policy, Ahmed Ben Bella, World Festivals of Youth and Students, Nikita Khrushchev, student movement.

Молодежное движение в 1960-е годы стало активно демонстрировать свое несогласие с устоями капиталистического общества. Идеи и ценности, предлагаемые социалистическим лагерем, также не рассматривались им в качестве привлекательной альтернативы. К событиям, характеризующим кризис молодежного движения и истоки студенческого протеста 1960-х годов, относится и несостоявшийся IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1965 г., который должен был пройти в Алжире.

Об истории Всемирных фестивалей молодежи и студентов писали российские авторы О.Г. Герасимова, Л.А. Можаяева, Н.Ф. Басов¹. Как один из аспектов международной деятельности ВЛКСМ фестивали упомянуты в дискуссии на круглом столе «Роль Ленинского комсомола в Великой Отечественной войне»². Наиболее полно изучен Московский фестиваль 1957 г., к другим фестивалям интерес значительно ниже. Следует отметить также работы Л. Йанлика о влиянии западных спецслужб на фестивальное движение³. Так, например, трудности фестивального движения 1965–1968 гг., прежде всего отмена молодежного форума в Алжире в 1965 г. и ряд инцидентов Софийского фестиваля 1968 г., не привлекали внимание ни отечественных, ни зарубежных исследователей.

Франция всегда рассматривала Алжир как неотъемлемую часть государства. Борьба за независимость африканских народов представляла угрозу будущему колониальной Франции. Ж. Лэ Брюн Кери (Народно-республиканское движение) заявил на съезде партии в 1956 г.: «Алжир представляет собой одну четвертую французской нации, и если позволить ему стать независимым, Советский Союз проглотит этот кусок»⁴. Опасения были не безосновательными. Заявления Н.С. Хрущева, сделанные 6 января 1961 г. на собрании партийных организаций Высшей партийной школы, Академии общественных наук и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, что борьба против французских колонизаторов является «священной войной», что «помогаем и будем помогать народам, борющимся за свою свободу», свидетельствовали о готовности СССР всесторонне поддерживать

¹ Герасимова О.Г. К вопросу об участии Московского университета в подготовке и проведении Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 г. // Вестник Московского университета. 2005. № 1. С. 35–64; Можаяева Л.А. Всемирные фестивали молодежи и студентов: из опыта общественной дипломатии // Новый исторический вестник. 2016. Т. 48. № 2. С. 132–145; Басов Н.Ф. Всемирные фестивали демократической молодежи: история и современность // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика, психология, социокINETика. 2017. Т. 23. № 1. С. 200–205.

² Роль Ленинского комсомола в Великой Отечественной войне (по материалам «круглого стола» фракции КПРФ в Государственной Думе) / под ред. Я.И. Листова. М., 2017.

³ Йанлик Л. «Только медленное воздействие может отвратить от коммунизма...» Работа ЦРУ с советской молодежью // Военно-исторический журнал. 2021. № 4. С. 52–57; *Его же*. «В толпе провокаторов многие говорили с вашингтонским или боннским акцентом». Западные спецслужбы против фестивального движения молодежи в Вене (1959) и Хельсинки (1962) // Военно-исторический журнал. 2023. № 10. С. 80–87.

⁴ Irving R.E.M. Christian Democracy in France. London, 2010. P. 157.

алжирский народ в его противостоянии метрополии⁵. После окончания войны в Алжире в 1962 г. Франции было небезразлично политическое самоопределение нового независимого государства.

Для Советского Союза «некапиталистический путь» был приемлемой альтернативой социалистическому. Эта политика позволяла советскому руководству расширять влияние на народы, завоевавшие свою независимость или стремящиеся к независимости от колониальных держав: «путь от национального освобождения к социальному». Гибкость советской политики соответствовала новым политическим реалиям в мире, где, по словам госсекретаря США Дж. Маршалла, ферментируется «мировая революция». Знаменитый американский генерал, архитектор «плана Маршалла» признавал существенные трансформации, происходившие в мире: «Мы находимся в эпицентре мировой революции, я не имею в виду коммунизм. Революция, о которой я говорю, — это революция маленьких бедных людей во всем мире. Они начинают узнавать, как устроена жизнь, и понимать, чего их лишили»⁶.

Внешняя политика Советского Союза строилась на принципах интернационализма⁷, имевшего разные аспекты, в частности, на стороне Армии национального освобождения в период войны за независимость Алжира приняло участие 337 советских военных советников и специалистов⁸. Причем многие из них отдали свои жизни, выполняя интернациональный долг⁹. С октября 1962 г., когда первая группа советских специалистов прибыла в освобожденную страну, в катастрофах, от ран и болезней умерли 25 советских граждан¹⁰.

ВЛКСМ активно участвовал в интернациональной помощи Алжиру. Молодежь Советского Союза помогала собирать средства на приобретение канцелярских товаров, пишущих машинок, магнитофонов, фотоаппаратов, одеял, радиоприемников, телевизоров, рентгеновских аппаратов, медикаментов¹¹. Секретарь ЦК ВЛКСМ М.И. Журавлева в выступлении на VII конгрессе Международного союза студентов призвала молодежь принять участие в восстановлении разрушенного оасовцами¹² университета Алжира, заявив, что «Студенческий совет СССР готов оказать помощь в оборудовании физической лаборатории и в восстановлении научной библиотеки университета»¹³. Не без помощи молодежных организаций СССР были созданы Национальный институт нефти, газа и химии в Бумердесе, Национальный институт легкой промышленности, Горно-металлургический институт в Аннабе, Национальный гидромелиоративный институт в Блиде, четыре средних профессиональных заведения. К 1964 г. в этих вузах Алжира обучалось более 5 тыс. студентов¹⁴. В Советском Союзе алжирская молодежь обучалась во многих вузах, включая МГУ¹⁵. Всего в СССР за 1956–1978 гг. было подготовлено свыше 800 граждан Алжира¹⁶.

Международные мероприятия с участием представителей молодежи Алжира должны были продемонстрировать антиимпериалистическую солидарность молодежи всего мира

⁵ Окорочков А. Секретные войны Советского Союза. М., 2008. С. 20.

⁶ Shriver S. Point of the Lance. New York, 1964. P. 8–9.

⁷ КПСС поддерживала связи с Фронтом ПОЛИСАРИО, это национально-освободительное движение воевало за независимость Западной Сахары против Марокко и Мавритании, но это не препятствовало установлению хороших отношений СССР с правительством Марокко. См.: Zoubir Y. Soviet Policy toward the Western Sahara Conflict // Africa Today. 1987. Vol. 34. № 3. P. 17–32.

⁸ Окорочков А. Указ. соч. С. 22. См. также: Кабошкин В.Ф., Щириковский Ю.В. От национального освобождения к социальному // Коммунист. 1963. № 16. С. 119.

⁹ Правофланговые комсомола М., 1982. С. 579–583; Россия (СССР) в войнах второй половины XX века М., 2002. С. 399.

¹⁰ Кривошеев Г.Ф., Андроников В.М., Буриков П.Д. и др. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 557.

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 1с. Оп. 1с. Д. 40с.

¹² Organisation de l'armée secrète (Секретная вооруженная организация) — французская ультраправая подпольная националистическая террористическая организация.

¹³ Журавлева М.И. Руку — друзьям молодым // Комсомольская правда. 25.VIII.1962.

¹⁴ Богучарский Е.М. СССР и Алжир. 60-е — 70-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 56.

¹⁵ Посланцы Алжира—гости МГУ // Правда. 28.XII.1963.

¹⁶ Богучарский Е.М. Указ. соч.

с этой страной. Первым таким событием стал Международный молодежный семинар, состоявшийся 25–29 апреля 1963 г. в ознаменование Международного дня солидарности молодежи против колониализма, за мирное сосуществование. Советскую делегацию на нем возглавил секретарь ЦК ВЛКСМ А.Х. Везиров. В отличие от ассамблей или конгрессов Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ) и Международного союза студентов (МСС) он собрал представителей лишь 80 молодежных организаций из 58 стран, однако стал важнейшей вехой африканского антиколониального движения. Выступая на нем, руководитель Молодежного сектора Фронта национального освобождения Алжира Абдаллах Фадель сформулировал главное направление развития страны – политика неприсоединения, но без «бесцветного нейтрализма», с активной поддержкой «всего переделового», и прежде всего «объединение всех здоровых сил молодежи всего мира в борьбе против колониального господства, против неоколониализма, за освобождение народов, находящихся под колониальным игом»¹⁷. Заявление Фаделя было поддержано лидером алжирской революции А. Бен Беллой, а провозглашение активного «неприсоединения» вместо «бесцветного нейтрализма» соответствовало ожиданиям СССР.

В ответ на просьбу Молодежного сектора Фронта национального освобождения Алжира¹⁸ летом 1964 г. в страну прибыло 100 студентов из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, а также строители и молодые специалисты для организации нового сельского кооператива «Уаднас». В ответ 100 детей бойцов алжирской армии, погибших в боях с французскими силами, были приняты пионерскими лагерями Советского Союза: «Артек», «Ростсельмаш», «Смелые и отважные», где они пробыли 50 дней¹⁹. По оценке первого секретаря ЦК ВЛКСМ С.П. Павлова, это и был интернационализм в действии²⁰.

Второй студенческий стройотряд, отправленный в 1964 г. в Алжир для завершения строительства сельскохозяйственного кооператива, насчитывал 130 человек. Среди них было 118 студентов старших курсов инженерно-строительных вузов и 12 специалистов²¹ из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Ростова-на-Дону и Томска. После завершения работ они должны были стать первыми делегатами Советского Союза на запланированном в Алжире на 28 июля – 7 августа 1965 г. IX Всемирном фестивале молодежи и студентов²².

Дело «Информация о работе группы студентов и специалистов на строительстве деревни в Большой Кабилии. Алжир. 1 июня – 31 августа 1965 г.» из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) содержит отчеты о деятельности комсомольцев в этом поселении. Совместно с местными жителями были построены две школы, кинотеатр, детский бассейн и другие объекты. Был создан полевой госпиталь, где работал советский врач, принимавший до 100 пациентов ежедневно. В стране были открыты курсы русского языка, велась работа над созданием сети профессионального образования. Согласно заявлению В. Шкварко, руководителя группы советских студентов и специалистов на строительстве деревни в Большой Кабилии, возводимые объекты должны были быть сданы к началу фестиваля²³. За трудовой вклад

¹⁷ Молодежь против колониализма // Правда. 25.IV.1963.

¹⁸ В Алжир, к друзьям! // Правда. 28.VI.1964.

¹⁹ Алжирские дети в Советском Союзе // Правда. 9.VIII.1964.

²⁰ Павлов С.П. Здравствуй, юность планеты // Правда. 9.IX.1964.

²¹ Сообщение секретаря ЦК ВЛКСМ М.И. Журавлева, 3 июля 1965 г. // РГАСПИ. Ф. 1с. Оп. 1с. Д. 418с. Л. 6.

«В соответствии с решением ЦК КПСС и Совета министров СССР с июля по декабрь месяц 1964 г. в Алжирской Народно-демократической Республике находилась группа студентов и специалистов в количестве 112 чел., которая принимала участие в строительстве новой деревни в Большой Кабилии для жителей, пострадавших от французских колонизаторов в период освободительной войны 1954–1962 гг.». По просьбе алжирских властей, в страну были направлены «строительные инструменты, 4 грузовых автомашины, 5 тракторов, передвижная электростанция, компрессор, бетономешалка, 1500 куб. метров строительного леса и другие материалы». (Сообщение секретаря ЦК ВЛКСМ Б.Н. Пастухова. РГАСПИ. Ф. 1с. Оп. 1с. Д. 369с. Л. 31).

²² Новый отряд энтузиастов // Правда. 22.IV.1965.

²³ РГАСПИ. Ф. 1с. Оп. 1с. Д. 418с. Л. 1–4.

в развитие инфраструктуры Алжира девять советских студентов и специалистов были награждены государственными и правительственными наградами²⁴.

Из рассекреченных документов ЦРУ следует, что в июле 1964 г. в Алжире работало также около 100 человек из Болгарии, Чехословакии, ГДР. Позже к ним присоединились 20 человек из Югославии, члены молодежных организаций из Франции, Мали, Марокко, что закладывало основу широкого антиколониального фронта. Этот левый десант был назван ЦРУ «коммунистическим предприятием, подобным Корпусу мира США»²⁵.

В начале 1965 г. все члены организации ВФДМ приступили к подготовке фестиваля. По словам П.Н. Решетова, председателя Комитета молодежных организаций (КМО) СССР, «более 800 международных и национальных молодежных организаций из 122 стран мира намерены послать делегатов в Алжир». Советская делегация должна была состоять из 750 человек, из которых 130 находилось уже в Алжире²⁶.

Советское правительство уделяло большое значение проведению фестиваля в Алжире. Решением Совета министров СССР № 56 от 14 января 1965 г. ЦК ВЛКСМ было поручено создать специальный фонд помощи IX Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Алжире. Для сбора средств министерствам культуры союзных республик и Центральному совету Союза спортивных обществ и организаций СССР разрешалось предоставлять райкомам, горкомам, обкомам комсомола для проведения платных концертов и выступлений помещения дворцов и домов культуры, клубов, стадионов и других спортивных сооружений без арендной платы. Так, постановление Бюро Ростовского обкома ВЛКСМ обязало комсомольские организации проводить платные концерты и выступления силами молодежных коллективов с целью привлечения средств в фонд помощи фестивалю²⁷.

Президент Алжира А. Бен Белла, будучи также председателем Национального подготовительного комитета фестиваля, приветствовал решение ВФДМ о проведении фестиваля: «Вы вступите на землю страны, сполна заплатившей за свободу. Вы вступите на землю той страны, которая в ходе своей борьбы усвоила законы солидарности»²⁸.

Запланированный фестиваль в Алжире вызывал обеспокоенность западных держав не только в силу того, что способствовал укреплению советского влияния на континенте, но и потому, что сам Алжир рассматривался в качестве движущей силы антиколониальной борьбы в африканском и арабском мире. В одном из аналитических документов ЦРУ говорилось: «Бен Белла, который возглавляет Алжирский национальный подготовительный комитет, по-видимому, намерен придать Всемирному фестивалю молодежи и студентов panaфриканский, panарабский колорит»²⁹.

Но 19 июня 1965 г. А. Бен Белла был свергнут со своего поста в результате военного переворота во главе с министром обороны Х. Бумедьеном³⁰. Событие оказалось полной неожиданностью для советского руководства. Еще 30 апреля 1964 г. Президиум Верховного Совета СССР с подачи Хрущева присвоил Бен Белле звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» «за выдающиеся заслуги в организации борьбы за свободу и национальную независимость героического алжирского народа, внесшего свой достойный вклад в великое дело борьбы народов мира против колониализма, и отмечая его большую роль в установлении и развитии братской советско-алжирской дружбы»³¹. Не исключено, что это награждение было внешнеполи-

²⁴ Там же. Д. 369с. Л. 33.

²⁵ Intelligence Brief. A Communist "Peace Corps"? May 1965. P. 3–4 // URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp79t01003a002300070001-8> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁶ Навстречу фестивалю молодежи // Правда. 2.VI.1965.

²⁷ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 173. Оп. 13. Д. 7. Л. 58–59.

²⁸ Эстафета фестивалей // Правда. 3.VI.1965.

²⁹ Bi-Weekly Propaganda Guidance, April 12, 1965. P. 40 // URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78-03061a000300030001-6> (дата обращения: 06.05.2020).

³⁰ Британский историк Дж. Бэйр в диссертационной работе подробно исследует события вокруг госпереворота и приводит доказательства того, что «не только алжирцы были удивлены неожиданным поворотом событий, но и международное сообщество». (Barei G. Britain and Algeria, 1945–1965: PhD diss. University of London, School of Oriental and African Studies, 2003. P. 169).

³¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза товарищу Ахмеду Бен Белле // Правда. 2.V.1964.

тической ошибкой, всколыхнувшей национальную элиту страны. Как отмечает А. Гумбарджи, с госпереворотом «на смену “идеологии” Бен Беллы пришла концепция “нации” Бумедьена»³². В отчете ЦРУ отмечалось, что Бен Белла стремился продемонстрировать независимый курс своей страны, а также всех стран, борющихся против колониального ига, не только от Запада, но и от Москвы и Пекина³³.

Спустя четыре дня, 23 июня 1964 г., представитель КМО СССР в Бюро ВФДМ сообщил из Будапешта: «Если сообщение радио, газет и телеграфных агентств о положении в Алжире после государственного переворота соответствует действительности... фестиваль в Алжире состояться не может». В тот же день С.П. Павлов подтвердил, что возможности провести молодежный форум в Алжире нет³⁴.

Но официальное решение об отмене фестиваля было принято через месяц. Дело в том, что Международный подготовительный комитет (МПК) и советские власти вели переговоры с новыми властями страны о сохранении планов в отношении проведения фестиваля, завершившиеся безрезультатно. 11 июля 1965 г. «Правда» сообщила: МПК, «заседавший в Тампере 8–10 июля, учитывая невозможность созыва в настоящее время фестиваля в Алжире в намеченные ранее сроки, решил созвать фестиваль молодежи и студентов в 1966 году. Комитет постановил собраться до конца 1965 года с тем, чтобы выбрать место и дату фестиваля»³⁵.

Архивные материалы РГАСПИ и рассекреченные документы ЦРУ раскрывают картину событий. В отчете ЦРУ за январь 1965 г. отмечается, что подготовка фестиваля проходит на фоне борьбы между КНР и СССР за влияние на молодежное фестивальное движение³⁶. Что Национальный подготовительный комитет Алжира стремился микшировать это противостояние и для этой цели пытался привлечь к участию в фестивале и некоммунистические молодежные союзы, в том числе Всемирную университетскую службу, Координационный секретариат Международного студенческого конгресса, Всемирную ассамблею молодежи, Международный союз социалистической молодежи и даже ЮНЕСКО.

В отчете от 24 мая 1965 г. аналитик ЦРУ подытожил споры между китайскими и советскими представителями в МПК, подчеркнув, что на прошедших встречах молодежных делегаций китайцы жестко критиковали и ВФДМ, называя ее подразделения «инструментом советской внешней политики», преследующей империалистические цели.

Публичный конфликт произошел на совещании исполкома ВФДМ в городе Аккра (15–21 апреля 1965 г.). Китайская делегация обвиняла советскую делегацию в том, что СССР занимается «умиротворением США» во Вьетнаме, в ответ советская делегация поставила в вину Китаю его противодействие поставкам советского оружия в Северный Вьетнам. Представителя Китая поддержали делегации стран – союзниц Китая – КНДР, Индонезии, Японии, Демократической Республики Вьетнам и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Но большинство африканских делегаций встали на сторону советских представителей, кроме конголезской и Федерации студентов из Черной Африки во Франции. Однако, как отмечает аналитик ЦРУ, не исключено, что на эту широкую поддержку китайской делегации оказало влияние сообщение мировых СМИ о подавлении советскими силовыми службами студенческой манифестации в Москве в апреле этого года³⁷. В действительности это был митинг литературной группы молодежи с требованием творческих свобод.

Материалы советских архивов доказывают, что оценки ЦРУ справедливы. Конфликт вокруг фестиваля начал разворачиваться раньше. 4 января 1965 г. С.П. Павлов сообщил, что «некоторые известные силы» пытались «сузить характер фестиваля... сделать его “левацким” или каким-то образом спекулировать новой формулировкой». Примечательно,

³² *Humbaraci A. Algeria: A Revolution That Failed. London, 1966. P. 247.*

³³ *Bi-Weekly Propaganda Guidance, April 12, 1965.*

³⁴ РГАСПИ. Ф. 1с. Оп. 1с. Д. 436с. 228, 231.

³⁵ *Фестиваль отложен // Правда. 7.XI.1965.*

³⁶ *Bi-Weekly Propaganda Guidance, February 1, 1965. P. 13 // URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78-03061a000300020002-6> (дата обращения: 06.05.2020).*

³⁷ *Bi-Weekly Propaganda Guidance, May 24, 1965. P. 3–4 // URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78-03061a000300030004-3> (дата обращения: 06.05.2020).*

что и алжирские представители были против изменения официального лозунга «За солидарность, мир и дружбу!» на предложенный китайцами «За мир, дружбу и антиимпериалистическую солидарность!». Китайские представители также предложили «открыть фестиваль 26 июля манифестацией солидарности с Кубой и всей Латинской Америкой, посвятить День Алжира пропаганде “опыта революционной вооруженной борьбы алжирского народа”, а весь фестиваль посвятить “смотру революционных и антиимпериалистических сил”, имея в виду молодежь Африки, Азии и Латинской Америки, которая “составляет подавляющее большинство молодежи всей земли”». Последнее предложение являлось попыткой вывести молодежь социалистических стран за пределы таких международных форумов. Павлов подчеркнул, что от предложений отказались делегации Алжира, Судана и ВФДМ. В итоге китайская делегация не приняла участие в голосовании, заявила, что МПК, отвергая все китайские предложения, играет на руку силам, пытающимся, используя фестиваль, навязать свою генеральную линию мирного сосуществования и разоружения, «отвлечь народы и молодежь от борьбы против империализма»³⁸.

Напряженность обострялась. В мае 1965 г. в отчете ЦК ВЛКСМ говорилось, что китайские представители, «вероятно, хотят противопоставить свою, более “боевую” линию, такому “не-антиимпериалистическому” мероприятию, как День девушек». Докладчики ЦК ВЛКСМ Ю.Н. Бухарков и А.С. Дзасохов утверждали, что китайцы заявили об участии в фестивале с их стороны всего 120 человек. На самом же деле численность их делегации будет гораздо больше, поскольку в Алжире уже находится около 100 китайских студентов, некоторые из них говорят по-французски и даже по-арабски. Кроме того, китайское посольство «навверняка активно подключит своих людей, что также усилит делегацию... Китайцы стремятся сейчас обеспечить участие в фестивале своих сотрудников из других стран», в том числе из Индонезии, Японии, Вьетнама, Лаоса, Албании, а также прокитайские союзы из Бельгии и Португалии. Поддержали Китай и Союз трудящейся молодежи Албании, и Союз демократической молодежи Японии, обвинив «современных ревизионистов» в попытках «свернуть фестиваль на ложный путь»³⁹.

МПК 24 июня 1965 г. принял решение об отмене фестиваля в Алжире, не проведя консультации с национальным подготовительным комитетом. По сведениям ЦРУ, Молодежный сектор Фронта национального освобождения Алжира воспринял это как вероломство и посягательство на его полномочия, заявив: «В то время как молодежь Алжира готовится встретиться с молодежью всего мира, МПК принял 25 июня печальное одностороннее решение покинуть Алжир, остановив тем самым работу, порученную ему Генеральной Ассамблеей». Всекитайская федерация молодежи не преминула присоединиться к осуждению МПК, заявив 2 июля, что резолюция МПК принята в результате «советской манипуляции». В ее заявлении говорилось, что «советские делегаты, меняя место фестиваля на Европу, пытаются подорвать дружбу между африканской молодежью и молодежью других стран, стремятся расколоть единство движения»⁴⁰. 5 июля 1965 г. китайский представитель Ху Шучи на заседании МСС подчеркнул, что «некоторые люди... предали дело антиимпериалистической борьбы, пытаются вбить клин между Китаем, афро-азиатскими и латиноамериканскими странами и тем самым подрывают солидарность трех континентов»⁴¹. Маоистская молодежная организация Индонезии предложила, чтобы фестиваль был проведен в одной из стран Азии или Африки⁴². Японская делегация поддержала предложение. Китайская позиция получила международную поддержку.

Формально претензии к МПК были справедливы, так как решение должно было быть согласовано с Алжирским национальным подготовительным комитетом. Этого требовали все традиции международного сотрудничества. Впрочем, ближайшие события показали, что это была бы чистая формальность. В рапорте от 2 августа 1965 г. аналитик ЦРУ информировал

³⁸ РГАСПИ. Ф. 1с. Оп. 1с. Д. 369с. Л. 1–2.

³⁹ Там же. Д. 436с. Л. 210–213.

⁴⁰ World Communist Affairs, August 2, 1965. P. 15 // URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78-03061a000300040003-3> (дата обращения: 04.05.2020).

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 1с. Оп. 1с. Д. 436с. Л. 236.

⁴² Там же. Л. 16.

американскую администрацию об аресте алжирских членов МПК и о том, что члены комитета, подданные других стран, «в основном восточноевропейских», уже покинули страну.

МПК предпринял шаги по организации следующего фестиваля в одной из африканских или азиатских стран, но они не увенчались успехом, что свидетельствовало о серьезном ослаблении позиции советских организаций на мировой арене к середине 1960-х годов. IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов состоялся спустя три года в Софии. В дни его работы постоянно вспыхивали конфликты между делегациями разных стран. Софийский фестиваль стал свидетельством раскола международного левого движения.

После завоевания Алжиром независимости советская молодежь, отвечая на призывы руководства КПСС, оказывала бескорыстно и с колоссальным энтузиазмом широкую помощь североафриканской стране в национальном строительстве по многим ключевым направлениям. Эта практическая помощь помогла и укреплению «духа интернационализма» советской молодежи. Фестиваль был призван сплотить молодежь разных стран. Однако излишняя советская опека действий МПК отпугнула независимые юношеские и студенческие организации. Этим воспользовалось руководство Китая, выступив в роли соперника за влияние в международном левом движении, особенно в странах третьего мира.

Библиография

- Богучарский Е.М.* СССР и Алжир. 60-е – 70-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 51–64.
- Журавлева М.И.* Руку – друзьям молодым // Комсомольская правда. 25.VIII.1962.
- Кабошкин В.Ф., Шчировский Ю.В.* От национального освобождения к социальному // Коммунист. 1963. № 16. С. 110–120.
- Кривошеев Г.Ф., Андроников В.М., Буриков П.Д. и др.* Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010.
- Окорок А.* Секретные войны Советского Союза. М., 2008.
- Павлов С.П.* Здравствуй, юность планеты // Правда. 9.IX.1964.
- Barei G.* Britain and Algeria, 1945–1965: PhD diss. University of London, School of Oriental and African Studies, 2003.
- Humbaraci A.* Algeria: A Revolution that failed. London, 1966.
- Irving R.E.M.* Christian Democracy in France. London, 2010.
- Shriver S.* Point of the Lance. New York, 1964.
- Zoubir Y.* Soviet Policy toward the Western Sahara Conflict // Africa Today. 1987. Vol. 34. № 3. P. 17–32.

References

- Bogucharskii E.M.* SSSR i Alzhir. 60-e – 70-e gody XX veka [USSR and Algeria. 60s – 70s of the 20th century] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2008. № 3. S. 51–64. (In Russ.)
- Kaboshkin V.F., Shchirovskiy Yu.V.* Ot natsional'nogo osvobodzheniia k sotsial'nomu [From national liberation to social liberation] // Kommunist [Communist]. 1963. № 16. S. 110–120. (In Russ.)
- Krivosheev G.F., Andronikov V.M., Burikov P.D. et al.* Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Kniga poter' [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. Book of Losses']. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Okorokov A.* Sekretnyye voyny Sovetskogo Soyuz [Secret wars of the Soviet Union]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Pavlov S.P.* Zdravstvui, iunost' planety [Hello, youth of the planet] // Pravda. 16.IX.1964. (In Russ.)
- Zhuravleva M.I.* Ruku – druz'iam molodym [A hand to young friends] // Komsomol'skaia pravda [Komsomolskaya Pravda]. 9.IX.1964. (In Russ.)
- Barei G.* Britain and Algeria, 1945–1965: PhD diss. University of London, School of Oriental and African Studies, 2003.
- Humbaraci A.* Algeria: A Revolution that failed. London, 1966.
- Irving R.E.M.* Christian Democracy in France. London, 2010.
- Shriver S.* Point of the Lance. New York, 1964.
- Zoubir Y.* Soviet Policy toward the Western Sahara Conflict // Africa Today. 1987. Vol. 34. № 3. P. 17–32.

DOI: 10.31857/S0130386424010107

© 2024 г. А.Ю. ОКУНЕВ

РЕЖИМ ОМАРА ТОРРИХОСА В ПАНАМЕ В 1968–1981 годах И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Окунев Андрей Юрьевич – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва, Россия).

E-mail: andyperch@mail.ru

ORCID: 0009-0007-3376-5033; Researcher ID: JPL-5808-2023

Аннотация. В исследованиях военных режимов Латинской Америки, как правило, вопросы истории политических систем государств региона и региональной экономической интеграции рассматриваются отдельно. Лишь изредка указывается на негативное воздействие протекционистской политики военных на интеграционные процессы. Новизна статьи состоит в изучении места Панамы в процессе региональной экономической интеграции, а также, в связи с отсутствием работ по этой теме в российской историографии, ее целью является анализ влияния политических институтов, созданных военным режимом Омара Торрихоса, на экономическую интеграцию латиноамериканского региона. Для этого необходимо рассмотреть существовавшие в регионе интеграционные объединения с точки зрения достигнутых ими результатов и определить степень прямого или косвенного влияния на эти процессы экономических реформ, осуществленных в Панаме в указанный период, а также ее внешней политики. Актуальность данной темы обусловлена большим значением латиноамериканского региона в мировой экономике, при этом интересом, который возникает к нему у многих исследователей в связи с полученным опытом экономической интеграции развивающихся государств и перехода от авторитаризма к демократии на предмет того, какие были достигнуты результаты и применима ли эта модель к другим регионам. В работе применяются контент-анализ, статистический анализ, историко-генетический и историко-сравнительный методы на основе данных статистики ООН, международных индексов, нормативно-правовых актов и международных договоров. По мнению автора, мероприятия режима Торрихоса в Панаме повлияли на интеграционные процессы скорее положительно, что не является типичным следствием военного правления, отмечаемым в исследовательских работах о латиноамериканских военных режимах.

Ключевые слова: Панама, страны Латинской Америки, экономическая интеграция Латинской Америки, Омар Торрихос.

A.Y. Okunev

Omar Torrijos Regime in Panama 1968–1981 and the Economic Integration of Latin America

Andrei Okunev, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: andyperch@mail.ru

ORCID: 0009-0007-3376-5033; Researcher ID: JPL-5808-2023

Abstract. Studies of military regimes in Latin America usually examine the history of local political systems and regional economic integration separately, occasionally pointing to the negative impact of military protectionism on integration processes. The novelty of the article lies in the study of Panama's place in the process of regional economic integration, and due to the lack of works on this topic in the Russian historiography, its aim is to analyse the impact of the political institutions created by the military regime of Omar Torrijos on the economic integration of the Latin American region. In order to do so, it is necessary to examine the integration associations that existed in the region from the point of view of the results they achieved and to determine the extent to which these processes were directly or indirectly influenced by the economic reforms implemented in Panama during this period, as well as by its foreign policy. The topic's relevance is due to the great importance of the region in the world economy, as well as the interest of many researchers in gained experience in the economic integration of developing countries and the transition from authoritarianism to democracy regarding the results achieved and whether it is applicable to other regions. The work uses content analysis, statistical analysis, synthesis, induction, deduction, discourse analysis, historical genetic and historical comparative methods based on UN statistics, international indices, regulations and international treaties. According to the author Omar Torrijos regime actions in Panama influenced the integration processes rather positively, which is not a typical consequence of military rule noted in researches on local military regimes.

Keywords: Panama, Latin American countries, economic integration of Latin America, Omar Torrijos.

Военные режимы зачастую оказывают деструктивное влияние на региональные интеграционные процессы, предполагающие открытый рынок, поскольку для военных характерен националистический подход в том числе в экономической сфере. Тем не менее рубеж 1960–1970-х годов ознаменовался периодом, когда в Латинской Америке произошло несколько военных переворотов, отличавшихся от прежних. Речь идет о Панаме, Перу, Боливии и Эквадоре, где военные, придя к власти, начали проводить масштабные социальные реформы, в частности аграрную, а также национализацию предприятий. Какова была их политика в сфере региональной интеграции рассмотрим на примере одного из таких режимов, а именно – Омара Торрихоса в Панаме (1968–1981).

Период правления Торрихоса существенно отличался от среднестатистического опыта подобных режимов в Латинской Америке¹. Первостепенной задачей режим ставил развитие социальной сферы. На момент прихода Торрихоса к власти Панама была отсталой страной с неграмотным населением, массовой безработицей, неразвитой промышленностью, в сельском хозяйстве преобладали архаичные формы землевладения, населению не хватало жилья². В результате проведенных изменений (принятие нового трудового кодекса, укрупнение профсоюзов, реформа образования, аграрная и налоговая реформы) средний показатель доходов в Панаме стал выше, чем в любой другой стране Латинской Америки, а индекс человеческого развития впервые достиг пятого места по региону³.

Военные с момента прихода к власти придерживались политики перераспределения ресурсов, которая при правильном подходе способна улучшить благосостояние общества. Они осознавали, что перераспределение доходов в пользу необеспеченных слоев населения должно быть дозированным во избежание инфляции и их зависимости от государственных дотаций⁴. Для реализации всего вышеупомянутого требовалось больше средств, чем имелось в казне даже после проведения налоговой реформы. Их источником были доходы из зоны свободной

¹ Alvarez M. *Lideres políticos del siglo XX en America Latina*. Santiago, 2007. P. 443.

² Пашенцев Е. Н. Прогрессивные военные режимы и профсоюзы в Латинской Америке: Политические взаимоотношения в 1960–1980-е гг.: дис. ... док. ист. наук. М., 1998. С. 111.

³ HIND Indices Evolution // Espacio Investiga. URL: https://espacioinvestiga.org/home-hihd/global-data-hihd/hihd-world-map/?lang=en&doing_wp_cron-1589977153.6972060203552246093750 (дата обращения: 21.11.2023).

⁴ Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгайт Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М., 2012. С. 11.

торговли в Колоне, в которой все предприниматели и компании получили право беспошлинного ввоза товаров, обязуясь лишь оплатить пятипроцентный налог с дивидендов. Зона ежегодно росла на 23%, и в конце концов через нее стало проходить 7% латиноамериканского импорта⁵. Наличие множества иностранных компаний в стране также давало благоприятную почву для создания банковской системы с выгодными для иностранцев ставками. В расширившемся банковском секторе соблюдался принцип строжайшей банковской тайны, который способствовал привлечению иностранного капитала в страну⁶.

Период реформ оказался очень продуктивным. Качество жизни большинства панамцев значительно улучшилось. Рост ВВП составлял в среднем 5% в год. Младенческая смертность снизилась почти в три раза. Число врачей на одного жителя увеличилось более чем на 60%, а доля населения, которому доступна возможность обучения в средней школе, увеличилась с 39% в 1970 г. до 63% в 1981 г. В течение этого десятилетия уровень абсолютной бедности снизился, Панама сильно изменилась⁷. Реформы способствовали усилению переговорного потенциала для перехода Панамского канала из юрисдикции США под юрисдикцию Панамы, что предполагалось обеспечить за счет бурного экономического роста, с одной стороны, и консолидации общества вокруг правящего режима – с другой. В конечном итоге в 1977 г. был заключен договор с США о передаче канала Панаме 31 декабря 1999 г.

В этот период в Латинской Америке были созданы интеграционные группировки, первой из которых стала основанная 18 февраля 1960 г. Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ЛАСТ), в состав которой вошли Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили и Эквадор. Организация к 1978 г. в целом выполнила свою задачу расширения регионального рынка и увеличения объемов внутрizonальной торговли, однако на переговорах по либерализации торговли постоянно возникали противоречия⁸.

В мае 1969 г. появился Андский пакт, в который изначально вошли Боливия, Колумбия, Перу, Эквадор, Чили, а в 1973 г. к нему присоединилась Венесуэла. Эти страны, ввиду того что основные выгоды в рамках ЛАСТ приходились на долю наиболее крупных экономик региона в лице Аргентины, Бразилии и Мексики, решили начать более узкую субрегиональную интеграцию, которая, как предполагалось, должна была обеспечить большую справедливость в распределении благ, получаемых от интеграции⁹. Основной целью деятельности Андского пакта являлась субрегиональная индустриализация с сохранением ведущей роли государства для защиты экономики от проникновения иностранного капитала. Это объединение носило более закрытый по отношению к внешнему миру характер. В связи с этим, а также из-за неоднородности развития стран-участниц и отсутствия координации деятельности выполнение поставленных задач по модернизации и устранению барьеров проходило крайне медленно¹⁰. Только к 1992 г. удалось создать зону свободной торговли. Несмотря на то что интеграция способствовала ускорению индустриализации, характер экономик стран-участниц остается сырьевым, в связи с чем большинство входящих в блок государств не обладают высоким уровнем развития.

17 октября 1975 г. по инициативе Панамы была создана Латиноамериканская экономическая система (ЛАЭС), что представляло собой попытку преодолеть скепсис в отношении интеграции в странах региона. Организаторы объединения ставили перед собой цель контроля над транснациональными корпорациями, создания латиноамериканских транснациональных корпораций и реструктуризации международной торговли основными товарами таким образом, чтобы повысить экспортные возможности развивающихся стран. В качестве образца

⁵ Ropp S. Explaining the long-term maintenance of a military regime: Panama before the U.S. invasion // World Politics. 1992. Vol. 44. № 2. P. 224.

⁶ Бакланов М.Г. Меж двух Америк. М., 1991. С. 72–73.

⁷ Alvarez M. Op. cit. P. 449.

⁸ Харламова В.Н. Международная экономическая интеграция. М., 2002. С. 113.

⁹ Жирнов О.А. Панамериканская зона свободной торговли: реальность или иллюзия? М., 2000. С. 29.

¹⁰ Жирнов О.А. Интеграционные процессы в Латинской Америке. М., 1996. С. 45.

использовалась Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК), которая смогла эффективно обеспечить интересы входящих в нее членов¹¹. В организацию вошло 25 государств.

В результате в августе 1980 г. совет министров иностранных дел стран – членов ЛАСТ подписал договор, в соответствии с которым вместо ЛАСТ создавалась Латиноамериканская ассоциация интеграции (ЛАИ). Ее наиболее существенное отличие от ЛАСТ состояло в опоре новой организации на принцип двусторонности. По договору 1980 г. участники объединения разделялись на три группы. Группу с относительно низким уровнем развития составили Боливия, Парагвай и Эквадор. В группу стран со средним уровнем развития вошли Венесуэла, Колумбия, Перу, Чили и Уругвай. В числе развитых оказались Аргентина, Бразилия и Мексика. Участники ассоциации обязались обеспечить друг другу торговые преференции, наибольшую часть которых окажут представители последней категории, а наименьшую – первой¹².

Также одним из первых интеграционных объединений, чью деятельность обычно относят к достижениям первого этапа интеграции, стал созданный 13 декабря 1960 г. Центральноамериканский общий рынок (ЦАОР), призванный способствовать развитию торговли, транспортных систем, связи, сельского хозяйства и промышленности¹³. В его состав вошли не состоявшие в ЛАСТ Гватемала, Гондурас, Сальвадор и Никарагуа, в 1963 г. присоединилась Коста-Рика. Группировка, в особенности в период американских инвестиций времен программы «Союз ради прогресса», развивалась достаточно динамично в 1960–1970-е годы, не менее успешно шел и процесс интеграции¹⁴. Однако сохранить высокие темпы роста региональной торговле не удалось из-за ряда обстоятельств, главными из которых являлись различные уровни экономического развития стран-участниц и внутренние конфликты. Из-за проблемы принадлежности Панамского канала также замедлялся процесс вступления Панамы в это объединение¹⁵.

4 июля 1973 г. было создано Карибское сообщество (КАРИКОМ). Его членами стали Тринидад и Тобаго, Барбадос, Гайана и Ямайка. В 1974 г. к ним присоединились Антигуа и Барбуда, Белиз, Доминика, Гренада, Монтсеррат, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, впоследствии – Багамские острова, Суринам и Гаити¹⁶. Интеграция карибских государств дала весьма впечатляющие результаты. Несмотря на то что ставка единого внешнего тарифа, как и в других региональных таможенных союзах, отличалась вариативностью, помимо создания таможенного союза и общего рынка, был также сформирован валютный союз с использованием восточнокарибского доллара шестью участниками объединения. По сути, среди всех существующих в мире интеграционных объединений именно КАРИКОМ больше других приблизилось по своей структуре к Европейскому союзу.

Таким образом, в 1960–1980-е годы было создано шесть интеграционных группировок, три из которых являлись субрегиональными, три – региональными. Группировкой, в полной мере выполнившей поставленные задачи, стало Карибское сообщество. Субрегиональные Андское сообщество и ЦАОР, а также региональная ЛАСТ столкнулись с проблемами, главной из которых являлась значительная неоднородность в уровне развития ее членов. Как указывалось выше, ЛАЭС создавалась с целью сделать деятельность ее участников более эффективной, сконцентрировавшись на тех вопросах, по которым они гарантированно могли успешно сотрудничать. В итоге это привело к созданию региональной ЛАИ, которую ввиду акцента на стратегии двусторонних договоров нельзя назвать полноценной региональной интеграционной структурой, однако именно она действовала эффективнее остальных. Данная группа также являлась своего рода мостом между Андским сообществом и созданным позднее Южноамериканским общим рынком (МЕРКОСУР). Это была одна из самых успешных

¹¹ Там же. С. 22.

¹² Харламова В.Н. Указ. соч. С. 113.

¹³ Шушеров А.В. Республика Панама в системе современных международных экономических отношений: дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. С. 17.

¹⁴ Бородаев В.А. Интеграционные процессы в странах Латинской Америки, Африки, Азии (1960–2015 гг.). М., 2016. С. 13.

¹⁵ Косарев Е.А. Экономическая интеграция Латинской Америки и США. М., 1979. С. 102–107.

¹⁶ Харламова В.Н. Указ. соч. С. 115–116.

интеграционных групп региона, хотя по сравнению с Карибским сообществом недостаточно открытая по отношению к внешнему миру¹⁷.

Более эффективное функционирование интеграционных групп, таким образом, обеспечила ЛАЭС, создававшаяся по панамской инициативе. В январе 1983 г. на панамском острове Контадора после совещания министров иностранных дел Панамы, Колумбии, Венесуэлы и Мексики была сформирована Контадорская группа, которая занималась переговорами в рамках военных конфликтов в Сальвадоре, Никарагуа и Гватемале, являвшихся одним из препятствий на пути эффективного функционирования ЦАОР¹⁸.

В контексте интеграции стоит также упомянуть о событии, происшедшем в 1974 г. Одной из самых влиятельных сил в Центральной Америке в 1970-е годы являлась американская компания United Fruit, занимавшаяся экспортом в Северную Америку и Европу тропических фруктов. Уже в 1954 г. она владела 1434 тыс. акров земли в Центральной Америке, из которых 461 тыс. приходилась на Гватемалу, 325 тыс. — на Гондурас, 497 тыс. — на Коста-Рику и 151 тыс. — на Панаму. Деятельность этой компании не ограничивалась экономической сферой, оказывая влияние на центральноамериканские политические элиты¹⁹. В контексте политики, проводившейся режимом Торрихоса, эта компания, безусловно, привлекла его внимание. В том же году панамское руководство попыталось ограничить влияние United Fruit, выступив с инициативой создать нечто вроде бананового ОПЕК через договоренность с руководителями Коста-Рики, Гондураса, Эквадора, Гватемалы, Никарагуа и Колумбии о согласованном повышении налогов на вывоз из этих стран бананов американскими компаниями²⁰. Объединение создавалось на базе существовавших Андского сообщества и ЦАОР, и Панама выступала посредником между этими группами, фактически впервые предприняв попытку углубленной интеграции с ними. Идея была перспективной, однако под давлением United Fruit при содействии американских дипломатов всем указанным странам, кроме Панамы, пришлось пойти на отмену принятого налога на вывоз. Такая непреклонная позиция могла привести к потере 14 тыс. рабочих мест в Панаме, однако ее профсоюзы, которые контролировались военными, выразили готовность ежемесячно отчислять по однодневному заработку своих членов в пользу оставшихся без работы рабочих банановых плантаций. В результате United Fruit пришлось уступить Панаме, что, в свою очередь, привело к повышению налогов на вывоз бананов из Коста-Рики и военному перевороту в Гондурасе, после которого ответственность United Fruit в этой стране была национализирована²¹.

Этот эпизод стал свидетельством того, что латиноамериканские государства могут при определенных условиях не только обеспечивать свои экономические интересы стратегией в стиле ОПЕК, но и делать это в рамках нескольких интеграционных групп одновременно. По всей видимости, именно это событие вдохновило Торрихоса на создание 17 октября 1975 г. ЛАЭС, способной более эффективно обеспечить деятельность ЛАСТ. Тот факт, что Панама на определенном этапе смогла даже в одиночку отстоять свои интересы на этом направлении, способствовал повышению ее авторитета и тому, что данная инициатива встретила поддержку других латиноамериканских государств. В 1975 г. Панама вступила в движение неприсоединения, что также принесло ей определенные политические дивиденды в регионе. Кроме того, чуть ранее, в январе 1975 г. в Панаме прошла первая межамериканская конференция по международному частному праву, на которой были приняты конвенции о судебных поручениях, о получении свидетельских показаний за границей, о правовом режиме доверенности для пользования ею за границей, о коллизионном праве простых и переводных векселей и счетов, о международном арбитраже и о

¹⁷ Di Filippo A. Las dimensiones sociales de la integración regional en América Latina. Santiago, 1999. P. 37.

¹⁸ Сударев В.П. Взаимозависимость и конфликт интересов: США и Латинская Америка. Вторая половина XX века. М., 2000. С. 192–193.

¹⁹ Леонов Н.С. Омар Торрихос: «Я не хочу войти в историю, я хочу войти в зону канала». М., 1990. С. 170–174.

²⁰ Alvarez M. Op. cit. P. 449.

²¹ Леонов Н.С. Указ. соч. С. 151–153.

коллизионном праве чеков. Всего с 1975 по 2002 г. таких конференций прошло шесть, при этом шесть из 26 конвенций было принято на первой из них²². Подобная вовлеченность в международные организации и даже непосредственное влияние на интеграционные процессы в регионе в свою очередь облегчили процесс поиска союзников для переговоров по Панамскому каналу, проблема принадлежности которого замедляла расширение ЦАОР.

Помимо того, что Панаме в вопросе о принадлежности канала симпатизировала большая часть международного сообщества, важную роль в этих переговорных процессах сыграла и позиция бизнесменов всего мира, пользовавшихся банковским сектором Панамы и зоной свободной торговли в Колоне. Они также поддерживали идею прекращения военного присутствия США в Панаме²³. Для самих американцев международный банковский центр в Панаме стал играть не меньшую роль, чем межамериканский канал.

Ход переговоров по Панамскому каналу и демилитаризация его зоны после перехода под юрисдикцию Панамы в 1999 г. в результате заключенного в 1977 г. договора стали великолепным примером взаимодействия разных политических режимов в общерегиональных интересах. Кроме того, успех, которого добилась Панаме за эти годы, продемонстрировал, что военные режимы могут играть определяющую роль в социальных преобразованиях, и это отчасти изменило общественные представления о функции военных. Усиление демократических тенденций и притока иностранных инвестиций в регион, на что политика режима Торрихоса оказала позитивное влияние, благотворно отразилось на интеграционных процессах, в рамках которых Панаме еще в 1970-е годы была инициатором создания одного из региональных объединений.

Процесс транснационализации экономик также сыграл свою роль в том, какое место стал занимать латиноамериканский регион в интересах компаний развитых стран. Достигнув определенных успехов в деле региональной интеграции, американские и западноевропейские компании все активнее стали использовать свои филиалы в Мексике, Бразилии и Аргентине для проникновения на рынки стран Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока, Африки и Азии. Латиноамериканские промышленные товары также стали все больше реализовываться в развивающихся странах. В 1970 г. удельный вес последних в экспорте латиноамериканских государств составлял 27,5%, в 1979 г. — 41,4%. Наиболее быстрыми темпами рос экспорт промышленного и электротехнического оборудования, химической продукции и автомобилей, т.е. отраслей с сильными позициями иностранного капитала²⁴. Таким образом, латиноамериканские филиалы ведущих транснациональных корпораций стали крупными поставщиками не только в латиноамериканском регионе, но и за его пределами. Что касается США, в 1977 г. доля готовых изделий и полуфабрикатов в импорте продукции, произведенной латиноамериканскими филиалами компаний США, составляла примерно 60%, тогда как в 1950-х годах этот показатель был меньше 15%. Разумеется, эти процессы открыли перед транснациональными корпорациями возможности существенного расширения своих позиций в латиноамериканском регионе в ущерб суверенитету его стран²⁵. Тем не менее в долгосрочной перспективе при стабильном экономическом развитии за счет высокотехнологичного производства, подобные связи только способствуют укреплению этого развития, что можно наблюдать на примере Китая. Транснациональные корпорации в Латинскую Америку привлекали дешевая рабочая сила, а также интеграционные тенденции, благодаря чему рынки становились более гибкими. Несмотря на то что на долю Латинской Америки приходилось менее 1% средств, расходованных в мире на развитие научно-исследовательских работ, и 2% от мирового числа специалистов, занятых в них, эти показатели составили треть от общих показателей развивающихся стран, в связи с

²² Рафалюк Е.Е. Региональная интеграция латиноамериканских государств: природа, содержание, разрешение споров. М., 2014. С. 74.

²³ Perez В. En nuestras propias voces: Panamá protesta, 1968–1989. Panamá, 1998. P. 279.

²⁴ Клочковский Л.Л. Латинская Америка в системе международных хозяйственных связей. М., 1984. С. 32.

²⁵ Там же. С. 32–33.

чем регион выглядел перспективнее других регионов третьего мира²⁶. Немаловажным был и фактор наличия природных ресурсов, в том числе венесуэльской нефти²⁷.

Как отмечалось выше, рост производительных сил в регионе способствовал развитию кредитно-финансовой сферы. Если в конце 1960-х годов в число 300 крупнейших банков мира входил только один латиноамериканский, то к 1979 г. их уже стало восемь. Кроме того, расширилось присутствие в Латинской Америке зарубежных банков. Во второй половине 1970-х годов североамериканские банки получали большую часть прибылей за рубежом именно от операций в латиноамериканском регионе. Однако к тому времени они уже не занимали в регионе монопольного положения, 50% иностранных банков составляли банки Японии, Италии, Великобритании, ФРГ, Франции, Швейцарии и Нидерландов²⁸. Треть присутствия банков развитых стран в Латинской Америке приходилась на страны Карибского бассейна. На территории Багамских, Бермудских, Каймановых и Антильских островов были созданы крупные международные финансовые центры со льготами для иностранного банковского капитала в виде отсутствия налогов на прибыль, капитал и недвижимость. Прямые американские вложения в финансовые учреждения на Бермудах к началу 1980-х годов составили 10,3 млрд долл., на Багамах — 2 млрд. В течение 1970-х годов на Каймановых и Багамских островах вложения возросли почти в 20 раз и составили в 1979 г. 89,5 млрд долл. Примерно такие же вложения в совокупности приходились в регионе на западноевропейские и японские банки. Этот международный финансовый центр стал одним из крупнейших в мире, оказывая ощутимое воздействие на банковские системы латиноамериканских стран, а также в значительной степени определяя состояние международного кредитного рынка²⁹. Разумеется, экономическая стабильность КАРИКОМ сыграла свою роль в его формировании.

Однако подобная ситуация сложилась не только в Карибском бассейне, крупный международный финансовый центр также был создан в Панаме. Экспорт в стране за это время был переориентирован с США на Центральную Америку и Карибский бассейн, снизив долю США с 68% до 43% и увеличив долю Центральной Америки и Карибского бассейна с 7,5% до 30%³⁰. Иностранные, в основном североамериканские банки традиционно играли доминирующую роль в финансовой системе страны, где де-факто First national City bank и Chase Manhattan bank, являвшиеся спонсорами строительства Панамского канала, контролировали банковскую деятельность Панамы в первой половине XX в. В 1954 г. на их долю приходилось 92% активов частных банков и 57% общих банковских активов в стране. В 1970 г. в Панаме был принят банковский закон, после которого американские банки резко усилили свою деятельность в Панаме. В 1975 г. в Панаме работало 14 американских банков, и если в 1970 г. активы филиалов банков США в стране составляли 374 млн долл., то в 1977 г. они достигли уже 1,9 млрд³¹. Такому увеличению активности способствовало строжайшее соблюдение банковской тайны, отсутствие налогов на совершение операций за пределами Панамы и полностью долларизованная экономика страны. Банки также получили подпитку за счет венесуэльских нефтедолларов и капитала из всего региона. Отсутствие ограничений на ввоз и вывоз капитала привлекало иностранцев³². Росли и прямые инвестиции американского капитала в финансово-кредитные учреждения Панамы, увеличившись на протяжении 1970-х годов более чем в пять раз и превьсив в итоге 1,5 млрд долл. к 1980 г. Подобно структуре экспорта, произошла диверсификация в банковской системе. Помимо США, здесь открыли филиалы двух английских и шести швейцарских банков, увеличили свое присутствие банки других западноевропейских

²⁶ Там же. С. 148.

²⁷ Шушеров А.В. Указ. соч. С. 70–72.

²⁸ Клочковский Л.Л. Указ. соч. С. 178–182.

²⁹ Там же. С. 189.

³⁰ Ropp S. Panamanian politics: From guarded nation to National guard. New York, 1982. P. 123.

³¹ Клочковский Л.Л. Указ. соч. С. 187–188.

³² Шушеров А.В. Указ. соч. С. 70–72.

стран, Японии, Венесуэлы, Бразилии и Уругвая. На 1979 г. активы иностранных банков в Панаме достигли 14,4 млрд долл. Особенно сильно потребность в кредитовании выросла после перехода под юрисдикцию Панамы земли вокруг Панамского канала³³.

Таким образом, создание банковского центра благотворно сказалось на притоке иностранных инвестиций, в том числе из Европы. Кроме того, это лишило международный банковский центр в Карибском бассейне монопольного влияния в регионе. Панамский канал в настоящее время не так прибылен, как банковский центр, однако отсутствие в зоне канала многочисленного военного контингента является одним из факторов доверия к местной банковской системе, что позволяет ей успешно функционировать. Не стоит недооценивать его значение и по той причине, что в настоящее время он составляет 72% водного транспорта и предоставляет половину всех транспортных услуг в стране. Кроме того, подавляющее большинство торговых соглашений с другими странами Панама заключила в XXI в. На этот период пришлось не только восстановление после военной диктатуры, вторжения США и экономического кризиса, но и окончательное урегулирование проблемы принадлежности канала³⁴. Расширенный и нейтральный канал значительно облегчил латиноамериканским государствам торговлю с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Подводя итоги, следует отметить, что режим Торрихоса в Панаме оказал определенное позитивное влияние на региональные интеграционные процессы. Созданная по инициативе Панамы ЛАЭС обеспечила условия для создания ЛАИ, выступающей связующим звеном между Андским сообществом, ЦАОР и МЕРКОСУР. Контадорская группа, у истоков создания которой также стояла Панама, поспособствовала урегулированию военных конфликтов в регионе и его демократизации, что дополнительно усилило интеграционные процессы. Экономические реформы в Панаме в годы правления Торрихоса, в свою очередь, оказали дополнительное влияние на инвестиции в Латинскую Америку. Урегулирование под влиянием созданного в Панаме международного финансового центра и реформ военного режима в целом проблемы принадлежности Панамского канала, а также окончание гражданских войн в Центральной Америке поспособствовали дополнительному привлечению капитала в регион и усилению региональных интеграционных тенденций.

Библиография

- Бакланов М.Г. Меж двух Америк. М., 1991.
- Бородавев В.А. Интеграционные процессы в странах Латинской Америки, Африки, Азии (1960–2015 гг.). М., 2016.
- Жирнов О.А. Интеграционные процессы в Латинской Америке. М., 1996.
- Жирнов О.А. Панамериканская зона свободной торговли: реальность или иллюзия? М., 2000.
- Клочковский Л.Л. Латинская Америка в системе международных хозяйственных связей. М., 1984.
- Косарев Е.А. Экономическая интеграция Латинской Америки и США. М., 1979.
- Леонов Н.С. Омар Торрихос: «Я не хочу войти в историю, я хочу войти в зону канала». М., 1990.
- Норт Д., Уоллис Дж., Узб С., Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М., 2012.
- Пашенцев Е.Н. Прогрессивные военные режимы и профсоюзы в Латинской Америке: Политические взаимоотношения в 1960–1980-е гг.: дис. ... док. ист. наук. М., 1998.
- Рафалюк Е.Е. Региональная интеграция латиноамериканских государств: природа, содержание, разрешение споров. М., 2014.
- Сизоненко А.И. Свободные экономические зоны в Латинской Америке. М., 1996.
- Сударев В.П. Взаимозависимость и конфликт интересов: США и Латинская Америка. Вторая половина XX века. М., 2000.
- Харламова В.Н. Международная экономическая интеграция. М., 2002.
- Шушеров А.В. Республика Панама в системе современных международных экономических отношений: дис. ... канд. экон. наук. М., 2005.
- Alvarez M. Líderes políticos del siglo XX en América Latina. Santiago, 2007.
- Di Filippo A. Las dimensiones sociales de la integración regional en América Latina. Santiago, 1999.
- Martinez J. Mi general Torrijos. La Habana, 1987.

³³ Там же. С. 71–72.

³⁴ Trade policy framework: Panama. Geneva, 2016. P. 29–30.

- Perez B.* En nuestras propias voces: Panamá protesta, 1968–1989. Panamá, 1998.
- Ropp S.* Explaining the long-term maintenance of a military regime: Panama before the U.S. invasion // *World Politics*. 1992. Vol. 44. № 2. P. 210–234.
- Ropp S.* Panamanian politics: From guarded nation to National guard. New York, 1982.
- Second and third periodic reports of States parties. Panama, 1997.
- Torrijos O.* La batalla de Panama. Buenos Aires, 1973.
- Trade policy framework: Panama. Geneva, 2016.

References

- Baklanov M.G.* Mezhdvukh Amerik [Between two Americas]. Moskva, 1991. (In Russ.)
- Borodaev V.A.* Integratsionnye protsessy v stranakh Latinskoy Ameriki, Afriki, Azii [Integration processes in the countries of Latin America, Africa, Asia] (1960–2015 gg.). Moskva, 2016. (In Russ.)
- Kharlamova V.N.* Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya [International economic integration]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Klochkovskii L.L.* Latinskaya Amerika v sisteme mezhdunarodnykh khozyaystvennykh svyazey [Latin America in the system of international economic relations]. Moskva, 1984. (In Russ.)
- Kosarev E.A.* Ekonomicheskaya integratsiya Latinskoy Ameriki i SShA [Economic integration of Latin America and the United States]. Moskva, 1979. (In Russ.)
- Leonov N.S.* Omar Torrijos: “Ya ne khochu voyti v istoriyu, ya khochu voyti v zonu kanala” [Omar Torrijos: “I don’t want to go down in history, I want to enter the canal zone”]. Moskva, 1990. (In Russ.)
- North D., Wallis J., Webb S., Weingast B.* V teni nasiliya: uroki dlya obschestv s ogranichennym dostupom k politicheskoi i ekonomicheskoi deyatel’nosti [In the shadow of violence: Lessons for societies with limited access to political and economic activity]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Pashentsev E.N.* Progressivnye voennye rezhimy i profsoyuzy v Latinskoj Amerike: Politicheskie vzaimootnosheniya v 1960–1980-e gg.: dis. ... doc. ist. nauk [Progressive military regimes and trade unions in Latin America: Political relationships in the 1960–1980s: dis. Doctor of History sciences]. Moskva, 1998. (In Russ.)
- Rafalyuk E.E.* Regional’naya integratsiya latinoamerikanskikh gosudarstv: priroda, sodержanie, razreshenie sporov [Regional integration of Latin American states: nature, content, dispute resolution]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Shusherov A.V.* Respublika Panama v sisteme sovremennykh mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnoshenij: dis. ... kand. ekon. nauk [The Republic of Panama in the system of modern international economic relations]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Sizonenko A.I.* Svobodnye ekonomicheskie zony v Latinskoj Amerike [Free economic zones in Latin America]. Moskva, 1996. (In Russ.)
- Sudarev V.P.* Vzaimozavisimost’ i konflikt interesov: SShA i Latinskaya Amerika. Vtoraya polovina XX veka [Interdependence and conflict of interest: USA and Latin America. Second half of the 20th century]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Zhirnov O.A.* Integratsionnye protsessy v Latinskoj Amerike [Integration processes in Latin America]. Moskva, 1996. (In Russ.)
- Zhirnov O.A.* Panamerikanskaya zona svobodnoj trgovli: real’nost’ ili illyuziya? [Pan-American free trade area: reality or illusion?] Moskva, 2000. (In Russ.)
- Alvarez M.* Líderes políticos del siglo XX en América Latina. Santiago, 2007.
- Di Filippo A.* Las dimensiones sociales de la integración regional en América Latina. Santiago, 1999.
- Martinez J.* Mi general Torrijos. La Habana, 1987.
- Perez B.* En nuestras propias voces: Panamá protesta, 1968–1989. Panamá, 1998.
- Ropp S.* Explaining the long-term maintenance of a military regime: Panama before the U.S. invasion // *World Politics*. 1992. Vol. 44. № 2. P. 210–234.
- Ropp S.* Panamanian politics: From guarded nation to National guard. New York, 1982.
- Second and third periodic reports of States parties. Panama, 1997.
- Torrijos O.* La batalla de Panama. Buenos Aires, 1973.
- Trade policy framework: Panama. Geneva, 2016.

DOI: 10.31857/S0130386424010115

© 2024 г. С.В. ШАЛИМОВ

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗКИЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ МОЛЕКУЛЯРНОЙ БИОЛОГИИ И БИОХИМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х годов

Шалимов Сергей Викторович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Москва, Россия).

E-mail: sshal85@mail.ru

Scopus Author ID: 57200201505; ORCID: 0000-0003-1172-4808; Researcher ID: AAV-6436-2020

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00564.

Аннотация. Развитие научных связей советских и французских молекулярных биологов и биохимиков в первой половине 1970-х годов связано с именами выдающихся отечественных и французских ученых – академиков А.А. Баева, Ю.А. Овчинникова, А.С. Спирина, Л.Л. Киселева, а с французской стороны – М. Грюнберг-Манаго, Ф. Гро, Ж.-П. Эбеля и др. В советско-французские научные связи было вовлечено множество научно-исследовательских учреждений с обеих сторон. Наивысшим проявлением научного сотрудничества стали советско-французские симпозиумы по проблеме «Физико-химические основы жизни», первый из которых состоялся в 1974 г. в Пушкино. Симпозиумы поочередно проводились в СССР / России и во Франции до середины 1990-х годов. Рассматриваемая тема недостаточно отражена в трудах профессиональных историков. Несмотря на то что российско / советско-французские научные связи, в том числе в области биологии, в какой-то степени представлены в отечественной и зарубежной литературе, в изучении эффективного взаимодействия молекулярных биологов и биохимиков двух стран сделаны лишь первые шаги. В публикации используется большой объем впервые вводимых в научный оборот архивных документов из фондов Главного управления внешних связей АН СССР, Института молекулярной биологии АН СССР и ряда других фондов Архива Российской академии наук. На основании документов анализируются организация и проведение симпозиумов в Пушкино (1974, 1975), Конкарно (1975), а также результаты поездок советских ученых во Францию. Советско-французское сотрудничество исследуется в контексте международной политической обстановки. Отношения с Францией складывались благоприятнее в сравнении с другими западными партнерами, что способствовало развитию научных контактов. В области молекулярной биологии и биохимии в первой половине 1970-х годов был проведен целый ряд советско-французских симпозиумов на территории двух стран, состоялись обмены делегациями, осуществлялись взаимные командировки и были развернуты совместные исследования. Вместе с тем автор отмечает проблемы, осложнявшие развитие научных связей. Трудности в развитии советско-французского сотрудничества были общими для всей советской науки и ее международных коммуникаций и были обусловлены «железным занавесом», а также неповоротливостью советской бюрократии.

Ключевые слова: СССР, Россия, международные научные связи, молекулярная биология, научно-техническое сотрудничество, Франция, А.А. Баев, М. Грюнберг-Манаго.

S.V. Shalimov

Soviet-French Scientific Relationships in the Field of Molecular Biology and Biochemistry in the First Half of the 1970s

Sergey Shalimov, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: sshal85@mail.ru

Scopus Author ID: 57200201505; ORCID: 0000-0003-1172-4808; Researcher ID: AAV-6436-2020

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation according to the research grant № 22-18-00564.

Abstract. In this article, the author analyses the scientific relationship between Soviet and French molecular biologists and biochemists in the first half of the 1970s. This cooperation is associated with the names of the prominent Russian and French scientists. The pioneers of this cooperation were Academicians Alexander Baev, Yuri Ovchinnikov, Alexander Spirin, Lev Kiselev, and other Soviet scientists, and Marianne Grunberg-Manago, François Gros, and Jean-Pierre Ebel, on the French side. Soviet-French scientific cooperation involved numerous research centers on both sides and manifested most vividly in the symposia devoted to “Physico-chemical origin of life”, the first of which was held in 1974 in Pushchino. The symposia were held alternately in the USSR/Russia and France until the mid-1990s. The topic under consideration is not sufficiently reflected in the works of professional historians. Despite the fact that Russian/Soviet/French scientific ties, including those in the field of biology, are to some extent represented in Russian and international literature, only the first steps have been made in the study of effective interaction between molecular biologists and biochemists of the two countries. The paper draws on a wide range of new archival sources from the funds of the Main directorate of the foreign relations of the USSR Academy of Sciences, Institute of molecular biology and some other funds of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The author study the symposia in Pushino (1974, 1975), Concarno (1975) and the results of the foreign trips of Soviet researchers. The Soviet-French scientific links are analyzed in the context of international political situation. The relations with France were more favorable in comparison with other Western countries, which provided the development of scientific contacts. In the field of molecular biology and biochemistry in the first half of the 1970s we can notice: several symposia in both countries, exchanges of the delegations, mutual trips and joint research of Soviet and French scientists. At the same time the author touches upon the difficulties that hindered international contacts. These problems were common for the Soviet science and were caused by the Iron Curtain and clumsiness of the Soviet bureaucracy.

Keywords: international scientific contacts, molecular biology, cooperation in science and technology, France, Alexander Baev, Marianne Grunberg-Manago.

1970–1990-е годы отмечены взаимовыгодным и эффективным сотрудничеством отечественных и французских биохимиков, ярким проявлением которого стали совместные симпозиумы, поочередно проводимые на территории двух стран. Данный эпизод, имеющий важное значение как для истории науки, так и для истории международных отношений, недостаточно отражен в литературе. Несмотря на то что советско-французские научные связи в какой-то

мере освещены в трудах отечественных и зарубежных историков¹, сотрудничество в области молекулярной биологии и биохимии отражено в небольшом количестве публикаций², в том числе мемуарного жанра³, а также интервью известных ученых⁴.

В настоящей статье мы рассмотрим развитие сотрудничества в первой половине 1970-х годов, когда научные связи советских и французских молекулярных биологов и биохимиков были формализованы после подписания совместных протоколов и состоялись первые советско-французские симпозиумы. Исследование базируется главным образом на еще не введенных в научный оборот документах Архива РАН из фондов Главного управления внешних связей АН СССР (ф. 579), Института молекулярной биологии АН СССР (ныне – Институт молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта РАН) (ф. 1979), Института биоорганической химии им. М.М. Шемякина АН СССР (ныне – Институт биоорганической химии им. М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова РАН) (ф. 1947), а также Всесоюзного биохимического общества АН СССР (ныне – Российское биохимическое общество) (ф. 1888).

Следует отметить, что сотрудничество во многом стало возможным благодаря соответствующему международно-политическому контексту. Как известно, отношения между СССР и Францией всегда стояли особняком в ряду взаимоотношений Советского Союза с западными партнерами и на определенных этапах складывались гораздо более благоприятно. По

¹ Русско-французские научные связи / сост. А.Т. Григорьян, А.П. Юшкевич. Л., 1968; *Дубинин Ю.В., Келин В.Н.* СССР – Франция. Опыт сотрудничества (шестидесятые-семидесятые годы). М., 1979; *Борисов Ю.В.* СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. М., 1984; *Rey M.-P.* La tentation du rapprochement: France et URSS à l'heure de la détente (1964–1974). Paris, 1991; *Любина Г.И.* Россия и Франция: история научного сотрудничества (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1996; *Мазюк-Крокетт Р.* Декада франко-советского научного сближения 1934 г. // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVIII–XX вв.): история науки и международные связи. Сб. статей / отв. ред. В.Я. Берелович. М., 2002. С. 160–166; *Осинова Н.М.* Документы по истории русско-французских научных связей в фондах Архива РАН // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Ф.-Д. Лиштенан; сост. О.В. Окунева. М., 2010. С. 55–62; *Сленкова Н.В., Тихонова Е.П., Смирнов А.В.* Сотрудничество Зоологического института РАН с зоологами Франции // Санкт-Петербург – Франция. Наука, культура, политика. СПб., 2010. С. 576–596; *Колоскова Е.Е.* Россия и Франция: сотрудничество в области науки и культуры. 1930-е – 1990-е гг. // Исторический архив. 2011. № 1. С. 84–99; Russian-French links in biology and medicine / eds J.-G. Barbara, J.C. Dupont, E.I. Kolchinsky, M.V. Loskutova. Saint-Petersburg, 2012; «От Атлантики до Урала»: советско-французские отношения. 1956–1973 / науч. ред. и отв. сост. Г.Ж. Мулек. М., 2015; *Рора I.* Aires culturelles et recompositions (inter)disciplinaires La 6e section de l'EPHE et les études sur l'espace russe, soviétique et est-européen // Actes de la recherche sciences sociales. 2015. № 210. P. 60–81; *Черкасов П.П.* Отчеты советской делегации о XVII (1980) и XVIII (1981) сессиях советско-французской «малой» комиссии по научно-техническому и экономическому сотрудничеству // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 12. М., 2017. С. 314–324; *Шалимов С.В.* Советско-французские научные связи в области биологии во второй половине 1960-х гг. // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 3. С. 44–55; *Cœuré S.* Économie-monde et civilisation russe selon Fernand Braudel. Un dialogue entre historiens français et soviétiques // Revue de Synthèse. 2019. Vol. 139. № 1–2. P. 9–36; *Ковалев М.В.* «Аудитория в Сорбонне была забита до отказа»: парижские лекции академика М.Н. Тихомирова 1957 года // Россия XXI. 2022. № 4. С. 130–157; и др.

² *Шалимов С.В., Пьеррель Ж.* Советско-французские научные связи в области биологии в 1970-е гг. // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2020. М., 2020. С. 716–719; *Пьеррель Ж., Шалимов С.В.* «В высшей степени успешно»: советско-французское и советско-германское сотрудничество в области молекулярной биологии в 1979 г. (по материалам симпозиумов в Порт-Кро и Мюнхене) // Вопросы истории естествознания и техники. 2022. Т. 43. № 2. С. 288–299.

³ Лев Львович Киселев. Наука как источник жизненного оптимизма / ред. Л.Ю. Фролова, К.Л. Киселева, Е.С. Левина, С.Е. Твардовская. М., 2010; Александр Сергеевич Спирин. Жизнь в науке / сост. А.А. Богданов, Е.О. Самойлова; под ред. А.А. Богданова. М., 2022.

⁴ *Шалимов С.В.* Советско-французские научные связи в области молекулярной биологии и биохимии: интервью с академиком РАН О.И. Лаврик // Историко-биологические исследования. 2021. Т. 13. № 3. С. 136–149; *Шалимов С.В., Богданов А.А.* Советско-французское научное сотрудничество в области молекулярной биологии и биохимии // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 1. С. 186–201.

воспоминаниям известного ученого и организатора науки Дж. М. Гвишиани⁵, Франция была «одной из первых западных стран, которая в период продолжающейся “холодной войны” вступила на путь контактов и сотрудничества с Советским Союзом»⁶.

Действительно, начиная с 1960-х годов развивается тесное сотрудничество между СССР и Францией в самых разных сферах, в значительной степени связанное с политикой французского президента Шарля де Голля. При этом, наряду с развитием торговых отношений и культурных связей, значительный качественный сдвиг произошел в научно-техническом сотрудничестве. Французская идеология «голлизма», главной идеей которой во внешней политике была независимость государства, требовала развертывания научно-технических работ и внедрения новых техник и процессов в промышленности. Недостаточность внутренних научно-технических ресурсов вынуждала искать пути к кооперированию усилий в области научно-технических исследований с другими странами, в том числе развивать сотрудничество с СССР, которое могло способствовать большей независимости страны от США и ФРГ⁷.

Согласно документам, в 1970-х годах советско-французские научные связи продолжали успешно развиваться. В частности, в отчете Управления внешних сношений АН СССР о научном сотрудничестве с Францией за 1970 г. сообщалось: «Состояние научных связей АН СССР с Францией вполне удовлетворительное. В настоящее время по объему научных обменов научное сотрудничество с Францией по сравнению с другими кап. странами в системе АН СССР занимает ведущее положение».

Вместе с тем в документе говорилось об ограниченности связей: «Следует, однако, отметить, что за исключением сотрудничества в области исследований космоса, исследований в области физики высоких энергий, изучения и применения кремнийорганических соединений, в области астрофизики, где идет активная работа, усилия советских ученых в других областях науки незначительны».

Авторы отчета высоко оценивали достижения французской науки: «Французские ученые вышли на новый уровень мировых позиций по многим разделам физики, химии, океанологии, микробиологии и физиологии. Они располагают превосходными лабораториями и центрами, выстроенными за последние пять лет и оборудованными новейшим американским, немецким, японским и национальным научным оборудованием и вычислительной техникой. Ежегодно многие французские ученые выезжают в США для проведения научной работы и стажировки и находятся в курсе самых последних научных открытий. Отчасти, может быть, этим и можно объяснить тот факт, что французская сторона ежегодно не выполняет своей части квоты, направляя в СССР главным образом специалистов гуманитарного профиля»⁸.

В аналогичном отчете за 1972 г. вновь отмечалось «вполне удовлетворительное» состояние научных связей с Францией. Также говорилось, что в системе АН СССР сотрудничество с французскими коллегами занимает одно из первых мест по объему научных обменов и разработке отдельных проблем в сравнении с другими капиталистическими странами. При этом одним из основных направлений совместных исследований были физико-химические основы жизни⁹.

29 марта 1972 г. в Москве «Протокол переговоров между советской и французской делегацией о научном сотрудничестве по новой проблеме “Физико-химические основы жизни”» подписали академик-секретарь Отделения биохимии, биофизики и химии физиологически

⁵ Гвишиани, Джермен Михайлович (1928–2003) – доктор философских наук, профессор, действительный член РАН. В 1965–1985 гг. работал в Государственном комитете по науке и технике СССР. В 1976–1992 гг. – директор Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований (ныне – Институт системного анализа РАН), заместитель председателя Госплана СССР (1985–1986).

⁶ Гвишиани Дж. М. Мосты в будущее. М., 2004. С. 41.

⁷ «От Атлантики до Урала»... С. 260.

⁸ Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 579. Оп. 13. Д. 95. Л. 2, 22.

⁹ Там же. Л. 49–50.

активных соединений академик А. А. Баев¹⁰ и директор по научным исследованиям Национального центра научных исследований Франции М. Грюнберг-Манаго¹¹. В переговорах принимали участие известные советские ученые, среди которых директора институтов академик Ю. А. Овчинников (Институт химии природных соединений им. М. М. Шемякина АН СССР)¹², академик А. С. Спирин (Институт белка АН СССР)¹³, академик В. А. Энгельгардт (Институт молекулярной биологии АН СССР)¹⁴ и др. Францию представляли профессор Парижского университета Ф. Гро¹⁵ и Ф. Шапвиль, директор Института рака в Вильжюифе профессор Р. Монье, атташе по науке посольства Франции в СССР Д. Жако. Французские ученые имели возможность посетить научно-исследовательские институты, а также лабораторию биоорганической химии МГУ.

В ходе переговоров были определены четыре направления исследований в качестве основы для сотрудничества: химическое строение и биологические функции белков и нуклеиновых кислот; молекулярная генетика; процессы обмена веществ живых организмов и их регуляция; микробиологические синтезы, физиологические вещества микробного происхождения, микробная трансформация органических соединений.

Предусматривалось несколько форм советско-французского взаимодействия. Для ведущих ученых предполагались ознакомительные поездки, участие в дискуссиях, чтение лекций, а также участие в качестве оппонентов при защите диссертаций. Для молодых ученых — длительные стажировки (один-два года); для выполнения конкретных исследований поездки в один-шесть месяцев и кратковременные командировки в один-три месяца для знакомства с отдельными методами исследований. Наряду с этим, должен был происходить обмен печатными изданиями, реактивами, препаратами и штаммами бактерий между советской и французской сторонами. Последним пунктом в протоколе значилось осуществление ответного визита советских ученых во Францию для ознакомления с работами научных учреждений, проводящих исследования в данной области¹⁶.

¹⁰ Баев, Александр Александрович (1904–1994) — советский и российский биохимик, действительный член АН СССР/РАН и ВАСХНИЛ/РАСХН. Академик-секретарь Отделения биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений АН СССР (1971–1988), президент Международного союза биохимии и молекулярной биологии (1976–1979). Герой Социалистического Труда (1981).

¹¹ Грюнберг-Манаго, Марианна (1921–2013) — французский биохимик. Член Французской академии наук (1982), президент Французской академии наук (1995–1996), президент Международного биохимического союза (1985–1988), иностранный член АН СССР/РАН (1988), иностранный член Национальной академии наук США (1982).

¹² Овчинников, Юрий Анатольевич (1934–1988) — специалист в области биоорганической химии и молекулярной биологии, действительный член АН СССР. Вице-президент АН СССР (1974–1988), президент Федерации европейских биохимических обществ (FEBS, 1984–1986). Директор Института химии природных соединений им. М. М. Шемякина АН СССР / Института биоорганической химии им. М. М. Шемякина АН СССР (1970–1988). Герой Социалистического Труда (1981).

¹³ Спирин, Александр Сергеевич (1931–2020) — советский и российский биохимик, действительный член АН СССР/РАН. Директор Института белка АН СССР/РАН (1967–2001), заведующий кафедрой молекулярной биологии биологического факультета МГУ (1972–2012). См. о нем подробнее: Александр Сергеевич Спирин. Жизнь в науке.

¹⁴ Энгельгардт, Владимир Александрович (1894–1984) — советский биохимик, действительный член АН СССР и АМН СССР. В 1959–1984 гг. — основатель и первый директор Института радиационной и физико-химической биологии АН СССР (с 1965 г. — Института молекулярной биологии АН СССР). Герой Социалистического Труда (1969).

¹⁵ Гро, Франсуа (1925–2022) — французский биохимик, директор Института Пастера (1976–1981). Член Французской академии наук (1979), постоянный секретарь Французской академии наук (1991–2000), иностранный член РАН (1999), профессор Коллеж де Франс (1973–1996).

¹⁶ АРАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 110. Л. 1–3.

Спустя полтора года во Францию отправилась советская делегация в составе академика А.А. Баева, члена-корр. АН СССР М.Н. Колосова¹⁷, д.б.н. С.И. Алиханяна¹⁸, д.х.н., проф. Б.П. Готтиха¹⁹ и секретаря-переводчика Е.И. Беляковой (с 29 сентября по 10 октября 1973 г.). Руководитель делегации А.А. Баев в отчете от 1 декабря 1973 г. представил подробный анализ уровня развития молекулярной биологии во Франции и перспектив советско-французского научного сотрудничества.

Советские ученые посетили ряд институтов в Париже и его пригородах, Марселе, Орлеане, Страсбурге и провели две официальные встречи с французской делегацией, завершившиеся подписанием протокола. Как отмечал А.А. Баев, начало сотрудничества было заложено в марте 1972 г., тем не менее «за период, истекший с марта 1972 г. по сентябрь 1973 г., было сделано очень мало для развития совместных исследований и упрочения контактов». А.А. Баев, давая общую оценку развития французской науки в области молекулярной биологии, молекулярной генетики и биоорганической химии, пишет: «Исследования в указанных областях науки проводятся во Франции, несомненно, на высоком уровне». Слагаемые успеха французской науки он видел в высокой квалификации ученых, наличии большого количества хорошо оснащенных научных центров, тесных контактов с учеными многих стран «устанавливаемые и поддерживаемые не в силу каких-либо официальных обязательств, а лишь на основе общих научных интересов».

При этом важную роль в развитии научных исследований во Франции играли контакты с учеными США. По мнению А.А. Баева, формирование этих научных связей началось давно, «еще в те времена, когда превосходство американской молекулярной биологии и ее материальной базы было бесспорным». Многие французские ученые прошли в США экспериментальную школу, что позволило сформироваться органическим связям между учеными двух стран, не являвшихся «результатом каких-либо формальных соглашений». Французские исследователи развивали сотрудничество с учеными ФРГ, Англии и других западноевропейских стран.

А.А. Баев особенно отметил участие Франции в Европейской молекулярно-биологической организации (ЕМБО). Если раньше деятельность ЕМБО сводилась к работе по созыву школ и конференций, то в момент написания отчета была близка к реализации проекта по созданию Европейской лаборатории молекулярной биологии.

В завершение отчета А.А. Баев отмечает благоприятные условия для развития советско-французского научного сотрудничества: высокий уровень исследований в ведущих научно-исследовательских учреждениях Франции являлся гарантией качества и интересных результатов при проведении совместных работ. Кроме того, хорошая материальная база французских институтов обуславливала эффективность исследований даже в случае командировок отечественных ученых сроком в три-шесть месяцев. Также указывалось на положительные примеры работы советских исследователей в лабораториях Франции. Так, «французские коллеги высоко оценивают эрудицию, научную подготовку и трудоспособность наших ученых». К тому же установленные личные контакты между ведущими учеными СССР и Франции облегчали возможность проведения совместных исследований.

А.А. Баев обращал внимание на «договоренность о регулярном проведении советско-французских симпозиумов на различные темы по проблеме “Физико-химические основы жизни”». Вместе с тем в документе говорилось о недостатках, тормозивших развитие сотрудничества. В частности, французские коллеги сделали следующее замечание: «Визиты ученых не всегда проходят в намеченные сроки; эта задержка наносит ущерб сотрудничеству и

¹⁷ Колосов, Михаил Николаевич (1927–1985) – советский молекулярный биолог и биохимик, действительный член АН СССР.

¹⁸ Алиханян, Сос Исаакович (1906–1985) – советский генетик. Директор-организатор Государственного научно-исследовательского института генетики и селекции промышленных микроорганизмов (1968–1975).

¹⁹ Готтих, Борис Павлович (1932–2018) – заместитель директора Института молекулярной биологии АН СССР (1963–1980).

снижает пользу, которая могла бы быть получена от таких встреч». Тем не менее обозначенная трудность не изменила общего положительного настроения, и отчет завершался фразой о радушном и внимательном приеме со стороны французских ученых²⁰.

Представляет интерес приложение № 2 к отчету «Анализ финансового обеспечения французской биологии». В частности, в документе констатировалось: «При посещении институтов делегация не однажды слышала жалобы на недостаток денег. Об этом говорила М. Грюнберг-Манаго по поводу Института физико-химической биологии, Ж.-П. Эбель²¹ — о своем Институте молекулярной и клеточной биологии в Страсбурге. И во всяком случае нигде не было речи о создании новых обширных программ, о приобретении новейших дорогостоящих приборов, т.е. о всем том, что можно считать признаком финансового процветания»²².

Далее в документе сообщается о серьезных финансовых проблемах Института Пастера, которые вынудили администрацию пойти на крайние меры. Были запрещены частные разговоры сотрудников по телефону, а руководство отказалось от служебных машин и шоферов. В течение полугода было уволено 135 человек достигших или достигавших предельного возраста, часть из которых обладала достаточной квалификацией. Приводятся характерные свидетельства социальных проблем французских ученых: «Возник нелегкий вопрос их трудового устройства. Пока существует намерение предоставить этим неудачникам работу в государственных научных и административных учреждениях. Но причастные организации не уверены в осуществлении этого плана, возникли какие-то малопонятные для нас трудности с компенсациями и пенсионным обеспечением»²³.

Очередная встреча советских и французских экспертов состоялась в сентябре 1974 г. в Пушино. Согласно отчету Управления внешних сношений АН СССР за 1974 г., в ходе заседания, проходившего «в деловой обстановке и в духе дружеского взаимопонимания», стороны отметили «успешное развитие сотрудничества, приобретающее в результате совместных усилий все более реальные и эффективные формы». Активизация советско-французского сотрудничества выразилась прежде всего в организации симпозиума «Структура и функции нуклеиновых кислот» в Пушино 3–5 сентября 1974 г., который «прошел на высоком уровне». В отчете сообщалось об участии 25 французских ученых, в том числе профессоров М. Грюнберг-Манаго, Ф. Гро, Ф. Шапвилля, Р. Моне, Ж.-П. Эбеля. Отечественную науку представляли академики А.А. Баев, В.А. Энгельгардт, А.С. Спириин, члены-корреспонденты АН СССР Г.К. Скрябин, М.Н. Колосов и др.

В ходе встречи была достигнута договоренность о проведении следующего советско-французского симпозиума в июле 1975 г. в Париже. Вместе с тем делегации с сожалением констатировали, что «до сих пор не налажен обмен реактивами, материалами, препаратами и штаммами бактерий»²⁴.

Высокая оценка первого совместного симпозиума в Пушино содержится также в обосновании командирования советской делегации во Францию для участия во втором советско-французском симпозиуме. Так, в документе за подписью А.А. Баева утверждалось: «По мнению обеих сторон, симпозиум прошел в высшей степени удачно. Он позволил установить весьма полезные контакты с рядом ведущих французских ученых, а также выяснить путь, по которому будет развиваться дальнейшее сотрудничество в плане персональном и проблемном».

По мнению А.А. Баева, прошедший симпозиум продемонстрировал, «что исследования по нуклеиновым кислотам во Франции и в СССР как бы дополняют друг друга: в нашей стране более сильно представлены исследования по физической химии нуклеиновых кислот, а во

²⁰ АРАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 110. Л. 48–60.

²¹ Эбель, Жан-Пьер (1920–1992) — директор Института молекулярной и клеточной биологии (1973–1991) Центра национальных исследований Франции (CNRS). Член Французской академии наук (1979), иностранный член АН СССР/РАН (1982), президент Федерации европейских биохимических обществ (FEBS, 1975–1977).

²² АРАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 110. Л. 67.

²³ Там же. Л. 77.

²⁴ Там же. Д. 95. Л. 100.

Франции — исследования по молекулярно-генетическим аспектам этой проблемы при относительно одинаковом уровне развития работ по биосинтезу нуклеиновых кислот. Можно считать бесспорным, что научные контакты с французскими учеными помогут нам преодолеть некоторые недостатки в исследовании нуклеиновых кислот»²⁵.

Второй советско-французский симпозиум проходил во французском Конкарно 25 июля — 3 августа 1975 г. В официальном обращении к председателю Секции химико-технологических и биологических наук Президиума АН СССР Ю.А. Овчинникову от 21 мая 1975 г. А.А. Баев писал: «В ходе симпозиума предусмотрено совещание членов группы экспертов советско-французского сотрудничества по указанной выше проблеме. Совещание будет посвящено вопросам дальнейшего развития и углубления сотрудничества. Перед симпозиумом в Париже (20—25 июля с.г.) состоится конференция Европейских биохимических обществ, в работе которой примут участие советские ученые».

А.А. Баев согласовывал с Ю.А. Овчинниковым кандидатуры для включения в состав советской делегации. В числе тех, кто мог бы участвовать и в симпозиуме, и в совещании экспертов, назывались А.А. Баев, член-корр. АН СССР Г.П. Георгиев, доктора химических наук Б.П. Готтих и А.А. Богданов. Все они были приглашены в качестве гостей французской стороны. В таком же статусе для участия в симпозиуме, приглашались д.б.н. Г.Х. Мацука и кандидаты биологических наук М.Я. Тимофеева и М.Г. Оганесян. Также для участия в симпозиуме по квоте обмена 1975 г. в рамках протокола «Малой советско-французской комиссии» приглашались доктора химических наук Э.И. Будовский, Я.М. Варшавский, доктора биологических наук Т.В. Венкстерн, Р.И. Салганик и др. Ряд ученых командировались за счет направляющей стороны: д.б.н. Я.И. Ажипа, кандидаты биологических наук С.Н. Загребельный и Л.С. Сандахчиев²⁶.

Представляют интерес директивные указания советской делегации, подписанные и.о. академика-секретаря Отделения биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений АН СССР Е.Н. Мишустиним: «Одной из главных задач командировки считать сбор научно-технической информации, необходимой для дальнейшего развития актуальных направлений молекулярной биологии в нашей стране, укрепления ее связи с практикой и использования достижений передовой зарубежной науки». А.А. Баев, Г.П. Георгиев, Б.П. Готтих, А.А. Богданов и Е.И. Белякова (переводчик) должны были «принять участие в переговорах и подготовке протокола заседания советско-французской комиссии сотрудничества по проблеме “Физико-химические основы жизни”». Им следовало при обсуждении итогов работы и дальнейшей деятельности комиссии способствовать развитию советско-французского сотрудничества в данной области. В случае предложения провести следующий симпозиум в 1976 г. в СССР дать на это согласие. В директивных указаниях присутствовала шаблонная фраза о необходимости «использовать все возможности для разъяснения Ленинской политики Коммунистической партии и правительства Советского Союза и пропаганды наших достижений во всех областях науки, культуры и развитии народного хозяйства за годы советской власти»²⁷.

В отчете о научном сотрудничестве АН СССР с научными учреждениями Франции за 1975 г. о прошедшем в Конкарно симпозиуме сообщалось: «В его работе принимали участие 20 советских ученых и около 60 французских ученых, в том числе крупнейшие специалисты в области молекулярной биологии во Франции профессора Ф. Гро, М. Грюнберг-Маного, Ф. Шапвиль, Ж.-П. Эбель, Г. Дирхеймер, В. Монье, К. Шеррер. На пяти отдельных заседаниях было заслушано более 30 докладов по вопросам физико-химии нуклеиновых кислот, строения и функции ферментов нуклеинового обмена, строения рибосом, взаимодействия тРНК и аминоксил-тРНК синтетаз, молекулярных основ развития. Симпозиум проходил в исключительно деловой обстановке, с широкой дискуссией по представленным докладам». В документе отмечалось, что наиболее интересными были «доклады, посвященные генной

²⁵ Там же. Д. 140. Л. 14—15.

²⁶ Там же. Л. 1—3.

²⁷ Там же. Л. 9—10.

инженерии, например по рестриктазному анализу генома вирусов, а также доклады по изучению строения рибосом, в которых фактически освещались разрабатываемые подходы для исследования белково-нуклеинового взаимодействия — одной из центральных проблем молекулярной биологии».

В отчете с удовлетворением констатировалось, что в работе симпозиума участвовало много новых молодых ученых как с французской, так и с советской стороны. Также говорилось о взаимодополнении исследований по нуклеиновым кислотам в Советском Союзе и во Франции. Так, в СССР больше работ по физической химии нуклеиновых кислот, а во Франции — по молекулярно-генетическим аспектам проблемы. Кроме того, научное сотрудничество развивалось и по линии организации совместных работ. В качестве примера назывались: изучение рибосом и аминоксил-тРНК синтетаз у Ж.-П. Эбеля, проводимое В.Г. Коробко и Л.Л. Киселевым; исследования Л.П. Овчинникова у проф. В. Моно по вопросам клеточной дифференцировки.

Далее в документе о командировке Л.Л. Киселева²⁸ говорилось отдельно: «С 25 ноября 1974 г. по 26 марта 1975 г. в Лаборатории проф. Эбеля (Институт молекулярной и клеточной биологии НЦНИ в Страсбурге) в течение 4-х месяцев проводил научную работу доктор Л.Л. Киселев из Института молекулярной биологии АН СССР. Он ознакомился с работами соответствующих лабораторий университетов Бордо, Тулузы, Монпелье». Благодаря проведенным экспериментам были получены значительные результаты²⁹.

Об итогах экспериментов Л.Л. Киселева упоминалось также в отчете Института молекулярной биологии АН СССР о международных связях за 1975 г. и 1971—1975 гг., подготовленном Б.П. Готтихом. В числе полученных результатов назывались: разработка новой системы обратной транскрипции, состоявшей в использовании РНК вируса растений в качестве матрицы; получение путем обратной транскрипции ДНК, комплементарной РНК, длиной 16 см и являвшейся наиболее длинным полимерным продуктом, когда-либо полученным в системах обратной транскрипции; освоение метода тонкослойного электрофореза в формамиде для определения молекулярных весов нуклеиновых кислот (с длиной пути до 40 см); осуществление цикла кинетических измерений на высокоочищенной фенилаланил-тРНК синтетазе из дрожжей, имеющий целью установление порядка присоединения субстратов к ферменту (полученные данные направлены в Институт органической химии Сибирского отделения АН СССР для машинной обработки)³⁰.

В отчете констатировалось, что научные связи с французскими коллегами не ограничиваются симпозиумами. Так, институт с кратковременными визитами посетили французские ученые: А. Шталь (Университет Луи Пастера, Страсбург), Батчерли (Центр клеточной генетики и биохимии Национального центра научных исследований), Ж. Рикард (директор Национального центра, заведующий кафедрой биохимии Университета Марселя), Ж. Нинио (Институт молекулярной биологии Национального центра научных исследований Университета Парижа)³¹.

Характерна общая оценка состояния международного сотрудничества института, в том числе контактов с Францией: «В целом состояние научных связей с капиталистическими странами за истекший год может быть охарактеризовано положительно. Прежде всего следует отметить, что значительно упрочились контакты с учеными США, получили дальнейшее развитие связи с учеными Франции, выявилась возможность конкретного сотрудничества с научными учреждениями ФРГ, т.е. именно тех стран, которые занимают сейчас ведущее положение в исследованиях по молекулярной биологии и молекулярной

²⁸ Киселев, Лев Львович (1936—2008) — советский и российский биохимик и молекулярный биолог, действительный член РАН. Заведовал лабораторией в Институте молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта РАН. См. о нем подробнее: Лев Львович Киселев. Наука как источник жизненного оптимизма.

²⁹ АРАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 142. Л. 12—15.

³⁰ Там же. Ф. 1979. Оп. 1. Д. 280. Л. 12.

³¹ Там же. Л. 18.

генетике. (К этому списку стран — научных лидеров — необходимо добавить Англию и Японию, контакты с которыми явно недостаточны)».

В документе высоко оценивалось развитие взаимодействия с французскими коллегами: «Прочные связи, базирующиеся как на научных контактах, так и на многолетнем личном знакомстве, стали отличительной чертой сотрудничества СССР и Франции по проблеме “Физико-химические основы жизни”. Уже становятся традиционными двусторонние симпозиумы, один из которых был проведен в июле 1975 г. во Франции (Конкарно) — по химии и биохимии нуклеиновых кислот, а другой в сентябре — в СССР (Пушино-на-Оке) — по физической химии белков и пептидов».

Вместе с тем в отчете сообщалось и о трудностях: «Если говорить об общих недостатках в организации международных научных связей, то ими по-прежнему остаются очень жесткая система планирования и длительные сроки оформления командировок, хотя здесь и намечились определенные положительные сдвиги»³².

Подробные материалы о советско-французском симпозиуме в Пушино имеются в фонде Института биоорганической химии им. М.М. Шемякина АН СССР. Так, в деле «О советско-французском симпозиуме по физической химии белков и пептидов (8–12 сентября 1975 г.)» представлено распоряжение Президиума АН СССР № 12300-816 от 22 мая 1975 г.: «Провести в г. Пушино-на-Оке с 9 сентября по 11 сентября 1975 г. советско-французский симпозиум по физической химии белков и пептидов с участием 100 ученых, в том числе 30 ученых из Франции, из которых 15 участников в качестве гостей АН СССР (сроком на 10 дней)». Базой для деятельности оргкомитета симпозиума назначались Институт биоорганической химии им. М.М. Шемякина АН СССР и Институт химии белка АН СССР в Пушино.

Согласно документу в симпозиуме приняли участие 20 французских ученых во главе с профессором Б. Пульманом³³ — одним из наиболее известных в мире специалистов в области квантовой химии. Советский Союз представляли 90 человек из 25 научных центров 12 городов (Москва, Ленинград, Рига, Ташкент, Ереван, Красноярск, Пушино, Минск, Симферополь, Киев, Днепрпетровск, Свердловск)³⁴.

В свою очередь, в отчете о научном сотрудничестве АН СССР с научными учреждениями Франции за 1975 г. сообщалось, что после симпозиума французские гости имели возможность посетить Ташкент, Самарканд, Бухару. По оценке обеих сторон, состоявшийся научный форум был весьма полезен для всех участников³⁵.

В том же 1975 г. в Париже состоялась X конференция Федерации европейских биохимических обществ (ФЕБО). Она проходила накануне симпозиума в Конкарно с 20 по 25 июля. В нашем распоряжении имеется отчет Б.П. Готтиха, обнаруженный в фонде Всесоюзного биохимического общества АН СССР. В документе говорится, что в конференции приняли участие 2300 человек, при этом наибольшее число было из Франции. Помимо европейских ученых, присутствовали представители США, сделавшие 90 докладов, а также Японии и ряда других стран. От Советского Союза на конференцию приехали 46 исследователей в составе туристической группы и 19 членов делегации под руководством А.А. Баева.

В отчете другого участника конференции — члена-корр. АН СССР В.Л. Кретовича — сообщалось, что при обсуждении предстоящих конференций ФЕБО профессор Ж.-П. Эбель и другие члены Совета высказали пожелание об организации конференции ФЕБО в СССР³⁶.

Таким образом, анализируя советско-французские научные контакты в сфере молекулярной биологии и биохимии в первой половине 1970-х годов, можно констатировать существенные успехи в развитии сотрудничества. При этом следует учитывать, что

³² Там же. Л. 16, 18.

³³ Пульман, Бернар (1919–1996) — французский биохимик. Иностраннный член АН СССР (1982).

³⁴ АРАН. Ф. 1947. Оп. 1. Д. 279. Л. 1–2, 137.

³⁵ Там же. Ф. 579. Оп. 13. Д. 142. Л. 14.

³⁶ Там же. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–2, 54.

официозные отчеты, безусловно, приукрашивали картину. Но даже в них нашли отражение трудности, вызванные неповоротливостью советской бюрократии, в частности Управления внешних сношений АН СССР, тормозившие развитие научных связей. Существенные препятствия для советско-французского сотрудничества и в целом для международных коммуникаций советских ученых создавал «железный занавес», ограничивавший отечественных исследователей в возможностях выезда за рубеж.

Тем не менее в течение нескольких лет был проведен целый ряд советско-французских симпозиумов на территории двух стран. Состоялись обмены делегациями, осуществлялись взаимные командировки, были развернуты совместные исследования. Как сообщалось в отчете о сотрудничестве АН СССР с научными учреждениями Франции за 1976 г.: «Начало советско-французского сотрудничества по этой проблеме (“Физико-химические основы жизни”. — С. III.) было заложено в 1972 г. В течение последующих лет кооперация советских и французских ученых значительно расширилась, приняла более конкретные формы, а результативность ее существенно повысилась»³⁷. Важную роль в налаживании советско-французских связей играл общеполитический и международный контекст, нацеленность руководства обеих держав на развитие взаимовыгодного сотрудничества.

Библиография

Александр Сергеевич Спирин. Жизнь в науке / сост. А.А. Богданов, Е.О. Самойлова; под ред. А.А. Богданова. М., 2022.

Борисов Ю.В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. М., 1984.

Гвишиани Дж.М. Мосты в будущее. М., 2004.

Дубинин Ю.В., Келин В.Н. СССР – Франция. Опыт сотрудничества (шестидесятые–семидесятые годы). М., 1979.

Ковалев М.В. «Аудитория в Сорбонне была забита до отказа»: парижские лекции академика М.Н. Тихомирова 1957 года // Россия XXI. 2022. № 4. С. 130–157.

Колосова Е.Е. Россия и Франция: сотрудничество в области науки и культуры. 1930-е – 1990-е гг. // Исторический архив. 2011. № 1. С. 84–99.

Лев Львович Киселев. Наука как источник жизненного оптимизма / ред. Л.Ю. Фролова, К.Л. Киселева, Е.С. Левина, С.Е. Твардовская. М., 2010.

Любина Г.И. Россия и Франция: история научного сотрудничества (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1996.

Мазюи-Крокетт Р. Декада франко-советского научного сближения 1934 г. // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVIII–XX вв.): история науки и международные связи. Сб. статей / отв. ред. В.Я. Берелович. М., 2002. С. 160–166.

Осипова Н.М. Документы по истории русско-французских научных связей в фондах Архива РАН // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Ф.-Д. Лиштенан; сост. О.В. Окунева. М., 2010. С. 55–62.

«От Атлантики до Урала»: советско-французские отношения. 1956–1973 / науч. ред. и отв. сост. Г.Ж. Мулек. М., 2015.

Пьеррель Ж., Шалимов С.В. «В высшей степени успешно»: советско-французское и советско-германское сотрудничество в области молекулярной биологии в 1979 г. (по материалам симпозиумов в Порт-Кро и Мюнхене) // Вопросы истории естествознания и техники. 2022. Т. 43. № 2. С. 288–299.

Русско-французские научные связи / сост. А.Т. Григорьян, А.П. Юшкевич. Л., 1968.

Слепкова Н.В., Тихонова Е.П., Смирнов А.В. Сотрудничество Зоологического института РАН с зоологами Франции // Санкт-Петербург – Франция. Наука, культура, политика. СПб., 2010. С. 576–596.

Черкасов П.П. Отчеты советской делегации о XVII (1980) и XVIII (1981) сессиях советско-французской «малой» комиссии по научно-техническому и экономическому сотрудничеству // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 12. М., 2017. С. 314–324.

Шалимов С.В. Советско-французские научные связи в области биологии во второй половине 1960-х гг. // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 3. С. 44–55.

Шалимов С.В. Советско-французские научные связи в области молекулярной биологии и биохимии: интервью с академиком РАН О.И. Лаврик // Историко-биологические исследования. 2021. Т. 13. № 3. С. 136–149.

³⁷ Там же. Ф. 579. Оп. 13. Д. 142. Л. 50.

- Шалимов С.В., Богданов А.А.* Советско-французское научное сотрудничество в области молекулярной биологии и биохимии // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 1. С. 186–201.
- Шалимов С.В., Пьеррель Ж.* Советско-французские научные связи в области биологии в 1970-е гг. // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2020. М., 2020. С. 716–719.
- Cœuré S.* Économie-monde et civilisation russeselon Fernand Braudel. Un dialogue entre historiens français et soviétiques // Revue de Synthèse. 2019. Vol. 139. № 1–2. P. 9–36.
- Popa I.* Aires culturelles et recompositions (inter)disciplinaires La 6e section de l'EPHE et les étudiants sur l'espace russe, soviétique et est-européen // Actes de la recherche sciences sociales. 2015. № 210. P. 60–81.
- Rey M.-P.* La tentation du rapprochement: France et URSS à l'heure de la détente (1964–1974). Paris, 1991.
- Russian-French Links in Biology and Medicine / eds J.-G. Barbara, J.C. Dupont, E.I. Kolchinsky, M.V. Loskutova. Saint-Petersburg, 2012.

References

- Aleksandr Sergeevich Spirin. Zhizn' v nauke [Alexander Sergeevich Spirin. Life in science] / red. A.A. Bogdanov, Ye.O. Samoylova. Moskva, 2022. (In Russ.)
- Borisov Yu.V.* SSSR i Frantsiya: 60 let diplomaticheskikh otnosheniy [The USSR and France: 60 years of diplomatic relations]. Moskva, 1984. (In Russ.)
- Cherkasov P.P.* Otchetly sovetskoy delegatsii o XVII (1980) i XVIII (1981) sessiyakh sovetsko-frantsuzskoy "maloy" komissii po nauchno-tekhnicheskomu i ekonomicheskomu sotrudnichestvu [The reports of the Soviet delegation on the XVII (1980) and XVIII (1981) sessions of the Soviet-French "small" commission on scientific, technical and economic cooperation] // Rossiya i Frantsiya. XVIII–XX veka [Russia and France. 18th–20th centuries]. Vol. 12. Moskva, 2017. S. 314–324. (In Russ.)
- Dubinina Yu.V., Kelin V.N.* SSSR – Frantsiya. Opyt sotrudnichestva (shestidesyatyye-semidesyatyye gody) [The USSR – France. The experience of cooperation (sixties-seventies)]. Moskva, 1979. (In Russ.)
- Gvishiani Dzh.M.* Mosty v budushcheye [Bridges to the future]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Koloskova Ye.Ye.* Rossiya i Frantsiya: sotrudnichestvo v oblasti nauki i kul'tury. 1930–1990-ye gg. [Russia and France: cooperation in the field of science and culture. 1930s–1990s] // Istoricheskiy arkhiv [Historical Archive]. 2011. № 1. S. 84–99. (In Russ.)
- Kovalev M.V.* "Auditoriya v Sorbonne byla zabita do otkaza": parizhskiy lektzii akademika M.N. Tikhomirova 1957 goda ["The auditorium of Sorbonne was overcrowded": the lectures of Professor M.N. Tikhomirov in Paris in 1957] // Rossiya XXI [Russia XXI]. 2022. № 4. S. 130–157. (In Russ.)
- Lev L'vovich Kiselev: nauka kak istochnik zhiznennogo optimizma [Lev Lvovich Kiselev: science as a source of vital optimism] / red. L.Yu. Frolova, K.L. Kiseleva, E.S. Levina, S.E. Tvardovskaya. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Lyubina G.I.* Rossiya i Frantsiya: Istoriya nauchnogo sotrudnichestva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Russia and France: The history of research cooperation (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moskva, 1996. (In Russ.)
- Mazyui-Kroket R.* Dekada franko-sovetskogo nauchnogo sblizheniya 1934 g. [The French-Soviet scientific rapprochement in 1934] // Otnosheniya mezhdru Rossiiyey i Frantsiiyey v yevropeyskom kontekste (v XVIII–XX vv.): istoriya nauki i mezhdunarodnyye svyazi. Sb. statey [The relations between Russia and France in the European context (in the 18th–20th centuries): history of science and international relations. Collection of articles] / red. V.Ya. Berelovich. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Osipova N.M.* Dokumenty po istorii russko-frantsuzskikh nauchnykh svyazey v fondakh Arkhiva RAN [The documents on the history of Russian-French scientific relations in the collections of the Archive of the Russian Academy of Sciences] // Frantsuzy v nauchnoy i intellektual'noy zhizni Rossii XVIII–XX vv. [The French in the scientific and intellectual life of Russia in the 18th–20th centuries] / red. A.O. Chubar'yan, F.-D. Lishtenan, sost. O.V. Okuneva. Moskva, 2010. S. 55–62. (In Russ.)
- "Ot Atlantiki do Urala": Sovetsko-frantsuzskiyey otnosheniya ["From Atlantic to Ural": Soviet-French relationship]. 1956–1973 / red. G.Zh. Mulek. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Pierrel J., Shalimov S.V.* "V vysshey stepeni uspeshno": sovetsko-frantsuzskoyey i sovetsko-germanskoyey sotrudnichestvo v oblasti molekuliarnoy biologii v 1979 g. (po materialam simpoziumov v Por-Kro i Myunkhene) ["Extremely successful!": Soviet-French and Soviet-German cooperation in the field of molecular biology in 1979 (based on the materials of the Port-Cros and Munich symposia)] // Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki [Questions of the history of natural science and technology]. 2022. T. 43. № 2. S. 288–299. (In Russ.)
- Russko-frantsuzskiyey nauchnyye svyazi [Russian-French scientific relations] / red. A.T. Grigoryan, A.P. Yushkevich. Leningrad, 1968. (In Russ.)

Shalimov S.V. Sovetsko-frantsuzskie nauchnye svyazi vo vtoroi polovine 1960-kh gg. [Soviet-French links in biology in the second half the 1960s] // Sotsiologiya nauki i tekhnologii [Sociology of Science and Technology]. 2019. T. 10. № 3. S. 44–55. (In Russ.)

Shalimov S.V. Sovetsko-frantsuzskie nauchnyye svyazi v oblasti molekulyarnoy biologii i biokhimii: interv'y u akademika RAN O.I. Lavrik [Soviet-French scientific links in the field of molecular biology and biochemistry: interview with academician O.I. Lavrik] // Istoriko-biologicheskiye issledovaniya [Historical-biological research]. 2021. T. 13. № 3. S. 136–149. (In Russ.)

Shalimov S.V., Bogdanov A.A. Sovetsko-frantsuzskoye nauchnoye sotrudnichestvo v oblasti molekulyarnoy biologii i biokhimii [Soviet-French Scientific Links in the Field of Molecular Biology and Biochemistry] // Sotsiologiya nauki i tekhnologii [Sociology of Science and Technology]. 2023. T. 14. № 1. S. 186–201. (In Russ.)

Shalimov S.V., Pierrel J. Sovetsko-frantsuzskie nauchnyye svyazi v oblasti biologii v 1970-ye gg. [Soviet-French links in biology in the 1970s] // Institut istorii yestestvoznaniia i tekhniki im. S.I. Vavilova. Godichnaya konferentsiya, 2020 [The annual conference of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, 2020]. Moskva, 2020. S. 716–719. (In Russ.)

Slepkova N.V., Tikhonova Ye.P., Smirnov A.V. Sotrudnichestvo Zoologicheskogo instituta RAN s zoologami Frantsii [The cooperation of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences with French zoologists] // Sankt-Petersburg – Frantsiya. Nauka, kul'tura, politika [Saint-Petersburg – France. Science, culture, politics]. Sankt-Peterburg, 2010. S. 576–596. (In Russ.)

Cœuré S. Économie-monde et civilisation ruseselon Fernand Braudel. Un dialogue entre historiens français et soviétiques // Revue de Synthèse. 2019. Vol. 139. № 1–2. P. 9–36.

Popa I. Aires culturelles et recompositions (inter)disciplinaires La 6e section de l'EPHE et les étudessur l'espace russe, soviétique et est-européen // Actes de la recherche en sciences sociales. 2015. № 210. P. 60–81.

Rey M.-P. La tentation du rapprochement: France et URSS à l'heure de la détente (1964–1974). Paris, 1991.
Russian-French Links in Biology and Medicine / eds J.-G.Barbara, J.C.Dupont, E.I. Kolchinsky, M.V. Loskutova. Saint-Petersburg, 2012.

DOI: 10.31857/S0130386424010121

© 2024 г. М.М.Э. АБДАЛЛА

СОВЕТСКО-ЕГИПЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1970–1973)

Абдалла Моатаз Мохамед Эльдавуди – аспирант кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

E-mail: mr.moataz@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9008-0395; Researcher ID: HSI-4289-2023

Аннотация. В предлагаемой статье исследуются политические отношения между СССР и Египтом после смерти президента Египта Гамала Абдель Насера в 1970 г. в первые годы президентства Мухаммеда Анвара Садата (1970–1981). На основе российских архивных источников, а также мемуаров советских, египетских и западных политиков анализируются трудности, возникавшие в ходе этого процесса. Цель данной работы – изучение подходов египетских политиков к отношениям с Советским Союзом в начале 1970-х годов, с одной стороны, а с другой – освещение позиции советского руководства в первые годы президентства А. Садата, интенсификация американо-египетских контактов и безуспешные попытки Садата урегулировать арабо-израильский конфликт мирным путем. В статье предпринимается попытка выявить важнейшие факторы, обусловившие взлеты и падения в отношениях между двумя странами со времени подписания в 1971 г. советско-египетского Договора о дружбе и сотрудничестве, помощи Египту в области вооружений до прекращения миссии советских военных советников и специалистов в Египте и влияние этих факторов на советско-египетские отношения. Демонстрируется эволюция политики А. Садата, первоначально декларировавшего приверженность политике Г.А. Насера в отношении с Советским Союзом, но со временем склонившегося к сотрудничеству с США. В статье предлагается объяснение наиболее важных причин кризисов, которые повлияли на отношения СССР с Египтом в первые годы президентства Садата, а также пути преодоления этих кризисов совместными усилиями египетского и советского руководства до октябрьской войны 1973 г.

Ключевые слова: внешняя политика, Ближний Восток, арабо-израильский конфликт, Египет, СССР, США, А. Садат, Л.И. Брежнев, международные отношения.

М.М.Е. Abdalla

Soviet-Egyptian Relations (1970–1973)

Moataz Abdalla, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

E-mail: mr.moataz@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9008-0395 Researcher ID: HSI-4289-2023

Abstract. In this article, the author examines the history of political relations between the USSR and Egypt after the death of Egyptian President Gamal Abdel Nasser in 1970 and the beginning of the era of President Mohammed Anwar el-Sadat, as well as the difficulties and turmoil that directly arose in relations between the two countries. The aim of the study is to analyse the approach of Egyptian policymakers towards the Soviet Union in the early seventies. On the other hand, to

highlight the position of Soviet leaders towards Sadat's rise to power and his attempts at a peaceful settlement of the Arab-Israeli conflict. In addition, the author examines the most significant factors, ups and downs of relations between the two countries during this period, i.e. from the signing stage of the Soviet-Egyptian Treaty of Friendship and Cooperation, military assistance to Egypt with arms to the crisis related to the termination of the mission of Soviet military advisors and experts in Egypt. This study focused on a combined analysis of sources and studies in Arabic and Russian in order to objectively highlight the point of view of each of the participants in the relationship, as well as some Western views according to English-language sources. The study as a whole explains the crucial motives behind the crises that had an obvious impact on the Soviet-Egyptian relations and how, through joint efforts, the leadership of both countries managed to eliminate these crises before the October War of 1973.

Keywords: foreign policy, Middle East, Arab-Israeli conflict, Egypt, USSR, USA, Anwar Sadat, Leonid Brezhnev, international relations.

В сентябре 1970 г. мир облетела весть о смерти президента Египта Гамалы Абдель Насера, авторитетом которого в 1950–1960-е годы не обладал ни один политик на арабском Востоке. Насер был настоящим лидером арабского национализма, которому приписывают вовлечение Египта и арабского мира в мировую политику, в современную систему международных отношений. В эпоху Насера началось активное советско-египетское сближение. С его уходом из жизни оно завершилось. Как известно, Насер предпринял смелые шаги в отношениях с Советским Союзом в 1950-е годы, важнейшим из которых стала сделка по закупке советского оружия, что явилось вызовом западным странам. Он не ожидал, что его политическое выживание и судьба страны окажутся настолько тесно связаны с Москвой. Насер пользовался хорошей репутацией и большим уважением среди советских руководителей, что способствовало успеху советско-египетских отношений во время его правления и преодолению любых разногласий, возникавших между руководителями двух стран¹.

Смерть Насера вызвала шок у многих политиков, лидеры ряда стран отправились в Каир, чтобы присутствовать на его похоронах. Москва решила направить в Каир человека, исполнявшего в то время самые ответственные поручения за границей, председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина². Утром 30 сентября 1970 г. советская делегация прилетела в Каир. Их принял вице-президент Мохаммед Анвар Садат вместе с военным министром генерал-полковником М. Фаузи и министром местной администрации А. Сабри. В этот же день Косыгин еще раз встретился с Садатом, вместе они посетили вдову Насера для выражения соболезнований. Затем советская делегация запросила согласие египетского правительства назначить В.М. Виноградова послом СССР в Египте, поскольку месяцем ранее бывший посол С.А. Виноградов скончался. Садат согласился, и В.М. Виноградов был назначен послом СССР в Каире³.

2 октября 1970 г. на египетско-советской встрече представители Москвы подчеркнули, что дальнейшее сотрудничество между Египтом и СССР останется таким же активным, каким оно было во времена Насера. Косыгин выразил уверенность, что новое руководство Египта сможет дезавуировать продвигаемую врагами Египта идею, что после смерти Насера в стране возникнет вакуум власти. С египетской стороны Садат, который был самым сильным кандидатом на место руководителя Египта после смерти Насера, подчеркнул, что египетское руководство не допустит каких-либо разногласий в своей среде. Обе стороны обсудили ряд вопросов, затрагивавших советско-египетские отношения. На следующий день советская делегация вернулась в Москву⁴.

¹ Ульянищева Е.В. Советское/российское направление во внешней политике Египта и Ливии во второй половине XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 90–91.

² Суходрев В.М. Язык мой – друг мой. От Хрущева до Горбачева. М., 2008. С. 117.

³ Виноградов В.М. Египет: от Насера к Октябрьской войне. Из архива посла. М., 2012. С. 18–20.

⁴ Там же. С. 24–25.

Несколько дней спустя Высший исполнительный комитет (ВИК) и Центральный комитет Арабского социалистического союза (ЦК АСС) Египта выдвинули кандидатуру Садата на пост президента. 15 октября 1970 г. в Египте был проведен референдум по вопросу избрания Садата президентом. После своего избрания Садат заявил, что его политика будет такой же, как у Насера⁵. Однако с самого начала стало понятно, что это не так. Хотя Садат, как и Насер, поначалу продолжал военно-политическое сотрудничество с СССР, направленное против Израиля, он в то же время искал пути улучшения отношений с США, считая, что без их поддержки невозможно добиться каких-либо успехов в урегулировании арабо-израильского конфликта⁶.

Это противоречило политике Насера, который рассматривал Соединенные Штаты Америки как фактического партнера Израиля во время войны 1967 г. Насер также полагал, что взятое силой может быть возвращено также только силой. Садат же предпочел иной подход, взяв на себя инициативу по мирному урегулированию конфликта между Египтом и Израилем⁷. Данный вопрос стал главной целью нового президента. По его оценке, решение проблемы арабо-израильского конфликта и, соответственно, возвращение египетских территорий, оккупированных Израилем в 1967 г., восстановит авторитет Египта в глазах всего мира⁸.

После смерти Насера Египет стал главной целью американской политики на Ближнем Востоке. В свою очередь, в Вашингтоне стали искать подходы к Садату, надеясь побудить его к проведению выгодной для США политики. Американское руководство, не рассчитывая на прямой контакт с Садатом, действовало через посредничество Саудовской Аравии. Король Саудовской Аравии Фейсал направил главу саудовской разведки Камалья Адхама⁹ в Египет в начале ноября 1970 г., чтобы сообщить Садату, что американцы обеспокоены советским присутствием в Египте. Садат, узнав, что США создают условия для улучшения своих отношений с ним, ответил Адхаму, что полностью готов прекратить советское присутствие в Египте при условии, что Израиль начнет вывод войск из Синая¹⁰.

Садат понимал, что главной целью США и Израиля было не допустить выполнения принятой в ноябре СБ ООН резолюции № 242, предусматривающей вывод израильских войск с оккупированных территорий, а также прекращение огня и преобразование нынешних границ Израиля в постоянные. Эту политику можно назвать «ни мира, ни войны». Садат считал, что политические усилия по разрешению этого кризиса не увенчаются успехом, если Израиль не почует силу Египта. Кроме того, он считал необходимым проявить одновременно твердость и гибкость в отношениях с США¹¹. Таким образом, Садат стал развивать египетско-американские контакты. Они начались во второй половине декабря 1970 г., когда Садат направил письмо президенту США Ричарду Никсону с призывом продолжить урегулирование вопроса арабо-израильского конфликта¹². В целом Садат искал возможные пути и мирные средства для достижения своих целей, что натолкнуло его на мысль продлить соглашение о прекращении огня с Израилем, предложенное США 5 июня 1970 г. через госсекретаря Уильяма Роджерса. Соглашение предусматривало прекращение огня между Египтом и Израилем на трехмесячный период, а также вступление

⁵ Правда. 15.X.1970. С. 1.

⁶ Хейкал М.Х. Хэреф Альгдб. Каир, 2006. С. 193. (На араб. яз.)

⁷ Арабо-израильские войны: арабский взгляд. М., 2008. С. 89.

⁸ Садат М.А. Поисках самого себя. Каир, 1978. С. 228. (На араб. яз.)

⁹ Камаль Адхам, брат жены короля Фейсала (королева Эффат), один из доверенных лиц короля и его специальный советник, а также глава саудовской разведки.

¹⁰ Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М., 2006. С. 137–138.

¹¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 63. Д. 667. Л. 1.

¹² Мансур М.М. Советско-американский конфликт на Ближнем Востоке. Каир, 1995. С. 389. (На араб. яз.)

двух стран, Египта и Израиля, в новые переговоры по выполнению резолюции Совета Безопасности (СБ) ООН № 242¹³.

Американо-египетские контакты вызывали озабоченность советского руководства. Поэтому председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный посетил Каир в январе 1971 г. под предлогом празднования завершения строительства Асуанской плотины, но настоящей целью визита являлась оценка нового режима в Египте¹⁴.

Советская делегация во главе с Подгорным прибыла в Каир 13 января, и переговоры начались на следующий день во дворце Аль-Кубба. Во время переговоров между египетской и советской делегациями президент Египта Садат попросил Советский Союз поддержать Египет в поставках большего количества средств противовоздушной обороны для достижения достаточного баланса в регионе. Он также коснулся вопроса отказа Израиля выполнять резолюцию № 242 и его требования о прекращении огня на фронте, что означало постоянную оккупацию арабских территорий, и предложил вынести этот вопрос на рассмотрение СБ ООН. Однако Подгорный придерживался мнения, что США откажутся сделать это, и если будет проведено заседание для рассмотрения этого вопроса, то все, что сделает Совет Безопасности, потребует продления режима прекращения огня. С египетской стороны Махмуд Рияд считал, что США будут возражать в Совбезе против любого решения, которое не удовлетворит Израиль, и что целью американской политики, объявленной госсекретарем США Генри Киссинджером, было вытеснение СССР из региона. Относительно этой точки зрения Рияд писал в мемуарах: «Подгорный был очень разозлен, когда я сказал ему, что целью США является вытеснение СССР из региона, особенно из Египта, и он вообще не ожидал в то время, что развитие событий в регионе приведет к прекращению советского присутствия в Египте в следующем году». В конце переговоров двух делегаций стало ясно, что позиция СССР направлена на то, чтобы не возобновлять войну на истощение, не обращаться в СБ ООН и поддерживать идею продления периода прекращения огня между Египтом и Израилем¹⁵.

4 февраля 1971 г. президент Египта заявил, что готов продлить на месяц период прекращения огня и открыть Суэцкий канал для международного судоходства при условии, что Израиль будет готов частично уйти с Синайского полуострова в качестве первого этапа процесса полного вывода израильских войск со всех оккупированных территорий и возвращения границ, существовавших до 5 июня 1967 г. в соответствии с резолюцией № 242. По инициативе Садата посредник ООН Гуннар Ярринг 8 февраля обратился к правительствам Египта и Израиля с просьбой письменно заявить о своей приверженности выполнить резолюцию № 242. В ответ Египет принял предложение Ярринга¹⁶.

Что касается Израиля, он категорически не желал уйти с оккупированных территорий и возвращаться к границам, существовавшим до 5 июня 1967 г., но был готов изучить идею открытия Суэцкого канала, чтобы способствовать стабилизации международной обстановки. Он также выразил готовность вступить в мирные переговоры с Египтом¹⁷. Тогда Садат заявил корреспонденту газеты «Фигаро» о позиции Египта, сказав: «Мы пошли так далеко, как могли, в наших усилиях с целью достижения мира... Мы за мир, и мы приняли обязательства, вытекающие из резолюции Совета Безопасности... Мы всегда старались доказать нашим друзьям в Европе, что цель сионистов — территориальная экспансия... Да, экспансия, [с целью] получить землю, как можно больше земель. Нам не верили!»¹⁸. То есть Садат, судя по всему, видел, что эта инициатива привлечет страны,

¹³ Эль-Джамаси М.А. Воспоминания Эль-Джамаси: Октябрьская война 1973 г. Каир, 1998. С. 257. (На араб. яз.)

¹⁴ Хейкал М.Х. Дорога в Рамадан. Каир, 1975. С. 71. (На араб. яз.)

¹⁵ Мемуары Махмуда Рияда (1948–1978): поиск мира и конфликт на Ближнем Востоке. Каир, 1985. С. 337–340. (На араб. яз.)

¹⁶ Dawisha K. Soviet Foreign Policy Towards Egypt. New York, 1979. P. 57.

¹⁷ Авад Ф. Садат: 35 лет со времен Кэмп-Дэвида. Каир, 2013. С. 45. (На араб. яз.)

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4459. Оп. 43. Д. 144. Л. 3.

которые пострадали от закрытия Суэцкого канала, и, если Израиль отвергнет эту инициативу, весь мир выступит против нее, что приведет к его международной изоляции. Когда Израиль отверг такое предложение, Садат решил обратить внимание западных стран на то, что египетское руководство постоянно стремилось к достижению мира, но израильтяне ответили, что не покинут арабские территории, оккупированные с июня 1967 г.

27 февраля 1971 г. Садат встретился с советским послом Виноградовым и в ходе беседы президент пояснил, что ситуация в Египте и в ближневосточном регионе в целом стала рискованной в вопросе урегулирования и что такая атмосфера может создать прекрасную возможность для США вбить клин между СССР и Египтом. Садат сказал Виноградову, что получил устное предложение руководства США организовать встречу в одной из европейских стран в присутствии высокопоставленных государственных деятелей Египта, США и одного из видных государственных деятелей Израиля, чтобы достигнуть соглашения по деталям, связанным с первым этапом вывода израильских сил (или решения всей проблемы, если того пожелает Египет). Италия предлагала провести встречу на своей территории. Предполагалось, что, если Египет согласится, израильтяне тоже заранее согласятся начать вывод войск и обсудить детали встречи.

Однако Садат заверил посла, что готов принять американского государственного деятеля в Каире, и отклонил предложение американцев и итальянцев под предлогом невозможности вступления Египта в прямые переговоры с Израилем. В конце встречи Садат подчеркнул, что любые усилия, направленные на политическое урегулирование кризиса, не достигнут цели, если они не будут подкреплены наличием у Египта средств ответного удара. Так, он выразил желание совершить секретный визит в Москву 1 марта и попросить СССР поставить Египту оружие в соответствии с соглашением¹⁹ бывшего президента Египта Насера с советским руководством²⁰.

Когда Садат прибыл в Москву и начал переговоры с советским руководством, он подтвердил в своей речи два основных момента: во-первых, Садат хотел, чтобы ни один советский солдат не участвовал на стороне Египта в его войне с Израилем, а во-вторых, что Египет не стремится к противостоянию между СССР и США. Также он попросил советских руководителей быстро предоставить Египту необходимое вооружение, и тогда советская сторона согласилась, выразив готовность поставить Египту самолеты и ракеты, но при условии, что Египет будет использовать эти самолеты только с согласия советского правительства. Садат возразил и разозлился, заявив: «В Египте нет решения, кроме моего как президента Египта». В этот момент Косыгин и министр обороны СССР А.А. Гречко заспорили с Садатом, что заставило Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева попытаться смягчить жаркий разговор. Он сообщил, что советское правительство дало согласие на поставку в Египет нескольких видов оружия. Хотя таковые не требовались, Садат согласился и поблагодарил советских руководителей за предоставление Египту оружия, потому что египетская армия остро нуждалась в любых видах вооружений²¹.

Таким образом, можно сказать, что Садат в то время применял двойственную политику как по отношению к СССР, так и по отношению к США. С одной стороны, Садат хотел сохранить отношения с СССР, поскольку он был единственным источником политической и военной поддержки Египта в то время. С другой стороны, Садат понимал, что достижение политического урегулирования арабо-израильского конфликта не будет

¹⁹ Секретное межправительственное соглашение между СССР и Египтом, заключенное Насером с советскими руководителями во время его секретного визита в Москву в конце декабря 1969 г. В соответствии с этим соглашением Советский Союз должен был направить в Египет зенитно-ракетные комплексы, а также 20 тыс. советских военнослужащих для пополнения рядов египетской армии. См.: *Когитина Е.А., Турк С.Н.* Внешняя политика Египта в период правления президента Анвара Садата (1970–1981) // Тенденции развития науки и образования КубГАУ. 2020. № 63–65. С. 105.

²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 667. Л. 23–24.

²¹ *Sadat M.A.* Указ. соч. С. 233.

достигнуто без США. Садат считал, что для достижения этой двойной политики попытки Вашингтона укрепить связи с Египтом могут вбить клин между СССР и Египтом. Поэтому Садат отклонил предложение лидеров США провести встречу между Египтом и Израилем в европейской стране под эгидой США, аргументируя невозможность вступления Египта в прямые переговоры с Израилем. Но в то же время он выразил готовность принять высокопоставленных американских государственных деятелей в Египте для обсуждения проблемы конфликта. Так, он указал руководителям СССР во время своего визита в Москву, что любые усилия, направленные на урегулирование конфликта, не достигнут цели, если Израиль и США не почувствуют военную и политическую силу Египта.

4 марта 1971 г. Садат получил телеграмму от Р. Никсона, в которой говорилось, что США предпочитают политическое урегулирование конфликта, а потому Садат должен проявить терпение и дать американцам и израильтянам больше времени²². Садат понял, что возможности мирного урегулирования зашли в тупик. 7 марта египетское правительство объявило, что оно больше не связано соглашением о перемирии с Израилем. Хотя боевые действия не возобновились, Садат начал готовиться к конфронтации. Обстановка в Суэце перешла в состояние «ни мира, ни войны»²³.

В конце марта Садат направил Брежневу телеграмму, в которой указывал на важность развития советско-египетских отношений и предложил договор между СССР и Египтом. 1 мая Москва дала утвердительный ответ. В нем говорилось о готовности подписать соглашение в любое время²⁴.

В те дни обострилась борьба за власть в Египте между «центрами силы»²⁵ и Садатом, когда президент объявил 17 апреля 1971 г. о намерении Египта, Сирии и Ливии создать федерацию арабских республик без ведома кого-либо из «центров силы», которые считали себя политическими партнерами Садата. Когда те из них, кто входил в состав ВИК АСС, узнали о намерении нового президента, посыпались возражения. Между сторонами вспыхнул спор. Садат увидел в этом стремление ограничить его власть. Принятие же их позиции означало полный контроль над решениями Садата. Нужно отметить, что президент считал «центры силы» агентами СССР²⁶.

Садат решил избавиться от своих политических противников и провел ряд встреч с армейскими офицерами, чтобы добиться от них поддержки. Несмотря на противодействие военного министра Махмуда Фаузи, Садат начал решительное наступление на «центры силы» в мае 1971 г., 2 мая Садат снял своего главного политического противника А. Сабри с поста вице-президента, а 13 мая уволил с постов вице-премьера и министра внутренних дел Ш. Гомаа, что привело к правительственному кризису и отставке пяти министров и трех членов ВИК АСС²⁷. Тем самым Садат избавился от своих оппонентов, известных дружескими связями с руководителями СССР.

16 мая 1971 г., через день после отправки в тюрьму «центры силы», Садат принял советского посла Виноградова во дворце Аль-Тахра в Каире. В беседе с ним президент пояснил, что Сабри и другие лидеры злоупотребляли властью и вмешивались в права президента, приведя в качестве примера то, что АСС пытался сорвать идею создания федерации между Египтом, Сирией, Ливией и Суданом. В завершение встречи Садат подчеркнул,

²² Dawisha K. Op. cit. P. 57.

²³ Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений. 1945–2008. М., 2010. С. 180.

²⁴ Исмаил М.Х. Национальная безопасность Египта в эпоху вызовов. Каир, 1987. С. 180. (На араб. яз.)

²⁵ «Центрами силы» Садат называл людей Г. Абделя Насера, оставшихся на руководящих должностях в Египте после смерти Насера. Они хотели держать под контролем деятельность Садата. Среди них были вице-президент Али Сабри, министр внутренних дел Шарави Гомаа, министр информации Мухаммад Файек, спикер парламента Мохамед Лабиб и секретарь президента Сами Шараф. См.: Армуш М. Краткая история Египта. Каир, 2021. С. 571. (На араб. яз.)

²⁶ Садат М.А. Указ. соч. С. 231.

²⁷ Кустов М.В. Долг СССР в рублях, чеках, дублинках: тайные войны империи. М., 2012. С. 97.

что события внутри египетского руководства не должны отражаться на советско-египетских отношениях²⁸.

Москва объявила, что считает случившееся внутренним делом Египта. Но на деле удаление от власти просоветских политиков вызвало в Москве беспокойство²⁹. Эти события также совпали с визитом госсекретаря США Роджерса в Египет 3 мая 1971 г., т.е. через 24 часа после отставки Сабри, для обсуждения вопроса об урегулировании конфликта на Ближнем Востоке. Этот визит стал первым визитом госсекретаря США в Египет после посещения бывшего госсекретаря США Дж.Ф. Даллеса весной 1953 г.³⁰ В ходе визита Роджерс рассказал об основных вопросах: прекращение огня, возобновление работы Суэцкого канала, этап частичного вывода израильских войск и его связь со всеобъемлющим урегулированием, указав, что США не могут оказывать давление на Израиль. Он также определил миссию Вашингтона в попытках примирить египетскую и израильскую стороны, после чего Риад объяснил свою точку зрения, предусматривавшую двухэтапный полный уход Израиля с арабских земель:

1) отход на линию Ариш / Рас-Мохаммед и переход египетских войск на восток, а также открытие Суэцкого канала;

2) уход к границам, существовавшим до 5 июня 1967 г., Сектора Газа в конкретные сроки и открытие Суэцкого канала³¹.

Роджерс понял точку зрения Риада, но намекнул на позицию США, указав, что советское присутствие в Египте мешает администрации США в осуществлении посреднической роли, поэтому визит Роджерса не принесет никаких успехов³².

Визит имел широкий резонанс, а события в Египте привлекли внимание не только арабского мира. Западная пресса подчеркивала после визита Роджерса, что по советско-египетским отношениям нанесен сильный удар и именно этого желали западные страны и все, кто хочет свертывания советско-египетских отношений³³. Поэтому за несколько дней до приезда Роджерса в Каир Политбюро ЦК КПСС собралось для переоценки состояния советско-египетских отношений. В ходе встречи посол Виноградов и главный советский военный советник в В.В. Окунев дали во многом оптимистическую оценку состояния советско-египетских отношений, хотя и осознавали, что в поведении Садата проявлялась некоторая двусмысленность. Они также указывали на торговые связи между СССР и Египтом. Иное видение ситуации представил в своем докладе резидент советской внешней разведки в Египте В.А. Кирпиченко. Он утверждал, что Садат планировал отделение от Советского Союза и намеренно обманул Кремль³⁴. В связи с этим Е.М. Примаков, работавший в то время корреспондентом газеты «Правда» в Египте, упоминает, что его друг Кирпиченко, разведчик в Египте, уведолил руководство о попытке Садата изменить свой политический курс. Хотя в Кремле поверили этим словам, советское руководство направило советскую делегацию во главе с Н.В. Подгорным в Каир для подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между Египтом и СССР³⁵.

Н.В. Подгорный прибыл в Каир 25 мая 1971 г. в сопровождении члена ЦК КПСС Б.Н. Пономарева, министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и первого заместителя министра обороны СССР И.Г. Павловского. Когда начались переговоры с египетской стороной, советская делегация предложила Садату подписать договор о дружбе

²⁸ Виноградов В.М. Указ. соч. С. 37–38.

²⁹ Пестич С.С. СССР и проблемы ближневосточного урегулирования: вторая половина 1960-х – первая половина 1970-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. С. 179.

³⁰ Spiegel S.L. The other Arab-Israeli conflict: making America's Middle East policy. From Truman to Reagan. Chicago, 1985. P. 205.

³¹ Мемуары Махмуда Риада. С. 365.

³² Авад Ф. Указ. соч. С. 49.

³³ Виноградов В.М. Указ. соч. С. 37.

³⁴ Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. М., 2017. С. 117–118.

³⁵ Примаков Е.М. Указ. соч. С. 140.

и сотрудничестве между Египтом и СССР на 15 лет. Взамен Советы пообещали Садату отправить самолеты МиГ-23 и МиГ-25 через четыре дня после возвращения делегации в Москву. Действительно, Договор о дружбе и сотрудничестве был подписан между Египтом и СССР 27 мая 1971 г.³⁶ Таким образом, советское руководство считало, что с падением группы Сабри и в связи с попытками США наладить контакт с Египтом Советскому Союзу настало время защищать свои завоевания в Египте и на Ближнем Востоке. Поэтому было решено заключить советско-египетский договор о дружбе и сотрудничестве в качестве гарантии продолжения начатого Насером сближения с СССР.

Советско-египетский договор о дружбе и сотрудничестве стал первым договором, заключенным СССР с развивающейся некоммунистической страной. Положения договора также пошли на пользу обеим сторонам. В ст. 1 говорилось, что обе стороны привержены принципу невмешательства во внутренние дела друг друга. Что касается советской стороны, то она смогла добиться от Египта декларации о его приверженности социализму (с. 2), а в ст. 7 оговаривалось, что обе стороны обязаны начать немедленные консультации в случае возникновения какой-либо угрозы миру. Важна была также и ст. 8, которая предусматривала продолжение сотрудничества в развитии военного потенциала, т.е. помощи СССР Египту в вопросе подготовки военнослужащих для овладения советским оружием и техникой, повышения боеспособности с целью ликвидации последствий агрессии. Именно эта статья вызвала гнев США и Израиля. Что касается ст. 9, она была очень важной для СССР, так как предусматривала отказ от вступления в какой-либо союз, действий или мер, направленных против другой стороны³⁷. Можно сказать, что советская сторона надеялась тем самым ограничить сближение Египта с США. Что касается Садата, этот договор был лишь средством обеспечения дальнейшей советской экономической и военной поддержки Египта.

22 июня 1971 г. Садат во время встречи с египетскими военно-морскими офицерами в Александрии произнес речь, в которой среди прочего заявил: «Я говорю вам и нашему народу со всей честностью и ясностью, что 1971 г. является решающим годом. Мы не можем ждать вечно, давайте всегда будем готовы»³⁸.

Вашингтон решил прекратить попытки договориться с Египтом и начал активизировать военные поставки Израилю, чтобы закрепить военный баланс в его пользу, что усилило недовольство египетского руководства³⁹. Садату стало ясно, что он не добился какого-либо ощутимого прогресса в вопросе мирного урегулирования, но оказался в неловком положении, особенно после заявления египетскому обществу, что 1971 г. является решающим. Поэтому он начал предпринимать шаги по подготовке к войне, а не к миру. Он объявил об отзыве своих инициатив, заявив: «Нет мира без полного ухода Израиля со всех оккупированных арабских территорий, и если Израиль хочет земли, мира не будет, но если он хочет настоящего мира, он должен уйти со всех оккупированных арабских территорий»⁴⁰.

В те дни в советско-египетских отношениях возник новый спор из-за Судана. 10 июля 1971 г. там произошел направленный против правительства Дж.М. Нимейри военный переворот с целью формирования коммунистического режима. Несмотря на требования советского руководства в поддержке этого переворота и развития нового коммунистического режима, Египет поступил иначе, и Садат заявил, что не приемлет коммунистического правления на южных границах Египта. Египетское правительство официально заявило о своей поддержке правительства Нимейри и отказалось признать коммунистический режим. Оно начало противодействовать этому перевороту, поэтому попытки смены режима провалились два дня спустя, что разочаровало Москву и обострило отношения между Египтом и СССР. Естественно, что такая напряженность в отношениях между двумя

³⁶ Мансур М.М. Указ. соч. С. 395–396.

³⁷ Dawisha K. Op. cit. P. 61.

³⁸ Аль-Ахрам. 22.VI.1971. (На араб. яз.)

³⁹ Авад Ф. Указ. соч. С. 50.

⁴⁰ Аль-Ахрам. 7.XI.1971. (На араб. яз.)

странами сказались на поставках советского оружия в Египет⁴¹. Поэтому Садат решил посетить Москву 11 октября 1971 г., чтобы по возможности урегулировать отношения между двумя странами и призвать советское руководство ускорить поставку Египту необходимых современных наступательных вооружений.

Садат подчеркнул во время переговоров с советскими лидерами, что все, чего хочет Египет, — это равенство в военных возможностях с Израилем, а не превосходства над ним, сказав: «Я согласен с тем, что вы ставите нас на один шаг позади Израиля, но расстояние между нами и Израилем в двадцать шагов. Это невыносимо». В ответ на эти слова советское руководство пообещало Садату прислать советские самолеты с советскими летчиками для обучения египетских пилотов. Египетская и советская стороны также договорились, что самолеты будут отправлены в Египет до конца 1971 г. Однако их поставки не состоялись. В связи с этим Садат сказал: «Я вернулся в Египет, и я уверен, что оружие, которое они обещали, скоро будет на пути к нам... Но октябрь и ноябрь прошли без каких-либо новостей... Я отправил несколько телеграмм в Кремль, но не получил ответа». 12 декабря 1971 г. Садат вызвал советского посла в Египте и попросил его сообщить своему руководству, что он хочет важной встречи, но тот вернулся к Садату в конце декабря и ответил, что советские руководители заняты и будут готовы встретиться только 1 или 2 февраля 1972 г.⁴²

Так закончился 1971 г., не принеся видимых изменений, которые обещал Садат. Это заставило его отложить принятие какого-либо решения, направленного на проведение военных действий против Израиля. Что касается восприятиями его позиции египетским обществом, то здесь Садата ждала порой весьма неприятная ситуация: «Я знал, что столкнусь с жесткой реакцией, после того, как я объявил, что 1971 год решающий, и это действительно произошло... но египетский народ осознал, что за это несет ответственность Советский Союз». В январе 1972 г. Роджерс объявил в израильском кнессете, что США предоставят Израилю больше оружия, а также что военное превосходство Израиля будет обеспечено не только над Египтом, но и над всеми арабами⁴³. Это всколыхнуло чувства египтян. Более 6 тыс. разгневанных студентов Каирского университета устроили протесты против принятия египетским руководством положения «ни мира, ни войны». Студенты не стремились угрожать режиму, а скорее выступали с выражением национального разочарования, которое преобладало у египтян⁴⁴. Доктор Махмуд Фаузи, премьер-министр Египта, ушел в отставку, а его преемником стал Азиз Сидки⁴⁵.

В первую неделю февраля 1972 г. Садат поехал в Москву для встреч с Брежневым и Косыгиным. В ходе беседы двух сторон Садат объяснил, что советско-египетские отношения стали гораздо менее интенсивными, чем они были до смерти Насера, и также шла речь о промедлении СССР с отправкой обещанного оружия в Египет. Затем Брежнев признал, что намеренно приостановил поставки, потому что не хотел напряженности на Ближнем Востоке перед запланированным на май 1972 г. визитом Никсона в СССР. Но в конце переговоров он пообещал Садату, что, если тот проявит терпение и не начнет боевых действий до московской встречи в мае, Египту будет регулярно поставляться оружие⁴⁶. До московского саммита 1972 г. между руководством США и СССР, было решено провести еще одну встречу Садата и советских лидеров, и советский посол Виноградов отправился к Садату с посланием Кремля, заявляя о необходимости встречи в Москве в конце апреля 1972 г.⁴⁷

⁴¹ Эль-Магдуб Т. Годы подготовки и дни победы: июнь 1967 г. — октябрь 1973 г. Каир, 1999. С. 244. (На араб. яз.).

⁴² Садат М.А. Указ. соч. С. 239–240.

⁴³ Там же. С. 240.

⁴⁴ Daigle C. The limits of detente: the United States, the Soviet Union and the Arab-Israeli conflict 1969–1973. New Haven, 2012. P. 212.

⁴⁵ Хейкал М.Х. Дорога в Рамадан. С. 92.

⁴⁶ Daigle C. Op. cit. P. 213.

⁴⁷ Садат М.А. Указ. соч. С. 241.

Президент Египта посетил СССР в апреле 1972 г. Садат и Брежнев договорились о графике поставок советского оружия в Египет в течение пяти месяцев после соглашения, т.е. с мая по ноябрь 1972 г. Оба также условились, что Брежнев уведомит Садата обо всех подробностях московского саммита относительно урегулирования арабо-израильского конфликта. Таким образом, Садат вернулся в Египет, надеясь, что СССР отправит оружие в Египет в оговоренные сроки. Кроме того, советская сторона обязывалась приложить все усилия на московском саммите для урегулирования вопроса арабо-израильского конфликта с США⁴⁸. Но СССР продолжал откладывать отправку советского оружия в Египет⁴⁹.

В мае состоялся московский саммит. СССР и США достигли совместного заявления, направленного на новую политику на Ближнем Востоке, известную как разрядка и снижение международной напряженности⁵⁰. Через месяц после объявления советско-американского совместного заявления, 6 июня 1972 г., Советы направили письмо Садату, чтобы прояснить содержание соглашения, после чего Садат поручил генералу Садеку отправиться в июне в СССР для обсуждения вопроса об отправке обещанного оружия. Садек вернулся в Египет и передал Садату, что Советы не готовы регулярно поставлять оружие в согласованные сроки⁵¹. Однако президент ждал от Москвы сведений по вопросу урегулирования арабо-израильского конфликта на московском саммите, а также ответа о причине задержки с отправкой оружия. 8 июля из Москвы прибыла телеграмма, которую ждал Садат. Но в ней ничего не говорилось о поставках оружия. О реакции президента Египта посол высказался так: «Садат выслушал послание без комментариев, и когда изложение его было окончено, он спросил [с] ядовито[й] вежливо[стью]: “Это все?” Я сразу почувствовал, что приближается гроза. Поскольку в послании ничего не говорилось о положении с рассмотрением его просьб относительно новых военных поставок... Садат попросил передать в Москву, что будет продолжать борьбу против Израиля, что он останется другом Советского Союза... но принял решение о немедленном прекращении миссии советских военных в Египте»⁵². Это подтвердил Садат в мемуарах, поскольку указал, что отвергал стиль советских руководителей в отношениях с Египтом и что принял решение сразу прекратить деятельность советской военной миссии⁵³. Промедление СССР с отправкой советского оружия в Египет и провал московского саммита по достижению урегулирования проблемы арабо-израильского конфликта заставило Садата поверить, что этот конфликт не находится в центре внимания советской внешней политики и что Москва не станет жертвовать разрядкой, начавшейся в отношениях с США, ради удовлетворения требований Египта в военной области. Это побудило Садата принять решение о прекращении миссии советских военных советников и специалистов в Египте.

Через шесть дней после встречи Садата с Виноградовым Азиз Сидки отправился в СССР, чтобы попытаться смягчить влияние упомянутого решения на советско-египетские отношения и убедить советских официальных лиц в том, что это решение не означает разрыва отношений между двумя странами. Во время встречи Сидки с советскими руководителями тот предложил Брежневу, чтобы СССР выступил с заявлением о том, что работа советской военной миссии в Египте завершена и ее сотрудники должны вернуться на родину⁵⁴. Действительно, 20 июля «Правда» сообщила, что советские советники, командированные в Египет на ограниченный срок, выполнили свою задачу и вернутся в СССР⁵⁵.

⁴⁸ Камель М.С. Документы Октябрьской войны. Каир, 1975. С. 245. (На араб. яз.)

⁴⁹ Садат М.А. Указ. соч. С. 241.

⁵⁰ Kissinger H. White House Years. Boston, 1979. P. 1297.

⁵¹ Захран Г.А. Внешняя политика Египта 1970–1981 гг.: высылка советских специалистов. Каир, 1987. С. 253. (На араб. яз.)

⁵² Виноградов В.М. Указ. соч. С. 129.

⁵³ Садат М.А. Указ. соч. С. 243.

⁵⁴ Хейкал М.Х. Дорога в Рамадан. С. 101.

⁵⁵ Правда. 20.VII.1972. С. 4.

Решение Садата разозлило Советский Союз. Но президент сразу отправил египетскую делегацию в Москву, чтобы дать понять руководству СССР, что он не хочет разрыва отношений. Одним из членов делегации был начальник египетской общей разведки генерал-лейтенант Ахмед Исмаил, который провел плодотворные дискуссии с главой советской разведки Ю.В. Андроповым⁵⁶. Однако советские руководители не захотели отвечать на просьбу о переговорах на высшем уровне в августе, поскольку обе страны отозвали своих послов, и отношения оказались заморожены на несколько месяцев⁵⁷.

В августе 1972 г. Садат отправил Брежневу телеграмму, в которой подробно разъяснил позицию Египта по предшествующим событиям между двумя странами, подробно изложив этапы истории советско-египетской дружбы и ее значение⁵⁸. Вскоре после этого Брежнев направил Садату телеграмму с аналогичной формулировкой, в которой содержались некоторые конструктивные предложения по развитию советско-египетских отношений. В начале октября послы двух стран вернулись к местам службы, а в том же месяце премьер-министр Египта Азиз Сидки вновь отправился в Москву для переговоров по улучшению отношений⁵⁹.

После назначения генерала Исмаила египетским военным министром было решено предпринять шаги навстречу СССР, поэтому Исмаил отправился в Москву в марте 1973 г. и сумел договориться с советским руководством об отправке большого количества советского оружия в Египет⁶⁰.

В то время Египет получил самые мощные в мире системы ПВО, состоявшие из советских зенитных ракет SAM-2, SAM-3 и SAM-6. Решимость Садата начать новую войну против Израиля нарастала. Он также публично объявил о своих планах и убедил президента Сирии Х. Асада присоединиться к нему при нападении на Израиль. В то время СССР постоянно поставлял Египту необходимое оружие, и перевозившие его советские корабли продолжали заходить в египетские порты до начала войны. Египетские военные с учетом опыта Шестидневной войны, который они изучали вместе с советскими военными советниками, совершенствовали план наступления. Между тем СССР намеревался добиться решения о прекращении огня в Совете Безопасности ООН в случае провала войны. 6 октября 1973 г. Египет вновь начал боевые действия против Израиля⁶¹.

В заключение можно констатировать, что в советско-египетских отношениях с первых месяцев правления Садата возникли трудности. С одной стороны, президент считал, что политическое урегулирование арабо-израильского конфликта не может быть достигнуто без помощи США, а с другой стороны, что СССР единственная страна, оказывающая военную и политическую поддержку Египта, поэтому Садат старался поддерживать добрые отношения с Советским Союзом.

Что касается руководителей СССР, то они усомнились в намерениях президента Египта с начала египетско-американских контактов, особенно после заявления Садата принять высокопоставленных американских государственных деятелей в Египте для обсуждения проблемы конфликта. Этот период совпал с борьбой за власть в Египте и свержением Садатом группировки А. Сабри, известной своими симпатиями к Советскому Союзу. В итоге советское руководство почувствовало опасность для своего присутствия в Египте. Пожалуй, тут можно сказать, что СССР поспешил подписать договор о сотрудничестве и дружбе с Египтом в мае 1971 г., чтобы воспрепятствовать американским планам прекратить советское присутствие в Египте посредством контактов и визитов в Каир.

Несмотря на подписание договора, кризис в советско-египетских отношениях наступил уже в следующем году, когда в мае 1972 г. состоялся московский саммит, на котором

⁵⁶ Фахми И. Переговоры о мире на Ближнем Востоке. Каир, 1985. С. 24. (На араб. яз.)

⁵⁷ Dawisha K. *Op. cit.* P. 64.

⁵⁸ Sadat M.A. Указ. соч. С. 246.

⁵⁹ Dawisha K. *Op. cit.* P. 65.

⁶⁰ Фахми И. Указ. соч. С. 25.

⁶¹ Хазанов А.М., Олимпиев А.Ю. СССР и Египет (1952–1978). Взгляд историков. М., 2022. С. 132–134.

руководство США и СССР пришло к выводу о необходимости ограничения вооружений стран Ближнего Востока. Поэтому неудивительно, что Москвы задержала отправку оружия в Египет. Задержка с ней могла быть одной из причин, побудивших Садата прекратить деятельность миссии советских военных специалистов в Египет. Хотя после кризиса отношения между двумя странами вошли в состояние стагнации, египетское руководство быстро осознало невозможность продолжения арабо-израильского конфликта без поддержки СССР, и поэтому Каир предпринял шаги, оказавшие существенное влияние на смягчение кризиса. Во-первых, это визит Азиза Сидки в СССР с целью убедить советских официальных лиц в том, что египетское решение не означает разрыва отношений между двумя странами. Во-вторых, телеграмма Садата Брежневу, в которой он полностью разъяснил позицию Египта по предыдущим событиям. В-третьих, назначение военным министром Египта Ахмеда Исмаила, который многое сделал для того, чтобы убедить советское руководство отправить в Египет большое количество оружия, что помогло Садату начать боевые действия в октябре 1973 г.

Библиография

- Авад Ф.* Садат: 35 лет со времен Кэмп-Дэвида. Каир, 2013. (На араб. яз.)
- Арабо-израильские войны: арабский взгляд / отв. ред. Г. Пернавский. М., 2008.
- Армуш М.* Краткая история Египта. Каир, 2021. (На араб. яз.)
- Богатуров А.Д., Аверков В.В.* История международных отношений. 1945–2008. М., 2010.
- Виноградов В.М.* Египет: от Насера к Октябрьской войне. Из архива посла. М., 2012.
- Захран Г.А.* Внешняя политика Египта 1970–1981 гг.: высылка советских специалистов. Каир, 1987. (На араб. яз.)
- Исмаил М.Х.* Национальная безопасность Египта в эпоху вызовов. Каир, 1987. (На араб. яз.)
- Камель М.С.* Документы Октябрьской войны. Каир, 1975. (На араб. яз.)
- Кирпиченко В.А.* Разведка: лица и личности. М., 2017.
- Князев А.Г.* Египет после Насера 1970–1981. М., 1986.
- Когитина Е.А., Турк С.Н.* Внешняя политика Египта в период правления президента Анвара Садата (1970–1981) // Тенденции развития науки и образования КубГАУ. 2020. № 63–5. С. 105–107.
- Кустов М.В.* Долг СССР в рублях, чеках, дублинках: тайные войны империи. М., 2012.
- Мансур М.М.* Советско-американский конфликт на Ближнем Востоке. Каир, 1995. (На араб. яз.)
- Мемуары Махмуда Рияда (1948–1978):* поиск мира и конфликт на Ближнем Востоке. Каир, 1985. (На араб. яз.)
- Пестич С.С.* СССР и проблемы ближневосточного урегулирования: вторая половина 1960-х – первая половина 1970-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2019.
- Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М., 2006.
- Садат М.А.* В поисках самого себя. Каир, 1978. (На араб. яз.)
- Суходрев В.М.* Язык мой – друг мой. От Хрущева до Горбачева. М., 2008.
- Ульянищева Е.В.* Советское/российское направление во внешней политике Египта и Ливии во второй половине XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- Фахми И.* Переговоры о мире на Ближнем Востоке. Каир, 1985. (На араб. яз.)
- Хазанов А.М., Олимпиев А.Ю.* СССР и Египет (1952–1978). Взгляд историков. М., 2022.
- Хейкал М.Х.* Дорога в Рамадан. Каир, 1975. (На араб. яз.)
- Хейкал М.Х.* Хэрэф Альгдб. Каир, 2006. (На араб. яз.)
- Эль-Джамаси М.А.* Воспоминания Эль-Джамаси: Октябрьская война 1973 г. Каир, 1998. С. 257. (На араб. яз.)
- Эль-Магдуб Т.* Годы подготовки и дни победы: июнь 1967 г. – октябрь 1973 г. Каир, 1999. (На араб. яз.)
- Daigle C.* The limits of detente: the United States, the Soviet Union and the Arab-Israeli conflict 1969–1973. New Haven, 2012.
- Dawisha K.* Soviet Foreign Policy Towards Egypt. New York, 1979.
- Kissinger H.* White House Years. Boston, 1979.
- Spiegel S.L.* The other Arab-Israeli conflict: making America's Middle East policy. From Truman to Reagan. Chicago, 1985.

References

- Arabo-izraillskie vojni: arabskii vzglyad [Arab-Israeli wars: Arab view] / отв. ред. G. Pernavskii. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Armush M.* Kratkaya istoriya Yegipta [Brief History of Egypt]. Kair, 2021. (In Arabic)

- Awad F. Sadat: 35 let so vremen Kemp-Devida* [Sadat: 35 years since Camp David]. Kair, 2013. (In Arabic)
- Bogaturov A.D., Averkov V.V.* Istoriya megdunarodnekhn otnashenye [History of International Relations]. 1945–2008. Moskva, 2010. (In Russ.)
- El-jamasi M.A.* Vospominaniya El-Dzhamasi: Oktyabrskaya voyna 1973 g [Memoirs of El-Jamasi: The October War of 1973]. Kair, 1998. (In Arabic.)
- El-Magdub T.* Godi podgotovki i dni pobedi: iyun 1967 g [Years of preparation and Victory days: June 1967 – October 1973]. Kair, 1999. (In Arabic)
- Fakhmi I.* Peregovori o mire na Blizhnem Vostoke [Negotiations on peace in the Middle East]. Kair, 1985. (In Arabic)
- Kamel M.S.* Dokumenti Oktyabrskoi voini [Documents of the October War]. Kair, 1975. (In Arabic.)
- Khazanov A.M., Olympiev A.Y.* SSSR e Yegipet [USSR and Egypt] (1952–1978). Moskva, 2022. (In Russ.)
- Kheikal M.Kh.* Doroga v Ramadan [The Road to Ramadan]. Kair, 1975. (In Arabic)
- Kheikal M.Kh.* Kheref Algdb [Kharef Algdb]. Kair, 2006. (In Arabic)
- Kirpichenko V.A.* Razvedka: litsa i lichnosti [Intelligence: Persons and Personalities]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Kniazev A.G.* Yegipet posle Nasera 1970–1981 [Egypt after Nasser 1970–1981]. Moskva, 1986. (In Russ.)
- Kogitina E.A., Turk S.N.* Vneshnyaya politika Yegipta v period pravleniya prezidenta Anvara Sadata (1970–1981) [Egypt's foreign policy during the reign of President Anwar Sadat (1970–1981)] // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya KubGAU [Trends in the development of science and education KubGAU]. 2020. № 63–5. S. 105–107. (In Russ.)
- Kustov M.V.* Dolg SSSR v rublyakh, chekakh, dublenkakh: tainie voini imperii [Debt of the USSR in rubles, checks, sheepskin coats: secret Wars of the Empire]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Mansur M.M.* Sovetsko-amerikanskii konflikt na Blizhnem Vostoke [The Soviet-American conflict in the Middle East]. Kair, 1995. (In Arabic.)
- Memuary Makhmuda Riada (1948–1978): poisk mira i konflikt na Blizhnem Vostoke [Memoirs of Mahmoud Riyadh (1948–1978): the search for peace and conflict in the Middle East]. Kair, 1985. (In Arabic.)
- Pestich S.S.* SSSR i problemi blizhnevostochnogo uregulirovaniya: vtoraya polovina 1960-kh – pervaya polovina 1970-kh gg: dis. ... kand. ist. nauk [The USSR and the problems of the Middle East settlement: the second half of the 1960s – the first half of the 1970: thesis PhD of Historical Sciences]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Primakov E.M.* Konfidentsialno: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka) [Confidentially: The Middle East on stage and behind the scenes (the second half of the 20th – the beginning of the 21st century)]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Sadat M.A.* V poiskakh samogo sebya [In Search of Identity]. Kair, 1978. (In Arabic.)
- Sukhodrev V.M.* Yazik moi – drug moi. Ot Khrushcheva do Gorbacheva [My language is my friend. From Khrushchev to Gorbachev]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Ulyanishcheva E.V.* Sovetskoe/rossiiskoe napravlenie vo vneshnei politike Yegipta e Livii vo vtoroi polovine XX veka: dis. ... kand. ist. nauk [The Soviet/Russian direction in the foreign policy of Egypt and Libya in the second half of the 20th century: thesis PhD of Historical Sciences]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Vinogradov V.M.* Yegipet: ot Nasera k Oktyabrskoi voine. Iz arkhiva posla [Egypt: From Nasser to the October War. From the archive of the Ambassador]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Zakhran G.A.* Vneshnyaya politika Yegipta 1970–1981 gg.: visilka sovetskikh spetsialistov [Egypt's Foreign Policy 1970–1981: Expulsion of Soviet specialists]. Kair, 1987. (In Arabic.)
- Daigle C.* The limits of detente: the United States, the Soviet Union and the Arab-Israeli conflict 1969–1973. New Haven, 2012.
- Dawisha K.* Soviet Foreign Policy Towards Egypt. New York, 1979.
- Kissinger H.* White House Years. Boston, 1979.
- Spiegel S.L.* The other Arab-Israeli conflict: making America's Middle East policy. From Truman to Reagan. Chicago, 1985.

DOI: 10.31857/S0130386424010137

© 2024 г. А.Ю. ШИПИЛОВ

БЕЖЕНЦЫ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ КОНФЛИКТАХ: НА ПРИМЕРЕ СЬЕРРА-ЛЕОНЕ (1991–2002)

Шипилов Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Россия).

E-mail: alexmo1994@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7308-8638; Scopus Author ID: 57219593281; Researcher ID: C-7080-2018

Аннотация. Проблематика виктимизации беженцев в принимающих государствах Западной Африки представляет особую актуальность в контексте изучения гражданских и межэтнических войн в странах региона. При этом вопросы, связанные с участием различных групп беженцев в актах вооруженного насилия в отношении местного населения и их ролью в поддержании региональной экономики конфликтов, не получили широкого освещения в зарубежной и отечественной литературе. Предлагаемая статья, в которой данные вопросы рассматриваются применительно к Гражданской войне в Сьерра-Леоне (1991–2002), является попыткой частично восполнить этот пробел. С целью выяснить, подтверждается ли устоявшееся представление о западноафриканских беженцах как исключительно жертвах гражданского противостояния, ситуация в стране изучается на разных этапах войны и с позиций интересов различных внутри- и внешнеполитических сил. Существующая научная литература по теме впервые анализируется с точки зрения указанной проблематики, а также вопроса о том, в какой степени опыт Сьерра-Леоне может быть использован при изучении более широкого круга региональных конфликтов. Роль беженцев в экономике трансграничных войн оценивается через призму теории Уильяма Рино и Дженифер Хейзен в рамках функционального подхода к гражданским конфликтам как динамичному явлению, в ходе которого могут меняться первоначальные намерения и роли участников. Постепенное вовлечение части беженцев в военное и политическое противостояние и незаконную деятельность в конечном счете превратило их из пострадавшей стороны западноафриканских конфликтов в дестабилизирующий фактор не только для принимающей их Сьерра-Леоне, но и для всего региона. Статья подготовлена на основе материалов Специального суда по Сьерра-Леоне, отчетов международных правозащитных организаций и документов госструктур заинтересованных стран.

Ключевые слова: беженцы, гражданская война, Сьерра-Леоне, Западная Африка, трансграничные конфликты, сети поддержки конфликта.

A.Yu. Shipilov

Refugees in Trans-Border Conflict: The Case of Sierra Leone, 1991–2002

Alexander Shipilov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences. Senior lecturer at IR Theory and History Department at RUDN University (Moscow, Russia).

E-mail: alexmo1994@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7308-8638; Scopus Author ID: 57219593281; Researcher ID: C-7080-2018

Abstract. The victimization of refugees in the recipient communities has been broadly explored, especially in the context of West African civil wars, however the role refugees had in armed violence against local population and in the maintenance of the regional conflict economy requires further research. In this article, the author examines matters of refugee involvement in a civil war ravaging the recipient country based on the case of Sierra Leone conflict (1991–2002) and role that Liberian refugees played at the outset and different periods of war. The primary aim of this study is to determine the extent to which the role refugees played in the Sierra Leone conflict went beyond the traditional perception of refugee victimhood, the transformation of their involvement in war and the influence of the various regional and extra-regional forces. The existing academic literature on conflict in Sierra Leone is evaluated in accordance with the topic in focus and the extent to which this national experience can be applied to a broader set of regional wars. The role of refugees in trans-border economy is appraised in the theoretical framework of conflict support networks elaborated by William Reno and Jennifer Hazen using the functional analysis methodology treating civil wars as dynamic, with shifting intentions and roles of parties considered. Overall, the article provides additional angle in appraisal of the conflicts in West Africa and the cases of refugees' involvement in these wars. The Liberian refugees had a changing active role in the conflict, gradually getting entangled in hostilities, illicit actions and violent entrepreneurship, turning from the victims of regional wars with their grievances into the destabilizing force for the recipient state of Sierra Leone and the entire region. The article is based on the materials of the Special Court for Sierra Leone, reports of international humanitarian organizations and documentation of the relevant state structures.

Keywords: refugees, civil war, Sierra Leone, West Africa, trans-border conflicts, conflict support networks.

The civil conflicts in Africa have become a determining feature for the continent in the wake of the Cold War and collapse of the external commodity markets. African conflicts of this era generated a tremendous outflow of refugees into neighboring countries escaping the control of rebel groups or undisciplined governmental armies. West Africa became one of the primary zones for such refugee crises due to the civil wars in Liberia and Sierra Leone. As has been emphasized by researchers, civil wars “earned West Africa the unenviable notoriety of being the most volatile sub-region on the continent in the 1990s”¹.

The victimhood of the refugees that left Liberia and Sierra Leone for neighboring countries has been in focus of both scholars and reports of international human rights organizations. It seems particularly relevant, however, to discuss the active role that refugees played in the civil war violence and especially the operation of the trans-border conflict support networks, their establishment, functioning and transformation. The particular national case that is examined here is of the civil war in Sierra Leone (1991–2002) which was heavily intertwined with the operation of trans-border conflict support system based in neighboring Liberia and the extraction of diamonds and other conflict minerals found in Sierra Leone itself. This country also was a major destination of thousands of refugees escaping war in neighboring Liberia that broke out in 1989. This inflow significantly contributed to the outbreak of conflict in Sierra Leone proper in 1991 and had a major influence on the crisis. Many Liberian refugees in Sierra Leone were heavily involved in violence on both sides of the border and largely composed several autonomous militias and rebel groups.

The assessment of significance Liberian refugees had on the war in Sierra Leone is largely linked to the theoretical approaches to this conflict in general. The analysis of war causes in Sierra Leone, its nature and outcomes has recently centered on the dichotomy of universalist and particularistic explanations. Universalists indicate the exploited and peripheral character of Sierra Leonean economy dependent on mineral resources and agricultural exports (namely neo-Marxist and dependency approaches).² Other, predominantly Western scholars, point to the institutional weakness and corruption of All People's

¹ *Sesay A., Ukeje C., Gbla O., Ismail O.* Post-War Regimes and State Reconstruction in Liberia and Sierra Leone. Oxford, 2009. P. 36.

² *Collier P., Hoeffler A.* Greed and grievance in civil war // *Oxford Economic Papers*. 2004. Vol. 56. № 4. P. 563–595; *Basedau M., Wegenast T.S.* Oil and Diamonds as Causes of Civil War in Sub-Saharan Africa under what conditions? // *Colombia Internacional*. 2009. № 70. P. 35–59.

Congress (APC), the ruling party prior to the war³. Finally, a group of Western researchers examines the Sierra Leone conflict from the standpoint of the features of warlord politics and economics along with neopatrimonialism and interdependence of rebel movements from neighboring states⁴. This includes trans-border networks, the role of resource commodities in their operation and the balance of bargaining power swayed by the unrecognized rebel factions and their regional and international counterparts⁵. The last one is especially crucial for addressing the issue of refugee involvement in conflict violence as an important element of trans-border conflict support networks.

All universalist approaches (especially the neo-patrimonial one) attract criticism from scholars claiming the unique character of the war in Sierra Leone and pointing out that excessive generalization leads to faulty conclusions⁶. These scholars believe that circumstances of Sierra Leone are different from those of other West African countries experiencing civil wars. Some claim that the conflict was primarily caused and later fueled by incursion of National Patriotic Front of Liberia (NPFL) and Charles Taylor combatants acted as a destabilizing force⁷. Liberian refugees are also considered a destabilizing force for Sierra Leone in this context. Other scholars believe the long-term social inequality and domestic radicalization of youth to be the primary breeding ground for the civil war rebel movements⁸. Nevertheless, the incursion of Liberian refugees also fits the pattern of exacerbating social climate leading to violence, especially in the rural areas. The given article addresses on the above-mentioned discussion and provides a separate assessment of internal and external aspects of the war. The author examines the role refugees from neighboring countries, primarily Liberia, played in the Sierra Leonean conflict, its outbreak and further development.

ORIGINS OF THE CIVIL WAR CRISIS

The exploration of the role refugees played in the Sierra Leonean war requires examination of the preconditions for the crisis. According to the universalist narratives, the prerequisites for the emergence of hotbeds of conflict in West Africa had emerged throughout the second half of the 20th century. By the beginning of the 1990s, it was also affected by the aggravation and change in the nature of civil conflicts common to the entire continent. Some historians note the significance of the end of the Cold War and the accompanying trends for these processes. Eleonora Lebedeva cites the end of the Cold War as the main reason for Africa's relegation to peripheral interests of major global powers that transformed the character of regional conflicts⁹. This trend concerning West Africa is also indicated by Tatiana Denisova who noted a decrease in American political presence in the post-Cold War region¹⁰. Jenifer Hazen

³ *Adebajo A., Rashid I.* West Africa's Security Challenges: Building Peace in a Troubled Region. Boulder; London, 2004; *Keen D.* Conflict & Collusion in Sierra Leone. New York, 2005.

⁴ *Richards P.* Fighting for the Rain Forest: War, Youth & Resources in Sierra Leone. Oxford, 1996; *Reno W.* War, Markets, and the Reconfiguration of West Africa's Weak States // *Comparative Politics*. 1997. Vol. 29. № 4. P. 493–510; *Hoffman D.* The War Machines: Young Men and Violence in Sierra Leone and Liberia. Durham, 2011; *Hazen J.* What Rebels Want: Resources and Supply Networks in Wartime. Ithaca, 2013; *Денисова Т.С., Костелянец С.В.* Трансформация африканских повстанческих лидеров: из «полевых командиров» в «большую политику» (на примере Сьерра-Леоне) // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 3. С. 214–231.

⁵ See: *Reno W.* African Weak States and Commercial Alliances // *African Affairs*. 1997. Vol. 96. № 383. P. 165–185; *Hoffman D.* Op. cit.; *Hazen J.* Op. cit.

⁶ *Reno W.* War, Markets, and the Reconfiguration... P. 493–510; *Abdullah I.* Bush Path to Destruction: The Origin and Character of the Revolutionary United Front/Sierra Leone // *Democracy and Terror: The Sierra Leone Civil War*. Dakar, 2004. P. 41–65; *Rashid I.* Sierra-Leone: the Revolutionary United Front // *A Journal of the Center of Complex Operations*. May, 2016. P. 190–216. URL: <https://cco.ndu.edu/News/Article/780201/chapter-8-sierra-leone-the-revolutionary-united-front/> (access date: 09.03.2020).

⁷ *Bangura J.* Understanding Sierra Leone in Colonial West Africa: A Synoptic Socio-Political History // *History Compass*. 2009. Vol. 7. Iss. 3. P. 583–603.

⁸ *Abdullah I.* Op. cit. P. 49–50; *Rashid I.* Op. cit. P. 194.

⁹ *Лебедева Э.Е.* К югу от Сахары: страны АЮС в меняющемся мире // *Свободная мысль*. 2012. № 7–8 (1634). С. 68.

¹⁰ *Денисова Т.С.* Первая гражданская война в Либерии: региональный аспект // *Конфликтология / nota bene*. 2017. № 4. С. 9.

discusses the transition from civil conflicts that are fueled by external forces for ideological reasons to the emergence of a new type of rebel groups that refer to commercial and economic activities as the main source of subsistence support¹¹. African researchers also note the general weakening of African statehood during this period due to the economic and debt crisis, which predetermined the emergence and strengthening of non-state actors¹². At the same time, the cross-border character of these African wars is often stressed in the neo-patrimonial analytical framework. With regard to the conflicts began in the 1990s in West Africa, it relies on an established tradition of exploring them with the emphasis on the interconnectedness of regional processes. In some works, these wars are even considered as fragments of a single regional conflict¹³ and “part of a wider complex of disputes among states and among their leaders and of geopolitical interests”¹⁴. The flows of refugees and their various forms of engagement in these conflicts only contribute to this interdependence.

The war in Sierra Leone had matured in parallel with the events of the civil crisis in neighboring Liberia¹⁵. The country was experiencing a systemic economic collapse, political stagnation and an increase in inter-ethnic problems. Sierra Leone became the scene of a confrontation between several internal and external players, which led to a large number of victims. In the presence of common regional prerequisites and features, the civil conflict in Sierra Leone was distinguished by its own characteristics, which gave rise to discussions among researchers about the primacy and importance of foreign and domestic causes. A significant part of analysts adopting the particularistic approaches considers the conflict in this country to be the result of a number of domestic issues, such as the decline of statehood and autocracy, the rise of lumpen culture and youth resistance as well as the predatory plundering of resources by the authorities of the APC regime¹⁶. Some scholars in principle deny the internal causes of the civil conflict in Sierra Leone, referring exclusively to the harmful Liberian intervention¹⁷. However, despite the importance of these causes, multiple researchers consider this war rooted in the historical past of Sierra Leone with the social, economic and political polarization of society inherited from the pre-colonial and colonial periods¹⁸. Having unique features, the situation in Sierra Leone differs from the Liberian one. As Ibrahim Abdullah claims, rebels in Sierra Leone emerged from lumpenized political youth resistance subculture that was shaped by the single party APC regime stifled all legal forms of opposition¹⁹. Hence, the resulting rebel movement, Revolutionary United Front (RUF) had borrowed revolutionary rhetoric from multiple sources but failed to establish relations with rural communities due to the violence and looting by its lumpenized fighters. Thus, the RUF did not share the electoral success of former rebel movements in neighboring countries (mainly NPFL in Liberia) and failed to get its representatives elected to the parliament in the wake of the conflict²⁰. This situation created several niches for the armed refugees to take and generally shaped the character of the crisis. At the same time, the war in Sierra Leone was apparently an extremely significant fragment of the conflict processes that had developed in West Africa by the 1990s.

Another precondition shaping the conflict and refugee role in it was the fact that Sierra Leone remained one of the poorest countries in the region, and its significant mineral raw materials and agricultural resources were exported in unprocessed form (coffee, cocoa beans, diamonds, bauxite, etc.) and controlled by foreign corporations, leaving most of the lumpenized urban and rural population impoverished. In 1971, the SLST (Sierra Leone Selection Trust) diamond mining company transferred

¹¹ Hazen J. Op. cit. P. 22–23.

¹² Adebajo A., Rashid I. Op. cit. P. 11.

¹³ See: Hoffman D. Op. cit. P. 27.

¹⁴ Welz M. Africa since Decolonization: The History and Politics of a Diverse Continent. New York, 2021. P. 222.

¹⁵ Bokeriya S.A., Mansur A.T. Mandates in the success of a peacekeeping missions: a case study of Liberia // Asia and Africa Today. 2018. № 7. P. 47–52.

¹⁶ Abdullah I. Op. cit. P. 46.

¹⁷ Bangura J. Op. cit. P. 597.

¹⁸ See: Tom P. The Liberal Peace and Post-Conflict Peacebuilding in Africa: Sierra Leone: PhD Dissertation. St Andrews, 2011. P. 153.

¹⁹ Abdullah I. Op. cit. P. 49.

²⁰ Ibid. P. 46.

51% of its shares to the government of the country, but this did not lead to a sharp increase in the welfare of the population²¹. The purchase prices for artisanal alluvial diamonds (major revenue source for rural subsistence) were reduced in order to extract greater short-term benefits from the difference between buy and sell prices. Smuggling of this type of raw materials to Liberia, as well as gold and agricultural products, increased again, especially in the 1980s, creating the foundation for the trans-border shadow economy that later grew into conflict support networks. In addition, in the 1980s, the Sierra Leonean Stevens (1971–1985) and Momoh (1985–1992) regimes, at the request of the IMF, conducted partial privatization of agricultural land, which allowed to increase taxes on the population, and, as a consequence, this led to further impoverishment. The debt burden on the country increased and the national currency of the Republic of Sierra Leone was devalued 50 times from 1978 (after the detachment from the British pound-sterling exchange rate) until 1987²². Like the neighboring countries, at the turn of the 1980s Sierra Leone experienced economic consequences from the global fall in prices for certain types of raw materials. The global decline in iron prices had led to the closure of large mines in Marampa, pushing more rural workers towards poverty and black market²³. American intelligence agencies noted economic weakness as the main vulnerability of the Momoh regime as early as 1986²⁴.

As a result, the country's leadership began to spend more on servicing the public debt than on all social welfare programs²⁵. The measures taken by Momoh and his entourage to limit inflation and free currency conversion contributed to further transfer of economic activity into the black market. In response the regime imposed an economic emergency and sent the army to the diamond mining enterprises to combat smuggling. This step caused not so much a reduction in smuggling, but rather an increase in the corrupt income of the armed forces officials involved in the patronage of the black market. This laid the foundation for a nexus between the shadow economy and violent entrepreneurship of the army and later non-governmental armed groups. In April 1990 the government carried out an expulsion operation of 10,000 residents of Kono District involved in artisanal diamond mining, which strengthened the army's control over the black diamond market and weakened the intermediaries connected to the former Stevens regime that previously ensured the interests of the authorities on the ground (non-military shadow economy operators who owed their position to being informal clients of the pre-existing ruling clan, earning their income from supervision of diamond extraction and sharing with hierarchical superiors)²⁶. This has widened the ranks of those dissatisfied with the policy of President Momoh and reduced the number of those interested in maintaining his power. At the same time, the representatives of the armed forces themselves, according to CIA reports, were also annoyed by the lack of funding for modern weapons procurement, building new barracks and raising salaries, which contributed to their further demoralization²⁷. Thus, they got economically more dependent on other types of activity.

All these problems weakened the state institutions in Sierra Leone prior to the rebel incursion from Liberia. Hence the dissatisfaction of a significant portion of population with the policies of the APC regime opened an opportunity for alternative non-state actors and violent entrepreneurs in the loosely controlled border areas with the participation of refugee groups. As I. Abdullah notes, the association with foreign powers like Libya for the rebels was not based on close ideological affiliation rather than the combination of circumstances mainly derived from the interior situation²⁸. However, it can be seen

²¹ Keen D. Op. cit. P. 49.

²² Kamara F.S. Economic and Social Crises in Sierra Leone: The Role of Small-Scale Entrepreneurs in Petty Trading as a Strategy for Survival 1960–1996. Milton Keynes, 2008. P. 127.

²³ Fanthorpe R., Gabelle C. Political Economy of Extractives Governance in Sierra Leone. Washington, 2013, P. 19.

²⁴ CIA. Directorate of Intelligence. Sierra Leone: Dim Prospects for the Momoh Regime. April 23, 1986. P. 2–3 // URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP86T01017R000707180001-7.pdf> (access date: 09.02.2020).

²⁵ Keen D. Op. cit. P. 51.

²⁶ Reno W. Corruption and State Politics in Sierra Leone. Cambridge, 1995. P. 155–156.

²⁷ CIA. Directorate of Intelligence. Sierra Leone... P. 3–4.

²⁸ Abdullah I. Op. cit. P. 50.

that the long-term economic decline and the Liberian support were rather conditioned on the external background.

The war in Sierra Leone indeed does not always fit the generally outlined patterns of regional conflict, but there are several aspects that allow considering it as part of a broader regional set of trends. Firstly, the effect that the declining natural commodity prices had on West African economies and the social fabric of regional societies is fully applicable to Sierra Leone. Secondly, the end of the Cold War and the advent of commercialized conflicts in Africa in early 1990s are also relevant for Sierra Leone with its abundance of natural resources which became a major catalyst of the war. Thirdly, RUF rebels indeed were heavily involved in Liberian affairs and enjoyed strong cooperation with Charles Taylor and some interested foreign powers. And finally, the circulation of armed intruders, unarmed refugees and all the intermediary stages between these two groups created the conditions for emerging trans-border grey zone dominated by violence, shadow economy and non-state quasi-authorities. Therefore, the further analysis of the particular role that predominantly Liberian refugees played in the Sierra Leonean war allows conclusions that will largely be valuable while considering an overall impact of refugees on conflicts in Africa.

ROLE OF THE MILITANT REFUGEES IN THE OUTSET OF THE CONFLICT

In order to more accurately assess their role, one has to consider the origins and character of refugees which had been crossing the border of Sierra Leone and especially those later took up arms. In the wake of the Liberian conflict outbreak and the conquest of the interior of the country by the NPFL rebel movement civilian population frequently had to flee from the combat areas. As Charles Taylor's support was initially driven by the reaction of ethnic groups repressed by the Samuel Doe regime (1986–1990), namely Gio and Mano, these groups primarily attacked those ethnicities perceived to be Doe's loyalists, in particular Krahn and Mandingo. In general, the processes that had been taking place in the country led to the outflow of about 500 thousand Liberian refugees to Sierra Leone, Guinea and Ivory Coast by 1990²⁹. Sierra Leone became a major destination for these Liberian refugees at the initial stage of situation development and “generated over 400,000 refugees during its ten-year civil war, while hundreds of thousands more were rooted up from their homes in different parts of the country as internally displaced persons”³⁰. The policies of President Momoh were hostile to Liberian rebels and favorable to the ECOMOG (Economic Community of West African States Monitoring Group) peacekeeping operation, therefore the refugees had opportunity to organize against their enemies in the Liberian domestic context. The fraction of the Liberian refugees who settled down in the border regions of Sierra Leone consisted of trained soldiers and Doe regime loyalists which set the ground for further events in the area. In March 1991 Taylor considered it possible to strike at the support infrastructure of ECOMOG in Sierra Leone, taking advantage of the weakness of the Momoh regime and the discontent of the residents of the south-east of the neighboring country. It was under these conditions, with the support of Charles Taylor and a wide network of West African militants assisted by Libya (benefited from military preparation at its training camps and arms supplies flow from there throughout the conflict), that the RUF began its incursion into the Sierra Leone territory; governmental capability to resist was limited and any additional combatants who wanted to resist NPFL and its allies were welcomed.

Hence new anti-NPFL paramilitary groups emerged in Taylor's rear with the support of Guinea (viewing this particular warlord as an existential threat to its own and regional stability) and Sierra Leone, making it difficult for him to seize full control of Liberia. In early 1991, armed units of refugees appeared on the territory of Sierra Leone, ready to strike at the forces of the NPFL occupying the north-western part of Liberia³¹. The largest of them was the United Liberian Movement for Democracy (ULIMO), formed by former government soldiers and refugees of Mandingo and Krahn ethnic groups

²⁹ Human Rights Watch World Report 1990 – Liberia // URL: <https://www.refworld.org/docid/467fca281e.html> (access date: 05.12.2020).

³⁰ *Sesay A., Ukeje C., Gbla O., Ismail O.* Op. cit. P. 37.

³¹ *Howe H.M.* Ambiguous Order: Military Forces in African States. Boulder, 2001. P. 140.

who left the country during the fighting in 1990 and temporarily settled in Guinea and Sierra Leone. These forces established the organization on May 29, 1991 in Conakry, Guinea. Their first combat experience was an armed struggle on the territory of Sierra Leone against the RUF, and in February 1992, ULIMO continued to fight with the NPFL in Liberia³². This organization took control over the part of the north-western regions of the country along the border with Sierra Leone (interceding with Taylor's forces entering this country), deploying 1,500 fighters there. Also, about 300 soldiers fought on its side in Monrovia area. Throughout the conflict the number of fighters in this group was much lower than that of the NPFL, but the presence of trained soldiers from the Doe regime armed forces of Liberia made ULIMO a group distinguished by high combat capability and posed a significant threat to Taylor and his allies in Sierra Leone³³.

However, the reasons for such eagerness of the Liberian refugees in Sierra Leone, with military training and even without such, to take part in the hostilities was not limited to the settling of political scores, especially as the conflict developed. For many the conflict zone became increasingly insecure, so taking up arms was a viable option of protection and raising one's status. Moreover, the protracted border area was abundant with natural resources, predominantly diamonds, and at the same time it had traditionally been a hotbed of trans-border smuggling and criminal activities, and an outbreak of conflict led to an influx of inexperienced and underpaid combatants (the governmental troops included) into the area. The enlistment process into the Sierra Leonean (SL) army proved to be rather unscrupulous, leading to violence against civilians and establishment of conflict economy, in which the refugees could also take part³⁴.

The country was poorly prepared for the war (at its start there were only 1,500 troops in the ranks of the armed forces with the same number of reservists), which was also considered a failure of leadership³⁵. There were not enough fixed assets for conducting military operations, which was aggravated by corruption in the military that had developed before the war³⁶. Of the 2.6 billion allocated for the army in April-August 1991 most was embezzled by the authorities³⁷. In addition, the offensive of government forces was accompanied by violence against civilians and even refugees from neighboring Liberia opposed to the RUF and Taylor³⁸. This contributed to the necessity of their armed involvement in the hostilities to defend themselves and indicate their loyal status to the SL armed forces. Initially, the government promised to eliminate all the hotbeds of the uprising within six months, but was unable to do this. Since December 1991 RUF forces had begun to recapture territories from the authorities³⁹. All this weakened the government's control over the south-east of the country and caused disenchantment among the warring soldiers and officers as well as the local civilian population and refugees trying to protect themselves. ULIMO operations on both sides of the border became instrumental for the maintenance of pro-government presence in these rural areas and to complicate the traffic of arms and commodities between RUF and NPFL. As the fighting in both Liberia and Sierra Leone had intensified by 1993–1995, many refugees either moved on to safer areas or chose to return to their birthplace. Refugee fighters as well as civilians also got resented by the local population as they had to compete for limited resources and ULIMO fighters frequently got involved in looting. This led to their decreased presence in the conflict zone which was continually ravaged by war.

³² Ibidem.

³³ CIA. Liberia: peace process unraveling as fighting intensifies. FOIA. November 1, 1992. P. 3, 5–6 // URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0001508385.pdf (access date: 19.03.2020).

³⁴ Atkinson P. Sierra Leone: an attack on humanitarianism // Relief and Rehabilitation Network Newsletter (RRNN). 1998. № 10. P. 3–4.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Amnesty International. Sierra Leone: The Extrajudicial Execution of Suspected Rebels and Collaborators. AFR 51/002/1992. April 28, 1992. P. 4 // URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/AFR51/002/1992/en/> (access date: 18.04.2020).

³⁷ Koroma A. Sierra Leone: The agony of a nation. London, 1996. P. 148–149.

³⁸ Leach M. Dealing with Displacement: Refugee-host Relations, Food and Forest Resources in Sierra Leonean Mende Communities During the Liberian Influx, 1990–91 (IDS Research Reports). Sussex, 1992. P. 48.

³⁹ Keen D. Op. cit. P. 91.

Overall, it has to be noted that the presence of Liberian refugees in Sierra Leone, apart from domestic RUF support and ECOMOG presence in the country, had greatly contributed to the outbreak of civil war and later to increased interdependence between the events and forces in Liberia and Sierra Leone. Even as RUF grew more powerful and independent of Liberian influence, refugee groups like ULIMO prolonged the necessity of cooperation between Taylor and Sierra Leonean partisans. Also, the poor management of the refugee presence (practical lack of thereof due to the degradation of the state institutions in the border areas) appears to have made them a destabilizing factor in the broad region, leading to further spillover of hostilities. The active role of the refugee rebels in combat was notable at the initial stages of the war in Sierra Leone, making an impact both on the course of the conflict and the relations among various social groups entangled in the war. Meanwhile refugee involvement motivation gradually moved from ethnic and political victimization to more mundane economic and security concerns.

INVOLVEMENT IN TRANS-BORDER CONFLICT ECONOMY NETWORKS

In these particular conditions of prolonged conflict in diamond extraction areas opportunities emerged for fighters on both sides to enrich themselves by plundering this territory and taking part in trans-border conflict economy. These economic relations have a broader scope than Sierra Leone and entail a separate academic discussion. It is the economic aspects of the activities of paramilitary groups within the framework of the civil wars in West Africa. They are considered the most significant when analyzing these conflicts from the standpoint of the school of “warlordism” and neopatrimonialism regional tendencies analysis (largely represented by William Reno in his concept of “warlord economy”)⁴⁰. The cross-border nature of the economic activities sustained by irregular armed units within the framework of these conflicts was studied in most detail by Jennifer M. Hazen in her fundamental work “What Rebels Want: Resources and Supply Networks in Wartime” through the lens of “support systems”⁴¹. These systems imply economic ties between an armed group and an external regional intermediary that ensures the purchase and transit of resources extracted or received by the group, supplied to the world market, in exchange for an influx of financing and the supply of goods necessary for the continuation of fighting, including weapons. These support mechanisms did emerge in West Africa after the Liberian war got protracted (as NPFL failed to capture Monrovia in July-August 1990 and had to adapt to long-term conflict mode). The largest network of Americo-Liberian exiles in bordering states, Lebanese diaspora traders, several governments and rebel groups in neighboring territories and global shadow economy dealers provided support to Taylor’s NPFL in Liberia (followed by his official elected government under the arms embargo and sanctions) as well as to the RUF in Sierra Leone. Their main regional counterpart was Burkina Faso leadership that oversaw a significant part of the shadow economic flows for these groups. The militant refugees were also incorporated into these structures of conflict economy.

The RUF uprising in Sierra Leone occurred mainly as a result of the support and active assistance of the NPFL in trans-border and supply system funding. The Front received limited income from participating in the Liberian conflict and controlling part of the territory of Liberia for Taylor, and then from the economic exploitation of rural areas of Sierra Leone, while the export of resources was also carried out through channels established by Taylor. The revenues and material benefits from these activities were accrued through a network of intermediaries with various degrees of connection to the Liberian warlord. The extraction of resources, their transportation across the border to friendly regional states for further resale (often bypassing international restrictions), purchase of weapons and essential goods with these funds and their delivery back to the controlled territory in the conditions of active hostilities, interference of external forces and an unstable organizational structure of the rebel movement proved very complex. Therefore, the implementation of these goals required an extensive infrastructure inside and outside the respective countries to ensure uninterrupted financing of military operations and resistance to external pressure.

⁴⁰ See: *Reno W. Warlord Politics and African States*. Boulder; London, 1998. P. 99.

⁴¹ *Hazen J. Op. cit.* P. 2.

The largest system, facilitated until 2000 by the Burkinabe and Ivorian authorities with the participation of France and Libya provided for the activities of the NPFL before and after Taylor came to power in 1997, the operations of the RUF and their allies inside Sierra Leone. An alternative system was provided by Guinea and was directed to the patronage of ULIMO, then ULIMO-K⁴² as separate rebellion groups of refugees from Liberia, opposing both to Taylor's regime and Sierra Leonean non-state actors. Both systems relied on exchange of raw materials and agricultural produce for arms and other materials essential for combat and subsistence via respective neighboring states.

The existence of such trans-border conflict economy transformed the nature of combat in rural Sierra Leone as parties to the conflict were interested in access to conflict economy revenues and shaped their actions accordingly. Sierra Leonean military junta in power in 1992–1996 (National People's Redemption Council, NPRC) officially led by a former Sierra Leonean military officer Valentine Strasser⁴³ was unable to eliminate the RUF threat and after the first military successes, it gradually began to lose territories. Some Sierra Leoneans initially supportive of Strasser's coup in the hope of a quick end to the war became disillusioned with his regime in a short time. The mobilization carried out by Strasser (raising the ranks from 5,000 to 15,000 soldiers) did not contribute to improving the combat capability of the army, as 1,000 of the recruits were boys from 7 to 15 years of age⁴⁴. The new soldiers (in many cases of refugee origin) lacked military training and discipline, which affected the quality of combat operations and the treatment of civilians. The armed units involved in the fight against the rebels continued to suffer from a lack of funding, fuel, provisions and medical supplies⁴⁵. This was supplemented by the lack of management experience in governance the country by the young military officers, unresolved socio-economic and debt problems as well as doubts about the legitimacy of the new regime (especially after the beginning of the purges by Strasser of his associates who participated in the 1992 coup). In addition, after Strasser had come to power, virtually all restrictions on the armed forces were lifted, which caused discontent among the civilian population⁴⁶. Cases of looting and violence practiced on the territory of the country by the army and its allies from ULIMO had become more frequent⁴⁷. Thus, the balance of power between the rebels and the central authorities began to shift unfavorably for the latter. The most combat-ready government unit, the "Tigers", was concentrated on the armed struggle for control of the diamond deposits, protecting the base in diamond-rich territory Daru and the vicinity of Freetown from the RUF, and in other places did not provide serious resistance to the rebels⁴⁸. In other cases, according to eyewitnesses and researchers, the government forces and the rebels on the ground agreed to avoid direct armed clashes, alternately looting specific villages and buying weapons⁴⁹.

At the same time due to the inability of the authorities to protect the population of the country from the RUF and unruly government troops local self-defense forces, known as kamajors, began to emerge, and their relations with armed Liberian refugees varied from cooperation to resentment (because of the

⁴² Predominantly ethnic Mandingo and Muslim faction led by Alhaji Kromah opposed to Krahn-dominated ULIMO-J faction led by Roosevelt Johnson that splintered in 1994.

⁴³ NPRC consisted of disaffected combat officers protesting the combat conditions and lack of adequate support by the Momoh regime that overthrew it and attempted to optimize both the national army and state apparatus prior to internationally demanded transfer of power to President Ahmed Tejan Kabbah elected in 1996.

⁴⁴ Amnesty International. Sierra Leone: Prisoners of War? Children Detained in Barracks and Prison. AFR 51/006/1993. August 11, 1993. P. 1–2 // URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/AFR51/006/1993/en/> (access date: 18.04.2022).

⁴⁵ Reno W. The Business of War in Liberia // Current History. 1996. Vol. 95. Iss. 601. P. 211–215.

⁴⁶ Kandeh J.D. What Does the "Militariat" Do When it Rules? Military Regimes: The Gambia, Sierra Leone and Liberia // Review of African Political Economy. 1996. Vol. 69. № 9. P. 395.

⁴⁷ Peters K., Richards P. Jeune combatants parlant de la guerre et de la paix en Sierra Leone // Cahier d'Etudes Africaines. 1998. Vol. 38. № 150–152. P. 595.

⁴⁸ Shearer D. Exploring the Limits of Consent: Conflict Resolution in Sierra Leone // Millennium: Journal of International Studies. 1997. Vol. 26. Iss. 3. P. 850.

⁴⁹ Amnesty International. Sierra Leone: Human rights abuses in a war against civilians. AFR 51/005/1995. September 12, 1995. P. 11 // URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/afr51/005/1995/en/> (access date: 10.04.2021).

involvement of the latter in looting and violence)⁵⁰. The kamajors began to act as a de facto independent irregular armed force that significantly influenced the course of hostilities, and in July 1994 renewed the demands to the government forces and ULIMO to leave their territories. The discontent of the kamajors leaders forced the government in July-August of the same year to disarm 800 ULIMO fighters and send them to Liberia, which complicated the relations of the Sierra Leonean authorities with this organization⁵¹. The reason for such resentment was the de-facto cooperation between Liberian rebels-refugees and pro-government forces in exploiting the economic potential of the border zone mineral wealth as well as in looting the population inhabiting the area. These acts were perpetrated by rank-and-file soldiers pretending to act as rebels while looting in order to gain surplus income (and being branded as “sobels”). Similarly, ULIMO officers arranged the terms of conflict economy cooperation with the RUF fighters and were also heavily engaged in such activities, procuring material wealth from the local civilian population. Hostility of the armed part of Liberian refugees towards the RUF and Taylor forces did not prevent them from engaging in illicit commercial relations with these parties to the conflict. Hence, according to the Residual Special Court for Sierra Leone ULIMO fighters were willing to sell their arms to the RUF and NPFL in the wake of the Abidjan Peace Accord of 1996 which promoted their disarmament⁵². Further on, parts of ULIMO de-facto supported the 1997 military coup in Sierra Leone that effectively aligned itself with the RUF. Thus, the original ethnic and political grudges that motivated Liberian refugees in Sierra Leone to take up arms were gradually substituted with commercial motivation for involvement in violence.

Overall, it appears that the fraction of Liberian refugees in Sierra Leone turned to be active participants of the trans-border conflict economy that emerged in West Africa in 1990's. ULIMO rebel movement became the major unit consisting of such refugees and directly involved in the fighting for the access to the mineral wealth of Sierra Leone. It was co-opted in the support networks that primarily sustained the government of Sierra Leone and were derived from cooperation with Guinean and Nigerian forces involved. As was noted, Guinea looked to contain the Taylor and RUF destabilizing forces that threatened its resource-abundant border regions, while Nigeria was initially closely affiliated with the Doe regime overthrown by Taylor and later viewed him and his allies as challenging Nigeria's regional influence. Hence Guinea was active in supporting anti-Taylor and anti-RUF movements, Nigeria dominated in the ECOMOG peacekeeping efforts and both actively supported A.T. Kabbah as the internationally recognized president threatened by RUF and its Liberian allies. Nevertheless, the prevalence of warlord commerce over the specified aims of war victory had even occasionally pushed the Liberian refugees from ULIMO to cooperate with RUF and Charles Taylor. This has put these refugees in a more protected category of those present in the conflict zone and enabled them to attain the benefits of war even as most of the civilian population had a stark disadvantage. As such they became an important element of the conflict support network.

* * *

The given article encompasses the discussion on the significance of refugees in African regional conflicts and crises by examining their role in the events that predated and accompanied the civil war in Sierra Leone. Based on the analysis of the causes and course of the war as well as the dominant theoretical approaches to this conflict a conclusion is reached that Liberian refugees played a very prominent role in the conflict spilled over into Sierra Leone, most importantly those who took up arms and established their own militias and rebel groups. At an early stage this was due to ethnic and political grievances, but later their motivation shifted to the matters of economic subsistence and security provision.

⁵⁰ Okano H. *Politics of Human Network in African Conflicts: Kamajor/the CDF in Sierra Leone*. Bamenda, 2019. P. 352.

⁵¹ Amnesty International. *Sierra Leone: Human rights abuses...* P. 8.

⁵² Residual Special Court for Sierra Leone. Case № SCSL-2003-01-T. The Prosecutor of the Special Court V. Charles Ghankay Taylor. Thursday, 26 April 2012. 11:00 a.m. Judgement. Trial Chamber II. P. 49645 // URL: <http://www.rscsl.org/Documents/Transcripts/Taylor/26April2012.pdf> (access date: 17.07.2020).

The adherents of universalist neo-patrimonial approaches (primarily Reno and Hazen) to the study of West African civil wars appear correct on the issue that the refugee influx is a crucial part of trans-border shadow economy and violence zone and essential element of external causes of war. While Sierra Leonean historians (i.e. Abdullah, Rashid, Bangura) with particular emphasis on domestic causes of conflict also appreciate the socioeconomic crisis that led to the conflict and was exacerbated by Liberian newcomers.

The particular Liberian refugees' involvement in combat on both sides of the border and their relations with the changing governments of Sierra Leone, local population and other armed groups at times was critical in determining the general course of events. The major conclusions include the significance of refugee movement for the spread of regional instability (in case if the state structures there are unable or unwilling to closely monitor the conditions created for the incomers who may get involved in criminal activities, violence and shadow economy in order to survive and address their grievances). The outbreak of war in the recipient country may incentivize the refugees to take up arms on behalf of the parties to the conflict in order to overcome the vulnerability of their position and become powerful players in the new context.

In Sierra Leone the relations between Liberian newcomers and the recipient population deteriorated and forced the refugee groups to be reliant on the protection of the side of the conflict they fought for. But most importantly, these refugee groups became a significant element of the trans-border conflict support networks as they acted as a source of revenue (looting them made up a sizeable share of the earnings by the rank-and-file soldiers and rebels) and active participants of conflict economy (when refugee-composed armed units fit in the broader support networks or get engaged in trade across the enemy lines). Involvement in these networks shifted their motivation away from ethnic grievances and self-protection towards violence profiteering. Thus, the role of refugees in local and trans-border conflicts in Africa is contradictory and worthy of continued examination.

Библиография / References

Денисова Т.С. Первая гражданская война в Либерии: региональный аспект // Конфликтология / nota bene. 2017. № 4. С. 1–15.

Денисова Т.С., Костелянец С.В. Трансформация африканских повстанческих лидеров: из «полевых командиров» в «большую политику» (на примере Сьерра-Леоне) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 3. С. 214–231.

Лебедева Э.Е. К югу от Сахары: страны АЮС в меняющемся мире // Свободная мысль. 2012. № 7–8 (1634). С. 68–80.

Denisova T.S. Pervaya grazhdanskaia voina v Liberii: regional'nyi aspekt [The First Liberian Civil War: Regional Perspective] // Konfliktologiya [Conflictology] / nota bene. 2017. № 4. S. 1–15. (In Russ.)

Denisova T.S., Kostelyanecz S.V. Transformatsiia afrikanskikh povstancheskih liderov: iz "polevy'kh komandirov" v "bol'shuyu politiku" (na primere S'erra-Leone) [Transformation of African rebel leaders: from "warlords" to "big politics" (the example of Sierra Leone)] // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo [Outlines of global transformations: politics, economics, law]. 2020. T. 13. № 3. S. 214–231. (In Russ.)

Lebedeva E.E. K iugu ot Sakhary: strany AluS v menyaiushchemsia mire [Sub-Saharan Africa: SSA in a Changing World] // Svobodnaia mysl' [The Free Thought]. 2012. № 7–8 (1634). S. 68–80. (In Russ.)

Abdullah I. Bush Path to Destruction: The Origin and Character of the Revolutionary United Front/Sierra Leone // Democracy and Terror: The Sierra Leone Civil War. Dakar, 2004. P. 41–65.

Adebajo A., Rashid I. West Africa's Security Challenges: Building Peace in a Troubled Region. Boulder; London, 2004.

Amnesty International. Sierra Leone: Human rights abuses in a war against civilians. AFR 51/005/1995. September 12, 1995 // URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/afr51/005/1995/en/> (access date: 10.04.2021).

Amnesty International. Sierra Leone: Prisoners of War? Children Detained in Barracks and Prison. AFR 51/006/1993. August 11, 1993 // URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/AFR51/006/1993/en/> (access date: 18.04.2022).

Amnesty International. Sierra Leone: The Extrajudicial Execution of Suspected Rebels and Collaborators. AFR 51/002/1992. April 28, 1992 // URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/AFR51/002/1992/en/> (access date: 18.04.2020).

- Atkinson P.* Sierra Leone: an attack on humanitarianism // Relief and Rehabilitation Network Newsletter (RRNN). 1998. № 10. P. 3–4. URL: <https://odihpn.org/wp-content/uploads/1998/02/newsletter010.pdf> (access date: 19.03.2020).
- Bangura J.* Understanding Sierra Leone in Colonial West Africa: A Synoptic Socio-Political History // History Compass. 2009. Vol. 7. Iss. 3. P. 583–603.
- Basedau M., Wegenast T.S.* Oil and Diamonds as Causes of Civil War in Sub-Saharan Africa under what conditions? // Colombia Internacional. 2009. № 70. P. 35–59.
- Bokeriya S.A., Mansur A.T.* Mandates in the success of a peacekeeping missions: a case study of Liberia // Asia and Africa Today. 2018. № 7. P. 47–52.
- CIA. Directorate of Intelligence. Sierra Leone: Dim Prospects for the Momoh Regime. April 23, 1986 // URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP86T01017R000707180001-7.pdf> (access date: 09.02.2020).
- CIA. Liberia: peace process unraveling as fighting intensifies. FOIA. November 1, 1992 // URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0001508385.pdf (access date: 19.03.2020).
- Collier P., Hoeffler A.* Greed and grievance in civil war // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56. № 4. P. 563–595.
- Fanthorpe R., Gabelle C.* Political Economy of Extractives Governance in Sierra Leone. Washington, 2013.
- Hazen J.* What Rebels Want: Resources and Supply Networks in Wartime. Ithaca, 2013.
- Hoffman D.* The War Machines: Young Men and Violence in Sierra Leone and Liberia. Durham, 2011.
- Howe H.M.* Ambiguous Order: Military Forces in African States. Boulder, 2001.
- Human Rights Watch World Report 1990 – Liberia // URL: <https://www.refworld.org/docid/467f-ca281e.html> (access date: 05.12.2020).
- Kamara F.S.* Economic and Social Crises in Sierra Leone: The Role of Small-Scale Entrepreneurs in Petty Trading as a Strategy for Survival 1960–1996. Milton Keynes, 2008.
- Kandeh J.D.* What Does the “Militariat” Do When it Rules? Military Regimes: The Gambia, Sierra Leone and Liberia // Review of African Political Economy. 1996. Vol. 69. № 9. P. 387–404.
- Keen D.* Conflict & Collusion in Sierra Leone. New York, 2005.
- Koroma A.* Sierra Leone: The agony of a nation. London, 1996.
- Leach M.* Dealing with Displacement: Refugee-host Relations, Food and Forest Resources in Sierra Leonean Mende Communities During the Liberian Influx, 1990–91 (IDS Research Reports). Sussex, 1992.
- Okano H.* Politics of Human Network in African Conflicts: Kamajor/the CDF in Sierra Leone. Bamen-da, 2019.
- Peters K., Richards P.* Jeune combatants parlant de la guerre et de la paix en Sierra Leone // Cahier d’Etudes Africaines. 1998. Vol. 38. № 150–152. P. 581–617.
- Rashid I.* Sierra-Leone: the Revolutionary United Front // A Journal of the Center of Complex Operation. May, 2016. URL: <https://cco.ndu.edu/News/Article/780201/chapter-8-sierra-leone-the-revolutionary-united-front/> (access date: 09.03.2020).
- Reno W.* African Weak States and Commercial Alliances // African Affairs. 1997. Vol. 96. № 383. P. 165–185.
- Reno W.* Corruption and State Politics in Sierra Leone. Cambridge, 1995.
- Reno W.* The Business of War in Liberia // Current History. 1996. Vol. 95. Iss. 601. P. 211–215.
- Reno W.* War, Markets, and the Reconfiguration of West Africa’s Weak States // Comparative Politics. 1997. Vol. 29. № 4. P. 493–510.
- Reno W.* Warlord Politics and African States. Boulder; London, 1998.
- Residual Special Court for Sierra Leone. Case № SCSL-2003-01-T. The Prosecutor of the Special Court V. Charles Ghankay Taylor. Thursday, 26 April 2012. 11:00 a.m. Judgement. Trial Chamber II // URL: <http://www.rscsl.org/Documents/Transcripts/Taylor/26April2012.pdf> (access date: 17.07.2020).
- Richards P.* Fighting for the Rain Forest: War, Youth & Resources in Sierra Leone. Oxford, 1996.
- Sesay A., Ukeje C., Gbla O., Ismail O.* Post-War Regimes and State Reconstruction in Liberia and Sierra Leone. Oxford, 2009.
- Shearer D.* Exploring the Limits of Consent: Conflict Resolution in Sierra Leone // Millennium: Journal of International Studies. 1997. Vol. 26. Iss. 3. P. 845–860.
- Tom P.* The Liberal Peace and Post-Conflict Peacebuilding in Africa: Sierra Leone: PhD Dissertation. St Andrews, 2011.
- Welz M.* Africa since Decolonization: The History and Politics of a Diverse Continent. New York, 2021.

DOI: 10.31857/S0130386424010147

© 2024 г. М.В. КОВАЛЕВ, В.С. МИРЗЕХАНОВ

«НАШЕ ВНИМАНИЕ К ИРАНУ КАК СТРАНЕ-СОСЕДУ, БЕЗУСЛОВНО, ДОЛЖНО БЫТЬ РЕЗКО ПОВЫШЕНО». Документы о пребывании делегации Верховного Совета СССР в Иране (январь 1968 года)

Ковалев Михаил Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Scopus Author ID: 53984354100; ORCID: 0000-0002-4722-818X; Researcher ID: C-6747-2014

Мирзеханов Велихан Салманханович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: lum62@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202778122; ORCID: 0000-0003-0660-6508; Researcher ID: J-1238-2018

Аннотация. Вниманию читателей представлена публикация документов из Архива Президента Республики Казахстан, повествующих о пребывании в Иране делегации Верховного Совета СССР 15–25 января 1968 г. во главе с первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаевым. Эти материалы важны в контексте изучения советско-иранских экономических и политических связей 1960–1970-х годов, которые в это время интенсивно развивались. Следует отметить, что визит советской делегации был не просто протокольным мероприятием, но важной вехой в выстраивании конкретных направлений сотрудничества, в первую очередь строительства металлургического комбината в Исфахане. Введенные в научный оборот документы показывают глубокий интерес советской стороны к «Белой революции» в Иране. Вместе с тем в них не зафиксированы противоречия проводимых реформ и наличие в стране значительной оппозиции шаху, особенно со стороны исламского духовенства. Архивные документы наглядно демонстрируют определенные трудности в развитии двусторонних связей. Так, в приложениях к отчету Д.А. Кунаева содержится довольно резкая критика советских практик сотрудничества с Тегераном. Причем острее этой критики направлено на всеисильные отраслевые министерства и организации, на неповоротливость советской плановой экономики. В отчетных документах 1968 г. советско-иранское сотрудничество в отдельных областях, по сути, названо провальным. Причем это относится к такой важной сфере, как разведка, добыча и переработка нефти.

Ключевые слова: Иран, СССР, экономические связи, Д.А. Кунаев, Верховный Совет СССР, внешняя политика, внешнеэкономические связи, международное сотрудничество.

M.V. Kovalev, V.S. Mirzekhanov

“Our Attention to Iran, as a Neighboring Country, Should Certainly be Sharply Increased”: the Documents on the Visit of the Delegation of the Supreme Soviet of the USSR to Iran, January 1968

Mikhail Kovalev, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Scopus Author ID: 53984354100; ORCID: 0000-0002-4722-818X; Researcher ID: C-6747-2014

Velikhan Mirzekhanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: lum62@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202778122; ORCID: 0000-0003-0660-6508; Researcher ID: J-1238-2018

Abstract. What follows here below is the publication of documents from the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan on the visit of the delegation of the Supreme Soviet of the USSR to Iran, which took place from 15–25 January 1968. This delegation was headed by Dinmukhamed Kunaev. These archival materials are important in the context of studying Soviet-Iranian economic and political relations in the 1960s and 1970s, when interaction between the two countries became more intensive. The paper demonstrates that the visit of the Soviet delegation was not just a protocol event, but an important milestone in building specific areas of co-operation, primarily the construction of a metallurgical plant in Isfahan. The documents introduced into the academic circuit for the first time, above all, testify to the deep interest of the Soviet side in the “white revolution” in Iran. At the same time, they do not record the contradictions of the ongoing reforms and the presence in the country of significant opposition to the Shah, especially on the part of the Islamic clergy. The archival documents clearly demonstrate certain difficulties in the development of bilateral relations. The appendices to the report of Dinmukhamed Kunaev contain rather sharp criticism of Soviet practices of cooperation with Tehran. Moreover, the edge of this criticism is directed at the all-powerful sectoral ministries and organizations, at the slowness of the Soviet planned economy. In the reporting documents of 1968, Soviet-Iranian cooperation in certain areas was essentially called a failure. Moreover, this applies to such an important area as oil exploration, production, and refining.

Keywords: Iran, USSR, economic relations, D.A. Kunaev, Supreme Soviet of the USSR, foreign policy, foreign economic relations, international cooperation.

Отношения Советского Союза с Ираном сложно назвать простыми, поскольку долгое время они были обременены грузом недоверия и обид (в этой связи можно вспомнить об Энзелийской операции большевиков в 1920 г. и поддержке ими Гилянкой Советской Республики, советско-британской операции «Согласие» 1941 г., кризисе вокруг Иранского Азербайджана 1946 г., активном содействии марксисткой Народной партии Ирана (Туде) со стороны Москвы). Однако политическая напряженность взаимных контактов не всегда служила препятствием для развития экономических связей. Так, в 1920–1930-е годы Москва была для Тегерана важнейшим торговым партнером¹. После окончания Второй мировой войны советско-иранские отношения оказались вплетены в сложный комплекс противоречий холодной войны². Они имели свою динамику, и в них наглядно отражалось соотношение экономических, идеологических, военно-политических факторов.

¹ Турдубекова Т.Ш. Из истории советско-иранских торгово-экономических отношений в конце 1930-х – начале 1940-х гг. // Уральское востоковедение. 2008. № 3. С. 141–146.

² См. подробнее: Fawcett L. Iran and the Cold War: The Azerbaijan Crisis of 1946. Cambridge, 1992; Гасанлы Д.П. СССР – Иран: азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946). М., 2006; Blake K. The U.S.-Soviet Confrontation in Iran, 1945–1962: A Case in the Annals of the Cold War. Lanham (MD), 2009; Нунав Т. Новое знакомство с «мусульманами СССР»: демонстрация советского ислама в Турции и Иране, 1978–1982 // Ab Imperio. 2011. № 4. С. 133–171; Alvandi R. Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War. Oxford, 2014; Воробьева Т.А., Юнзблюд В.Т. США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 3 (77). URL: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1/> (дата обращения: 26.09.2023); Yeşilbursa B.K. From friendship to enmity Soviet-Iranian relations (1945–1965) // История и современное мировоззрение. 2020. Vol. 2. № 1. P. 92–105; Takeyh R. America, Iran, and the Fall of the Pahlavi Dynasty. New Haven, 2021.

Н.С. Хрущев был заинтересован в том, чтобы начать отношения с Тегераном с чистого листа, а потому не раз критиковал иранскую политику И.В. Сталина³. Летом 1956 г. шах Мохаммед Реза Пехлеви по приглашению Президиума Верховного Совета СССР посетил СССР с двухнедельным визитом (с 25 июня по 13 июля), что стало прорывом в двусторонних связях после долгого охлаждения. Тем не менее до полной нормализации отношений было еще далеко. Советскую сторону явно смущали близкие связи США с Ираном и вхождение последнего в военно-политический блок СЕНТО, скрепленный Багдадским пактом в 1955 г. Шаха беспокоило возможное советское вмешательство во внутрииранские дела, тем более что в недавней истории уже имелись подобные прецеденты. Хрущев упрекал шаха в двойственности внешней политики и в том, что Иран превратился в американский военный плацдарм. Хрущев хотел видеть нейтральный Иран, а шах боялся, что нейтралитет не сможет гарантировать ему безопасность⁴. Попытки согласовать советско-иранские переговоры в феврале 1959 г. закончились провалом, причем не без давления со стороны англичан и американцев, опасавшихся, что соглашение шаха с СССР подорвет Багдадский пакт⁵. Как верно заметил историк Р. Алванди, шах «не хотел злить Хрущева, но он также не хотел отказываться от своих западных союзников»⁶. Тем не менее шах стремился к разрядке, причем не только по политическим, но и по экономическим причинам.

15 сентября 1962 г. Тегеран и Москва обменялись нотами с целью содействовать росту доверия. Иран заявил, что никогда не позволит иностранным государствам иметь ракетные базы на его территории. По признанию исследователей, важнейшим достижением разрядки стало то, что она смогла положить конец «долгой эпохе русско-персидских проблем»⁷. Хотя такой вывод может показаться излишне пафосным, но то, что в 1962 г. наметился стремительный взлет двусторонних отношений, прежде всего в области экономики, неоспоримый факт. Не нужно забывать, что разрядка в отношениях с Москвой усиливала международные позиции Ирана, он переставал быть только «клиентом Соединенных Штатов»⁸. Диверсификация внешнеэкономических связей входила в круг заветных задач шаха.

В декабре 1962 г. Иран посетила советская делегация во главе с заместителем министра иностранных дел С.Г. Лапиным для обсуждения экономического, культурного и научно-технического взаимодействия⁹. 27 июня 1963 г. было подписано советско-иранское соглашение о сотрудничестве, которое предусматривало строительство гидроузла на реке Аракс, реконструкцию портов на Каспийском море, развитие рыболовства и др. При этом Советский Союз обещал иранской стороне кредиты на сумму 35 млн руб.¹⁰ Важнейшей вехой в двусторонних отношениях стал визит в Иран в ноябре 1963 г. Л.И. Брежнев, который тогда занимал пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, т.е. номинально был главой государства. Интересно, что в Иране в честь приезда Брежнева даже была выпущена специальная почтовая марка, ставшая своего рода особым подарком высшего уровня¹¹. С 21 июня по 3 июля 1965 г. шах Мохаммед Реза Пехлеви посетил с ответным визитом СССР. Тогда же начались переговоры о советско-иранском взаимодействии в области металлургии, машиностроения и строительства газопровода¹². Заметно оживилось и научное сотрудничество. Так, советская делегация приняла участие в I

³ *Alvandi R. Flirting with Neutrality: The Shah, Khrushchev, and the Failed 1959 Soviet-Iranian Negotiations // Iranian Studies. 2014. Vol. 47. № 3. P. 439.*

⁴ *Alvandi R. The Shah's détente with Khrushchev: Iran's 1962 missile base pledge to the Soviet Union // Cold War History. 2014. Vol. 14. № 3. P. 426–427.*

⁵ *Alvandi R. Flirting with Neutrality. P. 434.*

⁶ *Ibid. P. 433.*

⁷ *Alvandi R. The Shah's détente with Khrushchev. P. 443.*

⁸ *Ibid. P. 444.*

⁹ *Yodfat A. Y. The Soviet Union and Revolutionary Iran. Oxford, 2011. P. 29.*

¹⁰ *Ibid. P. 30.*

¹¹ *Дённыйхаус В., Савин А. Подарки и от дарки Леонида Ильича: личность генсека в свете подношений // Родина. 2012. № 8. С. 112.*

¹² *Yodfat A. Y. Op. cit. P. 30.*

Всемирном конгрессе иранистов, проходившем в Тегеране 31 августа – 7 сентября 1966 г.¹³ Одновременно в режиме секретности развивалось военно-техническое сотрудничество, связанное с экспортом в Иран советского вооружения¹⁴.

После 1962 г. и вплоть до Исламской революции взаимные визиты делегаций и высокопоставленных политических фигур стали привычной и регулярной практикой в советско-иранских отношениях. Причем динамика этих визитов во многом генерировалась развитием экономического сотрудничества. Таким образом, большой интерес представляет визит делегации Верховного Совета СССР в Иран в 15–25 января 1968 г., который еще в недостаточной мере изучен в историографии. Широкие возможности в этой связи дает введение в научный оборот новых архивных источников. К таковым, например, относятся отчетные материалы о поездке советских парламентариев из собрания Архива Президента Республики Казахстан. То, что эти документы обнаружены в Алматы, закономерно, поскольку во главе советской делегации стоял Д.А. Кунаев (1912–1993), занимавший в ту пору пост первого секретаря ЦК Компартии Казахстана. Кунаев на тот момент еще не входил в состав Политбюро ЦК КПСС (его членом он будет с 1971 по 1987 г.), но занимал видное место в советской партийной и государственной иерархии. Он слыл не только опытным управленцем, но также искусным переговорщиком, и, видимо, этот его опыт оказался востребован на международной арене. Ему как представителю советского Востока нередко поручались важные дипломатические миссии в мусульманских странах¹⁵. В мемуарах Кунаев писал, что лично Брежнев предложил ему встать во главе партийно-правительственной делегации в Алжир в 1966 г.¹⁶ Успех поездки, а вероятно, и близость к Брежневу, способствовал тому, что в январе 1968 г. именно Кунаев по поручению Президиума Верховного Совета СССР возглавил советскую парламентскую делегацию в Иран. В историографии этот визит констатируется без должной аналитической оценки, причем с опорой исключительно на текст мемуаров Кунаева¹⁷. Тем важнее введение в научный оборот новых источников, которые могут пролить свет на малоизвестные страницы внешнеполитической деятельности Советского Союза. Вместе с Д.А. Кунаевым в Иран отправились депутаты Верховного

¹³ Мосаки Н.З., Раванди-Фадаи Л.М. Участие советской делегации в I Всемирном конгрессе иранистов // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 2. С. 184–192.

¹⁴ Yodfat A.Y. Op. cit. P. 31.

¹⁵ В этой связи уместно напомнить, что среднеазиатские республики на официальном уровне служили примером успешной социалистической модернизации традиционных обществ, витриной социализма на Востоке. Их часто посещали иностранные делегации из стран Азии и Африки, они служили местом проведения международных культурных мероприятий. Лидеры советских среднеазиатских республик участвовали во внешнеполитической деятельности. Например, в 1966 г. в Ташкенте при участии первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Ш.Р. Рашидова были организованы переговоры между премьер-министром Индии Лалом Бахадуром Шастри и президентом Пакистана Мухаммедом Аюб Ханом. Рашидов многократно совершал официальные поездки в Индию, Бирму, Китай, Египет, Вьетнам, Афганистан и другие страны.

¹⁶ Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачева. Алматы, 1994. С. 174.

¹⁷ Исабеков Д. Казак-Иран мәдени байланыстарының өткені мен болашағы. Алматы, 2001. 15 бет. (На казах. яз.); Тулепбаев Б.А., Тулепбаева К.У. Д.А. Кунаев – выдающийся государственный и политический деятель. Алматы, 2006. С. 199.

Совета СССР: П.Я. Афанасьев¹⁸, А.И. Ибрагимов¹⁹, А.Х. Хайдаров²⁰, Н.В. Красильщикова²¹, В.К. Щуренко²², М. Оразмурадов²³ и В.Д. Борисов²⁴. В свете известных источников трудно оценить, на кого из них возлагались конкретные функции, а кто исполнял роль статистов. Хотя совершенно ясно, что состав делегации отвечал неформальным советским канонам, призванным демонстрировать на международной арене всеобщее равенство. Потому в ней были представлены как глава советской союзной республики, так и машинист экскаватора из Ленинградского области. Показательно и включение в состав депутатской группы представителя соседних с Ираном советских республик – Азербайджана и Туркмении, а равно представителя Таджикистана, поскольку таджики – ираноязычный народ. Правда, почти все члены делегации уже имели опыт зарубежных поездок. Так, П.Я. Афанасьев до посещения Ирана уже бывал в составе официальных делегаций в Албании, ГДР, Болгарии и Бельгии²⁵. В.Д. Борисов в 1967 г. в составе делегации посещал Канаду²⁶.

Отчет Кунаева и приложения к нему являются единственными известными архивными материалами о визите советской парламентской делегации в Иран в январе 1968 г., и они значительно дополняют краткие мемуарные свидетельства (мемуары все того же Д.А. Кунаева, путевые очерки Я.П. Белоусова²⁷) и материалы советской прессы²⁸. С высокой долей вероятности, практическое участие в составлении отчета принимал Я.П. Белоусов (1929–2004), референт Д.А. Кунаева в 1965–1970 гг., сопровождавший его в поездке. Во всяком случае, некоторые абзацы отчета почти полностью совпадают с текстом путевых заметок Белоусова.

Советский самолет приземлился в Тегеране рано утром 15 января 1968 г. Делегация была встречена главой Сената Джафаром Шарифом-Имами и представителями

¹⁸ *Афанасьев, Павел Яковлевич* (1905–1989) – советский партийный и государственный деятель, председатель исполнительного комитета Нижне-Амурского областного Совета депутатов трудящихся (1947–1950), заместитель председателя исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся (1950–1953), председатель Организационного комитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Магаданской области (1953), председатель исполнительного комитета Магаданского областного Совета депутатов трудящихся (1954–1958), первый секретарь Магаданского обкома КПСС (1958–1968), депутат Верховного Совета СССР 5–7-го созывов.

¹⁹ *Ибрагимов, Али Измаилович* (1913–1985) – советский партийный и государственный деятель, председатель Госплана Азербайджанской ССР (1950–1953, 1954–1963), заместитель председателя Совета министров Азербайджанской ССР (1957–1958), первый заместитель председателя Совета министров Азербайджанской ССР (1965–1970), председатель Совета министров Азербайджанской ССР (1970–1981), депутат Верховного Совета СССР 6–10-го созывов.

²⁰ *Хайдаров, Аюб Хайдарович* (1922–1999) – советский партийный и государственный деятель, председатель Республиканского совета профсоюзов Таджикской ССР (1963–1983), член ЦК Компартии Таджикистана (1959–1986), депутат Верховного Совета СССР 7–10-го созывов.

²¹ *Красильщикова, Нина Васильевна* – педагог, заместитель директора по учебной работе школы № 201 Ленинградского района Москвы, депутат Верховного Совета СССР 7-го созыва.

²² *Щуренко, Владимир Кириллович* (1927–2009) – советский партийный деятель, моряк, капитан-директор рыболовного морозильного судна «Каспий» Астраханской базы морского лова, в 1972–1982 гг. был капитаном-наставником Астраханской базы морского лова и руководителем группы советских специалистов в Иране, депутат Верховного Совета СССР 7-го созыва, Герой Социалистического Труда (1971).

²³ *Оразмурадов, Мош* – председатель колхоза им. В.И. Ленина Тедженского района Туркменской ССР, депутат Верховного Совета СССР 7-го созыва.

²⁴ *Борисов, Владимир Дмитриевич* – машинист экскаватора рудника № 13 Тихвинского глиноземного завода Ленинградской области, депутат Верховного Совета СССР 7-го созыва.

²⁵ В 2015 г. в фонды Магаданского областного краеведческого музея было передано несколько документальных свидетельств о его иранской поездке, которые еще нуждаются в изучении (см., например: Программа пребывания делегации Верховного Совета СССР в Иране, регистрационный номер 9390592).

²⁶ Новый путь, Бокситогорск. 7.XI.1967. С. 5.

²⁷ *Белоусов Я.П.* Добро не пропадает бесследно // Простор. № 4. Алма-Ата, 1968. С. 20–38; *Его же.* Восток древний и близкий: по Ирану и Египту. Алма-Ата, 1971. С. 3–60.

²⁸ Известия. 16.I.1968. С. 2; Известия. 14.II.1968. С. 2; Ведомости Верховного Совета СССР. 10.IV.1968. С. 194–199.

советского посольства. В честь гостей в тот же день был дан прием от имени Сената, на котором присутствовал и премьер-министр Амир Аббас Ховейда. Шариф-Имами в приветственной речи говорил о значительных перспективах советско-иранских отношений и уверял, что успех взаимодействия кроется в политическом реализме обеих сторон²⁹. С этим утверждением трудно спорить. Потепление советско-иранских отношений было вызвано в первую очередь политическим реализмом и экономическими потребностями. Усиление контактов с СССР отнюдь не означало переход Ирана на путь социалистического развития. Шах и его окружение всегда оставались убежденными антикоммунистами. Равно как советская сторона настороженно относилась к действиям иранских партнеров, опасаясь тайной руки Запада. Тем не менее на официальном уровне декларировалось, что двусторонние отношения являют собой пример политического прагматизма. Потому, выступая в Сенате 17 января, Кунаев говорил о развитии сотрудничества на основе равноправия, суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга³⁰.

Согласно протоколу, 16 января гости посетили мавзоль Реза-шаха Пехлеви в городе Рей недалеко от Тегерана. Затем в полдень шах Мохаммед Реза Пехлеви принял советскую делегацию. Мемуары Кунаева сохранили краткую зарисовку этой встречи: «В резиденции шаха — Ниаваранском дворце — современность сочеталась с роскошной стариной. В течение часа с небольшим он беседовал со мной. Беседу шах начал первым. Рассказывал о стране и о “белой революции” в Иране. Спросил меня о событиях в Чехословакии. Вместе с нашим послом мы разъяснили ему суть событий. Он придавал большое значение приезду парламентской делегации СССР. Состоялся хороший разговор о наших экономических связях»³¹. Мохаммед Реза Пехлеви уделял большое место публичной презентации своего внутривластного курса, именованного «Белой революцией», официальное начало которой было положено национальным референдумом 26 января 1963 г. Шах надеялся провести стремительные преобразования сверху, но при этом сохранить традиционную модель власти. Идеология «Белой революции» являла собой «синтез модернизма и иранского национализма, основанного на концепциях исключительности иранской цивилизации и уникальности иранской монархии»³². Конечной целью реформ было превращение Ирана в современную индустриальную державу, которая будет проводить независимую и самостоятельную политику. Потому для Мохаммеда Реза Пехлеви так важно было произвести впечатление на высокопоставленных советских гостей. В воспоминаниях Д.А. Кунаева о широкомасштабном плане иранской модернизации упомянуто вскользь. В отчете о поездке, напротив, много места отводится описанию реформ и их последствий. Кунаев четко увязывает изменения внутри страны с ее новым внешнеполитическим курсом, в основу которого было положено проведение самостоятельной и независимой политики на международной арене. Отсюда желание шаха, которое было подмечено советским гостем, развивать и укреплять экономические связи не только с капиталистическим Западом, но и с социалистическим Востоком. Как отчетливо видно из выявленных документов, Иран выстраивал отношения и с другими социалистическими странами Европы, прежде всего с Румынией³³. В 1966 г. иранские власти добились у Международного нефтяного консорциума, который в огромной мере контролировал национальную нефтедобычу, передачи в свое распоряжение значительной доли сырой нефти, которую предполагалось поставить в Чехословакию, Венгрию, Румынию,

²⁹ Кунаев Д.А. Указ. соч. С. 177.

³⁰ Известия. 14. II. 1968. С. 2.

³¹ Кунаев Д.А. Указ. соч. С. 177.

³² Боев Э.Б. Идеологические основы «белой революции» в работах Мохаммеда Реза-шаха Пехлеви // История и историческая память. Вып. 16. Саратов, 2018. С. 131.

³³ См. подробнее: *Alvandi R., Gheorghie E. The Shah's Petro-Diplomacy with Ceausescu: Iran and Romania in the era of Detente. Washington (D.C.), 2014.*

Болгарию и Польшу³⁴. Расширение связей с социалистическими странами было связано с трудностями во взаимоотношениях с Западом. Шах пытался выработать более независимую систему международных связей на фоне холодной войны, умело лавируя между конкурирующими сторонами. Иран был заинтересован в широком использовании зарубежного опыта, привлечении иностранных инвестиций и трансфере технологий, будь то тяжелое машиностроение или, например, городское планирование³⁵. Самостоятельность во внешней политике 1960–1970-х годов во многом была связана с резко возросшими доходами от экспорта нефти, что позволило шаху проявить определенную независимость от американских покровителей³⁶.

К слову, шаги по модернизации Ирана получали высокую оценку в СССР. Приведем в качестве примера высказывание одного из ведущих советских иранистов М.С. Иванова: «Подводя итоги социально-экономического развития Ирана в последние годы, следует отметить, что в этой стране происходят важные сдвиги. На пути преодоления вековой экономической и культурной отсталости, в частности на пути промышленного развития в стране, сделан серьезный шаг вперед. Можно сказать, что в настоящее время Иран стоит на пути превращения из аграрной в аграрно-индустриальную страну»³⁷.

Важнейшей составной частью поездки делегации Верховного Совета СССР в 1968 г. стало посещение Исфахана 19 января. Там при участии советских специалистов было начато сооружение металлургического комбината, призванного стать крупнейшим в стране, превратиться в своего рода локомотив иранской промышленной революции. В связи со строительством завода в 1969 г. после долгого перерыва возобновит свою работу советское консульство в Исфахане.

«Новый индустриальный Иран» явно восхищал Кунаева. Впрочем, он не остался в стороне и от многочисленных памятников прошлого. Особенно запомнилась поездка на юг страны, где ему и другим делегатам «довелось познакомиться с уникальными историческими памятниками и выдающимися творениями иранских зодчих, строителей и художников, по праву являющихся гордостью иранской нации»³⁸. Речь в первую очередь идет о посещении Персеполя. В этой поездке советских гостей сопровождал видный иранский военный деятель генерал Аманулла-мирза Джаханбани (1890–1974), фигура примечательная. Он происходил из династии Каджаров и приходился правнуком знаменитому Фатх Али-Шаху. В детстве он был определен в Николаевский кадетский корпус в Санкт-Петербурге, а после его окончания обучался в Михайловской артиллерийской академии. В донесениях ЦРУ начала 1970-х годов фиксировалось, что перед Первой мировой войной Джаханбани вернулся на Родину, «проникнутый русскими идеями, оставался близким к русским даже после большевистской революции»³⁹. Он начал службу в Персидской казачьей бригаде, довольно быстро продвинулся по службе, обретя генеральский чин и высокое положение в армии. В 1940-е годы Джаханбани занимал поочередно важные посты в правительстве: был министром иностранных дел, министром почт и телеграфа, министром обороны. Интересна ремарка из отчета ЦРУ, что русская жена генерала, Елена Косминская, в 1947 г. служила посредником в оплате советских агентов⁴⁰. Ни

³⁴ Турицын И.В. Становление советско-иранского сотрудничества в нефтяной сфере: трудный диалог 1962–1970 гг. // Современная научная мысль. 2014. № 5. С. 112.

³⁵ Jafari E., Hein C. Revisiting the transnational building of a modern planning regime in Iran: the first Tehran master plan and the interplay between local and foreign planners // Planning Perspectives. 2020. Vol. 36. № 3. P. 451–474.

³⁶ Alvandi R. Flirting with Neutrality. P. 440.

³⁷ Иванов М.С. Пути социально-экономического развития современного Ирана // Вопросы истории. 1969. № 8. С. 76.

³⁸ Кунаев Д.А. Указ. соч. С. 177–178.

³⁹ General CIA Records. Doc. № CIA-RDP85T00875R001100130080-4 // URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85t00875r001100130080-4> (дата обращения: 10.10.2023).

⁴⁰ Ibidem.

подтверждения, ни опровержения этому нет. Очевидно то, что генерал, пользовавшийся большим доверием шаха⁴¹, испытывал симпатии к СССР. Именно он в 1957 г. встал во главе возрожденного Иранского общества культурных связей с СССР⁴². Исследователям еще предстоит проанализировать реальное влияние А. Джаханбани на советское направление в иранской внешней политике.

Визит в Иран произвел большое впечатление на Д.А. Кунаева. Позднее в мемуарах он фиксировал: «Подводя итоги поездки, можно с уверенностью сказать, что для развития всестороннего сотрудничества между СССР и Ираном открыты широкие возможности, что народы наших стран питают друг к другу добрые чувства. Богатый исторический опыт привел советский и иранский народы к убеждению, что добрососедство наших стран отвечает их коренным интересам»⁴³. 25 января советская делегация вылетела из Тегерана в Москву.

Обратим внимание, что в отчете почти не говорится о противоречиях «Белой революции» и о наличии в Иране значительной оппозиции шаху и его программе, особенно со стороны исламского духовенства. Однако в тексте встречается ремарка о «крайне реакционных кругах, которые склонны целиком ориентироваться на Запад». Нет в отчете упоминаний и о внутренних проблемах модернизации (например, о чудовищной коррупции), хотя отсылки к ним можно найти в мемуарах советских специалистов, работавших в Иране⁴⁴. Тем не менее в отчете находим немало примеров того, какие трудности встречало развитие двусторонних связей, в том числе отмечались проблемы, порожденные советской стороной. Особый интерес вызывает то, что в приложениях к отчету Кунаева содержится довольно резкая критика советских практик сотрудничества с Тегераном. Причем острие этой критики направлено не на конкретных исполнителей, которые по тем или иным причинам не справились с поставленными задачами, а на всецельные отраслевые министерства и организации. В документах указывается, что бюрократические проволочки привели к задержке в строительстве металлургического комбината в Исфahanе. В тексте одной из записок высказывалось предупреждение, что затягивание работ по строительству объекта приведет к тому, что запустить его в эксплуатацию удастся в лучшем случае в 1971 г. В реальности же первую продукцию комбинат в Исфahanе даст лишь в декабре 1972 г.⁴⁵ В отчетных документах 1968 г. советско-иранское сотрудничество в отдельных областях по сути названо провальным. Причем это относится к такой важной сфере, как разведка, добыча и переработка нефти. На протяжении долгого времени она вообще была одной из самых проблемных и болезненных для двусторонних связей⁴⁶.

Обозначенные в приложении к отчету проблемы не были случайными, а носили системный характер. Они были вызваны многочисленными причинами, среди которых неповоротливость советской плановой экономики, неэффективность бюрократии и одновременно сложности понимания иранской специфики. На аналогичные трудности в области советско-иранского нефтегазового сотрудничества обратил внимание И.В. Турицын. На конкретном примере он продемонстрировал, как советская сторона в 1970 г. сорвала сроки представления технической и сметной документации по сотрудничеству в сфере нефтедобычи в акватории Каспийского моря. Трудно не согласиться, что данный случай «является красноречивой иллюстрацией, характеризующей работу советской бюрократии, с одной стороны, отличавшейся недостаточной функциональной эффективностью, а с другой

⁴¹ Интересно, что принцесса Шахназ Пехлеви (род. 1940) в 1971 г. вышла замуж за сына генерала Джаханбани — Хосрова (1941—2014), рожденного в браке с Е. Косминской.

⁴² Авдеева Л.Е. Диалог Ирана и России на примере деятельности обществ культурных связей двух стран в 60–80-е годы XX века // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 15. М., 2018. С. 171.

⁴³ Кунаев Д.А. Указ. соч. С. 178.

⁴⁴ Калинин Е.Л. Исламская революция 1979 года в Иране. Записки очевидца. М., 2010. С. 8–12.

⁴⁵ История внешней политики СССР: в 2-х т. / под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. М., 1981. Т. 2 (1945–1980). С. 331.

⁴⁶ Кочешков А.А. Нефть и охлаждение советско-иранских отношений на раннем этапе «холодной войны» в 40–50 гг. XX в. // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2009. № 3. С. 63–64.

стороны, чрезмерной политизацией, зачастую позволявшей списывать отсутствие должного экономического эффекта проектов на их политическое значение». Отметим, что подобные эксцессы сильно контрастировали с высоким профессиональным уровнем советских специалистов-практиков, которые пользовались высоким авторитетом в Иране⁴⁷.

Приезд советской парламентской делегации стал подготовительным шагом к визиту в Иран председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина (1–7 апреля 1968 г.). Именно в ходе него 5 апреля состоялась официальная церемония начала строительства металлургического комбината в Исфахане. Косыгин передал приглашение шаху вновь посетить СССР, которое любезно было принято. 22 июня 1968 г. в Тегеране было подписано советско-иранское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, предусматривавшее, в частности, выделение советских кредитов для строительства промышленных объектов. 24 сентября 1968 г. Мохаммед Реза Пехлеви вместе с супругой Фарах прилетел в Москву и до возвращения в Тегеран 4 октября побывал в Хабаровске, Владивостоке, Новосибирске, Ереване, Тбилиси.

Осенью 1972 г. шах вместе с огромной делегацией в очередной раз посетил СССР. И снова география визита была обширной: Москва, Воронеж, Сочи, Таллин. Мохаммед Реза Пехлеви посетил и Алма-Ату (17–19 октября), где снова встретился с Д.А. Кунаевым. Примечательно, что шах, живо интересовавшийся перспективами развития атомной энергетики, нанёс визит в Институт ядерной физики АН Казахской ССР, осмотрел действующий там реактор.

Едва ли не главным результатом поездки в СССР стало подписание 12 октября в Москве нового договора об экономическом и техническом сотрудничестве между Ираном и СССР сроком на 15 лет⁴⁸. Однако этих лет в распоряжении шаха не оказалось.

* * *

Отчет о поездке в Иран делегации Верховного Совета СССР был выявлен М.В. Ковалевым в фонде «ЦК Компартии Казахстана» (Ф. 708) в Архиве Президента Республики Казахстан (документ № 1). Текст напечатан на машинке на восьми страницах формата А4. Документ не подписан. На его первой странице синими чернилами проставлена дата «1–II–68 г.», а также сделана карандашная пометка «3-й экз.» Первый и второй экземпляры отчета, видимо, лично подписанные Кунаевым, были отправлены в вышестоящие центральные инстанции. Однако в московских архивах обнаружить отчеты Кунаева с какими-либо резолюциями пока не удалось. К отчету прилагаются не менее важные для понимания контекста визита документы (также напечатанные на машинке и неподписанные): «Записка о мероприятиях по строительству металлургического завода в Исфахане (Иран)» (документ № 2), составленная главным экспертом-консультантом Коробовым (биографических данных о нем обнаружить не удалось); «Записка по вопросам, положительное решение которых способствовало бы развитию торговых связей с Ираном» (документ № 3), написанная торговым представителем СССР в Иране А. Дроздовым (сведения о нем не выявлены); неподписанные и без указания авторства (документ № 4) заметки о конкретных направлениях сотрудничества (гидротехнические сооружения на реке Аракс, строительство металлургического завода, освоение рудных месторождений, заключение нового соглашения о сотрудничестве), а также приложения в форме графиков выполнения совместных работ. Текст документов печатается с сохранением стилистики оригинала, с учетом норм современной орфографии и пунктуации. Некоторые сугубо технические опечатки исправлены без оговорок. Расшифровки слов помещены в квадратные скобки.

⁴⁷ Турицын И.В. Указ. соч. С. 122.

⁴⁸ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1973 года. Вып. 29. М., 1974. С. 157–158.

Документ № 1

3-й экз[емпляр]
29 с / 1 – II – [19]68 г.

Президиуму Верховного Совета Союза ССР

ОТЧЕТ⁴⁹

делегации Верховного Совета СССР о пребывании в Иране

Делегация Верховного Совета СССР по приглашению иранского парламента находилась в Иране с 15 по 25 января 1968 года. В состав делегации входили депутаты Верховного Совета Д.А. Кунаев, П.Я. Афанасьев, А.И. Ибрагимов, А. Хайдаров, Н.В. Красильщикова, В.К. Шуренко, М. Оразмурадов и В.Д. Борисов.

Во время пребывания в Иране делегации была предоставлена возможность ознакомиться с высшими учебными заведениями, научно-исследовательскими институтами, рядом промышленных предприятий и энергетических сооружений. С этой целью, кроме Тегерана, советские парламентарии посетили города Кередж, Исфаган, Шираз, Абадан и остров Харк. Мы выезжали также на строительную площадку металлургического завода, сооружаемого с помощью СССР, недалеко от г. Исфагана.

Делегация была принята шахом Ирана Мохамедом Реза Пехлеви, встречалась с председателем Сената Ш. Имами⁵⁰, председателем Меджлиса А. Риази⁵¹, премьер-министром А. Ховеидой⁵².

Визит делегации Верховного Совета СССР в Иран дал возможность глубже ознакомиться с политической обстановкой в этой стране, экономическими проблемами, стоящими перед Ираном и, несомненно, способствовал улучшению взаимопонимания, укреплению дружбы и добрососедских отношений между нашими двумя странами. Делегации повсеместно был оказан теплый, дружественный прием. Встречи с руководящими деятелями Ирана проходили в обстановке делового полезного обмена мнениями как по различным аспектам советско-иранских отношений, так и по ряду вопросов международного положения в целом, представляющих общий интерес для наших государств. Эти встречи показали, что иранские руководители проявляют большой интерес к жизни советского народа и государства, к дальнейшему укреплению экономических и торговых отношений между Ираном и СССР.

⁴⁹ Здесь и далее – подчеркивания в оригинале.

⁵⁰ *Шариф-Имаи, Джафар* (1910–1998) – иранский государственный деятель, глава Плановой организации (1953–1955), министр промышленности (1957–1960), премьер-министр Ирана (1960–1961, 1978), глава Сената (1964–1978). В августе-ноябре 1978 г. Д. Шарифу-Имаи на фоне нарастающего кризиса было поручено создать правительство «национального примирения», однако его попытки не увенчались успехом. Масон, Великий магистр Великой ложи Ирана. Неоднократно обвинялся современниками в коррупции на государственных контрактах, получив прозвище «Мистер пять процентов». После Исламской революции эмигрировал, жил в Нью-Йорке, написал мемуары.

⁵¹ *Риази, Абдолла* (1905–1979) – иранский политик, председатель Меджлиса (1963–1978). После Исламской революции арестован, судом обвинен в коррупции и всемерной поддержке шаха, приговорен к смерти и казнен.

⁵² *Ховейда, Амир Аббас* (1919–1979) – иранский политик, начинал карьеру как дипломат, с 1945 по 1957 г. работал в Париже, Бонне, Анкаре, был представителем Ирана в Комитете помощи беженцев при ООН. Технократ и сторонник внедрения западных методов управления, однако многие его предложения, например по борьбе с коррупцией, не вылились в конкретные решения. Министр финансов (1964–1965), премьер-министр (1965–1977). В 1975–1976 гг. – генеральный секретарь правящей партии «Растахиз». В 1977 г. попал в опалу, в ноябре 1978 г. по распоряжению шаха арестован и отправлен под домашний арест. После победы Исламской революции Ховейда рассчитывал на помилование, но был арестован, приговорен к смертной казни и расстрелян.

Во время своего пребывания в Иране советская делегация стремилась использовать все возможности для разъяснения внешней и внутренней политики Советского Союза, подчеркивала стремление нашей страны укреплять дружбу и сотрудничество с Ираном.

В ходе нашей продолжительной беседы с шахом был затронут ряд вопросов, положительное решение которых будет способствовать укреплению взаимного доверия между двумя нашими странами и тем самым ослаблению позиций в Иране западных стран – США, Англии, ФРГ.

Шах заявил, что существенные сдвиги в отношениях между нашими странами произошли после визита в Иран Л.И. Брежнева в 1963 году и в результате тех откровенных бесед, которые он имел с руководителями Советского Союза во время своей поездки в СССР в 1965 году. Именно после этих контактов он (шах) пришел к твердому убеждению, что единственный путь, по которому должен идти Иран, – это путь укрепления и всемерного развития отношений дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. Нельзя не согласиться, подчеркнул шах, с разумной и реалистической внешней политикой, которую проводит в последние годы СССР.

По нашему мнению, шах и правительство Ирана в настоящее время в общем реалистически подходят к решению ряда коренных международных проблем. Шах, несмотря на его личные неприязненные отношения с отдельными лидерами арабских стран (Насером⁵³) стоит за безусловный вывод войск Израиля с оккупированной территории ОАР⁵⁴, Иордании и Сирии⁵⁵, хотя Иран в то же время поддерживает деловые контакты преимущественно с Израилем в экономической области. В беседе с нами шах высказался за урегулирование вьетнамской проблемы мирным путем. Одобрительно отзываясь о политике СССР в районе Ближнего Востока и во Вьетнаме, он, однако, уклонился от оценки позиции СССР в германском вопросе.

Говоря о перспективах развития советско-иранских отношений, шах особо отметил, что именно отношения дружбы, установившиеся между СССР и Ираном, позволяют ему проводить независимую внешнюю политику, с которой вынуждены считаться западные державы. И нам, подчеркнул шах, не следует ограничиваться уже сложившимися формами сотрудничества, и, что касается Ирана, то он будет искать новые пути и формы развития сотрудничества с Советским Союзом. Шах удовлетворен тем, что отношения Ирана с Советским Союзом достигли такой степени развития и базируются на таком прочном фундаменте, что можно уже говорить и ставить вопросы о взаимодополняющем развитии экономики двух стран.

В беседе с главой делегации шах высказал заинтересованность в привлечении Советского Союза к разработке месторождений нефти и газа, а также залежей меди, олова и свинца и совместному строительству ирригационных сооружений в зоне, граничащей с Туркменской ССР, в расширении товарооборота между обеими странами, в частности в увеличении поставок в СССР иранских тканей и обуви, в усилении научных и культурных связей.

После аудиенции у шаха советская делегация была принята председателями обоих палат иранского парламента и премьер-министром Ховейдой. В ходе бесед с нами иранские государственные деятели одобрительно говорили о продолжающемся сближении между нашими странами. Председатель Меджлиса Риизи отметил, что многие крупные хозяйственные мероприятия Иран рассчитывает осуществлять с помощью Советского Союза.

⁵³ *Насер, Гамаль Абдель* (1918–1970) – египетский государственный деятель, один из лидеров Июльской революции 1952 г. в Египте, приведшей к свержению короля Фарука. Странник панарабизма, в 1956–1970 гг. – президент Египта.

⁵⁴ Объединенная Арабская Республика.

⁵⁵ Имеются в виду последствия Шестидневной войны 1967 г., когда Израиль разгромил коалицию арабских стран (Египет, Сирия, Иордания, Ирак и Алжир) и оккупировал Синайский полуостров, Сектор Газа, Западный берег реки Иордан, Восточный Иерусалим и Голанские высоты.

Председатель сената Ш. Имами в беседе также подчеркнул, что советско-иранские отношения имеют далеко идущую перспективу развития и что Ирану гораздо легче найти общий язык с северным соседом, т.е. с Советским Союзом, чем с какой-либо западной страной.

Как показали наши встречи с другими иранскими государственными и общественными деятелями, а также с иранскими рабочими и студентами, их высказывания также говорят о необходимости развивать и укреплять дружбу с Советским Союзом и советским народом.

В настоящее время в Иране по инициативе шаха предпринимаются усилия, направленные на превращение Ирана в развитую индустриально-аграрную страну. Проводятся земельная и водная⁵⁶ реформа, имеющая целью покончить с привилегированным положением крупных феодалов и феодальным землевладением, поднять производство сельскохозяйственной продукции. Принимаются меры по борьбе с неграмотностью, по развитию высшего образования в стране⁵⁷, подготовке национальных кадров и т.д. В стране осуществляется так называемая «Белая революция», проводимая по инициативе самого шаха, достижениями этой революции руководящие круги Ирана гордятся, в ней они видят средство для превращения страны в развитое процветающее государство.

Как видно из информации, полученной от иранских официальных лиц, в Иране сейчас в результате принимаемых мер по развитию экономики растет производство промышленной продукции — добыча нефти (130 млн тонн в 1967 году), руд различных металлов, выпуск товаров легкой промышленности, а также производство сельскохозяйственной продукции.

Созданные по указанию шаха «Корпус просвещения» и «Корпус здравоохранения» ведут работу по борьбе с неграмотностью и болезнями⁵⁸, принимаются меры по возвращению в страну иранских специалистов, работающих в других странах. Эти и другие мероприятия, проводимые по программе «Белой революции», несомненно, способствуют росту популярности личности шаха среди иранского населения. Шах, руководители парламента и правительства подчеркивают, что в области внешних отношений Иран проводит теперь «независимую национальную политику». Ориентировка на такой внешнеполитический курс способствовала повышению международного престижа Ирана.

Для решения поставленных задач шах и правительство Ирана широко привлекают иностранный капитал, особенно американский, английский, западно-германский, французский. Заметно также стремление завоевать собственные сильные позиции в Иране со стороны Румынии, которая строит здесь тракторный завод⁵⁹ и ряд других объектов, стремится расширить торговлю с Ираном.

Во время пребывания в Иране в честь делегации Верховного Совета СССР Сенатом, а затем Меджлисом были устроены приемы и даны ужины. Главе советской парламентской делегации была предоставлена возможность выступить в Сенате, в Иранском обществе

⁵⁶ Земельная реформа, начатая в 1960 г., стала одним из главных событий «Белой революции». Она предполагала перераспределение пахотных земель от крупных собственников к мелким сельскохозяйственным работникам. В 1962 г. крупные собственники были обязаны продать излишки земли государству, а оно по более низкой цене перепродавало ее мелким хозяевам. При этом предусматривался кредит на 25 лет и более по низким процентным ставкам. Также вводились льготные кредиты для земледельцев. Реформа получила одобрение на референдуме 29 января 1963 г., несмотря на открытое сопротивление консервативного духовенства, видевшего в ней посягательство на основы ислама. Водная реформа предполагала национализацию всех водных ресурсов в стране.

⁵⁷ В рамках реформ, в частности, создавались начальные школы в деревнях, росло число студентов иранских высших учебных заведений обоих полов, расширялась практика обучения иранской молодежи в зарубежных университетах.

⁵⁸ Советская сторона высоко оценивала работу этих корпусов, что отражено, в частности, в книге журналиста-международника А.К. Ненашева: «Разумеется, “священная война с дьяволом неграмотности” наталкивается на большие трудности. Они заключаются не только в том, что недостает классных помещений, что мало наглядных пособий, что велико число местных диалектов. Серьезным препятствием являются старые обычаи и традиции» (Ненашев А.К. На перекрестке веков: иранский репортаж. М., 1974. С. 38).

⁵⁹ В 1966 г. было заключено соглашение между Ираном и Румынией о совместном производстве тракторов. В 1968 г. в Тебризе начал работу Тракторный завод. Ныне — Иранская компания по производству тракторов (ИТМСО).

культурных связей в СССР. Речь главы советской делегации в сенате была полностью опубликована распространенной газетой «Кушеш»⁶⁰ и с небольшими сокращениями влиятельными газетами «Кейхан»⁶¹ и «Эттелаат»⁶².

Выводы и предложения:

В настоящее время шах и правительство Ирана проявляют заинтересованность в дальнейшем развитии экономических и торговых отношений с СССР, в утверждении духа добрососедства и сотрудничества в советско-иранских взаимоотношениях. Вместе с тем нельзя не учитывать известной и при этом довольно сильной оппозиции этой политике шаха со стороны крайне реакционных кругов, которые склонны целиком ориентироваться на Запад и предпочитают укреплять тесные экономические, политические, военные и особенно культурные связи исключительно с западными странами.

Эта тенденция определяется, главным образом, боязнью идеологического проникновения со стороны СССР. Известно, например, заявление премьера Ховейды в том, что Иран открыт для проникновения технологии, но не идеологии. Об ориентации на Запад говорит и такой примечательный факт: в настоящее время в странах Запада, главным образом в США, ФРГ, Франции и Англии, обучается 24.000 иранских студентов и практически ни одного в СССР, что будет иметь нежелательные для нас последствия в будущем, так как иранская молодежь, получая образование на Западе, одновременно усваивает и буржуазный образ мышления, буржуазную идеологию и так или иначе прозападную ориентацию.

Исходя из реальной обстановки в Иране и курса, который в настоящее время осуществляется шахом, а также учитывая важнейшее стратегическое положение Ирана, имеющего границу с СССР протяженностью 2.700 километров, наше внимание к Ирану как стране-соседу, безусловно, должно быть резко повышено. Это усиление внимания к Ирану со стороны СССР, по нашему мнению, должно идти по линии дальнейшего укрепления связей во всех областях межгосударственных отношений, т.е. по линии экономической, торговой, культурной. Надо умножать любые контакты между нашими странами, которые могут способствовать решению этой важной задачи.

Прежде всего следует принять безотлагательные меры для точного выполнения в установленных соглашениями сроки строительства таких объектов, как металлургический завод в Исфагане, машиностроительный завод в Араке⁶³, трансиранский газопровод⁶⁴ и гидротех-

⁶⁰ «Кушеш» (Усилие) — одна из старейших и влиятельнейших иранских газет, основанная в 1922 г. журналистом Ш. Сафави. Газета была одним из главных идеологических рупоров шахского правительства.

⁶¹ «Кейхан» (Вселенная) — иранская газета, основанная в 1943 г. журналистом и медиамагнатом М. Месбахзаде. В период правления Мохаммеда Реза Пехлеви активно поддерживала режим, была одной из самых влиятельных и многотиражных газет. Национализирована после Исламской революции. Ныне — одна из самых консервативных иранских газет. В 1984 г. живший в эмиграции М. Месбахзаде основал в Великобритании газету «Кейхан Лондон», которая выходит поныне.

⁶² «Эттелаат» (Информация) — ежедневная газета, основанная в 1926 г. журналистом А. Массуди. «Эттелаат» поддерживала шахский режим, ее издатели были близки правящим кругам. Здесь 7 января 1978 г. была опубликована статья «Иран и красно-черная колонизация» против имама Хомейни, спровоцировавшая волнения в Куме, ставшие, в свою очередь, катализатором скорой Исламской революции. В 1979 г. издание национализировано.

⁶³ Имеется в виду завод по производству нефтегазовых, нефтехимических и энергетических установок в Араке, строительство которого было начато в 1967 г. Ныне — Компания «Машинсази Арак».

⁶⁴ Речь идет о магистральном газопроводе Кази-Магомед (Аджикабул) — Астара-Абадан. Его строительство было согласовано в 1965 г., а в октябре 1970 г. состоялось открытие в присутствии шаха Мохаммеда Реза Пехлеви и председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного. По газопроводу вплоть до Исламской революции 1979 г. осуществлялись поставки газа в закавказские республики СССР.

нических сооружений на реке Аракс⁶⁵. От успешного и качественного выполнения советских обязательств по этим объектам будет значительно зависеть престиж СССР как экономического партнера Ирана. В противном случае, как заявил шах, строительство этих и других выгодных для СССР и Ирана объектов (разработка месторождений нефти, меди, олова, свинца, прокладка газопровода и т.п.) может быть перехвачено Америкой или другими западными странами.

Учитывая серьезное отставание с ходом строительства указанных выше объектов, было бы желательно наметить и осуществить все необходимые меры, обеспечивающие выполнение наших обязательств точно в установленные соглашениями сроки (см. прилагаемую записку главного эксперта-консультанта т. Коробова).

Для расширения товарооборота с Ираном надо принять безотлагательные меры по расширению контингента закупаемых товаров, упорядочению вопросов транспортировки грузов в Иран. Речь идет о расширении пограничных перевалочных пунктов, в частности на станции Джульфа–Советская, где в настоящее время скопилось до 2.000 вагонов грузов, а также о наведении должного порядка в работе этих перевалочных пунктов (см. прилагаемую записку торгпреда СССР в Иране А. Дроздова).

Надо принять необходимые меры к расширению культурных связей с Ираном, которые в настоящее время чрезвычайно сужены по вине, главным образом, иранской стороны. Министерству культуры СССР следует более настойчиво ставить эти вопросы, добиваться систематического обмена творческими коллективами. В частности, во время предстоящего визита т. Косыгина А.Н.⁶⁶ в Иран, как подчеркивали наши иранские собеседники, было бы желательно направить туда солидный творческий коллектив.

Следует расширять научные связи, в частности усилить обмен научной информацией в области борьбы с болезнями животных, поощрять поездки ученых на проводимые в наших странах научные конференции и симпозиумы, обмен студентами и аспирантами, особое внимание следует обратить на подготовку кадров переводчиков с русского на фарси, а также издание специальной литературы на языке фарси.

Желательно пригласить в будущем в СССР новую парламентскую делегацию Ирана.

Считаю необходимым поручить ГКЭС⁶⁷ и другим заинтересованным министерствам и ведомствам внести в месячный срок предложения по реализации указанных выше предложений.

Д. КУНАЕВ

*Архив Президента Республики Казахстан
(Қазақстан Республикасы Президентінің Архиві)*

*Ф. 708. Оп. 44. Д. 185. Л. 1–8. Машинопись, без подписи
Документ № 2*

ЗАПИСКА

о мероприятиях по строительству металлургического завода в Исфahanе (Иран)

С момента подписания контракта на строительство металлургического завода в Исфahanе и рудной базы в Чогарте⁶⁸ прошло два года.

⁶⁵ Имеется в виду Аракский гидроузел на границе Ирана и Азербайджана. Соглашение о его строительстве было подписано между СССР и Ираном в августе 1957 г. Возведение объекта было начато в 1963 г., первая гидротурбина запущена в 1970 г., официальное открытие состоялось 28 июня 1971 г. в присутствии вице-преьера Ирана Сафи Асфия и заместителя председателя Совета министров СССР М.Т. Ефремова. Одной из задач строительства, помимо собственно выработки электроэнергии, было межгосударственное регулирование стока пограничной реки Аракс, создание водохранилища для орошения земель.

⁶⁶ Косыгин, Алексей Николаевич (1904–1980) в 1964–1980 гг. занимал пост председателя Совета министров СССР.

⁶⁷ ГКЭС – Государственный комитет Совета министров СССР по внешним экономическим связям, существовал как орган управления в 1957–1988 гг.

За это время Гипромез⁶⁹ (совместно с иранскими специалистами) собрал исходные данные, составил задание на проектирование металлургического завода и рудной базы⁷⁰.

Проведены необходимые инженерные изыскания под проектное задание и заканчиваются в марте 1968 года изыскания под рабочие чертежи.

Гипромез совместно с другими институтами разработал проектное задание завода и рудной базы, вручил его иранской стороне (на месяц позже установленного срока). Проектное задание утверждено иранской стороной (почти на 3 месяца позже установленного срока).

Иранские организации также провели определенную работу по подготовке и организации строительства указанных объектов.

Создано управление строительства рудника в Чогарте.

На этих строительных площадках уже работает около 1.000 человек рабочих.

Изыскатели, лаборанты, проектировщики, инженеры и служащие составляют штат примерно 400 человек.

Построено временное жилье, организована крупная лаборатория в Чогарте, запроектированы многие объекты строительства базы и передана документация подрядчикам для производства работ; строятся временные водопровод и электроснабжение, построены склады, конторы, мастерские. Начаты земляные работы по базе.

Как видно из приведенных данных, Корпорация проделала значительную работу по доведению подготовительных работ.

Различные министерства и ведомства Ирана ведут большие работы по строительству железных дорог к объектам металлургии, руды и угля, строится электростанция для подачи электроэнергии на металлургический завод, также успешно строится резервное водохранилище на реке Зайендеруд.

И несмотря на это, строительные работы непосредственно на площадке завода из-за отсутствия рабочих чертежей не ведутся.

– 7 января с[его] г[ода] начаты земляные работы в районе доменного цеха (без рабочих чертежей Гипромеза) по схемам, разработанным группой главного эксперта-консультанта.

Утверждены графики строительства базы, временных источников водоснабжения и электроснабжения, ведения земляных работ и строительных работ подготовительного периода сооружений завода.

Совершенно не понятно, почему по многим объектам вспомогательного назначения Гипромез не разработал до сего времени рабочие чертежи. Время для этого было достаточно.

Не решены вопросы командирования советских специалистов, комплектования строительной техники, изготовления металлических конструкций, поставки оборудования базы (нет сроков выполнения).

Задержка выдачи рабочих чертежей приводит к тому, что на строительство такого крупного для Ирана завода остается всего два с половиной года.

Сегодня еще имеется возможность (при напряженной работе советской и иранской сторон) при строжайшем соблюдении сроков пустить завод в 1971 году.

Считаем необходимым (если это возможно) принять постановление Совета Министров СССР, где решить:

⁶⁸ Месторождение Чогарт близ города Йезд обеспечивало основные сырьевые потребности Металлургического комбината в Исфахане. Главнейшие подготовительные работы на месторождении проводили сотрудники ленинградского НИИ механической обработки полезных ископаемых (Механобр) в 1965–1966 г. (Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее – ЦГАНТД СПб). Ф. Р-181. Оп. 24. Д. 195. Л. 1–186; Д. 380. Л. 1–48).

⁶⁹ Гипромез (Государственный институт по проектированию металлургических заводов) – научно-исследовательский институт, занимавшийся проектированием предприятий черной металлургии. Создан в 1926 г. в Ленинграде. В 1992 г. институт акционирован, ныне – ОАО «Ленгипромез».

⁷⁰ Материалы о проектировании и строительстве комбината хранятся в ЦГАНТД СПб (Ф. Р-324. Оп. 12. Д. 1086, 1087, 1175) и до сих пор должным образом не введены в научный оборот специалистами по истории советско-иранских экономических связей.

- о сроках выдачи рабочих чертежей (строительство завода и рудной базы) и всей технической документации по организации строительства;
- о сроках изготовления и поставки металлических конструкций и изделий;
- о поставках оборудования, кабельной продукции и арматуры;
- о поставках материалов;
- о поставках строительной техники;
- о командировании опытных советских специалистов, имеющих опыт строительства металлургических заводов, рудных и нерудных предприятий.

Надо поручить ГКЭС, Минчермету СССР⁷¹ и Минмонтажспецстрою СССР⁷² подготовить мероприятия по строительству металлургического завода в Иране, согласовать их и до принятия большого постановления решить все неотложные вопросы 1968 года (см. приложения № 1, 2, 3)⁷³.

Иранские организации верят, что только Советский Союз бескорыстно, на льготных для Ирана условиях построит в Иране металлургический завод и рудную базу в сроки, установленные двумя правительствами, и что вековая мечта иранского народа о создании отечественной металлургии будет осуществлена.

Надо возрастающий в Иране авторитет Советского Союза поднимать еще более и укреплять.

(Коробов)

24.1—[19]68

Архив Президента Республики Казахстан

(Қазақстан Республикасы Президентінің Архиві)

Ф. 708. Оп. 44. Д. 185. Л. 9—11. Машинопись, без подписи

Документ № 3

ЗАПИСКА

по вопросам, положительное решение которых способствовало бы развитию торговых связей с Ираном

[1.] Перевалочные пункты на ст[анции] Джульфа-Советская в порту Баку, а также на ст[анции] Джульфа-Иранская в иранских портах Пехлеви⁷⁴ и Ноушехр и в пограничных пунктах Гоудан и Баджигиран не справляются со своевременной перевалкой грузов. В то же время имеет место резкое увеличение поступления грузов в эти пункты, особенно в связи с закрытием Суэцкого канала.

Торгпредство в течение 1966—1967 гг. неоднократно ставило перед Министерством морского флота СССР, Каспийским пароходством, Министерством путей сообщения СССР, Минвнешторгом⁷⁵ и иранцами вопрос о необходимости расширения пограничных перевалочных пунктов и наведения порядка в их работе.

По нашему требованию иранская сторона провела на ст[анции] Джульфа-Иранская, а также в порту Пехлеви работы по увеличению пропускной способности этих пунктов. Однако, несмотря на обращения Торгпредства, а затем и Посольства к министрам выше-

⁷¹ Министерство черной металлургии СССР, отраслевое министерство, существовавшее в 1954—1991 гг.

⁷² Министерство монтажных и специальных строительных работ СССР, созданное в 1965 г. на основе Государственного производственного комитета по монтажным и специальным работам СССР, существовавшее до 1991 г.

⁷³ Вставка синими чернилами. Указанные приложения представляют собой календарные планы работ по сооружению металлургического завода. В силу сугубо технического содержания не публикуются.

⁷⁴ С 1980 г. — Бендер-Энзели.

⁷⁵ Министерство внешней торговли СССР.

указанных ведомств с просьбой обеспечить своевременную обработку и доставку грузов в Иран и из Ирана, каких-либо эффективных мер по увеличению пропускной способности советских пограничных пунктов и порта Баку до сих пор не предпринято. Неоднократно в течение 1966–1967 гг. на ст[анции] Джульфа-Советская и ст[анции] Баку наблюдалось скопление большого количества советских вагонов с товарами для Ирана, в результате эти станции закрывались, и железная дорога не принимала грузы для отправки в Иран. В то же время со ст[анции] Джульфа-Советская на ст[анции] Джульфа-Иранская передавалось всего лишь до 80–160 условных вагонов в сутки, вместо 200–210, которые в состоянии обрабатывать иранская сторона.

В иранских портах Пехлеви и Ноушехр одновременно могут обрабатываться 5–6 судов, однако в течение 1967 г. возможности этих портов использовались Каспийским морским пароходством всего лишь на 50–60%.

В то же время в Баку неоднократно объявлялись конвенции на приемку экспортных и транзитных грузов для Ирана. Несмотря на протесты Торгпредства, Каспийское пароходство практикует возврат разгруженных в порту Пехлеви судов в балласте при наличии в этом порту большого количества иранских грузов, направляемых в СССР или транзитом через Советский Союз.

Система заработной платы, установленная для команд советских судов в Каспийском пароходстве, стимулирует их длительное пребывание в иранских портах. Затяжка с решением вопросов транспортировки грузов является тормозом в деле дальнейшего развития советско-иранских торговых отношений.

Иранские официальные органы и частные фирмы неоднократно обращались в Посольство и Торгпредство с жалобами на то, что советские пограничные перевалочные пункты задерживают перевалку товаров, в результате чего перевозка через СССР в Европу занимает до 3-х месяцев, в то время как вокруг Африки – менее одного месяца. Об этом своевременно сообщалось ведомствам, названным выше. По поводу задержек грузов на пограничных перевалочных пунктах было помещено несколько статей в иранской прессе.

2. Товарооборот с Ираном мог бы значительно возрасти, если бы Госплан увеличил фонды на некоторые советские товары целевым назначением для Ирана. В частности, существуют возможности для увеличения запорядж в Иран следующих товаров:

1) иранцы готовы ежегодно закупать в Советском Союзе до 700–800 тыс. тонн металлопроката. На 1968 г. Торгпредству выделено всего лишь 40 тыс. тонн проката, который полностью продан;

2) имеется возможность ежегодно запорядж в Иран до 70 тыс. тонн растительного масла. На 1967 г. Торгпредству в плановом порядке выделено только 25 тыс. тонн. Следует учитывать то обстоятельство, что дополнительно выделяемое масло может поставиться в Иран в порядке товарообменной сделки на иранские промышленные товары (трикотаж, чулочно-носочные изделия и обувь), имеющие при реализации в СССР большую эффективность, вследствие чего производятся существенные отчисления средств в госбюджет;

3) Иран ежегодно импортирует до 3 тыс. тонн алюминия. Несмотря на неоднократные запросы Торгпредства, фонды на этот товар для запоряджи его в Иран не выделяются;

4) имеется возможность дополнительной запоряджи в Иране следующих химических товаров, фонды на которые Торгпредству выделяются в недостаточных размерах:

сода кальцинированная	— до 5 тыс. тонн в год
бикарбонат натрия	— до 600 тонн в год
олифа	— до 500 тонн в год.

3. В 1969 году в Иране будет проводиться торгово-промышленная выставка стран Азии, принимать участие в которой будут также США, Канада и ряд других неазиатских стран. Еще месяц тому назад иранская сторона поставила вопрос об участии в этой выставке Советского Союза. Соответствующие документы были своевременно направлены

по линии МИД и МВТ⁷⁶ в Москву, однако положительного ответа об участии СССР в этой выставке до настоящего времени не поступило.

По мнению Посольства и торгпредства, нам необходимо принять участие в выставке Азиатских стран, используя ее для дальнейшего продвижения советских товаров, и особенно машин и оборудования, на иранский рынок и соседние с ним страны. Иранцы просят ускорить принципиальный ответ об участии Советского Союза в этой выставке.

Торговый представитель СССР в Иране

А. Дроздов

*Архив Президента Республики Казахстан
(Қазақстан Республикасы Президентінің Архиві)*

Ф. 708. Оп. 44. Д. 185. Л. 12–14. Машинопись, без подписи

Документ № 4

По вопросу строительства гидротехнических сооружений на р. Аракс

В соответствии с соглашением, плотина «Аракс» с двумя ГЭС должна быть пущена в эксплуатацию в июле 1970 г. Мильско-Муганская плотина – [в] I квартале 1970 г.⁷⁷

Темпы строительства объектов неудовлетворительные и не могут обеспечить ввод их в эксплуатацию в указанные выше сроки. Из общего объема капиталовложений в размере 93 млн руб. в период 1966–[19]67 г. освоено всего 16 млн руб. (17%). В оставшийся период 2–2,5 года необходимо освоить 77 млн руб. (83%).

Министерство энергетики и электрификации СССР не уделяет достаточного внимания стройке: несвоевременно и неполностью решаются вопросы финансирования материально-технического снабжения, обеспечения проектно-технической документацией.

Иранская сторона уделяет строительству на Араксе большое внимание: своевременно выполняет свои обязательства, поскольку она заинтересована в быстрейшем решении проблемы энергоснабжения Иранского Азербайджана и орошения дополнительных земель в размере около 70 тыс. га. Кроме того, иранские руководители, в том числе и шах, постоянно подчеркивают большое значение этих объектов в деле укрепления дружбы между Ираном и СССР.

Основные меры, которые необходимо принять для повышения темпов строительства объектов и своевременного ввода их в эксплуатацию:

– Госплану СССР, Министерству энергетики и электрификации и ГЭС обеспечить увеличение капложений в 1968 году до 28,8 млн рублей вместо намеченных 11 млн рублей;

– Министерству энергетики и электрификации и ГЭС: а) решить вопрос о бесперебойном снабжении строительства механизмами, материалами и проектной документацией, б) добиться, чтобы организации Азербайджанской ССР решили вопрос по переселению колхозов, находящихся в зоне строительства, и выделении на 1968 год необходимых для этих целей средств, в) установить постоянный контроль за ходом строительства объектов, выполнением обязательств советской стороны, обратив особое внимание на своевременное предоставление иранским организациям проектной документации, строительной техники, автотранспорта, материалов, предусмотренных контрактами.

По вопросу строительства металлургического завода

По Соглашению от 13 января 1966 г. обязательства советской стороны по строительству завода и его сырьевых баз должны быть выполнены в сроки, обеспечивающие пуск

⁷⁶ Министерство внешней торговли СССР.

⁷⁷ Мильско-Муганское водохранилище введено в эксплуатацию в 1971 г.

завода в 1971 году. Ход выполнения обязательств советскими организациями в настоящее время показывает, что имеются серьезные опасения, что указанный срок ввода в эксплуатацию завода не будет выдержан. Министерства черной металлургии, монтажных и специальных работ и В/О «Тяжпромэкспорт»⁷⁸ уделяют этому объекту крайне недостаточное внимание, недооценивают его значение для экономики Ирана, а также для дальнейшего развития советско-иранского сотрудничества.

Указанные организации недопустимо затягивают разработку проектной документации, поставку строительной техники, командирование советских специалистов. В результате этого в 1967 г. было сорвано начало земляных работ, которые должны быть наполнены иранцами в объеме 70 тыс. куб. м. По этим же причинам не состоялась намеченная иранской стороной торжественная закладка строительства завода.

Иранские организации, не имеющие опыта в строительстве подобных предприятий, тем не менее прилагают максимум усилий для выполнения принятых на себя обязательств. В январе 1963 г. вопрос о ходе строительства рассматривался специальной правительственной комиссией. Приняты важные решения по улучшению работы иранских организаций, оказанию им действенной помощи.

По сообщению президента Металлургической корпорации Ирана, шах высказал желание произвести торжественную закладку металлургического завода во время визита тов. Косыгина в Иран.

В целях резкого улучшения работы по выполнению советских обязательств в строительстве металлургического завода в первую очередь необходимо:

- обеспечить в течение I полугодия 1968 г. подготовку всей проектной документации на выполнение земляных работ в районе доменного цеха и коксохимического производства;
- обеспечить срочную поставку строительных механизмов, автотранспорта и другого оборудования для строительной базы завода;
- обеспечить своевременное командирование советских специалистов для оказания содействия в строительстве завода, а также укрепления кадрами Металлургической корпорации Ирана;
- решить вопрос об ускорении работ по реконструкции ж[елезно]д[орожной] станции Джульфа-Советская и об организации новых перевалочных пунктов на советско-иранской границе в целях бесперебойной доставки оборудования для строительства завода;
- решить вопрос о расширении объема технического содействия в проведении строительно-монтажных работ по заводу с учетом отсутствия у иранских организаций опыта строительства и монтажа крупных промышленных объектов и невозможности подготовки высококвалифицированных кадров за период, оставшийся до начала монтажных работ.

По вопросу участия Советского Союза в разведке и разработке нефтяных месторождений Ирана

В апреле 1967 г. в период пребывания в Иране советской правительственной делегации, возглавляемой тов. Н.К. Байбаковым⁷⁹, с иранской стороной были проведены предварительные переговоры о возможном участии Советского Союза и других социалистических стран в выполнении геологоразведочных работ на нефть и в организации ее добычи.

Иранская сторона заявила о своем принципиальном согласии с предложением советской стороны и сообщила, что Иран готов предоставить для указанных целей следующие районы:

- 1)– район окрестностей Керманшаха, возвращенный консорциумом,
- 2)– северный район окрестностей Шираза, возвращенный консорциумом,

⁷⁸ Всесоюзное объединение «Тяжпромэкспорт» было образовано в 1957 г. в составе Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям для работы по проектированию и строительству промышленных объектов за рубежом.

⁷⁹ *Байбаков, Николай Константинович* (1911–2008) – советский государственный деятель, председатель Госплана СССР (1965–1985), Герой Социалистического Труда (1981).

- 3)– районы, принадлежащие Ирану в водах Каспийского моря,
- 4)– прибрежные районы Гиляна и Мазендарана,
- 5)– районы, входящие в окрестности Семнана.

Иранская сторона просила советскую сторону высказать свое мнение по каждому из предложенных районов и обещала предоставить в распоряжение советской стороны все имеющиеся материалы по указанным районам. Однако такие материалы советской стороне не были переданы. Полученные от иранцев материалы были крайне недостаточными.

По изложенному выше вопросу посольство письмом № 156 от 11 мая 1967 г.⁸⁰ информировало тов. Байбакова Н.К. и внесло соответствующее предложение. В дальнейшем ни советская, ни иранская стороны не проявляли инициативы в продолжении переговоров по вопросам нефти.

22 января 1968 г. советником по экономическим вопросам посольства получено конфиденциальное письмо⁸¹ от председателя Правления ИННК⁸² Эгбала⁸³, в котором последний обращает внимание на то, что с момента предложения, сделанного иранской стороной, прошло 10 месяцев, однако мнение советского правительства по этому вопросу пока еще не ясно. Поскольку, подчеркивается в письме, иранская сторона вынуждена разработать план своей деятельности на указанных 9 участках и, в частности, в Каспийском море, где силами советских специалистов выполнены сейсморазведочные работы, то выражается просьба в возможно короткий срок, сообщить мнение советского правительства по упомянутому вопросу.

По мнению посольства, вопрос об участии Советского Союза в развитии нефтяной промышленности Ирана вновь поставлен Эгбалем по поручению иранского правительства, по-видимому, иранская сторона предполагает обсудить этот вопрос с товарищем А.Н. Косыгиным во время его предстоящего визита в Иран.

Поскольку на выполнение буровых работ в Каспийском море иранцам уже дано принципиальное согласие и по этому вопросу ГКЭС в настоящее время ведет переговоры с ИННК, то представляется целесообразным рассмотреть вопрос и официально сообщить иранцам мнение советской стороны по остальным районам, указанным в их предложении.

По вопросу заключения нового советско-иранского соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве

В соответствии с советско-иранским Протоколом от 22 июля 1967 г. в настоящее время в Иране различные группы советских экспертов совместно с иранскими специалистами выполняют предварительную работу по определению объектов 4 пятилетнего плана Ирана⁸⁴, в строительстве которых целесообразно сотрудничество между СССР и Ираном.

Указанным Протоколом предусмотрено, что после завершения работы экспертов и подготовки технико-экономических докладов и других необходимых материалов между СССР и Ираном будет заключено общее соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, в котором будет указан конкретный перечень объектов, в строительстве которых Советский Союз окажет Ирану содействие.

Посольство СССР считает целесообразным, чтобы подписание нового общего межправительственного соглашения состоялось в период визита тов. А. Косыгина в Иран, который совпадает с началом 4-го пятилетнего плана развития Ирана. По мнению посольства, это будет способствовать значительному укреплению наших позиций в Иране, вызовет весьма

⁸⁰ Письмо в архивном деле отсутствует.

⁸¹ Письмо в архивном деле отсутствует.

⁸² Иранская национальная нефтяная компания, созданная в 1948 г.

⁸³ Эгбал, Манучехр (1909–1977) – иранский государственный деятель, министр здравоохранения Ирана (1944–1950), генерал-губернатор Иранского Азербайджана (1950–1951), премьер-министр (1957–1960), исполнительный директор Иранской национальной нефтяной компании (1963–1977), масон.

⁸⁴ Четвертый пятилетний план Ирана реализовывался в 1968/69–1972/73 гг. (согласно иранскому календарю, начало года отсчитывается от праздника Ноуруз, в ночь с 20 на 21 марта).

благоприятную реакцию широких кругов иранской общественности и принесет Советскому Союзу большой политический выигрыш. Вместе с тем, учитывая, что ко времени визита тов. А.Н. Косыгина еще не будет закончена работа по определению конкретных объектов сотрудничества, можно было бы предложить иранской стороне окончательный перечень объектов согласовать несколько позже, примерно через 5–6 месяцев, и оформить это дополнительным соглашением или протоколом. В общем же соглашении следовало бы по возможности указать отрасли, в которых будет осуществляться сотрудничество сторон, примерную сумму кредита, предоставляемого Ирану, условия его погашения и другие общие вопросы.

Иранская сторона (директор–распорядитель Плановой организации Асфия⁸⁵) также высказала пожелание, чтобы новое советско-иранское соглашение было заключено в марте 1968 г., т.е. с даты начала 4-го пятилетнего плана.

*Архив Президента Республики Казахстан
(Казақстан Республикасы Президентінің Архиві)*

Ф. 708. Оп. 44. Д. 185. Л. 15–21. Машинопись, без подписи

Библиография

- Авдеева Л.Е.* Диалог Ирана и России на примере деятельности обществ культурных связей двух стран в 60–80-е годы XX века // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 15. М., 2018. С. 169–179.
- Белоусов Я.П.* Восток древний и близкий: по Ирану и Египту. Алма-Ата, 1971.
- Белоусов Я.П.* Добро не пропадает бесследно // Простор. № 4. Алма-Ата, 1968. С. 20–38.
- Боев Э.Б.* Идеологические основы «белой революции» в работах Мохаммеда Реза-шаха Пехлеви // История и историческая память. Вып. 16. Саратов, 2018. С. 121–131.
- Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т.* США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 3 (77). URL: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1/> (дата обращения: 26.09.2023).
- Гасанлы Д.П.* СССР – Иран: азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946). М., 2006.
- Дённингхаус В., Савин А.* Подарки и отдарки Леонида Ильича: личность генсека в свете подношений // Родина. 2012. № 8. С. 110–115.
- Иванов М.С.* Пути социально-экономического развития современного Ирана // Вопросы истории. 1969. № 8. С. 60–76.
- Исабеков Д.* Қазақ-Иран мәдени байланыстарының өткені мен болашағы. Алматы, 2001. (На казах. яз.)
- История внешней политики СССР: в 2-х т. / под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. Т. 2 (1945–1980). М., 1981.
- Калинин Е.Л.* Исламская революция 1979 года в Иране. Записки очевидца. М., 2010.
- Кочешков А.А.* Нефть и охлаждение советско-иранских отношений на раннем этапе «холодной войны» в 40–50 гг. XX в. // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2009. № 3. С. 63–79.
- Кунаев Д.А.* От Сталина до Горбачева. Алматы, 1994.
- Мосаки Н.З., Раванди-Фадаи Л.М.* Участие советской делегации в I Всемирном конгрессе иранистов // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 2. С. 184–192.
- Ненашев А.К.* На перекрестке веков: иранский репортаж. М., 1974.
- Нунан Т.* Новое знакомство с «мусульманами СССР»: демонстрация советского ислама в Турции и Иране, 1978–1982 // Ab Imperio. 2011. № 4. С. 133–171.

⁸⁵ *Асфия, Сафи* (1916–2008) – иранский государственный деятель. С 1955 г. работал в Плановой организации, в 1961 г. возглавил ее (до 1969 г.). В 1966 г. назначен вице-премьером. Занимал различные правительственные посты вплоть до Исламской революции. В 1979 г. арестован новыми властями и заключен на пять лет в тюрьму. После освобождения остался в Иране, занимался наукой, в том числе развитием компьютерных технологий и программирования, работал в Научном фонде Зиракзаде.

- Тулепбаев Б.А., Тулепбаева К.У., Д.А. Кунаев* – выдающийся государственный и политический деятель. Алматы, 2006.
- Турдубекова Т.Ш.* Из истории советско-иранских торгово-экономических отношений в конце 1930-х – начале 1940-х гг. // Уральское востоковедение. 2008. № 3. С. 141–146.
- Турицын И.В.* Становление советско-иранского сотрудничества в нефтяной сфере: трудный диалог 1962–1970 гг. // Современная научная мысль. 2014. № 5. С. 105–128.
- Alvandi R.* Flirting with Neutrality: The Shah, Khrushchev, and the Failed 1959 Soviet-Iranian Negotiations // Iranian Studies. 2014. Vol. 47. № 3. P. 419–440.
- Alvandi R.* Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War. Oxford, 2014.
- Alvandi R.* The Shah's détente with Khrushchev: Iran's 1962 missile base pledge to the Soviet Union // Cold War History. 2014. Vol. 14. № 3. P. 423–444.
- Alvandi R., Gheorghe E.* The Shah's Petro-Diplomacy with Ceausescu: Iran and Romania in the era of Detente. Washington (D.C.), 2014.
- Blake K.* The U.S.-Soviet Confrontation in Iran, 1945–1962: A Case in the Annals of the Cold War. Lanham (MD), 2009.
- Fawcett L.* Iran and the Cold War: The Azerbaijan Crisis of 1946. Cambridge, 1992.
- Jafari E., Hein C.* Revisiting the transnational building of a modern planning regime in Iran: the first Tehran master plan and the interplay between local and foreign planners // Planning Perspectives. 2020. Vol. 36. № 3. P. 451–474.
- Takeyh R.* America, Iran, and the Fall of the Pahlavi Dynasty. New Haven, 2021.
- Yeşilbursa B.K.* From friendship to enmity Soviet-Iranian relations (1945–1965) // История и современное мировоззрение. 2020. Vol. 2. № 1. P. 92–105.
- Yodfat A.Y.* The Soviet Union and Revolutionary Iran. Oxford, 2011.

References

- Avdeeva L.E.* Dialog Irana i Rossii na primere deyatel'nosti obshchestv kul'turnyh svyazey dvukh stran v 60–80-e gody XX veka [Dialogue between Iran and Russia on the example of the activities of societies for cultural relations of the two countries in the 60–80s of the 20th century] // Trudy Instituta vostokovedeniya RAN [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. Vyp. 15. Moskva, 2018. S. 169–179. (In Russ.)
- Belousov Ya.P.* Dobro ne propadaet bessledno [Good does not disappear without a trace] // Prostor [Expanse]. № 4. Alma-Ata, 1968. S. 20–38. (In Russ.)
- Belousov Ya.P.* Vostok drevnij i blizkij: po Iranu i Egiptu [The East is ancient and close: through Iran and Egypt]. Alma-Ata, 1971. (In Russ.)
- Boev E.B.* Ideologicheskie osnovy “beloj revolyucii” v rabotah Mohammada Reza-shaha Pekhlevi [Ideological foundations of the “white revolution” in the works of Mohammad Reza Shah Pahlavi] // Istoriya i istoricheskaya pamyat' [History and Historical Memory]. Vyp. 16. Saratov, 2018. S. 121–131. (In Russ.)
- Dönninghaus V., Savin A.* Podarki i otdarki Leonida II'icha: lichnost' genseka v svete podnoshenij [Gifts and re-gifts of Leonid Ilyich: the personality of the Secretary General in the light of offerings] // Rodina [Motherland]. 2012. № 8. S. 110–115. (In Russ.)
- Hasanli J.P.* SSSR – Iran: Azerbajdzhanskij krizis i nachalo holodnoj vojny [USSR – Iran: The Azerbaijani crisis and the beginning of the cold war] (1941–1946). Moskva, 2006. (In Russ.)
- Isabekov D.* Kazakh-Iran mädeni bajlanystarynyñ ötkeni men bolashary [Past and future of Kazakh-Iranian cultural relations]. Almaty, 2001. (In Kazakh.)
- Istoriya vneshnej politiki SSSR [History of Foreign Policy of the USSR]: v 2-kh t. / pod red. A.A. Gromyko, B.N. Ponomareva.* Moskva, 1981. T. 2 (1945–1980). (In Russ.)
- Ivanov M.S.* Puti social'no-ekonomicheskogo razvitiya sovremennogo Irana [Ways of socio-economic development of Modern Iran] // Voprosy istorii [Questions of History]. 1969. № 8. S. 60–76. (In Russ.)
- Kalinin E.L.* Islamskaya revolyuciya 1979 goda v Irane. Zapiski ochevidtsa [Islamic revolution of 1979 in Iran. Notes from an eyewitness]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Kocheshkov A.A.* Neft' i ohlazhdenie sovetsko-iranskih otnoshenij na rannem etape “holodnoj vojny” v 40–50 gg. XX v. [Oil and the cooling of Soviet-Iranian relations at the early stage of the Cold War in the 40–50s 20th century] // Vestnik RUDN. Ser. Vseobshchaya istoriya [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Universal history]. 2009. № 3. S. 63–79. (In Russ.)
- Kunaev D.A.* Ot Stalina do Gorbacheva [From Stalin to Gorbachev]. Almaty, 1994. (In Russ.)
- Mosaki N.Z., Ravandi-Fadai L.M.* Uchastie sovetskoj delegacii v I vseмирном kongresse iranistov [Participation of the Soviet delegation in the First World Congress of Iranian Studies] // Vestnik RAN [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2018. T. 88. № 2. S. 184–192. (In Russ.)

- Nenashev A.K.* Na perekrestke vekov: iranskij reportazh [At the crossroads of centuries: iranian reportage]. Moskva, 1974. (In Russ.)
- Nunan T.* Novoe znakovstvo s “musul'manami SSSR”: demonstraciya sovetskogo islama v Turtsii i Irane, 1978–1982 [New acquaintance with the “muslims of the USSR”: demonstration of Soviet Islam in Turkey and Iran, 1978–1982] // *Ab Imperio*. 2011. № 4. S. 133–171. (In Russ.)
- Tulepbaev B.A., Tulepbaeva K.U., D.A. Kunaev* – vydayushchijsya gosudarstvennyj i politicheskij deyatel' [Kunaev is an outstanding statesman and political figure]. Almaty, 2006. (In Russ.)
- Turdubekova T.Sh.* Iz istorii sovetsko-iranskikh torgovo-ekonomicheskikh otnoshenij v konce 1930-kh – nachale 1940-kh gg. [From the history of Soviet-Iranian trade and economic relations in the late 1930s – early 1940s] // *Ural'skoe vostokovedenie* [Ural Oriental Studies]. 2008. № 3. S. 141–146. (In Russ.)
- Turitsyn I.V.* Stanovlenie sovetsko-iranskogo sotrudnichestva v neftyanoj sfere: trudnyj dialog 1962–1970 gg. [The formation of Soviet-Iranian cooperation in the oil sector: difficult dialogue 1962–1970] // *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought]. 2014. № 5. S. 105–128. (In Russ.)
- Vorob'eva T.A., Yungblyud V.T.* SShA teryayut soyuznika na Blizhnem Vostoke: politika administracii J. Kartera v otnoshenii Irana, 1977–1980 gg. [The United States is losing an ally in the Middle East: the Carter administration's policy towards Iran, 1977–1980] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2019. T. 10. Vyp. 3 (77). URL: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1/> (access date: 26.09.2023). (In Russ.)
- Alvandi R.* Flirting with Neutrality: The Shah, Khrushchev, and the Failed 1959 Soviet-Iranian Negotiations // *Iranian Studies*. 2014. Vol. 47. № 3. P. 419–440.
- Alvandi R.* Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War. Oxford, 2014.
- Alvandi R.* The Shah's détente with Khrushchev: Iran's 1962 missile base pledge to the Soviet Union // *Cold War History*. 2014. Vol. 14. № 3. P. 423–444.
- Alvandi R., Gheorghe E.* The Shah's Petro-Diplomacy with Ceausescu: Iran and Romania in the era of Detente. Washington (D.C.), 2014.
- Blake K.* The U.S.-Soviet Confrontation in Iran, 1945–1962: A Case in the Annals of the Cold War. Lanham (MD), 2009.
- Fawcett L.* Iran and the Cold War: The Azerbaijan Crisis of 1946. Cambridge, 1992.
- Jafari E., Hein C.* Revisiting the transnational building of a modern planning regime in Iran: the first Tehran master plan and the interplay between local and foreign planners // *Planning Perspectives*. 2020. Vol. 36. № 3. P. 451–474.
- Takeyh R.* America, Iran, and the Fall of the Pahlavi Dynasty. New Haven, 2021.
- Yeşilbursa B.K.* From friendship to enmity Soviet-Iranian relations (1945–1965) // *Istoriia i sovremennoe mirovozzrenie* [History and modern worldview]. 2020. Vol. 2. № 1. P. 92–105.
- Yodfat A.Y.* The Soviet Union and Revolutionary Iran. Oxford, 2011.

DOI: 10.31857/S0130386424010154

© 2024 г. М.А. ФИЛИМОНОВА

ФРИДРИХ-ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ШТОЙБЕН: АДЪЮТАНТ ФРИДРИХА ВЕЛИКОГО В АРМИИ ВАШИНГТОНА

Филимонова Мария Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр изучения США» Курского государственного университета (Курск, Россия).

E-mail: mar-filimonova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57220075003; ORCID: 0000-0001-7212-2371; Researcher ID: P-3716-2019

Аннотация. Ф.-В. фон Штойбен сыграл ключевую роль в профессионализации Континентальной армии Дж. Вашингтона, сумев передать Америке опыт, полученный в Семилетней войне и Войне за австрийское наследство. В то же время в отечественной американистике нет посвященных Штойбену исследований. Представляется, что данный пробел необходимо заполнить, тем более что некоторые эпизоды биографии Штойбена связаны с Россией. В статье подвергается критической проверке саморепрезентация Штойбена — задача, которая так или иначе встает перед всеми его биографами. Источниковая база исследования представлена главным образом эпистолярными материалами эпохи Войны за независимость. Используются также материалы Конгресса, пресса, работы самого Штойбена. Все эти источники хорошо документируют американский этап карьеры Штойбена, но оставляют в стороне русский и немецкий. Прусская военная документация XVIII в. позволяет судить о малоизученных аспектах его биографии. Автор приходит к выводу, что Штойбен был частью той своеобразной культуры XVIII в., которая сделала это столетие эпохой блестящих авантюристов. Он обладал талантом, воображением и обаянием, позволявшим ему пересоздать собственное прошлое и убедить американцев в правдивости его рассказов. Но в то же время — он сколок прусской военной машины, созданной Фридрихом Великим, что позволило ему сделать карьеру в американской армии. Стоит отметить, что его контакты с американскими гражданскими властями не всегда были столь же удачны.

Ключевые слова: В.-Ф. Штойбен, Семилетняя война 1756–1763 гг., Война за независимость США 1775–1783 гг., Пруссия, военная история, США, биографии, военные деятели.

М.А. Filimonova

Friedrich Wilhelm von Steuben: Aide-de-camp to Frederick the Great in Washington's Army

Maria Filimonova, Kursk State University (Kursk, Russia).

E-mail: mar-filimonova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57220075003; ORCID: 0000-0001-7212-2371; Researcher ID: P-3716-2019

Abstract. Friedrich Wilhelm von Steuben played a key role in the professionalization of George Washington's Continental Army, managing to pass on to the Americans his experience gained in the Seven Years' War and the War of the Austrian Succession. At the same time, there are no studies dedicated to Steuben in American studies in Russia. It seems that this gap needs to be filled,

especially since some episodes of Steuben's biography are connected with Russia. In addition, the article sets the task of critically verifying Steuben's self-representations – a task that somehow confronts all his biographers. The source base of the study is mainly represented by epistolary materials from the era of the War of Independence. The materials of the Congress, the press, and Steuben's own surviving works himself were also used. All these sources document the American stage of Steuben's career well, but leave aside the Russian and German stages. The Prussian military documentation of the eighteenth century allows one to judge the poorly-studied aspects of his biography. The study of the sources leads to the conclusion that Friedrich Wilhelm von Steuben was part of that peculiar culture of the eighteenth century, which made that century an era of brilliant adventurers. He had the talent, imagination, and charm that allowed him to recreate his own past and convince Americans of the truthfulness of his stories. Yet, at the same time, he represented a piece of the Prussian military machine created by Frederick the Great, which allowed him to make a career in the American army. At the same time, it should be noted that his contacts with the American civil authorities were not always as successful.

Keywords: V.-F. Steuben, The Seven Years' War 1756–1763, the War of Independence of the USA 1775–1783, Prussia, military history, USA, biographies, military figures.

Яркая личность Фридриха Вильгельма фон Штойбена (1730–1794) привлекала и привлекает внимание как немецких, так и американских исследователей, а немецкий писатель А. Брахфогель на основе материалов его биографии написал роман¹. Вероятно, первым, кто занялся научной биографией барона фон Штойбена, был Фридрих Капп (1824–1884). Капп родился в Вестфалии, получил юридическое образование в Гейдельберге, но после революции 1848 г. был вынужден эмигрировать. Вначале он пытался закрепиться в Брюсселе или Париже, где, в частности, помогал А.И. Герцену с переводами его работ на немецкий язык и давал уроки его сыну. Однако в июле 1849 г. Герцен и Капп были высланы из Парижа. Капп перебрался в Новый Свет. В Нью-Йорке он занялся журналистикой, изучал историю немецкой эмиграции в Америке. Биографию Штойбена он опубликовал в 1858 г.² Работа содержала большое количество оригинальных документов. Капп впервые предпринял попытку разобраться, что было правдой, а что нет в утверждениях его героя. Современники высоко оценили его работу. В частности, благожелательная рецензия вышла в немецкой газете *Allgemeine Militär-Zeitung* за 1861 г.³

Большинство историков XX в. сосредоточивались на вершине карьеры Штойбена – его деятельности в Америке⁴. Современные исследователи продолжают традицию критического изучения его биографии. Например, в биографии, написанной Ю. Брюстле, уделяется особое внимание его необъяснимому уходу из прусской армии и загадочному отъезду из Гехингена, где он осел после Семилетней войны⁵.

Отечественная американистика, к сожалению, до сих пор не уделяла Штойбену должного внимания. Данная статья призвана отчасти заполнить этот пробел.

Фридрих-Вильгельм фон Штойбен родился в 1730 г. в Магдебурге. Семья претендовала на дворянство, но эти притязания, как многое в жизни Штойбена, были безосновательными. Его дед, сельский священник Августин Штойбе, подделал баронский титул, используя созвучие своей фамилии с древним аристократическим родом, восходящим к

¹ *Brachvogel A.E.* Des großen Friedrich Adjutant. Berlin, 1875. Роман издавался также под названием *Friedrich von Steuben. Der Adjutant des Alten Fritz und Oberst von Steuben, des großen Königs Adjutant.*

² *Kapp F.* Leben des amerikanischen Generals Friedrich Wilhelm von Steuben. Berlin, 1858; *Idem.* Life of Frederick William Von Steuben: Major General in the Revolutionary Army. New York, 1859.

³ *Literaturblatt zur Allgemeinen Militär-Zeitung.* 1861. № 10. S. 38.

⁴ *Fabian F.* Die Schlacht von Monmouth: Friedrich Wilhelm von Steuben in Amerika. Berlin, 1961; *Lockhart P.* The Drillmaster of Valley Forge: The Baron de Steuben and the Making of the American Army. New York, 2008.

⁵ *Brüstle J.* Friedrich Wilhelm von Steuben: eine Biographie. Marburg, 2006.

XI в. Его подлинную родословную удалось проследить до мельника Клауса Штубе, жившего в XVII в. в одной из деревень Гессена⁶.

Видимо, присвоенное дворянство облегчило военную карьеру сыну, а затем и внуку пастора. Его сын Вильгельм-Августин фон Штойбен смог жениться на обедневшей дворянке Марии-Юстине фон Ягов. Во всяком случае, так ее имя записано в свидетельстве о крещении их сына⁷. По другим данным, ее звали Элизабет фон Ягводин. Вильгельм-Августин получил редкую в его время специальность военного инженера и проявил достаточную компетентность, чтобы обратиться на себя внимание монархов. В 1733 г. российская императрица Анна Иоанновна попросила короля Фридриха-Вильгельма I прислать ей искусных прусских инженеров. В.-А. фон Штойбен был одним из них. В Россию он переселялся надолго, поэтому взял с собой семью. Он участвовал в войне за польское наследство (1733–1735), где отличился при осаде Данцига. Во время русско-турецкой войны (1735–1739) он служил под командованием графа Х.А. Миниха. После заключения мира обучал русских офицеров в Кронштадте. Таким образом, Фридрих-Вильгельм фон Штойбен провел несколько лет детства в Крыму, затем в Кронштадте, Петербурге и Риге. После 1740 г., когда на прусский трон взошел Фридрих II, семья Штойбен вернулась на родину.

К сожалению, об этом периоде их жизни мало что известно. Ясно лишь, что Штойбену-старшему не удалось составить состояние в России. Всю жизнь он нуждался в деньгах. Из его многочисленного потомства большинство детей умерли в младенчестве. Старшему из выживших, Фридриху-Вильгельму, инженер Штойбен прочил военную карьеру, но специального образования обеспечить не сумел. Мальчик обучался в иезуитских колледжах в Силезии. Эти заведения славились высоким качеством образования и к тому же принимали к себе протестантских учеников. Так что у них вполне мог учиться внук пастора. Усвоенные в колледжах знания по математике и истории были дополнены практикой во время гарнизонной жизни с отцом.

В 14 лет он впервые принял участие в боевых действиях во время Войны за австрийское наследство. Фридрих-Вильгельм сопровождал своего отца в походе в качестве добровольца и участвовал в осаде Праги в сентябре 1744 г. К концу войны он был зачислен в пехотный полк фон Лествица в чине младшего капрала.

Но он мечтал о большем, и мирная передышка перед Семилетней войной его явно тяготила. В 1754 г. он писал другу: «Да, мой дорогой Генрих, обещаю Вам, если будет война, Ваш друг к концу второй кампании будет в Гадесе или во главе полка»⁸.

В гарнизоне Бреслау он заслужил репутацию серьезного молодого офицера. Вместо того чтобы посвящать время выпивке и картам, он много читал — от трудов по военной науке до классической литературы. Кроме того, Фридрих-Вильгельм занялся изучением французского, без чего трудно было бы рассчитывать на хорошую карьеру в Европе XVIII в. При дворе Фридриха Великого французский язык звучал чаще, чем немецкий⁹.

В 1756 г. началась Семилетняя война, и молодой прусский офицер, наконец, получил возможность отличиться. Он участвовал в сражении при Кунерсдорфе 12 августа 1759 г. После тяжелого артиллерийского обстрела прусская пехота штурмовала позицию русской и австрийской армий на вершине холма. В яростных, но бесплодных атаках пруссаки растратили боеприпасы. Измученные жарой и сильно истощенные потерями, они обратились в бегство. Армия Фридриха Великого была разгромлена. «Все потеряно, спасайте двор и архивы», — писал король в Берлин¹⁰. Потери прусской армии убитыми и ранеными

⁶ Quellen und Forschungen zur hessischen Geschichte. Bd. 137. Jg. 2. Darmstadt, 2003. S. 509; Genealogisches Handbuch des Adels. Bd. 131. Bad Salzdetfurth, 2003. S. 112.

⁷ Disziplin und Ordnung für die amerikanische Armee // URL: <https://www.deutschlandfunk.de/disziplin-und-ordnung-fuer-die-amerikanische-armee-100.html> (дата обращения: 28.09.2022).

⁸ Kapp F. Life of Frederick William Von Steuben. P. 49–50; Doyle J.B. Frederick William Von Steuben and the American Revolution: Aide to Washington and Inspector General of the Army. Steubenville, 1913. P. 11.

⁹ Lockhart P. Op. cit. P. 11–12.

¹⁰ Мерников А. Всемирная история войн. Минск, 2010. С. 217.

составили около 19 тыс. В списках раненых можно найти и имя Фридриха-Вильгельма фон Штойбена¹¹.

С битвы при Кунерсдорфе до лета 1761 г. мы нигде не находим упоминания о Штойбене; однако весьма вероятно, что он оставался с армией принца Генриха Прусского до конца 1759 или 1760 г. В 1761 г. в чине лейтенанта он был переведен в штаб генерала К.-Г. фон Кноблоха. Вместе со своим командиром он попал в осаду в маленьком померанском городке Трептов-на-Реге (ныне Тшебятув в Польше). 25 октября 1761 г. гарнизон Трептова сдался. Штойбен как адъютант Кноблоха вел переговоры об условиях капитуляции¹².

Фон Кноблох и его адъютант были отправлены в Петербург в качестве военнопленных. Впрочем, их плен оказался кратковременным. В апреле 1762 г. они были освобождены по приказу нового императора Петра III. Тут Штойбену представилась возможность оказать услугу своему королю. Именно он сообщил Фридриху II о смене власти в России и соответствующих переменах во внешней политике петербургского двора¹³. Впоследствии Штойбен уверял даже, что ему удалось установить дружеские отношения с Петром III. Император якобы предлагал ему перейти на русскую службу, но он предпочел вернуться в Пруссию¹⁴. Но, возможно, что это лишь одна из «мюнхгаузенских» историй, которых в биографии Штойбена очень много.

По возвращении в Пруссию Штойбен стал адъютантом Фридриха Великого. Ему также предлагался пост военного атташе при дворе Петра III, но свержение императора в июле 1762 г. помешало осуществлению этих планов.

Штойбен рассказывал позднее, что Фридрих Великий высоко его ценил. На самом деле, похоже, это было не так. После завершения Семилетней войны Штойбен остался не у дел. Он уверял, что получал лестные предложения поступить на службу и к королю Сардинии, и к австрийскому императору, но к этим сообщениям нужно относиться с осторожностью. В конце концов он (опять же по его собственным утверждениям) пристроился на службу в армии маркграфа Баденского, где получил генеральский чин. Ф. Капп сверился с придворным календарем Бадена и не обнаружил там сведений о назначении Штойбена. Более того, он установил, что в баденской армии вообще не было ранга генерала¹⁵. Современные историки утверждают, что Штойбен жил не в Бадене, а в крошечном княжестве Гогенцоллерн-Гехинген, при дворе которого устроился по рекомендации принца Генриха Прусского¹⁶. Если это так, его перспективы были еще менее радужными. По данным на начало XIX в., территория княжества составляла 6 квадратных миль, а вооруженные силы насчитывали 93 человека¹⁷.

Денег не было, зато были долги и какой-то скандал, из-за которого Штойбену пришлось покинуть Гогенцоллерн-Гехинген¹⁸. Не добившись желанного успеха в Германии, он стал искать другие возможности. В поисках удачи летом 1777 г. он прибыл в Париж, где добился встречи с французским военным министром графом Сен-Жерменом (не путать с известным авантюристом).

¹¹ Kriete J.L. Schlacht bei Kunersdorf und Frankfurt am 12. August 1759. Frankfurt, 2015. S. 104.

¹² Рамбо А. Русские и пруссаки. История Семилетней войны. М., 2004. С. 269.

¹³ Письмо Штойбена о смене власти в России отмечено в каталоге: Militär und Gesellschaft in Preußen Quellen zur Militärsozialisation 1713–1806. Archivalien in Berlin, Dessau und Leipzig. T. I. Bd. 1. Geheimdes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (H. 1) / Hrsg. von J. Kloosterhuis e.a. Berlin, 2015. S. 348.

¹⁴ Lockhart P. Op. cit. P. 18–19.

¹⁵ Kapp F. Life of Frederick William Von Steuben. P. 64.

¹⁶ Stempel J. Valley Forge to Monmouth: Six Transformative Months of the American Revolution. Jefferson (N.C.), 2021. P. 56.

¹⁷ Eisenmann J.A. Neueste, allgemeine Erdbeschreibung: zum Gebrauche in Schulen und beim Selbstunterrichte. München, 1813. S. 181.

¹⁸ Brüstle J. Op. cit. S. 176.

Если верить мемуарам Штойбена, во время беседы министр развернул карту и указал собеседнику на Америку: «Вот Ваше поле битвы! Вот республика, которой Вы должны служить. Вы именно тот человек, который там нужен. Если Вы преуспеете, Ваше состояние обеспечено и Вы добудете больше славы, чем могли бы надеяться стяжать в Европе»¹⁹. Так ли проходила беседа или менее пафосно, мы не знаем. Сама по себе история достаточно правдоподобна. Летом 1777 г. французское правительство уже приняло решение помочь недавно образованным Соединенным Штатам. Но официального союза между двумя странами еще не было. Военная помощь США осуществлялась тайно, через созданную драматургом Бомарше компанию «Родериг Горталес и К^о»²⁰. Американские дипломаты Б. Франклин, С. Дин и А. Ли находились в Париже. У Дина при этом было особое поручение Континентального конгресса (в то время верховного органа власти в США) – привлечь на американскую службу военных специалистов. Штойбен был идеальной кандидатурой: он располагал боевым опытом, полученным в войсках такого видного военного теоретика, как Фридрих Великий. И в то же время никто не мог связать его с Францией, чтобы иметь возможность обвинить короля Людовика XVI в поддержке американского «бунта».

Сам Штойбен не пришел в восторг от сделанного ему предложения. По ходу дела выяснилось, что вследствие неразборчивости Дина при вербовке иностранных офицеров в американской армии стали относиться к ним с предубеждением. Желających обогатиться в Новом Свете оказалось столько, что в Континентальной армии США не хватало для них должностей, а у Конгресса – денег на выплату им жалованья. Многих откровенных авантюристов пришлось отослать обратно в Европу²¹. Обещания Сен-Жермена, если они были, могли оказаться невыполнимыми.

Поэтому 25 июля 1777 г. Штойбен уехал из Парижа в Баден. Однако там ему, очевидно, не удалось найти выгодную должность. Пришлось возвращаться в Париж и принимать любые условия. 26 сентября 1777 г. Штойбен, его личный секретарь П. Дюпонсо и три французских адъютанта, а также любимый пес Азор сели на корабль. Их проезд в Америку оплатил Бомарше²². Им пришлось пережить и штормы, и мятеж матросов: пассажирам пришлось участвовать в умирении бунтовщиков. И после более чем двухмесячного плавания они благополучно высадились в Нью-Гэмпшире. Там их приняли за англичан и хотели арестовать (на Штойбене был красный мундир, похожий на английский). Но недоразумение быстро разъяснилось.

Штойбен обратился к Конгрессу с письмом: «Я не ишу ни богатств, ни титулов. Я прибыл из отдаленного уголка Германии за свой собственный счет, отказавшись от почетного и прибыльного ранга. Я не заключал никаких условий с вашими представителями во Франции и не буду заключать их с вами. Моя единственная цель – служить вам в качестве добровольца»²³. Он, мягко говоря, лукавил: ехал Штойбен не за собственный счет, ранг его в Европе не был особенно прибыльным или почетным. И он совершенно не собирался служить ради одной чести, как выяснилось позднее. Его демонстративное бескорыстие, рассказы о якобы 20-летней службе у Фридриха II, рекомендации Франклина и Бомарше вызвали к нему доверие.

Конгресс от лица Соединенных Штатов выразил Штойбену благодарность за «рвение и бескорыстное служение делу Америки». Президент Конгресса Г. Лоуренс направил его в Вэлли-Фордж, где в это время зимовала Континентальная армия. Он считал нужным предупредить: «Генерал [Вашингтон], как мне сообщили, сам живет в хижине, то есть в

¹⁹ *Kapp F. Life of Frederick William Von Steuben. P. 68.*

²⁰ См. о ней: *Каграманов Ю.М.* Бомарше и поставки оружия восставшей Америке // Новая и новейшая история. 1978. № 1. С. 141–156.

²¹ *Краснов Н.А.* США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг. М., 2000. С. 38–39.

²² *Kapp F. Life of Frederick William Von Steuben. P. 76.*

²³ *Hamilton A. The Papers: in 27 vols. / ed. H.C. Syrett. New York; London, 1961–1987. Vol. 6. P. 317.*

маленькой временной хибарке, в каких живут самые бедные крестьяне»²⁴. Условия в Вэл-ли-Фордж действительно были тяжелые: жили в наспех построенных хибарках, не хватало провианта и обмундирования, свирепствовали тиф и другие болезни²⁵. Впрочем, Штойбен сумел как-то наладить свой быт. Военный хирург Дж. Тэтчер записал в дневнике: «Я снова имел честь обедать за столом барона Штойбена в компании нескольких офицеров. Несмотря на нехватку провизии в лагере, стол барона по-прежнему богат»²⁶.

Континентальная армия не произвела благоприятного впечатления на Штойбена: «Я не нашел здесь ни устава, ни регламента, ни системы»²⁷. Пруссак энергично принялся за дело. Он следил за дисциплиной и лично занялся обучением солдат. Современная исследовательница называет его «типичным педантом»²⁸. Но надо отдать Штойбену должное, он быстро осознал разницу между революционной армией и солдатами Фридриха Прусского, которые, как известно, должны были страшиться палки капрала больше, чем штыка неприятеля. Новшеством, характерным для Континентальной армии, был элемент объяснения. Штойбен писал родственнику: «Вы говорите своему солдату: “Сделай это”, и он выполняет. А мне приходится говорить американцу: “Вот почему ты должен это сделать”. Только тогда он выполнит приказ»²⁹.

Прежде всего он приступил к работе над уставом. Его «Синяя книжечка» – регламент строевой службы – использовалась в армии США вплоть до 1814 г.

Штойбен настаивал на гуманном обращении с солдатами³⁰. Он также тщательно следил за тем, чтобы ежедневная муштра не была чересчур утомительна³¹. Организовать непосредственное обучение солдат было нелегко. Штойбен не знал английского, американцы не знали немецкого, так что при общении с солдатами приходилось прибегать к сложной системе. Штойбен выкрикивал команды по-немецки, его адъютант повторял их по-французски. Полковник А. Гамильтон или генерал Н. Грин выдавали английский вариант, чтобы солдаты-янки могли, наконец, понять, чего же от них требуют. Если все же не понимали, пруссак разражался красочными ругательствами на родном языке. Штойбен обследовал хижины, следил за несением караульной службы и снабжением. В 1779 г. Штойбен уже мог сообщить Франклину о достигнутых результатах: «Если Вам скажут, что порядком и дисциплиной мы равны французским и прусским армиям, не верьте, но не верьте также, если наши войска сравнят с гвардией папы римского. Возьмите должную середину между этими двумя крайностями»³².

В 1779 г. Штойбен был направлен в южную армию генерала Н. Грина в качестве инструктора и офицера снабжения. Боевые действия к тому времени переместились на Юг, и английские войска продвигались от Джорджии через Южную Каролину к Виргинии. Именно Виргиния стала новым полем деятельности Штойбена. И если работа в Вэл-ли-Фордж, без сомнения, была его звездным часом, то на Юге вышло иначе. Поначалу Т. Джефферсон, в то время виргинский губернатор, встретил пруссака как спасителя, но вскоре многие виргинцы мечтали повесить его за некомпетентность³³.

²⁴ Letters of Delegates to Congress, 1774–1789: in 26 vols. / ed. P.H. Smith. Washington (D.C.), 1976–2000. Vol. 8. P. 594.

²⁵ Campbell B.C. Disasters, Accidents, and Crises in American History: A Reference Guide to the Nation's Most Catastrophic Events. New York, 2008. P. 40.

²⁶ Thacher J. A Military Journal During the American Revolutionary War, from 1775 to 1783. Boston, 1827. P. 253.

²⁷ Kapp F. Life of Frederick William Von Steuben. P. 123.

²⁸ Wike S.D. German Footprints in America: Four Centuries of Immigration and Cultural Influence. Jefferson (N.C.), 2022. P. 185.

²⁹ Ruddiman J.A. “A record in the hands of thousands”: Power and Negotiation in the Orderly Books of the Continental Army // The William and Mary Quarterly. 2010. Vol. 67. № 4. P. 755–757; Stempel J. Op. cit. P. 71.

³⁰ Armstrong O.K. He Transformed a Rabble Into an Army // Prairie Schooner. 1947. Vol. 21. № 4. P. 383.

³¹ Stempel J. Op. cit. P. 77.

³² Franklin B. The Papers: in 43 vols. / ed. L.W. Labaree e.a. New Haven, 1959–2018. Vol. 30. P. 412–413.

³³ Kranish M. Flight from Monticello: Thomas Jefferson at War. Oxford; New York, 2010. P. 176.

Его задачей было набрать рекрутов и обеспечить армию продовольствием, обмундированием, боеприпасами. Он требовал от Джефферсона новобранцев, пороха, шляп, сапог для солдат и еще тысячу необходимых вещей. Он педантично уточнял: рекруты должны быть не старше 50 лет, ростом не менее 5 футов 4 дюймов, хорошего сложения³⁴. Виргинские вербовщики слишком часто пытались подsunуть армии негодных новобранцев.

Рассказывали такую историю. Однажды некий виргинский полковник привел Штойбену рекрута. Это оказался на поверку мальчишка, совсем ребенок. Штойбен повернулся к полковнику:

— Сэр, вы считаете меня негодяем?

— О нет, барон, не считаю.

— Тогда, сэр, это вы бесчестный мерзавец и пытаетесь надуть свою страну.

И он лишил полковника его звания и отправил служить рядовым, а мальчишку-рекрута отослал домой³⁵.

Со снабжением дело обстояло не лучше. Штойбену случалось получать от Джефферсона сообщения что, например, кожаные шапки для солдат достать не получается, а шляп вообще нет³⁶.

Штойбен пытался отправить виргинцев или хотя бы их рабов на строительство оборонительных сооружений. Джефферсон же отвечал, что по законам штата губернатор не имеет права привлечь свободного человека к каким-либо работам без его согласия. Рабов тоже нельзя мобилизовать без согласия господ³⁷. Надо сказать, что сам он, как владелец плантации Монтичелло с примерно двумя сотнями рабов, тоже не подал пример и не направил к Штойбену ни одного работника. Штойбен просто не понимал, как такое может быть.

Все это кончилось скверно. Отряды под командованием перебежчика Б. Арнольда практически беспрепятственно разоряли Виргинию. Арнольд вошел в Ричмонд без единого выстрела, разграбил его и сжег дотла. Губернатору и властям штата едва удалось вовремя эвакуироваться.

На кого следует возложить ответственность за эту катастрофу, остается предметом дискуссий. Историк Д. Рейнольдс утверждает, что власти штата прикладывали все усилия, чтобы помочь Штойбену, но им приходилось снабжать также экспедицию Дж.Р. Кларка против Детройта и свою собственную милицию³⁸. Отечественные исследователи Г.Н. Севостьянов и А.И. Уткин объясняли несогласие Джефферсона помогать мобилизации его приверженностью демократическим принципам³⁹. В.В. Согрин, не отрицая грубых ошибок, совершенных Джефферсоном на губернаторском посту, обращает внимание на то, что ему мешала виргинская легислатура. Законодатели опасались установления губернаторской диктатуры⁴⁰. Схожего мнения придерживается американский исследователь М. Крейниш⁴¹.

В 1781 г. Штойбену было предложено присоединиться к генералу Грину в Южной Каролине. Он покидал Виргинию без сожаления. Виргинцы тоже были рады избавиться от пруссака. Биограф Штойбена писал: «Если барона тошнило от Виргинии, Виргинию

³⁴ *Jefferson Th. The Papers: in 46 vols. / eds J.P. Boyd, V.V. Oberg. Princeton (N.J.), 1950–2022. Vol. 4. P. 193–195.*

³⁵ *Sparks J. e.a. Lives of Baron Steuben, Sebastian Cabot and William Eaton. New York, 1844. P. 52.*

³⁶ *Jefferson Th. Op. cit. Vol. 4. P. 668.*

³⁷ *Ibid. P. 593.*

³⁸ *Reynolds D.E. Ammunition Supply in Revolutionary Virginia // The Virginia Magazine of History and Biography. 1965. Vol. 73. № 1. Pt. 1. P. 73.*

³⁹ *Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. Томас Джефферсон. М., 1976. С. 123.*

⁴⁰ *Согрин В.В. Джефферсон: человек, мыслитель, политик. М., 1990. С. 94–95.*

⁴¹ *Kranish M. Op. cit. P. 205.*

тоже тошнило от него. Ее государственные деятели устали от его едких и чрезмерно откровенных размышлений об их военной политике и администрации»⁴².

Впрочем, Штойбен вернулся в Виргинию еще раз. Он участвовал в последнем крупном сражении Войны за независимость, происходившем на территории этого штата, при Йорктауне в сентябре–октябре 1781 г. Во время сражения он командовал одним из подразделений ополченцев, а после победы присутствовал при капитуляции английского командующего Корнуоллиса. Военный оркестр играл марш «Мир перевернулся вверх дном». Первоклассные войска Великобритании капитулировали перед американскими «бунтовщиками» и их французскими союзниками.

В 1783 г. Великобритания вынуждена была заключить мир и признать, что ее бывшие колонии стали независимым государством. Перед США встала задача роспуска армии. Штойбен представил собственный план по этому поводу. Он предлагал выплатить демобилизованным солдатам и офицерам месячное жалование (или трехмесячное, если они соглашались задержаться на службе на некоторое время), помощь на дорогу в родные штаты, заслужившим награду перед демобилизацией должны были быть выданы знаки отличия⁴³.

Этот план предусматривал гораздо большие затраты и внимание к нуждам демобилизованных, чем те, на которые был готов Конгресс. Невыплаченное жалование ветераны Войны за независимость так никогда и не получили. И никто не беспокоился о том, как они доберутся домой. Солдаты продавали за бесценок сертификаты на земельные участки, положенные им за службу. Самые незадачливые просили милостыню. Офицерам была назначена пенсия, но лишь на пять лет.

Для такого демонстративного пренебрежения армией были серьезные причины. Прежде всего, у Конгресса не было денег. Но судьба армии была вопросом не только организационным, но и идеологическим. В Америке, особенно после предреволюционных конфликтов с английскими войсками, существовало острое предубеждение против постоянной армии. Континентальная армия стала предметом дискуссии. Антиармейски настроенные политики и пресса выражали опасения, что на ее штыках может подняться диктатор, какой-нибудь новый Цезарь. Эти страхи подогревались событиями 1783 г.: пенсильванским мятежом континентальной армии, во время которого взбунтовавшиеся солдаты окружили Конгресс; а также Ньюбургским заговором, имевшим целью установление военной диктатуры. Ни в том, ни в другом случае не было серьезных последствий. Конгрессменам не причинили никакого вреда. Ньюбургский заговор был сорван одной речью Вашингтона перед солдатами. Но все это подпитывало предубеждения против армии.

Штойбен разработал также план обороны США в мирное время. В Америке многие идеализировали ополченцев и считали, что именно милиция, а не профессиональная армия должна защищать страну. Штойбен как кадровый военный придерживался противоположного мнения. Он указывал на недостатки милиции: нехватку единообразия организации и дисциплины, неуверенность в себе, склонность к дезертирству с поля боя и мародерству⁴⁴. Кроме этого, он перечислял уязвимые места США: незащищенные побережье на востоке и границы на западе. Для обороны последних требовалась цепь фортов, а для фортов – континентальные вооруженные силы. Ополчение здесь было непригодно, его использование обошлось бы слишком дорого и было бы неэффективным. «Купец может читать маршала Саксонского, математик – мсье Вобана, но только солдат усваивает их уроки и берется за меч»⁴⁵, – был твердо убежден Штойбен. Он предлагал создать две

⁴² *Palmer J.M.* General Von Steuben. New Haven, 1937. P. 269.

⁴³ Baron von Steuben's Plan for Disbanding the Army, October 1783 // URL: <https://founders.archives.gov/documents/Washington/99-01-02-12000> (дата обращения: 01.03.2023).

⁴⁴ *Steuben F.W.* A letter on the subject of an established militia, and military arrangements: addressed to the inhabitants of the United States. New York, 1784. P. 8.

⁴⁵ *Ibid.* P. 3.

бригады мушкетеров; пехотный батальон, вооруженный винтовками; два отряда полевой артиллерии; кавалерийский эскадрон. Кроме этого, предусматривался штаб и обоз. Офицеров должен был назначать Конгресс. Служить в армии должны были только белые граждане США в возрасте от 18 до 24 лет, хорошо сложенные и не менее 5 футов 6 дюймов ростом. Рекрутам полагалось 10 долларов премии и обмундирование⁴⁶.

Видимо, в силу недостаточного контакта с гражданскими, он совершенно не понял состояние общественного мнения США и считал убедительным такой ответ на возражения: «“Но это же в действительности постоянная армия?” — Да, сограждане, признаю, это постоянная армия, но состоящая из ваших братьев и сыновей. Разве не они ваши естественные защитники?»⁴⁷. Противников постоянной армии в США это вряд ли могло убедить.

Лишь после долгих дебатов Конгресс решил создать и вооружить один полк, который должен был нести гарнизонную службу на западных границах⁴⁸.

Репутация Штойбена в 1790-х годах сильно пострадала, и не только из-за его предпочтения постоянной армии милиции. На общественные настроения сильно повлияло создание «Общества цинциннатов» — организации бывших офицеров Континентальной армии. Критики сравнивали «цинциннатов» с европейскими рыцарскими орденами и уверяли, что они станут ядром будущей американской аристократии и погубелью республики.

Штойбен был тесно связан с «цинциннатами». Он был президентом нью-йоркского отделения общества. Он председательствовал на красочных церемониях, во время которых вручал новичкам орденской знак — орел на бело-голубой ленте⁴⁹.

Именно Штойбену современники приписывали идею основания общества, хотя на самом деле инициатива принадлежала американскому генералу Г. Ноксу. На пруссака обрушилась критика. Э. Бёрк из Северной Каролины в популярном памфлете писал: «Имею честь сообщить барону Штойбену, что, хотя орден пэров может существовать под властью мелких германских князьков, в Америке он несовместим с нашей свободой»⁵⁰.

Существовали и более серьезные подозрения против Штойбена. Правда, в данном случае неясно, насколько эти подозрения разделялись его современниками. В начале XX в. в прусских архивах было найдено письмо, адресованное ему его бывшим покровителем Генрихом Прусским, братом Фридриха II. В письме обсуждались возможные изменения в Конституции США, о которых много говорили в конце 1786 — начале 1787 г. и которые в конце концов были приняты. В 1788 г. новый конституционный документ был ратифицирован и по сей день остается основным законом США. В письме принц высказывал сожаление, что не может воспользоваться шифром, и выражал опасение, что письмо будет перехвачено. Историк Р. Крауэль задался вопросом, почему принц Генрих решил обсудить внутреннюю политику заокеанской республики и почему он хотел вести переписку при помощи шифра. По версии Крауэля, Штойбен служил посредником между принцем Генрихом и некоторыми американскими политиками, включая Р. Кинга, Н. Горхэма и А. Гамильтона. Последние будто бы предложили Генриху Прусскому сделаться королем Соединенных Штатов⁵¹.

Однако следует признать, что подкрепляющие эту версию свидетельства слабы. Крауэль ссылаясь на памятную записку Р. Кинга, в которой упоминалось то самое приглашение принцу Генриху править Соединенными Штатами и отказ принца. Однако записка

⁴⁶ Ibid. P. 5–6, 13–14.

⁴⁷ Ibid. P. 16.

⁴⁸ Journals of the Continental Congress. 1774–1789: in 34 vols. / ed. W.Ch. Ford. Washington (D.C.), 1904–1937. Vol. 27. P. 530–531.

⁴⁹ Kapp F. Life of Frederick William Von Steuben. P. 569–571.

⁵⁰ Anglo-American Antimilitary Tracts, 1697–1830 / ed. R.H. Kohn. New York, 1979. P. 11.

⁵¹ Krauel R. Prince Henry of Prussia and the Regency of the United States, 1786 // The American Historical Review. 1911. Vol. 17. № 1. P. 44–51.

датирована 1824 г., т.е. почти через 40 лет после предполагаемых событий. Кроме того, при внимательном прочтении записки становится ясно, что Кинг говорил только о слухах, ходивших в кругу тогдашнего президента Дж. Монро⁵². Едва ли слухи, к тому же циркулировавшие постфактум, могут что-либо доказать.

Штойбен не забывал и о своих личных делах, хотя службу Соединенным Штатам он начал с эффектного заявления о собственном бескорыстии. Но со временем стал все настойчивее намекать американским властям, что на самом деле не собиравшись служить без жалованья. Он рассказывал, что оставил в Европе почетную и прибыльную должность, приехал в Америку за свой счет, чтобы сражаться на чужой войне. В таких обстоятельствах, уверял барон, отказаться от вознаграждения за свои услуги мог только сумасшедший или английский шпион⁵³.

Во время Войны за независимость Штойбен получал генеральское жалованье и разовые выплаты на фураж для своих лошадей. Кроме этого, ему была выражена официальная благодарность Соединенных Штатов и вручена памятная шпага с золотым эфесом⁵⁴.

С точки зрения многих, на Штойбена было истрачено слишком много. *Philadelphia Independent Gazetteer* возмущалась: «Эта организация [Конгресс] никогда не пыталась построить флот; но, напротив, чтобы довершить наш позор, продала единственный военный корабль, который у нас был, фрегат “Альянс”, за бесценок. Однако они нашли деньги... на золоченые шпаги, подарки барону»⁵⁵.

Во время дебатов в Конгрессе в апреле 1790 г. Б. Гудхью, представитель Массачусетса, заявлял, что признает заслуги Штойбена, но не видит оснований выделять его среди прочих: «Как бы ни хотелось избавить этого офицера от состояния нищеты, мы должны действовать последовательно. Многие офицеры, служившие во время войны, не получали ничего, кроме скудного пропитания. Никогда этого не понимал. Как теперь отдать свой голос за то, чтобы дать этому офицеру определенную сумму за то, что он сделал, когда другие офицеры ничего не получили?»⁵⁶. Другой представитель Массачусетса, Э. Джерри, поддерживал запросы Штойбена, прибегая к высокой риторике: «Сэр, сумма его расходов не идет ни в какое сравнение с его услугами — что такое 10 000 фунтов за установление дисциплины в нашей армии? Что такое даже 100 000 фунтов за независимость Америки?»⁵⁷.

В итоге, по решению Конгресса, Штойбен получал 2500 долл. в год — больше, чем любой офицер американской армии (вице-президент США в это время получал 5 тыс. в год). Дополнительно Конгресс выделил ему 4375 долл. в возмещение его затрат во время Войны за независимость⁵⁸. Зато ему было отказано в официальном использовании баронского титула. Дело было не в том, что титул был фальшивым. Логика Конгресса была такой: «Мы считаем, что ни один человек по нашим законам не должен иметь титула, раз уж у президента его нет»⁵⁹.

Газеты кипели возмущением. *Connecticut Journal* писала: «Барон Штойбен наконец-то получил от Конгресса пенсию в размере 2500 долларов в год. Кто платит эту сумму? Народ, прямо или косвенно. Среди тех, кто должен внести эти деньги, даже один из трех не владеет таким состоянием, какое этот пенсионер получает ежегодно». Газета спрашивала, почему бы Конгрессу не заняться помощью рядовым ветеранам войны, инвалидам,

⁵² *Life and Correspondence of Rufus King: in 6 vols. / ed. Ch.R. King. New York, 1894–1900. Vol. 6. P. 643–644.*

⁵³ *Hamilton A. Op. cit. Vol. 6. P. 221.*

⁵⁴ *Journals of the Continental Congress. Vol. 10. P. 50; Vol. 11. P. 465; Vol. 34. P. 451–452; Hamilton A. Op. cit. Vol. 6. P. 323–324.*

⁵⁵ *Philadelphia Independent Gazetteer. 10.I.1788.*

⁵⁶ *The Documentary History of the First Federal Congress: in 22 vols. / ed. Ch.B. Bickford e.a. Baltimore, 1972–2017. Vol. 13. P. 1070.*

⁵⁷ *Ibid. P. 1083.*

⁵⁸ *Hamilton A. Op. cit. Vol. 13. P. 124.*

⁵⁹ *The Documentary History of the First Federal Congress. Vol. 19. P. 1794.*

вдовам и сиротам⁶⁰. Как реагировал на это Штойбен? Трудно сказать. Он и прежде не обращал особенного внимания на общественное мнение.

К тому времени он снял квартиру на углу Бродвея и Уолл-стрит и занимался различными коммерческими предприятиями. После того как законодательное собрание штата Нью-Йорк предоставило ему 16 тыс. акров земли близ города Утика, он делил время между Нью-Йорком и своими поместьями. Он мечтал выстроить элегантный особняк и разбить парк с искусственным озером. На кобылке Молли он объезжал свои владения, наблюдал за работами и раздавал распоряжения. По вечерам играл в шахматы с соседями и друзьями, читал газеты, обсуждал последние новости из Парижа.

Он умер 28 ноября 1794 г., видимо, от инсульта. Всю жизнь он прожил холостяком, детей не имел. Связей с родственниками в Германии он тоже не поддерживал. Свое состояние он оставил своим прежним адъютантам.

Фридрих-Вильгельм фон Штойбен в некоторых отношениях мог бы стать в ряд великих авантюристов XVIII в. Его саморепрезентация, лакирующая действительность, долгое время скрывала от современников и биографов подлинные факты его биографии. Надо отметить, что его «мюнхгаузенские» рассказы действительно срабатывали, облегчив ему адаптацию в новом американском окружении. В то же время нельзя не отметить высокий профессионализм бывшего адъютанта Фридриха II, позволивший ему превратить солдат Вашингтона в профессиональную армию европейского уровня.

Библиография / References

- Каграманов Ю.М.* Бомарше и поставки оружия восставшей Америке // Новая и новейшая история. 1978. № 1. С. 141–156.
- Краснов Н.А.* США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг. М., 2000.
- Мерников А.* Всемирная история войн. Минск, 2010.
- Рамбо А.* Русские и пруссаки. История Семилетней войны. М., 2004.
- Севостьянов Г.Н., Уткин А.И.* Томас Джефферсон. М., 1976.
- Согрин В.В.* Джефферсон: человек, мыслитель, политик. М., 1990.
- Kagramanov Yu.M.* Bomarshe i postavki oruzhiya vosstavshej Amerike [Beaumarchais and arms supplies to the rebellious America] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 1978. № 1. S. 141–156. (In Russ.)
- Krasnov N.A.* SShA i Franciya: diplomaticheskie otnosheniya, 1775–1801 gg. [The USA and France: diplomatic relations, 1775–1801]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Mernikov A.* Vsemirnaya istoriya vojn [The World History of Wars]. Minsk, 2010. (In Russ.)
- Rambo A.* Russkie i prussaki. Istoriya Semiletnej vojny [Russians and Prussians. The history of the Seven Years' War]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Sevost'yanov G.N., Utkin A.I.* Tomas DzhEFFerson [Thomas Jefferson]. Moskva, 1976. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* DzhEFFerson: chelovek, myslitel', politik [Jefferson: a Man, a Thinker, a Politician]. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Armstrong O.K.* He Transformed a Rabble Into an Army // Prairie Schooner. 1947. Vol. 21. № 4. P. 380–385.
- Baron von Steuben's Plan for Disbanding the Army, October 1783 // URL: <https://founders.archives.gov/documents/Washington/99-01-02-12000> (access date: 01.03.2023).
- Brachvogel A.E.* Des großen Friedrich Adjutant. Berlin, 1875.
- Brüstle J.* Friedrich Wilhelm von Steuben: eine Biographie. Marburg, 2006.
- Campbell B.C.* Disasters, Accidents, and Crises in American History: A Reference Guide to the Nation's Most Catastrophic Events. New York, 2008.
- Disziplin und Ordnung für die amerikanische Armee // URL: <https://www.deutschlandfunk.de/disziplin-und-ordnung-fuer-die-amerikanische-armee-100.html> (access date: 28.09.2022).
- Doyle J.B.* Frederick William Von Steuben and the American Revolution: Aide to Washington and Inspector General of the Army. Steubenville, 1913.
- Eisenmann J.A.* Neueste, allgemeine Erdbeschreibung: zum Gebrauche in Schulen und beim Selbstunterrichte. München, 1813.
- Fabian F.* Die Schlacht von Monmouth: Friedrich Wilhelm von Steuben in Amerika. Berlin, 1961.
- Franklin B.* The Papers: in 43 vols. / ed. L.W. Labaree e.a. New Haven, 1959–2018.

⁶⁰ Connecticut Journal. 14.VII.1790.

- Hamilton A.* The Papers: in 27 vols. / ed. H.C. Syrett. New York; London, 1961–1987.
- Jefferson Th.* The Papers: in 46 vols. / eds J.P. Boyd, B.B. Oberg. Princeton (N.J.), 1950–2022.
- Kapp F.* Life of Frederick William Von Steuben: Major General in the Revolutionary Army. New York, 1859.
- Kranish M.* Flight from Monticello: Thomas Jefferson at War. Oxford; New York, 2010.
- Krauel R.* Prince Henry of Prussia and the Regency of the United States, 1786 // *The American Historical Review*. 1911. Vol. 17. № 1. P. 44– 51.
- Kriele J.L.* Schlacht bei Kunersdorf und Frankfurt am 12. August 1759. Frankfurt, 2015.
- Life and Correspondence of Rufus King:* in 6 vols. / ed. Ch.R. King. New York, 1894– 1900.
- Lockhart P.* The Drillmaster of Valley Forge: The Baron de Steuben and the Making of the American Army. New York, 2008.
- Palmer J.M.* General Von Steuben. New Haven, 1937.
- Quellen und Forschungen zur hessischen Geschichte.* Bd. 137. Jg. 2. Darmstadt, 2003.
- Reynolds D.E.* Ammunition Supply in Revolutionary Virginia // *The Virginia Magazine of History and Biography*. 1965. Vol. 73. № 1. Pt. 1. P. 56–77.
- Ruddiman J.A.* “A record in the hands of thousands”: Power and Negotiation in the Orderly Books of the Continental Army // *The William and Mary Quarterly*. 2010. Vol. 67. № 4. P. 747–774.
- Sparks J. e.a.* Lives of Baron Steuben, Sebastian Cabot and William Eaton. New York, 1844.
- Siempel J.* Valley Forge to Monmouth: Six Transformative Months of the American Revolution. Jefferson (N.C.), 2021.
- Steuben F.W.* A letter on the subject of an established militia, and military arrangements: addressed to the inhabitants of the United States. New York, 1784.
- Thacher J.* A Military Journal During the American Revolutionary War, from 1775 to 1783. Boston, 1827.
- Wike S.D.* German Footprints in America: Four Centuries of Immigration and Cultural Influence. Jefferson (N.C.), 2022.

DOI: 10.31857/S0130386424010166

© 2024 г. **В.Г. АНАНЬЕВ, О.Б. ВАХРОМЕЕВА**

ДВА ПЕРВЫХ ДИРЕКТОРА АНТИРЕЛИГИОЗНОГО МУЗЕЯ В ИСААКИЕВСКОМ СОБОРЕ: ТРАЕКТОРИИ СУДЕБ ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ананьев Виталий Геннадьевич — доктор культурологии, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: v.g.ananiev@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7419-6339; *Researcher ID* J-2692-2013

Вахромеева Оксана Борисовна — доктор исторических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: voxana2006@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9936-3159

Аннотация. Статья посвящена реконструкции биографий двух первых директоров Ленинградского государственного антирелигиозного музея, открытого в 1931 г. в Исаакиевском соборе в Ленинграде. Представленный в работе материал, с одной стороны, важен для лучшего понимания одного из слабо изученных сюжетов в истории музея. Он позволяет более точно увязать эту историю с большой историей эпохи. С другой стороны, он имеет и более широкое научное значение. Музей является не только хранителем артефактов культуры прошлого, но и самостоятельным артефактом собственной культуры. Анализ его истории позволяет лучше понять обстоятельства места и времени его функционирования. В основе статьи лежат материалы нескольких архивов Санкт-Петербурга (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, Научный архив Российской академии художеств). Почти все они впервые вводятся в научный оборот. Авторы показывают, что для Льва Николаевича Финна и Сергея Сергеевича Терехова работа в Антирелигиозном музее была довольно кратким эпизодом их профессиональной деятельности. Она реконструируется в статье на фоне бурной истории того времени, обстоятельства которой повлияли на становление личности каждого из них вообще и на особенности работы в качестве директоров Антирелигиозного музея, в частности. В работе предпринимаются попытки объяснить траекторию биографий Л.Н. Финна и С.С. Терехова с учетом исторического контекста и его влияния.

Ключевые слова: СССР, музеи, религиозная политика, антирелигиозная пропаганда, атеистическое воспитание, атеизм, Исаакиевский собор, Ленинград, Л.Н. Финн, С.С. Терехов, биографии.

V.G. Ananiev, O.B. Vakhromeeva

The First Two Directors of the Anti-Religious Museum in the St. Isaac's Cathedral: Trajectory of Lives Before, During and After Cultural Revolution

Vitaly Ananiev, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: v.g.ananiev@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7419-6339; Researcher ID J-2692-2013

Oxana Vakhromeeva, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: voxana2006@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9936-3159

Abstract. In this article, the authors attempt to reconstruct the biographies of the two first directors of the Leningrad State Anti-Religious Museum, opened in 1931 in St Isaac's Cathedral in Leningrad. The data presented in this paper is, on the one hand, important for a better understanding of one of the understudied subjects in the history of the museum. It allows one to contextualise this story more accurately within the larger history of the epoch. On the other hand, it also has a broader scholarly significance. A museum is not only a keeper of artefacts of past culture, but also an individual artefact of its own culture. Analysing its history allows one to understand better the circumstances of the place and time of its functioning. The article draws on materials from several St. Petersburg archives, namely the Central State Historical Archive of St. Petersburg, the Central State Archive of St. Petersburg, the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg, the Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg, and the Scientific Archive of the Russian Academy of Arts. Almost all of them are introduced into the academic circuit for the first time. The authors show that for both Lev Finn and Sergei Terekhov their work in the museum was a rather brief episode of their professional life. The article attempts to reconstruct their careers. An attempt is made to explain their trajectory.

Keywords: USSR, museums, religious policy, anti-religious propaganda, atheistic education, atheism, St. Isaac's Cathedral, Leningrad, Lev Finn, Sergei Terekhov, biographies.

Музей способен многое рассказать не только о том обществе, артефакты которого он хранит, изучает и популяризирует, но и о том, для которого он выполняет эти свои базовые функции¹. В этом смысле потенциал истории музейного дела чрезвычайно велик и все еще не до конца оценен специалистами в области «большой истории». Одним из наименее разработанных вопросов в данном контексте является вопрос о кадрах музейных работников, который может рассматриваться через призму многочисленных подходов, предлагаемых современной биографикой. Какие-то из них подразумевают коллективные биографии в духе просопографии, в рамках которых жизненные траектории сводятся к общим моделям (типичный музейный директор, типичный хранитель, и т.д.), а другие — уникальные истории, представляющие «казусы», несводимые к неким обобщениям и ценные именно своей уникальностью. В данной статье предпринимается попытка выдержать условный средний путь, представив биографии двух первых директоров Антирелигиозного музея, открытого в 1931 г. в ленинградском Исаакиевском соборе, с одной стороны, уникальные в своей неповторимости, а с другой — все же являющиеся свидетельствами определенного момента советской истории. В этой связи собственно музейная деятельность главных героев будет нас интересовать в гораздо меньшей степени, чем тот путь, который привел их к руководству музеем, и тот путь, которым они шли дальше в своей профессиональной деятельности после недолгого периода директорства. В основе

¹ О музее как артефакте «своей культуры» см.: *Сапанжа О.С.* Культурологическая теория музейности: автореф. дис. ... докт. культурологии. СПб., 2011.

статьи – материалы ряда архивов Петербурга (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, Научный архив Российской академии художеств), большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

Коротко характеризуя контекст той самой директорской работы, которая и стала точкой пересечения двух рассматриваемых биографий, отметим следующее. На рубеже 1920–1930-х годов в СССР на государственном уровне начался процесс активного обращения к музеям как инструментам культурной революции. Выдвигались лозунги отказа от безыдейного вещизма, активизации пропаганды музейными средствами материалистического мировоззрения и коммунистической идеологии. Предпринимались попытки «перевода» музейного дела на новые идеологические рельсы. Актуальной оказалась и проблема кадров, которые могли бы осуществить на практике этот перевод. Важное место в текущей повестке музеев практически всех профилей занимала антирелигиозная пропаганда. Одним из наиболее сложных вопросов стал вопрос разработки принципов деятельности антирелигиозных музеев, в разрешении которого по вполне понятным причинам отсутствовала возможность опереться на исторический опыт. Нерешенной продолжала оставаться и проблема профессионализации музейной деятельности. Отдельные эксперименты в этом отношении, предпринимавшиеся с первых лет революции, как правило, оказывались недолгими и значительных результатов не давали. Таким образом, проблема оказывалась весьма многоаспектной. С одной стороны, очевидна была потребность государства в пропаганде атеистического мировоззрения музейными (т.е. визуальными, что было важно в условиях массовой неграмотности) средствами. Это могло бы стать важным элементом культурной революции. С другой стороны, отсутствовали как исторические образцы, на которые можно было бы опереться в деле реализации этой задачи на практике, так и профессиональные кадры, которым можно было доверить соответствующую работу. Теоретические или методологические основания музейной работы также еще не были разработаны в силу того, что сама музеология проходила в это время эмпирически-описательную стадию развития и не предполагала широкого распространения абстрактного концептуализирования. Тем интереснее кажется посмотреть, какие попытки решения создавшейся проблемы предпринимались, по крайней мере, на уровне подбора руководящих кадров. Рассмотрим пример первых лет существования Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе.

В 1927 г. было принято решение закрыть для богослужений крупнейший собор Ленинграда – Исаакиевский и организовать в его помещении музей. Первоначальный проект архитектурно-строительного или архитектурно-художественного музея с исторически ориентированной экспозицией вскоре был отвергнут, и при активном участии Союза воинствующих безбожников (СВБ) в здании собора началась организация антирелигиозного музея. Его центральным экспонатом стал маятник Фуко, опыт с которым доказывал вращение Земли². Для выполнения этой ответственной миссии нужен был и соответствующий подбор кадров. Постараемся проследить жизненные траектории двух первых директоров этого музея. Возможно, это будет полезным не только для устранения белого пятна в истории все еще существующего музея, но и для понимания более общих закономерностей, связанных с конкретными путями реализации культурной революции в СССР.

К сожалению, биография первого директора музея Льва Николаевича Финна все еще не стала предметом специального исследования. По каким-то причинам А.В. Голованова, посвятившая статью «руководителям» Исаакиевского собора и «их роли в жизни музея XX в.», оставила без внимания довольно обширный материал по биографии Л.Н. Финна,

² Подробнее см.: *Любезников О.А.* Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М.Т. Преображенский, Н.П. Никитин, А.П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб., 2017. С. 51–59.

отложившийся в фондах ЦГАИПД СПб, ограничившись отправкой в архив запроса и приведя в статье краткие выдержки из полученного ответа³. Почему-то не обращают внимания на его личность и другие авторы, затрагивавшие в монографических статьях биографии его преемников⁴. Хотя судьба первого директора музея в Исаакиевском соборе представляет собой яркую и определенно даже трагическую историю человека, оказавшегося в начале 1930-х годов вовлеченным в созидание нового музейного ландшафта Ленинграда.

Во второй половине 1930-х годов Финн так вспоминал свои детство и молодость: «Дед мой был уездным врачом в Вязьме. Отец и мать провинциальные актеры, причем мать больше работала суфлером. В 1913 г., когда мне было 10 лет, мать умерла от скоротечной чахотки (профессиональная болезнь суфлеров), а отец, бросив нас на попечение бабки (мать моей матери), уехал в Полтаву, где через 6 месяцев застрелился. Еще до его смерти бабка сошла с ума и была отправлена в больницу, а за нас ребят (нас осталось 4 человека) вступились окружающие знакомые. В результате все мы были распределены по рукам... я и сестра около года жили у тетки, после чего я был отдан на воспитание в детский дом (Гатчино, Сиротский институт). В 1918 году, на пятом году обучения, из детдома я ушел. Около года бродяжил, а в начале 1919 года в г. Саратове на вокзале я заболел тифом и попал в 316 полковой запасной госпиталь. Выздоровев, я по предложению комиссара госпитала остался в госпитале работать (идти было все равно некуда), где и был определен библиотекарем. Отсюда я был направлен в Ленинград в военно-инженерную школу, но по состоянию здоровья и слабой подготовке принят не был, а был послан в 11 запасной полк. Вплоть до 1929 года я служил в рядах РККА... В октябре 1929 года я по состоянию здоровья из армии был демобилизован и приехал в Ленинград, где и работал»⁵. За этими строками стояла трагическая и в то же время во многом обычная судьба тех, кто, родившись в начале века в непривилегированной среде (ср. его слова из той же биографии: «Жили мы в детстве впроголодь. Жили на Обводном канале, всегда вращаясь среди рабочей детворы»⁶), встретил революционные годы на пороге юности. В партию он вступил (с его слов) еще в 1919 г., но во время переписи 1921 г. был механически исключен (так как не дал объявления в газете об утрате партбилета) и повторно принят только в комсомол. Вновь членом партии его утвердили лишь в 1924 г.⁷ Учеба у юноши, чьи познания ограничивались курсом Сиротского института, не шла. Недолго он учился на клубном отделении Толмачевского университета, в Институте внешкольного образования, в Технически-артиллерийской школе, в Ленинградской окружной военно-партийной школе им. Энгельса⁸. Служба в Красной армии оставалась единственным выходом, но здесь он продвигался исключительно по линии клубного дела.

Сохранилась характеристика, данная 16 октября 1924 г. начальником армейского клуба на заведующего библиотекой Финна, вероятно, подготовленная при его повторном вступлении в партию. В ней непосредственный начальник отмечал, что молодой библиотекарь «под руководством мог вести любую возложенную на него задачу, правда, он

³ См.: Голованова А.В. Руководители и их роль в жизни музея в XX веке // Кафедра. Вып. XI. СПб., 2013. С. 42–43.

⁴ См., например: Медвинский Д.Ю. Руководители Государственного антирелигиозного музея И.М. Штрейхер и Е.И. Востоков: страницы биографии // Кафедра. Вып. XXXI. Ч. 1. СПб., 2022. С. 106–123. Впрочем, для этой публикации характерны такие нарушения базовых принципов критики источников и тенденциозная их трактовка, что она едва ли может считаться научным исследованием. Подробнее об этом см.: Ананьев В.Г. О том, как нобелевский лауреат, нештатный экскурсовод да вдова Ленина профиль антирелигиозного музея меняли и что из этого вышло // Михайловская Пушкиниана. Вып. 97. Сельцо Михайловское, 2023. С. 211–217.

⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 130333. Л. 26–27.

⁶ Там же. Л. 28.

⁷ Там же. Л. 27.

⁸ Там же. Д. 130333/а. Л. 9–12 об.

немного слабохарактерен, но все-таки теми или иными путями он работу доводил до конца. На политпросветработе работает больше 5 лет, переутомлен, поэтому иногда бывает вспыльчив, но с известным к нему подходом всегда это проходило, не отражаясь на работе. Пристрастия ни к чему не имеет»⁹. Более того, у него «имеется хорошая черта, тем что ко всем заданиям он относился сознательно, правильно умел разграничить работу, в работе усидчив». В итоге начальник признавал, что Финн «может быть начальником клуба, если бы был решительнее и не слабохарактерен, так как клубную работу он вполне уясняет, вполне ясно представляет также стоящие задачи перед клубом»¹⁰.

Вот такой работник в свои 26 лет и с опытом армейской клубной деятельности осенью 1929 г. оказался на культфронте в Ленинграде. С музейным делом его ничего не связывало. А.В. Голованова почему-то пишет, будто «перед назначением [в музей] он занимал должность политрука в РККАиФ»¹¹, что не совсем так. Если бы директором антирелигиозного музея Ленинграда назначили молодого политрука из армии, это было бы все же странно. Как следует из материалов архивного дела Финна, прибыв в Ленинград, в 1929 г. он стал директором Дома антирелигиозного просвещения¹² и занимал эту должность вплоть до 1932 г., а с 1930 г. параллельно с этим был еще и директором Антирелигиозного музея¹³. Такое соседство станет вполне понятным, если посмотреть, как именно обозначен музей в Исаакиевском соборе в данном документе из дела Финна. Там сказано: «Директор Государственного антирелигиозного музея (комбината) в Ленинграде»¹⁴. На Первом всероссийском музейном съезде 1930 г. была выдвинута идея трансформации советских музеев из «хранилищ кунсткамерного типа» в «политпросветкомбинаты». Одним из первых примеров такого комбината, открытого еще до начала съезда, и должен был, вероятно, стать Антирелигиозный музей в Ленинграде, объединявший, собственно, музей, Дом антирелигиозной пропаганды и, например, театр «Атеист», частью которого являлись «живогазетная группа по обслуживанию обеденных перерывов и театральная мастерская», а также хоровой и музыкальный кружки. При Доме безбожника (антирелигиозной пропаганды) планировалось организовать «безбожкоровский кружок, семинарий по повышению квалификации лекторов, семинарий по подготовке экскурсоводов для антирелигиозного музея и курсы для отпускников красноармейцев и краснофлотцев, уезжающих в деревню»¹⁵. Как отмечал в газетной заметке молодой директор учреждения: «Окрепнув за год, получив опыт, значительно расширившись, объединившись с Ленинградским государственным антирелигиозным музеем, Дом имеет все предпосылки для широкого развертывания своей работы»¹⁶.

Итак, первым директором музея (после его превращения в часть комбината) стал молодой партийный директор Дома антирелигиозной пропаганды, с хорошими характеристиками, без партийных взысканий, не имевший «пристрастий ни к чему» и с десятилетним опытом политпросветработы в армии. Все было вполне логично. Вероятно, для подстраховки по музейным вопросам (о которых новый директор, конечно, ничего не знал) его заместителем назначили бывшего директора Ленинградского антирелигиозного музея экскурсионно-лекторской базы (с 1927 г.) Николая Михайловича Трошина¹⁷.

⁹ Там же. Л. 2–2 об.

¹⁰ Там же. Л. 3–4.

¹¹ Голованова А.В. Указ. соч. С. 43.

¹² В одном из документов указано прямо: «Приехав в Ленинград, был направлен в ЛенОблоно для организации Ленинградского областного дома антирелигиозного просвещения». См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 421387. Л. 4.

¹³ Там же. Д. 130333/а. Л. 20 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Финн. К предстоящей работе Ленинградского областного дома безбожника // Безбожник. 1930. № 52 (410). С. 6. Публикация указана А.Н. Некрасовой, которой я искренне признателен.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Некрасова А.Н. Вера в разум. Антирелигиозный музей в Ленинграде как проект эпохи модерна // Музей. Памятник. Наследие. 2018. № 1 (3). С. 87–88, прим. 49.

Фонды именно этого музея и стали основой собрания музея, открытого в 1931 г. в Исаакиевском соборе.

Именно при Финне, таким образом, и была предпринята первая попытка развернуть антирелигиозную экспозицию в здании бывшего кафедрального собора. Попытка получила неоднозначную оценку современников, и вскоре после открытия музея в журнале «Антирелигиозник» появилась довольно критическая статья некоего «К.», в которой отмечались многочисленные недочеты организации и подбора преимущественно плоскостного материала, составившего большую часть экспонатов¹⁸. В любом случае работа Финна в музее продлилась не слишком долго.

Уже осенью 1932 г. директор музея Л.Н. Финн и ученый секретарь Г.Н. Архипов были освобождены от занимаемых ими должностей. 16 сентября 1932 г. директор получил выговор от уполномоченного Наркомпроса по Ленинграду Ю.Н. Никича за несогласованное с ним снятие крестов со здания собора¹⁹, а 9 октября в Политпросветцентр Ленинграда из сектора науки Наркомпроса было направлено письмо, в котором сообщалось, что «на основании выводов бригады, обследовавшей Центральный антирелигиозный музей в Ленинграде, сектор науки находит нужным снять с работы директора музея тов. Финна и ученого секретаря тов. Архипова. Просьба сообщить Вашу точку зрения по поводу снятия с работы указанных лиц»²⁰. Точка зрения, судя по всему, совпадала с мнением московского начальства. Кадровые решения были приняты.

Уже 15 октября 1932 г. Финна направили в распоряжение Тихвинского райкома ВКП(б) на должность начальника работ на тихвинских бокситах по линии Совстроя²¹. На этом его музейная деятельность закончилась. Начался новый этап в биографии. Впрочем, и руководство добычей бокситов продлилось недолго.

В том же 1932 г. он становится директором политпросветтехникума в Кириллове (Вологодская область), а с 1934 г. заведует курсовой сетью при управлении Мурманской железной дорогой в Петрозаводске²². Более того, в 1934 г. не без трудностей он добивается возможности получить направление в аспирантуру Ленинградского отделения Института красной профессуры, пишет вступительное сочинение на тему «Пережитки капитализма в экономике и сознании людей», которое оценивается как удовлетворительное, и начинает учебу, хотя длится она и недолго. Уже в октябре 1935 г. аспиранта Финна отчислили с пометкой в деле «не выполнил академических требований»²³. Последнее не кажется странным, так как в это время в его жизни происходят довольно драматичные события, явно отодвинувшие на второй план написание диссертации.

7 марта 1935 г. «[к]ак двурушник, сочувствующий зиновьевской контрреволюционной оппозиции, идеализирующий вождей контрреволюционной зиновьевской группы и возведший поклел на ленинградскую партийную организацию»²⁴, он был исключен из партии. Более того, последовал даже арест, который, однако, продлился совсем недолго²⁵. Вскоре Финна не просто освободили, но и восстановили в партии (хотя и с выговором), так как связи его с оппозицией не получили подтверждения²⁶. Судя по его показаниям, донос на него написала коллега из петрозаводского техникума, с которой у него из-за столкновения зон профессионального влияния в коллективе возникли неприязненные

¹⁸ К. По Исаакиевскому собору // Антирелигиозник. 1931. № 8. С. 89–92.

¹⁹ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 9. Оп. 2. Д. 1. Л. 106–107.

²⁰ Там же. Л. 58. Разбивка оригинала на абзацы не сохраняется. Впервые цит. в: Голованова А.В. Указ. соч. С. 43.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 130333/а. Л. 19 об.

²² Там же. Л. 20 об.

²³ Там же. Д. 421387. Л. 3–3 об. Вступительная работа: Там же. Л. 11–40.

²⁴ Там же. Д. 521510. Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 130333/б. Л. 18.

²⁶ Там же. Д. 521510. Л. 1.

личные отношения. В опросе по данному делу он также указал: «В феврале месяце 1935 г. я был в Ленинграде в служебной командировке (вызывали в отдел по подготовке кадров, но по какому вопросу я не помню). В Ленинграде узнал, что Маторин, Глебов-Путиловский и другие сняты с работы (а Маторин и арестован) за оппозиционную деятельность»²⁷. Вернувшись в Петрозаводск, он упомянул об этом в разговоре с коллегой, припомнив и то влияние, которым Зиновьев пользовался в ленинградской партийной организации 1925–1927 гг. Результаты беседы, в которой, по словам коллеги, Финн «назвал Маторина и других оппозиционеров своими друзьями»²⁸, были описаны выше.

В словах Финна, возможно, следует обратить внимание на вызов в начале 1935 г. в Ленинград по делу, сути которого в столь важный момент он припомнить не смог. После освобождения из-под ареста и восстановления в партии Финн возвратился на работу именно в Ленинград. Он получил место в штате Дворца культуры им. А.М. Горького (инструктор по подготовке культкадров, организатор антирелигиозной пропаганды)²⁹, а параллельно в качестве общественной нагрузки стал председателем Кировского райсовета Союза воинствующих безбожников³⁰. Но и здесь дела сложились весьма драматично. 28 августа 1936 г. Кировский райком ВКП(б) вновь исключил его из партии, на этот раз за клевету на ленинградскую парторганизацию, сокрытие от партии своего социального происхождения и как не вызывающего доверия партии (связь с контрреволюционером Маториным)³¹.

Одно обвинение было связано с принадлежностью отца к дворянскому сословию, которое Финн якобы скрывал. Признавая возможность того, что отец мог быть дворянином, он подчеркивал, что как воспитывавшийся вне семьи с раннего детства знать об этом просто не мог. Этому вполне можно поверить, хотя вопрос о дворянстве нуждается в дополнительной проверке.

В адресных книгах Санкт-Петербурга за 1903 (год рождения Льва) – 1913 (год смерти отца в Полтаве) годы действительно упоминается некий Николай Павлович Финн, дворянин. Отсутствие указаний на профессию, военный или гражданский чин вполне подходит «провинциальному актеру». Государственная служба у Николая Павловича явно не задалась. Адрес за 10 лет менялся шесть раз, вероятно, все это были съемные квартиры, причем все время не в самых престижных районах³². Последние адреса (1912 и 1913 гг.) действительно располагались неподалеку от Обводного канала (Можайская, 18 и Серпуховская, 48)³³, как и вспоминал впоследствии Финн. В книге за 1914 г. Н.П. Финн уже не значится.

Вполне возможно, что адресные книги и стали основным источником для прозвучавших обвинений в укрывательстве социального положения отца. Личное дворянство для человека без профессии или чина кажется совсем маловероятным. За какие заслуги оно могло бы быть дано? Скорее, речь шла о наследственном. Убедиться в этом позволяет сохранившееся студенческое дело Н.П. Финна³⁴. Дело в том, что в 1888 г. он попытался поступить в Горный институт, где с разной степенью успешности учился вплоть до 1892 г., когда по собственному желанию обучение прекратил³⁵. Уже фотография выдает

²⁷ Там же. Д. 130333. Л. 34.

²⁸ Там же. Д. 130333/6. Л. 33.

²⁹ Там же. Л. 24 об.; Там же. Д. 130333. Л. 19, 33.

³⁰ Там же. Д. 130333/6. Л. 25.

³¹ Там же. Д. 130333/а. Л. 21.

³² Волковская, Цветочная, Боровая, Софийская, Можайская, Серпуховская улицы. См.: Весь Петербург на 1903 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1903. С. 690 (далее приводятся ссылки на это же издание с указанием только года), 1904 (с. 682), 1905 (с. 674), 1906 (с. 691), 1907 (с. 741), 1908 (с. 789), 1909 (с. 824), 1910 (884), 1911 (с. 932), 1912 (с. 940), 1913 (с. 662).

³³ 1912 (с. 940), 1913 (с. 662).

³⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 963. Оп. 1. Д. 10160.

³⁵ Там же. Л. 33.

определенное сходство с известным нам внешним обликом Л.Н. Финна³⁶. Но гораздо более убедительны два других аргумента. Во-первых, в выданном будущему студенту свидетельстве Вяземского уездного полицейского управления указано, что происходит он из дворян³⁷. Во-вторых, ходатайство его матери на имя руководства Горного института подписано — «от жены статского советника, доктора медицины»³⁸. Как помним, сам Финн указывал, что дед его работал земским врачом в Вязьме. Оттуда же родом был и Н.П. Финн (на каникулы институт ежегодно направлял его к родственникам в Вязьму)³⁹, и его отец был врачом. Можно признать, что Н.П. Финн и являлся отцом Льва Николаевича, происходил из дворян, а его отец (дед Льва) был не только земским врачом, но и статским советником. В это время чин статского советника уже не давал права на потомственное дворянство, так что, надо полагать, отец Павла и сам происходил из дворянской семьи. Следовательно, первое обвинение отчасти соответствовало истине, Финн действительно был сыном потомственного дворянина, хотя, вполне возможно, что к десяти годам, когда он попал в Сиротский институт, факт этот и не слишком прочно отпечатался в его памяти.

Два других обвинения (за клевету на ленинградскую парторганизацию и связи с маторинцами) он полностью отрицал и настойчиво во всех объяснительных просил разбирание дело инстанции обратиться за разъяснениями к конкретным лицам по конкретным служебным телефонам⁴⁰. Этого почему-то не сделали. Более того, 3 октября 1936 г. решение райкома подтвердила партколлегия при Уполномоченном комиссии партийного контроля (УКПК) по Ленобласти⁴¹. Финн, несколько месяцев остававшийся без работы, настойчиво требовал не только пересмотра дела, но и предоставления ему нового места работы. Поведение для обвиненного в связях с контрреволюционерами и оппозицией весьма смелое. Наконец, новое место работы было получено (причем переговоры относительно него велись не официальным путем, а прямыми разъяснениями в ходе телефонных разговоров и личных встреч). Финн отбыл в Волосово (недалеко от известной ему по учебе в детские годы Гатчины) руководить там Детским домом им. Третьего интернационала⁴². Но когда и волосовские товарищи стали проявлять обеспокоенность прошлым нового директора и писать в Ленинград с просьбой разъяснить, правда ли, что тот является зинovieвцем, исключенным из партии за связи с контрреволюционерами, Лев Николаевич не выдержал.

8 декабря 1936 г. он написал в партколлегию при УКПК длинное письмо, в котором рассказал, как же все было на самом деле: «В середине 1935 г., — писал Финн, — меня попросили в партотделе НКВД помочь в разоблачении “маторинщины” в Леноблсовете СВБ. С этой целью ими же я был направлен на работу в Облсовет СВБ. Именно мною и был передан в партийный отдел НКВД большой материал о контрреволюционной деятельности целой группы “маторинцев”. Помимо этого, мною была написана большая статья в “Ленинградскую правду” (копия ее также была мною передана в органы НКВД), но, к сожалению, помещена она [там] не была. Обо всем этом по совершенно понятным причинам болтать везде не мог. Не разрешено мне было говорить об этом и на бюро Кировского райкома»⁴³. Не с этим ли было связано приглашение его в Ленинград из Петрозаводска в начале 1935 г., во время которого он и узнал об аресте Н.М. Маторина и снятии с должности тогдашнего (третьего по счету) директора Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе Н.Н. Глебова-Путиловского? Тогда понятно, почему Финн в опросе 1935 г. не смог «припомнить» и причину вызова.

³⁶ Там же. Л. 4.

³⁷ Там же. Л. 2.

³⁸ Там же. Л. 6.

³⁹ Там же. Л. 12 и др.

⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 130333. Л. 26–28.

⁴¹ Там же. Д. 130333/а. Л. 21.

⁴² Там же. Д. 130333/б. Л. 5.

⁴³ Там же. Л. 25 об.

Чуть позже, в январе 1937 г. он писал об этом же председателю партийной тройки ЦК ВКП (б) уже безо всяких экивоков вроде «попросили» и «помочь»: «Работал в то время секретным сотрудником секретно-политического отдела НКВД г. Ленинграда, был направлен органами НКВД работать в одну контрреволюционную организацию (Ленинградский совет СВБ), которая по моим материалам и была раскрыта и разоблачена. Попутно с этим мною был дан в органы НКВД ряд разоблачительных материалов и о другой организации (Кировский райком ВКП(б)). Наряду с этим, я открыто выступал против ряда антисоветски настроенных работников, близких к руководящим работникам Кировского райкома ВКП(б)»⁴⁴. По оговору последних, при участии бывшего секретаря райкома т. Мартынова и произошло исключение из партии. Что же происходит далее? 23 октября 1937 г. та же самая партколлегия при УПКП по Ленобласти, которая за год до того подтвердила решение об исключении Финна из партии, теперь, ввиду того что выдвинутые обвинения не подтвердились, решения эти отменила и восстановила директора детского дома в партии⁴⁵. Справедливость восторжествовала, хотя и не совсем. Как следует из письма Финна А.А. Жданову, датированного августом 1938 г., партбилет ему к тому моменту все еще не вернули⁴⁶. Чуть позже, судя по всему, эта недоработка была исправлена.

Кажется, Финн избежал репрессий, но и его судьба сложилась трагически, а жизнь вскором времени оборвалась. На карточках с библиографическим описанием его немногочисленных печатных работ начала 1930-х годов из генерального каталога Российской национальной библиотеки проставлены даты жизни: 1903–1943⁴⁷. Эту дату смерти подтверждают данные недавно обнаруженных документов военного времени. Интендант 3 ранга Л.Н. Финн погиб в начале февраля 1943 г. на Сиявинских высотах⁴⁸. Начав свою трудовую деятельность в Красной армии, в ней же ее он и закончил. Так сложилась жизнь первого директора Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе.

Кто же стал его преемником? Сразу следует отметить, что ему в литературе оказалось уделено еще меньше внимания, чем первому директору. А.В. Голованова кратко отметила: «Новый директор Сергей Сергеевич Терехов в конце 1932 года упразднил деятельность технико-художественной комиссии и должность постоянного архитектора. При нем, несмотря на ухудшающееся состояние собора, никаких капитальных работ по ремонту здания не производилось»⁴⁹. Ей не удалось выявить никаких сведений о его биографии. Основным источником материалов для нее и здесь стал ответ на запрос в ЦГАИПД СПб. Однако представляется, что внимательное обращение как к печатным, так и к архивным источникам позволяет реконструировать и его биографию. Она оказывается не менее интересной, чем биография его предшественника.

В адресных книгах Петрограда – Ленинграда с 1923 по 1935 г. встречается только один Сергей Сергеевич Терехов, проживавший все это время в одном и том же доме на улице Большая Зеленина Петроградской стороны. И если с 1924 по 1927 г. он указан без каких-либо уточнений относительно рода деятельности⁵⁰, то самое первое упоминание о нем в книге за 1923 г. весьма интересно. К концу 1922 г. (когда подавались сведения для адресной книги) он был народным следователем (с. 489). В 1928 г. род его деятельности указан как «член Ленинградского совета» (с. 542), а в 1929 и 1930 гг. – просто «юрист» (с. 568, 594).

⁴⁴ Там же. Л. 6.

⁴⁵ Там же. Д. 130333/а. Л. 21.

⁴⁶ Там же. Л. 24–25.

⁴⁷ См., например: URL: https://nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/132447/1 (дата обращения: 12.06.2023).

⁴⁸ См.: URL: <https://poisk.re/loss/orders/9415078> (дата обращения: 12.06.2022). Дана отсылка к материалам: Центральный архив Министерства обороны. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 99.

⁴⁹ Голованова А.В. Указ. соч. С. 43.

⁵⁰ Весь Ленинград на 1924 год: адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., 1924. С. 266 (далее приводятся ссылки на это же издание с указанием только года), 1925 (с. 393), 1926 (с. 346), 1927 (с. 434).

Наконец, в книгах за 1931–1935 гг. Терехов значится уже как профессор (без указания места работы)⁵¹. И это довольно важно, так как позволяет, несмотря на довольно распространенные имя и фамилию, проследить биографию второго директора музея.

Вопросы вызывает уже то, на основании чего он настойчиво (почти навязчиво) именвал себя «профессор С.С. Терехов». Ученые звания в Советской России были упразднены в 1918 г. и начали восстанавливаться лишь в 1934 г.⁵² До этого момента профессором С.С. Терехов мог быть только по должности, но в адресных книгах Ленинграда за этот период и в музейных документах⁵³ красивое слово «профессор» используется без привязки к какому-либо учреждению. Сергею Сергеевичу явно нравилось говорить о себе как о просто профессоре.

В генеральном алфавитном каталоге книг на русском языке Российской национальной библиотеки, действительно, упоминаются печатные работы некоего Сергея Сергеевича Терехова, в описании которых рядом с именем составителя (даже не автора) от руки добавлено «профессор». В хронологической последовательности это: «За коммунистическую нравственность. Сборник лекций и статей» (Л., 1964. 223 с.), «Выдающиеся деятели мира о Владимире Ильиче Ленине. В помощь лекторам, докладчикам, агитаторам» (Л., 1967. 28 с.) и «Коммунистические партии и выдающиеся деятели мира о Владимире Ильиче Ленине» (2-е изд. Л., 1970. 32 с.)⁵⁴. Единственное упоминание имени «профессора С.С. Терехова», относящееся к публикациям довоенного времени, выявлено в выпущенном Издательством Лениблано в 1936 г. сборнике «Пушкин в библиотеке», на титуле которого указано: «под редакцией и с предисловием проф. С.С. Терехова». Короткое предисловие пестрит трюизмами и не выходит за рамки общих мест. Написать такое мог человек с любой подготовкой. Для этого не нужно было быть пушкинистом.

В фонде контрольно-ревизионной комиссии областной организации КПСС в ЦГАИПД СПб также есть дело некоего Сергея Сергеевича Терехова (ф.и.о., как следует из коллекции личных дел членов партии того же архива, не такое и распространенное среди ленинградских партийцев), которое датировано 16 декабря 1955 – 12 июля 1956 г. и недоступно для исследователей как «содержащее конфиденциальную информацию»⁵⁵. Если предположить, что речь идет об одном и том же человеке, можно сделать некоторые умозаключения. Где-то в 1936 г. «профессор С.С. Терехов» занимал какой-то видный пост в Лениблано или его издательстве. Возможно, был директором последнего, иначе неясно, почему именно его предисловие открывает явно подготовленный к юбилею 1937 г. сборник методических материалов по пушкиниане. «Предметником» автор текста явно не был, неизвестны и другие его публикации по теме. Затем он пропадает почти на 20 лет и в конце 1956 г. появляется вновь. Не исключено, что Терехов был репрессирован и добивался реабилитации. Вероятно также, что получил ее и продолжил работу по той же линии политпросветработы и агитации, готовя в 1960-е – начале 1970-х годов материалы для лекторов по «вечно» актуальным темам ленинианы и коммунистической нравственности.

Приведенные выше данные позволили при обращении к архивным материалам выявить достаточно полные сведения о биографии второго директора музея за довоенный период. Оказалось, что руководство музеем было таким кратким эпизодом в его насыщенной профессиональной деятельности, что упоминания о нем содержатся отнюдь не во всех архивных делах, фиксирующих основные факты биографии Терехова. Вместе с тем сомнений в том, что это один и тот же персонаж, как будет показано далее, нет.

⁵¹ 1931 (с. 461), 1933 (с. 375), 1934 (с. 393), 1935 (с. 401). Книга 1932 г. алфавитный список жителей не включала.

⁵² Козлова Л.А. «Без защиты диссертации...»: Статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–158.

⁵³ См., например: ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 2. Д. 1. Л. 84.

⁵⁴ См.: URL: https://nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/98179/75#pict (дата обращения: 30.05.2023).

⁵⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 12. Д. 1321.

Сергей Сергеевич Терехов родился в Санкт-Петербурге в 1897 г. В анкетах он по-разному указывал свое социальное происхождение. В начале 1920-х годов обозначал себя как «трудового интеллигента», затем как «сына служащего»⁵⁶. Позже, когда скрывать правду стало все более и более опасно, приходилось писать прямо — «из дворян». Но и здесь Сергей Сергеевич умел представить информацию самым выгодным для себя образом. Так, например, в автобиографии 1933 г. он указал: «При царизме последняя должность моего отца — казначей первого корпуса на фронте». Это было правдой, потому что падение царизма застало его отца в армии, куда его мобилизовали в ходе Первой мировой войны. Но то, из какой именно социальной среды — оказывалось отнесенным на задний план. Это определялось общей фразой «мелкая чиновничья среда»⁵⁷. На самом деле, как следует из адресной книги Санкт-Петербурга за 1913 г., Сергей Терехов-старший служил в канцелярии Министерства финансов и был надворным советником (с. 624). В книге за 1915 г. чиновник особых поручений Министерства финансов С.П. Терехов значится как статский советник (с. 648), а это уже подразумевает право на потомственное дворянство. Чиновничество не самое мелкое. О детстве Терехов вспоминал в анкетах весьма выборочно, подчеркивая многодетность семьи и «правильные» знакомства родителей. В 1931 г., например, он указывал: «Общественной работой я стал заниматься еще до революции в бытность в гимназии как воспитанник революционера Наумова, который в квартире моих родителей разрабатывал план покушения на Николая Романова»⁵⁸. Как бы то ни было, а после окончания гимназии молодой человек пошел не сразу в революцию, а все же сначала в университет, поступив на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Судя по всему, учеба продлилась всего два года, прерванная в 1916 г. призывом в армию.

Здесь Сергея Терехова определили на учебу в студенческую школу прапорщиков в Старом Петергофе. По окончании ее в офицеры, однако, произведен не был «за нарушение воинской дисциплины» и направлен унтер-офицером в часть. Как мы увидим далее, соблюдение дисциплины вообще не относилось к сильным сторонам нашего героя. На момент Февральской революции служил в чине прапорщика в первом запасном полку на Охте. «В день революции я был дежурным по полку. Я освободил арестованных и вместе с полком примкнул к революции», — вспоминал он в начале 1930-х годов⁵⁹. После этого как политически неблагонадежный направлен был в Юрьев, где активной деятельности не прекратил. 3–5 июня 1917 г. организовал там выступления рабочих и «совместно с прапорщиком Сахаровым организовал в запасном полку движение за установление советской власти»⁶⁰. Затем новый поворот: «На фронте я заболел, был эвакуирован в Петроград на излечение в Николаевский военный госпиталь, где и проболел до Октябрьской революции»⁶¹. Ее он воспринял с еще большим энтузиазмом. В начале 1918 г. вступил в партию⁶². Вскоре Терехов уже стал помощником командира роты отряда Красной армии Кексгольма, затем председателем политотдела Красной армии Адмиралтейского района Петрограда, председателем хозяйственного комитета Красной армии того же района, ответственным наблюдающим за действиями частей управления Красной армии, председателем комиссии по выборам в совет депутатов, командиром «железного»

⁵⁶ ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 2 об.

⁵⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 11.

⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 2 об. Возможно, имеется в виду сын начальника Петергофской дворцовой почтовой конторы В.А. Наумов, вовлеченный в так называемое «дело лейтенанта Б.Н. Никитенко» 1906–1907 гг., действительно включавшее планы цареубийства. См.: Варфоломеев Ю.В. Дело лейтенанта Б.Н. Никитенко: покушение на цареубийство в 1907 г. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С. 94–105.

⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 11.

⁶⁰ ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 2.

⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 11.

⁶² ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 2 об.

батальона защиты пролетарской революции, командиром особого отряда, инструктором первого железного полка защиты пролетарской революции, участвовал в подавлении крестьянского выступления в Новгородской губернии, в июле 1918 г. ему объявили благодарность «за отличную культпросветработу и умелое изъятие из библиотеки буржуазной литературы»⁶³. К тому же году относится и следующее свидетельство автобиографии: «Военным комиссаром Б.П. Позерном я был назначен командиром особого отряда и вывез из Петрограда в Чудово соответствующее имущество»⁶⁴. Возможно, это знакомство сыграет свою роль в дальнейшем, так как Б.П. Позерн с 1925 г. и вплоть до ареста в 1938 г. будет занимать ряд ответственных постов в системе ленинградской номенклатуры, имея тем самым возможность способствовать возобновлению карьеры старого знакомого. А карьера эта, как увидим далее, будет очень часто нуждаться в реанимации.

В 1919 г. Терехов являлся председателем следственной комиссии запасных войск Петроградского военного округа и клуба «Пролеткульт», но в мае того же года его командировали в распоряжение ЦК Компартии Украины. Там он сначала комиссар центрального агитационно-инструкторского управления Украинской республики, в августе 1919 г. — начальник агитотдела в Киеве, участвовал в кампании против Петлюры, в августе же 1919 г. во время эвакуации советского правительства вновь направлен в Петроград, где становится заместителем командующего комотряда при ЦК РКП(б)⁶⁵. Участвовал в кампании против Юденича: «В связи с ликвидацией Юденического нашествия я был дважды награжден часами от Петроградского совета»⁶⁶. В октябре он комендант Гатчины, начальник Гатчинского гарнизона. Комитетом партии в феврале 1920 г. переведен на флот начальником политпросвета Петроморбазы. Член Петросовета. В 1921 г. — начальник политпросвета Берегового укрепленного района, исполнял обязанности начальника политотдела. Член конференции Балтфлота. Командир Кронштадтского батальона в марте 1921 г. Участвовал в подавлении Кронштадтского восстания, которое в материалах начала 1930-х годов описывал очень красочно⁶⁷. Напротив соответствующего места в его автобиографии 1933 г. кем-то из ответственных читателей даже был поставлен знак вопроса⁶⁸.

После этих событий его жизнь на несколько месяцев входит в более спокойное русло: он руководит политпросветчастью флотских домов отдыха, возглавляет флотский же школьно-художественный отдел, состоит в комиссии по ликвидации неграмотности на флоте⁶⁹.

В 1922 г. (закончив в этом же году правовое отделение факультета общественных наук Петроградского государственного университета)⁷⁰ Терехов стал помощником начальника Детскосельской уездной милиции по политчасти⁷¹. И здесь начинается то, что станет впоследствии подлинным лейтмотивом всей его дальнейшей деятельности.

Уже через несколько месяцев на новом месте его снимают с работы за «дезорганизацию», привлекают конфликтную комиссию⁷², направляют на рядовую работу⁷³, но Сергей Сергеевич в ближайшее же время как ни в чем не бывало вновь оказывается на руководящих должностях. Впрочем, ненадолго.

Служба в милиции продлилась меньше полугода. В мае 1922 г. с флота Терехова направили в губком, а уже 5 октября того же года принимается решение о переводе его в

⁶³ Там же. Л. 12.

⁶⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 12.

⁶⁵ ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 12–12 об.

⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 13.

⁶⁷ ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 12 об.

⁶⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 14.

⁶⁹ Научный архив Российской академии художеств (далее — НА РАХ). Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 9.

⁷⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/к. Л. 1. Студенческое дело ни довоенного периода, ни послевоенного времени обнаружить пока не удалось. В личном деле из НА РАХ указана другая дата завершения обучения — 12 июня 1923 г., удостоверение № 745. См.: НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 11а.

⁷¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/е. Л. 7.

⁷² Там же. Л. 22.

⁷³ Там же. Д. 269388/а. Л. 5, 8.

другое место на рядовую работу⁷⁴. Между этими решениями — не только бюрократическое перемещение с должности на должность, но и драматические события, достойные пера писателя: в августе 1922 г. помощника начальника политсекретариата Терехова назначили помощником начальника Детскосельской уездной милиции по политчасти. Помимо выполнения своих основных функций, он проявлял повышенный интерес к постановке работы в губернской милиции как таковой и отправил в губком доклад на своего непосредственного начальника, извещая вышестоящие органы о том, что тот полностью развалил работу милиции⁷⁵. Вскоре после этого бюро райкома Центрального городского района приняло решение снять бдительного сотрудника с работы в милиции, в Детскосельский уезд не посылать, передать дело в районную конфликтную комиссию, констатируя «дезорганизацию действий тов. Терехова»⁷⁶.

В сентябре 1922 г. появляется первая из известных нам характеристик Терехова, в которой содержатся сведения, в скором времени превратившиеся в стандартные характеристики его профессиональной деятельности: «С первого дня своей службы в политсекретариате старался устроить в милиции своих родных и знакомых. ... Бюрократ в высшей степени (без доклада не входить). ... На службу являлся поздно и уходил рано. Первой заботой при его поступлении было получить себе обмундирование и достать себе лошадь с коляской. ... Пытался без моего ведома через комиссара резерва увезти к себе на квартиру пианино, но это ему не удалось, так как этот случай был своевременно замечен другими. ... По связям Терехова с личностями, разным офицерством и всем интеллигентским прогнившим миром личность его довольно загадочна»⁷⁷. И если сюжет с пианино кажется некоторым сгущением красок со стороны писавшего характеристику помощника начальника петгубмилиции по политчасти (все же сохранилась служебная записка, в которой Сергей Сергеевич просил выдать ему пианино во временное пользование, аргументируя это тем, что учится играть, а инструмента дома не имеет)⁷⁸, то остальные отмеченные черточки в скором времени составят уникальный «тереховский» стиль работы. Равно как верным будет и характеристика его личности как «довольно загадочной».

Загадочность проявлялась уже в кратком ответе на вопрос анкеты о пребывании за границей. Терехов отвечал на него так: «В 1922 г. был командирован за границу и возложенное на меня правительством поручение выполнил»⁷⁹. В другом месте конкретизируя: «В 1922 г. 2 месяца провел в Варшаве по поручению НКВД»⁸⁰. Что представляла собой эта миссия и имела она место до или после короткого эпизода с милицейской службой, сказать трудно. Возможно, с ней было как-то связано и то, что вместо отправки на рядовую политпросветработу в 1923 г. Терехов оказывается следователем в губернском суде⁸¹, а в 1924 г. — прокурором Балтфлота⁸². Но и эта служба длится недолго. Начинается то, что станет длинной чередой взысканий, выговоров и порицаний, в соответствии с которыми Сергей Сергеевич периодически даже выводился из рядов партии. Впрочем, практически всегда ненадолго.

В 1924 г. он получил свой первый выговор. С учетом его дальнейшей деятельности на посту директора Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе этот эпизод кажется

⁷⁴ Там же. Л. 4–5.

⁷⁵ Там же. Л. 1.

⁷⁶ Там же. Д. 269388/е. Л. 7–8, 22.

⁷⁷ Там же. Л. 13–13 об.

⁷⁸ Там же. Д. 784208. Л. 29.

⁷⁹ Там же. Д. 269388/к. Л. 3 об.

⁸⁰ Там же. Л. 2.

⁸¹ Возможно, с этим была связана и указанная в другом источнике служба в том же году в качестве члена комиссии по ревизии судебной-следственных органов Шлиссельбургского уезда. См.: НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 9.

⁸² ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/к. Л. 1 об. В другом источнике: помощник военного прокурора Балтфлота и Кронкрепости. См.: НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 9.

особенно интересным. 29 апреля 1924 г. народный следователь Терехов получил выговор за нетактичность и был снят с работы за грубость и невыдержанность. Обвинение, выдвинутое против него, звучало достаточно небанально: «Обвиняется в бюрократизме и наличии икон в квартире»⁸³. История разворачивалась следующим образом.

Некий т. Будько, с которым, судя по всему, у Терехова возник конфликт на почве организации домашнего самоуправления, «попросил» компетентные органы «помочь» Терехову «выселить икону» из спальни последнего. Объяснение, данное Тереховым, оказалось столь красноречивым, что нельзя не привести из него обширной цитаты: «Тов. Будько превосходно видел целую галерею портретов наших вождей, которыми убрана моя комната, и, если он сознательный товарищ, он должен был бы понять, что икона никак не совместима с этими портретами. И вывешена она была моей женой около ее кровати на зло мне. В тот день, когда я узнал об этом заявлении Будько, я, придя домой, специально посмотрел, висит эта икона или нет. Ее не было. Жена не знала об этом заявлении. Я долгое время ее искал и, наконец, обнаружил в ящике, где хранятся пустые бутылки. Надо сказать, что когда я въехал в эту квартиру, то застал ее увешанной всю грандиозными киотами с образами. Все мною сразу же было выброшено вон, а эта единственная маленькая икона каким-то образом осталась у жены. Я считаю необходимым заявить своим товарищам, что еще задолго до революции, когда я был еще наполовину бессознательным юношей, я не признавал уже бога. ...Я также категорически утверждаю, что за семилетнее сожителство со своей женой я не помню ни одного случая, когда бы видел, чтобы она молилась или ходила в церковь, несмотря на то что во многих других отношениях является весьма легкомысленной женщиной. Очень часто она вывешивает этот образ именно после ссоры со мною, назло мне, что могут подтвердить мои многие товарищи»⁸⁴.

Объяснения, судя по всему, услышаны не были. Следователь Терехов получил выговор и новое назначение... прокурором — сначала Балтфлота, а затем отправляется на должность военного прокурора Украины и Крыма. Но уже через несколько месяцев он снят и с этой должности за нетактичный поступок (сам впоследствии якобы говорил, что отказался уступить место в парикмахерской какому-то высокопоставленному партийному деятелю), и возвращается в Петроград⁸⁵. В 1926 г. он помощник губпрокурора Ленинградской области⁸⁶. Тут же получает строгий выговор за использование служебного положения, выразившееся в получении ордера на квартиру для бывшей жены (той самой «весьма легкомысленной женщины», с которой решил развестись перед отъездом на Украину), а «[к]роме этого неискренне отвечал на задаваемые вопросы контрольной комиссии»⁸⁷. Так заканчивается второй этап в трудовой биографии Терехова — начавшийся после службы в армии короткий период работы в правоохранительных органах. Постскриптумом к нему могут стать слова от 2 марта 1926 г., написанные в связи с очередным вызовом по вопросу о злополучном ордере на квартиру для бывшей жены: «Имея в виду исключительное расстройство моей нервной системы по первому делу, убедительно прошу меня больше не вызывать и дать мне возможность спокойно работать»⁸⁸.

Пожелания спокойной работы явно оказались тщетными, так как следующие два года работы закончились очередными взысканиями, на этот раз в форме строгого выговора в 1928 г. за поступок, недостойный звания члена ВКП(б)⁸⁹. Сергей Сергеевич вспомнил о своем юридическом образовании и после ухода из правоохранительных органов попытался реализовать полученные знания на практике. В 1926—1928 гг. он возглавлял

⁸³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/д. Л. 1.

⁸⁴ Там же. Л. 5.

⁸⁵ Там же. Д. 269388. Л. 5, 9.

⁸⁶ Там же. Д. 269388/к. Л. 1 об.

⁸⁷ Там же. Д. 269388. Л. 1.

⁸⁸ Там же. Д. 269388/и. Л. 19 об.

⁸⁹ Там же. Д. 269388/з. Л. 4.

Государственный комитет помощи заключенным⁹⁰. Его работа здесь привлекла внимание советской печати, и в мае 1928 г. в одной из городских газет появился фельетон некоего «И. Ник.» под красноречивым заглавием «Комитетский брадобрей» о бюрократизме, протекционизме и злоупотреблениях главы комитета, а также о регулярных визитах к нему прямо на рабочее место цирюльника⁹¹. С комитетом тоже приходится распрощаться. Вскоре после этого Терехов уже стал членом правления промыслового кредитного товарищества «Промтовкредит», вызывавшего серьезные вопросы и сомнения у государственных органов как товарищество «дикое» и содержащее элементы лжекооперативности, «прикрывающееся авторитетом партийного руководителя»⁹². В итоге расследования деятельности товарищества контрольная комиссия в феврале 1928 г. обратилась с просьбой в организационно-инструкторский сектор райкома «привлечь к ответственности т. Терехова ...за работу в диком лжекооперативном товариществе без санкции соответствующей организации»⁹³. В итоге партийного члена правления «дикого треста» исключили из партии за ее дискредитацию, использование своего служебного положения и протекционизм. Исключение вскоре заменили на строгий выговор, но с запретом в течение двух лет занимать ответственные должности и рекомендацией отправить на массовую работу⁹⁴. Это была не первая попытка направить Сергея Сергеевича туда. Как и предыдущая, закончилась она не слишком удачно.

В конце 1928 — начале 1929 г., словно бы почувствовав что-то неладное, Ленинградская контрольная комиссия запросила у Петроградского райкома подтверждений того, как выполняется запрет для т. Терехова на работу на ответственных должностях руководителя. Райком после длительной затяжки с ответом, вызвавшей неудовольствие комиссии, сообщил, что решение в жизнь проведено не полностью и опальный партиец трудится не кем-нибудь, а заведующим школой. Более того, он просит оставить его на этой должности до конца учебного года, дабы завершить начатые дела. Комиссия согласилась на эту отсрочку⁹⁵. Дальнейшее легко себе представить. Уже в апреле 1929 г. контрольная комиссия вновь слушала дело Терехова и постановила за ложь и пьянство исключить его из партии. В октябре того же года в партии он восстановлен⁹⁶, но вновь получил выговор. На этот раз за то, что, «будучи заведующим 186 школой, допустил распитие педагогами спиртных напитков на вечере спайки в школе и сам выпивал вместе с ними, выписывая педагогам зарплату больше, чем полагалось, давал расписываться за всю выписанную сумму, а на руки выдавал в действительности причитающуюся им сумму. Оставшиеся от этой комбинации деньги расходовал на другие нужды школы, принял на должность завхоза своего знакомого, ранее растратившего 400 рублей, не принял соответствующих мер к изжитию имевшихся в школе случаев антисемитизма», а также не сообщил на новом месте работы об имевшем место недавно временном исключении из партии⁹⁷.

18–19 декабря 1929 г. комиссия по чистке, заслушав дело Терехова, рекомендовала «объявить строгий выговор с предупреждением и просить районный комитет послать его на производство для исправления политической и бытовой линии. Строгий выговор объявляется за выпячивание своего “я”, за игнорирование коллектива, для него чистка одна лишь формальность, за высокомерие, которое он проявил даже во время чистки»⁹⁸. Чистку, однако, Терехов все же прошел. В 1930 г. он оказался инспектором ленинградских втузов, но не только. Второе место работы в скором времени привлекает внимание

⁹⁰ Там же. Д. 269388/б. Л. 9 об.

⁹¹ Там же. Д. 269388. Л. 128.

⁹² Там же. Л. 3–3 об.

⁹³ Там же. Л. 103.

⁹⁴ Там же. Л. 14.

⁹⁵ Там же. Д. 269388/ж. Л. 2, 4–5.

⁹⁶ Там же. Д. 269388. Л. 14.

⁹⁷ Там же. Л. 9.

⁹⁸ Там же. Л. 14.

рабоче-крестьянской инспекции. 7 июня 1930 г. датируется резюмирующая часть проведенного ею длительного расследования деятельности артели «Металлоремонткооп», где Терехов был юрисконсультom. Дело вновь оказалось довольно шумным, включало обвинения в финансовых махинациях, антисемитизме, публикации в городской печати и проч. В итоге комиссия вынесла следующее решение: «Считать нецелесообразным использование Терехова на хозяйственной работе как имеющего наклонность к разбазариванию общественных средств и не имеющего хозяйственного кругозора, использовать на работе в других учреждениях по специальности»⁹⁹.

Специальность его, однако, была довольно расплывчатой. Использование оказалось таким же. Компетентные органы, вероятно, решили, что преподавательская работа будет безопаснее, и Терехов на какое-то время перешел в академические сферы. Сам он впоследствии писал, что непрерывный преподавательский стаж имел с самого 1918 г., регулярно читая лекции и проводя занятия в области политпросветработы. Но с начала 1930-х годов это направление его деятельности приобрело на какое-то время значительную систематичность. К 1931 г. он — заместитель директора 3-й Центральной профтехшколы им. М.В. Фрунзе, параллельно с этим читал лекции по экономполитике в Ленинградском электротехническом институте им. Ульянова-Ленина¹⁰⁰, в августе 1931 г. его назначили и.о. профессора по кафедре теории советского хозяйства, и он руководил циклом социально-экономических дисциплин Ленинградского механико-технологического учебного комбината кондитерской и макаронной промышленности¹⁰¹. Благодаря последнему и появляется столь милая сердцу Терехова приставка к имени — «профессор». Но и здесь, судя по всему, дело обстояло не так просто.

Судя по выписке из протокола заседания Президиума Учебно-методологического совета при секторе кадров Наркомснаба РСФСР, которому подчинялся комбинат, президиум на заседании 8 декабря 1931 г. ходатайствовал перед Государственным ученым советом об утверждении Терехова в качестве «и.о. профессора и руководителя кафедры политэкономии и теории советского хозяйства»¹⁰². Речь шла об утверждении в должности, а не звании, но эти мелочи «профессора Терехова» не интересовали.

В марте 1932 г. он все еще преподавал в том же вузе, но за участие в работе «дикого треста», частичную неуплату членских взносов и политические ошибки, допущенные при руководстве циклом (один из преподавателей был обвинен в «протаскивании» на занятиях троцкистских идей), признан Василеостровской районной конфликтной комиссией ВКП(б) заслуживающим исключения из партии. Комиссия учла его армейское прошлое и признание ошибок и решила не исключать из партии, ограничившись строгим выговором с предупреждением¹⁰³. Сам обвиняемый использовал тот же ход, что и несколькими годами ранее, попросту не явившись на разбирательство дела, ссылаясь на состояние здоровья. 11 марта 1932 г. он писал комиссии: «Я рассчитываю, что Вы учтете, какие громадные моральные страдания я пережил. У меня не было минуты спокойствия. Я не являюсь на разбор дела только потому, что боюсь показаться перед авторитетным органом каким-то истериком. Психически и морально я крайне подавлен»¹⁰⁴. 20 апреля 1932 г. он был уволен, но не по статье, а «согласно заявления вследствие болезни»¹⁰⁵.

Вероятно, после этого, осенью 1932 г. «психически и морально крайне подавленный» Терехов и стал директором Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе. В его личном деле из Научного архива РАХ сохранились копия выписки из трудового списка,

⁹⁹ Там же. Л. 99.

¹⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 2 об.

¹⁰¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388. Л. 15.

¹⁰² Там же. Л. 168—169.

¹⁰³ Там же. Л. 221.

¹⁰⁴ Там же. Л. 219—219 об.

¹⁰⁵ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 11а об.

датированная 1935 г.¹⁰⁶, и копия с копии справки о его назначении на должность директора музея¹⁰⁷. Из них следует, что директором музея с 25 октября 1932 г. он был назначен приказом Наркомпроса РСФСР за подписью заместителя наркома М.С. Эпштейна от 13 декабря 1932 г.¹⁰⁸ А «отозван» по распоряжению Ленинградского горкома ВКП(б) приказом по музею от 21 апреля 1933 г.¹⁰⁹

Здесь общая траектория профессиональной деятельности Сергея Сергеевича не изменилась. Доказательство этому, равно как и тому, что именно составитель упоминавшегося выше сборника «За коммунистическую нравственность» и был в прошлом директором музея в Исаакиевском соборе, можно найти в деле из фонда Смольнинской районной контрольной комиссии ВКП(б) от 1933 г. В нем содержится направленный в бюро ВЛКСМ Антирелигиозного музея и Облсовет Союза воинствующих безбожников «сигнал» от осветителя Ленинградского антирелигиозного театра (являвшегося тогда частью единого с музеем политпросветкомбината). Бдительный осветитель привлекал внимание ответственных органов к моральному облику директора музея и Дома антирелигиозной пропаганды Терехова, позволявшего себе излишне внимательное отношение к женской части руководимого им коллектива, чересчур масштабные рекреационные мероприятия у себя на дому и недостойное советского человека отношение к домработнице. Рассказ, написанный со слов очевидцев, иногда приобретает характер, достойный «Декамерона», однако самое интересное в документе — довольно флегматичная виза ответственного лица, проставленная на первом листе: «Дело Терехова разбиралось в 1932 [г]. Приобщили это заявление к тому делу, так как нового в этом материале нет ничего»¹¹⁰.

Возможно, «сигнал» от бдительного осветителя способствовал тому, что вскоре Терехов лишился и этого места работы. Впоследствии о нем он вообще старался не вспоминать, не указав ни в одной из двух известных нам автобиографий (ноябрь 1933 г., 1967 г.), ни в учетной карточке основных мест работы, служба на которых длилась больше года. Лишь анкета в деле, подтверждающем статус бывшего красноармейца (как раз содержащая сведения о директорстве), упоминая выше копия выписки из трудового списка от 1935 г., не менявшийся петроградский адрес да страсть к именованию профессором позволяют с точностью связать с фигурой второго директора музея пикареску насыщенной жизни Сергея Сергеевича, известную по другим источникам.

После ухода из музея Терехов, конечно же, продолжил свою профессиональную деятельность. В 1933 г. он был профессором «экономических и философских наук» Медицинского института им. И.И. Мечникова (в другом месте упоминается техникум при больнице им. Мечникова)¹¹¹, Академии художеств и Ленинградского института инженеров промышленного транспорта¹¹².

Наиболее яркой, судя по всему, была его работа в Академии художеств. С 1 октября 1934 г. он работает здесь научным сотрудником и помощником заведующего учебной частью в академическом Институте живописи, архитектуры и скульптуры¹¹³. Через девять дней (10 октября) становится заведующим кафедрой социально-экономических дисциплин¹¹⁴. С 1 сентября 1935 г. с должности научного сотрудника и помощника переведен на должность заведующего учебной частью, которую занимал лишь до 1 ноября 1935 г.¹¹⁵

¹⁰⁶ Там же. Л. 11а–11а об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 37.

¹⁰⁸ Там же. Л. 11а об., 37.

¹⁰⁹ Там же. Л. 11а об.

¹¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1273. Оп. 3. Д. 1044. Л. 1.

¹¹¹ Там же. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/з. Л. 4 об. Этот «научно-учебно-лечебный комбинат» был организован в 1931 г. на базе больницы им. И.И. Мечникова. См.: НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 12.

¹¹² ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 16; Там же. Д. 269388/г. Л. 1.

¹¹³ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 1, 6, 26–27.

¹¹⁴ Там же. Л. 7, 26.

¹¹⁵ Там же. Л. 26–27, 46.

Тогда по собственному желанию был освобожден от этой нагрузки и остался заведующим кафедрой и профессором общественно-политических дисциплин. От этих обязанностей он был освобожден 20 февраля 1936 г., а окончательно уволен из Академии художеств 1 марта 1936 г.¹¹⁶ На время работы в Академии художеств приходится и его попытки получить ученую степень. 19 октября 1935 г. на заседании квалификационной комиссии по присвоению ученых степеней и званий Всероссийской академии художеств было принято решение ходатайствовать перед ВАК Наркомпроса о присвоении ему ученой степени доктора экономических наук с защитой диссертации (текст диссертации на тему «Экономика и этика» прилагался к ходатайству). Однако уже 27 декабря того же года выяснилось, что «ученую степень доктора и кандидата наук по кафедре общественно-экономических наук присуждают Комакадемией» (так в источнике. — В.А.), и комиссия постановила ходатайствовать о присвоении Терехову не степени, а звания профессора по экономическим наукам¹¹⁷. Впрочем, и такое ходатайство удовлетворено не было.

В том же 1936 г. Терехов действительно возглавил Издательство Лениблано. Оно, собственно, и стало местом самого страшного его падения.

В феврале 1937 г. Дзержинский райком ВКП(б) решил Терехова «за развал работы издательства, использование своего служебного положения в корыстных целях, за недостойное большевика поведение, хвастовство, чванство, зазнайство, за скрытие от парторганизации связи с контрреволюционерами-зиновьевцами, как разложившегося» исключить из партии¹¹⁸. Это было уже пятое для него исключение. В соответствующих материалах констатировалось, что пять месяцев его деятельности в издательстве привели к развалу работы. Новый директор насаждал бюрократические методы руководства, выписывал себе авансы на будущие книги, проявлял «чванство, хвастовство, зазнайство и кичливость». «[В]сюду афишируя себя профессором, будучи сам крайне разложившимся и деморализованным типом», он демонстрировал такую линию деятельности, которая соответствующими органами трактовалась как «система антисоветской работы враждебно настроенного проходимца»¹¹⁹. Бюрократизм среди прочего проявлялся в том, что вместо реального руководства новый директор, судя по всему, не слишком часто бывавший на работе, начал внедрять ноу-хау в виде памяток для работы сотрудников, призванных наладить самопроверку с их стороны. Образец одной из таких памяток сохранился в архивном деле. Памятка для сотрудников издательства датирована 20 ноября 1936 г. и состоит из перечня вопросов «для самоконтроля», которые и должны были (вместо того, чтобы докупать директору) задавать себе сотрудники. Вопросы были если и не оригинальными, то явно с претензией на фундаментальность. Вот несколько примеров: «Есть ли сомнительные и “опасные” места?», «Думать. Еще раз думать», «Самокритика», «Добиться полной изящности издания», «Вникать во все мелочи»¹²⁰.

Естественно, в 1937 г. не могло уже обойтись и без политических обвинений. Внезапно «выяснилось», что Терехов не просто злоупотреблял положением, был склонен к бюрократизму и разбазариванию общественных средств, но за всем этим стояли «контрреволюционные» намерения: «Терехов занимался бахвальством об его личных связях с Зиновьевым, Евдокимовым, Бакаевым. Причем в 1927 году, после неудавшейся вылазки в Октябрьские праздники, Зиновьев, Бакаев и другие у него (Терехова) на квартире делились впечатлениями об этой вылазке»¹²¹. 3 июня 1937 г. решение об исключении из партии было подтверждено партколлективом при УКПК по Ленинградской области. Над головой преподавателя Овощного учебного комбината Центросоюза¹²² сгушались тучи.

¹¹⁶ Там же. Л. 26–27.

¹¹⁷ Там же. Л. 35.

¹¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/з. Л. 4 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 4–4 об.

¹²⁰ Там же. Л. 5–7.

¹²¹ Там же. Л. 4 об.

¹²² Там же. Л. 3, 4 об.

В августе того же года последовал арест¹²³. Сам Терехов в автобиографии 1967 г. писал об этом так: «В 1937 году произошла трагедия. Мой друг, будучи секретарем Ленинградского обкома партии, П.И. Смородин дал санкцию на мой арест. Я, разумеется, понимал, в чем дело»¹²⁴.

Сколько именно времени он провел в заключении, неизвестно, но и здесь архивные документы дают некоторые ориентиры.

Когда Академия художеств попыталась в январе 1937 г. через народного судью вернуть принадлежавшие ей книги, журналы и газеты, находившиеся у бывшего заведующего кафедрой, а также взыскать с него 700 руб., исполнительный лист 13 ноября 1937 г. был возвращен истцу (Академии художеств) с пометой: «ввиду того, что ответчик выбыл в город Александровск»¹²⁵ (вероятно, административный центр Сахалинской области РСФСР). Маем 1948 г. датированы первые запросы Терехова в Архив Академии художеств с просьбой выдать ему копии некоторых документов, связанных с его работой в этом учреждении. Они направлены в Ленинград из Майкопа¹²⁶. На одной из справок от руки указаны данные документа, надо полагать, удостоверяющего личность Терехова. Это годовое удостоверение (паспорт) № 5009, выданное РОМ МВД по ЮЗГПУ поселка Сеймчан Хабаровского края¹²⁷ (сейчас — Магаданская область). В декабре 1954 г. очередной запрос от него пришел в архив со станции Жана-Арка Карагандинской железной дороги¹²⁸ (современный Казахстан). Эти адреса позволяют в общих чертах понять траекторию возвращения второго директора музея из ГУЛАГа.

В 1956 г. Терехов был реабилитирован, восстановлен в партии и в 1967 г. трудился на должности старшего преподавателя в Ленинградском технологическом институте холодильной промышленности¹²⁹. Продолжил он, как указано выше, и литературную деятельность.

Таким образом, прошлая деятельность еще меньше могла подготовить его к руководству музеем, чем биография директора первого. Финн, по крайней мере, более 10 лет занимался политпросветработой. Терехов занимался многим, но, как правило, недолго. Понятно, что от этого руководства особых идей в области музейного дела ожидать не приходилось. Для новосозданного музея и заведующий полковыми библиотеками Финн, и «профессор Терехов» оказывались не самыми подходящими директорами.

Сложность самой задачи осуществления антирелигиозной пропаганды музейными средствами отягощалась, таким образом, еще и подбором руководящих кадров, который, очевидно, был достаточно случаен. Как было показано выше, два первых директора Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе не только не были опытными музейными работниками или крупными «предметниками», но и как руководители к моменту своего назначения на эту должность или не проявили себя ничем особенным, как Л.Н. Финн, или же, наоборот, как С.С. Терехов, проявили исключительно с отрицательной стороны (в этом отношении биографии их ближайших преемников, *volens nolens*, будут мало чем отличаться). Их дальнейшая профессиональная траектория включала назначения самого разного характера, явно не предполагавшие глубины каких-либо специальных знаний. Возможно (особенно в случае с Тереховым), причина была в некоем патронаже, оставшемся вне свидетельств архивных материалов. Возможно, однако, что речь шла и об определенном рода инерции, демонстрирующей слабую эффективность советской бюрократической системы, абстрактно перемещавшей с места на место одних и тех же

¹²³ Там же. Д. 269388/6. Л. 5.

¹²⁴ Там же. Л. 2.

¹²⁵ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 24.

¹²⁶ Там же. Л. 28, 32.

¹²⁷ Там же. Л. 34.

¹²⁸ Там же. Л. 43.

¹²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/6. Л. 6.

лиц, вне какой-либо реальной связи с их профессиональными знаниями или продемонстрированной эффективностью работы.

Библиография

- Ананьев В.Г.* О том, как нобелевский лауреат, нештатный экскурсовод да вдова Ленина профиль антирелигиозного музея меняли и что из этого вышло // Михайловская Пушкиниана. Вып. 97. Сельцо Михайловское, 2023. С. 211–217.
- Варфоломеев Ю.В.* Дело лейтенанта Б.Н. Никитенко: покушение на царубийство в 1907 г. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С. 94–105.
- Весь Ленинград на 1924 год: адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., 1924.
- Весь Петербург на 1903 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1903.
- Голованова А.В.* Руководители и их роль в жизни музея в XX веке // Кафедра. Вып. XI. СПб., 2013. С. 40–50.
- Козлова Л.А.* «Без защиты диссертации...»: Статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–158.
- Любезников О.А.* Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М.Т. Преображенский, Н.П. Никитин, А.П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб., 2017.
- Медвинский Д.Ю.* Руководители Государственного антирелигиозного музея И.М. Штрейхер и Е.И. Восток: страницы биографии // Кафедра. Вып. XXXI. Ч. 1. СПб., 2022. С. 106–123.
- Некрасова А.Н.* Вера в разум. Антирелигиозный музей в Ленинграде как проект эпохи модерна // Музей. Памятник. Наследие. 2018. № 1 (3). С. 80–91.
- Сапанжа О.С.* Культурологическая теория музейности: автореф. дис. ... докт. культурологии. СПб., 2011.

References

- Ananiev V.G.* O tom, kak nobelevskij laureat, neshtatnyj ekskursovod da vdova Lenina profil' antireligioznogo muzeja menjali i chto iz .etogo vyshlo [How the Nobel laureate, a tour guide-freelancer and Lenin's widow changed the profile of an anti-religious museum and what came of it] // Mikhajlovskaja Pushkiniana. Sel'tso Mikhajlovskoe [Pushkiniana of Mikhajlovskoe]. Vol. 97. Mikhajlovskoye village, 2023. S. 211–217. (In Russ.)
- Golovanova A.V.* Rukovoditeli i ih rol' v zhizni muzeja v XX veke [Directors and their role in the life of the museum in the 20th century] // Kafedra [Cathedra]. Vol. XI. Sankt-Peterburg, 2013. S. 40–50. (In Russ.)
- Kozlova L.A.* “Bez zashhity dissertacii...”: Statusnaja organizacija obshhestvennyh nauk v SSSR, 1933–1935 gody [“Without defending a dissertation...”: Status organization of social sciences in the USSR, 1933–1935] // Sociologicheskij zhurnal [The Sociological Journal]. 2001. T. 2. S. 145–158. (In Russ.)
- Ljubeznikov O.A.* Isaakievskij sobor v 1917–1920-e gg. Arhitektory M.T. Preobrazhenskij, N.P. Nikitin, A.P. Udalenkov i problema muzeefikacii pamjatnika [St. Isaac's Cathedral in 1917–1920^s. Architects M.T. Preobrazhensky, N.P. Nikitin, A.P. Udalenkov and the problem of musealisation of the monument]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)
- Medvinskij D.Ju.* Rukovoditeli Gosudarstvennogo antireligioznogo muzeja I.M. Shtreikher i E.I. Vostokov: stranitsy biografii [The leaders of the State Anti-Religious Museum I.M. Shtreikher and E.I. Vostokov: pages of biographies] // Kafedra [Cathedra]. Vol. XXXI. Pt. 1. Sankt-Peterburg, 2022. S. 106–123. (In Russ.)
- Nekrasova A.N.* Vera v razum. Antireligioznyj muzej v Leningrade kak proekt epokhi moderna [Faith in reason. Leningrad anti-religious museum as a modernity project] // Muzej. Pamjatnik. Nasledie [Museum. Monument. Heritage]. 2018. Vol. 1 (3). S. 80–91. (In Russ.)
- Sapanzha O.S.* Kul'turologicheskaja teorija muzejnosti: avtoref. dis. ... dokt. kul'turologii [The culturalogical theory of museality: abstract of Hab. Diss.]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)
- Varfolomeev Ju.V.* Delo leitenanta B.N. Nikitenko: pokushenie na tsareubiistvo v 1907 g. [The case of Lieutenant B.N. Nikitenko: regicide assault in 1907] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. 2014. Vol. 4 (31). S. 94–105. (In Russ.)
- Ves' Leningrad na 1924 god: adresnaia i spravochnaia kniga g. Leningrada [Whole Leningrad for 1924: address and reference book]. Leningrad, 1924. (In Russ.)
- Ves' Peterburg na 1903 god: adresnaia i spravochnaia kniga g. Sankt-Peterburga [Whole Petersburg for 1903: address and reference book]. Sankt-Peterburg, 1903. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S0130386424010176

© 2024 г. А.А. Улуян

ФРАНЦУЗСКИЙ ПРОРЫВ НА БАЛКАНЫ

Рец. на книгу: Г. Пеев. **ВОЕННИ АСПЕКТИ НА БЪЛГАРО-ФРЕНСКИТЕ ОТНОШЕНИЯ ОТ 1878 ДО 1918 година**. София: Нов Български Университет, 2023. 268 с.

Улуян Арютюн Акопович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: draugab345@gmail.com

Researcher ID: AАН-4564-2019

A.A. Ulunyan

FRENCH BREAKTHROUGH IN THE BALKANS

Rec. ad op.: G. Peev. **MILITARY ASPECTS OF BULGARIAN-FRENCH RELATIONS SINCE 1878 TILL 1918**. Sofiya: New Bulgarian University, 2023. 268 p.

Arutyun Ulunyan, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: deaugab345@gmail.com

Researcher ID: AАН-4564-2019

Исследование двусторонних взаимоотношений Болгарии и государств Западной Европы в последнее время одно из ведущих направлений болгарской национальной историографии. Расширившиеся возможности болгарских ученых привлекать материалы западных архивов позволили диверсифицировать тематику, обращаясь не только к дипломатической истории, но и к другим аспектам, включая и военные связи. Комплекс именно этих вопросов анализируется в работе болгарского историка Георги Пеева, часть творчества которого уже давно связана с изучением роли зарубежного фактора в институциональной истории Болгарии нового времени, в частности с исследованием болгаро-французских отношений в контексте становления государственных институтов в Болгарии конца XIX – начала XX в. и подготовки военных кадров¹. Тема военно-учебного сотрудничества Болгарии с зарубежными странами активно разрабатывается на основе архивных исследований². Военный аспект развивавшихся двусторонних болгаро-французских отношений с момента восстановления болгарской государственности в 1878 г. и до окончания Первой мировой войны в 1918 г. был предметом исследований ныне покойного известного болгарского историка Симеона Дамя-

нова, считающегося основоположником изучения франко-болгарских отношений³.

Сама структура рецензируемой работы – три главы, два документальных приложения и обширная библиография – свидетельствует о стремлении автора изучить малоизвестные детали военных связей Болгарии и Франции на протяжении первых

¹ Пеев Г. Личното досие на Пол Пишон – главнокомандващ Българския черноморски флот от 1897 до 1908 г. // Архивен преглед. 1998. № 3–4. С. 88–91. (На болг. яз.); Пеев Г. Das europäische Vorbild im Verwaltungsaufbau Bulgariens ab 1878 // Die Bulgaren und Europa von nationalen Wiedergeburt bis zur Gegenwart / Hrsg. H. Heppner, R. Preshlenova. Sofia, 1999. S. 95–113; Пеев Г. Франция и борбата ѝ за влияние в българската армия в края на XIX и началото на XX в. // Минало. 2011. № 4. С. 46–53. (На болг. яз.); Пеев Г. Les prisonniers de guerre français en Bulgarie (1915–1918) // Guerres mondiales et conflits contemporains. Prisonniers de la Grande Guerre: victimes ou instruments au service des États belligérants. 2014. № 254. P. 55–70; *Idem*. La propagande française et les Bulgares sur le front d'Orient // Bulgarian Historical Review. 2015. № 3–4. P. 122–135; *Idem*. Les Bulgares face aux Français sur le Front de Macédoine (1915–1918) // Front d'Orient. 1914–1919. Les soldats oubliés / ed. J.-Y. Le Naour. Marseille, 2016. P. 83–100.

² См., например: Кожухаров А. Обучението на българските морски офицери зад граница (1882–1944). Варна, 2015. (На болг. яз.)

четырёх десятилетий независимого существования Болгарии.

Г. Пеев использовал широкую документальную базу, прежде всего материалы болгарских, французских, британских и немецких архивов, воспоминания. Существующая болгарская и зарубежная историография помогла проанализировать основные направления военного аспекта двусторонних болгаро-французских отношений — взаимосвязанные военно-политические и институциональные вопросы. В данном контексте следовало бы обратить внимание на необходимость использования материалов российских архивов и существующей российской историографии по затрагиваемым автором вопросам, тем более что они имеют непосредственное отношение к общей теме монографии³. Также следует отметить, что ценным источником для освещения болгаро-французских военных отношений является французская пресса, которая крайне скромно и лишь в отдельных случаях использовалась в монографии и нередко цитировалась по исследованиям французских авторов. Не меньшее значение с точки зрения документальной базы исследования могли бы сыграть протоколы парламентских дебатов французского парламента *Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés* и многолетняя серия внешнеполитических документов французского МИД *Documents diplomatiques français. 1871—1914*.

Отмечая несопоставимый масштаб степени и уровня вовлеченности Франции, по сравнению прежде всего с Россией и в определенной степени с Германией, в процесс формирования военных институтов воссозданного болгарского государства в первые годы существования, автор обращает внимание на причины сложившейся ситуации. Он выделяет среди них, помимо превалирования российского влияния, ослабление французских позиций в целом на международной арене и в балканских делах, в частности, после поражения Франции в войне с Пруссией 1870—1871 гг. Попытки соперничества после 1878 г. с усиливавшимся германским влиянием на военные институты Болгарии (подготовка кадрового состава, военно-техническое сотрудничество) на фоне безраздельного господства российского присутствия в оборонной сфере воссозданного государства вскоре, как справедливо отмечает

³ К сожалению, автор при рассмотрении военного аспекта франко-болгарских отношений не обратился к работам этого ученого: *Дамьянов С.* Френските военни доставки в България в края на XIX и началото на XX век // Известия на Института за история. Т. 18. София, 1967. (На болг. яз.); *Его же.* Френското икономическо проникване в България (1878—1914). София, 1971. (На болг. яз.)

⁴ См., например: *Казин Ф. А.* Русские морские агенты в 1906—1914 гг. // Новый часовой. 1999. № 8—9. С. 48—52; *Сергеев Е. Ю., Улуяни А. А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900—1914. 2-е изд. М., 2003.

автор, сменились усиленной активностью Парижа на болгарском направлении в военной сфере. Основным событием, способствовавшим этому, стало объединение Княжества Болгария с Восточной Румелией — автономной областью в составе Османской империи — 6 (18) сентября 1885 г. Формально это было нарушением международных договоров, действия Софии с разной степенью враждебности были восприняты в Европе и крайне негативно в Российской империи, преследовавшей свои цели в балкано-черноморском регионе, что положило начало не только охлаждению болгаро-российских отношений, но и их обострению: русские офицеры были отозваны из болгарской армии, а подготовка военных кадров в России прекратилась. Более того, именно пророссийски настроенные офицеры совершили переворот 9 августа 1886 г., по результатам которого князь Александр I Батенберг отрекся от трона. Однако последующие события привели к власти проавстрийски настроенного Фердинанда I, а правительство страны в 1887—1894 гг. возглавлял А. Стамболов, стремившийся оградить Болгарию от влияния России. Европейские страны, в частности Франция, получили шанс усилить свое военно-политическое и военно-техническое присутствие в Болгарии, что достаточно подробно описано в первой главе, посвященной периоду 1878—1914 гг. Поставленная автором задача определить степень французского проникновения в болгарское институциональное пространство, имеющее отношение к оборонной сфере, могла быть шире раскрыта при использовании французских внешнеполитических документов, которые отражают реакцию Франции на новые внутривнутриполитические реалии как периода премьерства А. Стамболова, так и после него.

Первым серьезным шагом, предпринятым французской стороной, было подписание 21 июля 1897 г. франко-болгарского договора, «касавшегося создания и организации болгарского военно-морского флота и обучения болгарской команды, которой предстояло служить на корабле, заказанном во Франции» (с. 44). Сам факт военно-технического франко-болгарского сотрудничества имел важное политическое значение и, как справедливо отмечает Г. Пеев, был рычагом влияния с целью получения Францией союзника «в назревавшем конфликте, так как было ясно, что политическое противоборство между Францией и Германией перерастет в войну» (с. 47). Рост закупок французской техники и вооружений не помешал налаживанию взаимоотношений Болгарии с Германией и Австро-Венгрией, стремящихся, используя военно-техническое сотрудничество с ней, укрепить свое влияние в болгарском обществе. Кадры для болгарской армии готовились в военно-учебных заведениях Франции, Германии и Италии. Однако болгарские офицеры не допускались к полному курсу обучения в высших иностранных военных учебных заведениях в противоположность тому, как это было с военными академиями России. Обращаясь к этой теме, автор

мог бы отметить усиливавшиеся противоречия в офицерском корпусе болгарских вооруженных сил между воспитанниками учебных заведений разных стран. Об этом свидетельствовали российские военные атташе и гражданские дипломаты. Не меньший интерес могли бы представлять подробности неоднозначной деятельности французского офицера П. Пишона, в 1897–1908 гг. командовавшего болгарским военно-морским флотом.

Интерес представляет приводимая автором оценка ситуации в болгарской армии, содержащаяся в докладе, направленном в 1906 г. в Генеральный штаб Франции консулом в Пловдиве М. Шублие, обратившим внимание уже и на политико-идеологическое размежевание в армейских рядах. Он отмечал «проникновение левых, социалистических идей в среду военных», что, по его мнению, обуславливало противоречия между офицерским и унтер-офицерским составом (с. 57).

Подробно описывая противоборство французских и германских военных промышленников за заказы у Софии, а также успехи, достигнутые французской стороной в 1905–1912 гг. при заключении военных коммерческих сделок и в организационной подготовке болгарских вооруженных сил, автор не коснулся темы влияния на болгаро-французские военные связи важного события на Балканах – Боснийского кризиса 1908–1909 гг. Он усилил противоречия между двумя формировавшимися блоками – Антантой и Центральными державами, союзницей последнего стала, в конечном счете, Болгария; вероятно, следовало бы обратиться к данной проблеме в рамках общей темы монографии. Для Франции как одной из основательниц, наряду с Россией и Великобританией, антигерманской коалиции события на Балканах были важны, поэтому болгаро-французским военным отношениям в Париже придавали большое значение. Однако, как отмечает Г. Пеев, Вторая балканская (1912–1913), т.е. «межсоюзническая, война привлекла гораздо меньше внимания как французских военных, так и прессы», потому что «читающая публика уже потеряла первоначальный интерес и устала от военных действий в этой части Европы» (с. 76). В то же время в предназначенных для французского Генерального штаба докладах в негативном тоне отмечались многочисленные недостатки как организационно-командной структуры и компетентности офицерского состава, так и положения в армии в целом (с. 77). Сам факт межсоюзнической войны уже создавал серьезные предпосылки для более внимательного отношения Франции к военно-техническому сотрудничеству с Болгарией, которая постепенно дрейфовала в сторону Центральных держав. Участие Болгарии в Первой мировой войне с 1915 г. на их стороне фактически привело к разрыву отношений с Францией. Г. Пеев вполне справедливо сконцентрировал внимание не на общих вопросах франко-болгарского разрыва, а на вполне конкретной проблеме участия Болгарии в боевых

действиях на Салоникском фронте, где во время проведения Монастирской операции (12 сентября – 11 декабря 1916 г.) болгарские войска в составе коалиции Центральных держав воевали против французской, сербской, британской, итальянской и русской армий.

Перипетии событий на Салоникском фронте в 1915–1918 гг., ставшем со стратегической точки зрения одним из важнейших в период Великой войны, были выделены автором в отдельную главу «Противники на Салоникском фронте» в контексте участия Болгарии и Франции в боевых действиях на Балканах. Г. Пеев обращает внимание на несколько аспектов происходившего: во-первых, на формирование образа врага в лице Болгарии в общественном мнении Франции (с. 91–105); во-вторых, на тактику ведения боевых действий французской и болгарской армий друг друга (с. 106–128); в-третьих, на действия французских войск, направленные на разложение с помощью агитации болгарской армии с целью дальнейшего вывода ее с фронта (с. 129–150). В первом случае, если бы автор использовал протоколы Палаты депутатов французского парламента, можно было бы увидеть, насколько серьезно рассматривалось участие Болгарии в боевых действиях, о чем свидетельствовали выступления депутатов 13 октября 1915 г. В свою очередь, Г. Пеев делает выводы по каждому из аспектов на основе приводимых им материалов архивов и историографии. Так, в частности, касаясь распространявшихся во Франции утверждений о предательстве Болгарии и занятых ею враждебных Антанте позиций, автор полагает, что «сами французские солдаты понимали, что разъяснения командования, что они находятся в Македонии в качестве освободителей от болгар, стремящихся завоевать иностранные (сербские) территории, звучат недостаточно достоверно» (с. 100). Г. Пеев отмечает, болгарские военные начинали осознавать необходимость изменения тактики боевых действий в соответствии с условиями современных войн и военного искусства, с массированным применением вооруженной техники, в частности артиллерии, отказавшись от устаревшей, взятой во многом у русских (с. 108). Особенно очевидным это становилось при ведении позиционной, так называемой окопной, войны. Во многом под влиянием опыта германской армии в болгарской стали активно применяться фортификационные сооружения против артиллерии (с. 118). В свою очередь, французские военные особо отмечали умение болгарской армии вести боевые действия в гористой местности (с. 111). Продолжительный характер войны влиял и на настроения в войсках, автор достаточно подробно останавливается на различных аспектах этой темы, включая попытки французской стороны распропагандировать болгарских солдат и характерные для 1916–1918 гг. случаи обхождения французских и болгарских военнослужащих, находящихся по разные стороны линии фронта. Последнее получило дальнейшее продолжение в контексте

изучения вопроса военнопленных и дезертиров, что стало темой отдельной главы монографии, в которой автор выделил как гуманитарный, так и юридически-правовой статус этих людей. Необходимо отметить детально исследованные Г. Пеевым условия пребывания французских и болгарских военнопленных, действия французской и болгарской сторон по решению вопросов, связанных с их положением и дальнейшим освобождением. Поскольку эта проблема достаточно изучена российскими и зарубежными историками, имело смысл обратиться к их исследованиям. Знаковый в данном случае вывод автора, что как болгарские политики и военные, так и французские относились к военнопленным противоположной стороны, несмотря на состояние войны между двумя государствами, без ненависти (с. 220). Вероятно, это обуславливалось характером восприятия сторонами друг друга, когда каждая из них не считала другую главным врагом. Складывавшиеся на протяжении мирного периода военные связи Болгарии и Франции, как следует из исследования Г. Пеева, отличались от подобных отношений с другими странами попытками наладить партнерские отношения в рамках достаточно узкого «коридора возможностей» как в политическом, так и военно-техническом смысле, не претендуя на превращение друг друга в «главного союзника» по объективным причинам.

Библиография

- Дамьянов С. Френските военни доставки в България в края на XIX и началото на XX век // Известия на Института за история. Т. 18. София, 1967. (На болг. яз.)
- Дамьянов С. Френското икономическо проникване в България (1878–1914). София, 1971. (На болг. яз.)
- Казин Ф.А. Русские морские агенты в 1906–1914 гг. // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 48–52.
- Кожухаров А. Обучението на българските морски офицери зад граница (1882–1944). Варна, 2015. (На болг. яз.)
- Пеев Г. Личното досие на Пол Пишон – главнокомандващ Българския черноморски флот от 1897 до 1908 г. // Архивен преглед. 1998. № 3–4. С. 88–91. (На болг. яз.)
- Пеев Г. Франция и борбата ѝ за влияние в българската армия в края на XIX и началото на XX в. // Минало. 2011. № 4. С. 46–53. (На болг. яз.)
- Сергеев Е.Ю., Улуян А.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. 2-е изд. М., 2003.
- Пеев Г. Das europäische Vorbild im Verwaltungsaufbau Bulgariens ab 1878 // Die Bulgaren und Europa von nationalen

Wiedergeburt bis zur Gegenwart / Hrsg. H. Heppner, R. Preshlenova. Sofia, 1999. S. 95–113.

Пеев Г. La propagande française et les Bulgares sur le front d'Orient // Bulgarian Historical Review. 2015. № 3–4. P. 122–135.

Пеев Г. Les Bulgares face aux Français sur le Front de Macédoine (1915–1918) // Front d'Orient. 1914–1919. Les soldats oubliés / ed. J.-Y. Le Naour. Marseille, 2016. P. 83–100.

Пеев Г. Les prisonniers de guerre français en Bulgarie (1915–1918) // Guerres mondiales et conflits contemporains. Prisonniers de la Grande Guerre: victimes ou instruments au service des États belligérants. 2014. № 254. P. 55–70.

References

DamyanoV S. Frenskite voenni dostavki v Bŭlgariya v kraia na XIX i nachaloto na XX vek [The French military supplies to Bulgaria at the end of the 19th and the beginning of the 20th century] // Izvestiya na Institutata za istoriya [News of the Institute of History]. Т. 18. Sofiya, 1967. (In Bulg.)

DamyanoV S. Frenskoto ikonomicheskopronikvane v Bŭlgariya [French economic penetration in Bulgaria] (1878–1914). Sofiya, 1971. (In Bulg.)

Kazin F.A. Russkiye morskkiye agenty v 1906–1914 gg. [Russian naval agents in 1906–1914] // Novyy chasovoy [New sentry]. 1999. № 8–9. S. 48–52. (In Russ.)

Kozhukharov A. Obucheniето na bŭlgarskite morskii ofitseri zad granitsa [The training of Bulgarian naval officers abroad] (1882–1944). Varna, 2015. (In Bulg.)

Пеев Г. Frantsiya i borbata ѝ za vliyanie v bŭlgarskata armiya v kraia na XIX i nachaloto na XX v. [France and its struggle for influence in the Bulgarian army at the end of the 19th and the beginning of the 20th century] // Minalo [Past]. 2011. № 4. S. 46–53. (In Bulg.)

Пеев Г. Lichnoto dosie na Pol Pishon – glavnokomandvasht Bŭlgarskiya chernomorski flot ot 1897 do 1908 g. [The personal file of Paul Pichon – commander-in-chief of the Bulgarian Black Sea Fleet from 1897 to 1908] // Arkhiven pregled [Archive review]. 1998. № 3–4. S. 88–91. (In Bulg.)

Sergeyev Ye.Yu., Ulunyan A.A. Ne podlezhit oglasheniyu. Voyennyye agenty Rossiyskoy imperii v Yev-rope i na Balkanakh [Not to be made public. Military agents of the Russian Empire in Europe and the Balkans]. 1900–1914. 2-ye izd. Moskva, 2003. (In Russ.)

Пеев Г. Das europäische Vorbild im Verwaltungsaufbau Bulgariens ab 1878 // Die Bulgaren und Europa von nationalen Wiedergeburt bis zur Gegenwart / Hrsg. H. Heppner, R. Preshlenova. Sofia, 1999. S. 95–113.

Пеев Г. La propagande française et les Bulgares sur le front d'Orient // Bulgarian Historical Review. 2015. № 3–4. P. 122–135.

Пеев Г. Les Bulgares face aux Français sur le Front de Macédoine (1915–1918) // Front d'Orient. 1914–1919. Les soldats oubliés / ed. J.-Y. Le Naour. Marseille, 2016. P. 83–100.

Пеев Г. Les prisonniers de guerre français en Bulgarie (1915–1918) // Guerres mondiales et conflits contemporains. Prisonniers de la Grande Guerre: victimes ou instruments au service des États belligérants. 2014. № 254. P. 55–70.

DOI: 10.31857/S0130386424010182

© 2024 г. Г.Ф. Матвеев, Е.Ю. Матвеева

ПОЛЬСКИЕ ДИПЛОМАТЫ О ПОЛОЖЕНИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В СССР

Рец. на книгу: BOLSZEWICY W WALCE Z RELIGIĄ. KOŚCIÓŁ RZYMSKOKATOLICKI W ZWIĄZKU SOWIECKIM W POLSKICH DOKUMENTACH DYPLMATYCZNYCH 1922–1938 / Redakcja naukowa R. Dzwonkowski, A. Szabaciuk. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2021. 334 s.

Матвеев Геннадий Филиппович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славян Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).
E-mail: gfmateevev@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2320-3068

Матвеева Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).
E-mail: len.mat2009@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6716-3697

G.F. Matveev, E.Yu. Matveeva

POLISH DIPLOMATS ON THE SITUATION OF THE CATHOLIC CHURCH IN THE USSR

Rec. ad op.: BOLSZEWICY W WALCE Z RELIGIĄ. KOŚCIÓŁ RZYMSKOKATOLICKI W ZWIĄZKU SOWIECKIM W POLSKICH DOKUMENTACH DYPLMATYCZNYCH 1922–1938 / Redakcja naukowa R. Dzwonkowski, A. Szabaciuk. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2021. 334 s.

Gennadij Matveev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
E-mail: gfmateevev@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2320-3068

Elena Matveeva, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: len.mat2009@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6716-3697

В 2021 г. в Варшаве был издан сборник польских дипломатических документов, касающихся взаимоотношений Советского государства и католической церкви в СССР в период между двумя мировыми войнами. Научная редакция сборника осуществлена сотрудниками Люблинского католического университета им. Иоанна Павла II профессором Р. Дзвонковским, членом конгрегации паллотиннов, членом Польской академии наук и Польской академии знаний, специалистом по истории католической церкви в СССР, а также доцентом А. Шабациуком, занимающимся проблемами постсоветского пространства. Составители сборника, если это не те же научные редакторы, не указаны.

Всего в сборник включено 106 документов: 104 – из фондов Архива Польского института и музея генерала В. Сикорского в Лондоне, Архива

Гнездинской архидиоцезии, варшавского Архива новых актов, 1 – из Президентского архива РФ (предоставлен анонимным бывшим сотрудником администрации Б.Н. Ельцина), 1 – из хранящейся в отделе рукописей библиотеки Люблинского католического университета коллекции католического священника Б. Уссаса, служившего в Советской России в начале 1920-х годов.

Большинство документов сборника расположены в хронологическом порядке, но в тех случаях, когда несколько созданных в разное время документов относятся к одному сюжету, их, нарушив временную последовательность, разместили рядом. Количество опубликованных документов по годам разнится: за 1922 г. – 30; 1923 г. – 24; 1924 г. – 2; 1925 г. – 24; 1926 г. – 24; 1927 г. – 4; 1929 г. – 4; 1930 г. – 18; 1932 г. – 2; 1933 г. – 34; 1934 г. – 1; 1937 г. – 2; 1936 г. – 1;

1938 г. — II. По словам научных редакторов, сборник не вместил всех имеющихся в их распоряжении документов по проблеме, в связи с чем они намерены издать еще один том.

Сборник подготовлен с соблюдением правил публикации польских дипломатических документов: каждый снабжен порядковым номером, издательским заголовком, отражающим основное содержание, датой создания, а также архивным адресом. Сохранены особенности стиля и орфографии, характерные для польского языка времени создания документа, ошибки и неточности отмечены как в тексте, так и в подробных примечаниях в конце сборника. Издание сопровождается указателем сокращений, списком архивных и опубликованных источников и литературы предмета на польском, русском и других языках, фотографиями некоторых священников и дипломатов.

Сборник открывают два предисловия. Первое, небольшое по объему — вступительное слово примаса Польши, Гнезнинского митрополита архиепископа В. Поляка. В нем рассказано о внимании, которое примас Польши в 1926–1948 гг. кардинал А. Хлонд уделял судьбе католической церкви и ее служителей в СССР, а также дана высокая оценка публикации, которая будет «служить не только углублению исторических знаний, но и показу тех ценностей, благодаря которым католическая церковь, ликвидированная в этом государстве [СССР] в институциональной форме, сохранилась в нем как духовная реальность» (с. 14).

Второе предисловие, названное введением, подписано научными редакторами, причем как на обложке и титуле, так и в данном случае фамилия Дзвонковского не взята в рамку, хотя книга вышла уже после его кончины. Введение состоит из трех частей. Первая часть начинается с краткого очерка неблагоприятного, но не безнадежного положения диоцезов католической церкви, оказавшихся после разделов Речи Посполитой непосредственно в составе империи Романовых. Этот очерк мало информативен и дан во введении, видимо, с единственной целью: выпуклее показать катастрофическую ситуацию этой конфессии после Октября 1917 г. О масштабах проблемы говорят фактические данные: после подписания Рижского мира 1921 г. в СССР оставалось 1,6 млн католиков (в их числе по разным данным от 600 до 950 тыс. были поляками, т.е. около половины всех католиков). Католики были организованы в пять диоцезов, два апостольских викариата, ординариат Армянской католической церкви и экзархат католиков восточного обряда, к их услугам было 620 храмов, около 600 часовен и ораториев, порядка 400 священников, принадлежавших к десяти национальностям (больше всего было поляков).

Признавая очевидный факт, что католики по численности были в СССР четвертой конфессией, существенно уступавшей другим традиционным вероисповеданиям, научные редакторы делают не-

ожиданный вывод: «католическая церковь... была, однако, для советских властей серьезной политической и общественной проблемой, несравнимо более важной, чем церкви других конфессий» (с. 19). В подтверждение этого положения они приводят цитату из предисловия достаточно известного в 1920-е годы партийного публициста М. Павловича (Вельман (Волонтер) Михаил Лазаревич) к книге А. Метелева «Ватикан» (Л., 1926): «Среди всех церквей: православной, протестантской, еврейской, мусульманской и других, особым могуществом отличается католическая церковь» (с. 19). Причем приводят эту цитату на языке оригинала, хотя во всех других случаях русские цитаты даны в переводе. Вне всякого сомнения, за этим кроется намерение убедить читателей, прежде всего польских, в том, что католическая церковь преследовалась в СССР жестче других вероисповеданий. С этой же целью они объясняют причины такого отношения: принадлежность к всемирному католическому сообществу, международный авторитет папы и Ватикана, поддерживающего дипломатические отношения с правительствами западных государств, а самое главное, что «руководящий центр католической церкви, осуждающий коммунистические религиозные преследования, находился вне границ этого государства и вне всякого контроля. Поэтому оно считалось советскими властями самым грозным противником и главным препятствием в их стремлении к введению коммунистического устройства» (с. 17). На самом же деле Павлович говорил о вселенской церкви как таковой, а не о католической церкви в СССР, крайне ограниченной в возможностях общения с Ватиканом даже после международного признания советского правительства государствами с преобладанием населения, исповедующего латинский католицизм. Хотя хорошо известно, что в СССР одинаково жестко преследовались все конфессии, трактовавшиеся властями как организационные структуры, пропагандирующие альтернативную марксизму идеологию, а самыми опасными противниками и препятствиями в деле строительства социализма для советского правительства были православие и ислам¹ просто в силу численности исповедующих эти вероучения людей (в 1926 г. только восточнославянское население насчитывало 113 725 023 человека, среди 9 437 502 «остальных» (народы Поволжья, Сибири, Дальнего Востока) также было немало православных, не менее 15 млн человек исповедовали ислам)².

Хотя первый документ сборника датируется 17 апреля 1922 г., научные редакторы достаточно

¹ Показательно в этом отношении заявление члена коллегии Наркоминдела РСФСР Я. Ганецкого польским дипломатам в 1922 г.: «Положение католического костела будет лучше, чем православной церкви в Польше... Прежде всего мы боремся с церковью и с ней у нас трудности» (док. 2).

² URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_СССР (дата обращения: 02.09.2023).

подробно осветили взаимоотношения государства и католической церкви с момента введения в жизнь декрета Совнарком РСФСР от 23 января 1918 г. об отделении церкви от государства. С этой целью они использовали включенный в сборник меморандум МИД Польши от июня 1923 г. о преследовании Римско-католической церкви в СССР и московском процессе архиепископа Я.Ф. Цепляка (J. Świerka), апостольского администратора Могилевского архидиоцеза и Минского диоцеза, фактического руководителя католической церкви в Советском Союзе.

Включение в введение сюжета о начальном этапе противостояния Советского государства и католической церкви понадобилось авторам для объяснения причин, почему открытое в 1921 г. в Москве польское посольство лишь фиксировало факты гонения на католическую церковь, но предпочитало не ставить этот вопрос перед НКВД СССР самостоятельно, без участия дипломатов других католических стран (док. 87), или же рекомендовало, чтобы протесты исходили от прихожан или клира, и только в случае их игнорирования властями могло бы последовать вмешательство посольства. Исходя из публикуемых документов, они называют несколько причин. Во-первых, потому что католическая церковь имеет вселенский, а не национальный характер, в связи с чем всеми вопросами ее деятельности в СССР должен был заниматься Ватикан, а не Варшава, хотя существенная часть католиков в Советском Союзе была поляками (док. 21). Во-вторых, в ст. VII Рижского мирного договора 1921 г. было записано, что православная церковь в Польше и католическая церковь в советских республиках «имеют право, в пределах внутреннего законодательства, самостоятельно устраивать свою внутреннюю церковную жизнь»³, т.е. они должны были действовать в полном соответствии с внутренним законодательством стран проживания (док. 1, 3). Поэтому попытки втянуть советскую сторону в диалог о притеснении польского клира и прихожан не давали результата. Более того, как следует из документов, польский клир, по крайней мере в 1922 г., считал, что Рижский договор дал ему право руководствоваться в своей религиозной практике не советским, а польским внутренним законодательством (док. 1, 7), и это конечно же приводило к конфликту с советскими органами власти. В-третьих, польские дипломаты в СССР констатировали, что Ватикан в ослаблении православной церкви в СССР увидел для себя шанс поглощения православной церкви католической, поэтому старался поддерживать хорошие отношения с советским правительством и отказывался от решительных протестов в связи с преследованием католической церкви (док. 13, 39 и др.).

³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III. Апрель 1920 г. — март 1921 г. М., 1965. С. 527.

Во введении достаточно подробно освещены такие вопросы, как арендные платежи церковных общин за пользование национализированными церковными зданиями, сопротивление клира и мирян решению властей об изъятии церковных ценностей в связи с голодом 1921—1923 гг. (авторы почему-то датируют его только 1923 г. и географически ограничивают лишь южными районами СССР, хотя, как известно, особо катастрофическим положение было в Поволжье), а также формальная ликвидация католических приходов и их замена инициативными группами прихожан, так называемыми «двадцатками».

Наивысшим проявлением борьбы Советского государства с католической церковью авторы предисловия совершенно обоснованно называют судебные процессы против духовенства, самым громким и показательным из которых был суд 21—23 марта 1923 г. над 14 священниками (док. 39, 40, 43, 44, 45) во главе с архиепископом Я.Ф. Цепляком, завершившийся суровыми приговорами вплоть до смертной казни одного из осужденных. Наиболее болезненным последствием этих процессов они называют уничтожение в СССР католической иерархии, явно исполняющей свои функции. Правда, из документов сборника следует, что Ватикан с таким положением не смирился и периодически проводил тайные процедуры рукоположения в епископы.

Совершенно естественно, учитывая преобладание поляков среди католиков в СССР, что репрессированных священников-поляков в абсолютных цифрах было больше, чем католических священников иных национальностей. Но это не значит, что католические священники, окормлявшие паству иных национальностей, например немцев Поволжья, Украины, меньше преследовались властями. Преследования в Советском Союзе в межвоенный период церковей и религиозных организаций, в том числе католических, имели системный, а не выборочный характер. Поэтому именно как предвзятость нельзя объяснить утверждение авторов введения, что «репрессии в отношении католической церкви и несоблюдение властями гарантий Рижского трактата советская пропаганда обосновывала антисоветской деятельностью его духовенства польской национальности», которое они подкрепляют ссылкой на статью в киевской польскоязычной газете «Серп» от 28 февраля 1928 г. Совершенно естественно, что газета для поляков писала о ксендзах-поляках. Более весомой представляется ссылка на работу французского автора 1930 г., который, в свою очередь, ссылался на не названный московскую газету: «Каждый ксендз — антиреволюционер, каждое религиозное действие — антисоветское, каждый идущий в костел виновен в оскорблении революции и ее принципов» (цитата корявая из-за тройного перевода: с русского на французский, потом на польский и снова на русский). Газета писала о католических священниках как таковых, но не о поляках, т.е. и в этом случае напрашивается вывод,

что авторы введения стремятся убедить читателей, что именно поляки-католики подвергались в СССР наибольшим репрессиям. Но эта точка зрения не подтверждается публикуемыми документами. Так, 11 февраля 1930 г. политический советник польского посольства в Москве А. Понинский доносил в Варшаву: «Мнение некоторых католических сфер, якобы репрессии против католицизма в СССР были вызваны исключительно польско-католической частью духовенства или же какой-то особой связью священников поляков с Польской республикой, не только ошибочно, но и отвечает намерениям Советов, которые хотели бы свести широкую проблему будущего католицизма в России к скромным рамкам польско-советского спора, как бы то ни было имеющего в международных отношениях второстепенный характер» (док. 70).

Во второй части введения перечисляются польские дипломаты, авторы наиболее глубоких аналитических документов о положении католической церкви в СССР (Р. Кноль, С. Патек и А. Понинский), показывается деятельность МИД Польши и польского епископата по ознакомлению западных правительств и Ватикана с имеющимися у них сведениями о судьбе католической церкви и католиков в СССР. Этот раздел написан достаточно корректно, если не считать грубейшей ошибки, допущенной авторами введения. В числе перечисляемых ими польских министров иностранных дел неожиданно оказался Владислав Сквишинский, который никогда этот пост не занимал. Министром иностранных дел был его брат, Александр Сквишинский. О том, что это не случайная описка, свидетельствуют приводимые даты жизни В. Сквишинского — 1873—1938 гг., в то время как в действительности он умер годом раньше, а А. Сквишинский — еще раньше, в 1931 г. Есть и другие досадные оплошности. Например, применительно к началу 1920-х годов Петроград многократно называется Петербургом. Интересно, как бы реагировали польские читатели, если бы Катовице и после 1956 г. российские авторы про-

должали называть Сталиногрудом? Очень странно, что этих ошибок не заметили и рецензенты, один из которых, В. Матерский, занимается историей польско-советских отношений уже более полувека. Немало в сборнике и опечаток, что свидетельствует о недостаточно тщательной редакторской работе.

Последняя, третья часть введения имеет сугубо археографический характер, о ее содержании мы уже писали в начале рецензии.

Особо следует сказать о примечаниях в количестве 1147 ссылок. Они сделаны на хорошем профессиональном уровне, приводимые в них сведения биографического, географического, событийного и прочего характера хорошо выверены и могут быть полезными российским исследователям.

Подробная характеристика включенных в сборник документов представляется нам излишней, тем более что документы далеко не равноценны по значимости. Наибольший интерес представляют аналитические справки, подготовленные польскими дипломатами (док. 3, 11, 13, 16, 26, 29, 30, 34, 35, 39, 41, 43, 57, 59, 60, 70, 76, 87, 90, 102). Они не только характеризуют положение католической церкви в СССР, но и обогащают источниковую базу исследований о положении других церквей (док. 76, 86) и религиозных организаций в Советском Союзе в период острейших на них гонений. Поэтому эти свидетельства могут быть интересны и полезны не только российским, но и украинским и белорусским исследователям. Кстати, с текстом сборника при большом желании можно познакомиться в сети Интернет.

Библиография

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III. Апрель 1920 г. — март 1921 г. М., 1965.

References

Dokumenty i materialy po istorii sovetско-pol'skikh otnoshenij. T. III. April' 1920 g. — mart 1921 g. [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Vol. III. April 1920 — March 1921]. Moskva, 1965. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S0130386424010193

© 2024 г. М.А. Фельдман

УНИКАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ СССР В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Рец. на книгу: R.W. Davies. **INDUSTRIALIZATION OF SOVIET RUSSIA. Vol. 6. YEARS OF PROGRESS: SOVIET ECONOMY, 1934–1936.** Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 496 s.

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Author ID: 36349821300; Researcher ID: AAE-3287-2020

M.A. Feldman

UNIQUE STUDY OF THE USSR ECONOMY IN THE YEARS THE SECOND FIVE-YEAR PLAN

Rec. ad op.: R.W. Davies. **INDUSTRIALIZATION OF SOVIET RUSSIA. Vol. 6. YEARS OF PROGRESS: SOVIET ECONOMY, 1934–1936.** Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 496 s.

Mikhail Feldman, Ural Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Author ID: 36349821300; Researcher ID: AAE-3287-2020

Британский исследователь Р. Дэвис изучал пути экономического развития СССР в годы первых пятилеток. Этой проблеме были посвящены семь томов цикла «Индустриализация в Советской России». По оценке германского историка Ш. Мерля, Р. Дэвис, «без сомнения, лучший знаток советской экономической истории, которой он занимается почти полвека, а его труды отличает тщательный и добросовестный анализ источников»¹. Среди многих научных открытий, британский историк отметил факт рождения и длительного существования двух параллельных миров советской экономической жизни: легальной и нелегальной.

Сердцевиной цикла стал четвертый том «Кризис и прогресс в советской экономике, 1931–1933 гг.»², чьи материалы использовались рядом отечественных специалистов по экономической истории³.

Шестой том «Годы прогресса: советская экономика в 1934–1936»⁴, спустя девять лет после издания, остается непревзойденным исследованием экономики СССР в годы второй пятилетки. Остается только сожалеть, что этот труд, впрочем, как и все тома цикла, не переведен на русский язык. Как следствие – это нередкий случай – книга, вышедшая в 2014 г., крайне редко используется российскими историками. Монография представляет особую ценность, поскольку исследования по экономической истории времен второй пятилетки носят фрагментарный характер.

В предисловии Р. Дэвис выразил благодарность российскому ученому О.В. Хлевнюку, «который предоставил материалы и анализ по ГУЛАГу и связанным с ним вопросам», а также австралийскому советологу С. Уиткрофту, «который выполнял ту же роль в отношении сельского хозяйства; и им обоим за предоставление информации и комментариев по многим аспектам советского развития» (с. XVI).

¹ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 307.

² Davies R.W. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996.

³ Рецензию на книгу см.: Фельдман М.А. Симпатия к России как способ опередить время // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 19–27. DOI: 10.31857/S013038640014265-9

⁴ Davies R.W. Industrialization of Soviet Russia. Vol. 6. Years of Progress: Soviet Economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014.

В данном случае – это еще и указание на длительный и плодотворный характер научного сотрудничества британского историка и российских ученых.

Характеризуя важный этап советской истории – 1934–1936 гг. – Дэвис называет его временем «относительной умеренности»: «политический режим был сравнительно мягким, оставляющим место для экспериментов в экономике» (с. XV). Однако историк отмечает признаки назревания «большого террора». Вектор развития событий в монографии Дэвиса указывает на сближение позиций руководства Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП) и представителей директорского корпуса, при этом констатирует резкий поворот во внутренней политике: усиление репрессий (процесс по делу Каменева – Зиновьева). Драматическое столкновение двух противоречивых тенденций в исследовании Дэвиса не случайно: автор прослеживает развитие рациональной и волюнтаристской тенденций на протяжении всего изучаемого периода.

Осмыслив итоги первой пятилетки, отмечает автор, советское руководство осознало невыполнимость высоких плановых показателей 1930–1931 гг. По решению Пленума ЦК ВКП(б), январь 1933 г., рост промышленного производства в 1933–1937 гг. планировался на уровне 13–14% (для сравнения: 21–22% в первой пятилетке). Инвестиции в промышленность в 1933–1937 гг. не должны были превышать 97 млрд руб., а не 135 млрд, запрошенных наркоматами (с. 2, 12). Такое решение пленум принял на основании нескольких вариантов второго пятилетнего плана, разработанных Госпланом в 1933 г.; эти варианты анализировались на заседаниях Политбюро ЦК (с. 3).

Ситуация осложнялась целым рядом факторов. Вопреки заявлениям о победах социалистической индустриализации, в СССР функционировала, по обоснованному определению автора, «не полностью индустриализованная экономика». Даже накануне Второй мировой войны советская экономика в значительной степени зависела от импорта цветных металлов и сложных станков (с. XIV)⁵. Незавершенность индустриальной модернизации промышленности и сельского хозяйства порождала массу проблем. Необходимость одновременного перевооружения Красной армии, широкого круга отраслей народного хозяйства и вывода из состояния нищеты значительной части населения требовали согласованных действий политической и хозяйственной элит. Прежде всего нужно было выработать оптимальные, научно обоснованные пропорции финансового, технического и кадрового развития экономики. При этом попытки отдельных наркоматов зафиксировать объем капиталь-

ных вложений на более высоком уровне, чем это было предусмотрено вариантами второго пятилетнего плана, грозили разбалансированием финансовой системы страны. На протяжении почти всего 1933 г. Политбюро и Госплан действовали единым фронтом, не допуская превышения лимитов капиталовложений (с. 2–3, 14).

20 декабря 1933 г. состоялось обсуждение в Политбюро докладов В.М. Молотова и В.В. Куйбышева предстоящему съезду, в ходе которого, как подчеркивает Дэвис, по инициативе И.В. Сталина, был рассмотрен вариант второго пятилетнего плана со значительно увеличенными индикаторами роста. Он включал ежегодный рост промышленного производства более чем на 18% по сравнению с предыдущим годом, а объем капитальных вложений в 1933–1937 гг. в 133 млрд руб. Это решение, пишет Дэвис, «очевидно, было принято высшими политическими руководителями без консультаций с ключевыми ведомствами Госплана» (с. 3–4).

В феврале 1934 г. еще более амбициозный вариант плана, был представлен XVII съезду ВКП(б), предполагавший увеличение промышленного производства на 19% в год и вложение инвестиций – 133,4 млрд руб. (с. 4–5).

В монографии нет объяснений, почему уже принятое в январе 1933 г. решение затем кардинально пересматривалось дважды: в декабре 1933 г. и в феврале 1934 г. Однако автор, указав на особенности принятия высшим советским руководством решений в январе 1933 г. – феврале 1934 г., – зачистую спонтанных, хаотичных, противоположных – отметил нарастание градуса споров о темпах роста экономики. Из чего можно сделать вывод: глубина экономического кризиса в советской экономике в начале 1930-х годов не пошатнула лидерство Сталина в руководстве партии, но сделала возможным обсуждение вариантов экономического развития в Политбюро ЦК ВКП(б).

Дискуссия продолжилась и на самом съезде. Так, 4 февраля 1934 г. нарком тяжелой промышленности СССР Г.К. Орджоникидзе, выступив против предложений ряда делегатов увеличить плановые показатели, настоятельно призвал ориентироваться на реальные возможности. Британский историк отмечает, что «архивы не раскрывают, как было принято окончательное решение». Но предварительная стенограмма XVII съезда показывает, что решение было согласовано в последний момент, что свидетельствует об остроте дискуссии: «Поскольку в начале февраля в кабинете Сталина не было ни заседаний Политбюро, ни иных заседаний, вполне вероятно, что окончательное решение было принято неофициально между завершением выступления Куйбышева вечером 3 февраля и окончанием заседания» (с. 12).

Итогом «неофициального обсуждения» стало создание по предложению И.В. Сталина комиссии в составе Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышева, К.Е. Ворошилова, ряда руководителей ведомств «и

⁵ Например, потребности в сложных станках для промышленности СССР в годы второй пятилетки удовлетворялись отечественными производителями на 55%. См.: Касьяненко В.И. Завоевание экономической независимости СССР. (1917–1940). М., 1972. С. 196.

других 60 представителей корпораций, пересмотревших и сокративших все индикаторы промышленного роста второй пятилетки» (с. 13). Выскажу мнение, что необычно многочисленный состав комиссии указывает на серьезные противоречия в позициях политической и хозяйственной элит; на затруднительность для Сталина «продать» свое мнение непосредственно на съезде.

В окончательной редакции документов XVII съезда промышленное производство в годы второй пятилетки должно было расти ежегодно не на 19%, а на 16,5%, но по настоятельной просьбе промышленных наркоматов без сокращения объемов инвестиций (с. 13–14). Казалось, компромиссный вариант между предложением Госплана (13–14%) и сталинской директивой (19%) был найден и утвержден съездом.

Но чем можно объяснить решение Политбюро и Совнаркома спустя всего месяц, 8 марта 1934 г., об увеличении инвестиционного плана на апрель–июнь 1934 г., которое 25 марта 1934 г. они же, по выражению Дэвиса, «резко» отменили (с. 47)? Официальная версия, изложенная в монографии, – «совершенно неудовлетворительная подготовка строительных организаций» (с. 46) – может быть верна лишь отчасти: руководство никогда не останавливало, что «многие капитальные проекты не имели технических планов и смет и были недостаточно обеспечены строительными материалами» (с. 45).

Тем не менее не до конца выясненным представляется значимый вопрос: что же заставило членов Политбюро неоднократно в период января 1933 – марта 1934 г. менять свои решения? Ведомственные интересы? Осознание возможности повторения коллапса в экономике 1930–1931 г.? Но за 13 месяцев высшее руководство СССР пять раз (!) меняло принятые решения о темпах промышленного роста.

Ответ, на мой взгляд, скрывается за фразой Дэвиса, что «советскому правительству, скорее всего, придется проводить план “войны” параллельно с планом “мира”» (с. 13). Решающим обстоятельством следует признать сложность определения размеров расходов на содержание армии и флота и на оборонную промышленность. Постоянные требования Наркомата обороны (НКО) увеличить финансирование производства отдельных видов вооружений, как отмечает Дэвис, встречали сопротивление Наркомата финансов, но Сталин постоянно шел на уступки военным (с. 48).

Так, представленная НКО в начале 1933 г. заявка на 1934–1938 гг. носила, по определению российского историка О.Н. Кена, «чисто фантазмагорический характер»: предполагалось в 1938 г. иметь в строю 85 тыс. танков, 74 тыс. самолетов, 86 тыс. орудий. Численность армии должна была достигнуть в 1938 г. 4,7 млн человек. Расчеты НКО строились, исходя из доктрины, что СССР — это окруженная врагами крепость, а война с коалицией зарубежных государств

неизбежна⁶. Между тем непосредственная угроза агрессии в этот период исходила только от Польши, а советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимной помощи 1935 г. предполагали в перспективе создание системы коллективной безопасности в Европе. Необоснованность заявки НКО подтверждает и та легкость, с которой в декабре 1933 г. предложения по мобилизационному развертыванию были сокращены в пять–восемь раз (с. 260–261).

Еще одной причиной постоянного изменения плановых показателей второй пятилетки Дэвис вызывает давление (и победу в конечном счете) промышленных комиссариатов, которым были спущены пониженные производственные показатели без сокращения инвестиций (с. 14). Однако и в этом случае возможности плановой экономики оказывались ограниченными: во-первых, многие капитальные проекты не имели технических планов и смет и были недостаточно обеспечены строительными материалами (с. 46). Нехватку квалифицированных технических кадров и отставание промышленности стройматериалов невозможно было преодолеть в короткий срок. Во-вторых, нерентабельность работы многих предприятий промышленности и транспорта приводила к постоянному срыву финансовых планов: только в первом квартале 1934 г. бюджет недополучил доходов в 1,5 млрд руб. (с. 14).

Анализ событий 1933–1934 гг. позволяет автору говорить, что генеральная линия партии на самом деле представляла собой сложное сочетание различных векторов, нередко противоположного направления, внутри социалистического строительства: курс «мини-реформ», направленный на применение экономических законов, включая использование качественных показателей и некоторое улучшение уровня жизни населения; на количественные показатели и доминирование административных методов; на милитаризацию экономики и нарастание идеологизации всех форм жизни общества. Корректировка же генеральной линии происходила в результате взаимного учета интересов и позиций различных государственных инстанций: хозяйственных наркоматов, Госплана, правительства.

Выступая в роли арбитра, Сталин исходил из собственных представлений о сочетании внешнеполитических и внутренних задач. Несовпадение указанных векторов порождало частые перемены в позиции высшего руководства СССР, вызванные различием интересов советских лидеров и стоявших за ними ведомственных группировок. Столкновение курсов угрожало абсолютной власти Сталина и в условиях тоталитарного государства могло завершиться массовыми репрессиями. Совокупность противоположных векторов умеренного курса формировала поле такого столкновения. Тем не менее, подчеркивает Дэвис,

⁶ Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х — середина 1930-х годов). СПб., 2002. С. 239–240.

даже непоследовательные «мини-реформы» и сдерживание леворадикальных экспериментов позволили промышленности успешно развиваться высокими темпами в 1934 г. (с. 45–46, 48, 59, 73).

Отмечая оптимистические настроения, царящие в Госплане, автор обращает внимание на их недостаточную обоснованность (с. 45). Не следует забывать, что высокие темпы роста во многом объяснялись ходом пусковых работ на замороженных в 1930–1931 гг. индустриальных объектах. Но нарастающие финансовые трудности дестабилизировали экономику советской страны (с. 58). Тем удивительнее был царящий весной и летом 1935 г. у Сталина и советского руководства необоснованный «энтузиазм по поводу прогресса экономики, который граничил с эйфорией» (с. 156).

Правительство СССР искало универсальный инструмент регулирования народного хозяйства, например расширение масштабов коммерческой торговли. Однако «наличие товаров в коммерческой продаже с самого начала существования системы создавало соблазны и возможности для торговых организаций, предприятий и отдельных должностных лиц: переводить товары из закрытой сети (по карточкам), где цены были низкими, в коммерческую, продавая их по более высоким ценам». Значительное расширение коммерческой торговли в 1934 г. (до 6 млрд руб.) привело к расцвету спекулятивной торговли, принося только частичный успех и новые проблемы (с. 61). На это руководство страны закрывало глаза: доходы от коммерческой торговли должны были составить 20% общесоюзного бюджета (с. 58).

Более классово выдержанным регулятором для советских лидеров представлялась эмиссия денег, к которой неоднократно обращались в годы первых пятилеток (с. 62–63). Однако представители Наркомата финансов много раз предупреждали об опасности такого финансового допинга (с. 313–316). Тем не менее практика ежеквартальной эмиссии валюты стала постоянной. Например, при принятом советским руководством решении не проводить эмиссию валюты в 1935 г. чистая эмиссия валюты в течение 1935 г. составила 1496 млн руб. (с. 276). Таким образом, заключает Дэвис, успешное в целом экономическое развитие во многом достигалось благодаря постоянному финансовому допингу.

Показательно, что в инвестиционный план 1936 г. были внесены дополнительные изменения, главным образом связанные с оборонной тематикой. В результате уже к концу мая 1936 г. инвестиции в экономику превысили плановые на 46%. Опубликованный вариант подготовленного Госпланом плана 1936 г. стал, по оценке Дэвиса, примером инвестиционной экспансии, навязанной Госплану сверху (с. 276).

Традиционное для первой половины 1930-х годов обращение Сталина и его окружения к коллективному разуму управленцев – конференции руководителей и инженерно-технических работников тяжелой промышленности – в сентябре 1934 г. показало достаточно негативную картину состояния

промышленности⁷.

Автор отметил еще одну особенность этой конференции: директоры промышленных предприятий упрекали представителей профсоюзов в том, что «они требовали больше денег на жилье и другие аспекты социального обеспечения вместо того, чтобы работать над улучшением использования имеющихся ресурсов» (с. 71). Многие западные исследователи не без злорадства указали бы на эту парадоксальную черту реальной жизни в «рабочем» государстве. Но злорадство чуждо работам Дэвиса.

Принципиально новым моментом советской экономической жизни стало заявление Орджоникидзе о возможности отказаться от приоритета количественных показателей, пусть даже на ограниченный период – четвертый квартал 1934 г. (с. 69). Диалог и обмен мнениями работников НКТП и хозяйственников привел, указывает Дэвис, к неожиданному для тоталитарного государства результату: впервые с 1931 г. были опубликованы целевые показатели лимитов народно-хозяйственного плана, принятые за пять месяцев до начала года, как постановление Совнаркома. Это было сделано раньше, чем в случае с предыдущими годовыми планами, к тому же цели народно-хозяйственного плана 1935 г. были изложены весьма подробно (с. 74).

Оценка Дэвиса – «эта небольшая революция в процедурах планирования», призванная «дать возможность правительственным ведомствам, республикам, регионам и предприятиям подготовить свои собственные годовые планы и подать свои заявки на материалы и оборудование до начала нового года» (с. 112), – становится понятной, если учесть, что в 1930-е годы проект плана на следующий год обсуждался в Госплане и между ключевыми комиссариатами в закрытом режиме. «Небольшая революция в процедурах планирования» стала возможна в результате осмысления экономического курса 1933–1934 гг. работниками НКТП – штаба советской индустриализации, Госплана, научных коллективов, делегатов конференции в сентябре 1934 г.

Однако предварительная публикация плановых индикаторов фактически стала вызовом существующей системе, поскольку секретность распределения капиталовложений прочно вошла в практику управления в СССР как составная часть общей закрытости данных о подлинной финансовой политике Советского государства. Например, в 1933 г. объявленные расходы на оборону в 1450 млн руб. составили только 34% от реальных (4178 млн руб.), в 1934 г. – 1655 млн руб., или 33% от реальных (5000 млн руб.)⁸. Открытое обсуждение планирования распределения финансов прямо угрожало всемогуществу верхов в рамках командно-ад-

⁷ Фельдман М.А. К вопросу о степени влияния хозяйственной элиты на экономический курс Советского государства в годы второй пятилетки // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29. № 3. С. 85–91.

⁸ Кен О.Н. Указ. соч. С. 271.

министративной системы.

Раскрывать практику принятия ключевых решений Сталин и его окружение не собирались. В конце 1934 г. без обсуждения и вопреки мнению отраслевых управленцев было принято решение о резком сокращении инвестиций в легкую промышленность с 2600 до 1600 млн руб. (с. 120), при том что второй пятилетний план предполагал значительное расширение производства как в легкой, так и в пищевой промышленности. Социальная политика вновь оказывалась делом второстепенного характера. Несбалансированность развития отраслей экономики грозила острым дефицитом товаров и продуктов.

Руководство СССР понимало рискованность такого движения экономики. Уже весной 1935 г. для советских лидеров было очевидно, замечает историк, что «амбициозные многочисленные политические цели пятилетнего плана будет очень трудно достичь» (с. 160). Выход из сложившейся ситуации был найден в увеличении норм выработки на каждого работника. Стремление к увеличению производства в значительной степени зависело от производительности труда каждого работника, которая, как планировалось, должна была обеспечить более 40% прироста промышленного производства как во втором пятилетнем плане в целом, так и в плане 1935 г. 10 марта 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР издали постановление, пересматривающее нормы выработки в 1935 г. Постановление увязывало пересмотр норм с эффективным использованием нового капитального оборудования. Уже 13 марта 1935 г. об этом же был опубликован приказ НКТП. Существующие прежде технически обоснованные нормы были признаны устаревшими и не отвечающими возможностям современных предприятий. По всей стране наркоматы и ведомства начали кампанию за обязательное и повсеместное увеличение норм выработки (с. 163).

Объективность процесса совершенствования системы организации труда не вызывала у Дэвиса сомнения. Но историка интересовала его обоснованность: адекватность материального вознаграждения за усиление интенсивности труда; степень механизации основных производственных процессов. Для исследователя очевидны искусственный характер организации «сверху» рекордных достижений А. Стаханова; ограниченность примеров щедрого вознаграждения за трудовые рекорды; подлинная ценность тотальной пропаганды подвигов стахановцев через всю информационную сеть в СССР (с. 166).

Выводы Р. Дэвиса и О.В. Хлевнюка, сделанные еще в 1994 г., что первые и достаточно противоречивые успехи в реализации индустриального проекта в 1933–1934 гг. убедили Сталина в возможности нового увеличения темпов роста и повышения плановых показателей, очередного поворота

генеральной линии⁹, получили новое развитие в монографии. Сталин рассматривал стахановское движение с чисто утилитарных позиций: как возможность без существенных капиталовложений резко повысить производительность труда рабочих, главным образом за счет интенсификации их труда. Он считал, что освоение новых технологий само по себе может творить чудеса в области производительности труда.

В условиях ограниченности фондов заработной платы, достойная оплата труда предназначалась только для узкого круга рабочих, предварительно отобранных партийными комитетами (с. 166). Это означало, что для большинства промышленных рабочих новые нормы выработки могли принести только символическое увеличение оплаты труда.

Первая Всесоюзная конференция стахановцев, состоявшаяся 14–17 ноября 1935 г., продемонстрировала, как замечает не без иронии Дэвис, не только «пыл публичности», на ней присутствовали все члены Политбюро и 3 тыс. руководителей экономики и рядовых стахановцев, но и возврат советских лидеров к «сверхамбициозным экономическим ожиданиям начала 1930-х годов». Призывы членов Политбюро к выполнению второй пятилетки в четыре года не имели под собой никакого обоснования (с. 168). Фраза Дэвиса, что стахановское движение должно было укрепить единство советского общества (с. 167), отвечала, скорее, декларируемой пропагандистской задаче, чем реальным тенденциям социально-экономической жизни.

Высказывание Молотова на конференции, поддержанное Сталиным, – «каждый рабочий может стать стахановцем» (с. 168) – не оставляло сомнений, что стахановские рекордные нормы должны стать обязательными. Если для руководства НКТП стахановское движение начиналось с модернизации рабочих мест для всех рабочих, то для Сталина – с «освобождения части квалифицированных рабочих от второстепенной подготовительной работы»¹⁰.

Руководство НКТП видело в стахановском движении начало поэтапной подготовки и переподготовки квалифицированных и высококвалифицированных рабочих индустриальной эпохи. А руководство страны считало, что стахановское движение было уже итоговым результатом предшествующего «роста культурно-технического уровня рабочих», а вся масса промышленных рабочих была готова работать на уровне стахановских рекордов.

В монографии нет слов о «великом переломе», но приведенная сталинская оценка стахановского движения как «фундаментально глубоко революционного» (с. 167) подводит к этому. Историк лишь

⁹ Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108.

¹⁰ Резолюция Декабрьского (1935 г.) пленума ЦК ВКП(б) // Правда. 26.XII.1935.

упоминает о «сильной официальной поддержке сверху» стахановского движения и оставляет без комментариев далекое от реальности утверждение Сталина: «стахановское движение “началось само собой, снизу” и “распространилось по всему Советскому Союзу не постепенно, а с небывалой скоростью, подобно урагану”» (с. 167).

Сдержанно, без обобщения Дэвис указывает на примеры недовольства рабочих произвольным повышением норм выработки; на случаи осуждения техническими специалистами рекордов, ограничившись констатацией: степень сопротивления еще предстоит установить (с. 169).

17 ноября 1935 г. Сталин в речи на конференции стахановцев, хотя и не упомянул конкретно о саботаже, но призвал «обуздать упрямых консерваторов среди руководящего инженерно-технического персонала», сначала терпеливо убеждая их, а затем, «если убеждение не сработает, придется принять более решительные меры» (с. 169). Призыв вождя был услышан. 26 ноября 1935 г. прокурор СССР А.Я. Вышинский заявил, что на железной дороге было совершено нападение на стахановца и предприняты попытки организовать «вредительство», чтобы дискредитировать движение. Он предложил рассмотреть дело в открытом судебном заседании, а двух основных обвиняемых приговорить к смертной казни через расстрел. 29 ноября вопрос был рассмотрен Политбюро: Сталин «гуманно» лично заменил предложение о смертной казни на 10 лет тюремного заключения (с. 170). Сигнал партийным комитетам был дан.

Стахановское движение стало главным пунктом повестки дня Пленума ЦК ВКП(б) 21–25 декабря 1935 г. Дэвис фокусирует внимание на двух основных докладах, определяющих работу пленуму и получивших широкую огласку.

А.А. Андреев, секретарь ЦК и член Политбюро, выступил с программной речью, основанной на материалах НКВД о сопротивлении «консервативных и контрреволюционных элементов» стахановскому движению. Отмечалось, что к декабрю 1935 г. уже были обнаружены или сфабрикованы сотни случаев саботажа, а также террора против стахановцев.

Г.К. Орджоникидзе критиковал консерватизм многих и очень многих инженеров и техников, но при этом не ссылаясь на саботаж хозяйственников. По его мнению, пересмотр норм должен быть связан с технической модернизацией рабочих мест и учетом мнения самих рабочих (с. 171). Тем не менее, подводя итоги пленума, Сталин заявил об увеличении норм выработки для всех рабочих по стахановским меркам, как уже о решенном деле (с. 182).

Дэвис обращает внимание на то, что на конференции НКТП, состоявшейся 26 декабря 1935 г., на следующий день после пленума, вообще не упоминалось о саботаже (с. 172). Как видно, автор четко обозначил два подхода к системе организации труда, две тенденции во внутренней политике Советского государства.

По мнению автора, пониманию сущности стахановского движения мешала шумная пропагандистская кампания, восхвалявшая первые успехи, которые должны были обеспечить быстрый рост производства в ряде ключевых отраслей промышленности (с. 178). Высокие доходы небольшой группы известных стахановцев выдавались за рост благополучия всех участников движения. Но это было далеко не так, даже при том, что многим рабочим платили по прогрессивной сдельной ставке (с. 180). В монографии отмечен принципиальный момент социально-экономической истории последних месяцев 1935 г.: как только стахановское движение увеличило разрыв между заработной платой и производительностью труда, предприятиям в обязательном порядке было предписано ориентироваться на новые увеличенные нормы выработки (с. 181, 184).

Последствия не заставили себя ждать: уже в первом квартале 1936 г. резко возросло число несчастных случаев на производстве и масштабы выпуска бракованной продукции (с. 298). Кризисные явления более всего поразили угольную промышленность, где соблюдение основ техники безопасности являлось первоочередным. Производство угля сократилось с 359 тыс. т в день в декабре 1935 г. до 320 тыс. т в июне 1936 г. И хотя производство угля выросло во второй половине 1936 г., но даже в декабре 1936 г. оно было на 5 тыс. т в день меньше, чем в декабре 1935 г. (с. 321, 324).

Последний раздел монографии «Успешный исход 1936 г.» (с. 321–359) насыщен бравурной статистикой отраслевых наркоматов о высоких темпах роста в «стахановский» 1936 г. Но два замечания автора – о высоком уровне бракованной продукции и рисках учета выпуска продукции в денежном эквиваленте – предостерегают читателей от восторженных оценок.

Сдержанный тон монографии сменяется категоричностью вывода по разделу «Стахановский год»: «Утопические надежды Сталина, Молотова и Орджоникидзе на то, что производство удвоится в течение пары лет (!), были опровергнуты опытом еще до того, как чистки разрушили индустриальную экономику» (с. 298).

Подлинным заключением исследования стал анализ событий на Совете при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР в Москве 25–29 июня 1936 г., собравшего хозяйственную элиту советской промышленности (с. 305–310). Современные исследователи отмечают, что в течение 1936 г. Орджоникидзе не покидало ощущение приближения трагедии¹¹. Проведение совета могло стать последним сражением за рациональный курс социалистической индустриализации. Участники совета привели конкретные факты, убеждающие, что условия труда для специалистов в «стахановские месяцы» стали трудно выносимыми. Обращалось внимание,

¹¹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30–е гг. М., 1996. С. 176–178.

что инженерно-технических работников не обучают методике передовых форм организации труда, нацеленной не на отдельные рекорды, а на «стахановскую работу целых участков, смен и всей шахты». «В погоне за стахановскими рекордами были грубо нарушены правила ухода за мартеновскими печами, что привело к целому ряду безобразных аварий», а «стахановские дни» скорее сродни «штурмовщине».

Выступая на совете, Орджоникидзе назвал обвинения в саботировании стахановского движения инженерно-техническим персоналом чепухой. «Какие там саботажники! Не саботажники, а хорошие люди – наши сыновья, наши братья, наши товарищи, которые целиком и полностью за советскую власть». Как видно, вечером 29 июня 1936 г. осуждение гонений на специалистов получило полную поддержку представителей советской хозяйственной элиты. Нарком на примере цветной металлургии высмеял утверждения отдельных директоров о близости производительности труда советских и американских рабочих. На одном и том же оборудовании, по их словам, американский рабочий выпускал продукции в разы больше, чем наш. Аналогичное положение было и на предприятиях в других отраслях советской промышленности.

За пределами монографии остались два важных сюжета. Во-первых, участники совета пришли к осознанию верхушечного характера стахановского движения; к пониманию обязательного технического образования для промышленных рабочих; к осуждению необоснованных обвинений специалистов в саботаже стахановского движения¹². Во-вторых, участники мероприятия договорились, что недопустим выпуск качественной продукции и возможно сокращение объемов производства ради выхода на установленные стандарты качества¹³.

Главный посыл совета озвучил Орджоникидзе, поддержав предложения о недопустимости выпуска некачественной продукции: предприятие должно считаться не выполнившим государственный заказ при выполнении плана по количественным показателям, но срыве плана по ассортименту продукции и не достижении положенных стандартов. «Надо планировать выполнение программы не по валовой продукции, а по товарной – сколько готовой продукции мы выпустили для нашего населения, для нашего народного хозяйства»¹⁴. Подобный тезис будет содержать экономическая реформа 1965 г. На сколько лет раньше была бы реализована «косыгинская» реформа, если бы предложение Орджоникидзе было поддержано в июне 1936 г.

В дни работы совета его участники раскрыли те черты стахановского движения, которые продолжа-

ли худшие традиции «штурмовщины» начала 1930-х годов. Спускаемые сверху оценки стахановского движения как «высшей формы социалистического соревнования» не выдерживали критики отраслевых управленцев. Совет стал и апогеем развития рациональной тенденции в советской экономике, и моментом столкновения с волюнтаристской тенденцией в управлении.

Аресты участников совета в первые месяцы 1937 г. открыли новую страницу советской истории – массового террора 1937–1938 гг. В этой связи логична и обоснована позиция автора, выделившего события 1937 г. в особый раздел отдельной монографии¹⁵.

Книга Дэвиса подчеркивает, что различные подходы к пониманию целей и сущности стахановского движения, к методам его развития были только верхушкой айсберга – частным проявлением длительного расхождения двух тенденций экономической политики в СССР первой половины 1930-х годов: курса «мини-реформ» и ставки на принудительные методы воздействия.

Совет при наркоме тяжелой промышленности СССР отчетливо показал прозрение той группы управленцев, которую смело можно отнести к творцам советской индустриализации. Поиск, труд строителей советской индустрии не пропали бесследно с трагическим концом жизни большинства из них в 1937 г. Заводы и фабрики, заложенные в годы первой пятилетки, были достроены, производственные мощности освоены. Проблема качества выпускаемой продукции оставалась острой, но ее решение было под силу директорскому корпусу, прошедшему «сито» первых пятилеток. Если фундаментальность и системность многолетних архивных изысканий Дэвиса являются образцом для исследователей советской экономики, то симпатия и уважение к СССР, пронизывающие книгу британского историка, вселяют надежду на улучшение российско-британских отношений в будущем.

Библиография

Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 303–349.

Касьяненко В.И. Завоевание экономической независимости СССР. (1917–1940). М., 1972.

Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х годов). СПб., 2002.

Фельдман М.А. Симпатия к России как способ опередить время // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 19–27. DOI: 10.31857/S013038640014265-9

Фельдман М.А. К вопросу о степени влияния хозяй-

¹² Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. 25–29 июня 1936 г. М., 1936. С. 39, 71, 82, 94, 347–348.

¹³ Там же. С. 118, 140–142, 177–178, 187, 307–308, 320.

¹⁴ Там же. С. 410.

¹⁵ Davies R., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S.G. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. New York; Basingstoke, 2018. P. 1–156.

ственной элиты на экономический курс Советского государства в годы второй пятилетки // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29. № 3. С. 85–91.

Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М., 1996.

Davies R.W. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996.

Davies R.W. Industrialization of Soviet Russia, Vol. 6. Years of Progress: Soviet Economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014.

Davies R., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S.G. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. New York; Basingstoke, 2018.

References

Davis R., Khlevnyuk O.V. Vtoraya pyatiletka: mekhanizm smeny ekonomicheskogo kursa [The second five-year plan: the mechanism of changing the economic course] // Otechestvenny istoriya [Domestic History]. 1994. № 3. S. 92–108. (In Russ.)

Feldman M.A. K voprosu o stepeni vliyaniya hozyajstvennoj elity na ekonomicheskij kurs Sovetskogo gosudarstva v gody Vtoroj pyatiletki [On the question of the degree of influence of the economic elite on the economic course of the Soviet state during the Second Five-year plan] // Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. 2022. Vol. 29. № 3. S. 85–91. (In Russ.)

Feldman M.A. Simpatiya k Rossii kak sposob operedit' vremya [Sympathy for Russia as a Way to Get Ahead of Time] // Novaya i Novejshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 2. S. 19–27. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013038640014265-9

Kasyanenko V.I. Zavoeevanie ekonomicheskoy nezavisimosti SSSR [The conquest of the economic independence of the USSR]. (1917–1940). Moskva, 1972. (In Russ.)

Ken O.N. Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konec 1920-h – sredina 1930-h godov) [Mobilization planning and political decisions (late 1920s – mid 1930s)]. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Politburo. Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 30-e gg. [Politburo. Mechanisms of political power in the 30s]. Moskva, 1996. (In Russ.)

Merle Sh. Sovetskaya ekonomika: sovremennye ocenki [The Soviet economy: modern assessments] // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik [Economic history. Annual]. 2016–2017. Moskva, 2017. S. 303–349. (In Russ.)

Davies R.W. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996.

Davies R.W. Industrialization of Soviet Russia. Vol. 6. Years of Progress: Soviet Economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014.

Davies R., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S.G. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. New York; Basingstoke, 2018.

DOI: 10.31857/S0130386424010204

© 2024 г. М.В. Кузьмина

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: ДИАЛОГ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Маргарита Владимировна Кузьмина — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: kuzmmargarita@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4946-985X

M. V. Kuzmina

INTERNATIONAL CONFERENCE “RUSSIA BETWEEN WEST AND EAST: DIALOGUE AND CONFRONTATION OF THE CIVILIZATIONS”

Margarita Kuzmina, Institute of the World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: kuzmmargarita@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4946-985X

5–6 октября 2023 г. в Институте всеобщей истории (ИВИ) РАН прошла очередная ежегодная конференция «Россия между Западом и Востоком: диалог и противостояние цивилизаций», организованная Центром истории межкультурных коммуникаций отдела историко-теоретических проблем ИВИ РАН. Конференция привлекла многих специалистов из разных регионов России, преподавателей и аспирантов. Такой интерес был продиктован в том числе и широтой тематики, которая не ограничивалась традиционными для этой конференции проблемами взаимоотношений Запада и России, России и Востока в исторической ретроспективе. Актуальность тематики подтверждается происходящими в современном мире процессами, свидетельствующими о наличии противостояния между цивилизациями, наметившегося в ходе исторического развития. Однако взаимоотношения между цивилизациями и странами подразумевают также попытки если не преодолеть, то хотя бы сгладить конфликты, чреватые катаклизмами, через диалог, именно поэтому проблематика конференции приобретает насущное звучание.

В ходе пленарного заседания были обозначены основные направления и акценты тематики конференции. С докладами выступили известные специалисты: доктора исторических наук А.Ю. Плотников (Московский государственный лингвистический университет), Т.Л. Лабутина, Е.Ю. Сергеев (оба — ИВИ РАН), А.Б. Соколов (Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского), кандидаты исторических наук Н.С. Иванов (ИВИ РАН), В.О. Терентьев (Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова), д.полит.н. С.С. Жильцов (Дипломатическая академия МИД РФ).

Конференция проходила в шести секциях, хронологически охватывающих период от Средних веков и до XXI в.

На заседании секции «Диалог и противостояние культур в Средние века и в раннее Новое время» рассматривались сложные проблемы внутрицивилизационного развития стран. В частности, можно выделить интересные доклады д.и.н. Л.Н. Черновой (Саратовский национальный исследовательский госуниверситет им. Н.Г. Чернышевского, СНИГУ) о модели поведения в условиях конфликтов английских горожан в XIV–XV вв., включающей особые отношения королевской власти и горожан; к.и.н. М.В. Кузьминой (ИВИ РАН), рассмотревшей, как во французских и русских пословицах XV–XVII вв., являющихся отражением национальных менталитетов, запечатлелись те или иные конфликты. Д.и.н. С.Е. Киясов (СНИГУ) — известный специалист по истории масонства — в докладе об английских масонских ложах в Европе и России в XVIII в. не обошел вопрос о современном масонстве, оказывающем так или иначе влияние на современную историю не только западного мира. Доклады кандидатов исторических наук П.Ю. Князева (МГУ) «Славная революция 1688–1689 гг. глазами отечественных историков первой половины — середины XX в.» и К.Н. Станкова (Институт российской истории (ИРИ) РАН) «“Заговор Юлленорга”: лейб-медик Роберт Эрскин и русская дипломатия в 1716–1717 гг.» были посвящены, соответственно, вопросам отражения в работах русских историков темы английской революции XVII в. и привлечение к решению внешнеполитических вопросов

при Петре I английского подданного – личного врача царя – в качестве связующего дипломатического звена между Россией и Англией.

На секции «СССР/Россия и страны Азии, Латинской Америки и Африки в XIX–XXI вв.: диалог и/или противостояние?» рассматривались проблемы взаимодействия стран Европы, России со странами Востока, что всегда имело свою специфику, обусловленную цивилизационным своеобразием региона. В докладах докторов исторических наук Т.Н. Геллы (Орловский госуниверситет им. И.С. Тургенева), О.А. Чернова (Самарский государственный социально-педагогический университет, СГСПУ); кандидатов исторических наук А.Б. Арбекова (Тульский государственный музей оружия), О.В. Яблонской (Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, НГУ), А.Б. Ларина (ИВИ РАН) рассматривались вопросы отношений России со странами Востока в XX–XXI вв. Д.и.н. С.В. Артамошин (Брянский госуниверситет) рассказал об истоках классической геостратегии и геополитики Запада относительно остального мира в начале XX в. Важную для современности тему поднял К.А. Фурсов (МГУ) – «Исламизм как русофобское оружие Запада: оценка эффективности». Секция завершилась докладом к.и.н. А.В. Шандры (независимый исследователь, Арзамас) «Россия и Запад на сирийском рубеже: промежуточные итоги», вызвавшим неподдельный интерес, учитывая сегодняшние реалии.

Политические, культурные, в частности литературные, связи Запада и России рассматривались на самой большой секции «Россия, Запад и Восток в восприятии друг друга в исторической ретроспективе», объединившей многих исследователей в разных подсекциях. К.филол.н. В.В. Истратий (Институт лингвистических исследований РАН) рассказала о переводах в России XVIII в. многочисленных сочинений Востока по теории государства и права. В выступлениях д.и.н. М.А. Филимоновой (Курский госуниверситет), кандидатов исторических наук В.С. Ерёмкина, Л.А. Ивкиной (оба – ИВИ РАН), М.А. Ковалёва (Гуманитарный институт Владимирского госуниверситета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых) рассматривались проблемы формирования образа России в XIX в. в Германии, Англии, США, анализировалось восприятие западных стран русскими путешественниками. К.и.н. О.В. Заиченко (ИВИ РАН) в докладе «Ф.И. Тютчев и его “Проект” по созданию позитивного образа России и Германии в начале 40-х годов XIX в.» сообщила о предпринятых Ф.И. Тютчевым усилиях при государственной поддержке, дабы сформировать взаимное позитивное восприятие России и Германии.

В секции «Международные отношения и дипломатия России, стран Запада и Востока в Новое время» была представлена проблематика международных отношений в широких хронологических рамках от конца XVII до середины XX в. в докладах: докторов исторических наук Л.И. Ивониной

(Смоленский госуниверситет, СМГУ) «Франция и российские интересы в Речи Посполитой в конце XVII – первой трети XVIII в.»; В.П. Казакова (ИВИ РАН) «Русско-аргентинские отношения в контексте англо-русских и англо-аргентинских отношений. 80–90-е годы XIX в.»; И.Ю. Смирновой (ИРИ РАН) «Британский Фонд помощи русскому духовенству и Русская Палестина в период Британского мандата»; кандидатов исторических наук А.А. Кутузовой (Сыктывкарский госуниверситет им. Питирима Сорокина, СГУ) «Русско-французские дипломатические отношения времен Великой французской революции конца XVIII в.: столкновение двух “миров”»; Л.Р. Сабитовой (СНИГУ) «От мира – к союзу, от союза – к войне: Россия и Османская империя в 1791–1806 гг.»; А.А. Митрофанова (ИВИ РАН) «“Сардинский вопрос” и Россия в 1800–1801 гг. Наполеон и российская дипломатия эпохи Павла I». Выступления, посвященные проблематике российско-французских и российско-османских отношений конца XVII – начала XIX в., вызвали большой интерес и активную дискуссию. Доклады Л.Р. Сабитовой, она представила новые данные по развитию русско-османских отношений между двумя войнами (1787–1791 и 1806–1812), и В.П. Казакова, посвященный обзор развития русско-аргентинских отношений в конце XIX в. в контексте британских интересов в Латинской Америке и противостояния России и Великобритании в регионе, вызвали всеобщий интерес. Заключал хронологический период развития международных отношений в ракурсе российской внешней политики доклад И.Ю. Смирновой, в нем рассматривался вопрос взаимодействия британских церковных и общественных организаций с русскими монастырями в Палестине в период Британского мандата в 30–40-е годы XX в.

Секция «Россия, Запад и Восток в восприятии друг друга (вторая половина XIX–XXI в.)» открылась докладом д.и.н. Т.В. Алентьевой (КГУ) «Продажа Аляски глазами американских карикатуристов». В США наиболее распространенным мифом является так называемая «глупость Сьюарда», согласно которой американцам не надо было покупать громадную ледяную пустыню, населенную белыми медведями и моржами. Выступление к.и.н. М.М. Сиротинской (ИВИ РАН) было построено на материалах американской прессы самого широкого диапазона, включая местные издания отдельных штатов, что позволило показать, каким образом американские журналисты преподносили публике Европу и Россию. К.и.н. Е.О. Науменкова (Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского) показала на многочисленных примерах, насколько негативным было восприятие британской прессой русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Также на материалах британской прессы было основано выступление к.и.н. О.И. Галкиной (Государственный социально-гуманитарный университет, ГСГУ), посвященное нелицеприятной критике российской

бюрократии, поэтому не случайно доклад имел подзаголовок «Враги закона и порядка». К.и.н. С.А. Зотов (Армавирский филиал НГУ) остановился на анализе публицистики Дж.Ст. Милля и Т. Карлейля, отметив, что они были довольно благожелательны к России и русским. Доклад С.П. Мальчиковой (СмГУ) «Взаимовосприятие Запада и Японии в XIX в.» был интересен самой темой, не так часто освещаемой на конференциях.

В рамках секции «Международные отношения и дипломатия России, стран Запада и Востока в новейшее время» состоялось обстоятельное обсуждение вопросов политических взаимоотношений России с Великобританией и США в первой половине XX в., также как и выстраивания отношений Советской России со странами Востока и Запада в контексте деятельности Коминтерна в 1920-е годы, Антиимпериалистической лиги, роли Конгресса народов Востока в Баку в 1920 г., прозвучавшие в докладах кандидатов исторических наук А.Ю. Прокопова (ИВИ РАН), К.А. Беспаловой (Уральский федеральный университет, УрФУ), Ю.В. Савосинной (Рязанский госуниверситет им. С.А. Есенина, РГУ), О.В. Захаровой (Владимирский юридический институт ФСИН РФ). Одно из центральных мест в дискуссии заняло рассмотрение вопроса места и роли западных военных технологий в деятельности советских научно-исследовательских институтов в 1940-е годы, представленного в докладе д.и.н. А.В. Захарченко (Финансовый университет при Правительстве РФ). Кроме того, участники секции не обошли вниманием политику «мягкой силы», применяемую Россией и Великобританией в Новейшее время в рамках докладов кандидатов исторических наук Т.С. Смоленцевой (УрФУ) «“Русский дом”: деятельность советского общества АРКОС в Великобритании в 1920-е годы» и Р.Р. Валеевой-Хакимовой (Казанский федеральный университет, КФУ) «Опыт Великобритании в области сохранения культурного и научного наследия: уроки для России». Оживленную дискуссию вызвал вопрос источниковой базы, надежности и достоверности отдельных источников в изучении вопроса деятельности Коминтерна на европейском направлении.

В секции «Противостояния и конфликты Запада и России в XIX–XXI вв.» обсуждались проблемы зарождения, содержания и последствий военных и военно-политических конфликтов между Западом и Россией в эпоху Нового и Новейшего времени. Особое внимание было уделено анализу влияния этих конфликтов на медийную и ментальную историю государств-соперников.

Д.и.н. А.А. Орлов (Московский педагогический госуниверситет) в докладе «Военнопленные в Англии эпохи наполеоновских войн. Русские солдаты и моряки в британском плену в 1808–1812 гг.» на основе тщательного анализа архивных материалов показал условия и сроки содержания российских военнопленных в британском плену накануне

Отечественной войны 1812 г. Авторы доклада «Завершение борьбы великих держав за Орегон в 40-х годах XIX в.» д.и.н. А.Ю. Петров и к.и.н. Л.М. Троицкая (оба – ИВИ РАН) подчеркнули значимость анализируемого процесса в завершении становления государственности США. К.и.н. М.В. Жолудов (РГУ) в выступлении «Англо-российское противостояние в Восточном вопросе в первой половине XIX в.» отметил геополитический характер противоречий между Россией и Великобританией, что в конечном счете привело к развязыванию Крымской войны (1853–1856). Малоизученная историографическая проблема была поднята к.и.н. А.А. Богдашкиным (Военно-воздушная академия им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина) в докладе «Экспансионистские устремления германского крупного бизнеса конца XIX – первой половины XX в. в Российскую империю и СССР в оценках американской историографии». Автор подчеркнул неоднозначный характер освещения американскими историками данной темы.

В докладе к.и.н. А.М. Бирюкова (ГСГУ) «К вопросу о причинах участия в войне против СССР стран – сателлитов Третьего рейха» были рассмотрены основания вступления в войну с Советским Союзом государств – союзников Германии, был подчеркнут их конъюнктурно экспансионистский характер. В выступлении «Деятельность ФБР в отношении русской, немецкой и японской диаспор в период Второй мировой войны» к.и.н. Я.А. Левин (Самарский государственный технический университет), проанализировав обширный пласт архивных документов американской разведывательной организации, показал активность и многоплановость работы ФБР по надзору за этническими диаспорами на территории США в годы войны. Тема разведки была продолжена в докладе к.и.н. Д.И. Портнягина (Санкт-Петербургский госуниверситет, СПбГУ) «Объединенный разведывательный комитет Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о вероятности новой мировой войны (вторая половина 1940-х – 1950-е годы)». Автор особо подчеркнул, что британское разведывательное сообщество сразу после окончания Второй мировой проектировало возможность начала Третьей мировой войны. К.и.н. И.Ю. Хрулёва (МГУ) в сообщении «Ленд-лиз: конфликт исторической памяти» остановилась на неизвестных страницах политики ленд-лиза в годы Второй мировой войны. В выступлении она использовала документы из семейных архивов и методы устной истории. Тема значения «малых войн» в противостоянии великих держав в межвоенный период была освещена в докладе д.и.н. С.Г. Малкина (СГСПУ) «“Гиганты и пигмеи”: малые войны в военной мысли Великобритании, СССР и США в эпоху Интербеллума». Автор показал различия в подходах к этой проблеме военных специалистов Советского Союза и западных стран. Анализ взглядов высших кругов Великобритании

по поводу решения основных мировых проблем был дан в докладе к.филос.н. Е.В. Ананьевой (Институт Европы РАН) «Мировоззрение британского истеблишмента». Автор делает вывод о некомпетентности и ангажированности представителей современного британского истеблишмента. С вышеупомянутой темой перекликалось выступление к.полит.н. К.А. Годованюк (Институт Европы РАН) «Россия в современной внешнеполитической стратегии Британии», подчеркнувшей прогрессирующее нарастание кризисных явлений в современных российско-британских отношениях, расхождение позиций двух стран по многим проблемам мировой политики. В заключение работы секции был отмечен большой интерес научной общественности к проблемам истории российской внешней политики, включая ее современный этап.

В работе подсекции (XX–XXI вв.) секции «Россия, Запад и Восток в восприятии друг друга в исторической ретроспективе» было заслушано десять докладов. Кроме того, были заслушаны четыре доклада участников других секций (А.Ю. Плотникова, д.и.н. А.О. Наумова, к.и.н. Н.И. Осипова, М.Е. Яковлева). Программа выступлений строилась по хронологическому принципу (от начала XX в. до современности). Материал докладов был посвящен актуальной тематике и отличался страноведческим разнообразием. Около трети их затрагивали проблемы, связанные с восприятием российского государства, его внешней и внутренней политики, оценок повседневного поведения и образа жизни населения известными политическими деятелями западноевропейских стран. В частности, к.и.н. А.А. Некрасов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова) в докладе «Россия и русские в восприятии английского писателя и путешественника Стивена Грэма» проанализировал представления писателя, сложившиеся у него в результате путешествий по России; к.и.н. Е.А. Суслопарова (МГУ) в выступлении «Британский лейборист Хью Далтон о визите в Советскую Россию в 1932 г.» повествовала о результатах этого визита. К.и.н. Е.В. Романова (МГУ) подробно остановилась на анализе взглядов сотрудников британского министерства иностранных дел на российско-британские отношения накануне Первой мировой войны в докладе «Проблема отношений с Россией в восприятии сотрудников британского министерства иностранных дел накануне Первой мировой войны». Подробно проанализировал освещение российских событий 1917–1920 гг.

на страницах католической газеты La Croix д.и.н. Д.В. Шмелев (КФУ). Доклады к.и.н. В.С. Русановой (СГУ) и д.и.н. Л.В. Байбаковой (МГУ) были посвящены актуальной проблематике, охватывающей круг вопросов, связанных с адаптацией российских эмигрантов после событий Октябрьской революции в России в западноевропейских странах и США. Геополитическим проблемам во внешней политике российского государства были посвящены выступления докторов исторических наук Е.П. Бариновой (Самарский филиал Московского городского педагогического университета), Ю.Г. Акимова (СПбГУ); Н.И. Осипова (независимый исследователь, Самара). К.и.н. Е.А. Осипов (ИВИ РАН) проанализировал изменения в образе России и российской истории на страницах французских учебников. Оживленную полемику вызвал доклад к.и.н. Е.Ю. Поляковой (ИВИ РАН), показавшей изменения в российско-ирландских отношениях, ставшие реакцией на российско-украинский конфликт. А.Ю. Плотников в выступлении отмечал необходимость развития российских цивилизационных идеологов. Он подчеркнул актуальность этой проблемы в условиях глобализации и кризиса мультикультурализма в современном мире. Сходные идеи высказал А.О. Наумов (МГУ), который предложил слушателям обсудить проект Большой Евразии как пример диалога цивилизаций. Он подробно остановился на роли тандема Россия – Китай, руководство которых уже официально высказалось в поддержку концепции Большого Евразийского партнерства. В заключительном докладе М.Е. Яковлева (ИВИ РАН) был сделан акцент на необходимости дальнейшего изучения международных отношений и внешнеполитических отношений с использованием современных научных методов.

Обращает на себя внимание актуальность и многоплановость тем исследований (политическая, парламентская и партийная история, история внешней политики, идей, повседневности). Все доклады вызвали живой интерес аудитории.

Конференции цикла «Россия между Западом и Востоком: диалог и противостояние цивилизаций» показывают, что тема взаимоотношений между Западом и Востоком и Россией как занимающей особое место в этом диалоге благодаря своему геополитическому положению сегодня востребована и актуальна.

Памяти Элен Каррер д'Анкосс
In Memory of H  l  ne Carr  re d'Encausse

5 августа 2023 г. в возрасте 94 лет ушла из жизни Элен Каррер д'Анкосс (урожденная Зурабишвили; родилась 6 июля 1929 г.) – французский историк, политолог, специалист по истории России, постоянный секретарь Французской академии с 2000 г., иностранный член Российской академии наук по отделению историко-филологических наук (секция «История», с 2003 г.), обладательница Большой золотой медали им. М.В. Ломоносова РАН (2009), член международного консультационного совета Института всеобщей истории РАН и редакционного совета журнала «Новая и новейшая история».

Э. Каррер д'Анкосс родилась в Париже в семье эмигрантов, отца-грузина и матери немецко-русского происхождения, и получила французское гражданство в 1950 г., живя в космополитичной, многоязычной среде. Она окончила Институт политических исследований в 1952 г. и получила докторскую степень в 1976 г. в Университете Париж I Пантеон-Сорбонна. Семейная история повлияла на сферу ее научных интересов: большинство ее работ было посвящено России и Советскому Союзу. Предпринятое в докторской диссертации Э. Каррер д'Анкосс исследование положения мусульман Российской империи накануне революции 1917 г. и в первые годы советской власти было продолжено в получившей значительный резонанс книге «Расколота империя» (1978), где автор предсказывала распад СССР, основываясь на анализе демографических процессов и роста национальных и религиозных чувств в Средней Азии. В дальнейшем Э. Каррер д'Анкосс обращалась и к истории Российской империи со времен Ивана Грозного (сосредотачиваясь, однако, в большей степени на XVIII и XIX столетиях), и к истории советского времени, и к анализу франко-российских отношений. Ее библиография насчитывает более двух десятков книг, из которых 15 были переведены и опубликованы на русском языке (многие выдержали несколько изданий).

Э. Каррер д'Анкосс внесла значительный и неоспоримый вклад в развитие двусторонних связей между Россией и Францией, который был высоко оценен руководством нашей страны: 14 ноября 1998 г. ей был вручен орден Дружбы, а 13 октября 2009 г. – орден Почета.

Она была большим другом Института всеобщей истории РАН, часто его навещала и участвовала во многих мероприятиях, организованных ИВИ РАН или в сотрудничестве с другими организациями.

Всю свою жизнь Э. Каррер д'Анкосс стремилась укрепить связи между Францией и Россией, которые искренне любила и полагала неотъемлемой частью единого европейского культурно-исторического пространства. Обаяние ее личности, необыкновенная энергия и живой интерес ко всему происходящему останутся в памяти всех тех, кто ее встречал и с ней работал.

DOI:

© 2024 г. Н.С. Иванов

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛАРИНА

Иванов Николай Серафимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: nik3334@yandex.ru

Scopus Author ID: 57224398966; ORCID: 0000-0001-5040-540X

N.S. Ivanov

IN MEMORY OF EVGENY ALEXANDROVICH LARIN

Nikolay Ivanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: nik3334@yandex.ru

Scopus Author ID: 57224398966; ORCID: 0000-0001-5040-540X

13 сентября 2023 г. после тяжелой болезни на 87-м году жизни скончался главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующий Центром латиноамериканских исследований ИВИ РАН, профессор, доктор исторических наук Евгений Александрович Ларин.

Он родился 19 сентября 1936 г. в городе Сухиничи Калужской области. Война застала пятилетнего Женю в предместьях Ленинграда, потом была блокада, последний эшелон с детьми, выехавший из осажденного города, эвакуация в Узбекистан.

С 15-ти лет он начал свою трудовую биографию, чтобы помочь семье: ученик слесаря, слесарь, буровой рабочий, коллектор геологоразведочной экспедиции и одновременно ученик вечерней школы рабочей молодежи. Он рассказывал об удивительной встрече с югославским лидером И.Б. Тито в Сухиничах в 1956 г. Его правительственный состав остановился на некоторое время на станции, где Евгений с другими рабочими из геологоразведочной экспедиции ожидал своего поезда. Тито вышел на платформу, поздоровался с людьми (как вспоминал Е.А. Ларин, «на чистейшем русском языке»), принял предложение выпить по рюмке водки и закусил хлебом с салом. После тоста за Советский Союз и великий русский народ, короткой дружеской беседы маршал сказал, что уже бывал на этой станции в 1940-х годах, пожал всем руки и поехал в Москву на встречу с советским руководством.

В 18 лет Евгений был призван в армию. Там он стал радистом первого класса. На нем лежала колоссальная ответственность за получение и передачу «морзянкой» сообщений, идущих от самого маршала К.К. Рокоссовского, командовавшего Закавказским военным округом в 1957 г.

О пребывании К.К. Рокоссовского в Сухиничах в мае 1942 г. Евгению рассказывала его тетя, в доме которой останавливался прославленный генерал, здесь же он встречался с Г.К. Жуковым. Тетя вспоминала, что они долго спорили, как организовать сельское хозяйство в Германии после войны: проводить ли коллективизацию или оставить единоличные хозяйства. Е.А. Ларин впоследствии, комментируя эту историю, говорил: «Какую же надо было иметь уверенность в окончательной победе, чтобы в условиях, когда враг дошел до Волги, оккупировал огромные территории нашей страны, рассуждать ночью в Сухиничах об аграрной реформе в Германии после окончания войны!».

После трех лет службы в армии, заинтересовавшись историей, Евгений Ларин в 1959 г. поступил на исторический факультет Московского государственного университета. Блестящая память помогала ему в учебе, а языки давались легко – выучил испанский, немецкий, латынь. Занимался спортом – футбол (играл за сборную МГУ), шахматы. Писал стихи, любовь к поэзии он сохранил до конца жизни. В 1963 г. он поехал работать переводчиком на Кубу, которая стала его «второй любовью» на всю жизнь (первой, конечно, была семья: супруга Женни, дочери Татьяна и Наташа, внуки Ксения, София и Георгий).

На Кубе была серьезная, напряженная работа с нашими военными, помогавшими кубинцам отстаивать независимость в противостоянии американцам и спонсируемым ими «гусанос» (предателями, окопавшимися в Майями и сколотившими многочисленные банды на Кубе). Не раз Евгений попадал в рискованные и даже критические ситуации. «Несколько раз, – вспоминал он, – нас обстреливали шайки батистовцев; официальная статистика насчитала 79 банд, которые орудовали на Кубе до 1965 г.; их численность составляла 3600 человек, и основная концентрация была в Эскамбрае, в центре Кубы».

Занятия спортом он не оставлял и на Кубе – выступал за местную футбольную команду. Но главной спортивной страстью на всю жизнь стали шахматы. Играя на достаточно высоком уровне, он участвовал во многих турнирах, а пристрастие к блиц-партиям он сохранял всю жизнь. На Кубе его любовь к шахматам оказалась как нельзя к месту. По инициативе страстного поклонника шахмат, великого революционера Эрнесто Че Гевары (с которым Е.А. Ларину посчастливилось сыграть несколько партий) на острове стали регулярно проводиться Мемориалы Капабланки с участием ведущих гроссмейстеров. Евгений Александрович на турнирах часто беседовал с нашими прославленными мастерами М.Х. Талем, В.Л. Корчным, Е.П. Геллером. Помогал Талю в общении с местными жителями и играл с ним в шахматы (тот убирал у себя либо ладью, либо ферзя, чтобы уравнивать шансы). Оказывал содействие в съемках знаменитого фильма «Я – Куба» режиссеру М. Калатозову.

В 1966 г. на Кубе провели шахматную олимпиаду, которая прошла с большим успехом. На нее приехал Роберт Фишер, и, как вспоминал Е.А. Ларин, «это был выдающийся поступок с его стороны, так как остров находился в американской блокаде; при этом он вел себя очень деликатно, был общительным, уважительным по отношению к кубинцам; в нем абсолютно не было никакого антикоммунистического снобизма, который постоянно присутствовал у многих граждан США». Однако на его не очень скромное заявление, что он «на ноль» обыграл бы всю сборную Советского Союза, Фишеру предложили перед матчами с ведущими советскими гроссмейстерами сыграть «разминочный» матч с мастером А. Зайцевым с Дальнего Востока. После того, как американец проиграл несколько партий подряд, он решительно отказался от этой «тренировки».

Пребывание на Кубе запомнилось незабываемыми встречами с Фиделем Кастро, Э. Че Геварой, другими выдающимися деятелями кубинской революции. Свободное от работы время Евгений Александрович проводил в библиотеках, архивах. Кропотливый труд увенчала кандидатская диссертация «Роль Повстанческой армии в Кубинской революции», которую он защитил в 1972 г., опубликовав ее позже как монографию. Впервые в советской историографии Е.А. Ларин ввел в научный оборот огромное количество архивных источников, документов, материалов, показывающих все сложнейшие перипетии борьбы на Кубе во второй половине 1950-х годов, превращение маленького партизанского отряда в мощную Повстанческую армию, одержавшую триумфальную победу в январе 1959 г.

«Весь ход Кубинской революции подтвердил правильность курса на вооруженную борьбу, взятого Ф. Кастро и его сторонниками 26 июля 1953 г.; партизанская война, начатая в Сьерра-Маэстре, привела в движение народные массы, способствовала их мобилизации на борьбу против диктатуры, до предела обострила противоречия военно-политического режима. Ф. Кастро, характеризуя обстоятельства, способствовавшие успешному ходу борьбы, начатой им и его товарищами, писал: “Нам благоприятствовало,

во-первых, то, что враги нас вначале не принимали всерьез; во-вторых, многие люди думали, что мы просто романтики и что мы идем на верную смерть; в-третьих, кое-кто думал, что нами движет тщеславие; в-четвертых, существовало мнение, что наша группа революционных руководителей – проводники консервативных или нерадикальных идей»¹.

В книге прослеживаются все основные политические и военные аспекты борьбы, начиная с Монкады и «Движения 26 июля» до победы революции. Кубинская революция носила глубоко народный характер. Ее основными движущими силами были рабочий класс, крестьянство, средние городские слои, прогрессивная интеллигенция. «Сила Повстанческой армии определялась прежде всего тем, что она представляла собой вооруженный народ».

Кроме партизанской войны, победе революции, пишет Е.А. Ларин, способствовали и другие формы борьбы: забастовки рабочих, народные протесты против репрессий, студенческие манифестации, протестные движения крестьян, которых сгоняли с земли, саботаж на фабриках, заводах и сахарных сентралах, бойкот выборов. Во все время революционной борьбы на повестке дня постоянно был лозунг всеобщей забастовки, что заставляло правительство Ф. Батисты держать войска в боевой готовности. Революционная борьба в городах явилась своеобразным щитом, прикрывшим Сьерра-Маэстру и не позволившим диктатору нанести партизанам сокрушающий удар.

Революция на Кубе развивалась на основе национально-освободительных традиций кубинского народа, большое влияние на нее оказала марксистско-ленинская идеология. «Без блестящей революционной деятельности Хосе Марти, – приводит автор слова Ф. Кастро, – без вдохновляющего примера и бессмертных дел Сеспедеса, Аграмонте, Гомеса, Масео и других легендарных героев прошлых сражений, без величайшего научного учения Маркса и Энгельса, без гениального Ленина и его подвига, не имеющего себе равных за всю историю, не могло быть и 26-го июля».

Интересны выводы Че Гевары о кубинской революции, приведенные в книге. Безусловно, на первое место аргентинец ставил выдающийся талант руководителя, стратега и тактика революционной борьбы Фиделя Кастро. Другой особенностью кубинского революции, по мнению Э. Че Гевары, было то, что «американский империализм был дезориентирован и не мог определить истинные цели Кубинской революции». Говоря об отношении американских правящих кругов к повстанцам, Че Гевара отмечал: «До победы революции нас подозревали, но не боялись».

Фидель, писал Е.А. Ларин, очень часто рисковал своей жизнью. Но был убежден, что никто не посмеет поднять на него руку. Фактически его могли убить уже после неудачного штурма Монкады 26 июля 1953 г. Согласно приказу, при поимке Кастро его следовало расстрелять. Однако наряд во главе с лейтенантом Сарриа, наткнувшийся на беглеца, вместо того, чтобы исполнить приказ, сдал Фиделя гражданским властям и тем самым спас ему жизнь (после победы революции ему присвоили звание капитана и назначили начальником охраны президентского дворца). В ходе партизанских боев в Сьерра-Маэстре в лагерь повстанцев внедрился киллер, выдав себя за крестьянина, желающего присоединиться к «барбудос» («бородачам»). Свою роль он сыграл прекрасно и был принят в партизаны. Когда настала ночь, выяснилось, что новичку не хватило одеяла. Выручил его сам Фидель Кастро. Наемник, лежавший под одним одеялом со своей «мишенью», в любой момент мог убить лидера революции, однако в течение дня он настолько подпал под обаяние его личности, что ничего не предпринял для осуществления замысла. В целом же на лидера кубинской революции было совершено более 600 покушений, и берегла его не столько судьба, сколько могучий ум и интуиция. Благодаря своей гениальной прозорливости, считал Е.А. Ларин, Фидель просчитал все политические ходы революции, вплоть до самых мелочей. В июле 1957 г. он устроил

¹ Ларин Е.А. Повстанческая армия в Кубинской революции. М., 1977. С. 265.

встречу в Сьерра-Маэстре с лидерами «умеренной» оппозиции и предложил на пост президента кандидатуру М. Уррутия, а премьер-министра – Х. Миро Кардону. Эти политики были хорошо известны американцам: первый – известный адвокат, второй – военный атташе в Вашингтоне, назначенный правительством Батисты. Это было глубоко продуманное решение, считал Е.А. Ларин: власти США начали верить, что после революции их интересы на Кубе не пострадают. «ЦРУ и госдеп США клюнули на это, им очень понравился выбор Фиделя; и когда на следующий день после революции, 2 января 1959 г., президент Д. Эйзенхауэр попросил представить ему аналитическую записку ЦРУ о положении на Кубе, там было написано, что новым президентом Кубы будет Уррутия, премьером – Миро Кардона, и эти политики весьма лояльно настроены по отношению к США. Тогда Эйзенхауэр дал команду как можно скорее признать это правительство, пока не опередили русские!». В результате США признали новое кубинское правительство 8 января, а СССР через день, 10-го.

Ясно было, что эти персоны, настроенные контрреволюционно, будут сознательно тормозить ход революционных преобразований. Но в руках Фиделя оставалось руководство Повстанческой армией. В газете *Revolución* каждый день печатались статьи с критикой в адрес властей. В конце концов Миро Кардона написал 16 февраля открытое письмо, в котором сам призывал Фиделя взять в свои руки бразды правления. В тот же день команданте ответил: «Миро, друг. Я согласен. Ты, конечно, много сделал. Благодаря твоему мужеству, находчивости гражданское сопротивление в городах было на высоте, это твоя заслуга. Да и во главе правительства в самое трудное время ты тоже сделал очень много, не дал реставрировать режим. Огромное тебе спасибо». Расстались вроде бы друзьями. А потом стали непримиримыми врагами. Кардона уехал в Майями, и там возглавил контрреволюционную оппозицию, активно участвовал в операции в Заливе Свиней, в других акциях ЦРУ.

После высадки в Заливе Свиней, продолжал Е.А. Ларин, «Бригада 2506», сколоченная из эмигрантов, вся оказалась в плену. Но за 52 млн долл. ее продали обратно американцам. Когда начались переговоры с американцами после бесславной высадки, Фидель сказал: «Зачем они нам нужны? Нам сейчас нужны деньги. Поэтому давайте продадим их за 52 млн. С паршивой овцы хоть шерсти клок». Американцы заплатили, и всю эту бригаду отправили обратно вместе с ее знаменем. В 1962 г. по приглашению Р. Кеннеди их лидеры приехали в Белый дом с этим знаменем. Президент сказал: «Как хорошо, что вы сохранили это знамя. Я думаю, что в самое ближайшее время оно будет развеваться над президентским дворцом в Гаване». На этой встрече присутствовал и Миро Кардона. А Уррутия в июле 1959 г. ушел со своего поста и не стал ввязываться ни в какие комбинации. Поэтому, завершал свой рассказ Е.А. Ларин, «Фидель – это супергений в политике».

Тяжелейшее положение сложилось на Кубе с 1991 г. «Тогда М.С. Горбачев решил покончить и с кубинским социализмом; ни гроша, ни копейки для Кубы; у страны остался только сахар, от которого мы отказались. Сахар у Кубы купила Украина, потом продала его Ирану, и мы этот же сахар покупали у Ирана, но уже за четверную цену! И вот Фидель даже в этих чрезвычайных условиях нашел выход из положения, привлек иностранный капитал; и среди инвесторов даже началась драчка за выход на кубинский рынок – кто кого опередит: Канада, Франция, Испания или Китай». Страна смогла выжить благодаря валютным поступлениям, в том числе от туристического бизнеса (более 1,5 млн туристов в год).

После книги «Повстанческая армия в Кубинской революции» Е.А. Лариным было опубликовано множество книг и статей, глав в коллективных трудах, эссе, посвященных истории Кубы. Эквадора, Доминиканской республики, Перу, английским, французским и голландским колониям Карибского бассейна, истории завоевания Нового Света и религиям доколумбовой Америки. Среди них монографии: «Куба конца XVII – первой трети XIX в.» (докторская диссертация Е.А. Ларина. М., 1989; 2-е изд. М., 2021); *História da América Latina*

(в соавторстве. М., 1990); «История и культура Латинской Америки» (в соавторстве. М., 2005; 2-е изд. М., 2023); «Латиноамериканская цивилизация» (М., 2007); «Политическая история Кубы XX века» (М., 2007); «Плеяда Освободителей Латинской Америки» (М., 2010); «Пираты и мореплаватели» (в соавторстве. М., 2014); «Латиноамериканский авангард» (М., 2015 г.)².

С 1987 г. Е.А. Ларин возглавлял Центр латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН. Он разработал концепцию пятитомного фундаментального исследования «История Латинской Америки»³, стал автором центральных глав и ответственным редактором труда. Поистине уникальным вкладом в историческую науку стал пятый том — «История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI—XIX веков». Е.А. Ларин в этой монографии написал главы и разделы, посвященные Х. Колумбу, испанским, итальянским и индейским хронистам XVI—XVII вв., историографии Мексики, Кубы, Эквадора, германской латиноамериканистике XIX в., деятельности в этой сфере А. Гумбольдта и оценкам Г.В.Ф. Гегеля, жизни и борьбе С. Боливар, формированию представлений о Новом Свете в России в XVI—XIX вв.

Также под его редакцией вышли коллективные труды: «Война за независимость Латинской Америки» (М., 2011), «Политическая история стран Латинской Америки в XIX в.» (М., 2012); «История Боливии с древнейших времен до начала XXI века» (М., 2015); «Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории» (М., 2018). Во всех этих изданиях Е.А. Ларин автор как главных, концептуальных разделов, так и глав по истории Кубы, Эквадора, Доминиканской республики, других стран. Завершила цикл фундаментальных трудов под редакцией Е.А. Ларина коллективная монография «Великобритания и Латинская Америка» (М., 2022), где он выступил автором ряда глав.

Оценив вклад советских и российских историков в анализ данной темы, Е.А. Ларин отметил, что фактически тема экспансии Лондона на Американском континенте менее всего изучена в российской исторической науке и не стала до выхода данного труда предметом специального исследования. Цель проекта заключалась в изучении территориальной, экономической, торговой, политической и дипломатической экспансии Великобритании в Латинской Америке, в анализе характера созданной ею собственной колониальной системы в Западном полушарии, которая способствовала укреплению ее морского могущества и политического влияния в Европе, в возможностях гигантского обогащения после получения Англией по решениям Утрехтского мира 1713 г. права асьенто, открывавшего возможности для монопольной работорговли с испанскими колониями и Бразилией. Своеобразное место в системе невольничества в Новом Свете под английской эгидой занимало «белое рабство». В предисловии Е.А. Ларин отметил, что авторы труда дают широкую картину деятельности «туманного Альбиона» — от имперской идеологии, связанной с Новым Светом, до военных экспедиций и пиратских набегов, интервенций, колониальных захватов в этом регионе, позорных страниц, связанных с работорговлей. В монографии анализируются причины создания «неформальной империи» и ее характерные черты, острое соперничество с США и постепенная утрата доминирующих позиций.

Помимо огромной авторской и редакторской работы, Е.А. Ларин опубликовал многочисленные статьи в Большой Российской энциклопедии и Исторической энциклопедии, был постоянным автором журнала «Новая и новейшая история». Был членом ВАК с 1996 по 2007 г. Вел большую педагогическую работу: с 1981 г. был профессором кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов,

² Ларин Е.А. Культура Латинской Америки. Авангард первой трети XX века. 2-е изд. М., 2023.

³ История Латинской Америки. Т. 1. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века / редколлегия: Н.М. Лавров, Е.А. Ларин и др. М., 1991; Т. 2. 70-е годы XIX века — 1918 год / отв. ред. Е.А. Ларин. М., 1993; Т. 3. 1918—1945 / редколлегия: Н.П. Калмыков, Е.А. Ларин и др. М., 1999; Т. 4. Вторая половина XX века / отв. ред. Е.А. Ларин. М., 2004; Т. 5. История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI—XIX веков / отв. ред. Е.А. Ларин. М., 2010.

профессором Государственного академического университета гуманитарных наук, вырастил целую плеяду учеников, молодых латиноамериканистов. Немаловажно то, что опубликовал две книги собственных стихов!

Евгений Александрович внимательно и чутко относился к коллегам, младшему поколению историков. До последних дней он сохранял энергию и работоспособность, оптимизм и блестящее чувство юмора, заражавшие окружающих. Память о нем навсегда останется в наших сердцах.

Дирекция и сотрудники Института всеобщей истории РАН выразили искренние соболезнования родным и близким Евгения Александровича Ларина.

Библиография

Ларин Е.А. Повстанческая армия в Кубинской революции. М., 1977.

Ларин Е.А. Культура Латинской Америки. Авангард первой трети XX века. 2-е изд. М., 2023.

История Латинской Америки. Т. 1. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века / редколлегия: Н.М. Лавров, Е.А. Ларин и др. М., 1991; Т. 2. 70-е годы XIX века – 1918 год / отв. ред. Е.А. Ларин. М., 1993; Т. 3. 1918–1945 / редколлегия: Н.П. Калмыков, Е.А. Ларин и др. М., 1999; Т. 4. Вторая половина XX века / отв. ред. Е.А. Ларин. М., 2004; Т. 5. История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX веков / отв. ред. Е.А. Ларин. М., 2010.

References

Istoriya Latinskoj Ameriki [The History of Latin America]. Т. 1. Dokolumbova epoha – 70-e gody XIX veka [The Pre–Columbian era – the 70s of the 19th century] / redkollegiya: N.M. Lavrov, E.A. Larin i dr. Moskva, 1991; Т. 2. 70-e gody XIX veka – 1918 god [The 70s of the 19th century – 1918] / отв. ред. Е.А. Ларин. Moskva, 1993; Т. 3. 1918–1945 / redkollegiya: N.P. Kalmykov, E.A. Larin i dr. Moskva, 1999; Т. 4. Vtoraya polovina XX veka [The second half of the 20th century] / отв. ред. Е.А. Ларин. Moskva, 2004; Т. 5. Istoriya Latinskoj Ameriki v mirovoj istoricheskoj i obshchestvennoj mysli XVI–XIX vekov [The History of Latin America in the world historical and social thought of the 16th–19th centuries] / отв. ред. Е.А. Ларин. Moskva, 2010. (In Russ.)

Larin E.A. Kul'tura Latinskoj Ameriki. Avangard pervoj treti XX veka [Culture of Latin America. The avant-garde of the first third of the 20th century]. 2-e izd. Moskva, 2023. (In Russ.)

Larin E.A. Povstancheskaya armiya v Kubinskoj revoljucii [The Rebel army in the Cuban Revolution]. Moskva, 1977. (In Russ.)

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта – 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Д.А. Саноян

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати xx.04.2024 г.
Дата выхода в свет: xx.04.2024 г.
Тираж экз.

70·100¹/₁₆
Зак.

Уч.-изд. л.
Цена свободная

18+

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.